Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации

Алексей БЕЗУГОЛЬНЫЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ 1918—1945

Историко-статистическое исследование

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
Б40

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН *Л.И. Бородкин*

Доктор исторических наук *А.В. Ганин*

Доктор исторических наук, доцент *У.Б. Очиров*

Доктор исторических наук *Ф.Л. Синицын*

В оформлении обложки использована
фотография В. Гальперина, предоставленная
МИА «Россия сегодня»

Безугольный А.Ю.

Б74 Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. — М.: Центрполиграф, 2021. — 511 с.

ISBN 978-5-227-09500-8

В работе доктора исторических наук А.Ю. Безугольного рассмотрен этнонациональный аспект истории Красной армии с момента ее основания в 1918 г. и до окончания Великой Отечественной войны. Основу источниковой базы составили выявленные автором и впервые введенные в научный оборот архивные материалы. Особое внимание уделено учетно-статистическим источникам, позволившим изучить те отрасли строительства отечественных вооруженных сил, в которых этничность личного состава имела важное значение. Среди них проблемы организационной структуры воинских частей, комплектования войск личным составом, подготовки национальных кадров командно-начальствующего состава и другие. Поэтому в книге много цифр, таблиц, диаграмм, которые помогли раскрыть тенденции и закономерности этнонациональных процессов в советском военном строительстве. Представленное исследование — итог многолетней научной работы автора.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-227-09500-8

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ 1918—1945

Историко-статистическое исследование

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация — полиэтничная страна, вооруженные силы которой традиционно комплектуются представителями всех населяющих ее народов. В действующей «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» изложена современная целевая установка органам государственного и военного управления в национальном вопросе. Стратегия требует «учета этнических и религиозных аспектов в работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, органов внутренних дел Российской Федерации, мониторинг состояния межнациональных отношений в воинских коллективах и районах дислокации воинских частей»[1].

Между тем нередко военнообязанные из национальных регионов России (в современных условиях речь идет прежде всего о контингенте из республик Северного Кавказа) нуждаются в определенной социальной, культурной и языковой адаптации к военной службе. Это обстоятельство постоянно ставит перед органами государственного и военного управления массу практических вопросов, которые приходится решать с каждым очередным призывом. Призывать ли на военную службу молодежь из национальных регионов? Если да, то конкретно каких национальностей и в каком количестве? Как организовать прохождение ими военной службы: общим порядком в обычных воинских частях или же особым, в составе национальных формирований? Как обеспечить их органичную интеграцию в воинский коллектив, избежав конфликтов и, напротив, обратив на пользу дела особенности их национального характера?

Опыт строительства вооруженных сил современной России показывает, что устоявшихся взглядов, которые были бы выражены в определенной и последовательной государственной политике при комплек-

---

[1] Пункт 21.1 Стратегии.

товании войск представителями ряда народов России, до сих пор нет. Так, на территории Чеченской Республики последний полноценный призыв граждан в ряды вооруженных сил проводился в 1992 г., после чего он прекратился более чем на двадцать лет. Лишь с 2015 г. чеченцы в незначительном числе вновь призываются на службу в армию и в другие силовые ведомства. В ряде других республик Северного Кавказа военный призыв формально не отменялся, однако путем квотирования призыва руководство российских вооруженных сил существенно сократило приток в войска молодежи коренных национальностей.

Нет сегодня и единого взгляда на необходимость содержания в современных Вооруженных Силах России национальных воинских формирований. В 2000—2010-х гг. в структуре Минобороны РФ и Внутренних войск МВД РФ существовало четыре батальона[2], комплектовавшиеся преимущественно чеченцами. Эта мера облегчила процесс легализации участников незаконных вооруженных формирований, многие из которых перешли на службу законной власти. Чеченский батальон МО РФ «Восток» принял участие в операции ВС РФ на территории Южной Осетии против грузинских войск в 2008 г. Но постепенно все чеченские подразделения были расформированы. По поручению президента РФ в начале 2010-х гг. прорабатывалась возможность создания национального полка или же одного-двух батальонов из представителей народов Дагестана, но она не была реализована[3]. С 2016 г. боевую службу на территории Сирийской Арабской Республики несут подразделения военной полиции Минобороны России, укомплектованные по национальному признаку чеченцами, ингушами, жителями Дагестана. Таким образом, определенный опыт национальных формирований в современной России есть. Но в целом вопросы комплектования войск уроженцами Северного Кавказа и формирования национальных частей решаются ситуативно, под влиянием политических обстоятельств.

Между тем существует богатая, разнообразная, но до сих пор мало изученная историческая практика, связанная с комплектованием отечественных вооруженных сил представителями различных народов. Данная книга посвящена наиболее плодотворному и массовому советскому опыту, хотя в ней затронута и предыстория многих начинаний, позднее реализованных советской властью.

С первых дней опора большевиков на местные этносы, пребывавшие при самодержавии в неравноправном по отношению к великороссам социально-правовом положении, стала одним из главных факторов развития революции и советского строя на окраинах бывшей Российской империи. Ставка на нерусское население имела свою специфику, определявшую и особые сценарии развития здесь Граж-

[2] Батальоны «Восток» и «Запад» 42-й гвардейской мотострелковой дивизии МО РФ и два мотострелковых батальона Внутренних войск МВД РФ: 248-й «Север» и 249-й «Юг».

[3] Черновик (Дагестан). 2012. 30 ноября.

данской войны. Большевикам в целом удалось «оседлать» национальные движения, направить их в нужное для себя русло и воспользоваться плодами их борьбы, в том числе вооруженной поддержкой со стороны местного населения. После окончания Гражданской войны формирование национальных частей в составе Красной армии было объявлено важной политической задачей, поскольку, по мысли советского руководства, оно способствовало скорейшей интеграции жителей национальных окраин в советский социум. В рамках территориально-милиционной системы комплектования в 1920—1930-х гг. национальные формирования достигали 10% численности всей Красной армии. В Великую Отечественную войну призыв местных национальностей в союзных и автономных республиках, а также строительство национальных воинских частей получили мощный импульс в связи с большими потерями личного состава и оккупацией врагом традиционной зоны комплектования Красной армии — значительной территории европейской части СССР.

Данное исследование нацелено на обобщение исторического опыта деятельности органов государственного и военного управления в тех аспектах строительства Вооруженных Сил СССР, в которых этнический фактор имел существенное значение, а именно: порядка и способов комплектования рядов РККА национальными контингентами, подготовки национальных военных кадров, организации прохождения военной службы нерусским контингентом военнослужащих и другие вопросы. Сразу нужно подчеркнуть, что мы не ставили перед собой цели осветить военную историю народов нашей страны, боевой путь национальных воинских формирований, ратные подвиги отдельных представителей нерусских этносов — все это уже многократно описано.

Фокус исследования направлен на другое. В первые десятилетия существования советской власти, определившие хронологические рамки монографии, был получен уникальный опыт по привлечению представителей народов СССР в ряды Красной армии. Эта работа носила *целенаправленный* и *систематический* характер (по крайней мере, обе эти тенденции определенно проявились после окончания Гражданской войны). Она велась не только для накопления обученного резерва для комплектования РККА на случай общей мобилизации, но и являлась важнейшим политическим инструментом вовлечения национальных окраин в социалистическое строительство, одним из главных элементов которого было военное строительство. Иных подобных периодов в истории нашей страны не было. Рассмотрение вопросов, связанных с комплектованием вооруженных сил и организацией военной службы представителей народов СССР в рядах Красной армии, является актуальной научной проблемой, поскольку не только отвечает на острые вопросы, связанные с историей советских вооруженных сил, но и проливает свет на особенности государственной национальной политики.

Этнонациональный аспект строительства Красной армии рассмотрен строго в контексте эволюции государственной национальной политики в 1918 г. — первой половине 1940-х гг. Взаимосвязь и взаимозависимость этих двух исторических процессов еще никогда не становилась предметом специального изучения.

Методологически исследование основано на диалектическом подходе, позволившем рассмотреть зависимость количественных и качественных изменений национального состава Красной армии от общего курса национальной политики Советского государства и особенностей строительства вооруженных сил. В работе отражены принципы диалектического подхода — историзма, объективности, всесторонности, конкретности, противоречия.

Помимо традиционных методов исторического исследования, особое внимание в работе уделено *количественному* методу, которому следует уделить несколько слов, ибо предшествующие исследователи темы обращались к нему лишь эпизодически. Впервые в настоящей работе анализ национальной проблематики в военном деле осуществлен с опорой на выявленные в ходе исследования учетно-статистические материалы органов государственного и военного управления.

Автор исходил из диалектического понимания неразрывной связи количественной стороны массовых общественных явлений с их качественной стороной, того, что цифровое отражение содержательных аспектов изучаемых явлений и процессов служит самым надежным и точным способом оценки исторической действительности.

Согласно традиции отечественной клиометрической школы, суть количественного метода состоит в «выявлении и формировании системы численных характеристик изучаемых объектов, явлений и процессов действительности, которые в ходе математической обработки создают основу для раскрытия количественной меры соответствующего качества»[4]. Таким образом, речь идет о формализации и анализе статистической информации исторических источников с помощью математических инструментов. То есть текстовая информация переводится в математическую форму, и к ней можно применять математическую логику, формулы, методы анализа. Их можно просчитать, сравнить, выразить в долевом отношении. Визуализируется это в виде таблиц, графиков, диаграмм.

Отметим, что традиционно клиометрические исследования ведутся преимущественно по социально-экономической проблематике. Однако анализ статистического материала вполне допустим и даже желателен и в отношении проблем военного строительства, ибо предметом исследования являются большие массы людей, обладающих хорошо отличимыми признаками (национальность, во-

---

[4] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С. 309—310.

инское звание, грамотность и образование, язык, возраст и др.). Можно согласиться с автором диссертации по истории русской военной статистики К.А. Маланьиным, который так формулировал место военной статистики в научном осмыслении процессов военного строительства и военного искусства: «Исходя из требований военной науки, военная статистика анализирует соотношения массовых цифровых показателей военной действительности в конкретных условиях места и времени, вскрывает количественные выражения закономерностей войны и военного искусства, помогая теории и практике в более успешном решении стоящих перед ними задач»[5].

Внедрение статистического инструментария в военно-историческое исследование не было самоцелью. Оно носило строго прикладной и минимально достаточный характер и применялось лишь в той мере, в какой того требовало решение поставленных задач. В данной работе использовались некоторые методы анализа статистического материала, практикуемые клиометрией, например сравнение статистических рядов (при анализе социально-демографических характеристик представителей различных национальностей), статистическое моделирование (графическое выражение образа реального исторического объекта или процесса с акцентированием значимой для исследования стороны) и т. д.

Анализ статистических данных о комплектовании и организации Красной армии был положен в основу всей исследовательской конструкции. С этой целью нами выявлена обширная источниковая база, содержащая статистические данные о личном составе РККА за весь изученный период. Их анализ позволил провести сравнительно-статистическое исследование абсолютных и относительных количественных показателей, характеризующих этнические аспекты комплектования, подготовки кадров, организации войск в отношении десятков основных этносов, населявших СССР в изучаемую эпоху. Такой подход придал сделанным по итогам работы выводам обоснованность, точность и объективность.

Понятийный аппарат исследования требует некоторых пояснений. Основные дефиниции даются в современной трактовке в соответствии с законодательством Российской Федерации в области национальной политики[6] и военной службы[7]. Правописание основополагающих

---

[5] *Маланьин К.А.* История русской военной статистики (XIX—XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 287.

[6] Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909) // URL: http://base.garant.ru/70284810/#friends (дата обращения: 14.01.2017); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 14.01.2017).

[7] Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «О воинской обязанности и военной службе» // URL: http://legalacts.ru/doc/FZ-o-voinskoj-

исторических терминов (*Красная армия, вооруженные силы, Советское государство, советская власть* и т. д.) сверено по современным академическим орфографическим и специализированным словарям[8].

Часть используемых определений, широко применявшихся в нормативно-правовых актах и делопроизводственном обороте 1918—1945 гг. (например, *коренизация*, *концентрация*, *украинизация*, *белорусизация, культурничество, вневойсковик, номерная воинская часть* и т. д.), архаизировалась и ныне полностью вышла из употребления. Их семантика в данном исследовании полностью аутентична источнику. Содержание такого рода терминов раскрывается непосредственно в тексте. В книге они приводятся без кавычек, *курсивом*; но в цитатах не выделяются.

Другая часть терминологии, связанная с военной и этнонациональной проблематикой исследуемого периода, присутствует в современном нормативно-правовом и научном обороте, но претерпела серьезные смысловые изменения. Употребление этих терминов нуждается в специальных пояснениях, которые приведены ниже.

Структура исследования связана с одним из основополагающих устойчивых понятий военной теории и практики — *строительством вооруженных сил*. Под ним понимается система взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых высшими органами государственного и военного управления, направленных на создание, развитие, оснащение, содержание и подготовку вооруженных сил к выполнению возложенных на них задач мирного и военного времени[9].

Большую часть изученного периода (до 1939 г.) термины *вооруженные силы* и *Красная армия* (*РККА*) употреблялись как синонимы. К тому же виды Вооруженных Сил СССР (сухопутные силы, военно-воздушные силы, военно-морской флот) находились в синкретическом единстве, являясь составной частью РККА (лишь в 1937 г. в отдельный вид был выделен флот). Лишь с введением в действие 1 сентября 1939 г. нового закона о всеобщей воинской обязанности термины *вооруженные силы* и *Красная армия* получили новые дефиниции, противоположные прежним: теперь первый стал родовым для второго. Исходя из традиционной трактовки этих терминов, в данном исследовании они используются как синонимы.

---

objazannosti-i-voennoj-sluzhbe/razdel-i/statja-1/ (дата обращения: 14.01.2017); Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (с изменениями и дополнениями) // URL: http://base.garant.ru/135907/#ixzz53DNot9CR (дата обращения: 15.01.2017).

[8] *Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К.* Орфографический словарь русского языка. М., 2008; Новый орфографический словарь русского языка. М., 2010; *Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К.* Строчная или прописная? Орфографический словарь. М., 2007; *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Слитно, раздельно или через дефис? Орфографический словарь. М., 2007; Словарь социолингвистических терминов. М., 2006; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998 и др.

[9] Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 693—694.

Синонимами являются и термины *Красная армия* и *РККА* (*Рабоче-Крестьянская Красная армия*). Большую часть изученного периода они сосуществовали, причем *РККА* чаще употреблялось как официальное наименование. Однако перед Великой Отечественной войной аббревиатура была выведена из оборота и за Советской армией в годы войны закрепилось единое наименование — *Красная армия*. Специального постановления о переименовании не издавалось. Считается, что рубежом стали приказы НКО № 0037 и 0038 от 26 июля 1940 г., объявившие новую структуру центрального аппарата НКО и Генерального штаба. Там употреблялось только наименование *Красная армия*. Исключение составило Политуправление (с 1941 г. — Главное политуправление), всю войну носившее официальное наименование *Главное политуправление РККА*. В книге учтены эти изменения.

Под часто употребляемым словосочетанием *органы государственного* и *военного управления* понимаются органы законодательной и исполнительной власти общесоюзного и республиканских уровней и центральные и местные органы военного управления. В то же время автор ясно отдает себе отчет в том, что первостепенное значение в принятии всех важнейших управленческих решений имели руководящие органы Коммунистической партии. Место РКП(б)/ВКП(б) в механизме управления государством конституционно не было четко оформлено, а в первых двух Конституциях страны (1918 и 1924 гг.) Компартия даже не упоминалась. В Конституции 1936 г. только указывалось, что ВКП(б) является «передовым отрядом трудящихся» и «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126). В действительности решения партийных органов дублировались органами власти или оформлялись как совместные постановления партии и правительства. В монографии подробно проанализированы механизмы принятия государственных решений в области национального вопроса и место в них партийных органов.

Национальная политика. На современном этапе термин *национальный* не имеет однозначного толкования и может пониматься в узком (этническом) и широком (общегосударственном) значениях. Последнее сейчас очевидным образом доминирует (*национальная оборона*, *национальный проект*, *национальная спортивная команда* и т. п.). Сложилась двусмысленная ситуация. В действующих нормативно-правовых актах РФ термин *национальная политика* еще используется в своем традиционном значении, то есть как государственная политика в отношении населяющих страну этнических общностей. Это следует, в частности, из утвержденных в 1996 и 2012 гг. президентами РФ «Концепции государственной национальной политики РФ» и «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.», а также утвержденной постановлением Правительства РФ в 2016 г. Госпрограммы РФ «Реа-

лизация государственной национальной политики» и других документов[10].

В то же время государственные органы управления и научная среда сейчас берут на вооружение термин *этнонациональный*, семантически соответствующий традиционному термину *национальный*. Это отмечено в специальном приказе Министерства образования РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации». Здесь, в частности, указывается на то, что термин *этнонациональный* возник «в современной отечественной научной среде с целью выхода из терминологического тупика, вызванного возникшей двоякой семантикой понятия „национальный". Раскрывается [этот термин] как „национальный" в его прежнем значении, то есть относящийся к народу, этносу»[11]. Минобразования РФ предпочитает именно этот термин в своем нормотворчестве. В последней редакции утвержденной Указом Президента РФ «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (ред. от 8 декабря 2018 г.) парные термины «межнациональный» и «межэтнический», «национальность» и «этническая принадлежность», «национально-культурный» и «этнокультурный» используются как полные синонимы и именно так определены в разделе об основных понятиях Стратегии (пункт 4.2).

В представленной работе термин *национальная политика* употребляется в традиционном значении — как государственная политика в отношении населявших СССР народов (этносов). Под национальной политикой имеется в виду деятельность органов государственной вла-

---

[10] Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909) // URL: http://base.garant.ru/70284810/#friends (дата обращения: 16.01.2017); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, в ред. от 6 декабря 2018 г.) // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.8784510407862087#08089583742298276. (дата обращения: 25.12.2018); Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утв. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532) // URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/455/original/%D0%93%D0%9F_%D0%9D%D0%B0%D1%86_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf?1484721859. (дата обращения: 18.01.2017).

Аналогично образуются названия учреждений, например: Московский дом национальностей (функционирует с 1998 г.), Федеральное агентство по делам национальностей (утверждено Указом Президента РФ в 2015 г.) (Указ Президента Российской Федерации № 168 от 31 марта 2015 г. «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // URL: http://base.garant.ru/70928316/ (дата обращения: 17.01.2017). Такое словоупотребление прямо отсылает к советской традиции (например: Народный комиссариат по делам национальностей).

[11] Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» // URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/#ixzz53CvW0vp5 (дата обращения: 17.01.2017).

сти, партий или общественных групп по регулированию экономических, правовых, идеологических, культурных и языковых отношений между нациями, народностями и этническими группами[12]. Термины *национальный* и *этнонациональный* употребляются как синонимы.

Под *национальным вопросом в строительстве Вооруженных Сил СССР* в 1918 — первой половине 1940-х гг. понимается комплекс проблем, стоявших перед органами государственного и военного управления в связи с военной отсталостью и неравноправием ряда народов СССР в военной организации страны, а также неопределенностью правового содержания и организационных форм несения ими военной службы в рядах Красной армии[13].

Под *национальным аспектом строительства вооруженных сил* понимается политика Советского государства в сфере решения *национального вопроса в строительстве вооруженных сил*, а именно: поиск и определение оптимальных правовых и организационных форм комплектования и прохождения военной службы для представителей народов СССР с учетом их языковых, культурно-религиозных, образовательных особенностей; формирование национальных (то есть этнически однородных) воинских частей; подготовка национальных (то есть из представителей нерусских этносов) военных кадров; определение форм и методов партийно-политической работы с национальным контингентом военнослужащих и совершенствование межнациональных отношений в армии. В источниках (как в нормативной, так и в делопроизводственной документации органов государственной власти и военного ведомства, особенно в 1920-х гг.) в этом же значении повсеместно употребляется термин «национальное военное строительство». Однако его использование в исследо-

---

[12] Определение дано по: Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 141.

[13] Автор опирается на трактовку национального вопроса, принятую в начале 1920-х гг., то есть в тот период, когда оформлялись основные черты концепции национального сегмента РККА. Выступая на X съезде РКП(б) (8—16 марта 1921 г.), нарком по делам национальностей И.В. Сталин подчеркивал, что сущность национального вопроса на современном этапе состоит в том, чтобы «уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 36). «*Практическое разрешение национального вопроса в Красной армии*» молодая советская власть видела в коммунистическом воспитании нерусских народов через национальные формирования и усиление смычки между преимущественно русским пролетариатом и преимущественно нерусским крестьянством. Армия представлялась наилучшим местом осуществления такой смычки (Всеармейские совещания политработников. 1918—1940 (Резолюции). М., 1984. С. 86—87). Современная трактовка национального вопроса смещена в сферу межнационального общения. Российская социолингвистическая наука понимает под ним проблемы взаимодействия этносов, населяющих единое многонациональное государство, в социально-экономической, политической, культурно-языковой сферах (Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 147—148).

вании автор посчитал нежелательным, из-за принципиального различия в содержании современных терминов «военное строительство» и «строительство вооруженных сил».

Национальные воинские формирования — подразделения, части и соединения, укомплектованные преимущественно представителями одного народа, чей этноним выносился в их название. Такие формирования создавались с 1918 по 1945 г. по решению высшего органа государственной власти РСФСР/СССР (съезда Советов; Центрального Исполнительного Комитета; с 1936 г. — Верховного Совета), правительства (Совета Народных Комиссаров РСФСР/СССР), военного ведомства (Народного комиссариата по военным и морским делам; с 1934 г. — Народного комиссариата обороны), а также высших чрезвычайных государственных органов власти и военного управления в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Государственного Комитета Обороны СССР и Ставки Верховного Главнокомандования).

Военнообязанные, призывники, допризывники — термины, выведенные из современных нормативных актов РФ, регламентирующих военную службу граждан, но по-прежнему имеющие широкое употребление, в том числе в специальной военно-энциклопедической литературе[14]. В монографии эти термины употребляются в соответствии с законодательными нормами изучаемого периода. Закон о всеобщей воинской обязанности 1939 г. выделял две категории граждан, обязанных несением военной службы: лиц 17—18 лет, уже приписанных к призывным участкам, но не прошедших процедуру призыва (*призывников*), и лиц, зачисленных в запас (как прошедших действительную военную службу, так и не прошедших) и состоящих на воинском учете в местных органах военного управления — *военнообязанных*[15]*. В более раннем призывном законе 1925 г. также используется термин допризывник*, совпадающий по содержанию с термином *призывник* закона 1939 г. Здесь же выделена категория *военнообязанных запаса*[16]. Несмотря на некоторые терминологические различия, оба закона четко выделяют две категории советских граждан (кроме самих военнослужащих), обязанных несением военной службы: 1) молодежь, не прошедшую процедуру призыва и действительной военной службы, и 2) лиц старших возрастов, зачисленных в запас с присвоением военно-учетной специальности (ВУС). В контексте данного исследования это разделение важно, поскольку качественные и количественные характеристики *призывников* и *военнообязанных* в национальных регионах в исследуемую эпоху существенно различались.

---

[14] Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 177—178; Т. 6. М., 2002. С. 606.

[15] Ст. 14—17, гл. II; ст. 58—59, гл. VI закона «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г.

[16] Ст. 4—5, разд. I; ст. 66, разд. V закона «Об обязательной военной службе» 1925 г.

Нерусский народ — термин, повсеместно употреблявшийся в делопроизводственной документации государственных органов власти и органов военного управления в 1920-х — первой половине 1940-х гг. Обозначает все советские этносы, кроме русского, с которым, в свою очередь, их социально-демографические характеристики соотносились как с эталоном. Ныне этот термин также часто используется в этнографической, этнолингвистической и исторической научной литературе, в том числе и в диссертациях[17], хотя и вышел из официального оборота органов власти из-за возможных негативных коннотаций.

Национальные регионы РСФСР и *СССР* — термин, имевший широкое хождение в делопроизводстве изучаемого периода. Под национальными регионами имелись в виду союзные и автономные республики, автономные области и округа, то есть все административные территории Советского Союза, где признавался политический приоритет нерусского титульного этноса (или нескольких титульных этносов). Этноним закреплялся в наименовании региона. В качестве исключения под национальными понимаются полиэтничные регионы с преимущественно нерусским населением, но носившие исторические или искусственные наименования (например, Дагестанская АССР, Горская АССР и ряд других).

Начальствующий, командно-начальствующий, офицерский состав. Термин *командный состав* введен в РККА в 1919 г.; при этом командный состав отделялся от лиц *административной службы*[18]. Было определено, что к категории лиц командного состава относятся: в строевых частях — все должностные лица, состоящие на командных должностях; в штабах, управлениях и учреждениях — лица, в чьем

---

[17] См., например: Великая Отечественная война 1941—1945 годов: В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 397; Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков. Иркутск, 2011. С. 100, 132, 449; *Данилко Е.С.* Общие особенности распространения старообрядчества в нерусской среде на территории Урало-Поволжья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007; *Зайцев А.В.* Христианизация нерусских народов Среднего Поволжья в отечественной историографии: вторая половина XIX — начало XX в.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Чебоксары, 2008; *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII — начале XX века: Автореф. ... дисс. д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004; *Анохина И.А.* Просвещение нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX века: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Пенза, 2009; *Кадырметова Н.Н.* Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Казань, 2004; *Ряузова О.Ю.* Обучение студентов нерусской национальности устным видам речевой деятельности на русском языке: Естественно-технический профиль: Автореф. ... дисс. канд. пед. наук. М., 2003 и др.

[18] Приказ Реввоенсовета Республики № 2216 от 27 ноября 1919 г. (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 8. Л. 780).

непосредственном ведении находились строевые части или команды. Все остальные должностные лица РККА относились к административному составу. В начале 1920-х гг. командный и административный состав был объединен в категорию *начальствующего состава*. До 1935 г. *командный состав* являлся составной категорией *начальствующего состава*, куда кроме командиров также включались лица политического, административного, военно-технического, военно-юридического и другого руководящего состава РККА. С 1935 г. командный состав был выделен в отдельную категорию и получил распространение обобщающий термин *командный и начальствующий состав* или *командно-начальствующий состав*. А с 1943 г. термины *начальствующий* и *командный* состав официально заменены на *офицерский состав*, хотя продолжали широко употребляться в делопроизводстве и в настоящее время распространены в военно-исторической и энциклопедической литературе[19]. В монографии эти термины употребляются в соответствии с их исторической эволюцией.

Многочисленные этнические номинации приводятся в книге максимально близко к их употреблению современниками. Учитывая то, что рассматриваемый в работе период — время бурной советской этнореконструкции постимперского пространства, сопровождавшейся частыми переименованиями, один и тот же этнос может называться в данной работе по-разному. При первом употреблении архаизированных этнонимов (черемисы, вотяки, зыряне и т. д.) в сноску вынесено их современное наименование. В отдельных случаях устаревший и современный этноним приводятся совместно, во избежание путаницы. Таков, например, случай казахов, которых до революции и в 1920-х гг. именовали киргизами, в то время как современных киргизов — кара-киргизами. Только к концу 1930-х гг. два этнонима (казахи и киргизы) в советском военном делопроизводстве окончательно отделяются друг от друга, однако казахов некоторое время называли каз*а*ками, что порождало новые проблемы.

Приведенные в книге даты отечественной истории до 14 февраля 1918 г. даны по старому стилю, если в скобках не оговорена соответствующая дата по новому стилю.

---

[19] Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 440.

Глава 1
ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Полный обзор историографии по теме исследования приведен в нашей докторской диссертации, доступной в сети Интернет[1]. Жанр монографии позволяет ограничиться здесь лишь очерком (который, впрочем, нельзя назвать кратким) наиболее существенных тенденций в изучении этнического аспекта истории Красной армии и остановиться на тех работах, в которых предложены попытки раскрыть национальный аспект отечественных вооруженных сил количественными методами.

Среди многочисленных публикаций, посвященных истории национальных формирований, участию того или иного народа, той или иной республики в войнах России и СССР, исследований, в которых национальные процессы в отечественных вооруженных силах проанализированы с использованием статистических источников, до сих пор было предпринято немного. Причина тому — не отсутствие интереса к теме. Напротив, национальный вопрос всегда вызывал большой ажиотаж. Однако чаще всего исследования загонялись в прокрустово ложе готовых идеологических установок о «нерушимой дружбе народов», иллюстрируемых *выборочными* цифровыми данными. Долго и безбедно существовало целое квазинаучное течение, которое условно можно назвать этнопатриотическим. Многие десятилетия оно фактически подменяло собой академическое изучение этнических сторон строительства вооруженных сил бравурной демонстрацией межнациональной дружбы и боевого братства советских народов.

К сожалению, в последние десятилетия мало что изменилось. Более того, прочное встраивание Великой Отечественной войны в конструкцию новой государственной идеологии «духовных скреп», среди которых Победе 1945 г. отводится, безусловно, центральное место, вновь сужает пространство для свободного научного поиска,

---

[1] *Безугольный А.Ю.* Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922—1945 гг.). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2019 // https://vagsh.mil.ru/Nauka/Dissertacionnyj-sovet/D215.010.01/item/200998/ (Дата обращения: 1.02.2020).

предполагающего постановку любых, в том числе и самых неудобных, исследовательских вопросов.

Нужно сразу оговориться, что мы ни в коем случае не ставим под сомнение межнациональную дружбу, боевое братство воинов различных национальностей; считаем, что историческая Победа над нацизмом в Великой Отечественной войне — плод усилий всех народов, входивших в состав Советского Союза. Однако это не отменяет необходимости научного осмысления национальной политики в армии в 1918—1945 гг.

Главным препятствием на пути изучения национального аспекта истории Красной армии является проблема максимально *полного* выявления *достоверного*, *сравнимого* статистического материала, адекватно отражающего национальный состав Красной армии на разных этапах ее развития, его строго научной систематизации и анализа. Именно здесь кроется причина того, почему до сего дня этот вопрос разработан историками неудовлетворительно и даже исследовательские задачи должным образом не сформулированы. И дело не в том, что статистикой в военно-исторических исследованиях полностью пренебрегают. Напротив, цифровой материал активно привлекается в доказательство выдвигаемых тезисов. Но, как верно отмечено в одной из немногочисленных в отечественной историографии работ по военной статистике, «данные статистики только тогда оправдывают свое значение, когда они научно обработаны. В противном случае самые хорошие статистические показатели могут совершенно выпасть из поля зрения исследователя»[2].

Вопрос выявления и квалифицированного анализа статистических источников следует считать краеугольным камнем исследований в области этнической истории отечественных вооруженных сил. Ведь крайне важно во временной и пространственной динамике продемонстрировать вовлечение конкретных этносов в дело защиты государства. Объективно оценить успешность этого процесса можно только сравнительно-статистически — путем определения роста или сокращения количественных и качественных показателей, связанных с военной службой представителей советских этносов в рядах Красной армии. Между тем, несмотря на обилие статистического материала по этническому составу РККА — как опубликованного, так и архивного, — он крайне редко используется как основа источниковой базы подобных исследований.

1.1. Отечественная историография

Статистическое изучение вооруженных сил актуализировалось во второй половине XIX в. переходом к строительству массовой ар-

---

[2] *Маланьин К.* Военная статистика (Обзор литературы) // Военная мысль. 1968. № 6. С. 88.

мии, комплектуемой на основе всеобщей воинской повинности и оснащенной сложными видами техники и вооружения. Статистические данные о структуре народонаселения повсеместно внедрялись в систему принятия управленческих решений. В декабре 1852 г. был образован Статистический комитет (с 1858 г. — Центральный статистический комитет) МВД. На местах сбор материалов, в том числе о составе военнообязанного населения, осуществляли губернские статистические комитеты. Первое военно-статистическое исследование армии, территории и населения России принадлежит перу профессора кафедры военной статистики (организована в 1847 г.) Николаевской академии Генерального штаба А.И. Макшеева[3]. Горячим сторонником внедрения статистических методов в планирование и анализ военного строительства был военный министр Д.А. Милютин, сам преподававший в молодости военную статистику в академии. Кроме кафедры военной статистики, дисциплина преподавалась также в старших классах средних военно-учебных заведений. «Военно-статистический сборник», охвативший своим описанием не только население Европейской России, но и азиатских владений империи и Кавказа, вышел еще в 1871 г.[4], то есть на закате рекрутской системы комплектования войск в России.

В последней четверти XIX и в начале XX в. был накоплен немалый опыт по сбору и анализу материала в области организационной структуры и мобилизационной готовности, работы военно-учебных заведений, призывам новобранцев, учету офицерских кадров и нижних чинов, военнообязанного населения и т. д.[5] Вообще изучение народонаселения с точки зрения ресурса для комплектования армии в военное время стало одним из основных направлений работы военных статистиков. Эта отрасль постоянно совершенствовалась и усложнялась.

В последней четверти XIX в. появились первые качественные работы с оценкой национального состава населения. Их целью было определение тягот военной повинности на населявшие империю этносы и выяснение перспектив выравнивания в распределении этих тягот. Особенно примечательны в этом отношении работы полковника А.Ф. Риттиха[6], полковника Я.А. Гребенщикова[7], профессора кафедры военной статистики генерал-лейтенанта

---

[3] *Макшеев А.И.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1867.

[4] Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб., 1871.

[5] *Маланьин К.А.* История русской военной статистики (XIX—XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 217—219.

[6] *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875.

[7] *Гребенщиков Я.А.* Военная организация и статистика // Сборник государственных знаний. СПб., 1879. Т. 7. С. 119—134.

А.М. Золотарева[8], А. Сырнева[9] и других авторов. Именно статистическое изучение процессов, связанных с комплектованием армии, со всей очевидностью показывало резкий дисбаланс в распределении тяжести военной повинности между населявшими империю этносами в пользу великорусского населения. Доказательству этого, в частности, была посвящена работа А.М. Золотарева.

В начале XX в. вышел ряд больших статей о демографических ресурсах империи и отдельных этносов с точки зрения комплектования армии, основанных на анализе статистического материала. В частности, это работы А. Антоновича[10], М.Л. Усова[11] и др.

Как отмечал в своей диссертации К.А. Маланьин, к началу XX в. практическая целесообразность данных военной статистики для организационного строительства армии и флота была очевидна правительственным органам и военному ведомству. Им «уже не требовалось доказательств о пользе статистических сведений, особенно обобщенных показателей, без которых невозможно было решать вопросы комплектования войск, их вооружения, снабжения и воспитания...»[12]. Особенно важна военная статистика была в разработке мобплана, организационной и мобилизационной готовности армии. По мнению автора одной из статей по теории военной статистики Я.А. Гребенщикова, правильность и основательность всех организационных и мобилизационных расчетов самым тесным образом связана с верностью и полнотой статистических данных, составляющих фактическую основу всех расчетов, связанных с подготовкой и ведением войны[13]. Это понимание нашло отражение и в организационных мерах: в 1892 г. при военно-окружных штабах были созданы специальные статистические отделения, собиравшие и обрабатывавшие первичную статистическую информацию. А в 1903 г. в Главном штабе отделение военной статистики было развернуто в отдел в составе четырех отделений. Кроме того, сбором и анализом статистических данных занимался Мобилизационный отдел Главного штаба[14]. Пример умелого и массового использования данных военной статистики за длительный промежуток времени — фундаментальный многотомник «Столетие Военного министерства (1802—1902)», осветивший все аспекты и тенденции военного строительства за истекшее XIX столетие[15].

---

[8] *Золотарев А.М.* Материалы по военной статистике России. Население России, как источник комплектования ее армии (на основании данных за первое десятилетие отбывания воинской повинности). СПб., 1889.

[9] [*Сырнев А.*] Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие 1874—1883 гг. СПб., 1886.

[10] *Антонович Ан.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинскою повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 247—274.

[11] *Усов М.Л.* Евреи в армии. СПб., 1911.

[12] *Маланьин К.А.* Указ. соч. С. 222.

[13] *Гребенщиков Я.А.* Указ. соч. С. 119.

[14] *Маланьин К.А.* Указ. соч. С. 343.

[15] Столетие Военного министерства (1802—1902). СПб., 1902—1914.

В Советской России, а затем и в Советском Союзе в 1920-х гг. в ряде работ предпринимались попытки привлечь учетно-статистические источники к анализу проблем национального военного строительства в СССР. В этом отношении интересны издания первого десятилетия советской власти (1920-е гг.). Особенно ценны работы М.П. Захарова, возглавлявшего недолго просуществовавший отдел национальных формирований в составе Управления устройства и службы войск Главного управления РККА. В своих работах, изданных во второй половине 1920-х гг., он подвел первые итоги реализации принятой в начале 1925 г. пятилетней программы строительства национальных формирований. В небольшой по объему монографии «Национальное строительство в Красной армии» М.П. Захаров представил подробный анализ проблем выбора путей и определения этапов этого строительства, которые стояли перед руководством Наркомвоенмора в середине 1920-х гг. Автор рассмотрел вопросы штатной организации и комплектования национальных частей, подготовки командно-начальствующего состава для нацчастей и определения дальнейших перспектив их строительства[16]. Разнообразием привлеченных источников и глубиной выводов отличается большая статья еще одного сотрудника Главного управления РККА А.Ф. Сиднева, вышедшая в двух номерах журнала «Война и революция» в 1927 г.[17] Использовав доступный ему статистический материал, автор представил компетентный анализ комплектования нерусским контингентом армии Российской империи национальных процессов в Красной армии. В небольшой монографии А. Стеклова приведена полезная статистика социальных параметров (грамотность, партийность и проч.) личного состава Азербайджанской стрелковой дивизии — в начале военной службы и к моменту увольнения красноармейца. Армия становилась для воинов-*националов* школой всестороннего социального взросления, на деле «перековывала» неграмотных и невежественных жителей глухих аулов[18].

В 1930—1950-х атмосфера повсеместной секретности практически вытеснила статистику из открытых публикаций по личному составу советских вооруженных сил.

В дальнейшем в 1960—1980-х гг. использование статистического материала было строго подчинено идеологическим задачам. В этот период институализируется советская историческая наука, в том числе ее национально-региональные школы. Публикуются обобщающие работы, посвященные вкладу народов СССР в военное стро-

---

[16] *Захаров М.* Национальное строительство в Красной армии. М., 1927. С. 26—89.

[17] *Сиднев*. Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 69—83.

[18] *Стеклов А.* Красная армия Азербайджана. Баку, 1928. С. 22—29.

ительство и в войне с нацизмом[19], союзных и автономных республик и национальных партийных организаций[20]. В разные годы были изданы истории многих (правда, далеко не всех) национальных соединений Красной армии, как по отдельности[21], так и объединенных по этническому или региональному признаку (например, азербайджанских, казахских, закавказских)[22].

Особенность работ 1960—1980-х гг. по военно-национальной тематике состоит в том, что они основаны на архивном материале и характеризуются изобилием цифр, освещающих самые различные аспекты участия советских этносов в военной организации Советского государства — от числа награжденных орденами и медалями

---

[19] *Аманжолов К.* Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917—1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987; *Вишневский А.Я.* Школа дружбы народов. Душанбе, 1976; *Захаров И.З.* Дружба, закаленная в боях. М., 1970; *Лахтиков А.* Советская Армия братства и дружбы народов СССР. М., 1952; *Новиков И.А.* Дружба народов — источник могущества Советского государства и его Вооруженных Сил. М., 1959 и др.

[20] *Абишев Г.А.* Казахстан в защите Социалистического Отечества. Алма-Ата, 1969; *Белан П.С.* Казахстанцы в Сталинградском сражении. Алма-Ата, 1968; *Он же.* Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии. Алма-Ата, 1984; *Джураев Т.Д.* Воины Узбекистана на фронтах Отечественной войны. Ташкент, 1965; *Ильясов Б.* Туркменская ССР в годы Великой Отечественной войны. Ашхабад, 1950; *Кашкепбаев З.* Военно-организаторская работа Компартий республик Средней Азии и Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1970; *Козыбаев М.* Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Алма-Ата, 1964; *Табышалиев С.* Защищая Родину. Подвиг комсомольцев Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1960; *Ларин П.А.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Таллин, 1964; *Пулатов И.* Из истории участия народов Средней Азии в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1966; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Кн. 1—3. Рига, 1966—1969; Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Рига, 1970; *Мурнев Д.З.* Осетин отважные сыны. Орджоникидзе, 1974; Якутяне в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Якутск, 1979; Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945: В 2 т. Таллин, 1973—1980 и др.

[21] *Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. Рига, 1961; *Сепп Ф.Т.* О боевом пути 41-го гвардейского эстонского Таллинского стрелкового корпуса. Таллин, 1967; *Микельсон В.Э.* 308-я Краснознаменная латышская стрелковая дивизия. Рига, 1969; *Шнопберг Г.Н.* Боевой путь 130-го латышского ордена Суворова стрелкового корпуса. Рига, 1969; *Арутюнян А.О.* 409-я армянская стрелковая в боях за освобождение Украины (1943—1944). Ереван, 1971; *Белан П.С.* 100-я казахская национальная бригада в боях за Родину. Алма-Ата, 1972; *Багиров Н.Т.* Симферопольская. Краткая история. Баку, 1974; *Агаев Б.А.* Боевой путь 87-й отдельной стрелковой бригады. Ашхабад, 1982; *Джанжгава В.С.* Боевой путь 414-й Краснознаменной. Тбилиси, 1983; *Беков М.А.* Туркменская стрелковая. Ашхабад, 1988 и др.

[22] *Бурназян Г.С.* Участие национальных соединений закавказских республик в битве за Кавказ и последующих операциях Красной армии в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1967; *Савченко В.И.* Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975; *Буниятов З.М., Зейналов Р.Э.* От Кавказа до Берлина. Баку, 1990; *Аманжолов К.Р.* Под боевым знаменем: О мужестве и выполнении воинского долга соединениями Красной армии Казахстана (1918—1945 гг.). Алма-Ата, 1991.

в той или иной республике до количества собранных фронтовикам подарков. В то же время статистические сведения служили лишь инструментом для доказательства, а точнее, иллюстрацией набора догм о «нерушимом боевом братстве народов СССР». Шквал цифровых данных, несоотносимых друг с другом во времени и пространстве, подобранных из соображений выгодного освещения того или иного тезиса, лишь затуманивал картину. На деле в таких исследованиях содержательная часть в большинстве своем представляла собой краткое изложение боевого пути национальных частей, описание подвигов героев различных национальностей и усилия тружеников тыла, в то время как сложные моменты истории умалчивались. Например, К. Аманжолов и Н.А. Кирсанов в своих работах подробно рассказали о процессе формирования национальных кавалерийских и стрелковых соединений в Средней Азии в конце 1941 — начале 1942 г.[23] В то же время авторы ни словом не обмолвились о причинах расформирования практически всех их еще до отправки на фронт.

Выходила плоская и одномерная картина, не позволявшая осмыслить проблемы несения военной службы представителями народов СССР и участия их в войнах. Из поля зрения советских историков выпали важнейшие проблемы, связанные с решением национального вопроса в военном строительстве, особенно в довоенный период. Это — комплектование войск представителями различных национальностей, организация прохождения ими военной службы, подготовка национальных командных кадров и т. д.

Как видно из обзора, многие авторы ограничивали изучение национального вопроса одними лишь национальными формированиями. Это замечание в полной мере применимо и к современной историографии. Национальные формирования словно магнит притягивают к себе внимание исследователей, отвлекая их от понимания простого факта: самодержавием, а затем и советской властью национальные части формировались *вынужденно*, поскольку не было условий для *широкого призыва национальных меньшинств в армию на общих условиях*. Поэтому рассматривать требуется весь комплекс проблем, связанных с привлечением народов нашей страны к военной службе, а не только вершину этой проблемы — национальные формирования.

Тем не менее к советскому периоду относится и несколько весьма интересных работ. Среди них — небольшая монография А.П. Артемьева, изданная в 1975 г.[24] Автором впервые в отечественной науке предпринята попытка сравнительно-статистического анализа участия народов СССР в Великой Отечественной войне на разных ее этапах. Проанализировав доступный ему в тех условиях архивный

[23] Там же. С. 50—51; *Кирсанов Н.А.* В боевом строю... С. 60—69.

[24] *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975.

материал по личному составу около двухсот стрелковых соединений, автор пришел к заключению, что национальный состав Красной армии в годы войны значительно колебался, что было связано с объективными изменениями фронтовой обстановки: потерей, а затем освобождением от врага огромных территорий страны, являвшихся источником для пополнения армии людскими ресурсами. Несмотря на новаторскую для своего времени методологию и тщательность исследования, нельзя не отметить несовершенство источниковой базы, сказавшееся на результатах. Автор мог пользоваться только несекретными документами уровня соединений (дивизионного звена), не имея доступа к обобщающим материалам высших руководящих органов Красной армии. Хотя тенденции этнического представительства в Красной армии в книге А.П. Артемьева отражены верно, но разнородность и фрагментарность материала стали причиной искажения обобщающих данных по целому ряду этносов. Кроме того, само обращение лишь к материалам стрелковых соединений дает заведомо неточную, ограниченную картину общего представительства в армии ряда этносов, поскольку этнический фактор, как правило, учитывался при комплектовании родов войск, а также частей действующей армии и внутренних округов. По идеологическим причинам автор не упомянул о практиках приостановок призыва в армию десятков народов, отзыва с фронта военнослужащих этносов, выселенных с исторической родины. Эти решения правительства также существенно влияли на удельный вес представителей того или иного этноса в войсках. Апробированные А.П. Артемьевым подходы дополнены и развиты в настоящем исследовании, но на значительно более обширном и разнообразном материале.

Также можно отметить подготовленную в 1981 г., но не защищенную докторскую диссертацию М.Я. Сухаря. Она посвящена проблемам комплектования и формирования воинских частей в союзных республиках Средней Азии. Работа основана на строгом статистическом исследовании учетной документации штаба одного военного округа — Среднеазиатского (САВО), — а также подчиненных ему республиканских военкоматов[25]. На цифровом материале автор выявил и проанализировал характерные особенности контингентов военнообязанных из союзных республик Среднеазиатского региона — их недостаточный образовательный уровень, слабое владение русским языком, катастрофическую нехватку командных кадров. Диссертация М.Я. Сухаря насыщена статистическими выкладками и в то же время не перегружена обычной для работ этого периода марксистско-ленинской риторикой. Однако и в этой, весьма сильной работе не обошлось без умолчаний, вызванных идеоло-

[25] *Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ашхабад, 1981.

гическими причинами. Так, например, значительная часть работы посвящена созданию национальных частей в САВО, однако о том, что подавляющая их часть была расформирована, так и не попав на фронт, автор умалчивает[26]. Также, подробно рассказывая о формировании рабочих колонн, М.Я. Сухарь обходит вопрос их этнического состава, не упоминая того, что на их комплектование направлялся как раз национальный контингент.

Еще одна докторская диссертация К. Аманжолова, защищенная в 1987 г., также отличается достаточно тщательными подсчетами состава национальных формирований[27]. Особенно ценны они для периода Гражданской войны, достаточно бедной источниками. Правда, исследование в основном касалось Среднеазиатского региона, а не всей территории страны, как это было заявлено в теме диссертации.

Современный период развития исторической науки характеризуется падением идеологических оков и открытием архивов. В последние десятилетия вышел ряд интересных публикаций по истории национальных воинских формирований в Русской императорской армии, а также по вопросам национальной политики царизма в военном строительстве на рубеже XIX—XX вв. и в последних войнах Российской империи. В этой области интересен анализ армии как плавильного котла складывавшейся российской нации в работах В.В. Лапина[28]. Весьма любопытны статьи Т.А. Дмитриева[29], который делает в целом верные выводы о тенденциях решения национального вопроса в строительстве вооруженных сил в сталинский период истории Советского Союза. Правда, автору не хватило архивных первоисточников для глубины и основательности выводов. В неплохой работе А.А. Шабаева и С.Н. Михалева, посвященной изучению потерь Красной армии в Великой Отечественной войне, сделано

---

[26] Там же. С. 207.

[27] *Аманжолов К.* Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917—1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987.

[28] *Лапин В.В.* Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1; *Он же.* Годен — не годен. Воинские качества народов Российской империи глазами офицеров Генерального штаба // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 1—12; *Он же.* Грузины на военной службе — строители Российской империи // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в.: Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017. С. 446—462; *Он же.* Армия как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 1 (21). С. 302—313 и др.

[29] *Дмитриев Т.А.* «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»: Национальное военное строительство в СССР в 1920—1930-е годы и его проверка «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. 2013. № 2. С. 60—88; *Он же.* «Это не армия»: Национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурно-национальной политики (1920—1930-е годы) // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 108—132.

несколько верных наблюдений о комплектовании войск по национальности, качестве национальных контингентов и о соотношении потерь[30]. Авторами введены в оборот некоторые важные документы, однако дальше этого они не пошли. Ряд статей Н.В. Подпрятова охватывает разные региональные аспекты истории национальных формирований[31]. Под его общей редакцией в 2017 г. была осуществлена попытка обобщить опыт национальных формирований Русской армии в годы Первой мировой войны[32]. Национальное строительство в вооруженных силах рассматривается в диссертациях Б.Г. Кадырова[33], В.Н. Подпрятова[34], В.Е. Иванова[35], Э.-Б.Р. Назиха[36], С.Л. Павловича[37]. Отдельные вопросы (прежде всего, в диссертациях Кадырова, Назиха) проработаны хорошо, хотя в целом и структуру работ, и охват источников, и качество их анализа в перечисленных диссертациях нельзя признать удовлетворительными[38]. Это еще раз подчеркивает всю сложность и многоаспектность выбранной темы исследования.

Знакомство с современной литературой позволяет утверждать, что, несмотря на радикальное расширение объема документальных источников в последние десятилетия и облегчение доступа исследователей к ним, историки недостаточно используют архивный материал по теме, даже в докторских диссертациях. Также нельзя не от-

---

[30] *Шабаев А.А., Михалев С.Н.* Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: (Историко-статистическое исследование). М., 2002. С. 89—93.

[31] *Подпрятов Н.В.* Армянские стрелковые батальоны в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2—2(40). С. 159—161; *Подпрятов Н.В., Поперечная А.Н.* Процессы комплектования и пополнения иррегулярных этнических частей Русской армии в условиях Первой мировой войны // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 149—154.

[32] Национальный вопрос и этнические воинские формирования Русской армии в годы Первой мировой войны. Пермь, 2017.

[33] *Кадыров Б.Г.* Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002.

[34] *Подпрятов В.Н.* Роль национальных воинских формирований в годы гражданской войны на восточном театре военных действий: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994. 16 с.; *Он же.* Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII — первой половине XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2012.

[35] *Иванов В.Е.* Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР (1917—1946 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995.

[36] *Назих Э.-Б.Р.* Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923—1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

[37] *Павлович С.Л.* История национальных воинских формирований Рабоче-Крестьянской Красной армии в Средней Азии (1920—1938 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.

[38] Подробный анализ перечисленных диссертаций см.: *Безугольный А.Ю.* Указ. соч. С. 43—47.

метить нередко небрежный и некритичный подбор статистических материалов. Чаще всего анализу подвергаются случайные, нерелевантные цифры из разнородных источников, с опорой на которые делаются столь же необоснованные, нерепрезентативные выводы и суждения. Это является благоприятной средой для политизированных домыслов и спекуляций о масштабах участия различных этносов в войнах Советского Союза, их вкладе в дело победы, потерях, дисциплинарной и наградной практике, воинских подвигах и преступлениях представителей того или иного этноса и т. д.

Редкий в современной российской, особенно региональной, историографии пример тщательного исторического исследования проблем военно-мобилизационной работы в рамках одного национального региона представляют публикации калмыцких авторов К.Н. Максимова[39], У.Б. Очирова[40], С.С. Белоусова[41] и др. Они отличаются стремлением к объективности, широким использованием архивного материала. Особенно следует отметить работы доктора исторических наук У.Б. Очирова. В большой книге, посвященной истории 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии (написана в соавторстве с С.А. Заярным)[42], и в отдельных статьях по вопросам военных призывов и мобилизаций в Калмыкии в 1920-х — первой половине 1940-х гг. на большом документальном материале рассмотрены как нормативная база военных призывов применительно к калмыцкому народу, так и статистические данные о результатах этих мобилизаций и национальных воинских формирований. У.Б. Очиров также дал оценку боевой эффективности национальных кавалерийских дивизий и вообще конницы в период Великой Отечественной войны. Автор квалифицированно анализирует преимущества и недостатки кавалерии в условиях «войны моторов» и варианты ее боевого применения.

Общим проблемам трансформации национальной политики, а также национальному вопросу в военном строительстве в период Гражданской войны в России, в межвоенную эпоху и во время Великой Отечественной войны посвящены работы А.Э. Ларионова[43],

---

[39] *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010.

[40] *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история: Сб. науч. ст. Элиста, 2001; *Он же.* Эффективность применения национальных кавалерийских дивизий в Великой Отечественной войне: мифы и реалии // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 2. С. 8—23.

[41] *Белоусов С.С.* История формирования и боевые действия 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии на Нижнем Дону в воспоминаниях военнослужащих // Вестник Калмыцкого ин-та гум. иссл. РАН. 2010. № 1. С. 22—31.

[42] *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. 1—2. Элиста, 2018.

[43] *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941—1945 гг. М., 2015. С. 49—65.

А.Ю. Рожкова[44], А.В. Ганина[45], Ф.Л. Синицына[46], Н.Ф. Бугая[47], В.П. Булдакова[48], Н.И. Хмары[49], А.И. Вдовина[50] и других авторов.

Немногочисленные современные попытки статистического изучения национальных аспектов отечественной военной истории нельзя признать удовлетворительными. Еще на рубеже 1980-х и 1990-х гг. на волне острого общественного интереса к человеческой цене Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне был предпринят ряд попыток уточнить боевой и численный состав советских вооруженных сил и определить масштабы потерь. Было создано несколько официальных комиссий, получивших доступ в государственные архивы[51].

Отвечая на общественный запрос, в 1988 г. министр обороны СССР Д.Т. Язов образовал комиссию Генерального штаба по подсчету потерь под руководством начальника Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. Несколько лет члены комиссии работали в архивах с подлинными документами учета личного состава и потерь. Предварительные результаты работы были опубликованы в интервью «Военно-историческому журналу» в марте 1990 г., а в 1993 г. вышло большое статистическое исследование под редакцией Г.Ф. Кривошеева «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование»[52]. Книга подвела итог нескольким годам работы комиссии Минобороны. Работа стала классической, в последующем она несколько раз переиздавалась в разных редакци-

---

[44] *Рожков А.Ю.* Молодой человек в Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003.

[45] *Ганин А.В.* Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917—1922 гг. М., 2019.

[46] *Синицын Ф.Л.* Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933—1945. М., 2018; *Он же.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Он же.* Национальная политика СССР в предвоенный период (1938—1941 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 1. С. 25—34; *Он же.* Разделяй и властвуй: Нацистская оккупационная политика. М., 2015.

[47] *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). М., 1998; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011.

[48] *Булдаков В.П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29—45.

[49] *Хмара Н.И.* Из опыта национального строительства в СССР (1920-е—1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 246.

[50] *Вдовин А.И.* Национальный вопрос и национальная политика в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов: мифы и реалии // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 1. С. 17—20; № 2. С. 12—13.

[51] *Шабаев А.А., Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 28—29, 31, 34—35.

[52] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.

ях[53]. В 2009 г. основные выводы комиссии Г.Ф. Кривошеева были подтверждены новой межведомственной комиссией, сформированной по инициативе министра обороны РФ. Они стали, таким образом, официальными. В современных фундаментальных[54] и энциклопедических изданиях данные о потерях, выработанные комиссией Кривошеева, публикуются уже как «канонические», без критического анализа, в том числе и российским статистическим ведомством, от которого можно было ожидать собственного оригинального исследования[55].

В числе прочего авторами была предложена раскладка безвозвратных потерь по национальностям, которая переходила в каждое новое издание книги и много лет некритически тиражировалась различными исследователями[56], в том числе какое-то время — и автором этих строк.

Не подвергая сомнению в целом высокую научную ценность работы «Гриф секретности снят» (тем более что ничего сравнимого ей по масштабу за тридцать лет предложено не было), разберем столь часто цитируемую таблицу (см. таблицу 1), отражающую потери Красной армии по национальностям. Она была составлена на основе донесений о списочной численности военнослужащих Красной армии, причем данные о потерях получены *расчетным* способом при помощи коэффициентов смертности[57].

Таблица 1

Безвозвратные потери Красной армии в годы Великой Отечественной войны по национальному составу

Национальность погибших	Число потерь, тыс. чел.	В % к общему числу безвозвратных потерь
Русские	5756,0	66,402
Украинцы	1377,4	15,890
Белорусы	252,9	2,917

[53] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010.

[54] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. М., 2015. Т. 12. С. 154.

[55] Росстат дважды — в 2015 и 2020 гг. — издавал юбилейные статистические сборники, посвященные Великой Отечественной войне. В сборнике 2020 г. несколько разделов посвящено вооруженной борьбе и вопросам строительства вооруженных сил. В основе своей воспроизведены данные книги «Гриф секретности снят» и другие, давно введенные в научный оборот статистические сведения (Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. М., 2015; Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. М., 2020).

[56] Всероссийская Книга Памяти. 1941—1945 гг. Обзорный том. М., 1995. С. 413; *Филимошин М.В.* Наши павшие как часовые... Потери вооруженных сил СССР в войнах и военных конфликтах // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 16—25.

[57] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Табл. 121.

Национальность погибших	Число потерь, тыс. чел.	В % к общему числу безвозвратных потерь
Татары	187,7	2,165
Евреи	142,5	1,644
Казахи	125,5	1,448
Узбеки	117,9	1,360
Армяне	83,7	0,966
Грузины	79,5	0,917
Мордвины	63,3	0,730
Чуваши	63,3	0,730
Азербайджанцы	58,9	0,673
Молдаване	53,4	0,621
Башкиры	31,7	0,366
Киргизы	26,6	0,307
Удмурты	23,2	0,268
Таджики	22,9	0,264
Туркмены	21,3	0,246
Эстонцы	21,2	0,245
Марийцы	20,9	0,241
Буряты	13,0	0,150
Коми	11,6	0,134
Латыши	11,6	0,134
Литовцы	11,6	0,134
Народности Дагестана	11,1	0,128
Осетины	10,7	0,123
Поляки	10,1	0,117
Карелы	9,5	0,110
Калмыки	4,0	0,046
Кабардинцы и балкарцы	3,4	0,039
Чеченцы и ингуши	2,3	0,026
Остальные народы	40,0	0,459
ВСЕГО	8668,4	100,0

Источник: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Табл. 121.

В основу данного расчета было положено, казалось бы, очевидное статистическое допущение того, что советские этносы несли потери *пропорционально* их представительству в Красной армии. Для своих расчетов авторы почему-то использовали данные о списочной численности Красной армии лишь за период с 1943 по 1945 г., очевидно предположив, что соотношение этносов за годы войны не менялось и в ее конце было таким же, как и в начале. Такое предположение в корне неверно, напротив, как будет показано в данной

книге, представительство народов СССР в рядах Красной армии существенно менялось. Кроме того, именно при определении масштаба потерь экстраполяция коэффициентов потерь дает наименее точные результаты, поскольку военнослужащие различных национальностей использовались в войсках неравномерно в разные периоды войны, на разных участках фронта, в разных родах войск, в действующих и недействующих войсках и т. п. Добавим к этому, что десятки советских этносов подверглись различным ограничениям на прием в ряды Красной армии или действующих войск. Все это означает, что советские народы несли боевые потери различной интенсивности, измерить которые «общим аршином» просто невозможно.

Авторы труда «Гриф секретности снят» (в частности, Г.Ф. Кривошеев и М.В. Филимошин) в других своих публикациях высказывали в целом правильную гипотезу о том, что к концу войны чрезмерно высокие потери уроженцев РСФСР (прежде всего русских) значительно сократились за счет пропорционального роста потерь граждан, призванных с освобожденных территорий Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии. Однако цифровая иллюстрация этого предположения выглядит неубедительно, и к тому же она не снабжена ссылками и объяснением методики расчета[58].

Вообще, складывается впечатление, что пресловутый «расчетный» подход к изучению личного состава Красной армии в годы войны стал универсальным способом «латания» реальных, а чаще всего мнимых историографических «дыр»[59]. На деле же исследователи нередко злоупотребляют расчетными данными вместо кропотливого заполнения лакун достоверными архивными документами.

В данной монографии мы принципиально избегали расчетов, доверившись источнику, разумеется, подвергнутому критическому анализу. Пожалуй, за единственным исключением, когда использование расчетных данных оказалось объективно неизбежным: при оценке численности и национальной структуры населения Советского Союза накануне Великой Отечественной войны. Здесь исследователю фактически не на что опереться, кроме недостаточно свежих данных Всесоюзной переписи января 1939 г., которая сама по себе вызывает вопросы у современных демографов в связи с известными обстоятельствами ее проведения. Не говоря о том, что уже после переписи численность и национальный состав страны претерпели значительные изменения после территориальных приобретений СССР на западных рубежах в 1939—1940 гг. Точного подсчета этих приобретений произведено не было. Поэтому в данном случае при анализе и сопоставлении национальных процессов в Красной армии

---

[58] Всероссийская Книга Памяти. 1941—1945 гг. Обзорный том. М., 2005. С. 411—412.

[59] *Шабаев А.А., Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 32.

накануне и в годы Великой Отечественной войны с общей этнодемографической картиной в стране, неизбежным стало обращение к расчетным данным советского статистического ведомства, имевшим официальный характер и опубликованным в служебном справочнике, носившем в свое время гриф «совершенно секретно»[60].

1.2. Зарубежная западная историография

Зарубежная западная историография в плане освоения первоисточников по теме исследования всегда была вторичной по отношению к отечественной. Если в советский период работа западных историков в военных архивах была невозможна по политическим причинам, то сегодня препятствием служит специфический характер архивного материала — сложно организованного, многообразного и чрезвычайно объемного массива делопроизводственных документов. Иностранный исследователь в читальном зале Центрального архива Министерства обороны РФ — очень редкий гость.

Тем не менее западная историография интересна неангажированностью и стремлением к объективности в освещении темы, некоторыми оценками и подходами. Зарубежных авторов искренне интересует уникальный опыт Красной армии, объединившей под своими знаменами десятки разноязычных этносов. Этот опыт рассматривается в контексте общеполитических процессов в СССР, его национальной политики, трактуемой западной наукой в терминах неоколониализма.

Пользуясь советскими и российскими изданиями как первоисточниками, они обращаются прежде всего к программным документам, связанным с решением национального вопроса в строительстве советских вооруженных сил, и статистическим данным, иллюстрирующим эти решения. Западных историков особенно интересуют социальный и политический аспекты взаимодействия этнических меньшинств с доминирующим русским этносом в рамках воинского коллектива и количественное измерение этого взаимодействия: численность и соотношение меньшинств в воинских рядах на разных этапах истории Советского Союза, а также факторы, влиявшие на изменения этой численности. Стремление к инструментальному, статистическому измерению национальных проблем в советском военном строительстве принципиально отличает западную историографию от большинства аналогичных отечественных работ. Не случайно большой популярностью среди зарубежных исследователей по сию пору пользуется проанализированная выше работа А.П. Артемьева — один из немногих трудов, содержащий богатый сравни-

[60] Статистические динамические ряды за 1913—1951 годы. С. 28 (Российский государственный архив экономики — РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 14 об).

тельно-цифровой материал по теме этнического представительства в Красной армии в годы войны.

Как и в отечественной историографии, в западной также неизменно популярна тема национальных частей, однако коренное отличие в их изучении состоит в том, что зарубежные историки всегда старались охватить тему целиком, взглянуть на национальные формирования как на особый институт Красной армии и инструмент национальной политики государства.

Принципиальный вопрос: являлась ли Красная армия «орудием интеграции советских этносов»? — решался западной историографией позитивистским инструментарием, через попытку замерить количественное и качественное представительство различных национальностей в советских вооруженных силах, особенно в рамках дихотомии «русские-нерусские этносы». Решению этой проблемы посвящены монографии и статьи известного советолога Т. Раковски-Хармстоун[61], книги Дж.Х. Лобинжера[62], В. Янга[63] и др. Автор монографии «Расколотая империя: Национальный бунт в СССР» Э. Каррер д'Анкосс приходит к выводу о том, что в различных составах военнослужащих (рядовом, офицерском) одни и те же национальности представлены по-разному, при явном доминировании русского этноса. Представительство неславянских народов соответствует степени их адаптации к русскоязычной культурной среде и встроенности в традиционное русское общество. Поэтому «советская армия отражает не общество, а власть и степень ассимиляции национальных групп или их сотрудничества с властями»[64]. Факт этнического дисбаланса в советском офицерском корпусе в пользу славян подчеркивался и в монографии Э. Джонс «Красная армия и общество»[65].

В 1980-х гг. этническая проблематика в строительстве советских вооруженных сил изучалась в рамках проекта RAND Corporation Research Study, курируемого армией США. В 1982 г. вышел доклад RAND С.Л. Карран и Д. Пономарева «Использование этнического фактора в Русской и Советской армиях»[66]. В последующие годы был

---

[61] *Rakowska-Harmstone T.* Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks: US Army War College, 1978; *Rakowska-Harmstone T.* "Brotherhood in Arms": The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces // Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers. Waterloo, 1990. P. 123—157; *Rakowska-Harmstone T.* Nationalities and the Soviet Military // The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society. Boulder, 1990. P. 72—94.

[62] *Lobinger J.H.* Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces. Oklahomasity, 1973.

[63] *Young W.* Minorities and the Military. A Cross-National Study in World Perspective. Westport, 1982.

[64] *Каррер д'Анкосс Э.* Указ. соч. С. 202.

[65] *Jones E.* Red Army and Society. A Sociology of the Soviet Military. Boston, 1985. P. 202.

[66] *Curran S.L., Ponomareff D.* Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview. Santa Monica: Rand, July 1982.

издан еще ряд докладов[67]. В 1988 г. в рамках проекта вышла монография Р. Алексеева и С. Уимбуша «Этнические меньшинства в Красной армии: богатство или обуза?»[68].

В постсоветский период увидели свет монографии М. фон Хагена, Р. Риза, Дж.А. Санборна[69], ряд статей[70] в журналах и сборниках, посвященных социальным проблемам Красной армии, в том числе связанным с ее национальным составом. Источниковая база ряда исследований значительно расширилась. В частности, в работах Дж.А. Санборна, М. Меридейл[71] используются материалы российских архивов: РГВА, ЦАМО, РГАСПИ и др.

Из исследований последних десятилетий (изданных после распада СССР) на тему советской национальной политики особенно следует выделить фундаментальную работу профессора Гарвардского университета Т. Мартина, посвященную политике *коренизации национальных кадров* в 1920-х гг., «Империя „положительной деятельности“»[72]. Книга, построенная на архивном материале, получила широкую известность и признание в российской научной среде. Понятие «империя „положительной деятельности“» в последние годы повсеместно употребляется как синоним советского политического курса 1920-х гг. в национальной сфере. Т. Мартин впервые в историографии дал многосторонний анализ явлению *коренизации*, предложил теоретические обоснования этой политики, показал ее региональные и отраслевые различия, а также предложил свое объяснение причинам ее постепенного сворачивания в 1930-х гг. К недостаткам этой большой по объему работы следует отнести то, что процесс *коренизации* в военной сфере совершенно упущен автором и даже ни разу не упоминается. Впервые национальная политика *коренизации* была соотнесена с проблемами строительства Красной армии еще Т. Раковски-Хармстоун в конце 1970-х гг., однако автор тогда призналась, что о результатах ее релизации в воен-

---

[67] *Alexiev A., Wimbush S.E.* The Ethnic Factor in the Soviet Armed forces. Historical Experience, Current Practices, and Implications for the Future. Santa Monica: Rand, August 1983; *Szayna Th.* The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces. The Muslim Dimension. Santa Monica: Rand, 1991.

[68] *Alexiev R., Wimbush S.* Ethnic Minorities in the Red Army. Asset or Liability? (Rand Corporation Research Study). Boulder and London, 1988.

[69] *Hagen M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930. Ithaca, 1990; *Reese R.R.* Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925—1941. Lawrence, 1996; *Sanborn J.A.* Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905—1925. Northern Illinois University Press, 2003.

[70] *Daugherty III L.J.* Ethnic minorities in soviet armed: The plight of central Asians in a Russian-dominated military // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 7. 1994. Issue 2. P. 155—197; *Blauvelt T.K.* Military Mobilisation and National Identity In the Soviet Union // War & Society. May 2003. Vol. 21. № 1. P. 41—62.

[71] *Merridale C.* Ivan`s War. The Red Army 1939—1945. London, 2005.

[72] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР: 1923—1939. М., 2011.

ном строительстве судить не может за неимением документальной базы[73].

В оксфордском сборнике статей «Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина»[74] содержится несколько любопытных статей, касающихся национального строительства в СССР. В частности, обоснованным представляется взгляд на отправную точку советского нациестроительства, связанную с дискуссией по национальному вопросу в начале 1920-х гг. между Лениным и Сталиным. Отмечается, в частности, что в 1917 г. большевики пришли к власти в моноэтничном государстве, в том смысле, что великорусский этнос безраздельно господствовал в Российской империи. Быстро поднявшиеся националистические движения на окраинах рушащегося государства дали понять советскому руководству, что националистическая угроза была действительно серьезной. Но в то же время «они понимали и то, что русский национализм исключительно силен и представляет собой еще более серьезную угрозу единству государства, поскольку может спровоцировать «защитный» национализм среди нерусского населения. Поэтому Ленин и Сталин вполне сознательно попытались создать антиимперское государство. Они поддерживали создание и развитие нерусских территорий, элит, языков и культурных учреждений, при этом систематически принижая русские национальные институты и культуру и даже превращая русских в козлов отпущения[75].

Нельзя не отметить еще одной свежей работы французских авторов А. Блюма и М. Меспуле, изданной впервые в Париже в 2003 г. и переведенной на русский язык[76]. Книга посвящена развитию статистической отрасли в условиях сталинизма, выявлению механизмов кадровой и научно-методологической преемственности советской статистической службы от дореволюционной и в то же время сильнейшего политического давления со стороны государства. Рассматриваются особенности статистических обследований населения и экономики в 1920—1930-х гг. Вопросы взаимодействия гражданской статистической службы с военным ведомством, в том числе военные переписи, не попали в поле зрения авторов. С точки зрения нашего исследования особенно ценной является весьма содержательная глава, посвященная национальным аспектам статистических исследований населения в Российской империи и СССР[77].

---

[73] *Rakowska-Harmstone T.* Red Army... P. 5.

[74] Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011 (перевод английского издания: A State of Nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford, 2001).

[75] Там же. С. 14.

[76] *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2008 (перевод с французского издания: *Blum A., Mespoulet M.* L'anarchie bureaucratique: Pouvoir et statistique sous Staline. Paris, 2003).

[77] Там же. С. 204—232.

Авторы убедительно показывают всю сложность таких работ в условиях интенсивно формирующихся этнических идентичностей. Сами статистики и государство постоянно участвовали в изменении и оформлении этих идентичностей, «предписывая», назначая их, группируя национальности исходя из своих административных целей. В работе раскрыты движущие силы и механизм этого процесса.

1.3. Историография постсоветского пространства

На просторах бывшего Советского Союза тематика военной службы местных этносов в рядах Красной армии по понятным причинам сильно политизирована. Как нигде, здесь уместно вспомнить классическую формулу сталинской науки: «История — это политика, опрокинутая в прошлое». Образы национальной военной истории поставлены на службу актуальной политики современных государств, вполне отражая современную, весьма недружественную атмосферу на бывшем советском пространстве. Как отмечает один из ведущих отечественных этнологов академик В.А. Тишков, «конструирование прошлого», создание «версии прошлой жизни, которая ведет к современности... на основании выборочной организации прошлых событий» является важнейшим фактором современной этнической и национальной самоидентификации[78].

Сразу отметим, что ключевым недостатком многих современных работ, издаваемых по интересуемой тематике на постсоветском пространстве, является их слабая источниковая база. Архивный материал привлекается эпизодически, и речь идет в основном об интерпретации известных фактов. Понятно, что ключевые архивы по теме остались на территории России, однако слабо вовлекаются в научный оборот и материалы местных архивов. Диссертации по военно-исторической тематике XX в. тоже редкость. Все это свидетельствует о значительной утрате национальными историческими сообществами интереса к совместной советской военной истории, ее ритуализации и политизации. Особенно это касается историографии Великой Отечественной войны. История войны крайне конъюнктурна и может зависеть буквально от личных пристрастий главы государства. Так, например, произошло в Узбекистане, где на протяжении четверти века правления И.А. Каримова память о войне и участии в ней узбеков медленно, но упорно вытеснялась из символического, информационного и образовательного пространства страны. С приходом в 2016 г. к власти бывшего премьер-министра Ш.М. Мирзиёева тема победы над нацизмом переживает настоящий

---

[78] *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 498—499.

ренессанс: возвращаются на место старые памятники, проводятся шествия, публикуются книги.

В ряде стран (Таджикистан[79], Белоруссия[80], Армения[81], в значительной степени — Казахстан[82], Киргизия[83]) тема разрабатывается в целом в парадигме старого советского подхода с упором на освещение героических аспектов национальной военной истории и боевого пути сформированных в этих регионах национальных частей. Так, в *Белоруссии* советские традиции изучения военной истории оказались наиболее сильными на всем постсоветском пространстве; каноны военной героики догматизированы и неуклонно соблюдаются. Особенно это очевидно по содержанию научно-практических конференций по вопросам истории Великой Отечественной войны, активно проходящих в этой стране[84]. Белоруссия — фактически единственное государство, чья концепция и ключевые оценки исто-

---

[79] *Абдуллоев Р.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 1994; Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 2000; Сборник материалов Республиканской конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Душанбе, 2005 и др.

[80] Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Минск, 2005; Освобождение Беларуси. 1943—1944. Минск, 2014; *Третьяк С.А.* Трудный путь к Победе. Минск, 2015; Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне. Минск, 2016 и др.

[81] *Акопян А.М.* От Кавказских предгорий до Берлина — Эльбы: Боевой путь трижды орденоносной 89-й Таманской армейской стрелковой дивизии. Ереван, 1991; *Григорян Г.* Участие армян Арцаха в Великой Отечественной войне (1941—1945): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 2004 и др.

[82] *Тасбулатов А., Аманжолов А.* Военная история Казахстана. Алматы, 1998; *Исмаилов А.И.* Война и Победа (из истории Казахстана в 1941—1945 годах). Шымкент, 2010; История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 306—316 и др.

[83] *Тунтеев Н.С.* Красные кавалеристы Кыргызстана. Бишкек, 1994; *Сагынбаев О.* Посланцы Кыргызстана на фронтах Великой Отечественной войны. Бишкек, 1995; Всемирно-историческое значение победы в Великой Отечественной войне: Сб. статей. Бишкек, 1995; Отечественная война: их славу годы не сотрут. Бишкек, 2005; *Жоробеков Т.Ж.* Вклад кыргызстанцев в Великую победу (на материалах южных регионов Кыргызской Республики). Бишкек, 2005 и др.

[84] Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность: Мат-лы междунар. научн. конф. (Минск, 29—30 июня 2004 г.). Минск, 2004; Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах: Мат-лы Междунар. научно-практич. конф. (Минск, 25—26 июня 2009 г.). Минск, 2009; Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы): Мат-лы V междунар. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14—23 июня 2010 г.). Минск, 2010; Победа — одна на всех: Мат-лы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. Витебск, 2014; Беларусь: памятное лето 1944 года: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от нем.-фашист. захватчиков (Минск, 19—20 июня 2014 г.). Минск, 2015; Вторая мировая война в истории человечества. 1939—1945 гг.: Научный сборник. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2015; Этот день мы приближали, как могли...: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны (Минск, 7—8 мая 2015 г.): В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2016.

рии Великой Отечественной войны совпадают с современной российской, что дает плодотворную почву для научной кооперации военно-исторических сообществ двух стран.

Историки других стран (Украина[85], Грузия[86], страны Балтии, отчасти Азербайджан) увлечены поисками своих корней *вне* российского/советского имперского контекста. Советское военное присутствие в этих странах трактуется как оккупация, а служба местного населения в рядах Красной армии — как действие принудительное. Государствообразующий этнос трактуется как жертва злодеяний сразу двух тоталитарных режимов — и нацистского, и советского. Сама война на большей части постсоветского пространства понимается как чужая, навязанная.

Определенный интерес представляет украинская историография. Тема участия миллионов украинцев в совместной с русскими и другими народами борьбе с нацизмом все более маргинализуется, и нередко целые монографии, посвященные истории вооруженных сил Украины XX в., обходятся даже без упоминания этого факта[87]. Термин «Великая Отечественная война» вовсе выведен из официального и научного оборота, и, очевидно, это означает, что, по крайней мере, на современном историческом этапе полный отрыв от некогда единой с российской историографией традиции изучения событий 1939—1945 гг. завершен.

---

[85] *Гриневич Л.В.* Військове будівництво в Україні у 20-ті — на початку 30-х рр. XX ст.: національний аспект: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 1995; *Бондарь А.Н.* Украинизация и национальные формирования в войсках Украинского военного округа в 1922—1935 годах: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Одесса, 1997 и др.; «Українізація» 1920—30-х років: Передумови, здобутки, уроки. К., 2003; *Легасова Л., Шевченко Н.* Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 20—31; *Лисенко О.Є.* Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 — на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. 2015. № 5. С. 19—42 и др.

[86] *Натмеладзе М., Даушвили А.* Новейшая история Грузии. Тбилиси, 2010. С. 176—214; *Натмеладзе М.* К вопросу участия Грузии в битве за Кавказ в 1941—1943 годах в русской историографии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. Тбилиси, 2011. С. 141—153 и др.

[87] Например, в большом издании «История украинского войска», подготовленном сотрудниками исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко в 2016 г., повествование неожиданно обрывается 1921 г., а возобновляется только событиями, связанными с формированием войск Карпатской Украины в конце 1930-х гг., а затем — националистической организации ОУН в период Второй мировой войны. В тех же работах, где боевые действия на территории Украины в 1941 и 1943—1944 гг. все же рассматриваются, это делается подчеркнуто отстраненно: две огромные армии схлестнулись в сражении за богатую украинскую землю (Воєнна історія України від давнини до сьогодення. Харків, 2016). Аналогичным образом построены другие работы о вооруженных силах Украины: *Папікян А.* Збройні Сили України двадцятого століття. Львів, 1999; Історія українського війська. Харків, 2016; Поле битви — Україна. Від «володарів степу» до «кіборгів». Харків, 2016; *Литвин В.* Історія України: підручник. К., 2013. С. 658—700 и др.

Позиция жертвы большой игры великих держав оправдывает и всевозможные коллаборации «малого» этноса с разными сторонами конфликта, трактуемые как морально приемлемые стратегии выживания нации в условиях тоталитарного гнета. Такому подходу присущ страдательный настрой и пристальное внимание к человеческой и материальной цене победы, которую пришлось заплатить представителям данного этноса за участие в войне. Интересен анализ вопросов, связанных с мобилизациями украинцев в 1943—1944 гг. и резким ростом удельного веса украинцев в частях Красной армии в этот период. Так, в кандидатской диссертации В.А. Гриневича справедливо отмечается перманентная изменчивость национального состава действующей армии в связи с изменениями потоков пополнений в них из различных республик. Можно согласиться с утверждением о том, что с начала 1944 г. пополнения из Западной Украины стали большой проблемой для комплектующих органов Красной армии, причем сложность представляли как сам процесс мобилизации, так и дальнейшее использование этой категории военнослужащих в бою[88].

В коллективной монографии, посвященной военному строительству на Украине в XX в., сделаны полезные наблюдения об изменении численности военнослужащих в последний период Великой Отечественной войны в 1944—1945 гг., на что прежде редко обращалось внимание историков. По подсчетам авторов книги, в ряде армий 1, 2, 3-го Украинских фронтов число украинцев в это время значительно превышало число русских и достигало 50—80%[89]. Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57% украинцев, 35% русских, 0,8% белорусов, 1,3% татар, 1,5% евреев, 1,4% представителей республик Закавказья, 1,7% представителей Средней Азии и 1,3% представителей других народов[90]. Отмечается, что к концу войны, по мере того, как иссякали мобилизационные возможности освобождаемых территорий УССР, удельный вес украинцев в частях действующей армии вновь упал и не превышал 20—25%[91]. Хотя выводы о динамике численности украинцев в рядах Красной армии, сделанные украинскими учеными, в целом подтверждаются в представленной монографии, в украинских работах имеются существенные недостатки: политизированность выводов, узкая источниковая база, фрагментарный охват и нередко случайный характер привлекаемого для анализа учетного материала. Иногда ссылки на документы и вовсе отсутствуют. Например, в монографии доктора исторических наук М.В. Ко-

---

[88] *Гриневич В.А.* Національні проблемі в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 — жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1994. С. 10—11.

[89] Військове будівництво в Україні у XX столітті: Істороичний нарис, події, портрети. Киев, 2001. С. 196.

[90] Там же.

[91] Історія українського війска (1917—1995). Львів, 1996. С. 345.

валя сообщается, что численность украинцев во многих соединениях достигла 50—70%, однако не приводятся ссылки на документы[92]. Таким образом, украинские исследования в области сравнительно-статистического изучения участия украинцев в рядах Красной армии можно считать лишь введением в тему.

В последние годы в украинской историографии активно исследуется проблематика советских войсковых мобилизаций на недавно освобожденных территориях республики в 1943—1944 гг.[93] В кандидатской диссертации[94] и статьях[95] Л.В. Рыбченко (ныне — заместитель директора Национального музея Украины), статьях О.Е. Лисенко[96], Л. Легасовой, Н. Шевченко[97] представлены результаты анализа специфического типа источников. В 2000-х гг. распоряжением правительства Украины в Национальный музей Украины из областных военкоматов были переданы все дела (свыше 9 тыс. единиц хранения[98]) военкоматов с уведомлениями граждан из воинских частей о безвозвратных потерях (в просторечье — *похоронках*). Записи о *похоронках*, содержащие сведения о дате и месте призыва гражданина, а также дате и месте гибели и захоронения, вносились в специальные книги, которые и стали сейчас предметом исследования, давшего интересные результаты (тем более в России такая работа пока не проведена).

Проведя содержательный и количественный анализ документов одного из районов Киевской области (Обуховского), Л.В. Рыбченко делает ряд любопытных наблюдений о масштабах и методах местных мобилизаций, степени военной выучки мобилизованных украинцев, сроках отправки их на фронт. В частности, она приходит к выводу о том, что нередко «только что мобилизованные жители освобож-

---

[92] *Коваль М.В.* Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939—1945 рр.). Київ, 1999. С. 117.

[93] *Гриневич В.А.* Національні проблемі в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 — жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1994.

[94] *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 р. на території Лівобережної України: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. К., 2010.

[95] *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. К., 2009. Вип. 12. С. 103—112; *Она же.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. К., 2013. С. 77; *Она же.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941—1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943—1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19 (2). К., 2009. С. 129—139.

[96] *Лисенко О.Є.* Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 — на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. 2015. № 5. С. 19—42.

[97] *Легасова Л., Шевченко Н.* Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 20—31.

[98] *Лисенко О.Є.* Указ. соч. С. 20.

денных украинских сел сразу попадали в бой». Часть из них гибла в первом же бою недалеко от родных мест и даже хоронилась родственниками по месту жительства. Выяснилось также, что подавляющая часть мобилизованных местных жителей не успевала оформляться по правилам воинского учета[99]. В то же время автор соглашается с тем, что такая практика, судя по всему, была повсеместной в годы войны, а не велась целенаправленно только в отношении украинского населения, поскольку она осуществлялась в порядке выполнения приказа Ставки ВГК № 089, изданного еще 9 февраля 1942 г.[100], задолго до освобождения Украины. Данная директива разрешала военным советам армий в ходе наступления пополнять свои ряды в упрощенном порядке, вне установленной процедуры призыва военкоматами.

Проблема войсковых мобилизаций — интересная и плодотворная тема; проанализированные работы дополняют и подкрепляют сделанные нами на большом архивном материале выводы о резком росте численности украинцев и других «западных» народов СССР среди рядового состава Красной армии со второй половины 1943 г. и до конца войны и изменении соотношения в этническом составе войск между основными его категориями — офицерским, сержантским и рядовым составами.

В украинской академической литературе политике *коренизации* на Украине (частью которой являлось развитие национальных формирований) дается в целом положительная оценка. Как отмечалось в одной из обобщающих работ по истории Украины, «если в других национальных республиках *коренизация* так и осталась аппаратной кампанией, в Украине она приобрела многие признаки мощного национального возрождения»[101]. В работе Института истории Национальной академии наук Украины «Украинизация 1920—30-х гг.: Предпосылки, достижения, уроки» отмечается, что «за десять лет „украинизации“ (1923—1933 гг.) украинцы превратились в структурно полноценную, дружную и консолидированную нацию, то есть обрели все те характеристики, которых им так не хватало во время революции 1917—1920 гг.»[102].

В обобщающей работе «История украинского войска» рассмотрены вопросы *украинизации* воинских частей Украинского военного округа (УВО) в середине 1920-х гг., особенности языковой политики и партийно-политической работы в войсках, подлежавших *украинизации*[103]. Авторы справедливо рассматривают *украинизацию* частей

---

[99] *Рибченко Л.* Документальний фонд... С. 133.

[100] Экземпляр № 1 приказа Верховного главнокомандующего хранится в подшивке приказов НКО за 1942 г. в ЦАМО (Ф. 2. Оп. 920266. Д. 3. Л. 150).

[101] *Литвин В.* Указ. соч. С. 606.

[102] «Українізація» 1920—30-х років: Передумови, здобутки, уроки. К., 2003. С. 188.

[103] Історія українського війска (1917—1995). Львів, 1996. С. 230—282.

РККА в УССР в контексте политических процессов на Украине, когда апологеты *коренизации* в регионе (прежде всего нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н.А. Скрипник) пытались использовать их для реализации модели украинского «национал-коммунизма»[104]. История украинских частей РККА показана на фоне общей картины публичной и негласной политической борьбы между сторонниками углубления *украинизации* и так называемыми «великодержавниками», чьи позиции с конца 1920-х гг. неуклонно усиливались[105].

* * *

Анализ историографии показал недостаточную изученность национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР в 1918 — первой половине 1940-х гг. отечественной и зарубежной исторической наукой, фрагментарность и регионализацию тематики исследований, а нередко — этнополитическую ангажированность авторов в освещении национальной проблематики в военной истории.

Отсутствие объективного исследования национальной тематики в военном вопросе рождало и продолжает порождать сонмы спекуляций, домыслов и споров, особенно в национальной региональной исторической и публицистической литературе. Зияющая историографическая лакуна на месте столь важной, да и просто крайне интересной страницы отечественных вооруженных сил и послужила толчком к написанию данной книги.

---

[104] Історія українського війська. С. 318—331.
[105] Там же. С. 331.

Глава 2
ИСТОЧНИКИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ КРАСНОЙ АРМИИ

Когда в 1928 г. старшему инспектору Политуправления РККА Шапошникову[1] было поручено подготовить обобщающий доклад о национальном строительстве в РККА, он столкнулся с «необычайными затруднениями», а именно — с «в высшей степени распыленностью материалов», их устарелостью, полным отсутствием обобщающих справок по большинству национальностей, в связи с чем «предварительное намерение дать исчерпывающую картину национального военного строительства в ходе работы пришлось отменить за явной невыполнимостью...»[2].

Современное состояние источниковой базы тоже не простое. Материалы по теме отложились в самых различных, подчас неожиданных фондах целого ряда архивов. Поиск, систематизация и анализ документальных материалов потребовали многолетней кропотливой исследовательской работы. В ходе подготовки монографии *изучено свыше 1400 архивных дел около ста фондов трех федеральных и одного ведомственного архивов*.

Основу источниковой базы составили документы трех категорий, как опубликованных, так и неопубликованных (архивных):

1) нормативно-правовая база[3], определявшая национальную политику государства в военном строительстве, — конституционные акты, законы и подзаконные акты[4];

---

[1] Инициалы не установлены.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 169.

[3] Под *нормативным правовым актом* понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под *правовой нормой* понимается общеобязательное государственное предписание (правило поведения) постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение (см.: Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.01.2007 № 12547/06; от 14.11.2006 № 11253/06).

[4] Под *подзаконным актом* российская правовая наука понимает нормативный акт, издаваемый в соответствии с законом компетентным органом, направленный на исполнение и развитие законодательных положений и регулирующий

2) многообразная делопроизводственная документация, состоящая из правоприменительных ненормативных актов — приказов, циркуляров, директив, приказаний, предписаний, а также отчетных материалов исполнителей — докладов, рапортов, донесений, отчетов, информационных материалов и т. п.[5];

3) документы учетно-статистического характера различного происхождения. Эту категорию документов нередко относят к материалам делопроизводства, однако в силу их специфики и важности для данного исследования они выделены в отдельную группу.

В качестве вспомогательных источников к исследованию привлекались материалы периодической печати тех лет и мемуарная литература участников событий. Они перечислены в списках использованных источников и литературы.

2.1. Нормативные акты и делопроизводственные документы

Первую категорию источников составляют конституционные акты 1918, 1924, 1936 гг. и основанные на них кодексы, законы, указы, постановления, положения по военным вопросам высших советских законодательных органов власти: Всероссийских и Всесоюзных съездов Советов и Центрального Исполнительного Комитета СССР (до 1938 г.), Верховного Совета СССР (с 1938 г.) и его Президиума[6]; а также являвшиеся императивными для развития всей страны решения высших органов КПСС: резолюции и постановления съездов РКП(б) (с 1925 г. — ВКП(б), пленумов ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б) и заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б)[7]. Совместные постановления ЦК ВКП(б) и правительства с 1932 г. официально носи-

---

отдельные конкретные аспекты общественных отношений. Следует оговориться, что на подзаконном уровне акты могут носить смешанный характер, то есть содержать положения как нормативного, так и ненормативного характера. Среди положений ненормативного характера можно выделить положения организационно-распорядительного характера (однократного применения, адресованные конкретным лицам или группе лиц), положения рекомендательного характера (не подразумевающие возможности применения мер государственного принуждения).

[5] Сложная иерархия служебной документации РККА, сложившаяся на рубеже 1920—1930-х гг., подробно проанализирована в докторской диссертации и монографии Н.С. Тарховой (см.: *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация: 1928—1933 гг. М., 2010. С. 48—56).

[6] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: 1917—1936: Сб. док-тов. Т. 3. Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. 1922—1936. М., 1960; Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938—1946 гг. М., 1946.

[7] ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М., 1928; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917—1981. М., 1981; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898—1925; Ч. 2. 1925—1953. М., 1953.

ли характер подзаконного нормативного акта; остальные перечисленные решения руководящих органов Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) в силу фактического сращивания государственного и партийного аппаратов также были общеобязательными, и их нормативный характер признается источниковедческой наукой[8].

Большинство документов, отнесенных к первой группе, в силу своей природы (необходимости доведения нормы до широкого круга исполнителей) опубликованы в официальных сборниках нормативных актов и в академических сборниках документов.

В настоящем исследовании проанализированы: положения советских Конституций в части нормирования воинской обязанности для различных категорий граждан; основанные на конституционных положениях законодательные акты в области призыва и прохождения военной службы гражданами РСФСР и СССР различных национальностей в период с 1917 по 1945 г.[9] Особое внимание уделено анализу призывных законов 1918, 1920, 1925, 1930 и 1939 гг. и их редакций в контексте деятельности государственных и партийных органов по расширению мобилизационной базы Вооруженных Сил СССР за счет нерусских народов.

Поскольку механизм реализации законов вырабатывается в специальных нормативных *подзаконных актах*, потребовалось изучение всего комплекса руководящих документов, издававшихся военным ведомством во исполнение призывных законов. Сюда отнесены указы высших органов представительной власти, постановления правительства и программные решения руководящих органов Коммунистической партии, а также акты военного ведомства: нормативные приказы, уставы, наставления и инструкции Наркомата по военным и морским делам (с 1934 г. — Наркомата обороны) СССР, его ключевых структурных подразделений (Штаба (с 1935 г. Генерального штаба) РККА, Главного управления РККА (до 1940 г.), Политуправления РККА (с 1941 г. — Главного политуправления РККА), Главупраформа КА и других высших органов военного управления по организации воинского учета, призыва, подготовке кадров, организации партийно-политической работы с нерусскими военнослужащими и т. д.

Особую категорию составляет нормативная база периода Гражданской войны в России 1918—1922 гг. Она представлена декретами Совета Народных Комиссаров, постановлениями Съездов Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета,

---

[8] *Русина Ю.А.* Указ. соч. С. 15—16.

[9] Декреты Советской власти. Т. 1—11. М., 1957—1997; Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по призывам в Красную армию. М., 1918; Закон об обязательной военной службе в новой редакции с 1 августа 1928 г. М.—Л., 1929; Закон об обязательной военной службе в редакции 15 августа 1930 г. М., 1931; Закон о всеобщей воинской обязанности. М., 1939; Сборник законов, постановлений и приказов НКО о всеобщей воинской обязанности и прохождении службы начальствующим составом Красной армии. М., 1942 и др.

приказами наркома по военным делам, Реввоенсовета Республики (РГВА. Ф. 1 и 4).

Анализ нормативной базы 1918 — середины 1940-х гг. имел ключевое значение для определения тенденций, темпов и способов комплектования представителями нерусских народов частей Красной армии и организации их военной службы.

В монографии проанализирован целый ряд основополагающих документов партийных и государственных органов, определявших содержание государственной национальной политики в военном строительстве. Они оформлялись резолюциями, декретами, законами, постановлениями высших органов государственной власти и руководства Коммунистической партии. При этом в большинстве случаев партийные решения предшествовали решениям представительных и исполнительных органов государственной власти и определяли содержание последних. В этом на практике реализовывалась «руководящая и направляющая роль» Коммунистической партии. Наиболее важными среди них являются: носившая программный характер резолюция «По национальному вопросу», принятая XII съездом РКП(б), состоявшимся 17—25 апреля 1923 г.[10], а также резолюция проходившего вскоре после XII съезда партии IV совещания в ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (9—12 июня 1923 г.), содержавшая перечень практических первоочередных мероприятий по проведению в жизнь резолюции съезда по национальному вопросу в военном деле[11]. Разработанная на этой основе пятилетняя программа национальных формирований в РККА была утверждена III съездом Советов СССР в мае 1925 г.[12], а выполнение ее было возложено съездом на ЦИК и СНК СССР и на много лет определило развитие национального сегмента Красной армии[13].

В исследовании также задействованы рабочие материалы различных ведомств по подготовке законов и подзаконных актов, их практической реализации в национальных регионах СССР, что помогло установить основных акторов, их интересы и мотивы, а также механизмы принятия тех или иных решений.

* * *

Основную часть *делопроизводственных документов*, использованных в данной работе, составляют материалы, связанные с обеспечением текущей управленческой деятельности центральных и местных органов военного управления, воинских частей, соединений и объ-

---

[10] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Ч. 1. С. 709—718.

[11] Там же. С. 761—767.

[12] *Фрунзе М.В.* Собр. соч. М., 1927. Т. 3. С. 231.

[13] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик... С. 92—93.

единений, советских органов власти и Коммунистической партии. Они хранятся в фондах трех федеральных и одного ведомственного архива — Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Часть материалов опубликована в документальных сборниках.

Делопроизводственные документы можно разделить на несколько типов: 1) *руководящая документация* (постановления, директивы, приказы); 2) *деловая переписка* и *информационно-отчетные документы* (официальные обращения, отношения, донесения, сводки, сообщения, справки, доклады, отчеты); 3) *повестки дня, протоколы* и *стенограммы*.

К основополагающим *руководящим документам* отнесены прежде всего материалы руководства советского военного ведомства (Реввоенсовет Республики/СССР, народный комиссар обороны и его заместители), а также чрезвычайных органов руководства страной и вооруженными силами в период Великой Отечественной войны (Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования).

Для определения механизмов и движущих сил принятия тех или иных решений по национальной проблематике в военном строительстве также использовались архивные материалы гражданских партийных органов, сосредоточенные в РГАСПИ. Среди них личные фонды вождей Коммунистической партии и Красной армии, в разные годы имевших отношение к строительству вооруженных сил, а именно: фонды И.В. Сталина (Ф. 558), К.Е. Ворошилова (Ф. 74), Л.М. Кагановича (Ф. 81) и др. Особенно полезны для исследования документы фонда Ворошилова, который сталкивался с национальным вопросом в армии сначала в должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, а затем — в должности наркомвоенмора (с 1934 г. — наркома обороны).

Впервые в отечественной историографии в целях изучения национальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны проведен анализ значительного массива постановлений ГКО[14], приказов и директив наркома обороны[15], директив заместите-

---

[14] Постановления ГКО № 452сс от 10 августа, 459сс от 11 августа, 488сс от 15 августа, 506сс от 18 августа, 585сс от 28 августа; 763сс от 11 октября; 807сс от 16 октября, 836сс от 25 октября 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151—153; Д. 7. Л. 16, 70; Д. 8. Л. 34; Д. 9. Л. 127—129; Д. 12. Л. 78, 162, 197—198); № 2100сс от 26 июля 1942 г. (*Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 514—516); № 4322 от 13 октября 1943 г., № 5026 от 25 января 1944 г. (Русский архив. Т. 17(6). С. 263); № 5460 от 23 марта 1944 г. и др.

[15] Приказы НКО № 090 от 22 июля 1941 г. (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 182); № 0585 от 30 июля 1942 г.; № 0974 от 21 декабря 1942 г.; № 78 от 14 февраля 1943 г. (ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 6. Л. 191); № 023 от 4 февраля 1944 г.

ля наркома обороны — начальника Главного управления укомплектования и формирования войск Красной армии (Главупраформа)[16] с объявлениями очередных и внеочередных (мобилизационных) призывов военнообязанных запаса и призывной молодежи и определением порядка их проведения. Наличие (равно как и их отсутствие) в содержании этих документов ограничений по признаку национальности позволили определить тенденции развития призывной политики государства и сделать вывод о том, что в течение 1941—1943 гг. был издан и действовал до конца войны комплекс совершенно секретных постановлений ГКО и директив НКО, регламентировавших особый порядок призыва, комплектования и несения военной службы для представителей значительного числа народов СССР.

Приказы наркома обороны об очередных и внеочередных (мобилизационных) призывах часто содержали конкретные требования к этническим характеристикам призываемых и определяли возможность использования того или иного народа в строевых или нестроевых частях. Отдельные приказы и директивы НКО объявляли этнические чистки рядов РККА. Такова, например, директива НКО № 200/ш от 24 июня 1938 г., требовавшая уволить из состава частей приграничных военных округов комначсостав следующих национальностей: немцы, поляки, латыши, эстонцы, корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры, болгары и при наличии компрометирующих материалов передать командиров этих национальностей органам НКВД. В годы Великой Отечественной войны разъяснения этнических параметров призывов и мобилизаций часто содержались в приказах заместителя наркома обороны — начальника Главупраформа Красной армии.

В годы Великой Отечественной войны исключительной была роль Государственного Комитета Обороны СССР — высшего чрезвычайного органа власти, решения которого имели силу закона. В контексте данной работы наиболее важны постановления первого периода войны, связанные с учреждением национальных соединений, определением их штатных параметров и условий формирования (постановления № 383сс, 894сс, 1141сс, 1142сс[17], 2100сс, 4322сс, 5026сс, 5460сс[18] и ряд других). Так, постановлением ГКО № 894сс

(Русский архив: Великая Отечественная: приказы НКО СССР: 1937—1941 гг. Т. 13 (2—1). М., 1994. С. 258—261) и др.; директивы НКО № орг/2/539001 — орг/2/539013 от 11 августа 1941 г. и др.

[16] Директива заместителя НКО № М/1/2926 от 27 июля 1942 г.; № М/1/1493 от 9 октября 1943 г. (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142); № М/1/1498 от 16 октября 1943 г. (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 190—191); № М/1/1746 от 18 ноября 1944 г. (ЦАМО. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 54); № орг/7/780356 от 15 января 1942 г. (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 93. Л. 39, 60) и др.

[17] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 182; Д. 16. Л. 120—121; Д. 220. Л. 225; Оп. 2. Д. 25. Л. 103—104.

[18] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 514—516; Русский архив. Т. 17 (6). С. 263.

от 13 ноября 1941 г. «О национальных войсковых соединениях» было объявлено формирование сразу 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад из представителей народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья. Это решение определило судьбу большинства национальных формирований, созданных в годы Великой Отечественной войны.

Большую помощь в исследовании национальных формирований в период Великой Отечественной войны оказал опубликованный в 2015 г. в рамках фундаментальной документальной серии «Великая Отечественная война. 1941—1945. Документы и материалы» большой тематический сборник документов, специально посвященный национальным формированиям Красной армии в годы войны[19]. Это фактически первое в отечественной историографии подобное издание, охватывающее проблему в целом. В книге опубликовано 115 объемных документов, большинство из которых впервые введено в научный оборот. Сборник разделен на несколько тематических разделов, каждому из которых предшествует авторское предисловие, а сами документы добротно прокомментированы. Многие материалы относятся к центральным управлениям Наркомата обороны СССР (Главному политуправлению РККА, Главному управлению формирования и укомплектования войск КА и др.), фонды которых в ЦАМО по настоящее время не полностью рассекречены. Следует подчеркнуть, что документы опубликованы без изъятий, часто содержат «непарадную» сторону истории нацформирований: сведения о проблемах формирования, укомплектования командным и политическим составом, дисциплине и обучении красноармейцев нерусской национальности.

Ко *второй группе делопроизводственной документации* отнесены *деловая переписка* и *информационно-отчетные документы* (официальные обращения, отношения, донесения, сводки, сообщения, справки, доклады, отчеты) различных заинтересованных управлений военного ведомства, связанных с комплектованием, боевой и политической подготовкой, боевым применением национальных и обычных (*номерных*) частей Красной армии.

Особое значение в исследовании имел проведенный впервые в отечественной историографии комплексный анализ материалов организационно-мобилизационных органов РККА, наиболее отчетливо отразивших реализацию национальной политики Советского государства в армии. В исследовании периода Гражданской войны важны были весьма объемные фонды органа, занимавшегося всеми вопросами строительства вооруженных сил — Всероссийского Главного штаба (РГВА. Ф. 11); его преемника с февраля 1921 г. — Штаба РККА (РГВА. Ф. 7), а также инспекционного органа — Высшей

[19] Великая Отечественная война: 1941—1945: Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. М., 2015.

военной инспекции (РГВА. Ф. 10). Масса разнообразного учетного и справочного материала, отражающего национальный вопрос в РККА, содержится в фонде Управления делами Реввоенсовета Республики (РГВА. Ф. 4). Поскольку документальная база по теме за этот период относительно невелика, к исследованию привлечены хранящиеся в ГАРФ материалы Наркомата по делам национальностей, который в первые годы своего существования активно вмешивался во все сферы общественной жизни, где так или иначе были представлены интересы народов России, в том числе и в вопросы военного строительства (ГАРФ. Ф. Р-1318)[20].

В исследовании межвоенного периода первостепенное значение имели фонды Главного управления (ГУ) РККА (1924—1934 гг., 1939—1940 гг.) и Административно-мобилизационного управления (АМУ) (1934—1939 гг.). ГУ/АМУ РККА — это высший административно-организационный орган, выделенный из состава Штаба РККА в ходе военной реформы в первой половине 1920-х гг. В его компетенции находились вопросы организации войск, комплектования, боевой и мобилизационной подготовки — словом, все проблемы строительства вооруженных сил, в том числе и национальных частей. ГУ/АМУ РККА воплощали в жизнь политические решения высших государственных органов власти в части мобилизационного планирования, воинского учета и комплектования армии представителями различных народов СССР. Материалы ГУ/АМУ РККА рассредоточены в нескольких местах (РГВА. Ф. 54, 40442; ЦАМО. Ф. 7). В этих фондах подчерпнуты материалы по ежегодным призывам граждан в ряды Красной армии, документы о подготовке и проведении призывов среди представителей нерусской национальности, переписка с центральными и республиканскими органами власти по поводу призывов в той или иной местности, перечни призываемых и непризываемых народов СССР, анализ правоприменительной практики в отношении нерусских народов, отражающие состояние национального вопроса в военном строительстве[21].

Следует отметить, что значительную часть довоенного периода дублирующие Главное управление РККА организационно-мобилизационные и учетные органы содержались и в составе Штаба (с 1935 г. — Генерального штаба) РККА. Периодически они меняли названия и структуру[22]. Это историческое обстоятельство потребовало изучения соответствующей документации Штаба (Генерального штаба) РККА (РГВА. Ф. 7. Оп. 7, 10, 14). Более того, в фонде

[20] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 2.

[21] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 52, 97а, 103, 1037, 1039, 1047, 1053, 1088, 1101, 1236, 1238; Оп. 3. Д. 28, 39, 41, 54, 78, 79, 81, 121 и др.

[22] С 1924 г. — Организационно-мобилизационное управление; с 1926 г. — 2-е управление; с 1931 г. — 2-е и 9-е управления (соответственно Организационное и Войсковой мобилизации); затем — Организационно-мобилизационный отдел (затем — управление) Штаба (с 1935 г. — Генерального штаба) РККА.

40442 РГВА и в фонде 7 ЦАМО (Оп. 24, 25, 26) материалы ГУ/АМУ РККА и Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА и вовсе слиты воедино. Среди документов оргмоборганов Генштаба выявлены и проанализированы материалы, относящиеся к 1930-м гг., связанные с анализом специалистами управления результатов и эффективности формирования воинских частей по национальному признаку, планами их мобразвертывания на случай войны и изучением перспектив боевого применения в условиях современной крупномасштабной войны[23].

Органы мобилизационного планирования, учета и комплектования были объединены накануне войны, в 1940 г., войдя в структуру Генерального штаба. Но уже в начале Великой Отечественной войны, 29 июля 1941 г. приказом НКО № 0254 на базе трех управлений Генерального штаба Красной армии (организационного, мобилизационного, комплектования и службы войск) было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ). Всю войну он был главным оргмоборганом Красной армии. Основными его подразделениями были: Управление мобилизации и укомплектования армии[24], Управление формирования, Управление маршевых пополнений фронта, Организационно-штатное управление[25]. Фонд Главупраформа (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12214, 12216, 12234, 12236, 12238) содержит большой массив материалов, связанных с вопросами призыва, мобилизации и укомплектования войск личным составом различных национальностей, переписку с фронтовыми и окружными управлениями по поводу использования тех или иных этносов, формированием национальных и смешанных воинских частей, их боевой подготовки и инспектирования, подготовки и отправки на фронт маршевых пополнений и др.

В апреле 1942 г. часть функций Главупраформа была возвращена в Генштаб. Так, было сформировано Организационное управление, переформированное в мае 1943 г. в Главное организационное управление ГШ КА; в этот же период из Главупраформа в Генштаб было передано Организационно-штатное управление, переименованное в Организационно-учетное управление (занималось вопросами оргмероприятий, штатно-списочной численностью частей, общим учетом потерь и др.)[26]. Все эти организационные изменения учитывались нами при отборе и анализе документальной базы.

Материалы Главупраформа и Генерального штаба позволили дать оценку особенностям комплектования рядов Красной армии пред-

---

[23] РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769; Оп. 2а. Д. 75, 121.

[24] Сформировано в августе 1941 г. и возглавлялось: с 9 августа 1941 г. генерал-майором Н.Л. Никитиным, а с 14 октября 1942 г. — генерал-майором А.И. Бариновым (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 136, 138).

[25] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 190—192.

[26] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 275. Л. 220.

ставителями народов СССР в годы войны, объяснить причины возврата в 1941—1942 гг. в строительстве вооруженных сил к национальным формированиям[27]. Анализ мобилизаций и очередных призывов в годы Великой Отечественной войны позволил впервые в историографии сделать обоснованные комплексные выводы о дифференцированном подходе к приему в ряды Красной армии представителей различных народов на разных этапах войны в зависимости от их социально-политических, демографических и иных оценок.

Масса полезной информации выявлена в фондах полевых управлений фронтов и военных округов, которые комплектовались гражданами нерусской национальности: Закавказский фронт[28] (ЦАМО. Ф. 209), Закавказский военный округ (ЦАМО. Ф. 126), Северо-Кавказский военный округ (ЦАМО. Ф. 144), Среднеазиатский военный округ (ЦАМО. Ф. 158), Кавказский фронт (ЦАМО. Ф. 216), Крымский фронт (ЦАМО. Ф. 215), Южный фронт (ЦАМО. Ф. 228), Северо-Кавказский фронт 1-го и 2-го формирований (ЦАМО. Ф. 224 и 276), Северная группа войск Закавказского фронта (ЦАМО. Ф. 273), Отдельная Приморская армия (ЦАМО. Ф. 288), 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты (ЦАМО. Ф. 236, 240, 243 и 244 соответственно) и др.

Кроме того, в исследовании использованы десятки хранящихся в ЦАМО фондов армий, корпусов, дивизий и бригад, в составе которых сражались воины нерусской национальности, в том числе национальных соединений и частей, а также военных училищ, запасных дивизий, бригад, полков, в которых готовились пополнения, мобилизованные в национальных регионах, и командный состав. Эти материалы отражают процессы формирования, боевой путь частей и соединений, значимые характеристики личного состава — боечисленный и национальный составы, состояние дисциплины и морально-боевых качеств, особенности боевой и политической подготовки личного состава. С сожалением следует отметить, что нередко материалы войсковых единиц тактического звена — полков, бригад, нередко и дивизий — сохранились лишь фрагментарно; чаще всего фонды содержат лишь по нескольку исторически малозначимых дел (лучше всего сохраняются приказы по личному составу, финансовые документы и материалы партийных организаций). Особенно это относится к большинству национальных частей и соединений, немалая часть которых была расформирована, не успев попасть на фронт. Например, из всего массива национальных соединений, сформированных в 1941—1942 гг. в Среднеазиатском военном округе (15 стрелковых бригад и 14 кавалерийских дивизий), более или менее информативные документальные фонды в ЦАМО

[27] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 1, 2, 3, 5, 8, 9, 48; Оп. 12234. Д. 152, 194, 199.

[28] Закавказский фронт с августа 1942 г. по январь 1943 г. нес основную нагрузку по обороне территории Северного Кавказа.

имеются только у 94-й узбекской стрелковой бригады (Ф. 1907), 97-й туркменской (Ф. 3608) и 107-й киргизской (Ф. 3618) кавалерийских дивизий.

Важным с точки зрения политической оценки участия представителей нерусских народов в военных действиях стало обнаружение и введение в научный оборот материалов относящейся к осени и зиме 1942 г. острой дискуссии между высшим командным составом и представителями высших органов власти и властей закавказских союзных республик по поводу боевых качеств национальных формирований[29]. Именно тогда эти национальные дивизии использовались в оборонительных и наступательных операциях наиболее массово за все время войны. Выявленный по архивным документам и проанализированный в монографии конфликт между Военным советом Закавказского фронта (в составе которого был член ГКО Л.М. Каганович) и политическими элитами Закавказья, с одной стороны, и с другой — Военным советом Северной группы войск Закавказского фронта, открыто опиравшимся на поддержку по линии руководства НКВД (наркома и члена ГКО Л.П. Берии), показал стремление части высшего командного состава переложить ответственность за неудачный ход военных действий на национальные части, которые объявлялись «неустойчивыми» и «небоеспособными» именно в силу своей этнической специфики. Материалы дискуссии, в которую пришлось вмешаться Верховному главнокомандующему И.В. Сталину, показывают, как легко оценки получали негативную политическую коннотацию и могли трагически отразиться на судьбе целых народов.

К *третьей группе* делопроизводственных документов отнесены *повестки дня, протоколы* и *стенограммы* заседаний, совещаний коллективных органов государственной власти, военного управления, а также партийных съездов, пленумов, совещаний. Исследование протокольных материалов позволило сделать ряд важных выводов. Так, изучением протоколов и повесток дня заседаний высших партийных и военных органов управления установлено, что в 1920-х гг. на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) (с 1925 г. — ВКП(б) вопросы национальных воинских формирований специально рассматривались трижды (два раза — в 1923 г. и один раз — в 1925 г.); на заседаниях Реввоенсовета Республики (СССР) — 14 раз (четыре раза — в 1923 г., девять — в 1924 г., один раз — в 1927 г.)[30]. В дальнейшем, напротив, согласно ежегодным тематическим справочникам к протоколам заседаний РВС СССР за 1928—1934 гг. вопросы национального стро-

---

[29] ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 161—165; Ф. 209. Оп. 1063. Д. 166. Л. 29; Ф. 399. Оп. 9385. Д. 20. Л. 353; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: документы и материалы: 1943. Т. 16 (5—3). М., 1999. С. 466.

[30] Подсчитано по: РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 25. Л. 28 об.; Д. 26. Л. 13; Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923—1928 гг.: В 2 кн. Кн. 2. М.; СПб., 2006. Т. 2. С. 344—418.

ительства ни разу не выносились на рассмотрение высшего коллегиального органа военного управления страны[31]. Это подтвердило наши выводы о том, что пик интереса высших государственных органов к национальному вопросу в РККА пришелся на первую половину 1920-х гг., в дальнейшем же он быстро угасает.

В работе использованы стенографические отчеты ряда съездов РКП(б)—ВКП(б) и иных крупных партийных форумов; заседаний и совещаний руководящих или отраслевых работников военного ведомства. Особенно полезен такой тип источников в отношении первого десятилетия советской власти, когда все решения по национальному вопросу давались непросто, часто — в результате оживленных дискуссий. Поэтому не только резолюции, но и стенограммы заседаний съездов, пленумов, совещаний дают массу полезного материала для осмысления проходившего общественно-политического дискурса вокруг этого вопроса. Так, например, стенографические материалы IV совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившего в Москве 9—12 июня 1923 г.[32], дают интереснейший срез мнений представителей союзного правительства и местных работников по вопросам выбора путей национального строительства в стране. На совещании активно обсуждался военный вопрос, изучение которого особенно важно, поскольку совещание проводилось в преддверии развертывания национальных формирований в РККА.

2.2. Проблемы презентации этничности в статистических документах советского военного ведомства

В историографическом обзоре отмечалось, что до сих пор первая и последняя в отечественной историографии попытка составить этнический портрет Красной армии (и то лишь применительно к периоду Великой Отечественной войны) сквозь призму массового учетного материала была предпринята А.П. Артемьевым более сорока лет назад. Однако в то время исследователь обладал малой толикой необходимых документальных данных и вынужден был по крупицам собирать данные об этническом составе отдельных стрелковых соединений. Для настоящего исследования удалось выявить, проанализировать и обобщить огромный массив разнообразного делопроизводственного и учетно-статистического материала, описывающего национальные процессы в Красной армии за период 1918—1945 гг., выраженные в количественных и качественных ха-

---

[31] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 27—33.

[32] Тайны национальной политики ЦК РКП(б): Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1992.

рактеристиках военнослужащих и военнообязанного населения страны.

Объемный источниковый материал требует некоторых пояснений как об особенностях источников, так и об институтах, их производивших. Этому посвящены последующие параграфы книги.

Как уже отмечалось, традиция статистического изучения армии и проблем ее комплектования людьми пришла в Красную армию из Русской императорской армии. Поскольку данное исследование затрагивает историю дореволюционного периода, следует сказать несколько слов о состоянии статистических источников по этническому составу отечественных вооруженных сил до 1917 г. В дореволюционной статистике важнейшими социальными маркерами являлись вероисповедание и сословие. В первой Всероссийской переписи 1897 г. графы «национальность» не было вообще. Имелся лишь вопрос о родном языке, не дающий объективных данных об этничности анкетируемых.

В дореволюционной военной статистике этнические и религиозно-конфессиональные признаки использовались синкретично. Статистические обзоры офицеров, нижних чинов и рекрутов «по племенам и вероисповеданиям» регулярно публиковались с конца 1860-х гг. Широко употреблялась архаичная религиозная классификация, имевшая всего пять крайне неравных между собой категорий (христиане, магометане, иудеи, буддисты, язычники). Категория христиан иногда дополнялась конфессиональной классификацией (православные, католики, греко-униаты, протестанты, армяно-григориане и др.). Например, статистическое описание офицерского состава в «Ежегодниках Русской армии» в 1870-х гг. ограничивалось только распределением по вероисповеданиям, что сужает возможности изучения этнического состава этой категории военнослужащих.

Этнические номинации в статистических материалах тоже применялись, но нередко они охватывали большие этноязыковые или культурно-географические группы, например «народности Кавказа» (все кавказские этносы, кроме армян), «финские племена» (эстонцы, карелы, чуваши, мордва и др.), «русские» (великороссы, малороссы и белорусы), «балтийские народы» (литовцы и латыши) и т. п. До самого падения Российской империи эти две малоинформативные системы — одна архаичная и давно отжившая свой век, другая недоразвитая и требующая научно обоснованного уточнения — продолжали сосуществовать и нередко встречались в одной таблице (например, категории «поляки» и «магометане»).

Этническая детализация в военно-статистических описаниях применялась со второй половины XIX в., однако так и не заслужила подобающего ей места, хотя ее преимущество в прикладных статистических исследованиях было более чем очевидно. Например, в изданном в 1909 г. объемном исследовании А. Антоновича автор, задавшийся актуальной в то время задачей: выяснить частоту укло-

нения от воинской повинности различных народностей во время острых социальных потрясений (Русско-японская война 1904—1905 гг. и Первая русская революция 1905—1907 гг.), столкнулся с тем, что статистика МВД об уклонении от призыва была номинирована только в религиозно-конфессиональных категориях. Пытаясь определить эффективность привлечения к воинской повинности представителей различных христианских народов (русских, поляков, латышей, литовцев и т. д.), он вынужден был взять для анализа частоты уклонения от призыва только те губернии, в которых тот или иной этнос, безусловно, доминировал. Губернии со смешанным населением приходилось отбрасывать. Разумеется, точность выводов серьезно пострадала, а по некоторым христианским народам, проживавшим в России дисперсно, например немцам, и вовсе нельзя было составить никакого основанного на статистике мнения[33].

Буквально в последние дни существования старой армии — 25 октября 1917 г. — в действующей армии была проведена однодневная перепись, давшая максимально возможно точные в тех условиях сведения о личном составе всех фронтов по категориям — офицерский состав, классные чины, содаты, вольнонаемные рабочие. Целью переписи было уточнение численности армии для дальнейшей ее оптимизации; вопросы социально-демографичского характера в этот раз не ставились[34].

Таким образом, хотя до революции сложилась традиция научно-статистического изучения личного состава вооруженных сил, этнический аспект таких исследований страдал крайним несовершенством и не отражал глубины протекавшей на рубеже веков этносоциальной дифференциации населения.

Перейдя практически в неизменном (организационном и кадровом) виде на службу Советскому государству, статистическая служба, объединенная в июле 1918 г. в Центральное статистическое управление (ЦСУ), в известной мере раскрепостилась и смогла сделать большой шаг вперед в изучении общества, в том числе и его этнонациональных сторон. ЦСУ организовало первое сплошное обследование Красной армии уже летом 1920 г. А всего в 1920-х гг. под методическим руководством ЦСУ было проведено три переписи РККА. Масштабные тематические обследования военнослужащих и

---

[33] *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 241—274. Уже в эмиграции один из классиков русской военно-научной школы Н.Н. Головин аналогичным образом выводил коэффиценты «стойкости» в боях Первой мировой войны представителей различных этносов, опираясь на весьма неполные погубернские данные о числе попавших в плен. Относя те или иные губернии к «великорусским», «белорусским», «польским» и т. д., он экстраполировал данные о числе пленных на соответствующий этнос (*Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 192—193).

[34] *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Перепись Русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 87—91.

военнообязанных проводились постоянно. Таким образом, наряду с военспецами, русские статистики внесли свой вклад в обеспечение преемственности в развитии вооруженных сил страны.

Расхожее мнение о советской демографической статистике как о пропагандистском инструменте власти, явлении манипулируемом, лицемерном, а потому заведомо неинформативном и непригодном для научного анализа верно лишь отчасти[35]. Жупелом всегда служили отмененная перепись населения 1937 г. и ее «подкорректированная» версия 1939 г. Однако подходить с единой меркой к советской статистике народонаселения без учета конкретно-исторических обстоятельств ее развития было бы неверно. В 1920-х гг. советские статистические публикации были весьма многочисленны и содержательны. Режим статистической секретности постепенно вводился на рубеже 1920—1930-х гг. и окончательно установился в 1932 г. запретом Статистическому управлению Госплана публиковать собранные данные[36]. *Открыто публикуемая* статистика действительно нацеливалась на выхолащивание и подтасовку реальной картины общества, манипуляцию общественным мнением. Однако она представляла собой лишь самую вершину айсберга. Статистический учет населения и материальных ресурсов был положен в основу всего государственного и военного строительства в Советском Союзе. Власть относилась к статистике чрезвычайно серьезно, как к инструменту социальной инженерии, коренной перестройки общества на новых началах. Как верно сказано в одном современном исследовании, «речь идет о государстве, которое превратило использование чисел в одно из центральных оснований своей политической аргументации»[37]. Само отношение к человеку, а точнее, к людской массе как к *материалу*, подлежащему обработке, использованию, как к материалу, поддающемуся инструментальному измерению, было повсеместным. В документах советского военного ведомства, особенно за период Гражданской войны, нередко встречается термин *людской материал*, сопровождаемый поясняющими качество этого материала эпитетами («готовый», «сырой», «плохой», «хороший», «отличный» и т. д.)[38].

В области военного строительства весь изученный период органы власти и военного управления проявляли самый живой интерес к полному и всестороннему статистическому изучению людских ресурсов страны как источника комплектования вооруженных сил.

Уже в конце апреля 1918 г. планировалась намеченная штабом Петроградского военного округа первая перепись в истории Крас-

---

[35] Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994. С. 292; Источниковедение. М., 2015. С. 411—416.

[36] *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2008. С. 91.

[37] Там же. С. 7.

[38] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 373. Л. 157; Д. 828. Л. 16.

ной армии, которой от роду было всего три месяца[39]. Следов этой локальной переписи найти не удалось; очевидно, она так и не состоялась. Однако само стремление к статистическому изучению только появившегося на свет общественного организма заслуживает внимания. Преподаватель академии Генерального штаба РККА В.И. Самуйлов на лекциях, читанных в 1918/19 учебном году, так формулировал этот запрос: «Статистика народонаселения имеет громадное значение для решения вопросов о комплектовании и организации армии. Общее количество населения, распределение его на государственной территории, племенные его особенности, духовные и физические способности, бытовые условия жизни — все это факторы, оказывающие несомненное влияние на численность и качество армии»[40].

Статистические данные являлись основным критерием оценки действительного состояния армии. Численный, этноязыковой, возрастной, социально-классовый, партийный, профессиональный состав, уровень грамотности и образования военнослужащих составляли тот набор критериев, по которым формировалось представление о качественных преобразованиях в Красной армии и достижении целевых установок. Поэтому выявленные в ходе данного исследования напластования статистических материалов по этнической истории Красной армии совершенно не случайны. Статистический учет и анализ личного состава по самым различным параметрам, в том числе и по национальному составу, был основой планирования развития советских вооруженных сил. Можно говорить о своего рода статистическом сопровождении развития Красной армии, когда статистика становилась инструментом оценки и коррекции этого развития.

Сохранившийся в архивах массив учетно-статистических материалов, *не предназначенных для публикации* (в том числе подготовленных для высшего руководства партии и государства в единственном экземпляре и носивших высший гриф секретности), поражает своим объемом и разнообразием. Ныне все они рассекречены и легли в основу представленного исследования. Подавляющее число статистических материалов по национальному составу РККА в 1920-х — первой половине 1940-х гг., проанализированное в данной работе, прежде не публиковалось или публиковалось только в секретных изданиях[41] и впервые использовано в военно-историческом иссле-

---

[39] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 64.

[40] *Самуйлов В.И.* Устройство вооруженных сил республики. Вып. 1. Ч. 1—2: [Лекции, читанные в академии Генерального штаба РККА в 1918/19 учебном году]. Пг., 1919. С. 4.

[41] См., например: Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. Итоги переписи Красной армии и флота 28 августа 1920 г. Сер. 1. Вып. 1 [Работа отдела военной статистики ЦСУ]. М., 1921; Отчет народного комиссариата по военным делам за 1921 г. М., 1922; Штатное и списочное состояние войск Красной армии на 1 января 1922 г. М., 1922; Отчет о допризыве граждан,

довании. Они отражают процесс привлечения нерусских народов к военной службе, их социально-демографические характеристики, которые к тому же соотнесены с аналогичными характеристиками русских военнослужащих, принятыми за эталон, как доминирующей этнической группы в РККА.

В первые годы советской власти первостепенное значение для нее имели демографические и особенно социально-классовые параметры личного состава и военнообязанного населения. Ведь теперь к армии было отношение как к коллективу политически сознательных личностей, борющихся за интересы пролетарской революции, в отличие от старой армии, которая «представляла из себя совокупность нижних чинов, слепо повинующихся приказаниям начальства и лишенных политического сознания»[42]. В июле 1919 г. даже была введена в действие целая инструкция по определению классовой принадлежности военнообязанных граждан[43].

Этничность как социальный маркер далеко не сразу заняла место в советской деловой повседневности. Первое время в документах военного ведомства национальность военнослужащих или вовсе не отмечалась, или же приводился ограниченный перечень наиболее многочисленных этносов. Хотя большевистская революция упразднила вероисповедный социальный маркер, однако в делопроизводстве он был отброшен далеко не сразу. Например, этнически «слепая» категория «мусульмане» широко использовалась в течение всей Гражданской войны. Так, по результатам призыва в Средней Азии летом и осенью 1920 г. все призывники местных национальностей были объединены в рубрике «мусульмане»[44]. Задача точного учета

родившихся в 1901 г., осенью 1922 г. М., 1923; Отчет о призыве на действительную военную службу в 1924 г. граждан рождения 1902 г. М., 1925; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925; Отчет о призыве на действительную военную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М., 1927; Предварительные итоги переписи РККА 1926 г., изданной Главным управлением РККА. М., 1927; Призывные контингенты (1902—1905 гг. рождения). М., 1928; 10 лет РККА: 1918—1928: Альбом диаграмм. М., 1928; Призыв граждан 1908 года рождения. М., 1930. Характеристика контингента призыва 1928 г. (1906 г. р.) / Сост. Статист. отдел ГУ РККА. М., 1929; Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая). Кн. 3. М., 1931; Призыв 1908 года: Методические пособия для докладчиков и групп агитаторов. М., 1930; Итоги изъятия красноармейцев и младшего начсостава из РККА, проведенного в период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. в порядке ст. 243 и 39 закона «Об обязательной военной службе» / Сост. ГУ РККА. М., 1930; Политико-моральное состояние РККА: (Состояние дисциплины, самоубийства, чрезвычайные происшествия): 1929/30 гг.: Стат. ежегодник. Изд. ГУ РККА. М., 1931 и др.

[42] Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. Итоги переписи Красной армии и флота 28 августа 1920 г. Сер. 1. Вып. 2 работ отдела военной статистики ЦСУ. М., 1925. С. 1 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 1).

[43] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 751.

[44] *Аманжолов К.* Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917—1945 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987. С. 42.

национального состава войск не стояла как первостепенная ни перед учетно-мобилизационными, ни перед военно-статистическими органами[45]. Однако уже в августе 1920 г. в первой переписи РККА по инициативе организатора и исполнителя мероприятия — ЦСУ — вероисповедный признак был полностью исключен и предприняты все усилия для уточнения этнического состава военнослужащих. Характерны допущенные «типичные ошибки» этой переписи: и переписчики, и военнослужащие путали национальность с вероисповеданием; например, нередко вместо «татарин» записывалось «мусульманин»[46]. Отмечались случаи смешения национальности с подданством. Встречались и курьезы, когда отвечающий вообще не понимал, о чем его спрашивают, называя себя «санитар», «крестьянин» и т. п.[47]

Тем не менее перепись РККА 1920 г. была своего рода аномалией, экспериментом. Устойчивого запроса к строго дифференцированному учету военнообязанного населения и военнослужащих по национальностям в годы Гражданской войны еще не было. Подводя итог учету национальностей в РККА в предшествующий период, в августе 1923 г. Политуправление РККА отмечало: «До сего времени на учет личного состава РККА с точки зрения национальностей не обращалось внимания, следствием чего является то обстоятельство, что подчерпнуть нужные сведения из имеющихся данных невозможно...»[48]

Для советского военного ведомства переломной точкой, обозначившей устойчивый интерес к национальному составу РККА, стало принципиальное решение о национальном военном строительстве, принятое как раз в 1923 г. Развертывание в этот период политики *коренизации* национальных кадров определило этот интерес на общегосударственном уровне. Уточнение и нормативная фиксация национальностей стала в тот период одной из главных задач государства. Этническая идентификация становится государственным инструментом в проведении политики позитивной или негативной дискриминации. К позитивной дискриминации можно отнести упомянутую *коренизацию*, о которой много будет говориться на страницах этой книги; к негативной — ограничения и репрессии по национальному признаку. И то и другое требовало особой кодификации советских этносов, нашедшей широкое отражение в статистических источниках военного ведомства (*культурно отсталые народы, националы, западники* и т. д.). Можно согласиться с мнением Т.Ю. Красовицкой, заметившей, что «Советская Россия предприняла беспрецедентные усилия к институциализации и кодификации

---

[45] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1702. Л. 158—163.

[46] Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 7 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 4).

[47] Там же.

[48] РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 707. Л. 1 об.

этничности»[49]. Здесь же можно привести слова А.И. Микояна, в 1925 г. руководившего Северо-Кавказским краевым комитетом ВКП(б): «Самое интересное то, что Советская власть *создает нации,* Советская власть *помогает оформиться отдельным племенам в нации* (выделено мной. — *Авт.*)»[50].

Интерес к этническому составу армии рос по мере расширения круга этносов, вовлекаемых в систему комплектования войск, и, соответственно, усложнения задач по организации призыва и работе с личным составом. Обязательное указание национальности в личных военно-учетных документах вводится во второй половине 1920-х гг. Так, в «Призывной карточке» допризывника, утвержденной в мае 1926 г., графа «Национальность и родной язык» шла третьей после года и места рождения, что указывало на то, что эта характеристика молодого человека считалась одной из основополагающих[51]. В «Руководстве по очередным призывам в РККА» 1931 г. в «Призывной карте» графа «Национальность» следовала четвертой после фамилии, имени, отчества, даты рождения и места жительства гражданина[52].

Однако в целом во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг., если условно поставить за скобки национальные воинские формирования, являвшиеся своеобразными военно-этническими резервациями, Красная армия продолжала оставаться достаточно однородным в этническом отношении русскоязычным коллективом. Поэтому хотя национальная идентификация и вошла в военное делопроизводство, однако пока оставалась необязательным дополнением к социально-классовому «лицу» военнослужащего или призывника. Не случайно еще в 1927 г. в большой журнальной статье руководящего работника отдела Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию Главного управления РККА И.И. Глудина, посвященной проблемам комплектования РККА призывниками, социально-демографическим характеристикам последних, тема национальности даже не упоминалась.

Полноценная актуализация национальности как социального маркера пришлась на вторую половину 1930-х гг. и была связана с отказом от национальных формирований, переходом к смешанному и экстерриториальному комплектованию войск и, наконец, обострением внешнеполитической обстановки, негативно отразившейся и на положении немалого числа советских этносов. В общегосударственном масштабе усилению внимания к этничности в 1930-х гг.

[49] *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917—1923 г.). Документы и материалы. М., 2007. С. 10.

[50] Цит. по: Там же. С. 10—11.

[51] Временное руководство по приписке к призывным участкам и учету допризывников. М., 1926. С. 45.

[52] Руководство по очередным призывам в РККА. М., 1931. С. 80, 81, 85, 86.

способствовал стратегический отказ СССР от идеи наднациональной всемирной классовой революции и переход к строительству национального социалистического государства.

Отметим несколько специфических особенностей первоисточников, связанных с перечнями национальностей. Даже когда в личных документах красноармейца или командира точно указывалась его национальность, в обобщающих статистических материалах национальности представителей незначительных по численности народов часто обобщались в рубрике «Прочие народы», «Остальные» и т. п. По понятным причинам в военных округах разнообразие национального состава военнослужащих нередко было очень значительным, однако формы учета оставались общими для всей РККА. Некоторые народности в ряде округов попадались лишь в единичном порядке, однако вносились в ведомости. Так, в войсках СКВО киргизы, башкиры, мордвины практически не встречались, однако всегда присутствовали в типовых ведомостях. В большинстве случаев командно-начальствующий состав относился к работе формально, просто заполняя предложенную форму. Лишь изредка работники штабов считали нужным делать дополнения, вводя в таблицу новые графы, отражавшие действительное представительство местных народов, что делает такие документы крайне важными.

Наиболее пагубно такой подход сказывался на статистической фиксации относительно малых народов. Если титульные этносы союзных республик, а также крупнейшие народы РСФСР (татары, башкиры, буряты, евреи и ряд других), как правило, всегда включались в ведомости, то десятки других, нередко весьма многочисленных, годами из него выпадали. Северокавказские горцы — характерный тому пример. Они указывались в учетных документах весьма произвольно. Чаще всего они относились в графу «Прочие», реже — объединялись в одну категорию «Горские народности Северного Кавказа»[53], или же указывались только отдельные горские этносы. Например, в годовой отчет Наркомвоенмора 1924 г. попали только осетины и черкесы, в годовой отчет 1926 г. — осетины и лезгины[54] и т. п. Случаи исчерпывающего указания представителей всех горских народов крайне редки.

Следует сказать еще об одной особенности источников, связанной с искусственной, «назначенной» этнической идентичностью, вызываемой политико-административным интересом государства, а не этнографическими или лингвистическими мотивами. В этой книге неоднократно можно будет встретить такие категории, как *кабардино-балкарцы*, *дагестанцы*, *чечено-ингуши* и др. Именно так они представлены в первоисточниках, и с этим уже ничего нельзя поделать. Кабардинцев никак не отделить от балкарцев, хотя совер-

[53] РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 78. Л. 5 об.
[54] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34. Л. 131 об.—123.

шенно очевидно, что речь идет о механическом сведении в одной строке неродственных друг другу народов. Это — факт этнической политики государства изучаемого периода, явление «предписания идентичности». То, что в своей работе хорошо раскрыли А. Блюм и М. Меспуле, показав на примере грузин и таджиков длительный, но неуклонный процесс бюрократической, «бумажной» «переплавки» многих мелких этничностей в одну, единую, титульную для данной административной территории[55].

«Предписание идентичности» в административных интересах широко практиковалось и в Российской империи (отсюда *мусульмане*, *русские*, *православные* и т. п.). Тогда за основу брался, как правило, вероисповедный признак. В советских источниках перечень национальностей неизмеримо более широк, однако его точность не всегда была на высоте. Ведь «предписанием идентичности» занимались должностные лица, часто бесконечно далекие от этноязыковой тематики. «Различные акторы обладали несхожей культурой и прибегали к различным практикам, результатом которых вовсе не обязательно становилась единая, внутренне целостная и эффективная форма предписания идентичности». Поэтому «затруднительно предположить, что каждый человек сможет узнать себя в навязываемых обозначающих формах, так как эти формы разнообразны, изменчивы, а нередко и просто противоречивы»[56]. Особенно ярко эта особенность проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда значение этничности в статистическом описании личного состава Красной армии существенно выросло и одновременно упало качество этнического маркирования, что приводило к многочисленной путанице, произвольным объединениям этносов, параллельно существующим этническим классификациям и т. п.

Эти особенности первоисточников существенно затруднили исследовательскую работу в рамках данного исследования, особенно если нужно сфокусировать внимание на каком-то относительно малочисленном этносе. Однако кропотливая, длительная работа с документальной «рудой», широкий охват разнообразных архивных пластов принесли необходимые находки.

2.3. Органы статистического учета военного ведомства и массовые источники по национальному составу Красной армии

В хронологических рамках данного исследования вполне ожидаемо наихудшим образом статистическими источниками обеспечен период Гражданской войны. В это время не то что учет националь-

---

[55] *Блюм А., Меспуле М.* Указ. соч. С. 213, 228—232.
[56] Там же. С. 205—205.

ного состава военнослужащих Красной армии не стоял в числе приоритетов, но даже общий учет численности личного состава и военнообязанного населения значительную часть войны оставался неналаженным. Еще в конце 1919 г., то есть на исходе второго года строительства РККА, в своем специальном приказе Реввоенсовет Республики вынужден был констатировать, что, «несмотря на все усилия центральных органов полевого управления, до сегодняшнего времени не удается собрать в центре сколько-нибудь точных сведений о численном составе действующей армии»[57]. Отчетность в войсках велась неудовлетворительно, по различным учетным формам, без взаимодействия между инстанциями. То же самое относилось к учету военнообязанного населения и военным призывам. Как отмечалось в докладе начальника Мобуправления П.П. Лебедева в Совет Всероглавштаба, «цифровые данные о призывах, произведенных до 1 января 1919 г., обладают весьма малой достоверностью, и пользоваться ими для каких-либо расчетов и выводов надлежит лишь с большой осторожностью»[58]. Однако отчетность и по последующим мобилизациям в силу фронтовой обстановки отличалась неполнотой: «При переходе многих губерний... в руки противника и затем обратно как противником, так и реввоенсоветами советских армий объявлялись мобилизации без всякой системы и статистической отчетности; бывший же в означенных губерниях статистический материал обычно сжигался»[59]. Непрерывные организационные перестройки, сокращения и переподчинения военкоматов только добавляли неразберихи в отчетности.

Поскольку в период Гражданской войны этничность не считалась существенной характеристикой военнослужащих, долгое время она не находила отражения в принятых организационно-учетными органами Наркомата по военным делам (Всероссийской коллегией по организации и управлению Красной армией и сменившим ее в начале мая 1918 г. Всероссийским Главным штабом) формах учета личного состава, рассылавшихся местным органам военного управления для исполнения. Уже в апреле 1918 г. был введен в действие большой комплект документов личного и количественного учета добровольцев Красной армии, подготовленный учетным отделом Всероссийской коллегии[60]. Ни в одной из них не было графы «Национальность». Не появилось ее и в более поздних учетных доку-

---

[57] РГВА. Ф. 4. Ф. 12. Д. 8. Л. 34.

[58] Там же. Ф. 11. Оп. 8. Д. 803. Л. 113.

[59] Там же. Л. 113 об.

[60] «Алфавитный именной список записавшихся добровольцами в Красную армию» (форма № 9); «Удостоверительная карточка для записи в Рабоче-Крестьянскую Красную армию» (форма № 2); «Личная карточка» добровольца РККА (форма № 5); еженедельная, вскоре замененная двухнедельной сводная ведомость о военнослужащих, «опросные листы» о состоянии строительства Красной армии для военкоматов и другие документы (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 30—30 об.; РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 65. Л. 56, 93, 133, 136).

ментах. Например, в учетной карточке военнообязанного (форма № 2), утвержденной приказом РВСР № 1169 от 21 июля 1919 г., из 37 подлежавших заполнению пунктов национальности места не нашлось[61].

В то же время было бы ошибкой считать, что категория национальности была совсем неизвестна советским военно-учетным органам в период Гражданской войны. Например, в форме индивидуального учета «Сведения о красноармейце», разработанной штабом Петроградского военного округа еще в апреле 1918 г., графа «Национальность» стояла четвертым пунктом, сразу после фамилии, имени и отчества военнослужащего[62]. В анкете Всероссийского бюро военных комиссаров, введенной в действие не позднее начала июля 1918 г., сведения о национальности содержались в пятой по счету графе, после фамилии, имени и отчества, семейного положения, возраста и образования[63]. В перерегистрационных картах начальствующего состава в 1920—1921 гг. национальность также отмечалась на одной из первых позиций[64]. Таким образом, можно предположить, что национальность принималась во внимание прежде всего в документах *индивидуального* учета, где она выступала одним из идентифицирующих признаков при составлении социального портрета гражданина и последующем его профессионально-должностном отборе. В приведенном примере о военных комиссарах речь шла о назначении работников на должности военкомов в различные регионы страны и учет национальности кандидатов здесь был вполне уместен.

Первые военно-учетные руководства, устанавливавшие типовые формы *статистического* учета военнообязанных и военнослужащих по национальности, относятся только к началу 1920 г. Например, в марте 1920 г. 1-я Красно-Уральская дивизия и 10-я кавалерийская дивизия Приуральского военного округа подали исчерпывающие данные о национальном составе частей по состоянию на 1 марта 1920 г.[65]

В самом конце войны, 12 февраля 1921 г. приказом РВСР № 344 была объявлена «Инструкция о постановке единообразной информационно-статистической отчетности в Красной армии и флоте», которая, несмотря на свое общее наименование, регулировала только отчетность политорганов в области политико-просветительской деятельности в войсках. Прилагаемые к инструкции формы описы-

---

[61] Временное руководство для учета военнообязанных. [М., 1918]; Временное руководство по ведению письменных сведений на солдат, а также для учета военнослужащих и лошадей в войсковых частях, управлениях, заведениях и учреждениях подведомственных Комиссариату по военным делам. Пг., 1918.

[62] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 65—65 об.

[63] Там же. Д. 207. Л. 148; Ф. 6. Оп. 7. Д. 5. Л. 143.

[64] Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 179. Л. 31.

[65] Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 188. Л. 65—70.

вали и различные характеристики личного состава. Так, формы № 1 («Сведения о политико-просветительской работе»), № 1а («Общий состав части») и № 2 («Сводка сведений о политработе») предлагали к заполнению небольшой этнический перечень (русские, украинцы, немцы, евреи, татары, латыши, башкиры, поляки)[66]. Перечень интересен тем, что в нем уже отразились бурно протекавшие процессы институализации и выдвижения этносов, которые раньше не выделялись в статистике дореволюционного военного ведомства (евреи, латыши, татары, башкиры) или вовсе не считались существующими (украинцы).

Однако в целом учет войск по национальностям в годы Гражданской войны фактически отсутствовал. Об этническом составе Красной армии можно судить лишь по отрывочным и заведомо неполным (ввиду высокой динамики военных действий) данным. В августе 1920 г. Мобуправление Всероглавштаба попыталось разобраться в этом вопросе и затребовало с мест «подробные сведения о всех вообще бывших мобилизациях инородцев с начала существования национальных военкоматов и до настоящего времени»[67]. Однако даже в конце войны призывы «инородцев» на окраинах страны нередко проводились без ведома центральных органов военного управления и без надлежащего информирования их об этом.

В связи со сказанным особое значение приобретают впервые вводимые в этой книге в научный оборот материалы первой переписи РККА, состоявшейся в августе 1920 г. (рассмотрена ниже), в которой фактически единственный раз за годы Гражданской войны была максимально точно, насколько это позволяли условия войны, отражена этническая структура РККА.

Организационно в период Гражданской войны сбор и анализ статистического материала был сосредоточен в упомянутом Центральном военно-статистическом отделе Управления делами Реввоенсовета Республики, а также в мобилизационном отделе (с октября 1918 г. — управлении) Всероссийского Главного штаба. Методическое руководство крупными статистическим обследованиями Красной армии (например, переписью РККА 1920 г.) осуществляло гражданское ведомство — Центральное статистическое управление.

После окончания Гражданской войны военно-статистические работы продолжались под методическим руководством ЦСУ. Для координации деятельности статистиков и Наркомвоенмора было создано Объединенное бюро военной статистики, в состав которого вошли представители обоих ведомств[68]. В работах по военной статистике между НКВМ и ЦСУ было определено, что ЦСУ охватывало военно-статистические аспекты, затрагивавшие все население страны, а в Наркомате по военными и морским делам был сосредоточен

[66] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. Л. 603—606.
[67] Там же. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 247.
[68] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 602. Л. 60.

круг вопросов войсковой статистики, имевший своим предметом изучение только армии как общественного организма[69]. В эти годы были разработаны ведомости социально-демографического учета личного состава РККА, статистика чрезвычайных происшествий, потерь на фронтах, личные карты призывников, на основе которых осуществлялось изучение призывного контингента и т. д.

В 1922 г. был сформирован юридическо-статистический отдел, в марте 1924 г. переформированный в отчетно-статистический отдел в составе созданного в 1924 г. Управления РККА. В октябре 1924 г. отдел был объединен с юридическим отделом в юридическо-статистический отдел на правах управления (при нем — бюро потерь в войнах 1914—1917 и 1918—1920 гг.). 26 января 1925 г. Управление РККА было реорганизовано в Главное управление РККА. В этом же году юридическо-статистический отдел был развернут в Центральное статистическое управление Главного управления РККА, вскоре переформированное в Управление по военному законодательству и статистике[70]. В июне 1927 г. в связи с общим сокращением центрального аппарата вооруженных сил управление было преобразовано в Бюро статистики Управления устройства и службы войск Главного управления РККА, которое в 1930 г. переименовано в Отдел статистики Главного управления РККА. В 1933 г. Отдел статистики переименовывается в Отдел учета Главного управления РККА и ведет учет списочной численности и демографический учет личного состава.

В декабре 1937 г. Отдел учета преобразуется в 4-й отдел (учета и статистики) в составе сменившего Главное управление РККА Административно-мобилизационного управления (АМУ) РККА. Отдел собирал и разрабатывал учетные данные по штатной и списочной численности личного состава, его социально-демографическим характеристикам; обеспечивал народного комиссара обороны и центральные управления НКО сводными статистическими данными; осуществлял руководство и контроль за постановкой учета и отчетности в РККА; непосредственно организовывал переписи и другие учетные работы; вел учет состояния дисциплины и чрезвычайных происшествий, а также расчет потребности продфуражных пайков[71]. В декабре 1939 г. отдел возвращается в состав Главного управления (одновременно с ликвидацией АМУ). 3 августа 1940 г. отдел был расформирован.

Перед Великой Отечественной войной учет штатной и списочной численности Красной армии, а также ведение демографического учета в Красной армии были возложены на 8-й отдел (учета и статистики) Организационно-штатного управления Генштаба. 1 сентября 1942 г. отдел переименовывается в 8-й отдел (учета численности

[69] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 602. Л. 60.
[70] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 766. Л. 81.
[71] Там же. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 17. Л. 8—9.

Красной армии) Организационно-учетного управления Генерального штаба, а 1 сентября 1943 г. Организационно-учетное управление было включено в состав Главного организационного управления Генерального штаба. В таком виде отдел просуществовал до марта 1946 г., когда на его базе было сформировано Управление учета и контроля за численностью и укомплектованием ВС Главного организационного управления Генштаба, которому, кроме учета численности, поручалось вести контроль за укомплектованием войск и демобилизацией[72].

Далеко не все перечисленные военно-статистические органы стали впоследствии фондообразователями, что затрудняет поиск нужных материалов в архивах. Чаще их делопроизводство передавалось и продолжалось поглощавшей их структурой.

Кроме профильных учетно-статистических органов, учет личного состава и военнообязанного населения производили в рамках своих интересов и многие другие центральные и местные органы военного управления (Главное управление кадров Красной армии, Главное управление военно-учебных заведений Красной армии, Политуправление РККА, Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии, окружные и фронтовые штабы, военкоматы и т. д.), о которых сказано ниже.

Статистические данные по национальному составу Красной армии за исследуемый период представлены в *пяти типах источников*:

во-первых, данные переписей РККА 1920, 1923, 1926, 1937, 1939 гг. (РГВА. Ф. 54, 40442; ЦАМО. Ф. 7, документальные публикации);

во-вторых, сводные альбомы социально-демографических характеристик личного состава Красной армии, выявленные автором данного исследования за период с 1926 по 1945 г. Альбомы готовились в единственном экземпляре для наркома обороны и имели высший гриф секретности. За составление были ответственны статистические подразделения ГУ/АМУ РККА, а затем их правопреемник — 8-й отдел Организационно-учетного управления Генерального штаба РККА (ЦАМО. Ф. 7);

в-третьих, материалы о состоянии мобилизационных ресурсов, ходе и итогах призывов на военную службу (плановых и мобилизационных) Всероглавштаба, ГУ РККА, АМУ РККА, ГШ КА, Мобилизационно-планового управления РККА, Главупраформа КА, Главного политуправления РККА (РГВА. Ф. 4, 7, 9, 11, 33994, 39415, 40442; ЦАМО. Ф. 7, 56; опубликованные отчеты Наркомвоенмора и др.);

в-четвертых, материалы Управления (в годы Гражданской и Великой Отечественной войн — Главного управления) военно-учебных заведений (УВУЗ/ГУВУЗ) КА и Главного управления кадров

[72] Историческая справка к описям 16, 24, 25, 26 фонда 7, ЦАМО.

(ГУК) КА, штабов фронтов и округов, военно-учебных заведений о состоянии и подготовке кадров командно-начальствующего (офицерского) состава (РГВА. Ф. 62; 37837; ЦАМО. Ф. 33, 54 и др.);

в-пятых, отчетно-информационные материалы штабов объединений, соединений и частей о состоянии личного состава, потерях, пополнениях и т. п. (РГВА. Ф. 25873, 25896; ЦАМО. Ф. 126, 144, 156, 209, 215, 224 273 и др.).

Рассмотрим все эти категории документов.

Переписи, состоявшиеся в августе 1920 г., марте 1923 г., декабре 1926 г., январе 1937 г. и январе 1939 г., представляют собой несколько редких примеров абсолютно полной фиксации этнического состава РККА. Эти материалы дают представление о динамике социально-демографических характеристик и национального состава военнослужащих Красной армии. Материалы военных переписей являются ценным и практически неизвестным научному сообществу статистическим источником по истории РККА.

К настоящему времени были опубликованы лишь некоторые обобщенные данные переписи РККА 1923 г.[73]; полные данные по этой переписи не выявлены. Данные военных переписей 1920 и 1926 гг. находятся в РГВА на общем хранении[74]. По переписям 1937 и 1939 гг. в этом архиве имеются только организационные материалы[75]. Остальные материалы переписей 1937 и 1939 гг., а также периодические социально-демографические статистические материалы до последнего времени были засекречены и лишь в середине 2017 г. переданы на общее хранение в фонд ГОМУ ГШ Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО. Ф. 7[76]).

Все военные переписи осуществлялись по единой методике Центрального статистического управления. Они содержали максимально полные (с точностью до одного человека) данные об этническом составе РККА. Например, в переписи 1920 г. перечислено 132 национальности, представленные в Красной армии, в том числе и те, которые были представлены в войсках одним человеком (например, бур, индеец, кипчак, норвежец и др.) [77]. Переписью, состоявшейся в декабре 1926 г., были зафиксированы представители 108 национальностей[78]. В 1937 г. в итоговой ведомости было перечислено 109 национальностей[79].

Информативная ценность переписей РККА неодинакова. Четыре из пяти переписей (1920, 1923, 1937, 1939 гг.) пришлись на периоды

[73] Красная армия в 1920-е годы: Док-ты и мат-лы. М., 2007. С. 43—50.

[74] Соотв.: перепись РККА 1920 г. — РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 27; перепись РККА 1926 г. — РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 31—32.

[75] Соотв.: РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 7, 15.

[76] Перепись РККА 1937 г.: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 109. Л. 2, 21—20; перепись РККА 1939 г.: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 135. Л. 1, 5—93.

[77] РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 27.

[78] Там же. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л 3.

[79] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 105. Л. 107 об.

бурных качественных изменений советских вооруженных сил. Только перепись 1926 г. застала Красную армию и в организационно-штатном, и в численном отношениях в достаточно стабильном состоянии. Поэтому использование материалов переписей требует учета конкретно-исторических обстоятельств, в которых они проводились.

Сводные альбомы списочной численности личного состава Красной армии, как обобщающий документ особой важности, исполнялись один раз в полгода в единственном экземпляре и предназначались для представителей высшего государственного и военного руководства страны. Нами обнаружены и проанализированы такие альбомы по состоянию на: 1 января 1927 г., 1 января 1931 г., 1 января 1936 г., 1 февраля 1938 г., 1 января 1940 г., 1 июля 1940 г., 1 января 1941 г. За годы Великой Отечественной войны проанализированы материалы национального состава Красной армии по состоянию на 1 июля 1942 г., 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г., 1 января 1944 г., 1 июля 1944 г., 1 января 1945 г., 1 октября 1945 г. Эти данные хранятся в описях 24, 26 и 32 фонда 7 ЦАМО. Все перечисленные материалы фонда 7 ЦАМО были рассекречены лишь в середине 2017 г. и до сих пор не были известны историческому сообществу.

Составной частью указанных альбомов за период Великой Отечественной войны являются статистические данные, отражающие различные социальные и демографические характеристики личного состава, в том числе национальное представительство в действующих и недействующих войсках, родах войск и видах вооруженных сил, а также абсолютное число и удельный вес раненых и больных, находившихся на излечении в госпиталях. Последнее обстоятельство дало дополнительный материал для оценки интенсивности использования представителей различных народов на фронте и в тылу, а также в различных родах войск.

Рассмотренные альбомы стали ключевым источником для анализа национальных процессов в Красной армии. Более полных материалов в этой области пока не обнаружено. В то же время нельзя не отметить, что они не совершенны, особенно для военного периода. Во-первых, во время Великой Отечественной войны был нарушен полугодовой шаг составления альбомов. Некоторые альбомы составлялись непосредственно к установленной дате, некоторые — сразу после окончания войны — в 1945 г., а отдельные (на 1 января 1943 г.) — только в 1954 г., по сохранившимся донесениям. За первый период войны (на 1 июля 1941 г. и 1 января 1942 г.) они вовсе не обнаружены и, возможно, совсем не готовились.

Во-вторых, хотя альбомы и составлялись по одной учетной форме № 19 (в конце войны — № 6/оп), однако приобрели полностью единообразное наполнение только в последний период войны — в 1944—1945 гг. Так, в альбоме на 1 июля 1942 г. не представлена ка-

тегория раненых и больных военнослужащих, а в последующих альбомах они есть. В альбоме на 1 января 1943 г. нет данных Военно-воздушных сил Красной армии. По этой причине из нашего поля зрения выпадают сотни тысяч военнослужащих.

Однако и на этом проблемы не заканчиваются. В материалах одного органа учета (8-го отдела Оргучетного управления Главного организационного управления ГШ КА) за период Великой Отечественной войны отмечаются существенные расхождения в численности Красной армии на одну и ту же дату. В этом видится несовершенство учетно-статистического дела советского военного ведомства, выражавшееся в запаздывании поступления и обработки статистической информации, параллелизме и пересечении статистических потоков. Очевидно, что различные справочные материалы основывались на разных первоисточниках: альбомы социально-демографических сведений — на основе донесений о списочной численности военнослужащих по социально-демографическим признакам (форма № 19, в конце войны — форма № 6/оп), а помесячные сведения о личном составе — на донесениях о списочном составе военнослужащих (форма № 3). Первые данные носили развернутый характер, вторые — краткий. Поступление последних из войск было более оперативным. Так или иначе, недоучет некоторых категорий военнослужащих, а также запаздывание социально-демографических учетных сведений приводили к очень существенному расхождению с фактической численностью вооруженных сил. В источниках есть прямые указания на эти расхождения. Так, в оглавлении «Альбома списочной численности личного состава Красной армии по социально-демографическим признакам по состоянию на 1 июля 1942 г.» дано примечание: «При пользовании данными социально-демографического учета следует принимать во внимание то, что ввиду неполучения донесений ряда соединений, частей и учреждений списочная численность, показанная по этим данным, меньше фактической численности Красной армии на 10,9% (по раненым меньше на 9,4%)»[80]. В альбоме за 1 июля 1943 г. приведена сравнительная справка о списочной численности личного состава Красной армии, показанной в донесениях о списочном составе (форма № 3) и в донесениях о списочной численности военнослужащих по социально-демографическим признакам (форма № 19). По донесениям формы № 3 общая численность военнослужащих составляет 11 449 404 человек плюс 731 420 раненых и больных, а по № 19 соответственно 10 883 977 человек и 676 006 человек. Разница — в 4,9% по здоровым военнослужащим и 7,6% — по раненым и больным[81]. Данные о численности Красной армии по ежемесячным донесениям по форме № 3 были опубли-

[80] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 1.
[81] Там же. Д. 234. Л. 1.

кованы[82] и известны научной общественности; данные социально-демографического учета военнослужащих Красной армии рассекречены лишь недавно и впервые вводятся в научный оборот.

Несмотря на перечисленные недостатки, альбомы социально-демографического учета остаются наиболее полным и, что важно для статистического исследования, периодичным и достаточно единообразным источником по национальному составу Красной армии. В связи с этим нельзя не упомянуть о том, что почти четверть века, начиная с 1940 г. учетную службу Генерального штаба возглавлял один человек — полковник интендантской службы, затем генерал-майор С.М. Подольский[83]. В целом это обеспечило единство и преемственность учетной работы в центральном аппарате вооруженных сил нашей страны. Возможно, упомянутые послевоенные попытки закрыть образовавшиеся в сводных документах лакуны были его инициативой, и уж во всяком случае альбомы на материалах военной поры готовились под его прямым руководством.

Материалы, отражающие статистические данные по учету личного состава Красной армии и военного призыва за период Гражданской войны, хранятся в обширных фондах Управления делами при НКО СССР (РГВА. Ф. 4), Всероссийского главного штаба (РГВА. Ф. 11), Штаба РККА (РГВА. Ф. 7). Статистические материалы за межвоенный период в основном сосредоточены в делах 4-го отдела (учета и статистики) ГУ РККА (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24; РГВА. Ф. 54. Оп. 6)[84], в фонде Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба (РГВА. Ф. 40442). За период Великой Отечественной войны —

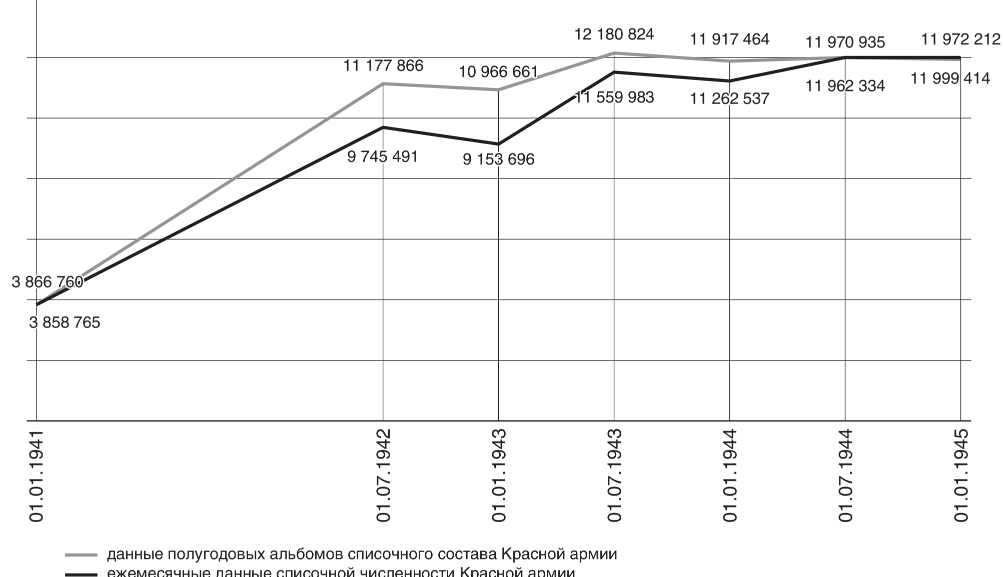
[82] См.: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 39—40. Эти же цифры приводятся в большом докладе Главного организационного управления Генерального штаба «Развитие Красной армии за годы Отечественной войны 1941—1944 гг.», подготовленном в конце 1944 г. (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 707. Л. 70—100).

[83] *Подольский Стефан Максимович* (1901—1981), генерал-майор интендантской службы (1949). В Красной армии с 1921 г. В 1930-х гг. занимал различные руководящие должности по строевой службе в штабах Киевского и Одесского военных округов. С августа 1940 г. — начальник 8-го отдела Организационного управления Генерального штаба (с августа 1941 по май 1943 г. управление находилось в составе Главного управления укомплектования и формирования войск Красной армии). С мая 1943 г. — начальник 8-го отдела Организационно-учетного управления Главного организационного управления Генерального штаба (ГОУ ГШ). С мая 1946 г. — заместитель начальника Управления учета и контроля за численностью и укомплектованию вооруженных сил ГОУ ГШ; с ноября 1948 г. — начальник этого управления. С октября 1955 г. — начальник отдела планирования, укомплектования и учета численности — начальник направления по учету численности вооруженных сил Генерального штаба. Уволен в запас в июне 1963 г. (Биографическая справка предоставлена Б.В. Айрапетяном).

[84] Материалы по учету численности и состава РККА: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3, 6, 8, 14, 15, 17, 20, 25, 60, 87, 92, 102, 105, 106, 109, 114, 125, 134, 135, 167, 170.

Диаграмма 1

Сравнение сведений о численности Красной армии по данным полугодовых альбомов социально-демографического учета личного состава Красной армии и ежемесячного учета списочной численности Красной армии

Примечание. На нижней кривой сведения за 1.07.1942 г. приведены без учета раненых и больных, сведения за 1.01.1943 г. и 1.7.01943 г. приведены без учета личного состава ВВС.

Составлено по: Верхняя кривая построена на материалах, опубликованных в справочнике: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 39—40. Нижняя кривая построена на материалах ЦАМО, выявленных автором в фонде 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 194, 199; Д. 220. Л. 29—48.

в документах Управления учета и контроля численности Вооруженных Сил Главного организационно-мобилизационного управления (ГОМУ) Генерального штаба (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26)[85] и Управления мобилизации Главного организационного управления Генерального штаба (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806)[86].

Большой массив отчетного и статистического материала, включая статистику национального учета военнослужащих, изучен также в материалах Мобилизационно-планового управления РККА (РГВА. Ф. 33994). Кроме того, важная мобилизационная статистика, связанная с военным призывом в республиках СССР и национальными формированиями и подготовкой национальных политических кадров, аккумулировалась 8-м отделом (мобилизационной подготовки) Политуправления РККА (РГВА. Ф. 9. Оп. 33). В частности, нами обнаружен, сведен воедино и проанализирован статистический материал по предвоенным призывам в ряды Красной армии начиная с 1936 г. с указанием национальности призванных. Последние предвоенные годы характеризовались радикальным приростом военного призыва в национальных регионах СССР. Эта тенденция выявлена и проанализирована в книге.

Особое внимание уделено анализу динамики численности командно-начальствующего состава из представителей народов СССР. Кадровая проблема являлась краеугольным камнем на пути широкого использования национальных контингентов военнообязанных в рядах РККА в 1920-х — первой половине 1940-х гг. Динамика подготовки командно-начальствующего состава отдельно в военно-учебных заведениях и военных академиях по национальностям в предвоенный период проанализирована по состоянию на 1 января 1931 г., 1 января 1936 г., 1 февраля 1938 г., 1 января 1939 г. и 1 января 1940 г., 1 июля 1940 г. и 1 января 1941 г., а за годы Великой Отечественной войны — за 1 июля 1942 г., 1 июля 1943 г., 1 января 1945 г. Эти материалы позволили оценить динамику и степень вовлеченности советских этносов в процесс подготовки командных кадров. Богатый статистический материал по вопросам подготовки национальных кадров выявлен также в фондах Управления военно-учебных заведений Красной армии (РГВА. Ф. 62; ЦАМО. Ф. 54), Главного управления кадров (ЦАМО. Ф. 33) и отделов кадров ряда фронтов и округов (прежде всего Среднеазиатского, Закавказского, Северо-Кавказского военных округов и Закавказского фронта).

Использование массива статистических материалов, наряду с анализом нормативной и делопроизводственной документальной базы, предоставило нам мощный инструментарий для анализа национальной политики Советского государства в Вооруженных Силах СССР в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны, кото-

---

[85] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 28, 29, 123, 164, 181, 234, 317, 319, 366.

[86] Там же. Оп. 881806. Д. 205, 207, 208, 212.

рым не располагали предшествующие исследователи. Опора на статистические материалы позволила проанализировать конкретные проблемы истории Красной армии, связанные с этничностью военнослужащих, которые иным способом едва ли решаемы.

2.4. Учет потерь личного состава по национальностям

В заключение анализа источников имеет смысл несколько слов сказать о том, чего в книге нет, или, если быть точным, о том, что освещено лишь частично — настолько, насколько позволили источники. Это вопрос о национальном составе потерь Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Выше уже отмечалась чрезвычайная актуальность и острота этого вопроса в историографии и публицистике, ибо наиболее зримо вклад советских этносов в общую победу может быть отражен не только в численности участников Великой Отечественной войны по национальностям, но и в числе военнослужащих, сложивших свои головы в вооруженной борьбе за Отечество. Поэтому было бы правильным дать разъяснения о возможности исчисления различных типов потерь в этническом отношении.

Централизованный учет безвозвратных потерь в Красной армии впервые был введен в Советской России в годы Гражданской войны в 1919 г. и находился в ведении Управления по командному составу Всероглавштаба[87]. В предвоенный период учет потерь велся в Бюро по учету потерь Главного управления Красной армии. В годы Великой Отечественной войны этой работой занимался Отдел учета персональных потерь — Главного управления формирования и укомплектования Красной армии (5-й отдел). Все воинские части обязаны были направлять сюда списки безвозвратных потерь. 5 февраля 1942 г. в связи с большим объемом работы отдел был развернут в Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии в составе Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии.

Формы учета персональных потерь, подававшиеся по команде, начиная от командира взвода и до штаба дивизии (отдельной бригады), были введены еще до войны. Приказом НКО № 238 от 21 декабря 1939 г. приняты «Положение о персональном учете потерь личного состава Красной армии в военное время» и «Инструкция о порядке пользования медальонами с краткими сведениями о военнослужащих Красной армии». Во вкладной листок медальона заносились следующие сведения: фамилия, имя и отчество военнослужащего, воинское звание, год и место рождения, адрес семьи, призвавший его райвоенкомат и группа крови[88]. Национальность

[87] РГВА. Ф. 12. Оп. 12. Д. 13. Л. 728.
[88] Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 88. Л. 666.

погибшего не указывалась ни в листке-вкладыше «смертного» медальона, ни в имевшихся во всех отдельных частях и соединениях книгах учета безвозвратных потерь, содержавших подробные социально-демографические сведения о безвозвратно утерянном личном составе.

Не изменились требования и в годы Великой Отечественной войны. Главным руководящим документом было объявленное незадолго до ее начала (15 марта 1941 г.) «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной армии в военное время», доведенное до всего начальствующего состава. В предлагаемых формах для заполнения сведений о потерях не содержалось графы о национальности. Не появилась она и в подготовленном с учетом опыта войны в феврале 1944 г. «Наставлении по учету личного состава Красной Армии (в военное время)»[89]. «Командир отделения обязан иметь постоянно точный список бойцов своего отделения с данными: фамилия, имя и отчество, звание и должность, год рождения, место рождения, адрес семьи или ближайших его родственников», — указывалось в Наставлении[90]. Аналогичные обязанности были у командира взвода и старших командиров. В штабе полка «после точного установления списка погибших в боях, попавших в плен и умерших от ран и других причин, они исключаются из списков части приказом по полку, в котором указывается: воинское звание, должность, фамилия, полное имя и отчество, а также год рождения, какой местности уроженец, дата гибели и место погребения»[91]. В прилагаемых формах, в которых велся персональный учет потерь от полка до корпуса, также нигде не указывалась национальность.

Почему так произошло? Мы не склонны усматривать здесь какой-то специальный умысел. Скорее можно говорить о недосмотре. Иные формы учета личного состава в годы войны (например, рядового и офицерского состава воинских частей, маршевых пополнений, награжденных и т. п.) предусматривали указание национальности личного состава.

О возможной случайности может свидетельствовать и то обстоятельство, что в отчетности по другому типу потерь — *санитарных* — национальность военнослужащих указывалась. Если персональный учет *безвозвратных* потерь велся по правилам, разработанным перед войной Главным управлением РККА, то правила учета санитарных

---

[89] «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время» (введено приказом НКО № 138 от 15 марта 1941 г.) и «Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время)» (введено в действие 1 мая 1944 г. приказом НКО № 023 от 4 февраля 1944 г.) (Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР: 1937—1941 гг. Т. 13 (2—1). М., 1994. С. 258—261).

[90] ЦАМО. 33. Ф. 11456. Д. 689. Л. 158.

[91] Там же. Л. 159.

потерь разрабатывало для собственных нужд Санитарное управление Красной армии[92]. В данной монографии использован большой объем статистических материалов, отражающих национальный состав раненых, заболевших, обмороженных военнослужащих. Таким образом, хотя бы частично удалось пролить свет на вопрос этнического состава потерь. Любопытные дополнительные результаты дало сравнение между собой одновременных данных по санитарным потерям с общим составом Красной армии, а также составом действующих и недействующих войск, что позволило расставить некоторые акценты в объяснении интенсивности использования тех или иных этносов в боевых действиях.

Из всех категорий потерь, относимых к безвозвратным, национальность указывалась только у бывших советских военнопленных, *репатриированных* на родину в 1944—1946 гг. Всего органами репатриации было учтено 1825 тыс. бывших военнопленных[93]. Из этого числа на 1 368 849 человек имеются сведения об их национальности. Эти данные были опубликованы еще тридцать лет назад[94], однако оставались без комментариев исследователей.

Невольно напрашивается такое наблюдение: органы государственного и военного управления не интересовались национальностью военнослужащих, *безвозвратно потерянных* для вооруженных сил. Но едва возникала возможность вернуть гражданина в «народно-хозяйственный» оборот, возвращался интерес к его социально-демографическим характеристикам, одной из которых являлась его национальная принадлежность. Именно это происходило с репатриантами, которые в период войны уже были полностью и навсегда списаны в безвозвратные потери. Анализ национального состава бывших военнопленных, возвращенных на родину, представлен в этой книге.

Возвращаясь к безвозвратным потерям, повторим, что в распоряжении исторической общественности источников, позволяющих *полно* установить их этнические параметры, на данный момент нет. Неслучайно национальность погибших бойцов и командиров не указана и в большинстве издававшихся с 1990-х по середину 2000-х гг. региональных Книгах памяти, в которых были учтены персональные потери военнослужащих Красной армии с 1923 по 1945 г.[95] Однако в целом ряде региональных Книг памяти национальность устанавлена

---

[92] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 88. Л. 674.

[93] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 28. Л. 1.

[94] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 339.

[95] Книга памяти. 1939—1940. Т. 9 (Фабрика — Ящук). М., 2005. С. 12. Поименные Книги памяти издавались в соответствии с Законом Российской Федерации от 14 января 1993 г. «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества», Постановление Правительства РФ от 22 декабря 1992 г. № 1004, Распоряжение Правительства РФ от 26 августа 1995 г. № 1177-р.

их авторами по учетным картам военкоматов, которые призывали граждан на военную службу. Такая поименная реконструкция потерь, как представляется, единственный теоретически возможный путь приблизиться к более или менее точной оценке людских потерь по национальности. Однако и этот метод не сулит полного успеха из-за неизбежных лакун в военкоматской документации (например, в десятках областей, побывавших под оккупацией).

Итак, для объективного подсчета безвозвратных потерь Красной армии историки не имеют главного — во всех документах учета национальность погибшего (пропавшего без вести, попавшего в плен) *не отмечалась*. Поэтому любые попытки вывести цифры расчетным способом являются не более чем спекуляцией.

* * *

Накопленная источниковая база позволила осуществить полное и всестороннее исследование национальных процессов в строительстве Вооруженных Сил СССР в период 1918—1945 гг. Принципиально новым в подходе к источникам в данном исследовании являются:

— опора на обширный комплекс впервые выявленных и введенных в научный оборот архивных материалов, в том числе рассекреченных в самое последнее время;

— проведенная по различным опубликованным и неопубликованным источникам реконструкция нормативно-правовой базы, положенной в основу строительства национального сегмента Красной армии в 1918 — середине 1940-х гг. и позволившая определить направление, логику, темпы решения национального вопроса в военном строительстве;

— опора на комплекс статистических материалов, позволивших прийти к обоснованным и объективным выводам. Материалы по национальному составу Красной армии в 1918 — первой половине 1940-х гг., проанализированные в данной работе, никогда прежде не публиковались и впервые использованы в военно-историческом исследовании.

Глава 3
НА ЗАКАТЕ ИМПЕРИИ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ РУССКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

3.1. Бремя угнетателей: имперские этносы и воинская повинность в конце XIX — начале XX в.

Россия всегда была страной многонациональной. Являясь важнейшим общественным институтом, армия лишь отчасти отражала его этническую структуру, а более следовала сложной, извилистой истории государственно-национального строительства, в которой этносы, стоявшие на различных супенях социального и культурного развития, занимали свое место в иерархической структуре российского общества постепенно и так же неравномерно обретали свои права и обязанности. Традиция неравного отношения этносов к воинской повинности в полной мере досталась в наследство большевикам, и изменить ее одним росчерком пера представители новой власти оказались не в силах.

В XIX в. воинская повинность носила ярко выраженный сословный характер. Основную тяжесть рекрутской военной службы несло русское крестьянское население. Этот этноним в то время понимался синкретично, включая в себя великороссов, малороссов и белорусов. Подводя в 1875 г. итог завершившейся истории рекрутской системы, полковник А.Ф. Риттих несколько утрированно заключал, что до сих пор комплектование армии «исполнялось, и притом довольно удачно, по той причине... что в состав войска входило до 90% однородного русского элемента»[1]. Доступная статистика не подтверждает пропорции, озвученной Риттихом, однако факт доминирования восточнославянского суперэтноса безусловен (см. таблицу 2). Дворянство, купечество, почетные граждане, а также немецкие колонисты и переселенцы из других стран, жители Бессарабии, отдаленных областей Сибири, так называемое *инородческое* или *туземное* население Кавказа, Средней Азии, Сибири (то есть коренное

[1] *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. С. 5.

Таблица 2

Личный состав строевых и нестроевых нижних чинов в войсках по племенам за 1868—1877 гг.

Народность	На 1.01.1868 г.		На 1.01.1869 г.		На 1.01.1872 г.		На 1.01.1874 г.		На 1.01.1876 г.		На 1.01.1877 г.	
	В абс. знач.	В %	В абс. знач.	В %	В абс. знач.	В %	В абс. знач.	В %	В абс. знач.	В %	В абс. знач.	В %
Русские (великороссы, малороссы, белорусы)	572 098	84,12	539 750	82,27	556 141	79,67	537 736	77,7	540 190	77,93	625 937	79,83
Уроженцы Царства Польского	34 351	5,04	41 168	6,27	59 143	8,48	71 509	10,33	64 883	9,36	67 989	8,67
Уроженцы северо-западных губерний (литвины и жмудины[1*])	27 700	4,07	28 301	4,31	35 720	5,12	36 276	5,23	34 444	4,97	36 944	4,71
Уроженцы прибалтийских губерний (ливы, куры, латыши, эсты)	14 648	2,15	15 649	2,38	16 884	2,42	16 012	2,31	17 400	2,51	16 383	2,09
Финские племена (корелы, чухонцы[2*], чуваши, вотяки[3*], зыряне[4*], черемисы[5*], мордва и др.)	10 073	1,49	10 369	1,58	11 157	1,6	10 416	1,5	10 501	1,52	9570	1,22
Татарские племена	13 077	1,93	12 735	1,94	12 692	1,82	11 238	1,61	13 607	1,96	14 466	1,84
Евреи	8277	1,22	8133	1,24	7919	1,14	9240	1,33	12 021	1,73	12 840	1,63
Всего по списку	680 266	100	656 105	100	697 656	100	692 430	100	693 046	100	784 129	100

[1*] *Жмудины* или *самогиты* — литовский субэтнос.
[2*] *Чухонцы* — устар. этноним прибалтийско-финских народов в новгородских землях.
[3*] *Вотяки* — устар. этноним удмуртов.
[4*] *Зыряне* — устар. этноним коми.
[5*] *Черемисы* — устар. этноним марийцев.

Составлено по: Ежегодник русской армии за 1869 г. СПб., 1869. С. 200—201; Ежегодник русской армии за 1874 г. СПб., 1874. Ч. 2. С. 304—305; Ежегодник русской армии за 1877 г. СПб., 1877. Ч. 1. 1877 г. С. 234—235; Ежегодник русской армии за 1878 г. СПб., 1878. Ч. 2. 1878 г. С. 256—257; Ежегодник русской армии за 1879 г. СПб., 1879. Ч. 2. 1879 г. С. 266 — 267.

местное население) и др. — в целом более 30% населения — было или освобождено от военной службы, или могло откупиться от поставки рекрутов денежным взносом[2].

Русскому правительству одной из главных целей привлечения к военной службе *инородцев* виделось обрусение, понимавшееся и буквально (освоение русского языка, культуры, поведенческих моделей, отказ от собственной этнической идентичности), и символически (обретение национального достоинства, приобщение к русской истории, как к собственной)[3]. В этнокультурном единообразии виделся залог стабильности и прочности воинского коллектива. Ставя цель на русификацию, царская военная администрация не поддерживала национальные формирования, ибо в них не происходило искомого радикального отрыва *инородцев* от национально-культурного субстрата.

С введением 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности пропорция в этническом составе армии несколько сдвинулась в пользу нерусского контингента: в этом году воинская повинность была распространена на не отбывавшее прежде рекрутской повинности *инородческое* население Астраханской губернии, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиречинской и Уральской областей, а также на сибирские племена[4]. Однако реальный массовый призыв год от года откладывался «до особых распоряжений».

В 1887 г. воинская повинность была распространена на *туземное* население Закавказского края, Кубанской и Терской областей. Но фактически оно коснулось лишь местных христиан (прежде всего армян и грузин), в то время как мусульманам Закавказского и Туркестанского краев, так же как и коренным народам Урала и Сибири, «временно, впредь до дальнейших распоряжений» натуральная военная служба уже в 1889 г. была заменена взиманием денежного сбора. В то же время допускался прием *охотников* (добровольцев) из числа мусульман[5]. По расчетам Военного министерства, эта мера должна была дать по мобилизации до 260 тыс. солдат, сократив тем самым бремя воинской повинности для русского населения с 39,5 человека на 1000 мужчин работоспособного возраста до 34,9 человека на 1000 мужчин, то есть на 12%[6].

---

[2] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 9.

[3] *Лапин В.В.* Армия как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 1 (21). С. 303—304.

[4] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. II. Т. 49 (1874). № 52983.

[5] Высочайшее повеление «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». Тифлис, 1886.

[6] *Золотарев А.М.* Материалы по военной статистике России. Население России, как источник комплектования ее армии (на основании данных за первое десятилетие отбывания воинской повинности). СПб., 1889. С. 8.

Привлечение широких масс нерусского населения империи к службе в армии считалось сугубо положительным шагом, ибо не только расширяло мобилизационную базу государства, но и являлось мощным культуртрегерским инструментом в отношении нерусских военнослужащих. Длительный срок службы, установленный уставом, способствовал профессиональному, социокультурному и языковому сближению нерусских контингентов с доминирующим в армии русским элементом.

Но с формальным введением всеобщей воинской повинности картина менялась крайне медленно. Призыв на окраинах империи нужно было долго готовить: налаживать общегражданский и воинский учет населения, поднимать его культурно-образовательный уровень, повышать степень его толерантности российской власти. Призыв приходилось год за годом откладывать. В 1889 г. профессор кафедры военной статистики Академии Генерального штаба А.М. Золотарев констатировал продолжение демографической перегрузки воинской повинностью русских[7]. Если на территории Европейской России лишь 0,4% населения было освобождено от службы, то в Сибири — 31,3%, на Кавказе (до 1887 г.) — 78,8%, в Средней Азии — 94,7%[8]. Льготные категории приходились в основном именно на *инородцев*. Демографическое перенапряжение населения Европейской России выражалось в следующем соотношении: среди населения империи его доля составляла 84,5%, в то время как среди военнослужащих — 93,7%[9]. У народов Кавказа и Средней Азии, напротив, в относительных значениях численность военнослужащих уступала численности населения. Остальное многомиллионное мусульманское население страны не обязано было натуральной военной службой. Не призывались также народы Сибири и Крайнего Севера, русские переселенцы на окраинах империи и др.

В начале XX в. в армию на общих основаниях призывалось только около 40 народов империи, включая восточных и западных славян, представителей прибалтийских, финно-угорских национальностей (финнов, эстонцев, мордвин, черемисов, вотяков, карел и др.), немцев, армян, грузин, осетин, молдаван, цыган, евреев, греков, чувашей и ряд других. Из мусульманских народов призывались только поволжские татары и башкиры[10]. Кавказские и закаспийские *инородцы* добровольно поступали в милицию или *инородческие* войска — Туркменский и дагестанский конные полки[11]. Использование в войсках евреев, составлявших достаточно заметную прослойку среди нижних чинов, постоянно дискутировалось в политических и

---

[7] *Золотарев А.М.* Указ. соч. С. 1.

[8] Там же. С. 6.

[9] Там же. С. 9.

[10] *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 248.

[11] РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 570. Л. 117.

военных кругах. К началу Первой мировой войны правительство было готово отменить прием в армию евреев как носителей революционных идей и разлагающего дисциплину типа поведения. Николай II по этому поводу заметил: «Я давно того мнения, что евреи — язва русской армии». Опрос командующих военными округами и высших чинов Военного министерства показал, что такое мнение в вооруженных силах являлось превалирующим[12].

В целом армия оставалась в основе своей русско-славянской, однако удельный вес русских (в широком смысле) по сравнению с периодом упразднения рекрутской системы несколько сократился и колебался между 72 и 75% при удельном весе среди населения 65,1% (таблица 3). Так, в 1903 г. было принято на службу 314,8 тыс. человек, среди которых удельный вес восточных славян составил 72,3% (44,2% русских, 21,2% украинцев, 7,0% белорусов). В 1907 г. было принято на службу 440,5 тыс. человек, а удельный вес славян составил 75,3%[13]. Сокращение численности восточных славян по сравнению с рекрутской эпохой на несколько процентов произошло за счет расширения призыва ряда народов, прежде всего евреев и поляков, а также кавказских христиан и мусульман внутренней России.

Таблица 3

Мужское население Российской империи по родному языку по Первой Всероссийской переписи 1897 г.

Народность	В абсолютном значении	В %
Великороссов, малороссов, белорусов	41 270 254	65,13
Поляков	3 933 282	6,21
Литовцев	595 422	0,94
Латышей	698 584	1,10
Немцев	885 013	1,40
Евреев	2 471 395	3,90
Эстонцев	487 144	0,77
Армян	621 297	0,98
Прочих кавказских народов	1 809 111	2,86
Татар	1 980 110	3,13
Других народов	8 610 749	13,59
Всего	63 362 361	100

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

[12] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 12.
[13] Там же.

На рубеже веков при комплектовании воинских частей в регионах с нерусским населением, как правило, применялась простая пропорция: 75% русских и 25% нерусских[14]. Для этого территория Европейской России делилась на две части — русскую (куда входили губернии с великороссийским, малороссийским и белорусским населением) и *инородческую* (губернии польские, прибалтийские, литовские и Бессарабская). Первые разбивались на участки комплектования армейских полков (по одному-два уезда); четыре смежных участка объединялись в дивизионный район комплектования. Каждому такому району дополнительно назначались *инородческие* уезды, дававшие четверть пополнения[15].

В начале XX в. система национального квотирования несколько усложнилась, но по существу оставалась прежней, будучи устроенной на дискриминационном по отношению к нерусским национальностям принципе. Система эта состояла в следующем. Все уезды Европейской России делились на три группы комплектования: две основных — великорусскую и малорусскую (малоросскую) и дополнительную — *инородческую*. В малоросскую группу включались украинцы и белорусы, причем последние считались «самым слабым элементом русского населения и притом имеющим некоторую примесь инородческого»[16]. Поэтому их численность в войсках минимизировалась. В *инородческую* группу включались прочие славянские, прибалтийские, а также поволжские народы и евреи, общее число которых не должно было превышать в составе частей 30%, а в трех западных округах — 26%. При этом количество евреев при любом раскладе не могло быть выше 6% от общей численности поступавших на комплектование частей контингентов.

Каждый пехотный полк и артиллерийская бригада имели свои участки (уезды) комплектования во всех трех группах (гвардия, кавалерия и инженерные войска комплектовались со всей территории страны), получая из основных («русских») от двух третей до трех четвертей призывников[17]. Однако эти участки не были территориально связаны со «своими» войсками, что вызывало массовые перевозки новобранцев: от 99,4% для Варшавского округа, где великорусский элемент должен был преобладать (59%), и до 58% для Петербургского[18]. Кроме того, в случае мобилизации переброски запасных из округа в округ (преимущественно с востока на запад) достигали по мобилизационному расписанию № 18 (действовало с мая 1903 г. до 1910 г.) огромной цифры — 385 тыс. запасных (ис-

---

[14] *Глудин И.* Комплектование РККА очередными призывами // Война и революция. 1927. Кн. 7. С. 57.

[15] *Добророльский С.К.* Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение: по материалам Военно-исторического архива. М., 1929. С. 16.

[16] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 339. Л. 1, 2.

[17] Там же.

[18] Там же. Л. 3.

ключая потребность азиатских округов), что составляло 20% всех запасных[19]. Традиционно основную часть пополнений извне получали Кавказский, Финляндский и Варшавский военные округа, где нерусское по составу местное население призывалось в армию в ограниченном количестве.

Существовавшие этнические ограничения в начале XX в. все более усугублялись ограничениями социально-классовыми. Это, в свою очередь, еще сильнее удорожало и усложняло комплектование и мобилизационные планы. С 1913 г. число перевозок между округами, в том числе встречных, должно было лишь вырасти, поскольку было издано распоряжения сократить до 25—30% долю лиц, поступавших на укомплектование частей по месту призыва. Комплектовать части проживающими в данном регионе фабрично-заводскими рабочими было вовсе запрещено[20]. Все это делалось в целях сокращения влияния революционных настроений на армию.

На совершенно особом положении находилось Великое княжество Финляндское. С момента присоединения княжества к Российской империи в 1809 г., вместе со значительной политической автономией, оно сохранило то устройство вооруженных сил, которое имело еще при шведском владычестве. В 1881 г. в Финляндии был принят собственный устав о воинской повинности. Вместо вербовки добровольцев была введена всеобщая личная воинская повинность, однако все призываемые должны были служить в созданных одновременно особых финских войсках (9 стрелковых батальонов и 1 кавалерийский полк). Это была вынужденная уступка финляндскому сейму, которую удалось аннулировать только спустя двадцать лет: в 1901 г. был введен новый устав, в целом уравнивавший условия призыва и военной службы уроженцев Финляндии со всеми подданными российского императора; были упразднены финские формирования (кроме лейб-гвардейского стрелкового батальона и Финского драгунского полка). Однако реализация нового призывного закона натолкнулась на фактический саботаж и финляндской администрации, и населения. Призывы 1902 и 1903 гг. были сорваны, а призыв 1904 г. прошел с большим напряжением. В 1905 г. на волне революционных событий, сопровождавшихся террором против представителей русской администрации в Финляндии, правительство вынуждено было вовсе отказаться от реализации нового устава. Натуральная воинская повинность была заменена денежным налогом, однако сейм блокировал и это решение. В свою очередь, царское правительство отказывалось вернуть Финляндии ее войска, как это было в XIX в. Лишь в 1912 г. удалось договориться о сумме налога, включенного затем в Устав о воинской повинности

---

[19] *Добророльский С.К.* Указ. соч. С. 43.
[20] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 13.

1915 г.[21] Фактически правительство признало свое поражение в многолетней борьбе с финляндским сеймом. Можно согласиться с мнением о том, что «привлечь финнов к выполнению общегражданских обязанностей не удалось, они не чувствовали себя гражданами единого государства и всячески подчеркивали свою особенность, самобытность»[22].

Из-за численного роста армии при одновременном сохранении массы льгот призыв с каждым годом исполнялся с возрастающим дефицитом, правда, пока незначительным, исчислявшимся в 2—5% от плана призыва[23]. До тех пор пока Россия вела локальные войны, такая ситуация считалась удовлетворительной, хотя военное ведомство всегда осознавало «вредность» льготы нерусскому населению потому, что такое положение вещей «приучает эту народность к мысли о незыблемости такой льготы»[24], в то время как чрезмерную перегрузку испытывали славяне.

После Русско-японской войны, когда штатный состав Русской армии значительно вырос, вопрос о призыве освобожденных от службы национальностей был поднят Государственной думой, учредившей 10 апреля 1907 г. специальную комиссию. В отношении Военному министерству комиссия указала, что тягота воинской повинности «увеличивается еще неравномерностью распределения числа призываемых в войска по отдельным местностям»[25].

До начала Первой мировой войны правительство и Военное министерство несколько раз безуспешно обсуждали вопрос расширения призыва в армию на нерусское, прежде всего, мусульманское население империи[26].

В 1908 г. Государственная дума прямо указывала на необходимость призыва нацменьшинств с целью более равномерного распределения тягот военной службы среди населения. Считалось, что «с проведением рельсовых путей до самых отдаленных границ Империи, *инородческое* население многих окраин вошло в более тесное общение с русским населением, постепенно начало усваивать государственный язык и переходит к более культурным формам общежития»[27]. Этому же способствовали волны русской колонизации на окраинах. К тому же в начале двадцатого столетия вызревал еще

[21] О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915]. С. 6—7.

[22] *Подпрятов Н.В.* Государственный механизм привлечения жителей Великого княжества Финляндского к службе в Русской армии в XIX — начале XX вв. // Власть. 2011. № 7. С. 148.

[23] *Байдаров С.В.* Проблемы комплектования армии в России в конце XIX — начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 20—24.

[24] О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 2.

[25] Цит. по: *Сиднев [А.Ф.].* Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 115.

[26] *Антонович А.* Указ. соч. С. 241—274; *Байдаров С.В.* Указ. соч. С. 20—24.

[27] О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 2.

один веский геополитический мотив начать призыв на восточных окраинах империи: «Политическое положение на окраинах резко изменилось. Выросла новая великая держава — Япония», а Китай «пробуждается к новой жизни», обостряется соперничество европейских держав на Ближнем Востоке. В конце концов, такое положение прямо противоречило основополагающей законодательной норме, прописанной еще в первой редакции Устава о всесословной воинской повинности 1874 г., в первой же его статье: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность *каждого* русского подданного»[28]. Поэтому, по мнению комиссии Госдумы, «необходимо озаботиться развитием на окраинах запаса обученных военному делу людей, дабы расположенные там войска могли... пополняться по мобилизации местным запасом»[29]. Комиссия пришла к выводу о том, что «для народностей, впервые призываемых к защите общей родины, необходимо создание условий службы, приспособленных к особенностям их быта, религии, климата и т. п.»[30]. В качестве первого шага предлагалось обустройство национальных формирований и национальных военно-учебных заведений, то есть именно того, чем занялась советская власть сразу же после окончания Гражданской войны и о чем подробно речь пойдет ниже.

Таблица 4

Принято на военную службу новобранцев в 1912 г. по национальному составу

Народность	В абсолютном значении	В %
Великороссов, малороссов и белорусов	321 121	74,43
Поляков	31 407	7,28
Латышей	3659	0,85
Литовцев	4416	1,02
Немцев	6945	1,61
Жмудин	492	0,11
Евреев	20 981	4,86
Татар	7422	1,68
Армян	5125	1,19
Прочих народностей	29 868	6,92
Итого	431 436	100

Источник: Сиднев [А.Ф.] Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 116.

[28] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Изд. 1915 г. Пг., 1915. Т. 4. Устав о воинской повинности. 1915. С. 8.

[29] О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 2.

[30] Цит. по: *Сиднев [А.Ф.]* Указ. соч. С. 116.

Таблица 5

Национальный состав нижних чинов Русской армии в 1912 г.

Народность	В абсолютных цифрах	В % к общему числу
Русских	923 906	76,85
Поляков	104 059	8,66
Литовцев и латышей	23 790	1,98
Немцев	18 874	1,57
Евреев	50 231	4,18
Кавказских народностей	25 951	2,16
Финнов, мордвы, черемисов и чувашей	9538	0,79
Татар, мещеряков[1*], башкир и тептярей[2*]	38 004	3,16
Прочих народностей	7853	0,65
Всего	1 202 206	100

[1*] *Мещеряки* — устар. наименование мишарей — этнической группы татар.
[2*] *Тептяри* — этносословная группа у башкир (*устар.*).

Источник: Военно-статистический ежегодник Армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 374—375.

Наиболее решительный приступ к проблеме призыва на окраинах империи начался в 1910 г., когда Министерством внутренних дел были образованы совещания гражданских и военных должностных лиц во главе с губернаторами в Сибири, Туркестане и на Кавказе. Совещания работали по единым программам. Всего было поставлено девятнадцать конкретных вопросов, которые должны были уточнить численный и социальный состав *инородцев*; особенности физического, социального, политического развития различных национальностей; их отношение к воинской повинности; состояние учета населения. Запрашивалось обоснованное мнение местных чиновников о возможности начала военного призыва; ожидаемых масштабах уклонения и иных форм сопротивления призыву; рекомендации по использованию *инородцев* в войсках (способы и формы комплектования войск) и т. д.[31] Военное министерство, в свою очередь, поставило эти же вопросы на заключение командующих войсками военных округов.

В результате был собран «обширный материал»: на все вопросы областные и губернские совещания дали обстоятельные ответы, правда, далеко не всегда конкретные и однозначные из-за недостаточного знания подопечного населения. Начальниками по делам о воинской повинности материал был сведен в доклады по макроре-

[31] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. документов и материалов. М., 2016. С. 124—143.

гионам (Туркестан, Кавказ), изучен в министерствах внутренних дел и военном, а затем в 1913—1914 гг. обсуждался на междуведомственной комиссии по пересмотру действующего Устава о воинской повинности 1897 г. В принятый 23 июня 1912 г. обширный свод изменений призывного законодательства статьи, касающиеся воинской повинности *инородцев*, попасть не успели[32].

В 1914 г. Военное министерство готово было внести вопрос о призыве *инородцев* на рассмотрение Государственной думы[33], однако неспешный ход обсуждения проблемы был прерван началом войны. Таким образом, система льгот нерусскому населению просуществовала без значительных изменений до самого начала Первой мировой войны.

Перед началом Первой мировой войны положение оставалось прежним. Так, по итогам призыва 1912 г. (в этом году последний раз публиковался этнический состав армии) числилось 76,8% (см. таблицы 4 и 5) восточных славян среди нижних чинов и 85,8% среди офицеров[34]. В то время, согласно данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи, по состоянию на 1913 г. русские (включая 43,4% великороссов, 17,4% малороссов и 4,6% белорусов) составляли лишь 65,5% населения империи[35]. До самого дня падения монархии многомиллионные массы подданных, населявших окраины империи, не состояли на воинском учете и не подлежали мобилизации и призыву.

Более того, с началом войны льгота *инородцам* была подтверждена законодательно в новой (и последней в российском законодательстве) редакции Устава о воинской повинности, изданной 31 мая 1915 г. 1-е отделение 4-й главы Устава «Об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности» целиком было посвящено «изъятиям для некоторых местностей и частей населения», которые распространялись «впредь, до дальнейших распоряжений» (ст. 45—49)[36]. В то же время Устав о воинской повинности не содержал ограничений по национальному или вероисповедному признаку для лиц, поступавших на службу добровольно *охотниками* и *вольноопределяющимися* во все рода войск или *юнкерами* в военные училища.

Мировая война ознаменовалась невиданным доселе в истории страны расходом людских ресурсов[37]. Только маршевыми пополне-

---

[32] ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32. № 37417.

[33] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 12; Д. 114. Л. 3 об., 11 об.

[34] Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. С. 136—137; 172—173; 278—279.

[35] Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб., 1914. С. 63—65.

[36] СЗРИ. Изд. 1915 г. Т. 4. С. 35—36.

[37] Более подробно о системе комплектования Русской армии в период Первой мировой войны см.: *Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е.* История военно-окружной системы в России. 1982—1918 гг. М., 2012. С. 356—390.

ниями в 1914 г. на фронт были отправлены около 1,5 млн человек, в 1915-м — 3286 тыс. человек, в 1916 г. — 2533 тыс. человек[38]. Но до половины годных к службе контингентов были освобождены от нее по льготам. Уже на второй год войны Русская армия стала испытывать трудности в пополнении людьми, в связи с чем потребовалась перестройка системы комплектования войск. Уже в начале войны пришлось прибегнуть к массовому призыву не прошедших прежде военной службы ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов — как правило, людей возрастных и многосемейных, не расположенных к военной службе и болезненно воспринимавших отрыв от родных хозяйств и семей. По данным Главного управления Генерального штаба, из имевшегося в начале 1915 г. запаса в 34 982 тыс. военнообязанных мужчин в возрасте от 18 до 45 лет в течение Первой мировой войны было призвано в армию 14 375 тыс. человек вдобавок к имевшимся в армии на момент объявления мобилизации 1 423 тыс. человек. Всего было взято у населения 15 798 человек.[39] Остальные лица военнообязанного возраста (около 20 млн человек) не были призваны по физической негодности, в связи со льготами, уклонением от призыва и другим причинам[40]. Было очевидно, что комплектование войск требует предельного напряжения людских ресурсов. Для самодержавной России, с ее недостаточно развитой по сравнению с ведущими странами экономикой, этот предел наступил на рубеже 14% от общей численности населения. Изъятие рабочих рук выше этого значения критически подрывало работу промышленности и аграрного сектора. Всего по послевоенным оценкам было мобилизовано от 15,8 млн человек[41] до 17,5 млн человек[42].

Статистики призыва в годы Первой мировой войны по национальностям не велось: списки призывников и отчетность по итогам призыва составлялись отдельно лишь для лиц иудейского вероисповедания и отдельно — для всех остальных вероисповеданий (ст. 189, 191, 223 Устава о воинской повинности в ред. 1915 г.). Но по косвенным данным можно заключить, что призыв в национальных регионах (Кавказ, азиатская часть России) был многократно ниже, чем в Европейской России. Данные сельскохозяйственной переписи 1 сентября 1917 г., несмотря на несовершенство обследования, связанное с революционными событиями, показывают, что в великорусских, малорусских, белорусских губерниях к осени 1917 г. было призвано от 150 до 400 тыс. человек. В кавказских и азиатских гу-

---

[38] Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 20.

[39] Там же. С. 4.

[40] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1128. Л. 71.

[41] *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 78.

[42] *Триндафиллов В.* Возможная численность будущих армий // Война и революция. 1927. № 3. С. 19.

берниях и областях призыв не превышал нескольких десятков тысяч человек[43].

К началу Первой мировой войны Россия подошла с большим запасом непризываемого инородческого населения, численность которого оценивалась от 7,4 млн человек (оценка Военного министерства[44]) до 10 млн человек (оценка депутата Государственной думы А.И. Шингарева[45]) мужского пола. Это могло составлять от 8 до 11,5% всего мужского населения империи. Расчетным способом Военное министерство вывело общее количество призывников-*инородцев*, ежегодно освобождаемых от военной службы в мирное время, в 133,5 тыс. человек. Используя общий коэффициент принимаемых на действительную службу из числа подлежащих призыву (35,7%), можно было рассчитывать на дополнительные 47 тыс. новобранцев[46] при нормальном призыве мирного времени. На период войны можно было призвать и более старшие возраста, однако, как и молодежь призывного возраста, все эти люди не были обучены военному делу. Это было большой проблемой, ибо считалось, что сам призыв, а затем военное обучение *инородцев* заняли бы столько времени, что война могла закончиться, прежде чем на фронте окажется первый солдат.

Поэтому, несмотря на остроту проблемы, связанной с большими потерями Русской армии на фронтах Первой мировой войны и истощением годных к призыву контингентов славянских национальностей, подготовка к рассмотрению вопроса затягивалась. Лишь 23 ноября 1915 г. военным министром был представлен доклад в Совет министров «О привлечении к воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени»[47]. Составители доклада решали задачу со многими неизвестными: необходимость расширения мобилизационной базы сталкивалась с соображениями политическими (возможная нелояльность милитаризуемых этносов); географическими и климатическими (неприспособленность ряда этнических групп к условиям Европейской России); культурными и физиологическими («дикость и физическая слабость» ряда этносов)[48].

Анализ социально-культурных особенностей этносов, предложенный в докладе Военного министерства, нельзя назвать глубоким.

---

[43] Россия в мировой войне... С. 49.

[44] О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915]. С. 1.

[45] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 90.

[46] *Сиднев [А.Ф.]* Указ. соч. С. 115.

[47] О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915].

[48] О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 3.

Значимые для службы в армии аспекты рассматривались не на статистическом или этнографическом материале, а на довольно вольных трактовках качеств того или иного народа. Например, физическая годность к военной службе описывалась в терминах «хилость», «слабость», «ловкость» и т. п. Этнокультурные характеристики содержали эпитеты «природные воины», «несравненная отвага», «храбрость», «лихость», «природный ум» и т. п. Несмотря на то что на подготовку доклада было потрачено несколько лет, в нем было крайне мало точного цифрового материала даже о численности мужского населения и в то же время — чрезмерно много поверхностных оценок и домыслов (например, о бурятах говорилось: «Массового уклонения их от воинской повинности ожидать нельзя, так как бурятам хорошо живется в России»[49]; о курдах: «Хорошие наездники; по характеру — злопамятны и мстительны»[50]; о якутах: «Довольно смышленые и обладают подражательными способностями»[51]) и т. п.

Особое внимание было уделено политической лояльности окраинных народов. В докладе рефреном проходила мысль о том, что «культурная отсталость» тех или иных этносов от русских может быть подтянута именно воинской повинностью, когда «нижние чины — туземцы, уходя со службы в запас, понесут в свои глухие трущобы и аулы более культурный уклад жизни, новые понятия и взгляды, что... обеспечит успешный ход сближения их с русским населением и послужит связующим началом политического единства государства»[52].

Подходящими к организации немедленного призыва в докладе были определены: киргизы[53], сарты[54], узбеки, каракалпаки, таджики, дунгане, таранчи[55], астраханские и ставропольские *инородцы* (киргизы, туркмены, калмыки, ногайцы), *инородцы* Томской, Тобольской губерний, Дальнего Востока, Восточной Сибири (буряты, якуты и др.), мусульмане Дагестанской, Терской и Кубанской областей и Закавказья. В отношении большинства из них был применим обычный призыв на общих основаниях; для горцев Северного Кавказа — служба в национальных частях. Лишь незначительная часть населения (граждане Великого княжества Финляндского, турки и курды Закавказья и ряд других) освобождались от службы по причине особой политической ненадежности. Всего, за исключением жителей Финляндии, планировалось привлечь к ежегодному комплектованию армии 97% этносов, прежде от натуральной воен-

---

49 О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 12.
50 Там же. С. 18.
51 Там же.
52 Там же. С. 16.
53 Под киргизами в тот период понимались современные казахи и киргизы (последние чаще именовались кара-киргизами).
54 Наименование оседлых узбеков и отчасти таджиков.
55 Ныне уйгуры.

ной службы освобожденных[56]. К докладу прилагался законопроект с предложениями Военного министерства, а также смета предстоящих расходов[57]. Несмотря на поверхностный характер доклада в Совет министров, предложения Военного министерства, безусловно, нужно понимать как радикальную реформу комплектования армии. Предложения Военного министерства в Совет министров сведены в таблице 6.

Таблица 6

Предложения о привлечении к военной службе освобожденных от нее частей населения (по данным Военного министерства, представленным в Государственной думе в ноябре 1915 г.)

Какие части населения предположено привлечь к воинской повинности	Численность привлекаемого населения, человек мужского пола	Количество годных к службе новобранцев, которых может дать это население ежегодно, человек мужского пола	В какой род войск более пригодны
Русское население Туркестанского края	Около 117 тыс.	Около 736	Все рода войск
Инородческое население Европейской России (киргизы, калмыки, туркмены и ногайцы Астраханской и Ставропольской губерний)	Около 200 тыс.	Около 1260	Конница
Инородцы Кавказа:			
а) татары[1*]	Около 800 тыс.	Около 5000	Конница, пехота
б) аджарцы	Около 36 тыс.	До 200	Пехота
в) абхазцы	Около 22 тыс.	Около 135	Пехота
г) дагестанцы (лезгины)[2*]	Около 320 тыс.	Около 2000	Предположено назначать только в Дагестанский полк
д) чеченцы и ингуши	Около 150 тыс.	Около 945	Предположено назначать только в Чеченский полк
е) горцы Терской и Кубанской областей (кабардинцы, черкесы, осетины и др.)	Около 173 тыс.	Около 1000	Предположено назначать только в особые горские сотни при полках Терского и Кубанского казачьих войск; осетин — в осетинский конный дивизион и в другие части армии

[56] О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 24.
[57] Там же. С. 35—39.

Какие части населения предположено привлечь к воинской повинности	Численность привлекаемого населения, человек мужского пола	Количество годных к службе новобранцев, которых может дать это население ежегодно, человек мужского пола	В какой род войск более пригодны
Коренное инородческое население (кроме киргиз) Туркестанского края (сарты, узбеки, дунгане, таранчи, татары и проч.)	Около 1262 тыс.	Около 7950	Пехота
Киргизы всех областей Сибири и Туркестана	Около 2270 тыс.	Около 7950	Конница
Инородцы Сибири:			
а) буряты	Около 146 тыс.	Около 920	Конница или пехота
б) якуты	Около 110 тыс.	Около 700	Пехота
в) инородцы Иркутской и Енисейской губерний (татары, тунгусы и др.)	Около 32 тыс.	Около 200	Пехота
Инородческое население Приморской, Амурской и Сахалинской областей	Около 22 тыс.	Около 140	Пехота
Всего	Около 5788 тыс.	Около 36 280	

[1]* Ныне азербайджанцы.
[2]* Так в документе.

Источник: РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 274—274 об.

Однако в условиях войны замысел Военного министерства оказался труднореализуем. Во многих местностях главным препятствием немедленному развертыванию призыва являлось отсутствие посемейных списков, списков призывников и самих учреждений, которые должны были определить территории призывных участков, организовать их работу и осуществлять призыв, а именно — губернских (областных), уездных (окружных) по воинской повинности присутствий. Учреждения должны были быть укомплектованы компетентными в военно-учетном деле специалистами, которых также не было. При самом удачном стечении обстоятельств первый призыв мог быть назначен лишь на 1 октября 1917 г. Правда, военный министр допускал подготовку призыва по сокращенной схеме, как это практиковалось с внеочередными призывами ратников ополчения в текущей войне.

Совет министров оценил специфические проблемы, связанные с длительностью организации призыва (отсутствие во многих мест-

ностях посемейных списков и нехватка специалистов), возможными социально-политическими осложнениями на местах, при недостатке войск и полиции для подавления возможных выступлений и, наконец, неизбежной длительностью военной подготовки солдата-*инородца* в связи с его изначальным низким культурно-образовательным уровнем[58]. Поэтому 27 ноября 1915 г. Совет министров отложил решение на неопределенное время. Так или иначе, самодержавие вернулось к опоре на безотказного русского солдата.

В правоте опасений по поводу противодействия призыву со стороны инородцев правительство вскоре смогло убедиться, когда летом 1916 г. была предпринята попытка «реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» привлечь к фронтовым инженерным работам[59]. Фактически речь шла о рытье окопов, сооружении инженерных препятствий и иных тяжелых земляных работах. Это распоряжение резко порывало с традиционными формами отношений нерусских народов империи с Русской армией: либо добровольное вступление в боевые части, либо откуп посредством военного налога. И первое, и второе воспринималось *инородцами* как традиционная привилегия. И напротив, принудительная мобилизация на полевые работы заведомо ставила их в унизительное положение по отношению к фронтовикам. К тому же многие из них, например кочевники Средней Азии, оказались совершенно непригодны к земляным работам, которыми никогда прежде не занимались; за ними требовался особый уход, а также соблюдение мусульманских традиций и проч.

Первым к реализации этого мероприятия приступил Туркестанский военный округ. Здесь сразу «возникли тяжкие беспорядки, пролилась русская кровь, пришлось прибегнуть к употреблению оружия», — докладывал царю командующий войсками округа генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин[60]. Беспорядки были направлены главным образом против русских чиновников и их семей и имели ярко выраженный шовинистический характер. Благодаря жестким мерам командования округом, восстание было ликвидировано, население находилось «в подавленном состоянии», но, по сообщению Куропаткина, «настроение плохое, и беспорядки могут возобновиться»[61]. Возникла реальная угроза откочевки большей части скотоводческого населения Средней Азии в Монголию, Китай и Афганистан. Куропаткин ходатайствовал перед царем о предоставлении ему полномочий на месте решать объемы и порядок «реквизиции» туземцев с правом полного освобождения от него или замены денежным налогом. Николаю II пришлось поставить на докладе Куропаткину

[58] *Захаров М.* Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 23.
[59] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 3.
[60] Там же. Л. 51.
[61] Там же. Л. 48.

резолюцию: «Согласен. Ставлю на вид спешное и недостаточно обдуманное проведение в жизнь этой меры, вызвавшей на окраине кровавые беспорядки»[62].

Те уроженцы Среднеазиатского региона, которым все-таки не посчастливилось быть «реквизированным» до отмены решения, были направлены железнодорожным транспортом во многие уголки империи, вплоть до Архангельска, где испытали на себе все невзгоды русской зимы. Бытовая неустроенность и неприспособленность к суровому климату привели к большой смертности и дистрофии среди них. Побывавший в расположении одной из рабочих бригад офицер Азиатской части Главного штаба восклицал: «Впечатление от этого посещения прямо ужасное; кажется, будто привезены были туземцы Туркестана не для работ, а для создания в них ненависти к русскому государству...»[63]

Одновременно мобилизация на инженерные работы была объявлена и на Кавказе. Это решение относилось к большинству кавказских народов: езидов, ингилойцев-христиан, абхазцев-христиан Сухумского округа, трухмен (ставропольских туркмен), ногайцев, калмыков «и прочих подобных им инородцев Ставропольской губернии, а также мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья»[64]. Недавно назначенный наместником на Кавказе и командующим Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич-младший употребил весь свой авторитет для отсрочки мобилизации. А когда выяснился масштаб катастрофы в Туркестанском округе, 9 августа 1916 г., он отправил царю большое письмо, в котором предупреждал Николая II о назревании в регионе «крайне опасного для государственных интересов» положения — настолько серьезного, что он считал бы нужным прибыть в Ставку для личного доклада царю[65]. Специально созванное совещание губернаторов и начальников областей единодушно высказалось о том, что самой мягкой формой протеста станет массовое дезертирство мужского населения в горы, после чего начнутся вооруженные мятежи, нападение на русскую администрацию, порча железных дорог, нефтепромыслов и проч. Волнения с применением насилия в отношении «начальствующих лиц» уже отмечались среди караногайцев[66]. Привлечение горцев к принудительным работам, отмечал Николай Николаевич, «равносильно в глазах многих мусульман *унижению их достоинства*» (курсив мой. — *Авт.*). Уже имелись сведения о насмешках в адрес горцев со стороны солдат-армян[67].

---

[62] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 49.

[63] *Цвибан М.* «Рабочие туземцы» в Петрограде в 1917 году // Революция в Средней Азии. Сб. 3. М.; Ташкент, 1931. С. 144—146.

[64] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 49.

[65] Там же. Л. 87—90 об.

[66] Там же. Л. 88.

[67] Там же. Л. 88 об.

Серьезно обеспокоенный ситуацией на окраинах империи Николай II вскоре приостановил, а затем и отменил мобилизацию[68].

В последний раз правительственные органы самодержавия обратились к вопросу о призыве инородцев в самом конце 1916 г. Это было связано с уже ясным ощущением краха системы комплектования действующей армии людскими ресурсами. Подходил к концу запас ратников 2-го разряда — самого последнего эшелона мобилизационного резерва страны. При ежемесячной потребности в пополнениях в 300 тыс. человек, за вычетом всех льготных категорий, непризванными оставалось не более полутора миллионов человек допризывной молодежи (призыв 1919 г.) и остаток ратников 2-го разряда старше 40 лет. Разумеется, взор снова упал на «некоторые воинственные племена, неохотно идущие в рабочие команды... но могущие дать прекрасный боевой материал»[69]. Об этом, в числе прочих мер, сообщали в своем большом докладе на имя императора Николая II 28 членов Государственной думы и Государственного совета, входивших в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Впрочем, в той обстановке авторы уже не могли себе позволить ничего, кроме благих пожеланий о необходимости «постепенного привлечения к военной службе инородцев, к тому законом ныне не обязанных»[70]. Вполне понимая несовместимость мер «постепенности» с суровыми требованиями дня, военный министр генерал от инфантерии Д.С. Шуваев в своем письме об изыскании людских ресурсов временно исполнявшему должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералу от кавалерии В.И. Гурко 8 (22) декабря 1916 г. вовсе не стал включать вопрос о призыве *инородцев*[71].

И окончательную точку в вопросе поставил В.И. Гурко, который, отвечая 9 февраля 1917 г. на письмо членов Особого совещания, резонно заметил, что «мероприятие это при проведении в жизнь могло бы дать результаты лишь в более или менее отдаленном будущем; между тем солдаты нам нужны теперь». Не говоря о том, что привлечение инородцев в пехоту, а не в кавалерию «вызовет среди них большое неудовольствие», их боевая ценность у многих строевых командиров вызывала сомнения: «Большинство инородцев, несмотря на свою воинственность, упорством в бою не отличается и заменить русских солдат не может»[72].

На этом завершилась длившаяся много десятилетий вялотекущая эпопея с привлечением нерусских народов империи к военной службе. Фактически за весь период самодержавие не совершило в

[68] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 90.
[69] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 116.
[70] Цит. по: *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 122.
[71] Там же. С. 125.
[72] Там же. С. 142—143.

этой сфере ни одного решительного шага. Напротив, оно всегда отступало перед сопротивлением *инородцев*, предпочитая снова и снова усиливать нажим на уже свыкшиеся с военной повинностью этносы. Ясное осознание того, что «до сей поры почитавшаяся неисчерпаемой» людская сила России оказалась исчерпанной, пришло слишком поздно.

* * *

Частичной компенсацией отсутствия нормального регулярного призыва в национальных регионах вплоть до крушения империи являлось формирование национальных частей, комплектуемых чаще всего на добровольческих началах или по договорам правительства с представителями этносов (обществами, комитетами), которым делегировалась вербовка или призыв рекрутов и участие в организации воинских частей. Исторический опыт таких формирований в Русской армии уже имелся, хотя нельзя сказать, чтобы в войнах России они сыграли сколько-нибудь значительную роль. В 1874 г. они были прописаны в законе — Уставе о всеобщей воинской обязанности, согласно которому состав сухопутных войск включал в себя: армию, пополняемую ежегодными наборами, запас, казачьи войска и «*войска, образуемые из инородцев*»[73].

Уже в начале Первой мировой войны в прифронтовой зоне, где проживало нерусское население, стали формироваться национальные дружины, батальоны, полки. С самого начала войны существовало пять армянских добровольческих дружин (еще две были расформированы, не вступив в бой), которые активно применялись в боях на Кавказском фронте против турок. Всего через добровольческие дружины прошло до 10 тыс. армян[74]. Из грузин было сформировано две добровольческие бригады, в марте 1916 г. развернутые в одноименный полк. В конце октября также был сформирован Грузинский конный полк. Из горских народов Северного Кавказа и азербайджанских татар была сформирована Кавказская туземная конная дивизия, более известная как Дикая дивизия. В составе Русской армии существовал также польский легион, развернутый в 1917 г. в стрелковую дивизию, а затем — в корпус. Кроме перечисленных крупных частей и соединений формировались также и мелкие — дружины, отряды, роты — из кавказских греков, айсоров и др. Помимо этого, в течение войны был создан ряд соединений, укомплектованных военнопленными-славянами (чехами, словаками, сербами).

Наиболее многочисленными национальными частями в Русской армии были латышские стрелковые полки, с 1915 г. активно уча-

---

[73] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 49 (1874). Ч. 1. № 52983.

[74] Национальный вопрос и этнические воинские формирования. С. 129.

ствовавшие в боях на территории Латвии, в боях за Ригу. Они были созданы по инициативе латышской общественности, в значительной степени существовали на сборы местной буржуазии и защищали непосредственно латышские земли от вековых врагов и угнетателей немцев, благодаря чему приобрели огромную популярность у местного населения и неиссякаемый приток добровольцев[75]. В ноябре 1916 г. латышские батальоны были развернуты в Латышскую стрелковую дивизию восьмиполкового состава.

Все перечисленные национальные части создавались вне общего плана военного строительства, прежде всего для поощрения и поддержания общероссийской идентичности в среде тех этносов, которые или не призывались в Русскую армию в общем порядке, или в ходе военных действий оказались на передовой линии фронта. В последнем случае национальные части использовались для *непосредственной защиты родного края* от вражеского нашествия и притеснений на этнической почве. Например, турецкая оккупация грозила самому физическому выживанию армян. У латышей были крайне напряженные отношения с остзейскими немцами, даже во время Первой мировой войны сохранявшими свое господствующее экономическое положение и земельные владения в регионе. По словам начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича, патриотическому настрою латышей способствовала «вековая ненависть к немцам»[76]. В этой оценке с ним полностью совпадало мнение представителя противоположного лагеря — большевика Л.Д. Троцкого: «Латышские батраки, рабочие, бедняки-крестьяне ненавидели балтийских баронов. Эту социальную ненависть использовал царизм в войне с немцами»[77].

По этой же причине национальные части в годы Первой мировой войны чаще всего комплектовались на *добровольческой основе*, при этом добровольцев, как правило, было достаточно много, а, например, в армянские дружины даже прибывали соотечественники из армянских диаспор со всего мира. Национальные части (армянские, латышские и др.) хорошо проявили себя в боях и использовались на сложных участках фронта. Таким образом, национальные воинские части канализировали патриотическую энергию нерусских народов, легализовали национально-освободительную борьбу, которая прежде велась своими силами и партизанскими методами.

Сказанное о причинах формирования национальных частей во фронтовой зоне не относилось к украинцам и белорусам. Их этнические ареалы становились полями сражений или ближним тылом

---

[75] РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1565. Л. 2.

[76] Цит. по: *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 2004. С. 106.

[77] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 381.

войск. Однако самодержавие не предпринимало попыток создания национальных частей из украинцев и белорусов, не признавая их самостоятельной этнической идентичности. Синкретизм этнического сознания представителей трех восточнославянских народов, единство исторической судьбы и подходов в комплектовании армии не оставляли места для идеологического обоснования формирования здесь национальных частей. Оформление национальной идентичности украинцев и белорусов только набирало обороты и существенно сдерживалось самим самодержавием. Любопытно, что противная сторона — австро-венгерское командование, активно вербовавшее уроженцев Малороссии в украинские части, — не преуспела в этом по той же причине: ведь, как метко отмечается в современном исследовании украинского национального движения, «многие солдаты узнавали об украинском вопросе и о том, что они — тоже украинцы, именно в концлагерях»[78].

Самодержавие вплоть до своего падения сохраняло амбивалентное отношение к национальным частям: с одной стороны, цели национальных движений совпадали с общероссийскими; национальные комитеты брали на себя немалую часть материальных расходов на формирование и содержание национальных частей и дружин; наконец, организация нацчастей позволяла мобилизовать высокомотивированных бойцов, что в условиях апатии и антивоенной агитации на фронтах и в тылу было немаловажно. С другой стороны, самодержавная власть опасалась очевидного политического контекста национальных воинских формирований: до войны все националистические активисты находились на нелегальном или полулегальном положении, могли даже состоять в розыске, как это было с некоторыми армянскими национальными героями. Таким образом, национальные формирования являлись продуктом компромисса, на который царизм пошел только в связи с войной, но продолжал опасаться разрастания военно-патриотического движения в национально-политическое под прикрытием созданных им же национальных воинских формирований. Поэтому неудивительно, что, например, армянские дружины были расформированы сразу же, как только лишились высокого покровительства — подал в отставку царский наместник на Кавказе князь И.И. Воронцов-Дашков, слывший лоббистом интересов армян.

Так или иначе, национальные формирования в составе Русской армии сравнимы с каплей в море. Они охватывали лишь незначительную часть патриотически настроенных представителей нерусских этносов. На массовый призыв в национальных окраинах самодержавие не только не решилось, но и не сделало к его осуществлению фактически никаких реальных шагов.

---

[78] *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920—1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 105.

3.2. Национализация частей Русской армии после Февральской революции

С падением самодержавия в феврале 1917 г. строительство национальных частей получило новый сильнейший импульс, и с конца весны 1917 г. в войсках начался стихийный и почти повсеместный процесс, именовавшийся *национализацией*. Если в период Первой мировой войны формирование национальных воинских частей шло под строгим контролем самодержавия, то после Февральской революции 1917 г. *национализация* Русской армии развернулась в русле стремительного подъема национального самосознания населявших Россию народов. Она отражала их желание стать полноценными субъектами российского и международного политического пространства. В историографии еще нет полных оценок масштабов и механизмов этого явления. По некоторым данным, к концу 1917 г. процесс *национализации* охватил без малого 53,5 пехотной, 6 кавалерийских и массу отдельных пехотных, кавалерийских, технических, запасных и иных частей[79]. Правда, далеко не везде этот процесс был завершен. Хотя период между Февралем и Октябрем 1917 г. не входит в хронологические рамки данного исследования, обойтись без обзора основных тенденций и результатов разбуженной Февралем *национализации* Русской армии было бы неверно, ибо захватившим в конце 1917 г. власть большевикам пришлось иметь дело именно с ее последствиями.

Падение царского режима стало сигналом для бурного развития национального движения практически во всех уголках России, где компактно или рассеянно проживали нерусские народы. Уже весной 1917 г. во многих городах прошли национальные съезды, требовавшие для своих этносов широкой автономии или даже отделения от России. Одним из главных направлений развития национальной идеи стала *национализация* войск. В войсках непосредственными инициаторами *национализации* становились войсковые комитеты, в которых преобладали представители той или иной национальности.

На окраинах России значительное влияние на события оказывали оформлявшиеся после Февральской революции националистические политические силы, заинтересованные в строительстве собственных вооруженных сил. Они стремились завладеть арсеналами и складами с запасами оружия и военного имущества округов, подчинить окружной аппарат управления собственным целям.

Особенно интенсивно *национализация* протекала на окраинах рухнувшей империи и на так называемых «дальних» фронтах — Румынском, Юго-Западном и Кавказском. Кроме того, *национализация* шла во внутренних округах, где значительную часть солдатских масс со-

---

[79] *Шевяков Т.Н.* «Национализация» русской армии в 1917 году // Вторые петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб., 1998. Вып. 2. С. 37.

ставляли представители нерусских народов, — Петроградском, Московском и особенно Казанском.

Первой развернулась *украинизация* — процесс, быстро охвативший не только воинские части, дислоцировавшиеся в малороссийских губерниях, но и все крупные гарнизоны. 14 апреля 1917 г. на Киевском распределительном пункте мобилизованные солдаты из Черниговской и Полтавской губерний заявили, что отправятся на фронт при условии, что будет организован 1-й Украинский казацкий полк имени Б. Хмельницкого. Верховный орган власти на Украине — Центральная Рада — поддержала их требование[80]. Начавшись с киевского гарнизона с мая 1917 г. в инициативном порядке, *украинизация* пошла по всем гарнизонам на территории Украины. Современник определил этот процесс следующим образом: революция пробудила национальные чувства украинского народа, и «украинец-солдат стал требовать утверждения своего национального сознания в определенных организационных формах»[81]. В июне 1917 г. Временное правительство было вынуждено согласиться с началом *украинизации* войск при условии, что это не нарушит единства Русской армии[82].

Вслед за *украинизацией* развернулось создание других национальных частей из представителей этносов, широко представленных в Русской армии: белорусов, поляков, армян, грузин, татар, башкир. В случае если в составе Русской армии уже имелись национальные части (польский легион, армянские дружины, латышские стрелковые полки и т. д.), то они становились ядром дальнейшей *национализации* войск.

Наиболее заметным из всех национальных соединений оказалась Латышская стрелковая дивизия, представлявшая собой мощную силу: в конце февраля 1917 г., еще по планам царской Ставки, было развернуто восемь стрелковых полков численностью 24 тыс. солдат и офицеров, а запасный стрелковый полк дивизии насчитывал около 11,5 тыс. солдат. Латышское соединение отличалось устойчивостью и постоянством состава. В октябре 1917 г. в нем насчитывалось чуть менее 23,5 тыс. человек. В 1917 г. это было одно из наиболее боеспособных соединений Русской армии. В конце августа 1917 г. Латышская дивизия оказалась на острие главного удара во время немецкого наступления на Ригу. Латышская дивизия являла собой редкий пример успешной *национализации*, который, очевидно, мог

[80] *Пархоменко В.А.* «Украинизация» в Русской армии весной — осенью 1917 года в историко-мемуарной литературе // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии». 10 марта 2011 г. Новосибирск, 2011 (http://sibac.info/files/2011_03_10_Politologiya/Parhomenko.pdf).

[81] Там же.

[82] *Таирова-Яковлева Т.Г.* Украинизация армии в 1917 г. как результат национальной политики Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. 2011. № 11. С. 31.

вселить в русское командование надежду на проведение аналогичных мер в отношении остальных национальностей.

Применительно к приверженцам исламской религии, чьи вожди проповедовали единство мусульманской уммы, «единение мусульманских народностей России под знаменем ислама»[83], процесс перегруппировки личного состава именовался *мусульманизация*, что демонстрировало преимущество религиозной идентичности в их среде над этнической. По словам одного из лидеров мусульманского движения Г. Бамматова, эта идея «исходит из понимания нации не как территориального единства, а как единства духовного, как единства людей, осознающих свою принадлежность к одному национальному коллективу вне зависимости от территории, на которой в силу тех или иных случайных причин они живут»[84]. На практике нередко *мусульманизация* редуцировалась к фактической *национализации* по этническому признаку, в результате чего образовывались мононациональные мусульманские части: башкирские, азербайджанские, крымско-татарские, поволжско-татарские и проч.

Как и прочие национальные части, мусульманские выполняли локальные политические задачи, ставившиеся местными национальными элитами. Во многих местах разгоралось ожесточенное межэтническое противостояние, опосредованное религиозной идентичностью противостоящих сторон. Особенно ярко этот фактор проявился в Закавказье, где азербайджанское население оказалось в крайне неравном положении с враждебным ему армянским населением, хорошо обеспеченным вооруженными отрядами. Мусульманские части здесь создавались в октябре 1917 г. по требованию Закавказского мусульманского центрального комитета, прежде всего для борьбы с армянами, то есть для целей гражданской войны.

Отдельно стоит остановиться на процессе *национализации* (*мусульманизации*) войск из так называемых «внутренних мусульман» России, прежде всего поволжских татар и башкир — народов, относительно хорошо интегрированных в русский социум и культурно-языковую среду, без ограничений принимавшихся в Русскую армию при царизме и представленных в войсках в большом количестве. Центром формирования татаро-башкирских мусульманских частей стал крупный пункт подготовки резервов, каковым являлся Казанский военный округ. Здесь было сосредоточено большое количество запасных, тыловых и формирующихся войск. В округе насчитывалось 98 гарнизонов, в которых размещались 588 воинских частей и учреждений, числилось 17 тыс. офицеров и 772 тыс. нижних чинов[85]. Основу войск округа составляли 13 запасных пехотных

---

[83] *Алиева С.И.* Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII—XXI вв.). Баку, 2010. С. 312—314.

[84] Там же. С. 314.

[85] Краснознаменный Приволжско-Уральский военный округ: Военно-историч. очерк. Екатеринбург, 2002. С. 10.

бригад по 5—7 запасных полков каждая. Всего в округе дислоцировались 79 запасных пехотных полков[86].

Интересы военнослужащих, исповедовавших ислам, представлял специальный выборный орган (совет) — Всероссийский мусульманский военный шуро (ВМВШ), созванный в июле 1917 г. в Казани. ВМВШ, руководимый прапорщиком, эсером И.С. Алкиным, приобрел большой политический вес после того, как во время корниловского выступления его представители сыграли ключевую роль в переговорах с Кавказской туземной конной дивизией (Дикой дивизией) на подступах к Петрограду 29—30 августа 1917 г. После этого Временное правительство санкционировало широкую *мусульманизацию* частей Русской армии. «Принципиальное выделение» мусульманских частей было согласовано с Временным правительством 18 сентября 1917 г., хотя явочным порядком они возникали и раньше. 7 октября началось формирование трех запасных мусульманских полков для питания действующих на фронте мусульманских частей. Под патронатом ВМВШ с ноября 1917 г. на Румынском фронте, главным образом из татар, формировался Мусульманский корпус[87]. Еще один Мусульманский корпус формировался Кавказским фронтом из азербайджанских татар. Таким образом, *мусульманизация* войск несколько отставала от *национализации* других частей Русской армии, что соответствовало более медленному оформлению политических институтов российских мусульман, однако к концу 1917 г. и она набрала высокие обороты. Мусульманские представители появились во всех крупных штабах и управлениях Военного министерства.

С точки зрения раскрытия темы исследования важно определить, какое влияние оказала *национализация* Русской армии в последние месяцы ее существования (конец 1917 — начало 1918 г.) на политику большевиков в области национального военного строительства в рамках РККА.

Временное правительство и военное командование отнюдь не приветствовали охватившую войска националистическую стихию, однако, будучи бессильными остановить ее, они пытались найти в ней какую-то пользу. Демагогически подыгрывая националистам, военный министр А.И. Верховский находил оправдание *национализации* войск в том, что «если мы не будем доверять народам России, то нечего и пытаться спасать Россию; только в единении всех населяющих Россию народов спасение нашей родины»[88].

Бытовало мнение — и деятели национальных партий всячески настаивали на нем, — что перекомпоновка личного состава по на-

---

[86] Краснознаменный Приволжский. История войск Краснознаменного Приволжского военного округа. М., 1984. С. 6.

[87] *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 428—429.

[88] Цит. по: Там же. С. 333.

циональному признаку — едва ли не единственный способ уберечь армию от полного разложения и краха, поскольку этнически однородная воинская часть якобы должна быть более крепко спаянной и менее подверженной дезорганизации[89]. Например, по воспоминаниям П.П. Скоропадского, будущего гетмана Украины, идея *украинизировать* XXXIV армейский корпус, которым он командовал, нашла поддержку вышестоящего командования: «Поручик Скрыпчинский, украинский комиссар при штабе фронта предложил мне с согласия главнокомандующего [армиями Юго-Западного фронта] Гутора украинизировать корпус». Поручик также сказал, «что украинизации свыше сочувствуют, так как здесь играет большое значение, главным образом, *национализация, а не социализация*, в украинском элементе солдатская масса более *поддающаяся дисциплине* и поэтому более способна воевать» (курсив мой. — *Авт.*)[90]. Когда Скоропадский прибыл в Киев и встретился с Корниловым, тот прямо заявил: «Я от вас требую украинизации вашего корпуса»[91].

Будучи не в силах остановить процесс национализации, военное руководство предпочло включиться в него, надеясь поставить его под свой контроль. Так, формирование польских частей в июле 1917 г. шло по плану, разработанному в профильном ведомстве по организации войск — Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ). Обеспечение новых частей материальным имуществом, вооружением, денежным довольствием также осуществлялось за счет бюджета Военного министерства[92]. Аналогичным образом шло формирование других национальных частей. А.И. Деникин резюмировал впечатления русского генералитета о *национализации*: «Была надежда, что национальные части могут стать здоровым ядром для укрепления фронта»[93]. Впрочем, чаще всего эти надежды были тщетны. Как и в подавляющем числе запасных и тыловых частей, политическая гиперактивность в национальных частях никак не коррелировала с желанием идти в бой. Как справедливо заметил современный российский исследователь А.В. Марчуков, высокие темпы *национализации* нужно объяснять не столько высокой национальной сознательностью военнослужащих, сколько нежеланием воевать. «Не случайно, что после попыток передислоцировать эти части на фронт в них усиливались большевизация, шатание и дезертирство»[94]. Говоря уже словами свидетеля событий, «митинговать, сумлеваться и выражать недоверие офицерам было гораздо... легче, чем, обняв винтовку, лежать под пулями в грязном окопе»[95].

---

[89] *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 436—437.
[90] Цит. по: *Таирова-Яковлева Т.Г.* Указ. соч. С. 33.
[91] Цит. по: Там же.
[92] 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 195—197.
[93] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М., 2003. С. 334.
[94] *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 110.
[95] *Добрынин В.А.* Оборона Мугани. 1918—1919. Париж, 1974. С. 14.

Как уже отмечалось выше, отчасти *национализация* была оправдана там, где национальные части в составе Русской армии были мотивированы защитой собственного дома. Даже в условиях полного развала армии это оставляло некоторую надежду на сохранение здорового ядра войск. Прежде всего это относится к армянским подразделениям на Кавказском фронте. 30 сентября 1917 г. начальник штаба Кавказского фронта генерал-майор Е.В. Лебединский сообщал в штаб Верховного главнокомандующего, что «армянские батальоны до настоящего времени остаются лучшими войсками среди действующих частей Кавфронта»[96]. Лебединский доносил, что армянские батальоны уже разворачиваются в двухбатальонные полки, и ходатайствовал о дальнейшем формировании из них двух стрелковых бригад[97]. 23 октября 1917 г. высшее командование приняло решение об объединении шести армянских полков в две стрелковые бригады, а 17 ноября по ходатайству штаба Кавказского фронта наштаверх разрешил приступить к формированию двухдивизионного армянского армейского корпуса с одновременным развертыванием существующих шести полков в восемь полков 24-батальонного состава[98].

Вслед за Армянским на Кавказском фронте развернулось формирование Грузинского, Мусульманского (Азербайджанского), Украинского и Русского корпусов. Можно сказать, что на Кавказском фронте идея *национализации* была доведена до логического завершения: намечалась полная сегрегация личного состава фронта по национальному признаку. В штабе Кавказского фронта был создан специальный отдел по национализации войск, который координировал работу по переброске солдат и офицеров в соответствии с их национальностью. Формирование национальных корпусов породило огромную переписку между штабами всех уровней, однако в реальности делалось гораздо меньше. Объективно руководящие органы не могли ни принуждать к исполнению своих приказаний, ни контролировать их исполнение. Многих военнослужащих командиры не отпускали из своих частей; другие сами не соглашались идти. Разложение, дезорганизация в полной мере касались и национализируемых соединений, причем ситуация организационной перестройки лишь усугубляла эту ситуацию.

Развитие национального движения и *национализация* войск — в основном на окраинах рухнувшей империи и на фронтах мировой войны — шли параллельно с углублением социальной революции, полевением и радикализацией масс в центральной части страны, приведших к октябрьскому большевистскому перевороту в Петрограде и утверждению советской власти в центральных губерниях России. Апогей национализации пришелся как раз на период Ок-

---

[96] *Арутюнян А.О.* Кавказский фронт 1914—1917 гг. Ереван, 1971. С. 326.
[97] Там же. С. 326—327.
[98] Там же. С. 328—329.

тябрьской революции и становления власти большевиков. Следует подчеркнуть, что на тех фронтах, где особенно широко развернулась национализация, позиции большевиков были самыми слабыми. На выборах в Учредительное собрание на Юго-Западном фронте они набрали 31% голосов, на Кавказском — 18%, на Румынском — 15%, в то время как в Петроградском и Московском округах большевики одержали убедительную победу[99]. По понятным причинам национализация лоббировалась прежде всего националистическими силами, которые уже осенью 1917 г. нацелились на создание национальных армий. Этот процесс был противоположен большевизации армии.

Октябрьские события 1917 г. в военных округах прошли по-разному, что определялось множеством факторов — соотношением сил большевиков и оппонировавших им социалистических партий, реальным объемом власти легитимных государственных институтов и военных властей, численностью и политическими настроениями гарнизонов, наличием и организованностью рабочего класса и т. д. Гарнизоны Петрограда и Москвы сыграли в большевистской революции важнейшую роль, в значительной степени облегчив большевикам захват власти. Радикальным настроениям среди солдат способствовали участившиеся перебои с хлебом. На окраинах России определяющее влияние на ход событий оказывали националистические центробежные устремления местных элит. Националистическим силам здесь удалось еще до октябрьских событий поставить под свои знамена значительные ресурсы.

В жизни Русской армии осень 1917 г. стала временем катастрофически быстрого разложения и утраты боеспособности, радикализации и самоуправства солдатских масс. «Ужас отдачи приказа без уверенности, часто и без малейшей надежды на его исполнение, кошмаром повис над русской армией и ее страстотерпцами-начальниками и зловещей тучей закрыл последние просветы голубого неба надежды», — записал 7 октября 1917 г. в своем дневнике командир XIV армейского корпуса А.П. Будберг[100]. Высшие органы военного управления в этот период не только не владели ситуацией на местах, но зачастую не знали, кто командующий в том или ином округе. Так, в списках высшего командного состава, составленных в Военном министерстве на 12 октября 1917 г., можно было встретить такие записи: «Командующим Киевским округом был Квецинский»; «начальником штаба Одесского округа был Маркс» и т. п.[101]

После провозглашения фактической государственной независимости 7 ноября 1917 г. и образования Украинской народной республики *украинизация* войск получила новый импульс. Она охватила

[99] *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей Российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 141.

[100] *Будберг А.П.* Дневник белогвардейца. Л., 1929. С. 200.

[101] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1961. Л. 10—13.

всю армию: решением Ставки украинцы выделялись в отдельные роты, батальоны, батареи и проч. и затем отправлялись в формируемые украинские части. Современники оценивали численность украинских частей в широком диапазоне — от 400 до 1,5 млн. человек[102]. В любом случае речь идет об общественном процессе огромного масштаба. При этом существующие соединения грозили быть полностью дезорганизованы такими перестановками. Например, из XVII армейского корпуса в ноябре 1917 г. предстояло выделить до 40% украинцев, которые при этом требовали отправлять их с оружием и частью корпусного обоза[103]. Углубление *украинизации* наложилось на процесс стихийной демобилизации и полного развала Русской армии после захвата власти большевиками в Центральной России. Поэтому военное командование на местах было поставлено перед выбором между плохим и худшим. Если деструктивный потенциал демобилизации был очевиден, то национализация в очередной раз оставляла робкую надежду на «оздоровление армии» и «водворение порядка в тылу»[104]. К тому же военные власти надеялись, что национальные части будут формироваться «без комитетов» — этих главных виновников развала армии[105].

Новые волны *национализации* войск возникали и после установления советской власти. В декабре 1917 г. было объявлено о сформировании Азербайджанского армейского корпуса. Данное формирование уже нельзя было замаскировать никакими соображениями целесообразной перестройки армии: азербайджанцев (тюрок) в армии было немного: при царизме их не призывали. В войсках они составляли мизерную прослойку, если не считать Татарского конного полка Дикой дивизии, укомплектованного в свое время добровольцами-тюрками. Речь шла именно о вооружении азербайджанцев для участия в междоусобной войне. Азербайджанский корпус — продукт острой политической борьбы, которая в Закавказье всегда носит характер борьбы межнациональной. Впрочем, число желающих воевать было мизерным. Командир корпуса генерал А.А. Шихлинский вспоминал, как «молодые люди, приходившие для поступления в корпус, получив винтовку, патроны и постельные принадлежности, ночью, забрав все это имущество, уходили домой. И некому было поймать и возвратить их на место службы»[106]. По его словам, дело формирования корпуса «было очень трудное, даже невозможное, так как в своем распоряжении мы не имели достаточного числа офицеров, говорящих на азербайджанском языке, а будущий контингент солдат совершенно не понимал русского языка. У нас не было ни одного унтер-офицера, ни одного солдата старой службы,

---

[102] *Пархоменко В.А.* «Украинизация» в Русской армии...
[103] 1917. Разложение армии. С. 200.
[104] Там же. С. 202.
[105] Там же. С. 207.
[106] *Шихлинский А.А.* Мои воспоминания. Баку, 1984. С. 175.

с которого могли бы брать пример новые контингенты. Не было никаких призывных списков. Метрических свидетельств у азербайджанцев, проживающих в сельских местностях, большей частью не имелось»[107]. В итоге вместо корпуса, по словам Шихлинского, «кое-как удалось сформировать лишь одну роту»[108]. В отсутствие военных традиций и национального командного состава формирование корпуса ждал неминуемый крах, предотвратить который смогли лишь вторгшиеся вскоре в Закавказье турецкие войска, объявившие себя союзником Азербайджана.

Правда, немногим лучше было положение и в других национальных корпусах Кавказского фронта. В течение января 1918 г. необходимые распоряжения по поводу формирования всех частей Армянского корпуса были сделаны, однако реального воплощения многие из них в условиях кризиса управления и снабжения не получили[109].

Таким образом, большевистскую революцию Русская армия встретила не только в состоянии организационного развала, но и разгула национализма, выражавшегося в «растаскивании» войск и отдельных военнослужащих по национальным «квартирам». Осколки совсем недавно еще единой армии интуитивно готовились к гражданской войне всех против всех.

---

[107] *Шихлинский А.А.* Указ. соч. С. 176.
[108] Там же. С. 177.
[109] Там же. С. 332—333.

Глава 4
КОМПЛЕКТОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕРУССКИХ НАРОДОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Тема участия нерусских народов в вооруженной борьбе в период Гражданской войны в России — одна из сложных историографических проблем, изученная до сего дня лишь фрагментарно и довольно поверхностно. Безусловно, она заслуживает большого, строго документального исследования. Задачу данной главы мы видим в очерке основных тенденций использования нерусских народов в комплектовании и организации РККА.

Разгоревшееся в 1918 г. на просторах бывшей Российской империи гражданское противостояние вовлекло в свою орбиту, пожалуй, все населявшие ее этносы. Будучи так или иначе притесняемы самодержавием в прошлом, многие из них взялись за оружие, чтобы отстаивать советскую власть. Для советского (как и любого другого) военного ведомства наиболее удобный и простой способ комплектования воинских частей основывался на обязательной воинской повинности, единой для всех населявших страну народов. Высшие органы военного управления многократно подчеркивали в своих разъяснениях нижестоящим инстанциям, что все народы, принявшие советскую платформу, находились по отношению к обязательной военной службе в одинаковом правовом положении. Однако на деле возможность организовать призыв в национальных регионах предоставлялась редко. Чаще всего нерусские народы становились на защиту советской власти в составе разного рода добровольческих или полудобровольческих национальных формирований, имевших различную структуру, по-разному организованных и интегрированных в вооруженные силы Советской России.

В данном разделе будут рассмотрены оба этих подхода. Первый из них можно назвать «прагматическим»: он учитывал прежде всего интересы советского военного ведомства и был направлен на решение задачи ритмичного, почти механического пополнения «людским материалом» действующей армии. Второй подход можно назвать «политическим», поскольку формирование и боевое применение любой национальной части было всегда сопряжено с согласованием

интересов различных политических акторов. Национальные части не только являлись боевыми единицами РККА, но и несли определенное политическое высказывание.

Сразу отметим, что в случае с национальными воинскими формированиями разбираться в истории каждого из них едва ли имеет смысл[1]. Их количество исчисляется многими десятками и даже сотнями[2], а исторический путь — зачастую лишь месяцами и неделями[3]. В конце данной главы в табличную форму сведены те из них, которые проходили по учету центральных органов военного управления, состояли на всех формах довольствия и включались в боевые расписания Красной армии. Такие критерии исторической легитимации национальных формирований представляются нам наиболее приемлемыми, поскольку именно здесь проходила граница со всевозможными партизанскими формированиями, не входившими в штат РККА.

4.1. Национальные формирования на большевистской службе

Осенью 1917 г. Русская армия находилась в состоянии распада. Декрет о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. и особенно Декрет о сокращении численности армии от 10 (23) ноября 1917 г. сыграли в ее судьбе фатальную роль, сделав этот процесс уже необратимым. Новому советскому правительству пришлось приспосабливаться к обстоятельствам. В первые месяцы, примерно до конца 1917 г. большевики пытались сохранить старую армию, переформатировав ее под свои нужды. При этом весьма многочисленные национализированные воинские части стали для них отдельной проблемой.

После Октября 1917 г. *национализация* войск приобрела лавинообразный характер. Одна только *мусульманизация* пронизала почти всю армию. В декабре 1917 г. в Русской армии существовало 4 фрон-

---

[1] Для сравнения, на конец августа 1920 г. в составе РККА было зарегистрировано около 14 тыс. отдельных войсковых частей (Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 7 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 7 об.).

[2] В докторской диссертации К. Аманжолова приводятся такие данные: только в Туркестане с 1918 по 1921 г. было создано более 30 национальных формирований; из представителей «западных» народов (Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония) сформировано 20 частей и соединений (*Аманжолов К.* Указ. соч. С. 33).

[3] Участник борьбы с басмачеством в Средней Азии Э.Д. Лепин так характеризовал первые опыты национальных формирований: «Уже в первые годы после революции в Средней Азии то там, то здесь имеют место стихийные попытки формирования национальных войсковых частей... Но все эти попытки терпели неудачу, сформированные было части через короткое время разваливались в силу целого ряда объективных причин...» (*Лепин Э.* Строительство национальных частей в Узбекистане // Война и революция. 1927. Кн. 8. С. 85).

товых, 13 армейских, 12 окружных, 98 гарнизонных, более 150 дивизионных мусульманских комитетов[4]. По инициативе мусульманских активистов и солдатских масс они возникали повсеместно — от Гельсингфорса и Петрограда до Читы и Владивостока. По сведениям упомянутого выше Всероссийского мусульманского военного шуро, к концу 1917 г. имелись следующие мусульманские части: Туземный конный корпус (бывшая Дикая дивизия), два Крымских конных полка, 1-й мусульманский стрелковый корпус на Румынском фронте, 1-й стрелковый мусульманский полк в Оренбурге, 2-й (144-й) мусульманский запасный полк в Уфе, Текинский полк. В Белебее организовался 6-й мусульманский стрелковый полк. В Симферополе был *мусульманизирован* 32-й пехотный запасный полк, *мусульманизировался* 95-й пехотный запасный полк. Это не полный список мусульманских формирований. Правда, часто желаемое выдавалось за действительное: большинство перечисленных частей и соединений только формировались, в лучшем случае имея лишь штабы; нередко они существовали лишь в проекте (как 1-й мусульманский корпус) либо, напротив, находились в стадии развала (как Туземный конный корпус).

Анархия, митинговщина, политизация солдатской массы немедленно превратились из главных союзников большевиков в разложении старой армии во врагов нового режима. Поэтому с первых дней захвата власти большевистским правительством вводились ограничения, призванные поставить предел дальнейшему развалу войск. Так, 15 (28) ноября 1917 г. Народный комиссариат по национальным делам (Наркомнац) своим постановлением допустил «свободную группировку воинов по национальному признаку в пределах той или иной военной единицы». Однако тут же оговаривалось, что «это не должно быть смешиваемо с самовольным уходом на родину выделившихся, таким образом, групп, каковой уход недопустим в условиях войны без согласия на то общего военного органа»[5]. 12 (25) ноября 1917 г. разъяснения по поводу национальных формирований дал нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий. В телеграфных переговорах он просил «не чинить» формированию национальных полков «никаких политических препятствий и ставить только те ограничения», которые вызывались фронтовой обстановкой.

В дальнейшем условия *национализации* ужесточались. 15 (28) ноября 1917 г. был издан приказ по армии № 12 Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко, в котором предлагалось формирование национальных полков допускать только после «референдума» и с учетом боевой обстановки. Национальные части должны были перестраиваться на единых принципах с «русской революционной армией». 5 (18) декабря нарковоен Н.И. Подвойский приказал «впредь до осо-

[4] *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 436—438. *Гиззатуллин И.Г.* Вошуро: светлые мечты и трагический конец // Эхо веков. 1999. № 3—4.

[5] Цит. по: *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 430.

бого распоряжения не допускать в силу технических и стратегических условий национализацию частей». В эти дни Главковерх Н.В. Крыленко и его начальник штаба своими телеграммами воспретили дальнейшую *национализацию* армянских и мусульманских частей на Кавказском фронте и т. д. И подобных распоряжений было немало.

Но большевистскому руководству не удалось поставить под свой контроль большинство национализированных частей, уже составлявших ядро нарождавшихся национальных армий. Вне пределов досягаемости советской власти оказались войска, формировавшиеся на дальних окраинах бывшей империи, такие как грузинские, армянские или азербайджанские. Украинцев было невозможно удержать в российских губерниях: «Мы вынуждены были согласиться продолжать начатое еще при Керенском выделение в особые части и отъезд на Украину украинцев... С отъезжающих бралось выраженное в резолюции их общего собрания обязательство не поднимать оружия против советской власти»[6]. Но уже в январе 1918 г. большевистским частям пришлось вести бои с польскими и украинскими войсками, еще вчера являвшимися частью единой Русской армии. Таким образом, начавшаяся после Февральской революции *национализация* наглядно демонстрировала и олицетворяла безнадежную дезорганизацию и агонию старой армии, но одновременно дала первые ростки вооруженных сил новых государственных образований, возникших на обломках Российской империи.

Начавшей в январе 1918 г. формирование Красной армии национальные воинские части старой армии помогли мало. За единственным исключением, заслуживающим отдельного подробного упоминания. В первые месяцы революции, когда РККА еще комплектовалась на добровольческих началах (это продолжалось до конца июня 1918 г.), управлялась выборными командирами и фактически представляла собой нестройную партизанскую рать, надежной и едва ли не единственной опорой советской власти стали латышские стрелки, почти в полном составе перешедшие на советскую службу. Латышская стрелковая дивизия, возникшая еще при самодержавии, при Временном правительстве имела мощную большевистскую ячейку, господствовавшую и в руководящем органе съезда представителей латышских полков («Исколастрел»). Хотя до октября 1917 г. доля большевиков среди солдат-латышей была невысока, однако социально-демографические особенности личного состава латышских полков (до 85% фабричных и сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян при очень низком удельном весе безграмотных — не более 2%) обеспечили сознательный переход латышских солдат под большевистские знамена. На выборах в Учредительное собрание среди латышских стрелков за большевиков проголосовало 96% солдат.

---

[6] *Антонов-Овсеенко В.А.* Строительство Красной Армии в революции. М., 1923. С. 10.

Латышские полки, ведомые «Исколастрелом», сыграли важную роль в октябрьских событиях в Петрограде. Они способствовали захвату и удержанию власти большевиками. 5 (18) декабря 1917 г. все латышские части были объединены в один Латышский корпус, командиром которого был назначен бывший полковник И.И. Вацетис. Однако фактически корпус не был сформирован, поскольку уже в ноябре—декабре 1917 г. полки «были постепенно разбросаны по всей стране, исполняя в разных местах самые разнообразные задания», — вспоминал сам Вацетис[7].

13 апреля 1918 г., со второй попытки, латышские стрелки были объединены уже в составе формируемой Красной армии. На этот раз — в стрелковую дивизию с выборным командным составом (приказ наркомвоена № 263)[8]. 27 апреля 1918 г. решение наркомвоена было утверждено 1-й конференцией коммунистических фракций латышских стрелковых полков. В 1927 г. И.И. Вацетис вспоминал, что после подписания Брестского мира представители германского командования потребовали расформирования Латышского корпуса, как составной части старой армии. Формально выполнив это требование, фактически советские власти лишь сменили вывеску[9]. Так или иначе, Латышская дивизия стала первым пехотным соединением Красной армии. В то время как все прочие соединения и части Русской армии распались и исчезли с лица земли, латышское формирование не только сохранилось в организационном и кадровом отношении, но и нашло в себе силы провести под руководством выборных организаций «основательную чистку личного состава полков от случайного элемента, разного рода проходимцев, ничего общего не имевших с целями Красной армии»[10]. В РККА вступали латышские полки кристальной революционной чистоты.

В первой половине 1918 г., когда большевики еще не имели иной организованной вооруженной силы, латышские стрелки участвовали во всех боях Гражданской войны (бои против Польского корпуса И.Р. Довбор-Мусницкого в январе, отражение германского наступления на Петроград в марте, ликвидация анархистских и левоэсеровских выступлений в Москве в марте—апреле и июне, подавление ярославского мятежа в июле). Они были вовлечены в важнейшие мероприятия советской власти. Например, сформированный из лучших бойцов всех восьми полков Особый латышский полк вместе с 6-м латышским полком нес службу по охране Смольного и Таврического дворцов в Петрограде, а затем сопровождал правительство при переезде в Москву. В новой столице стрелки были расквартированы гарнизоном в Кремле. Эти два полка находились в личном распоряжении В.И. Ленина.

---

[7] *Вацетис И.* Указ. соч. С. 137.
[8] РГВА. Ф. 33087. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
[9] *Вацетис И.* Указ. соч. С. 141—142.
[10] РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1565. Л. 4.

Наркомвоен Л.Д. Троцкий очень высоко ценил именно латышские части, в своих приказах отмечал их особую храбрость, организованность и преданность советской власти. Лично для самого Троцкого боевым крещением были упорные бои с белогвардейцами и чехословаками под Свияжском и Казанью в августе 1918 г., окончившиеся первой крупной победой советских войск. Всю оставшуюся жизнь Троцкий оставался под глубоким впечатлением от пережитого, считая, что в этих боях «решалась заново судьба революции»[11]. Большинство частей Красной армии в этих боях «держали себя недостойно, как трусливые наемники». И один лишь 5-й Земгальский Латышский Советский полк, по словам Троцкого, «показал образцы мужества и отваги, как в поле, так и в городском бою, отбив значительные атаки противника и удерживал Казань и мост через Волгу в течение двух дней»[12]. Полк был первым удостоен особого вида боевой награды для воинских частей и учреждений — Почетного революционного Красного знамени.

Вряд ли будет большим преувеличением утверждение, что без самоотверженной поддержки латышских стрелков большевистская власть могла не удержаться в первые, самые сложные месяцы своей истории. И в дальнейшем в ходе Гражданской войны Латышская дивизия использовалась на самых сложных участках фронта.

Организация латышского соединения считалась образцовой. Не случайно уже 25 апреля 1918 г. наркомвоен Троцкий поручил начальнику дивизии И.И. Вацетису организовать и возглавить особую инспекцию «для выяснения успеха организации, формирования и обучения, расположенных в г. Москве и окрестностях всех войсковых частей»[13].

Безусловно, большую роль в поддержании статуса этой дивизии как лучшего соединения РККА сыграло быстрое выдвижение ее начальника И.И. Вацетиса на высшие военные посты в Красной армии. Еще в 1915 г. полковник Вацетис стоял у истоков латышских стрелковых частей Русской императорской армии, а уже 1 октября 1918 г. он был назначен Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики. В октябре же 1918 г. было издано сразу три приказа Революционного военного совета Республики (со 2 сентября 1918 г. — высший коллегиальный орган военного управления), серьезно укрепивших латышское соединение. Приказом № 37 от 5 октября 1918 г. было удовлетворено ходатайство Исполнительного комитета Совета депутатов Латышских стрелковых советских полков, запретившее всем военным комиссариатам комплектовать латышами «русские части» и «склонение латышей в свои формирования»[14]. Приказом РВСР от 11 октября 1918 г. всех принятых на

[11] *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 380.
[12] Там же. С. 379—380.
[13] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 100.
[14] Там же. Д. 3. Л. 139.

Таблица 7

Национальные воинские формирования Красной армии на 1 сентября 1918 г. (по материалам военных округов)

Наименование военного округа	Наименование воинской части		Место дислокации	Состав воинской части, чел.				Всего по списку, чел.
				Командного и инструкторского состава	Пехотинцев	Пулеметчиков	Кавалеристов	
Московский военный округ	Всего по округу			2471	32 257	2836	2188	53 086
	Татаро-Башкирский батальон		Москва, Кремлевская наб.	15	156			156
	Латышская стрелковая дивизия	Штаб дивизии	Москва, ул. Плющиха, 64	6	16			30
		Отдел снабжения		26	115			156
		1-й Усть-Двинский стрелковый полк		23	314	61		703
		2-й Рижский стрелковый полк	Москва, бывш. Александровское военное училище	38	372	160		690
		3-й Курземский стрелковый полк	Москва, Казанский пер., 3	46	224	124		770
		9-й стрелковый советский полк	Москва, Кремль	5	430	53		611
		Латышский Кавалерийский советский полк	Москва, Казачьи казармы, Усачевская ул.	28			130	249
		Всего по дивизии		186	1679	398	130	3897
Всего по округу национальных частей				373	3306	796	260	7262
Петроградский военный округ	Всего по округу			1330	22 067	2785	1556	42 422

	Эстонский коммунистический батальон	Петроград, казармы 1-й зап. автороты	26	598	93		979
	1-й латышский коммунистический Советский отряд		2	67	6		80
	Латышский полк			150			150
	6-й тукумский латышский стрелковый батальон		11	262	75		466
	Красноармейский латышский батальон			320	50		400
	2-й латышский эскадрон			13		62	75
Всего по округу национальных частей			**39**	**1410**	**224**	**62**	**2150**
Ярославский военный округ	Всего по округу		367	9896	593	598	14 019
	8-й латышский Советский стрелковый полк	Вологда	41	307			597
Всего по округу национальных частей			41	307			**597**
Уральский военный округ	Всего по округу		425	14 472	177	1155	17 057
	Мусульманский полк	Белебей					1100
	Мусульманская вооруженная часть	Оренбург					300
Всего по округу национальных частей							**1400**
Приволжский военный округ	Всего по округу		314	8972	325	646	11 632
	Петроградский латышский отряд	Пенза					76
	Московский латышский отряд	Пенза					164
	Сибирский латышский отряд	Пенза					101
	Мусульманская рота	Астрахань	7	82			100
	2-я мусульманская рота		1	88	1		91
Всего по округу национальных частей			8	170	1		531
Всего национальных частей по пяти округам			461	5193	1021	322	11 940

Составлено по: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 257. Л. 70—130.

военную службы латышей в случае их желания также надлежало направлять в эту дивизию[15]. Наконец, приказом РВСР № 116 от 19 октября 1918 г. Латышская стрелковая дивизия была подчинена непосредственно Главнокомандующему[16]. Принимались особые меры к дальнейшему развертыванию дивизии. В октябре 1918 г. Торошинский отряд был переименован в 10-й латышский стрелковый полк, а несколько позднее в состав дивизии был включен Латышский советский кавалерийский полк. Позднее, в 1919 г. была сформирована 2-я латышская стрелковая дивизия.

Нижеследующая таблица дает представление о состоянии национальных частей Красной армии на исходе первого периода ее истории. Данные таблицы не охватывают национальных частей действующих фронтов, а также партизанских национальных красных армий, формировавшихся на окраинах бывшей империи и еще слабо ассоциированных с органами военного управления в Москве. На 1 сентября 1918 г. в составе Красной армии насчитывалось шесть военных округов (Московский, Петроградский, Ярославский, Уральский, Приволжский, Орловский) общей численностью личного состава 143 328 человек (в том числе командного и инструкторского состава — 5149, пехотинцев — 90 883, пулеметчиков — 7048, кавалеристов — 6138, остальных — 34 110 человек)[17].

Из представленных в таблице 7 материалов хорошо видно, что в этот период наиболее многочисленный и организованный сегмент национальных частей составили латышские формирования. Также заметны воинские формирования мусульман, о которых речь пойдет несколько ниже.

* * *

В первые месяцы революции синкретизм и неразвитость советских органов власти способствовали тому, что формирование национальных частей не было исключительной прерогативой военного ведомства. Многие совдепы и ревкомы формировали их по своему почину на местах. В центре прямую конкуренцию Наркомвоену в первый период существования советской власти (примерно до конца 1918 г.) составлял Народный комиссариат по делам национальностей, возглавлявшийся И.В. Сталиным. Вобрав в себя десятки национальных комиссариатов, Наркомнац вмешивался в любые государственные вопросы, связанные с национальным строительством, в том числе и в военные.

Политика советских ведомств в отношении национальных формирований была непоследовательна и сильно зависела от текущих событий, сиюминутных впечатлений и компетенций большевист-

[15] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 40.
[16] Там же. Л. 165.
[17] Подсчитано автором по: Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 257. Л. 70—130.

ских властей. Точнее, полного отсутствия компетенции. Принявший 13 марта 1918 г. должность наркомвоена Л.Д. Троцкий, ставший впоследствии символом Гражданской войны, годы спустя признавался: «Был ли я подготовлен для военной работы? Разумеется, нет... Мне самому приходилось начинать с азбуки»[18]. Это же можно сказать почти обо всем руководящем составе Наркомвоена и Наркомнаца, принимавшем политические решения о национальном сегменте военного строительства. Мало кто имел даже опыт срочной службы, не говоря об участии в военном строительстве.

Представления о путях развития вооруженных сил формировались непосредственно во время Гражданской войны. В случае с национальными частями, с одной стороны, имелся, безусловно, позитивный (вспомним латышских стрелков) опыт применения национальных воинских частей. С другой стороны, недавняя эпопея с *национализацией* Русской армии указывала на крайнюю ненадежность и конъюнктурность таких формирований. В глазах советской власти большинство национальных частей были скомпрометированы своей нелояльностью большевизму. Отношение к ним в течение всей Гражданской войны было настороженным, и поэтому нередко под влиянием момента принимались противоречивые решения. Например, 28 апреля 1918 г. Наркомат по военным делам сформировал специальную комиссию из представителей всех заинтересованных национальных комиссариатов для обсуждения на высоком уровне («в Кремле») «намечавшейся организации Военным комиссариатом особых национальных полков»[19]. Но уже 14 мая 1918 г. наркомвоен Л.Д. Троцкий приказал при формировании частей строго руководствоваться единообразным для всей Красной армии штатным расписанием, считая «совершенно недопустимым» для организации армии ее «устроение на национальных началах», вносящих «элемент случайности и полной несогласованности» с существующими штатами и табелями[20].

Весной 1918 г. крайне обострилась ситуация вокруг сформированного еще в старой армии из австро-венгерских военнопленных Чехословацкого корпуса. 24 мая 1918 г., за день до начала горячей стадии конфликта с чехословаками, наркомвоен Л.Д. Троцкий издал приказ № 397, в котором вполне однозначно высказался против дальнейшего организационного развития национальных частей: «Учитывая опыт формирования воинских частей из представителей разных народностей, как входящих, так и не входящих в состав Республики, Народный комиссариат по военным делам предлагает на будущее время создавать национальные единицы не свыше роты (эскадрона или батареи) и самые формирования производить строго в пределах штатов, утвержденных установленным порядком для соответствующего рода

[18] *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 337, 345.

[19] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

[20] Сводка инструкций, положений и проектов по формированию резервных частей. М., 1918. С. 68.

войск. Сформированные таким образом организационные единицы надлежит включать в соответствующие войсковые части — полки и артиллерийские дивизионы общего формирования»[21]. В этом отношении Троцкого поддержала и коллегия Наркомнаца, хотя в целом отношения между ними с первого дня вступления в должность наркомвоена были весьма напряженными.

Однако не имевшей достаточно войск советской власти уже очень скоро пришлось вновь возвращаться к национальным частям, стараясь использовать этническую пассионарность красноармейцев в собственных политических целях. К тому же слишком очевидной была политическая выгода в распространении советской власти в национальных регионах силами национальных же войск.

Всего через несколько дней после издания приказа № 397 Л.Д. Троцкий сформировал при Наркомвоене Центральную мусульманскую военную коллегию. Формирование мусульманских частей первым начал Наркомнац, 17 января 1918 г. образовавший в своем составе Центральный мусульманский комиссариат (ЦМК, Муском), а при нем — военный отдел. Первоначально деятельность Мускома распространялась только на Петроград, где его сотрудники агитировали рабочих и солдат-мусульман вступать в Красную армию, занимались реорганизацией на социалистической основе сформированного еще Всероссийским мусульманским военным шуро Петроградского мусульманского сводно-гвардейского полка[22]. После заключения Брестского мира полк был официально распущен, но на его основе объявлено, поддержанное наркомвоеном Н.И. Подвойским, Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко и наркомнацем И.В. Сталиным[23], формирование Мусульманской Красной армии, правда, нереализованное. Кроме того, 2 мая 1918 г. вышло постановление Наркомнаца, инициированное Центральным Татаро-Башкирским комиссариатом, о создании Мусульманской рабоче-крестьянской армии, организация которой возлагалась на Центральный мусульманский комиссариат Наркомнаца. 3 мая постановление было отправлено на утверждение наркомвоену Л.Д. Троцкому, однако тоже не получило развития[24].

Муском сосредоточился на мусульманских, прежде всего тюркских, регионах «внутренней России» — Поволжье и прилегающих территориях. Муском командировал должностных лиц, уполномоченных вербовать мусульман в социалистические мусульманские части. 31 мая 1918 г. созданный Наркомнацем орган формирования воинских частей из мусульман перешел в подчинение Наркомвоена. В этот же день распоряжением наркомвоена Троцкого при Мускоме была сформирована Центральная мусульманская военная коллегия

---

[21] Цит. по: *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 494—495.
[22] Там же. С. 491.
[23] Там же. С. 491—492.
[24] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 82. Л. 22.

(ЦМВК, Центромус). Сферой деятельности коллегии определялась вся территория Республики, населенная мусульманами, хотя на деле, как и ЦМК, Центромус занимался в основном тюркоязычными мусульманами, и в наибольшей степени — поволжскими, крымскими и литовскими татарами. Не случайно в марте 1919 г. коллегия была переведена в Казань. Ближайший поволжским татарам по языку и культуре народ — башкиры — обзавелся собственным военным комиссариатом, всячески сопротивлявшимся отправке башкир в татарские части «под общим именем мусульман»[25]. Татарская специализация ЦМВК выразилась и в том, что сформированная в марте 1919 г. Приволжским военным округом Мусульманская стрелковая бригада была по просьбе ее командования приказом РВСР переименована в Отдельную Приволжскую татарскую бригаду[26]. При этом собственно мусульманская, культурно-религиозная специфика в деятельности ЦМВК проявлялась слабо. Мусульманство понималось как единый идентифицирующий признак военнослужащих, но не более того.

ЦМВК была призвана содействовать Наркомату по военным делам в создании «могучей пролетарской революционной армии»[27], однако круг ее обязанностей точно не был определен. Указывалось, в частности, на «принятие мер к выделению мусульман-красноармейцев в отдельные боевые единицы с целью способствования их умственному и политическому развитию»[28]. По распоряжению Троцкого Военная коллегия была организационно «обособлена от ЦМК».

Состав коллегии также был утвержден народным комиссаром по военным делам: Мулла-Нур Вахитов, Набиулла Вахитов и Сулейман Ловчицкий. Приказом № 1 председатель ЦМВК М. Вахитов объявил о сформировании 1-го пехотного татаро-башкирского батальона[29], а приказом № 5 — 2-го батальона. Приказом № 2 было объявлено о сформировании аппарата коллегии на местах: всем мусульманским комиссариатам при совдепах рекомендовалось срочно организовать у себя военные отделы для формирования и пропаганды мусульманских формирований, подчинив сформированные части «общесоветскому» командованию и от него же получая оружие и материальные средства[30]. В начале августа 1918 г. весь состав коллегии, руководивший по приказу наркомвоена мусульманскими войсками, попал в плен войскам Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) в Казани; председатель М. Вахитов был казнен.

Осенью 1918 г. ЦМВК была воссоздана под председательством члена коллегии Наркомнаца М. Султан-Галиева (приказ Наркомво-

[25] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 469. Л. 2.
[26] Там же. Л. 94.
[27] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 6. Л. 57—58.
[28] Там же. Д. 38. Л. 114.
[29] Там же. Д. 6. Л. 53. Уже 6 июня 1918 г. батальон был отправлен на фронт под Самару против отрядов А.И. Дутова (Там же. Л. 59).
[30] Там же. Д. 3. Л. 54.

ена № 276 от 20 ноября 1918 г.). Было разработано и в январе 1919 г. утверждено положение о Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, определившее ее состав, положение в органах военного управления, цели и задачи[31]. Согласно положению, руководящий аппарат состоял из председателя и четырех членов коллегии (выбирались Центральным бюро мусульманских организаций РСДРП(б) и утверждались наркомом по военным делам), а также военного руководителя, на которого возлагались руководство военным отделом коллегии и непосредственные заботы по формированию воинских частей. ЦМВК состояла из трех отделов — общего, военного и политического. Военный отдел занимался комплектованием мусульманских частей, разработкой штатов, подбором командного состава. Политический состоял из двух подотделов — агитационно-вербовочного и организационно-информационного. В задачи политического отдела входили: организация и расширение сети военных отделов на местах, сбор сведений о наличии мусульман-военнослужащих и агитационно-вербовочная работа среди мусульманского населения и солдат-мусульман с целью формирования из них мусульманских частей Красной армии. Кроме того, планировалось издание печатной продукции и публикация периодического печатного органа ЦМВК. Постепенно с санкции Реввоенсовета Республики она обзавелась достаточно широкими полномочиями по формированию и комплектованию воинских частей.

Приказом РВСР № 601 от 29 марта 1919 г. были определены задачи коллегии: содействие Приволжскому и Уральскому военным округам в деле формирования мусульманскимих частей, политической и культурно-просветительской работы с ними[32]. 15 мая 1919 г. по ходатайству ЦМВК Реввоенсовет Республики издал еще два приказа. Согласно первому из них все вопросы о назначениях, увольнениях и перемещениях лиц командного состава и политических комиссаров действующих татарских частей производились только с ведома и согласия ЦМВК[33]. Другим приказом РВСР, распространенным по телеграфу, надлежало произвести учет всех бывших офицеров-мусульман, состоявших на службе в тыловых и вспомогательных частях и учреждениях Красной армии, а также не состоявших на военной службе. Последние обязаны были немедленно явиться в ближайший военный комиссариат для регистрации[34]. Дважды — в июне 1919 г. и в июле 1920 г. распоряжением Мобупра Всероглавштаба, а затем запредседателя Реввоенсовета Э.М. Склянского — все запасные и тыловые части обязывались откомандировать в распоряжение Центромуса всех мусульман-специалистов

[31] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 150—155.

[32] *Калюжный Р.Г.* Красная армия 1918—1934: структура и организация: Справочник. М., 2019. С. 25.

[33] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 112.

[34] Там же. Л. 66.

(артиллеристов, кавалеристов, пулеметчиков и т. д.)[35]. Центромус обладал значительными лоббистскими возможностями, добившись от Мобупра ВГШ разрешения на вербовку среди населения в ряды Красной армии добровольцев из числа мусульман «национальностей Востока». В начале 1920 г. вербовщики с мандатом ЦМВК разъехались по восточным губерниям России с целью поиска добровольцев в «туземные конные и пешие части»[36]. И весьма преуспели в этом. Так, Регистрационно-вербовочный отдел ЦМВК с мая 1919 по февраль 1920 г. навербовал в девяти губерниях Европейской России и Поволжья с мусульманским населением 7305 человек, часть из которых была направлена на укомплектование мусульманских частей, а часть — обычных[37]. С февраля по октябрь 1920 г. из других формирований в распоряжение ЦМВК добровольно было переведено 5110 человек. Более 1,5 тыс. человек было навербовано в мусульманские командные курсы и другие военно-учебные заведения[38].

ЦМВК просуществовала до 1 октября 1920 г., когда приказом РВСР на ее кадровой и материальной основе был создан отдел Востока при Политуправлении РВСР[39]. К моменту расформирования Центромус укомплектовал две татарские стрелковые бригады — 1-ю и 2-ю (2-я позднее переименована в 68-ю, а затем в 69-ю)[40], а также ряд более мелких частей и подразделений.

Кроме ЦМВК, занимавшейся фактически только вопросами татар, из народов, относимых к «восточным», «своими» комиссариатами обзавелись, как уже отмечалось, башкирский, а также калмыцкий и киргизский (казахский) народы. Особое внимание именно к этим трем народам можно объяснить большими поголовьями лошадей и скота в их распоряжении, возможностью заготовки крупных партий мяса, жира, кожи, шерсти, а также перспективами привлечения местного населения в кавалерию, интенсивное развитие которой развернулось во второй половине 1919 г. Сущностно эти военкоматы походили на ЦМВК, поскольку распространяли свои полномочия не на территории, а на этносы, где бы представители таковых ни проживали[41]. Они были наделены большими полномочиями в области формирования национальных частей, назначения командного состава и применения вооруженной силы. Комиссариаты формировали верные Советской России воинские части, организовывали местную военную власть, учет населения и лошадей и их мобилизацию. Им же передавались военнопленные из белых и

---

[35] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 15, 27.
[36] Там же. Л. 33.
[37] Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.
[38] Там же. Л. 20.
[39] Там же. Ф. 9. Оп. 21. Д. 2. Л. 2.
[40] Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1035. Л. 3.
[41] Там же. Д. 737. Л. 53, 70, 153, 260.

национальных антисоветских формирований для использования на укомплектование советских частей[42].

Киргизский и башкирский военкоматы имели статус «центральных», что означало их подчинение не окружному военному комиссару, а непосредственно Всероглавштабу. Они отличались большой активностью и производили обширную переписку, отложившуюся в архивных фондах РГВА и ГАРФ.

Кроме татарских и казахских (киргизских), также активно восточные части формировались из калмыков, башкир, узбеков и ряда других народов. Мобилизуемые контингенты местных жителей использовались преимущественно на своей территории. Национальные военкоматы прилагали все усилия к тому, чтобы использовать мобилизованных граждан в пределах своих республик. Например, из 3033 человек, мобилизованных в течение 1918—1919 гг. Калмыцким центральным комиссариатом по военным делам, 689 человек было направлено в Калмыцкую дивизию, 2142 человека оставлено в распоряжение улусвоенкомов, 90 человек — в местных сотнях[43]; то есть почти все остались в пределах своего региона.

В ряде случаев восточные формирования подолгу воевали вдали от дома. Например, 1-я и 2-я отдельные татарские бригады больше года действовали в составе Туркестанского фронта[44], Башкирская кавалерийская бригада воевала на Западном фронте. Далеко не все военные руководители считали практику сведения местных жителей в национальные части и оставление их для службы по месту жительства удачной идеей, поскольку те «среди своих родных аулов с трудом привыкают к правилам военной дисциплины»[45]. С другой стороны, попытки игнорирования национального компонента и грубого администрирования приводили к разложению национальных частей. Например, в декабре 1918 г. Калмыцкий военный комиссариат был расформирован и присоединен на правах отдела к Астраханскому комиссариату. Направленный им в Калмыцкий кавполк русский командный состав, не знавший калмыцкого языка, «быта и нравов степных номадов-калмыков, не сумел подойти к ним правильно и поставить дело формирования». В результате: «массовое дезертирство и форменное разложение полка»[46].

* * *

Примерно с середины 1919 г. формирование крупных национальных частей и соединений (полки, бригады, дивизии) по единым штатам велось под руководством центральных органов военного управ-

---

[42] РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 20. Л. 75.
[43] Там же. Оп. 5. Д. 737. Л. 88.
[44] РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.
[45] Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 160 об.
[46] Там же. Л. 258.

ления. Первоначально под давлением местных органов советской власти и военного управления приходилось соглашаться на формирование национальных армий. Например, Башкирский военкомат первоначально добился формирования отдельной Башкирской Красной армии[47], однако 5 апреля 1919 г. приказом РВСР № 615 это решение было отменено и вместо армии формировались трехполковая стрелковая бригада и четырехполковая кавалерийская дивизия с приданными подразделениями. Башкирский военкомат брал на себя все заботы по комплектованию полков людьми и лошадьми[48]. В эти же дни были существенно сокращены политические полномочия ЦМВК, а сама коллегия передислоцирована из Москвы в Казань. В это же время развернулось формирование национальных соединений и в других восточных регионах. С 10 марта 1919 г. приказом РВСР формируется Отдельная Приволжская татарская стрелковая бригада, а 19 июня приказом РВСР № 1014/185 — специальные и тыловые части к ней[49]. 13 октября РВС Юго-Восточного фронта и Калмыцкому комиссариату Реввоенсоветом Республики было поручено формирование двух калмыцких кавалерийских полков. 19 октября 1919 г. приказано всех мобилизованных на территории Башкирской АССР татар, мещеряков и тептярей обращать на укомплектование 2-й Отдельной татарской стрелковой бригады Туркестанского фронта.

Обилие приказов и номеров воинских частей не должно вводить в заблуждение о степени влияния центра на местах: большинство национальных формирований, что называется, жили своей жизнью, воплощая собой явление, ставшее настоящим бичом Красной армии, особенно в начальный период Гражданской войны, — *партизанщину*. Причем в национальных окраинах в силу их слабой связи с центральными властями партизанская эпоха сильно затянулась, подчас на весь период войны. За внушительными наименованиями («Северо-Кавказской армия», «Кубано-Черноморские войска», «Таманская армия», «Чеченская Красная армия», «Татаро-Башкирская Рабоче-Крестьянская Красная армия» и т. п.) скрывались, как правило, небольшие отряды с эклектичной структурой и слабой дисциплиной. Разумеется, такого рода формирования были подвержены сильнейшим политическим колебаниям под воздействием множества привходящих факторов. Большевикам приходилось повсеместно иметь дело с этой опасностью: «Отовсюду проявлялась интересная инициатива, — приводит слова Л.Д. Троцкого французский журналист А. Моризэ. — Но как! Стоило только образоваться ядру, как оно сейчас же заражалось духом сепаратизма»[50].

Чаще всего партизаны противились попыткам управлять ими, использовать на других участках фронта. В условиях непрочности

---

[47] РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 57.
[48] Там же. Оп. 8. Д. 425. Л. 22; Оп. 15. Д. 20. Л. 117—118.
[49] Там же. Оп. 15. Д. 20. Л. 123.
[50] *Моризэ А.* У Ленина и Троцкого. Москва 1921. М.; Пг., 1923. С. 103.

советской власти на местах ее отношения с партизанскими отрядами носили не распорядительный, а договорной характер. Формирование национальных частей было невозможно без согласования с местными властями — народными съездами или их представителями — ЦИКами или ревкомами. Без санкции народа советская власть, не имевшая в нем еще никаких корней, не решалась начать мобилизацию или формирование воинских частей. Легитимация красных партизанских воинских частей осуществлялась на разного рода съездах и сходах. Таковых в окраинах бывшей империи проходило великое множество. Например, на съезде киргиз (казахов) Тургайской области, состоявшемся в марте 1918 г., был принципиально решен вопрос о формировании киргизских частей Красной армии. Тургайский областной исполком Совета солдатских, крестьянских и киргизских депутатов обещал организовать не менее чем 20-тысячную армию киргизов. Впоследствии решение было поддержано Народным комиссариатом по военным делам и Народным комиссариатом по делам национальностей. Были назначены политические комиссары, выделены денежные средства[51]. 28 апреля 1918 г. съезд рабочих татар и башкир в Уфе одобрил организацию «Татаро-Башкирской Рабоче-Крестьянской Красной армии»[52]. Съезд советов депутатов трудового калмыцкого народа постановил призвать калмыков 1894—1895 гг. рождения, а в перспективе, с учетом полученного опыта, мобилизовать и остальные возрасты. Калмыки обещали влить в Красную армию «лихую боеспособную калмыцкую кавалерию»[53]. Национальные съезды принимали подобные решения повсеместно.

Дальнейшую процедуру формирования национальной воинской части можно показать на примере тех же киргизских (казахских) частей. В населенном пункте Ханская Ставка (Урда) был развернут агитационно-вербовочный отряд под руководством комиссара военных дел в Степи. Организационно отряд являлся подотделом Отдела по формированию киргизских частей, созданного решением Высшего Военного Совета 4 августа 1918 г. и утвержденного наркомвоеном Л.Д. Троцким[54].

Кроме вербовки и мобилизации, возникала масса организационных вопросов: квартирный, продовольственный, транспортный, учебно-инструкторский. Их решение, как справедливо отмечалось в отчете заведующего Киргизским отделом Наркомнаца, «должно предшествовать сбору джигитов»[55]. В рассматриваемом случае с киргизскими частями был создан ряд комиссий: квартирная изыскала капитальные помещения под казармы, продовольственная — разработала рацион с учетом национальных традиций, религиозных ограничений и пред-

---

[51] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 259. Л. 3—4.
[52] *Песикина Е.И.* Указ. соч. С. 117.
[53] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 259. Л. 17.
[54] Там же. Л. 21.
[55] Там же. Л. 24.

стоящих физических нагрузок; транспортная — определила количество верблюдов для переброски имущества полка. Учебно-инструкторский вопрос делился на два пункта: выбор места для стрельбищ и тактических занятий в степи не вызывал вопросов, но для подбора командного состава требовалась помощь ВГШ.

Уже весной 1919 г. среди киргиз (казахов) была проведена первая мобилизация, давшая скромные результаты — 954 мобилизованных и 136 добровольцев[56], что, впрочем, позволило сформировать первый киргизский полк. В конце 1919 г. по ходатайству киргизского военкомата (Киркрайвоенкомрата) для местных нужд Туркфронтом было сформировано девять отдельных киргизских эскадронов и семь караульных рот. 15 ноября 1919 г. командующий Туркфронтом М.В. Фрунзе начал формирование 1-й Киргизской крепостной кавалерийской бригады и специальных частей к ней, а в феврале 1920 г. — Особого киргизского полка. По состоянию на май 1920 г. удалось достичь достаточно значительных результатов: в составе 1-й армии Туркфронта числилось четыре тюркских конных полка, Узбекская бригада, а также 2-я киргизская и 3-я туркменская бригады (последние две — в стадии формирования) общей численностью 4121 человек[57].

* * *

В тех национальных регионах, где еще не было советской власти, большевистское руководство всячески поддерживало национально-освободительное партизанское движение против белых правительств и интервентов. Туда на содержание партизан направлялись нелегальные денежные потоки. Большевики-подпольщики охотно вступали в любые союзы и соглашения с местными обществами, лишь бы поднять их на борьбу с контрреволюционными силами. Яркий и характерный пример тому — Северный Кавказ, где в 1919 — начале 1920 г. большевики в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабарде в борьбе с Вооруженными силами Юга России генерала Деникина действовали в тесном сотрудничестве с местными мусульманско-клерикальными и националистическими кругами. Однако вполне успешное сотрудничество в период белой оккупации вовсе не гарантировало его продолжения после установления советской власти.

Весной 1920 г., с приходом на Северный Кавказ частей 11-й советской армии, заслуженные горские партизанские отряды, изрядно потрепавшие части ВСЮР, стали вливаться в состав РККА. Первоначально их охотно принимали целиком, как готовые воинские части, а также формировали из охотников новые полки и бригады. В конце апреля 1920 г. во Владикавказе даже было организовано Управление формирования горских кавалерийских частей, которое

[56] ГАРФ. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 153 об.
[57] РГВА. Ф. 6. Оп. 7. Д. 13. Л. 43—44.

возглавил местный большевик А.М. Беленкович[58]. В планах Управления было формирование из добровольцев девяти полков и трех бригад из горцев, на укомплектование которых требовалось 9750 бойцов и свыше 250 командиров[59]. Некоторые горские части (чеченские и дагестанские конные сотни, 1-й Дагестанский стрелковый полк и т. д.) были приданы 11-й армии и содействовали ей в замирении Азербайджана весной и летом 1920 г.[60]

Однако очень скоро партизанская природа горских формирований дала о себе знать. Горские части, сформированные на добровольной основе, были плохо управляемыми и быстро разлагались. О Дагестанской сводной бригаде сообщалось, что эта воинская часть «не высокого качества, плохо обучена, малочисленна... серьезной задачи ей дать нельзя»[61]. В сформированных в Чечне трех конных бригадах «с самого начала формирования наблюдалось массовое дезертирство», которое совершалось с лошадьми и оружием. Приказы, возлагаемые на чеченские части, «никогда в точности не выполнялись»[62]. Командарм Кавказской трудовой армии С.В. Косиор доносил: «Чеченская бригада разбегается большими группами, ни одного боезадания не выполнила, занимается грабежами»[63].

Осенью 1920 г., когда в Дагестане и частично в Чечне вспыхнуло мощное восстание имама Н. Гоцинского, горские части составили самый ненадежный эшелон советских войск. Последние стали таять из-за дезертирства и перехода горцев на сторону восставших[64]. По этой же причине из региона была выведена и формируемая Дагестанская сводная бригада. «В связи с ненадежностью населения» в нее в августе и сентябре стали набирать русских военнослужащих, отложив призыв местных жителей на будущее[65]. Военком Дагестана Смирнов настаивал на экстерриториальном содержании национальных частей: «Очень важно — это вывод из Дагестана формируемых частей, ибо они никогда не будут воспитаны и постепенно все дезертируют»[66]. В середине октября 1920 г. Дагестанская сводная бригада в составе свыше 900 бойцов и 1300 нестроевых «едоков» была срочно («пока полки не перешли на сторону абреков») погружена в эшелоны и отправлена в Ростов, где продолжила формирование[67]. Самый «нетвердый» 1-й кавполк, даже не дожидаясь подачи составов, был пешим порядком отправлен в Грозный[68].

---

[58] РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 449.
[59] Там же. Д. 447. Л. 3.
[60] Там же. Ф. 195. Оп. 3. Д. 296. Л. 4, 6.
[61] Там же. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.
[62] Там же. Д. 42. Л. 12.
[63] Там же. Л. 17 об.
[64] Там же. Л. 1—4.
[65] Там же.
[66] Там же. Л. 15.
[67] Там же. Ф. 109. Оп. 4. Д. 17. Л. 1.
[68] Там же. Ф. 195. Оп. 3. Д. 312. Л. 15, 35, 41.

Причины столь быстрого разложения горских частей Красной армии, еще совсем недавно блестяще проявивших себя в партизанской борьбе с деникинцами, крылись в катастрофическом несовпадении их ожиданий от советской власти с реальностью. Довольно точно уловил мотивацию горцев, поддержавших советскую власть с оружием в руках, Н. Гикало — большевик-подпольщик, организатор красного партизанского движения в Чечне, отлично разбиравшийся в настроениях местного населения. По его словам, горцы ждали от большевиков немедленных, «прямых и непосредственно личных (благодаря большому непониманию) благ»[69]. И такие обещания им действительно щедро раздавались при формировании отрядов. Один из красноармейских политработников так описал формирование партизанского отряда в Чечне: «Тов. Эллердов (чеченский большевик. — *Авт.*) начинает организацию туземного отряда, подписывая с организаторами договор, в котором он обещает им *все блага земные и обещает им, что дальше своего аула им выступать не надо будет*» (здесь и далее курсив мой. — *Авт.*)[70]. Хотя советская власть и была желанна большинством населения, ожидания от нее строились прежде всего на антитезе добровольческой политике, а не на социалистических идеалах. Дагестанский большевик М. Кундухов сформулировал их так: «Население ждет *истинного порядка и культуры*... Большевизм становится чуть ли не *религией* бедняков...»[71] (курсив мой. — *Авт.*). Пытавшийся разобраться в политических предпочтениях чеченцев начальник политотдела 33-й стрелковой дивизии С. Каменский пришел к парадоксальному заключению: «Отношение населения, отличающегося крайней некультурностью, в целом к Советской власти хорошее, к Красной армии отрицательное, вследствие абсолютного непонимания задач ее. Отношение к коммунистам хорошее, к большевикам — плохое...»[72] Неискушенные в российской политике горцы были неспособны уловить грани и оттенки пестрой российской политики времен Гражданской войны.

Первый же опыт взаимодействия с советской властью, даже если он не был насильственным, принес разочарование: никаких немедленных чудес не случалось, а, напротив, вместо Белой армии пришла Красная, которую тоже нужно было кормить. Новая власть сразу проявила себя прямолинейно, неуклюже, не считаясь с особенностями хозяйства, быта и менталитета горцев. Особенно остро это проявилось в горных округах Дагестана. Нелепые учеты кур, яиц, деревьев, жестокие продразверстки в сочетании с «безудерж-

---

[69] ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1933 гг. М., 2005. С. 140.

[70] РГВА. Ф. 39247. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

[71] Цит. по: *Кадишев А.Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 232.

[72] РГВА. Ф. 39247. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

ным произволом местной ЧК»[73], «случаи бесчинства отдельных отрядов» красноармейцев, доходивших «до явных грабежей и убийства среди мирного населения»[74], а также совершенно отвлеченная разъяснительная работа быстро сделали свое дело.

К весне 1921 г. большинство частей, укомплектованных горцами Северного Кавказа, были расформированы, а их личный состав распущен по домам. Сведения о «лицах восточных национальностей», поданные в штарм частями войск Терской области, 32-й и 33-й стрелковых дивизий в начале февраля 1921 г., демонстрируют уже единичное представительство представителей горских народностей в регулярных войсках Красной армии[75].

* * *

Что касается этносов, населявших западные регионы бывшей Российской империи, — украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, то здесь, пока политическое влияние московской власти было недостаточно прочным, формирование национальных армий происходило на единой платформе по соглашению с советскими национальными правительствами, которым еще предстояло отвоевать и закрепить за собой свои территории. Борьба за власть и внутренние гражданские войны здесь разгорелись в конце 1918 г. с эвакуацией германских войск и усилением противостояния между Советской Россией и Польшей. Указанные народы оказались на линии этого противостояния. Советская Россия признала независимость вновь образованных республик и в то же время вооруженной силой поддержала там советскую власть. В январе по просьбе советского правительства Литвы участвовавшая в занятии освобождаемой германцами территории Псковская дивизия была переименована в Литовскую с доукомплектованием до штата за счет коренного населения[76]. Весной 1919 г. была создана Латвийская советская армия, насчитывавшая в марте 30 тыс. человек[77]. 13 марта 1919 г. из Западной армии преобразована Белорусско-Литовская советская армия. Наиболее многочисленной (до 188 тыс. человек) была Украинская советская армия. Национальные войска подчинялись Всероглавштабу, формировались и снабжались за счет центральных органов Наркомата по военным делам[78].

Эпоха национальных красных армий для «западных» народов закончилась примерно тогда же, когда и для восточных, — в первой

---

[73] РГВА. Ф. 109. Оп. 2. Д. 64. Л. 87.

[74] Там же. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 448. Л. 25.

[75] Там же. Д. 313. Л. 28, 42, 44.

[76] *Балтушис-Жемайтис*. Гражданская война в Литве в 1919 году // Война и революция. 1929. Кн. 7. С. 94.

[77] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 293. Л. 1.

[78] Там же. Д. 425. Л. 46.

половине 1919 г. Опыт национальных советских армий был признан неудачным. Общая координация была слабой, аппарат управления налаживался с трудом, сильны были партизанские явления. Как отмечалось в «Заключении о состоянии вооруженных сил и военных органов Украины за период с 29 января по 23 августа 1919 г.», подготовленном Высшей военной инспекцией Украины, «Украинская Красная армия имела успех лишь до тех пор, пока сталкивалась с противником, морально стоявшим ниже ее, но столь же плохо организованным, как она сама. Стоило же ей встретить более сколоченные польские или деникинские войска, как она распылилась и открыла фланги»[79]. Украинскую армию, которую представители Всероглавштаба характеризовали «сбродом грабтелей, поглащающей массу средств, но остающейся голой и босой»[80], принудительно переформировывали в стрелковые дивизии и бригады по штатам РККА.

Конец формальной самостоятельности «западных» национальных красных армий положил декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом», в котором декларировался военный, хозяйственный и финансовый союз между перечисленными советскими республиками. Уже спустя несколько дней национальные армии получили единую сквозную нумерацию без сохранения этнонима и единую штатную организацию по образцу РККА[81].

Данное соглашение дало возможность использовать демографические ресурсы данных республик для комплектования Красной армии, которая теперь объединила все вооруженные силы, стоявшие на социалистической платформе. Фактически советизация прошла на Украине и части территории Белоруссии. Прибалтийские народы после коротких войн с Советской Россией добились независимости, и в 1920 г. по соглашению со вновь образованными правительствами советские военные власти не без многочисленных проволочек вынуждены были отпустить большинство военнослужащих — по национальности латышей, литовцев, эстонцев и поляков, которые желали выйти из российского гражданства и принять гражданство вновь образованных государств (оптироваться)[82].

У большинства национальных формирований Красной армии периода Гражданской войны была совершенно прозрачная политическая миссия: на своих штыках они должны были принести счастье революции своим народам. Например, из Башкирии доносили, что «весьма желательно в политическом отношении... при ожидаемом освобождении областей, населенных башкирами... наличие в рядах наших войск башкирских частей, что облегчит мобилизацию среди

[79] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 548. Л. 119 об.
[80] Там же. Оп. 8. Д. 226. Л. 52.
[81] Собрание узаконений... С. 354—355.
[82] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 710. Л. 435—445.

башкирского населения»[83]. С середины августа 1920 г., в разгар Советско-польской войны формировалась 1-я польская Красная армия, которая из-за катастрофического развития событий так и не появилась на свет. Подобных примеров много. Национальные красные армии в составе РККА (украинская, белорусско-литовская, латышская, польская) создавались для конкретных войн и были рассчитаны на дальнейшее продвижение мировой революции.

4.2. «На одинаковых основаниях с остальными гражданами...»: долгий путь к обязательной военной службе

Сказанного достаточно, чтобы составить себе представление о национальных воинских частях и разного рода национальных красных армиях как о формированиях по большей части слабо организованных и плохо обученных, недисциплинированных и нестойких в бою, часто политически ангажированных и своекорыстных. Впрочем, эти характеристики применимы ко всем партизанским формированиям периода Гражданской войны, а не только к национальным. Именно с этими сущностными чертами *партизанщины* боролись советские власти в течение всей Гражданской войны. Отсюда понятно, что значительно проще и выгоднее было использовать нерусских новобранцев в общей схеме комплектования войск на основе *призыва военнообязанных*. Рассмотрим этот аспект участия нерусских народов в Гражданской войне.

Формально с момента создания Красной армии граждане Советской России нерусской национальности принимались на военную службу «на общих основаниях и одновременно с соответствующими категориями русских граждан. Никаких изъятий для инородцев окраин установлено не было», — именно так, вполне однозначно утверждалось в «Справке об использовании призывавшихся на территории Республики инородцев», подготовленной 11 декабря 1919 г. врио начальника Мобилизационного управления Всероссийского Главного штаба Федоровым начальнику Всероглавштаба Н.И. Раттелем[84].

В основополагающем декрете Совета Народных Комиссаров «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии», принятом 15 (28) января 1918 г., указывалось: «В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма»[85]. Правда, как отмечается в литературе, первоначальный проект декрета, перед утверждением подвергнутый многочисленной правке разных

---

[83] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 502. Л. 2.

[84] Там же. Оп. 8. Д. 692. Л. 246—246 об.

[85] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы (1917—1968). М., 1969. С. 19.

лиц, содержал слова «без различия национальностей». Их вычеркнул член коллегии Наркомвоена Э.М. Склянский[86]. Чем руководствовался этот военно-политический деятель, сейчас сказать нельзя, но следует отметить, что отказ от этой формулы не изменил общего посыла документа, ставившего единственный барьер для службы в Красной армии — классовое происхождение.

В многочисленных приказах Совета Народных Комиссаров и Реввоенсовета Республики, объявлявших всеобщие и частичные призывы, каковых за годы Гражданской войны было осуществлено несколько десятков, основными критериями, задававшими рамки призыва, являлись: социально-классовая принадлежность гражданина, его возраст, физическое состояние. Первый критерий был основополагающим. Для определения, как тогда говорили, «классового лица» военнообязанных граждан в июле 1919 г. была разработана и введена в действие отдельная инструкция[87]. Призываемый в Красную армию обязательно должен был относиться к трудовому классу, соответствовать требуемым возрастным характеристикам и быть годным к строевой службе. Эти критерии были определены с самого первого призыва рабочих, объявленного 12 июня 1918 г.[88], а затем распространились на всеобщие возрастные призывы, которые развернулись в сентябре 1918 г. (приказы РВСР № 4 от 11 сентября и № 6 от 22 сентября)[89] и все последующие призывы периода Гражданской войны. Национальность мобилизуемых граждан в них никогда специально не оговаривалась.

Несмотря на это, конкретные политические ситуации заставляли молодое Советское государство непрерывно решать национальный вопрос в связи с комплектованием вооруженных сил. Фактически проблемы в этой области встали на повестку дня только осенью 1918 г., когда комплектование Красной армии было поставлено на основу *всеобщей воинской обязанности* граждан (или, как тогда по инерции продолжали говорить, «всеобщей воинской *повинности*»). Неизбежно возникали ситуации *принуждения* к военной службе той или иной этнической группы.

Для определения места и роли нерусского населения в комплектовании Красной армии нужно принять во внимание географию Гражданской войны 1918—1921 гг. в России. Наиболее интенсивный численный прирост РККА пришелся на первые два года войны — до начала 1920 г. Основная тяжесть военных призывов этого периода

---

[86] *Молодцыгин М.А.* Красная армия: рождение и становление. 1917—1920 гг. М., 1997. С. 101.

[87] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 751.

[88] Постановление СНК РСФСР № 436 от 12 июня 1918 г. объявляло первый в республике обязательный призыв рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян 1897—1893 гг. рождения.

[89] Приказы РВСР № 4 от 11 сентября 1918 г. и № 6 от 22 сентября 1918 г., объявлявшие призыв на действительную военную службу «повсеместно всех граждан, родившихся в 1893—1897 гг.» (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 2, 5).

падала на центральные губернии с почти монолитно русским населением, и особенно на крупнейшие промышленные центры страны — Москву и Петроград. Например, только по Москве и только в 1918 г. было призвано и отправлено в армию около 300 тыс. человек, что составило более трети от всех граждан, призванных в Советской России в этом году[90]. На окраинах страны, в том числе национальных, и в прифронтовой зоне призывы проводились эпизодически и, как правило, по решению местных властей или фронтового командования. Исключение составлял регион Поволжья, где среди местного тюркоязычного и финно-угорского населения призывы в армию проводились и при прежней власти. Большевики призывали татарское население наравне с русским, в том числе в местностях, где ни то ни другое не были доминирующим этносом, например в Киргизском крае. Татарами, как и русскими, здесь замещали недобор по мобилизации среди казахов. При этом советские власти настаивали на сохранении традиции призыва татар, чтобы не вносить смуту в ряды тех, кто уже нес службу. Учитывался прежний опыт призыва в Русскую армию. Например, при обсуждении призыва татар Ялуторовского и Тюменского уездов Тобольской губернии начальник штаба Сибирского военного округа Е.О. Монфор и военком Кригер в качестве аргумента в пользу призыва сообщали в Реввоенсовет Республики: «Татары всегда призывались и всегда были хорошими солдатами, и вопрос их освобождения неминуемо затронет вопрос увольнения уже служащих в армии татар...»[91]

В течение войны акцент смещался от добровольческих национальных формирований к обязательному призыву среди местных национальностей. В западных регионах мобилизации военнообязанных возрастов, как правило, проводились немедленно после утверждения в них советской власти. Причем власти Советской России стремились уравнять их в отношении нарядов на пополнения с остальными военными округами. Весной 1919 г. это было объявлено в отношении Украины и Литовско-Белорусской республики. Особенно активно мобилизации развернулись в многонаселенных украинских губерниях. Украина давала именно тот ценнейший «людской материал», на котором испокон веков держалась Русская армия. Поэтому советская власть подходила к мобилизациям на Украине столь же основательно, как и в губерниях Центральной России.

С февраля 1919 г. в советизируемых губерниях Украины организовывались военно-окружные управления по штатам аналогичных управлений в Советской России. Постепенно, по мере «налаженности как аппарата власти, так и успокоения массы»[92], разворачивался работа по организации губернских, уездных и волостных во-

[90] Военный комиссариат города Москвы. История создания, становления, развития. М., 2006. С. 60.

[91] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 212.

[92] Там же. Д. 522. Л. 6.

енкоматов и учету военнообязанных, бывших офицеров, лошадей, повозок, пряжи. Уже к 15 мая 1919 г. только по четырем восточным губерниям (Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и Донецкой) было взято на учет около 740 тыс. человек[93]. К концу июня 1919 г. на учет в 41 уезде Украины было взято 903,4 тыс. человек[94]. Численность запаса 22 подлежавших воинскому учету возрастов оценивалась Всероглавштабом в солидную цифру — 1875 тыс. человек[95].

С марта 1919 г., сначала в Харьковской губернии, а затем, в апреле, по мере укрепления советских органов власти и военного управления, в Киеве, в восточных губерниях Украины (Полтавской, Екатеринославской, Донецкой) стали объявляться призывы граждан, не эксплуатирующих чужого труда. Первые мобилизации проводились в основном в крупных городах (Киев, Одесса, Харьков, Екатеринослав и др.) среди пролетариата и давали относительно неплохие результаты. Мобилизации в сельской местности, напротив, «по политическим причинам» и «ввиду скверного положения» пробуксовывали[96]. Первая общеукраинская мобилизация была объявлена двумя приказами наркомвоена Украины (для рабочих и для крестьян) 10 и 11 мая 1919 г.[97] Мобилизации шли непрерывной чередой сразу по нескольку возрастов, начиная с 1899—1900 гг. рождения[98]. Первая мобилизация охватывала городское рабочее население и крестьянское население («не эксплуатирующее чужого труда»). В последующих мобилизациях расширялся возрастной и географический диапазон. К 1 июня очередь дошла уже до 1884 г. А к июлю на Украине состоялось уже 12 мобилизаций, вследствие чего график призывов по возрастам на Украине догнал российские возрастные призывы[99]. При этом к лету 1919 г. воинским учетом и мобилизациями было охвачено меньше половины территории Украины (41 из 85 уездов)[100]. В последующие годы Гражданской войны Украина стала фактически единственной территорией с нерусским населением, где осуществлялись плановые призывы в Красную армию. Это позволило не только сформировать целый ряд украинских частей (4, 5 и 6-я Украинские стрелковые дивизии, Бессарабская советская стрелковая дивизия, Интернациональная бригада, Крымская бригада, семь запасных полков и десятки других частей и подразделений), но и отправлять многочисленные пополнения на другие участки фронта[101].

---

[93] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 733. Л. 114.
[94] Там же.
[95] Там же. Д. 522. Л. 6 об.
[96] Там же. Д. 226. Л. 92—93.
[97] Там же. Д. 733. Л. 91.
[98] Там же.
[99] Там же. Д. 522. Л. 1.
[100] Там же. Л. 6.
[101] Там же. Д. 410. Л. 29.

Разумеется, как и везде в годы Гражданской войны, мобилизации на Украине проводились с большим напряжением. Уже первые мобилизации показали, что из-за массового дезертирства и сопротивления населения отправить в войска удавалось не более 30% от числа граждан, состоявших на учете, и реально можно было рассчитывать на призыв на Украине 500—600 тыс. человек. Однако и эта цифра являлась крайне значительной в условиях острого дефицита людских ресурсов[102]. Вследствие крайней нестабильности политической обстановки на Украине, где с октября 1917 г. сменилось уже несколько правительств, приходилось призывать население по частям, по мере налаживания работы аппарата советской власти и «успокоения массы». Мобилизация являлась, можно сказать, одной из наиболее «гуманных» мер борьбы с антисоветским повстанчеством, конечно, если сравнивать ее с изъятием заложников и массовыми казнями. На Украине в отношении наиболее пораженных повстанчеством регионов применялся оригинальный способ мобилизации: в армию призывалось поголовно все мужское население с 17 до 35 лет. Эта мера, прописанная в «Краткой инструкции по борьбе с бандитизмом и кулаческими восстаниями»[103], с одной стороны, под корень вырубала повстанческую базу, с другой — давала Красной армии хоть и ненадежное, но достаточно многочисленное пополнение. О надежности новобранцев в то время никто и не мечтал. Например, около 4 тыс. человек было весной 1920 г. мобилизовано в сердце махновского движения — в Александровском уезде Екатеринославской губернии[104]. Мобилизация носила тотальный характер и охватила все трудоспособные возраста мужчин — от 1875 до 1902 гг. рождения. Всего в Екатеринославской губернии в 1920 г. было мобилизовано 10 798 граждан. В отчетной таблице напротив этой мобилизации стояла пометка — «карательная».

Строительство Красной армии в 1918 г. начиналось на строго территориальных началах, однако оно показало свою неэффективность в связи с распространением дезертирства. Последнее многократно усиливалось при комплектовании воинских частей в местах проживания. Поэтому с самого первого призыва на территории Украины, состоявшегося в мае 1919 г., советское правительство «в самой категорической форме» настаивало на отправке местных новобранцев для прохождения службы на территории России. Так, распоряжением начальника Всероглавштаба Раттеля от 11 июля 1919 г. все мобилизованные в мае и июне 1919 г. на территории Украины рабочие отправлялись равными партиями в Орел, Москву и Ярославль, где подлежали распределению по запасным частям[105]. 26 июля 1919 г. Реввоенсовет Республики постановил распределить

[102] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 522. Л. 10.
[103] Там же. Д. 1059. Л. 166—168.
[104] Там же. Д. 522. Л. 231.
[105] Там же. Л. 30.

мобилизованных на Украине «в запасных частях неукраинских округов»[106]. Всероглавштаб, в свою очередь, определил, что «на будущее время пополнения из Украины будут назначаться преимущественно на Восточный фронт, а на Украину будут наряжаться пополнения из центральных округов»[107]. Комплектование местными уроженцами воинских частей на территории Украины из опасности националистических и анархических движений, а также в связи с распространением дезертирства считалось нецелесообразным[108]. Следует отметить, что ротацию контингентов между военными округами не менее настойчиво требовало и военное ведомство Украины, чей опыт взаимодействия с повстанческими отрядами, укомплектованными местным населением, показал, что они «легко поддаются агитации и способны забыть свой революционный долг»[109]. Так что отправка украинских пополнений с территории Украины требовалась для «оздоровления армии»[110]. На практике этот принцип далеко не всегда выдерживался, поскольку широко распространенные фронтовые мобилизации (так называемое *самоукомплектование*) принципиально носили территориальный (местный) характер.

Тем не менее и в дальнейшем Всероглавштаб настаивал на перераспределении украинских пополнений вне региона призыва. Так, 9 мая 1920 г. председатель СНК Украины Х.Г. Раковский сообщал замнаркомвоену Э.М. Склянскому о результате мобилизации пяти возрастов в Харьковской губернии, который «превзошел все наши ожидания»: удалось мобилизовать сразу 25 тыс. человек. Однако, добавлял Раковский, «использование этого сырого материала здесь, на Украине, неудобно. Необходимо, чтобы мы могли его обменять на мобилизованных с севера»[111]. В последующем часть «украинских пополнений» была направлена в Петроград, часть — в Смоленск[112]. Украина в 1920 г. стала одним из важных источников людских пополнений для РККА. А к октябрю 1920 г. она дала в общей сложности 258,9 тыс. человек (в том числе 250,5 тыс. человек отправленных в войска)[113].

До самого конца Гражданской войны, окончившейся объединением советских республик в единое государство — Советский Союз, — граждане формально независимых советских республик (Армении, Азербайджана, Грузии, Белоруссии, Украины, Дальневосточной Республики и Хорезма) отбывали воинскую повинность на единых с гражданами РСФСР основаниях[114].

---

[106] РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 100. Л. 12—13.
[107] Там же. Оп. 8. Д. 410. Л. 41.
[108] Там же. Л. 1.
[109] Там же. Л. 43.
[110] Там же.
[111] Там же. Д. 1059. Л. 17.
[112] Там же. Л. 15.
[113] Там же. Л. 309.
[114] Там же. Ф. 7. Оп. 7. Д. 570. Л. 113.

Практика же была самой разнообразной. В азиатской части страны, как правило, дело ограничивалось отдачей общей директивы центральных органов военного управления (РВСР, ВГШ) местному военкомату, который организовывал мобилизацию согласно своим возможностям. Нередко призванные по мобилизации использовались для местных нужд (прежде всего для комплектования национальных частей). Центральные органы, как правило, могли рассчитывать лишь на излишки мобилизованных, однако таковых местные ревкомы старались вернуть в народное хозяйство, демобилизовав или отправив на трудовой фронт внутри республики.

При правильной постановке работы местных военных органов военный учет населения всегда предшествует призыву и мобилизации. Более того, учет дает основания для мобилизационных расчетов. Однако в условиях гражданской войны и неразвитости военных аппаратов почти повсеместно мобилизация сопровождала учет или даже опережала его. В этом случае административным единицам давалась разверстка на определенное число новобранцев[115]. Особенно экзотическими были мобилизации кочевников-киргиз (казахов). Обширность территории, отсутствие воинского и вообще какого-либо учета движения населения, невозможность установить возраст призывника, повальная неграмотность, отсутствие военных специалистов местных национальностей, слабость советских аппаратов на местах, отсутствие пролетариата[116] — вот далеко не полный перечень проблем, которые предстояло решить. В отличие от царской администрации большевики не видели здесь непреодолимых препятствий и готовы были мириться с огромными издержками на этом пути, прибегая к любым способам убеждения и принуждения к защите нового строя. Тем более что «освоение» людского ресурса кочевников сулило большой «куш»: численность всего киргизского населения (вместе с кара-киргизами) оценивалась в 5785,8 тыс. человек, а вместе с киргизами (казахами), рассеянными по Оренбуржью и другим степным областям, могла достигать 8 млн человек[117]. Вся эта масса людей никогда ранее не привлекалась к обязательной военной службе.

При всей кипучей деятельности в области мобилизаций длительное время центральные органы военного управления имели самое смутное представление как о прошедших призывах, так и об остатках людских ресурсов, годных к призыву. Национальные военкоматы, как правило, не подчинялись окружным управлениям и не предоставляли им никаких сведений[118]. Всероссийский Главный штаб, в свою очередь, не всегда имел с ними устойчивых контактов. Впрочем, к исходу второго года войны военный учет и его статистическое обобщение только налаживались в масштабах всей Красной армии.

---

[115] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 153 об.
[116] Там же. Ф. 7. Оп. 7. Д. 707. Л. 11.
[117] Там же. Л. 155.
[118] РГВА. Ф. 11. Оп. 8 Д. 692. Л. 250.

11 декабря 1919 г. врид начальника управления Мобилизационного управления Федоров[119] представил начальнику ВГШ справку «Об использовании призывавшихся на территории Республики инородцев», содержавшую лишь самую общую и разнородную ситуацию о состоявшихся у ряда народов призывах (перечислены калмыки, башкиры, киргизы (казахи), эстонцы, латыши, татары, мещеряки, тептяри, мусульмане и китайцы). Из справки выясняется наличие единой установки: для комплектования обычных частей РККА призывать все национальности; для комплектования национальных частей — призывать только возрасты, не призванные в общем порядке.

Практика же была самой разнообразной. В азиатской части страны, как правило, дело ограничивалось отдачей общей директивы центральных органов военного управления (РВСР, ВГШ) местному военкомату, который организовывал мобилизацию согласно своим возможностям. Нередко призванные по мобилизации использовались для местных нужд (прежде всего для комплектования национальных частей). Центральные органы, как правило, могли рассчитывать лишь на излишки мобилизованных, однако таковых местные ревкомы старались вернуть в народное хозяйство, демобилизовав или отправив на трудовой фронт внутри республики.

С начала 1920 г. Всероглавштаб предпринимал настойчивые попытки привести мобилизационную практику в национальных регионах к общероссийской, мотивируя это тем, что в отношении нерусских народов не предусматривалось каких-либо исключений по призыву. Например, первая мобилизация в Киргизском крае была объявлена местным ревкомом 24 января 1920 г. Мобилизации подлежали молодые люди возрастом от 20 до 25 лет. Начальник Мобупра Всероглавштаба В. Авилов требовал объяснений, почему призваны были только эти возрасты, а не все возрасты, уже призванные на территории РСФСР[120]. Местным военкоматам рассылались требования об информировании о произведенных ранее мобилизациях[121].

По мере расширения пространства, отвоевываемого Советской Россией, неизбежное распространение практики призыва на нерусских граждан поставило на повестку дня вопрос о формировании специального законодательного регулирования в этой сфере. Весной Западно-Сибирский военный округ проводил на своей огромной территории (Алтайская, Омская, Тобольская, Томская, Челябинская и Семипалатинская губернии) частный призыв *инородцев*, протекавший, по признанию штаба округа «с большими затруднениями и малым успехом»[122]. Для общего разрешения вопроса в масштабах всей страны 10 мая 1920 г. было издано постановление Совета Труда и Обороны (СТО) «О призыве в ряды Красной армии граждан

---

[119] Инициалы не установлены.
[120] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 11.
[121] Там же. Л. 247.
[122] Там же. Л. 38.

нерусской национальности Сибири, Туркестана и других окраин», подписанное В.И. Лениным. В первом пункте постановления декларировалось, что граждане нерусских национальностей «подлежат призыву в ряды Красной армии на одинаковых основаниях с остальными гражданами РСФСР». Однако уже второй пункт предусматривал возможность временного освобождения от призыва некоторых народов. Право освобождения было предоставлено местным органам власти по согласованию с губернскими военными комиссарами и Всероглавштабом. Освобождение той или иной национальности от военной службы надлежало каждый раз утверждать в СТО с мотивированным объяснением необходимости этой меры. Все освобождаемые этносы подлежали привлечению к государственной трудовой повинности с учетом местных бытовых и хозяйственно-экономических условий[123]. При этом трудовое использование мобилизованных не считалось хорошим выходом. Заместитель председателя Реввоенсовета Э.М. Склянский настаивал именно на поиске путей для использования мобилизованных по назначению[124].

В последний период Гражданской войны Всероглавштаб требовал неукоснительного соблюдения положений постановления СТО от 10 мая 1920 г. при организации призывов среди нерусских народов.

В телеграммах за подписью начальника ВГШ А.А. Самойло, которые рассылались в военные округа во второй половине июля 1920 г., содержалось важное дополнение: местные органы военной власти должны были предложить меры заблаговременной регистрации военнообязанных «для беспрепятственного и успешного исполнения предполагаемого призыва»[125].

Первоначально постановление СТО от 10 мая 1920 г. рассматривалось как временный документ — до выяснения отношения к воинской повинности того или иного народа, «обладающего яркими бытовыми и культурными особенностями»[126]. Однако в последующем оно стало законодательной основой для дальнейших отсрочек приема нерусских народов в РККА.

Попытка реализации этого постановления в 1920—1921 гг. заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку в ней отразилась общая картина с военным учетом и призывом нерусских народов. Первым шагом стал запрос в июне 1920 г. от врид начальника Всероглавштаба РККА А.А. Самойло соображений Наркомнаца, Сибревкома, реввоенсоветов Туркестанского и Северо-Кавказского военных округов о возможности мобилизации нацменьшинств. «Если же таковая мобилизация, — отмечалось в запросе, — представляется нецелесообразной или невыполнимой по разным причинам, то охарактеризуйте их и укажите, не может ли это инородческое население быть

[123] Декреты Советской власти. Т. VIII. М., 1976. С. 175—176.
[124] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 103.
[125] Там же. Л. 81.
[126] Там же. Ф. 7. Оп. 7. Д. 570. Л. 2 об.

привлечено в порядке обязательной разверстки или вербовки добровольцев»[127]. Кроме того, с мест запрашивалась информация о состоянии воинского учета «инородческого населения», а если таковой еще не был произведен, то им предлагалось немедленно заняться[128].

В округах были образованы особые совещания с участием представителей местных властей, военных кадров и обсуждаемых народностей. Командование Красной армии поставило на рассмотрение совещаний широкий перечень вопросов: какие этносы и в какой форме можно привлечь к военной службе немедленно, для каких возможно заменить ее трудовой повинностью и на каких условиях, а для каких сохранить льготы в полном объеме[129].

Не располагая актуальными социально-демографическими данными о мобресурсах большинства народов, Всероглавштаб вынужден был пользоваться материалами, предоставленными еще в 1915 г. Военным министерством Российской империи Государственной думе и Совету министров, когда рассматривался вопрос о призыве на военную службу народов, освобожденных от воинской повинности. Соответствующая справка была подготовлена заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому[130].

Сохранившаяся переписка свидетельствует о том, что во Всероглавштабе вполне разделяли прагматичное и по-имперски высокомерное отношение к *инородцам*. Это неудивительно, если учесть, что большинство руководящих должностей во Всероглавштабе занимали генштабисты старой школы, включая и начальника — бывшего генерал-майора А.А. Самойло. Часть из них перешла с аналогичных должностей в административно-мобилизационном аппарате Военного министерства Российской империи. В циркуляре Самойло, разосланном 23 июля 1920 г. военкомам перечисленных выше округов, обращает на себя внимание специфическая лексика, более органичная самодержавной эпохе: «При обсуждении вопроса принять во внимание: 1) соображения политические, в силу которых милитаризация какой-либо группы ненадежного инородческого населения могла бы явиться опасной для государства; 2) условия географические и климатические, по которым привлечение той или иной группы населения к воинской повинности, не давая армии существенных выгод, сопряжено с огромными трудностями; 3) характерные физические и культурные свойства населения, в силу чего то или иное племя по своей дикости и физической слабости может оказаться совершенно непригодным для комплектования войск; 4) местные условия и обстоятельства, при которых общегосударственная польза, достигаемая временным освобождением какой-

[127] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 78.
[128] Там же. Л. 254—254 об.
[129] *Сиднев [А.Ф.]* Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 6. С. 69.
[130] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 274.

либо народности от воинской повинности, превышает невыгоды этой меры»[131].

Параллельно рассылке запросов были предприняты пробные мобилизации в некоторых местностях, где они не проводились никогда ранее, в частности в Калмыкии и в Туркестанском крае. Летом 1920 г. мобилизации граждан 1901—1885 гг. рождения последовательно проводились в Закаспийской, Самаркандской, Ферганской, Сырдарьинской, Семиреченской областях. Уже 22 августа в Туркестанском крае было зачислено в армию 28 296 мобилизованных, из которых 23 156 человек составляли лица коренных национальностей (в документах все они объединены под рубрикой «мусульмане»). К 1 ноября 1920 г. их число выросло до 29 499 человек (в войска было отправлено 25,6 тыс. человек)[132].

Одновременно продолжалось обсуждение самой возможности распространения воинской обязанности на восточные народы. В течение осени 1920 г. поступали ответы с мест. Большей частью они содержали отрицательные заключения. Так, Калмыцкий отдел при Наркомнаце ссылался на полную хозяйственную разруху Калмыцой степи и острую нехватку рабочих рук в связи с мобилизациями[133]. В ноябре 1920 г. Восточно-Сибирский окрвоенком сообщил, что развертывание призыва связано с «весьма серьезными затруднениями: дикость инородцев, незнание русского языка, заразные болезни, привычка к климату, инертность к восприятию социализма». Полагалось возможным призвать два молодых возраста оседлого населения и части кочевого (бурят, якутов, татар, тунгусов, карагасов[134], каченов и хакасов), но отсрочив призыв на полгода для проведения учета населения, его медицинского освидетельствования и политической подготовки.

В числе мотивов *в пользу* призыва называлась необходимость «успокоения русского населения», ожидавшего уравнивания народов в несении воинской повинности. Предлагалось для адаптации призванных первоначально содержать их в трудовых частях, в которых произвести отбор наиболее выносливых. Вообще, физической пригодности и физической выносливости окраинных народов к военной службе придавалось большое значение. Чтобы не оказывать шокирующего влияния на организм, предлагалось «призванных и принятых инородцев перемещать по параллели, а не в меридиональном направлении, так как это отзовется гибельно на их здоровье»[135]. В другой записке из того же округа отмечалось, что «инородцы Восточной Сибири (кроме бурят)... вследствие крайне низкой степени

---

[131] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 87.
[132] Там же. Д. 182. Л. 335.
[133] Там же. Д. 692. Л. 176.
[134] Карагасы — устаревшее наименование тюркоязычного народа Восточной Сибири тофаларов.
[135] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 254 об.

общего развития и усиления бродяжничества[136], являются неподготовленным и сырым материалом, требующим длительной обработки. В климатическом отношении веками приспособившись к определенным климатическим условиям, инородцы не могут безболезненно переносить перемену в климате, вызывающую в их среде массовые заболевания и смертность»[137].

Кроме сбора письменных мнений, Всероглавштаб 23 октября 1920 г. в Мобуправлении Всероглавштаба состоялось междуведомственное совещание по вопросу о призыве на военную службу инородцев Сибири под председательством начальника Мобупра Федорова. Высказанные участниками совещания аргументы против призыва значительно перевешивали мнение желавших начать его немедленно. Многие вспоминали недавний неудачный опыт самодержавия по привлечению инородцев Туркестанского края к трудовой повинности, приведший в 1916 г. к широкомасштабному восстанию. Представители всех ведомств (Наркомнаца, Наркомтруда, Политуправления РВСР, Центрального статистического управления) высказались за постепенный и индивидуальный подход к каждой народности, учет их социального и культурного развития, участие представителей народов и компетентных специалистов в решении о призыве, немедленную организацию воинского учета среди местного населения[138].

Между тем военно-стратегическая обстановка во второй половине 1920 г. коренным образом изменилась: осенью завершилась Советско-польская война, войска генерала П.Н. Врангеля были вытеснены в Крым и в ноябре окончательно разбиты. На Дальнем Востоке войска атамана Г.М. Семенова отступили в Маньчжурию. Весной 1920 г. советская власть была полностью восстановлена на Северном Кавказе. Красная армия вступила в Закавказье, установив советскую власть в большей части региона к концу 1920 г. Гражданская война близилась к завершению (собственно, современники датировали ее окончание именно 1920-м г.), и острая нужда в людских пополнениях миновала[139]. Уже в декабре 1920 г. на государственном уровне было принято принципиальное решение о начале поэтапного сокращения Красной армии. В 1920 г. интенсивность

[136] Имелся в виду кочевой образ жизни.

[137] РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 257.

[138] Там же. Л. 282—282 об.

[139] Исключение составил период острой фазы Советско-польской войны, в течение которой войска, действовавшие на западном направлении, испытывали острую нужду в пополнениях и вынуждены были прибегать к самоукомплектованиям. В конце июля 1920 г. была объявлена мобилизация сразу 12 возрастов (1901—1889 гг. рождения) во всех десяти занятых советскими войсками польских и белорусских губерниях. Насколько острой была нужда Красной армии в людях, свидетельствует тон распоряжения Всероглавштаба, требовавшего принять «особо экстренные меры» и мобилизовать «всех, за исключением явных калек». Призыв фактически не состоялся, поскольку к назначенной дате (20 августа 1920 г.) коренным образом изменилась стратегическая обстановка на фронте не в пользу советских войск, которые вскоре были разгромлены (Там же. Д. 1059. Л. 133).

мобилизаций существенно сократилась. В течение последнего года Гражданской войны было проведено несколько частных призывов в Сибири, на Украине, на Урале, Туркестане, давших около 700 тыс. человек (против 1975 тыс. человек в 1919 г.)[140]. В марте 1920 г. был объявлен призыв молодежи 1901 г. рождения, отложенный ранее, давший войскам 256 тыс. человек[141]. Это был последний всеобщий возрастной призыв в период Гражданской войны.

На этом фоне обсуждение вопроса о призыве нацменьшинств приобрело несколько «академический» оттенок. По крайней мере, теперь оно уже не требовало срочных решений. Фактически многомесячное обсуждение темы в течение 1920 г. ничем не закончилось, поскольку в 1921 г. призывы в армию уже не осуществлялись, а, напротив, шло быстрое сокращение армии.

Летом и осенью 1921 г. в ответ на новый запрос Совета Труда и Обороны обсуждение с «главными военными начальниками окраин Советской Республики» возобновилось. Соответствующим военкомам вновь были разосланы вопросники фактически с прежними формулировками, но с акцентом на возможность использовать трудовой ресурс *инородцев*. Предлагалось «точно выяснить совместно с представителями инородцев, кто из инородцев может быть привлечен к военповинности, а об остальных войти с ходатайством о замене военповинности трудповинностью»[142]. На этот раз обсуждение носило еще более отвлеченный характер, поскольку в этот период вообще прекратились всякие новые наборы в Красную армию, а сокращение войск шло быстрыми темпами.

В целом в восточных областях страны до окончания войны комплектование Красной армии нерусскими гражданами не вышло за рамки добровольческой парадигмы. Здесь не сложилось условий для обязательного призыва, минимум которых можно охарактеризовать совокупностью политической лояльности населения, наличием работоспособных органов местного военного управления и постановкой персонального воинского учета. Напротив, даже в конце 1920 г. Всероглавштаб не получил вообще никаких отчетных данных из ряда крупных национальных регионов о состоянии военного учета и о проводившихся мобилизациях. В конце октября 1920 г. Совет Всероглавштаба вынужден был направить в Туркестан инспекционно-инструкторскую комиссию Мобупра, которой было поручено выяснить состояние работы военно-учетных органов, определить, «проводились ли до настоящего времени на территории Туркестана мобилизации... чьим распоряжением, на какой территории, какие возрасты призывались и какие результаты дала мобилизация...», а также возможность и условия осуществления мобилизаций в ближайшем будущем[143].

---

140 *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 100, 215.
141 Там же. С. 216.
142 РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 570. Л. 101—103, 106.
143 Там же. Ф. 11. Оп. 8. Д. 1059. Л. 213.

* * *

Интересно, что именно в это время было проведено максимально возможно точное в тех условиях обследование личного состава Красной армии, однако никаких следов его практического использования современниками найти не удалось. Речь идет о первой переписи РККА, состоявшейся 28 августа 1920 г. Чрезвычайно затянувшийся сбор (до конца 1920 г.) и обработка результатов переписи на фоне быстрого сокращения армии очень скоро сделали их неактуальными для органов военного управления. Однако для историка Красной армии статистические сведения, отразившие социально-демографический и этнический состав Красной армии на третьем году ее существования, безусловно, представляют большой научный интерес.

В таблице 8 представлены совокупные данные по армии (2 841 883 человека или 99,5% всех переписанных военнослужащих) и флоту (43 528 человек или 1,5% переписанных военнослужащих)[144]. В таблице приведены данные 56 (из 132 перечисленных в переписи) наиболее многочисленных национальностей, представленных в рядах вооруженных сил.

Таблица 8

Данные о национальном составе РККА и РККФ по итогам переписи 28 августа

Наименование национальностей	Всего по Красной армии и флоту			
	абс. знач, чел.	Из них грамотных	в %	Из них грамотных в %
Всего личного состава	2 885 411	2 399 578	100	82,84
Великороссы (русские)	2 268 429	1 954 219	78,61	86,15
Украинцы	167 304	143 063	5,87	85,51
Белорусы	62 485	54 111	2,17	86,58
Татары	96 490	51 033	3,34	52,90
Башкиры	18 221	7565	0,64	41,52
Мордва	15 187	10 492	0,53	69,09

[144] Списочная численность Красной армии по состоянию на 1 сентября 1920 г. определялась в 3538 тыс. человек. Таким образом, данные переписи оказались ниже данных текущего учета на 16,5%. Недоучет образовался за счет следующих категорий: военнослужащие, проживавшие на частных квартирах и согласно инструкции ЦСУ охваченные проходившей одновременно гражданской переписью (около 280 тыс. человек); советские войска, интернированные Германией в Восточной Пруссии после их отступления из-под Варшавы (около 80 тыс. человек). За исключением этих двух категорий военнослужащих, общий недоучет, который можно отнести к браку переписи, составил 6,4% (Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 7 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 7).

Наименование национальностей	Всего по Красной армии и флоту			
	абс. знач, чел.	Из них грамотных	в %	Из них грамотных в %
Черемисы	9947	6950	0,35	69,87
Чуваши	29 036	21 370	1,02	73,60
Мещеряки	123	56	0,01	45,43
Вотяки	10 388	7017	0,35	67,55
Зыряне	3916	3133	0,14	80,01
Евреи	38 327	35 712	1,34	93,18
Финны	4667	3902	0,14	95,93
Пермяки[1]*	622	400	0,02	64,32
Армяне	5976	4477	0,21	74,92
Татары азербайджанские[2]*	1441	426	0,05	29,56
Грузины	748	653	0,03	87,30
Даргинцы	59	34	0,01	57,62
Евреи горские	53	41	0,01	77,36
Ингуши	116	49	0,01	42,24
Кабардинцы	419	85	0,02	20,27
Кумыки	150	93	0,01	62,0
Лаки	57	30	0,01	52,63
Лезгины	287	141	0,01	49,13
Ногайцы	59	18	0,01	30,51
Осетины	599	386	0,02	64,44
Черкесы	208	115	0,01	55,23
Чеченцы	494	96	0,02	19,43
Буряты	66	42	0,01	63,64
Калмыки	1671	314	0,06	18,79
Болгары	439	366	0,02	83,37
Итальянцы	121	119	0,01	98,35
Румыны	777	570	0,03	73,36
Сербы	967	748	0,03	77,35
Чехословаки	927	885	0,03	95,47
Словенцы	162	144	0,01	88,89
Греки	764	696	0,03	91,10
Немцы	19 899	17 757	0,70	89,24
Поляки	22 083	19 077	0,78	86,39
Венгры	5945	5459	0,21	91,83
Турки	856	241	0,03	28,15
Китайцы	2236	706	0,08	31,57
Литовцы	4904	4432	0,17	90,38
Латыши	16 603	15 977	0,58	96,23
Латгальцы	223	187	0,01	83,87
Эсты	5718	5541	0,2	96,90
Карелы	1236	956	0,04	77,35

Наименование национальностей	Всего по Красной армии и флоту			
	абс. знач, чел.	Из них грамотных	в %	Из них грамотных в %
Киргизы	354	39	0,01	11,02
Казаки-киргизы[3*]	9958	1593	0,35	16,0
Таджики	438	62	0,01	14,16
Туркмены	1203	110	0,04	4,14
Узбеки	2609	309	0,10	11,49
Сарты[4*]	6623	798	0,23	12,05
Молдаване	1314	812	0,05	61,80
Персы	1955	408	0,07	20,89
Остальные национальности	39 552	15 563	1,37	39,35

[1*] *Пермяки* — ныне коми-пермяки, народ финно-угорской языковой группы.
[2*] Имеются в виду азербайджанцы.
[3*] Так в источнике. Имеются в виду казахи.
[4*] Наименование части оседлого населения отдельных районов Средней Азии в XVIII — начале XX в. Этнически относились к узбекам и отчасти таджикам.

Составлено по: Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 61—65. (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 31—33).

Первое, что бросается в глаза, — это непомерно большой удельный вес русских военнослужащих (78,6% против 55,6% русских среди населения). Подавляющее преобладание русских в рядах Красной армии — это специфический феномен именно Гражданской войны. Результаты переписи подтверждают выдвинутый выше тезис о том, что ядро Советской России совпало с историческим ареалом великорусского этноса, в то время как нерусские окраины бывшей империи пришлось присоединять силой и их людские ресурсы были частично или полностью недоступны для комплектования Красной армии. За пределы великорусского этнического ареала Красная армия вышла только в конце Гражданской войны[145], когда снизилась интенсивность боевых действий и спала острота проблемы пополнений (напомним, в конце 1920 г. началась поэтапная демобилизация РККА). С этой точки зрения можно сказать, что Красная армия времен Гражданской войны была армией русской, причем этнически более гомогенной, чем даже Русская императорская армия в конце самодержавия.

С хозяйственно-экономической точки зрения высокое мобилизационное напряжение русского населения имело самое пагубное влияние, подорвав крестьянское хозяйство аграрных губерний Европейской России. Например, если во Владимирской губернии в мирное время в армию призывалось 7,3% трудоспособных мужчин,

[145] 1 декабря 1918 г. Главком Вацетис в докладе Реввоенсовету Республики сравнил ее территорию с «тесно великокняжеской Московией» (Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 130—131).

то в 1920 г. — 31,7%, в Тульской — соответственно 6,1% и 34,1%; в Костромской — 6,5% и 50,3%[146]. Для сравнения, в период Первой мировой войны нагрузка на русское крестьянское хозяйство в целом была еще выше[147], однако нужно принимать во внимание: война теперь пришла в саму русскую деревню, многократно усилив ее бедственное положение. Центральные губернии не только пребывали в состоянии хозяйственной разрухи, но и были опустошены с демографической точки зрения. Гражданская война усугубила громадные демографические потери великорусского этноса, особенно молодых возрастов, понесенные вследствие мировой войны (убитые, инвалиды войны, эмигранты).

Кроме великороссов еще шесть этносов были представлены в Красной армии относительно более многочисленными группами, чем среди населения: латыши, литовцы, эстонцы, поляки, черемисы (марийцы) и чуваши. Причем у первых трех этносов превышение было многократным. Это объясняется тем, что уроженцы Прибалтики, жившие на территории России, охотно записывались в Красную армию.

Представительство всех остальных этносов в РККА было ниже их удельного веса среди населения. Особенно примечательно, что в Красной армии в этот период насчитывалось лишь 5,9% украинцев, в то время как среди населения их удельный вес составлял 17,0%. Это прямое следствие перипетий Гражданской войны: советская власть на Украине достаточно укрепилась, чтобы развернуть мобилизации населения, лишь в 1920 г. К 28 августа 1920 г. мобилизации на Украине дали 192,6 тыс. человек, а в войска было отправлено 167,5 тыс. человек[148].

По тем же причинам, что и с украинцами, крайне незначительным было представительство народов Закавказья, Северного Кавказа, Сибири, Средней Азии[149].

---

146 РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

147 В перечисленных трех губерниях было взято в армию: во Владимирской — 46,3% трудоспособных мужчин, в Тульской — 48,5%, в Костромской — 49,0%, а всего по стране — 47,4% (Россия в Мировой войне... С. 21).

148 РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 182. Л. 281.

149 В литературе встречаются данные, существенно отличающиеся от материалов переписи. Так, К. Аманжолов в своей докторской диссертации приводит следующий состав Туркестанского фронта: по состоянию на 1 апреля 1920 г.: всего личного состава — 122 656 человек, из которых казахов-киргизов — 7727, узбеков — 6130, татар — 3678, прочих национальностей — 18 390 человек. На 1 мая 1920 г. в составе Туркестанского фронта было русских — 69,7%, казахов-киргизов — 6,3%, узбеков — 5,6%, татар — 3,3%, прочих — 15,1%. К середине 1920 г. Туркестанский фронт имел в своем составе: русских — 69,7%, казахов и киргизов — 6,9%, узбеков — 5,6%, татар — 3,3% и других национальностей — 14,5%, а к концу 1920 г. представители местных национальностей составляли в рядах Красной армии Туркестанского фронта уже 33% общего числа бойцов.

По данным переписи РККА, по Туркестану числилось киргизов и казахов — 6021, узбеков — 2258, туркмен — 1075, таджиков — 410. Кроме того, в полевых войсках: киргизов и казахов — 2265, узбеков — 420, туркмен — 67, таджиков —

Более отчетливо разбалансировка этнического состава армии с национальной структурой всего населения с начала XX в. видна в сводной таблице 9, отражающей национальный состав Русской императорской армии, Красной армии и населения с начала XX в. по 1920 г.

Таблица 9

Национальный состав Русской армии, Красной армии и населения с начала XX в. по 1920 г., в процентах

	Красная армия по переписи 1920 г.	Гражданское население по переписи 1920 г.	Русская армия в 1913 г.	Призывы 1904—1913 гг.	Население по переписи 1897 г. в границах 1920 г.
Великороссы, малороссы, белорусы	86,6	75,1	77,7	75,2	73,9
Поляки	0,8	0,5	8,7	6,7	0,6
Литовцы, жмудины и латыши	0,8	0,2	1,7	2,1	0,2
Немцы	0,7	0,8	1,3	1,4	1,0
Кавказские народности	0,1	3,3	2,1	1,1	2,8
Евреи	1,3	1,9	4,0	4,2	2,1
Финно-угорские и тюркские народы	3,8	11,0	Вместе —3,9	3,6	10,8
Татары	3,4	4,4		1,8	3,8
Башкиры	0,6	1,4		1,3	1,3
Прочие	1,9	1,4	0,6	2,6	3,5

Источник: Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 14 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 10 об).

Следует учитывать, что к этому времени нерусское население сократилось за счет отколовшихся от Советской России Финляндии, Польши и балтийских государств[150]. В частности, удельный вес по-

---

26 человек. А всего — 12 542 человека. Перепись определяет численность советских войск в Туркестане в 73 990 человек. Удельный вес местных национальностей (с учетом полевых войск) составлял 16,5%. (Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 52—53 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 42—43).

Выявленное противоречие можно попытаться объяснить тем, что фактически перепись в Туркестане удалось начать только 1 октября 1920 г.; само мероприятие из-за огромных расстояний и противодействия банд растянулось во времени. В ЦСУ материалы из Туркреспублики стали поступать только в конце декабря 1920 г. Очевидно, за это время произошло сокращение войск фронта и пропорционально ему — и численность представителей местных национальностей.

[150] РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 25 об.—27.

ляков сократился в 11 раз: с 8,56% в 1912 г. до 0,78% в 1920 г.; евреев — в 3 раза: с 4,04% до 1,34%; немцев — более чем в два раза: с 1,61% до 0,7%[151]. В целом представительство в армии «западных» народов (литовцев, латышей, немцев, поляков, евреев из западных губерний) сократилось с 16,15% в 1912 г. до 3,57% в 1920 г., то есть без малого в 4,5 раза![152]

В 1921 г., по мере того как советская власть укреплялась в национальных окраинах страны, существенно выросла в войсках доля украинцев, поскольку на Украине активно проводились мобилизации в РККА. Так, на 30 апреля 1921 г. на 446,4 тыс. военнослужащих, чья национальность была известна, русских числилось 77,6%, украинцев — 13,7%. По данным Центрального военно-статистического отдела Управделами РВСР, по состоянию на 1 августа 1921 г. на 928,9 тыс. личного состава (установлена была национальность 859 тыс. человек) приходилось 80,3% русских, 10,3% украинцев, 2,3% татар, 1,8% поляков, 1,3% евреев, 0,8% латышей, 0,5% немцев, 0,4% башкир и 3,1% представителей прочих народов[153].

Сравнивая систему комплектования, сложившуюся в годы Гражданской войны в Советской России, с аналогичной системой комплектования белых армий, следует отметить, что советская власть продвинулась в этом отношении значительно дальше, в целом сумев наладить достаточно стройный и непрерывный поток пополнений в действующую армию и включить в эту систему часть территорий с нерусским и неславянским населением. В белых армиях так и не было поставлено четкой системы военного учета и мобилизации, а также организации запасных частей для восполнения потерь. Всего за полтора года, с 11 сентября 1918 г. по 26 июня 1920 г., было осуществлено без малого *27 обязательных призывов* граждан в РККА по возрастам, социально-классовым и профессиональным категориям, давших армии 3 866 009 человек[154]. Большая заслуга в этом принадлежала налаживанию на местах, в том числе в освобожденных национальных районах, системы местных органов военного управления — военкоматов. Втягивание местного населения в военное строительство Советского государства выражалось не только в численности Красной армии, но и в увеличении запаса военнообязанных граждан. Если в августе 1919 г. по всем военным округам республики состояло на учете 3 395 619 человек[155], то к ноябрю 1920 г. эта цифра составила уже 7 638 649 человек[156]. Как и в начале Гражданской войны, ядро людских ресурсов составляли военные округа,

---

[151] Подсчитано по: Военно-статистический ежегодник Армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 374—375; РГВА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 7. Л. 2, 16.

[152] Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 7. Л. 2, 16.

[153] Там же. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 26.

[154] Там же. Ф. 7. Оп. 7. Д. 440. Л. 188, 216.

[155] Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 180. Л. 293—294.

[156] Подсчитано по: РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 733. Л. 29—31.

охватывавшие русские губернии, прежде всего Московский (Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Московская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская губернии) и Орловский (Брянская, Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губернии). Доля округов с нерусским населением также становилась значительной. Однако огромные национальне регионы еще очень слабо были втянуты в дело комплектования РККА и даже не подавали сведений о воинском учете населения (Туркестан, Закавказье, горские регионы Северного Кавказа).

* * *

Как показал анализ, ни коренное изменение государственного строя, ни окончание изнурившего страну цикла войн и революций принципиально не повлияли на этнический состав армии: она была и оставалась русско-славянской в своей основе. Две последних больших войны (Первая мировая и Гражданская) показали перенапряжение людских ресурсов западных и центральных регионов страны, населенных восточными славянами, прежде всего русскими. Исходя из интересов комплектования Красной армии, а также из идеологического постулата о равенстве всех народов, молодое Советское государство попыталось расширить круг призываемых в армию национальностей. Однако отсутствие исторической традиции военной службы у многих народов, а также развитие гражданского противостояния, предопределившее выход Красной армии в бывшие внутренние колонии Российской империи лишь в конце войны, не позволили решить проблему наскоком. Хотя в годы Гражданской войны во всех уголках страны на стороне большевиков воевало множество национальных частей, более или менее тесно ассоциированных с Красной армией, опора на них большевиков носила вынужденный характер. Подавляющее большинство национальных формирований Гражданской войны было распущено сразу же с ее окончанием, а работу по планомерной интеграции нерусских народов в военную организацию Советского государства предстояло начинать заново уже в мирную эпоху.

Глава 5
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В 1920-Х — СЕРЕДИНЕ 1940-Х ГГ.

5.1. Национальная политика в строительстве вооруженных сил в первой половине 1920-х гг.

В годы Гражданской войны 1918—1922 гг. национальные воинские формирования в составе РККА, так же как и многочисленные партизанские отряды, укомплектованные представителями различных национальностей, сыграли важную роль в отстаивании советской власти на окраинах бывшей Российской империи. По окончании гражданского противостояния большинство из них было упразднено в рамках общего многократного сокращения РККА. Однако вопрос о национальных формированиях вовсе не был снят с повестки дня, а, напротив, вышел на качественно новый уровень и приобрел особый политический смысл.

После окончания Гражданской войны решение национального вопроса, понимавшееся советской властью в необходимости общественно-политического и этнокультурного обустройства национальных окраин бывшей Российской империи, оказавших ей доверие, было краеугольным камнем развития молодого Советского государства. Окончание Гражданской войны ускорило объединительные тенденции, завершившиеся провозглашением в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. Обсуждение modus vivendi нового государства, в том числе его военной организации, происходило на XII съезде РКП(б) (17—25 апреля 1923 г.). Главной повесткой дня съезда стал национальный вопрос.

Изучение материалов XII съезда позволяет утверждать, что данный партийный форум фактически положил начало курсу государственной политики, получившей наименование *коренизация*. Его суть заключалась в том, что национальные кадры во всех сферах общественной жизни получали приоритет перед славянскими, объявленными в национальных регионах некоренными. Одновременно резко повышался статус местных языков. Строительство армии на новых началах на ближайшие годы стало одним из важнейших

аспектов воплощения в жизнь новой национальной политики *коренизации*.

Съезд подтвердил ленинский курс на добровольное и равноправное участие советских республик в государственном и культурном строительстве новой социалистической державы. Достижение этой цели было возможно лишь в результате преодоления «наследия царизма» — великорусского шовинизма и местного национализма. Этим явлениям в резолюции было уделено основное внимание. Причем первое из них считалось главным злом, а второе — производным от первого, «своеобразной формой обороны» нерусских народов, их реакцией на великорусские настроения со стороны вначале царских, а теперь и советских чиновников[1]. Возобладала ленинская позиция о том, что в условиях исторической несправедливости в отношении «инородцев» восстановить доверие к русской пролетарской власти нужно не просто учреждением национального равенства, но и предоставлением существенных уступок: «Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»[2]. По мнению Ленина, ввиду перспектив мировой революции особенно важно было завоевать авторитет среди «своих националов», поскольку на Советскую Россию смотрели «сотни миллионов народов Азии, которым предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем»[3].

На съезде Ленину оппонировал И.В. Сталин, выступивший 23 апреля с большим докладом «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве», а затем вернувшийся к национальному вопросу в заключительном слове к делегатам 25 апреля. Сталин ставил национальные проблемы меньшинств в зависимость от решения государственных задач. По его мнению, местные большевики слишком всерьез приняли «игру в независимость», предложенную слабым еще центром в 1917—1918 гг., и теперь «упорно требуют от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик»[4]. Сталин категорически предлагал Ленину прекратить «демонстрации либерализма Москвы», определив, что «во всем основном окраины, безусловно, должны подчиняться центру»[5]. «Кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение», — однознач-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Ч. 1. М., 1953. С. 435, 437.

[2] *Ленин В.И.* Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 45. Март 1922 — март 1923. М., 1964. С. 358.

[3] Там же. С. 360.

[4] ЦК ВКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1939 гг. М., 2005. С. 78.

[5] Там же.

но заявлял Сталин[6]. Такой взгляд был нацелен на политическую и культурную ассимиляцию национальных меньшинств.

В резолюции съезда по национальному вопросу содержалось положение о том, чтобы была «усилена воспитательная работа в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза и были предприняты *практические мероприятия по организации национальных войсковых частей* с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик»[7] (курсив мой. — *Авт.*).

Решения XII съезда РКП(б) по национальному вопросу требовали перехода от законодательного, декларативного равенства национальностей к его практической реализации. Военные вопросы, сформулированные в резолюции весьма общо, были развиты и конкретизированы на ближайших совещаниях руководящих партийных и военных работников. Так, в резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившего вскоре после окончания XII съезда РКП(б), в июне 1923 г., содержался раздел «О практических мерах по организации войсковых частей». В резолюции отмечалась «первостепенная» политическая функция нацформирований как для обороны страны, так и для возможного выступления против соседних государств. Среди приоритетных мер по организации нацформирований назывались подготовка и накопление национальных военных кадров комсостава[8].

Первая программа действий по решению национального вопроса в военном деле, основанная на установках XII съезда РКП(б), была принята III Всесоюзным совещанием политработников Красной армии и Красного флота, проходившим 21—26 октября 1923 г. Резолюция «Национальный вопрос и Красная армия» основывалась на констатации общего роста «всего советского строительства» в национальных регионах СССР. Красной армии в этом процессе отводилась ключевая роль в обеспечении идейной смычки в рамках армейского коллектива преимущественно русского пролетариата и преимущественно нерусского крестьянства. 25 пунктов, составивших резолюцию, были сгруппированы в несколько разделов, освещавших необходимые организационные мероприятия (подбор руководящих работников, знающих местные языки, и соответствующий пересмотр руководящих аппаратов воинских частей на местах, сосредоточение бойцов нерусских национальностей в едином подразделении, части), постановку воспитательной работы с населением, с рядовым, курсантским и начальствующим составом (обязательное изучение истории, культуры, быта и языков местного

---

[6] Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1923. С. 275.

[7] Там же. С. 441.

[8] КПСС в резолюциях... Ч. 1. С. 765—766.

нерусского населения, упрощение и адаптация содержания политико-пропагандистской работы в соответствии с культурно-образовательным уровнем нерусских военнослужащих и населения, развертывание антирелигиозной пропаганды); работу с нерусским красноармейским составом (снабжение уставной и учебной литературой на родных языках, обучение грамоте на родном языке, обеспечение национальных культурно-бытовых условий несения службы, введение особой формы одежды), развитие национальных частей (организация сети национальных военных школ, организация материально-финансового обеспечения национальных формирований, выработка условий и форм несения нерусскими народами военной службы)[9].

В этот период многие советские и партийные работники в национальных регионах склонны были толковать формирование национальных частей как свое *имманентное право* и одновременно — как *обязанность* союзных властей. Уже спустя три месяца после окончания съезда начальник Политуправления РВС СССР В.А. Антонов-Овсеенко вынужден был разослать в округа циркулярное письмо, в котором указывал, что «местные гражданские работники, часто не сознавая всей сложности этого вопроса, выдвигали перед командованием и Политуправлением совершенно неосуществимые в данный момент требования [о формировании национальных частей], которые, в конечном счете, могли бы не только подорвать обороноспособность Республики, но и скомпрометировать само дело национальных формирований»[10].

Кроме того, руководство страны опасалось, что национальные формирования могут послужить благодатной почвой для вызревания местного сепаратизма. Так, по данным М.В. Фрунзе, «у некоторых товарищей на местах» уже «имеются тенденции к превращению национальных формирований в ядро национальных армий»[11].

Эти опасения имели под собой почву. Изучение документов показало, что среди мотивов, стимулировавших национальные регионы к развитию национальных формирований в первой половине 1920-х гг., важное место занимало престижное соперничество между советскими и партийными национальными элитами, особенно между соседями. Наличие собственных национальных войск трактовалось ими как атрибут социальной и государственной состоятельности этноса, а их отсутствие, напротив, как признак отсталости, политической незрелости. В этот период давление на органы военного управления со стороны руководства национальных регионов было очень значительным. Об этом как о факторе, стимулировавшем национальное строительство, прямо говорил наркомвоенмор

---

[9] Всеармейские совещания политработников: 1918—1940 (Резолюции). М., 1984. С. 86—90.

[10] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 324. Л. 89—90.

[11] *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2. 1924 г. М., 1926. С. 191.

М.В. Фрунзе[12]. В. Катуков, участник создания национальных частей в Казахстане в 1920-х гг., свидетельствовал о желании местных ответственных работников «как можно скорее и как можно больше насоздать казахских частей, не отстать от прочих национальных республик...»[13]. В Чечне, в свою очередь, формирование в 1925 г. Чеченского кавалерийского взвода трактовалось как создание ядра чеченской национальной армии. В Ленинском уголке в расположении взвода висел свидетельствующий об этом плакат, полученный от Чеченского ЦИКа: «Национальная Красная армия — залог становления Чечни»[14]. Подобные примеры выявлены и в других национальных регионах — Калмыкии, Дагестане, Узбекистане и т. д. Оценивая возникновение национальных армий на заре существования Советского государства, французский историк Э. Каррер д'Анкосс справедливо отмечала: «В слаборазвитых странах, не имеющих пролетариата, кадры должна поставлять армия, причем армия сильная, иерархическая, политизированная — армия, которая воплощает еще смутное национальное самосознание и служит питомником для национальных кадров»[15]. Именно этот, неконтролируемый рост местных кадров воспринимался в центре как политическая опасность.

Однако в целом руководство страны в начале 1920-х гг. было позитивно настроено в отношении перспектив национальных формирований. 29 августа 1923 г. Реввоенсовет Республики был преобразован в Реввоенсовет СССР. Состав Реввоенсовета существенно расширился (с 6 до 13 членов) за счет представителей вошедших в состав нового государства союзных республик. С конца августа 1923 г. в состав РВС СССР входили: Л.Д. Троцкий (председатель), Э.М. Склянский (заместитель председателя), С.С. Каменев, В.А. Антонов-Овсеенко, С.С. Данилов, С.М. Буденный, В.А. Богуцкий, И.С. Уншлихт, А.П. Розенгольц, И. Хыдыралиев, Ш.З. Элиава, А.Ф. Мясников и Г.С. Везиров. Четверо последних представляли Среднюю Азию, Грузию, Армению и Азербайджан соответственно. 5 марта 1924 г. решением Военной комиссии Пленума ЦК РКП(б) Г.С. Везиров был заменен К. Караевым, а представителем от Северного Кавказа был назначен Г.К. Орджоникидзе[16]. Таким образом, крупнейшие национальные регионы страны получили свое представительство в РВС СССР и имели возможность напрямую участвовать в дальнейшем планировании и реализации программы строительства национальных частей в составе Красной армии.

---

[12] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.

[13] *Катуков В.* Национальное военное строительство в Казахстане. Алма-Ата, 1930. С. 14.

[14] РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 237. Л. 84 об.

[15] *Каррер д'Анкосс Э.* Расколотая империя: Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982. С. 194.

[16] Красная армия в 1920-е годы. С. 102.

С 1923 г. и до конца 1927 г. проблемы национальных воинских формирований неоднократно обсуждались на заседаниях высших партийных и военных органов. На заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) (с 1925 г. — ЦК ВКП(б) вопросы национальных формирований специально рассматривались трижды (два раза — в 1923 г. и один раз — в 1925 г.); на заседаниях Реввоенсовета Республики (СССР) — 19 раз (пять раз — в 1923 г., тринадцать — в 1924 г., один раз — в 1927 г.)[17]. Приказами РВСР (РВС СССР) 1924—1928 гг. в основном утверждались штаты национальных частей, соединений и военно-учебных заведений (в 1924 г. — три приказа, в 1925 г. — семь, в 1926 г. — пять, в 1927 и 1928 гг. — по одному). В дальнейшем, напротив, согласно ежегодным тематическим справочникам к протоколам заседаний РВС СССР за 1928—1934 гг., вопросы национального строительства ни разу не выносились на рассмотрение высшего коллегиального органа военного управления[18]. Итак, пик интереса руководства страны к национальному аспекту строительства вооруженных сил пришелся на первую половину и середину 1920-х гг., в дальнейшем же он быстро угасает, причины чего рассмотрены ниже.

Если говорить о персональных позициях большевистских вождей, то наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий в первые годы после окончания войны не раз высказывал озабоченность взаимоотношениями частей Красной армии, стоявшими гарнизонами на окраинах страны, с местным населением, «не забывшим старых обид» и воспринимающим Красную армию как армию *русскую*[19]. Троцкого заботил вопрос о позиционировании РККА в регионах, населенных нерусскими народами. По его мысли, Красная армия не должна была уподобиться армии колониальной, как это было в дореволюционный период. Для этого необходимо было лучше узнать местное население, его историю, проникнуться идеями подлинного равенства и братства[20]. Стратегической целью такого сотрудничества (когда «должна исчезнуть и тень противоречия между нашей национальной программой и нашей практикой») будет ситуация, «когда великорусский пролетариат делает все, что может, для того чтобы помочь более отсталым национальным элементам Союза принять сознательное и самостоятельное участие в строительстве Красной Армии, — дабы они могли защищать себя, прежде всего, собственными силами»[21].

Исходя из такого посыла Л.Д. Троцкий выступал за «постепенность» в вопросе вовлечения нерусского населения в военное строительство.

---

[17] Подсчитано по: Реформа в Красной армии. Т. 2. С. 344—418; РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 25. Л. 28 об.; Д. 26. Л. 13.

[18] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 27—33.

[19] Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40. Также см. статью: *Троцкий Л.Д.* Воспитание молодежи и национальный вопрос // Правда. 1923. 1 мая.

[20] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40.

[21] Правда. 1923. 1 мая.

По итогам XII съезда партии 9 мая 1923 г. он разослал членам РВСР и начальнику Политуправления РВС СССР В.А. Антонову-Овсеенко письмо, в котором изложил свои соображения о национальных формированиях. Он считал, что в дальнейшем «этот вопрос будет играть все возрастающую роль». Однако, по его мнению, здесь была возможна ошибка: «Забежать вперед, т. е. попытаться наспех импровизировать национальные части, не имея для этого необходимых личных и импровизационных предпосылок»[22]. Троцкий обоснованно склонялся к принципу постепенности, считая, что в разных частях Советского Союза этот вопрос должен решаться по-разному — в зависимости от массы существенных обстоятельств: состояния вооруженных сил в данной республике, наличия военных кадров, отношения населения к военной повинности в прошлом, степени его советизации, уровня образования и культуры и т. д.[23]

Более решительно высказывался политический оппонент Троцкого И.В. Сталин, занимавший в начале 1920-х гг. важнейшие партийные посты члена Политбюро ЦК РКП(б), Генерального секретаря ЦК РКП(б), должность наркома по делам национальностей в Совете Народных Комиссаров (до 1923 г.) и ряд других позиций. Непосредственно участвуя в решении вопросов, связанных с национальной политикой, Сталин принципиально поддерживал строительство национальных воинских формирований. В частности, в июне 1923 г. он заявлял, что «начать это дело и двигать его дальше абсолютно необходимо»[24]. В его понимании армии отводилась важная роль «сборного пункта рабочих и крестьян» разных «губерний и культур», которые, сходясь вместе в армейской казарме, «выковывают свою политическую мысль»[25]. В этом контексте армия представлялась Сталину одним из институтов коммунистического воспитания для масс нерусского населения: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятной для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт нерусских национальностей»[26].

Мощный теоретический толчок и конкретное воплощение программа строительства национальных частей получила с выдвижением на первые роли в военном ведомстве М.В. Фрунзе, хотя определенные шаги в этом направлении были сделаны при наркомвоенморе Л.Д. Троцком. С начала 1924 г. и особенно после XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) Л.Д. Троцкий стал быстро терять политические и аппаратные позиции. В свою очередь, с марта 1924 г. М.В. Фрунзе занимал

---

[22] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 197. Л. 1.

[23] Там же.

[24] Тайны национальной политики ЦК РКП(б)... С. 103.

[25] ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б)... С. 329.

[26] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. М., 1947. С. 240—241.

пост заместителя председателя РВС СССР и заместителя наркомвоенмора, с апреля 1924 г. — также начальника Штаба РККА, а с января 1925 г. — председателя РВС СССР и наркомвоенмора.

Фрунзе высказывал убеждение в том, что «все нации нашего Союза, все интересы этих национальностей... должны быть учтены в деле военного строительства; все национальности нашего Союза в деле обороны совершенно равноправны»[27]. Вплоть до своей безвременной кончины 31 октября 1925 г. Фрунзе формулировал и наполнял конкретным содержанием замыслы о национальных формированиях и развертывании призыва среди народов СССР.

М.В. Фрунзе касался национального вопроса во многих своих выступлениях этого периода. 17 ноября 1924 г. на совещании начпурокров, начпуфлотов, военкомдивов и начподивов Фрунзе определил место национальных формирований в структуре Красной армии, каким он его видел в обозримом будущем: «Национальные контингенты займут в Красной армии очень видное место и будут заметно влиять на ее общую боеспособность... Национальные формирования для нас — не пустая забава, не игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов Союза. Это — серьезная задача, вытекающая из всего характера нашего государства... Строить армию иначе мы не можем»[28]. Многочисленные в перспективе контингенты военнообязанных нерусской национальности он расценивал как «источник дополнительной мощи» Красной армии. Выступая перед слушателями Военной академии РККА 20 декабря 1924 г., Фрунзе определял национальные формирования как своего рода материальное олицетворение национальной политики государства и мост между народами (не только советскими), способный «связать теснейшим образом эти бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них — связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза»[29].

Ввиду перспектив дальнейшего развития мировой революции, в том виде, как их в первой половине 1920-х гг. оценивало советское руководство, Фрунзе считал необходимым «центр тяжести в деле национального военного строительства перенести на Туркестан»[30]. Среднеазиатский регион, в котором Фрунзе много лет работал и жил, по его мнению, был важен как территория, лежавшая на перекрестье путей между Европой, Индией и Китаем. Поэтому «Туркестан будет иметь колоссальное значение с точки зрения закрепления всех позиций: и советско-союзной, и наших позиций на Востоке»[31].

---

[27] РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.

[28] *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 140.

[29] Там же. С. 190.

[30] Под Туркестаном в тот период понимались Узбекская ССР с Таджикской автономной областью, Туркменская ССР, Кара-Киргизская и Кара-Калпакская автономные области.

[31] *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 190.

Анализ статей и речей М.В. Фрунзе позволяет сделать вывод о том, что, обосновывая необходимость того или иного национального воинского формирования, он исходил как из соображений дальнейшей борьбы Советского Союза за выживание в недружественном окружении, так и из оценки перспектив новой волны советизации сопредельных Советскому Союзу стран. Например, в Армении, которая являлась приграничным регионом СССР и которой предстояло в случае войны с Турцией «выдержать первый напор врага», несмотря на относительно незначительные мобилизационные ресурсы армянского народа, он предлагал содержать одну дивизию в составе двух кадровых и одного территориального полка вместо одного кадрового и двух территориальных, уже существовавших на тот момент. В Бурят-Монгольской АССР, также «небольшой по своему населению», но имевшей «колоссальное значение» в связи с близостью родственной ей по языку и «полукрасной» по политическим настроениям Монголии, Фрунзе полагал необходимым содержать кавалерийскую бригаду, желательно кадровую, и т. п. Не случайно, ратуя за первоочередное создание нацформирований на окраинах страны, М.В. Фрунзе в то же время не находил «той важности этой работы» в отношении «внутренних» и политически лояльных советской власти народов, например для поволжских татар[32].

Важно подчеркнуть, что политическая целесообразность содержания нацформирований в том или ином регионе отодвигала на второй план вопросы, связанные с возможными трудностями их комплектования командным и рядовым составом, организации их боевой подготовки и применения в бою, доукомплектования национальным контингентом в боевой обстановке и т. д. Допускалась возможность временного «ущерба для обороноспособности Советского Союза»[33] в связи с более низкой на первых порах боеспособностью нацформирований по сравнению с *номерными* (то есть обычными, имевшими общий порядковый номер вместо этнонима) частями РККА. Однако их целевое предназначение в тот период виделось иным. 29 декабря 1924 г. М.В. Фрунзе замечал: «Переброска... на театр военных действий национальных дивизий, расположенных на окраинах, противоречила бы упомянутому выше их *предназначению* (курсив мой. — *Авт.*). Кроме того, оперативное использование этих дивизий, как вполне заменяющих *номерные* части, представляется мыслимым лишь по истечении довольно длительного промежутка времени, когда идея обязательной военной службы и необходимость защиты СССР в целом будут надлежащим образом восприняты населением, в армии никогда не служившим»[34].

---

[32] *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 191.

[33] ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б)... С. 320.

[34] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 27 об.

Анализ источников показал, что политические планы в отношении нацформирований, продвигаемые Фрунзе, в первой половине 1920-х гг. витали в воздухе и считались многим партийным и военным лидерам страны очевидными. В период Гражданской войны мессианскую функцию примеряла на себя Центральная мусульманская военная коллегия: «Перед нами лежит громадная задача освобождения миллионов угнетенных зарубежных братьев-мусульман, как то: Туркестана, Афганистана, Индии, Персии и т. д., томящихся под игом иностранного капитала, и священная обязанность передового пролетариата мусульман заключается в том, чтобы забросить факел революции в эти страны...»[35] В мирное время эти идеи продолжали будоражить воображение партийных работников, связанных с Востоком. В резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. содержалось положение о национальных частях как «в смысле обороны со стороны Турции, Афганистана, Польши и т. д.», так «и в смысле возможного *вынужденного выступления Союза [Советских Социалистических] Республик против соседних государств* (выделено мной. — *Авт.*)»[36]. В контексте господствовавших в советском руководстве в тот период надежд на скорую мировую революцию национальным формированиям отводилась важная роль застрельщиков и проводников международного коммунистического движения.

Нельзя не отметить, что в 1920-х гг. вся армия была поставлена на алтарь считавшейся близкой мировой революции. Молодое Советское государство не только готовилось к обороне едва ли не по всему периметру своих границ, но и могло, если бы на то была политическая воля руководства страны, вооруженной силой поддержать революционные выступления в других странах. Например, вполне реальным представлялось выступление советских войск в поддержку германского пролетариата осенью 1923 г. Боеспособность Красной армии учитывалась тогда в последнюю очередь. По образному выражению И.В. Сталина, вспоминавшего позднее тот период, «если бы бог нам не помог... и нам пришлось бы впутаться в войну, нас распушили бы в пух и прах»[37].

В этом контексте заостренность внешнеполитической функции нацформирований в первой половине 1920-х гг. не является их уникальной чертой. К мировой революции готовилась вся РККА, а ее национальный сегмент считался удобным инструментом на тех направлениях борьбы, где этноязыковой состав советских войск и сопредельных народов, намеченных к советизации, был бы близок.

Для объяснения дальнейшей эволюции национальных формирований важно подчеркнуть то обстоятельство, что в межвоенный период в структуре РККА так и не сложилось специального органа

[35] РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 93. Л. 54.
[36] Тайны национальной политики ЦК РКП(б)... С. 279.
[37] Красная армия в 1920-е годы. С. 80.

руководства развитием национальных формирований. В период Гражданской войны эту работу, но только в тюркоязычной мусульманской среде, координировала Центральная мусульманская военная комиссия, преобразованная в 1921 г. в Восточный отдел при Политуправлении РВСР, вскоре, однако, расформированный.

После XII съезда РКП(б), когда развитие нацформирований получило новый политический толчок, основную роль в их планировании играл Штаб РККА. На 1924 г. пришлось наиболее интенсивное обсуждение различных аспектов программы нацформирований на заседаниях Реввоенсовета СССР. С докладами и сообщениями по этому вопросу четырежды выступал начальник Штаба РККА П.П. Лебедев и дважды — начальник Организационно-мобилизационного управления Штаба РККА С.И. Венцов. В 1923—1924 гг. в Штабе РККА существовала штатная должность помощника начальника Организационного управления по национальным формированиям. Первоначально ее занимал откомандированный слушатель Военной академии РККА татарский большевик Х.Б. Мавлютов, который в одной из аттестаций характеризовался «знатоком Среднего Востока», имевшим «склонность к научно-исследовательской работе»[38]. После приема Мавлютова на Восточное отделение Военной академии его сменил М.П. Захаров. В дальнейшем, с образованием в 1925 г. Главного управления РККА[39], в ведении которого сосредоточились все нити повседневной жизни армии, организационные и мобилизационные вопросы, забота о нацформированиях легла и на его плечи.

В начале 1925 г. в составе Управления устройства войск Главного управления РККА был организован 6-й отдел (национальных формирований), в составе которого несли службу... три человека, включая его начальника, упомянутого М.П. Захарова[40]. Отдел просуществовал до 1926 г.[41], не оставив от своей деятельности практически никаких следов, если не считать ряда весьма ценных публикаций на военно-национальную тему самого Захарова[42]. Фактически это была единственная попытка создать в центральном аппарате

---

[38] *Гришин Я., Сайфутдин М.* «Волевой командир с твердым характером» (Х.Б. Мавлютов) // Эхо веков. 2011. № 3/4. С. 35.

[39] В ноябре 1934 г. ГУ РККА переформировано в Административно-мобилизационное управление (АМУ) РККА; в октябре 1939 г. АМУ РККА вновь переформировано в ГУ РККА; в июле 1940 г. ГУ РККА расформировано, а его функции переданы Генеральному штабу РККА.

[40] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

[41] Там же. Д. 766. Л. 95—96.

[42] *Захаров М.* Национальное строительство в Красной армии. М., 1927; *Он же*. Национальные формирования и их организация // Военный вестник. 1925. № 19. 23 мая. С. 5—8; *Он же*. Особенности обучения и быта в национальных частях // Военный вестник. 1925. № 22. 13 июня. С. 9—12; *Он же*. Третий Съезд Советов СССР о национальном строительстве в Красной армии // Военный вестник. 1924. № 39. 25 октября. С. 5—7; *Он же*. Царское правительство и военная служба горцев и народов Средней Азии // Военный вестник. 1925. № 20. 30 мая. С. 8—11.

военного ведомства координирующий развитие национальных формирований орган.

О «крайних неудобствах» сложившейся ситуации, главным среди которых было «отсутствие войскового штаба, объединяющего деятельность национальных частей», весной 1925 г. начальнику Штаба РККА С.С. Каменеву сообщал председатель СНК Узбекской ССР Ф.Г. Ходжаев[43]. При Реввоенсовете Туркестанского фронта в инициативном порядке был создан и в середине 1920-х гг. функционировал отдел нацформирований, штат которого насчитывал 10 работников[44].

С преждевременной смертью большого энтузиаста нацформирований М.В. Фрунзе процесс их институционализации замедлился. Национальный сегмент РККА продолжал развиваться в русле общегосударственного курса на *коренизацию*. Отметим, что и сама *коренизация,* охватившая широкие массы во всех национальных окраинах, также не получила общего руководящего органа, а элементы управления коренизационной политикой были распределены между несколькими центральными ведомствами[45], что роднит ее с нацформированиями. Национальные формирования до момента их упразднения в 1938 г. так и остались в промежуточном, «беспризорном» состоянии.

5.2. Национализация частей Красной армии и реализация пятилетней программы развития национальных формирований (вторая половина 1920-х гг.)

Решения XII съезда РКП(б) дали толчок не только дискуссиям вокруг национальных воинских формирований, но и непосредственному созданию или переформированию национальных частей из *номерных*, еще до утверждения официальной программы нацформирований. Три соединения Кавказской Краснознаменной армии (ККА) — Армянская, Азербайджанская и Грузинская стрелковые дивизии — существовали фактически со времени установления советской власти в Закавказье в 1920—1921 гг.[46] Они же стали первы-

---

[43] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 118. Л. 155.

[44] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1039. Л. 10.

[45] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР: 1923—1939. М., 2011. С. 192.

[46] После установления советской власти в Закавказье (последней в марте 1921 г. пала меньшевистская Грузия) местные вооруженные силы некоторое время содержались в форме национальных красных армий. В Азербайджанской Красной армии состояло 6949 человек, в Армянской — 5690 человек, в Грузинской — 5679 человек, всего — 18 318 человек, имевших на вооружении, кроме личного оружия, 464 пулемета, 64 орудия, 25 аэропланов, 6 бронепоездов, 4 бронемашины и 2 танка (*Аманжолов К.* Указ. соч. С. 34—35).

ми национальными соединениями РККА послевоенной формации и к октябрю 1923 г. насчитывали в своем составе до 8 тыс. человек[47]. В июне и июле 1923 г. Реввоенсоветом СССР были приняты решения о «проведении предварительных мероприятий» для развертывания нацформирований в Туркестане, Дагестане и дальнейшем развитии нацформирований в ЗСФСР[48]. Осенью 1923 г. 2-я Тульская территориальная стрелковая дивизия решением РВС СССР была переименована во 2-ю Белорусскую территориальную; началась ее *белорусизация* (приказ РВС СССР № 2653)[49]. 3 марта 1924 г. решением Президиума РВС СССР норма численности нацдивизий ККА была увеличена в полтора раза — до 12 тыс. человек; формируется 2-я грузинская стрелковая дивизия[50]. *Украинизация* четырех дивизий на территории Украины была запущена весной 1924 г.[51] Формируется несколько национальных военных школ. В течение 1924 г. различные конкретные вопросы национальных формирований еще 13 раз рассматривались на заседаниях РВС СССР.

К окончанию 1924 г. национальные воинские части имелись в Закавказье, на Украине, в Белоруссии, Дагестане, Якутии, Крыму, Хорезме и Бухаре[52]. В духе разворачивавшейся *коренизации* представлялось, что национальные формирования могут и должны охватить все вооруженные силы, где только встречаются нерусские военнослужащие. Например, в декабре 1923 г. на Политбюро ЦК РКП(б) обсуждался вопрос об увеличении ассигнований военно-морскому ведомству для организации нацчастей[53].

Однако первоначально формирование нацчастей велось без общего плана. Как справедливо отмечал М.В. Фрунзе, вплоть до конца 1924 г. работа по национальным формированиям «производилась от случая к случаю, в зависимости от давления с мест, не имея ни твердых основ, ни явно выраженного перспективного плана»[54]. По его словам, «создание национальных формирований шло, главным образом, по инициативе низов (командования округов и правительств отдельных национальных республик)»[55]. По мнению Фрунзе,

---

[47] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 38. Л. 108.

[48] Там же. Ф. 7. Оп. 7. Д. 707. Л. 3. Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 367.

[49] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 38. Л. 108.

[50] Там же. Л. 108 об.

[51] Там же.

[52] ЗСФСР: 1-я и 2-я грузинские, Азербайджанская, Армянская стрелковые дивизии; Бухарская ССР: отдельный стрелковый батальон, отдельный кавалерийский дивизион, отдельная вьючно-конно-горная батарея; Хорезмская ССР: отдельный эскадрон, отдельная стрелковая рота; Украинская ССР: четыре территориальные дивизии; Белорусская ССР: 2-я белорусская территориальная дивизия; Дагестанская АССР: отдельный эскадрон; Якутская АССР: отдельная стрелковая рота и кавалерийский взвод при ней; Крымская АССР: отдельная стрелковая рота (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 276).

[53] Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 349.

[54] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.

[55] Там же. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.

первые шаги, сделанные в области национального военного строительства, не решали вопроса подготовки резервов из национальных кадров: «Эти национальные формирования охватывают далеко не все республики, а в пределах отдельных республик — не все могущее быть привлеченным к военной службе, население»[56].

Поворотным в судьбе национальных формирований стал Пленум РВС СССР, проходивший в конце ноября — начале декабря 1924 г. 28 ноября на Пленуме был заслушан большой доклад заместителя наркомвоенмора М.В. Фрунзе «О национальных формированиях», подготовленный на основе проекта Политического управления РККА, уже обсужденного на III Всесоюзном совещании политработников РККА и РККФ в октябре 1923 г.[57] 3 марта 1924 г. проект программы был рассмотрен на заседании РВС СССР. Столь длительное согласование программы было связано с необходимостью дополнительных ассигнований военному ведомству, согласование которых в связи с тяжелым финансовым положением государства происходило трудно. В основу предложенной Фрунзе на Пленуме концепции легли тезисы о полном равноправии народов СССР, учете интересов всех этносов в деле строительства национальных формирований и постепенном переносе центра тяжести в комплектовании войск на неславянские контингенты граждан[58].

В целях сохранения единообразия РККА, М.В. Фрунзе в своем докладе высказался против особых организационно-штатных форм для воинских частей народов СССР, ведь новые национальные формирования должны «обслуживать» не только свои республики[59]. В то же время он не поддержал идеи немедленного всеобщего обязательного призыва в восточных и кавказских республиках, высказавшись за постепенное привлечение окраинных народов в армию через добровольчество, которое к тому же необходимо было материально стимулировать. «Другого пути у нас нет», — заключил Фрунзе. На особом положении были Украинская и Белорусская ССР: здесь уже шла постепенная и довольно безболезненная национализация расположенных на территории этих республик частей[60]. Фрунзе призывал к каждому народу подходить индивидуально, по возможности учитывая их языковые и культурно-бытовые особенности в питании, одежде, организации быта и досуга, духовной жизни[61].

Вскоре после пленума под руководством Фрунзе совместно Политуправлением и Штабом РККА[62] была выработана *пятилетняя*

---

[56] РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.
[57] Там же. Л. 269.
[58] Там же. Д. 531. Л. 82 об.—83.
[59] Там же.
[60] Там же. Л. 84 об.—85.
[61] Там же. Д. 54. Л. 281.
[62] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 269.

программа формирования национальных частей[63]. 5 февраля 1925 г. она была утверждена совместным решением Политбюро ЦК РКП(б) и СНК СССР[64]. А в мае 1925 г. III съезд Советов в своей резолюции по докладу М.В. Фрунзе о Красной армии[65] поручил ЦИК и СНК обеспечить ее выполнение[66]. В резолюции съезда, в частности, говорилось: «Съезд с особым удовлетворением отмечает создание национальных формирований на Востоке, являющееся фактором национального и культурного роста угнетенных в прошлом народов и соответствующее установлению межнационального мира». В то же время съезд призвал военное руководство к «строгой постепенности», воспитанию командных кадров и формированию у нерусских народов привычки к военной службе, «дабы вновь создаваемые части по своей боеспособности не отставали от существующих частей РККА»[67].

Пятилетняя программа нацформирований должна была придать строительству нацчастей систематичность, единообразие и целеустремленность, чего не наблюдалось доныне. Применительно к каждому конкретному народу программа, по определению начальника Управления устройства и службы войск ГУ РККА Я.Я. Алксниса, строилась на пяти принципиальных положениях:

— соответствии плана экономическим возможностям государства (прежде всего, бюджета военного ведомства);

— учете численности населения того или иного национального региона, намеченного к проведению национальных формирований;

— наличии национальных кадров командного состава;

— учете «природных качеств и способностей каждой национальности» (например, традиционная любовь к коню, условия жизни в горной местности);

— историческом опыте (или отсутствии такового) призыва в армию у того или иного народа[68].

Последнее качество представлялось военному руководству самым важным. Призыв на основе воинской обязанности являлся и условием, и конечной целью программы. Все национальности в программе были разделены на те, которые раньше проходили военную службу в Русской императорской армии и в РККА (украинцы, белорусы, татары, башкиры, чуваши, народы Закавказья), и таковой никогда не проходившие (узбеки, туркмены, буряты, киргизы, народы Северного Кавказа). Вне категорий стояли «наиболее развитые народы», как правило глубоко интегрированные в русскоязычную

---

63 Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 696. Примеч. 102.

64 Там же. Кн. 2. С. 352.

65 *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 3. 1925 г. М.; Л., 1927. С. 231.

66 РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 7.

67 Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик... С. 92—93.

68 РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1.

культурную среду и общественную жизнь (народы Балтии, поляки, евреи, немцы), которыми намечалось комплектовать воинские части на общих основаниях, не выделяя их в отдельные национальные группы.

В дальнейшем, уже в ходе реализации программы в 1925 г., нацчасти были условно разбиты на три подгруппы: «А», «Б» и «В». Подгруппа «А» — это части, формировавшиеся за счет «дополнительных отпусков» (то есть дополнительных бюджетных ассигнований) на национальные формирования (грузинские, армянские, азербайджанские). В подгруппу «Б» были включены части, формировавшиеся в счет общей нормы численности Красной армии путем преобразования из существующих *номерных* частей (украинские, белорусские, татарские). Национальные части из подгрупп «А» и «Б» комплектовались на общих для всей Красной армии основаниях. В отношении категории воинских частей, отнесенной к группе «В» (среднеазиатские, северокавказские), напротив, требовалась «наибольшая постепенность»: тщательная допризывная подготовка, первичная организация воинского учета местными органами военного управления и широкая агитационно-разъяснительная работа с населением с целью «постепенного внедрения в умы населения мысли о необходимости обязательной военной службы»[69]. Для таких народов на первых порах считалось достаточным иметь небольшую «показательную часть», укомплектованную добровольцами[70]. Срок службы им предлагалось увеличить до трех-четырех лет. В основном прием в армию в этих местностях происходил впервые и иногда вызывал резкое противодействие среди населения, как, например, в Узбекской ССР, где отмечалось массовое уклонение от военной службы.

Согласно пятилетней программе, рассчитанной до 1929/1930 бюджетного года (то есть до 1 октября 1929 г.), должны были быть созданы следующие войсковые национальные формирования:

— в Узбекской ССР (вместе с Таджикской АССР) — корпус в составе одной стрелковой и одной кавалерийской кадровых дивизий;

— в Туркменской ССР — одна кадровая кавалерийская дивизия;

— в ЗСФСР — доведение до штатной нормы уже существовавших дивизий: двух грузинских стрелковых (одна кадровая с кавалерийским полком, одна территориальная), армянской стрелковой (кадровая, с кавалерийским полком), азербайджанской стрелковой (территориальная);

— на Северном Кавказе — один территориальный кавалерийский полк из горских национальностей;

— в Киргизской АССР[71] — одна территориальная кавалерийская дивизия;

---

[69] РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 707. Л. 3.

[70] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 270 об.

[71] Имеется в виду автономное государственное образование казахов.

— в Башкирской АССР — одна территориальная стрелковая дивизия с кавалерийским полком;

— в Татарской АССР — одна территориальная стрелковая дивизия с кавалерийским полком;

— в Карельской АССР — один егерский батальон;

— в Бурят-Монгольской АССР — один территориальный кавалерийский полк;

— в Якутской АССР — один территориальный стрелковый батальон с кавалерийским эскадроном[72].

Кроме того, еще до принятия программы формировались четыре украинские (общий штат — 9528 человек) и одна белорусская (штат — 3505 человек) территориальные стрелковые дивизии[73].

С реализацией пятилетней программы, согласно первоначальному замыслу, численность национальных формирований должна была достичь 46 314 человек[74].

Принятие пятилетней программы национальных формирований коррелировало с реализацией более масштабной программы перевода Красной армии на *территориальные начала*. Изданный 8 августа 1923 г. декрет ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся»[75] определил новые параметры комплектования и организации частей РККА, при которых лишь ядро (кадр) войсковой единицы, прежде всего штабы и органы обеспечения, содержалось на казарменном положении, в местах постоянной дислокации, в то время как остальной личный состав части (*переменный состав,* или *переменники*) представлял собой милицию из местных жителей, которые в течение пяти лет состояния на действительной службе собирались лишь на ежегодные лагерные сборы сроком от 1 до 3 месяцев[76]. Это позволяло не отрывать военнослужащих на длительное время от дома и народного хозяйства и охватывать военной подготовкой значительно больший круг призывного состава. Если в кадровой дивизии военную подготовку получали 4,4 тыс. человек за 2 года, то в территориальной — 12 тыс. человек за 8 месяцев, что значительно повышало возможности государства в накоплении мобилизационных ресурсов, хотя качество военного обучения, безусловно, было ниже, чем в кадровых частях. Руководство военного ведомства искало и

---

[72] Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 306.

[73] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 69.

[74] Там же.

[75] Объявлен приказом РВСР № 1742 от 11 августа 1923 г. (Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 33—38).

[76] В первый год службы — на 3 месяца; в последующие четыре — не более 2 месяцев в год. Для стрелковых и артиллерийских терчастей общий срок сборов не должен был превышать 8 месяцев, для кавалерийских — 11, для специальных терчастей — 9. Все остальное время переменный состав считался состоящим в отпуске (*Бакланов Ф.П.* Призыв на Действительную военную службу: пособие для ведения справочной работы в частях РККА. М., 1927. С. 8).

легко находило выгодные стороны территориальной системы. Так, рассуждая о существующих способах комплектования и распределения принятых пополнений, начальник отдела Управления по войсковой мобилизации и комплектованию ГУ РККА И.И. Глудин писал: «Наиболее выгоден... территориальный: быстрота мобилизации, сплоченность состава и знание контингента, дешевизна — отсутствуют перевозки...»[77] В силу экономической выгоды и возможности более широкого охвата призывного контингента территориальные формирования получили в 1920-х гг. большой размах. К осени 1925 г. количество территориальных соединений составило уже 50%[78]. В конце 1920-х гг. число территориальных дивизий в пехоте значительно превзошло число кадровых (41 против 26), а в общей численности войск на долю территориальных частей приходилось 48%: в пехоте — 60%, в артиллерии — 57%, в кавалерии — 26%[79]. Экстерриториальная (кадровая) система комплектования войск также продолжала существовать, но в 1920-х гг. многими она считалась нежизнеспособной, могущей существенно затормозить мобилизацию из-за значительных перебросок людских ресурсов и вероятного воздействия воздушных сил противника на железнодорожные перевозки. «Экстерриториальная система комплектования армии в наше время может свести к единице с минусом хорошо составленные планы мобилизации», — отмечалось начальником Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию ГУ РККА Я.Я. Алкснисом в сборнике о комплектовании и мобилизации войск, подготовленном Главным управлением РККА[80]. Считалось, что прибегать к ней приходится только вынужденно, исходя из особенностей населения страны (его национально-культурная неоднородность и неравномерное распределение), «неразвитости дислокации войск» и по другим причинам[81].

Большая часть намеченных пятилетней программой национальных формирований создавалась именно как территориальные. Их суть заключалась в местном характере, прохождении гражданами военной службы на территории своих республик. В 1920-х гг. сочетание территориальности (*землячества*) и мононациональности воинского коллектива представлялось оптимальным для успешного боевого слаживания части: «Чем однороднее по национальному составу часть, чем более соблюден при укомплектовании принцип землячества, чем легче комполитсоставу воспитывать своих подчиненных, тем скорее люди, составляющие часть, сживаются между собой...»[82]

---

[77] *Глудин И.* Комплектование РККА очередными призывами // Война и революция. 1927. Кн. 7. С. 55.

[78] Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 274—275.

[79] Там же.

[80] *Алкснис Я.Я.* Вопросы мобилизации РККА и буржуазных армий // Войсковая мобилизация (практическое пособие). Июль—декабрь 1927 г. М., 1927. С. 10.

[81] *Глудин И.* Указ. соч. С. 56.

[82] *Редкин.* Укомплектование частей и его влияние на воспитание и обучение // Военный вестник. 1925. № 22. С. 50.

* * *

В течение 1925—1926 гг. пятилетняя программа существенно уточнялась. Это обусловливалось как необходимостью «ужатий» в связи с экономией бюджетных средств, так и первым опытом существования национальных формирований в тех или иных местностях. Амплитуда решений колебалась очень сильно: от существенного расширения строительства нацчастей в том или ином регионе до полного его сворачивания, прекращения призыва и сокращения местного аппарата военного управления. В частности, в отношении кавказских формирований было принято решение: Армянскую и Азербайджанскую дивизии содержать в смешанном составе (в первой — два кадровых полка и один территориальный, а во второй — два территориальных и один кадровый). С образованием в 1925 г. Казакской (Казахской) АССР в составе РСФСР вместо Киргизской кавалерийской дивизии формировалась Казакская (Казахская) кадровая кавалерийская дивизия. В то же время в составе Узбекской кадровой кавалерийской дивизии формировался один киргизский кадровый полк из кара-киргизов (нынешние киргизы). Якутский территориальный батальон разворачивался в территориальный полк, однако вскоре было решено отказаться от формирования якутских частей вообще, поскольку существующий поток добровольцев не обеспечивал регулярного пополнения, а к принудительному призыву население относилось резко отрицательно. В Калмыкии создавался Калмыцкий территориальный кавалерийский дивизион, однако его формирование через некоторое время также было свернуто[83]. Наконец, было решено значительно расширить программу национальных формирований для Северного Кавказа: на базе территориального кавалерийского полка северокавказских национальностей (в составе Дагестанского дивизиона, Северо-Осетинского, Чеченского, Ингушского, Карачаево-Черкесского, Кабардино-Балкарского, Адыге-Черкесского отдельных кавалерийских взводов) планировалось развернуть территориальную кавалерийскую дивизию[84]. В Башкирии местные власти требовали расширения национальных частей (с территориального полка до запланированной в пятилетней программе территориальной стрелковой дивизии), однако казарменный фонд не позволял содержать на территории области такое большое соединение, и от формирования дивизии также пришлось отказаться.

С учетом изменений к 1926 г. общая штатная численность 15 национальных дивизий (кадровых и территориальных) по пятилетней программе (без учета национальных военно-учебных заведений) должна была составить 56 971 человек (без украинских и белорус-

[83] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 69.

[84] Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 64; РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 23.

ских частей — 43 338 человек)[85]. Это составило бы около 10% от предельной численности всей Красной армии. Штатной нормы к исходу второго года реализации пятилетней программы нацформирований (к 1 октября 1926 г.) достигли четыре территориальные украинские стрелковые дивизии и одна территориальная белорусская, а также азербайджанская территориальная стрелковая дивизия. Близки к штатной норме были и другие закавказские соединения. Списочная численность национальных частей на этот момент составляла 31 945 человек, а без украинских и белорусских частей — 18 912 человек[86].

В дополнение к *плановым* национальным формированиям по пятилетней программе уже в 1924 г. появилась и получила быстрое распространение особая форма *внеплановой* организации национальных контингентов — так называемые *концентрации*. Они состояли в сведении представителей одного этноса (тех народов, для которых не предусматривалось создания *отдельных* нацформирований или штатная емкость которых была недостаточной) в мелких национальных подразделениях (взвод, рота, эскадрон, реже — батальон) в составе *номерных* частей. Это происходило вследствие того, что если молодое пополнение из числа *националов* распределялось не в национальную воинскую часть, а *номерную*, то есть в преимущественно славянскую по составу, то командиры, не располагая возможностями организовать их обучение русскому языку, определяли таких военнослужащих на хозяйственные работы. Парадокс заключался в том, что в таком дискриминированном положении чаще всего оказывались представители тех народов, которые имели богатую историческую традицию военной службы еще в Русской императорской армии: прежде всего народы Поволжья (мордвины, марийцы, удмурты, чуваши, поволжские татары) и башкиры. В первой половине 1920-х гг. они призывались в Красную армию в значительных количествах и на общих основаниях[87] и часто направлялись для прохождения службы в *номерные* части, где оказывались в числе отстающих из-за недостаточного знания русского языка и трудностей адаптации в инокультурной среде. В связи с этим они «назначаются в частях в большинстве случаев в хозяйственные команды, в ездовые, конюхи, вестовые»[88]. На одном из совещаний заместитель начальника ПУ РККА И.Е. Славин отмечал, что желательно не использовать *националов* («*всех их*») (здесь и далее курсив мой. — *Авт.*) на хозработах, «как это *обычно водится*»[89]. Эта же мысль прозвучала в августе

[85] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 64.

[86] Там же. Л. 66—66 об.

[87] Например, по данным военной переписи, проведенной в декабре 1926 г., в РККА числилось 11 575 татар (2% общей списочной численности РККА), 4022 чуваша (0,7%) и т. д. (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 3).

[88] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1039. Л. 9.

[89] Там же. Оп. 3. Д. 41. Л. 46.

1924 г. на совещании начальников агитпропотделов политуправлений военных округов в ПУ РККА: «*Как общее явление наблюдается*, что красноармейцы из нацмен в частях *со смешанным национальным составом* почти не подвергаются политобработке, и замечена тенденция использовать под различными предлогами некоторые группы красноармейцев из нацмен (татары, мордва, черемисы и др.) в хозкомандах»[90]. Очевидно, что такой способ использования национальных контингентов не нес пользы ни армии, ни бойцу-*националу*. И главное, он в корне противоречил политическому курсу на выравнивание формально-правового и реального положения всех национальностей в Красной армии.

В этом видится одна из главных причин идеи сведения такого рода контингентов в рамках одного подразделения. Очевидно, что самой заинтересованной стороной здесь были политорганы. Впервые призыв к сосредоточению *националов* в рамках отдельных подразделений прозвучал в циркуляре Политуправления РККА от 10 мая 1924 г. № 62, где рекомендовалось «концентрировать новобранцев» по 30—50 человек в одной роте или батальоне, поскольку только таким образом, по мнению подписавшего циркуляр заместителя начальника ПУ РККА М.М. Ланды, можно было добиться постановки эффективной политпросветительской работы и одновременно решить проблему дефицита соответствующих кадров командиров и политработников, знающих язык красноармейцев, а также литературы и пособий на местных языках[91].

25 июня 1924 г. приказом РВС СССР № 843 комсоставу было предписано сводить новобранцев из национальных республик в отделения, взводы и т. д. (в зависимости от их численности) для прохождения строевой и политической подготовки[92]. После этого тема *концентраций* несколько раз подробно обсуждалась на всесоюзных совещаниях политработников в августе и ноябре 1924 г.[93] При определении необходимости *концентраций* во главу угла ставились владение той или иной группой военнослужащих русским языком и близость к русской культурной среде. Чем менее выраженными были эти показатели, тем очевиднее считалась нужда в *концентрации* представителей этнических меньшинств в рамках отдельных подразделений.

В 1924 г., с прибытием пополнения первого после окончания Гражданской войны общесоюзного призыва молодежи 1902 г. рождения, во всех округах татары, немцы, чуваши стали сводиться (*кон-*

---

[90] Всеармейские совещания политработников... С. 141.

[91] Партийно-политическая работа в Красной армии: 1920—1929 гг. М., 1981. С. 207.

[92] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2167. Л. 770.

[93] Всесоюзное совещание начпуокров, начпуфлотов, военкомкоров, военкомдивов и начподивов 17—22 ноября 1924 г.: Стеногр. отчет. М., 1924. С. 209—215; Всеармейские совещания политработников... С. 141—142.

центрироваться) во взводы и роты в составе *номерных* частей[94]. Уже в этом году *концентрации* достигли значительных масштабов: прибывшие в войска татары (в том числе крымские), немцы, чуваши и молдаване были объединены в 35 рот и 26 взводов[95]. Все перечисленные народы призывались в Красную армию обычным порядком и имели дореволюционную традицию военной службы, однако не были обеспечены необходимым числом командного состава (за исключением немцев и чувашей[96]).

В дальнейшем практика *концентраций* расширялась, причем чаще всего стихийно, явочным порядком. Такая форма «свéдения нацмен в подразделениях в *номерных* частях»[97] получила распространение во всех военных округах. Так, в Западном военном округе поляки сосредоточивались в 3-й стрелковой дивизии, татары — в 3, 15 и 24-й, немцы — в 45-й, молдаване — в 51-й и т. д.[98] В СКВО с молодым пополнением в 1925 г. татар прибыло так много, что в 28-й Горской стрелковой дивизии они были сведены сразу в девять национальных рот[99].

В 1925 г. численность подразделений четырех наиболее многочисленных национальностей (татар, немцев, чувашей, молдаван) достигла 94 рот и 19 взводов. В том же году *концентрация* затронула и другие национальности срочнослужащих 1903 г. рождения, не охваченных национальным военным строительством: башкир, вотяков, коми-зырян, коми-пермяков, черемисов, мордвин и корейцев. К концу 1925 г. общая численность не отдельных национальных подразделений составила 132 роты и 55 взводов. *Концентрацией* было охвачено 75% нерусского призывного контингента, что было признано руководством Красной армии «большим достижением»[100], а сама практика *концентраций* наряду с национальными формированиями объявлена *«одним из двух основных русел»* в национальном военном строительстве[101]. В процесс *концентраций* в середине 1920-х гг. были вовлечены десятки тысяч военнослужащих нерусской национальности.

В 1925 г. в докладе Политуправления РККА отмечалось, что по результатам призыва молодежи 1903 г. рождения удельный вес «нацменьшинств» в Красной армии достиг 8%, и это, что важно, без учета украинцев, белорусов, а также «национальностей, обеспеченных нацформированиями, — грузин, армян и тюрок»[102]. Столь мно-

---

[94] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249 об.
[95] Там же. Д. 501. Л. 40.
[96] Там же. Д. 476. Л. 37.
[97] Там же. Д. 54. Л. 1.
[98] Там же. Д. 476. Л. 249 об.
[99] Там же. Л. 251 об.
[100] Там же. Д. 501. Л. 40.
[101] *Захаров М.* Третий Съезд Советов СССР о национальном строительстве в Красной армии... С. 5.
[102] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 1 об.

гочисленное пополнение *националов* не могли вобрать в себя едва созданные в плановом порядке национальные формирования. Значительную их массу приняли подразделения, созданные в порядке *концентраций*. Эта мера, как считалось, себя оправдала «в смысле большей успеваемости в учебе и, особенно, в политическом их развитии»[103].

По мере выяснения общего культурного уровня призываемых контингентов, в политику *концентраций* вносились коррективы. Уже начиная с 1926 г. *националов*, в целом владевших русским языком (таковыми считались мордвины, чуваши, вотяки), распределяли в так называемых *номерных* частях, не создавая для них отдельных строевых единиц[104]. Причем среди представителей этих народов не было единого мнения о наиболее удобной для них форме прохождения службы. Например, в 1925 г. отмечалось недовольство призывников-мордвин, которые в большинстве своем обрусели и хорошо владели русским языком, тем, что «их выделяют в отдельные строевые единицы»[105]. Однако нередки были и прямо противоположные случаи. Так, в 1929 г. с пополнением призыва 1907 г. рождения в части Московского военного округа прибыло около 350 марийцев, 500 мордвин и 300 поляков. Из-за отсутствия необходимых национальных командных кадров было решено распределить их равными частями по пяти стрелковым дивизиям (по 12 человек на стрелковый полк). В результате «за шесть месяцев значительное их число ушло из армии в результате опротестования по болезни и другим признакам». Заместитель начальника Политуправления округа Хрулев признавал, что, если бы «националы» изначально были объединены в национальные подразделения, этой «крупнейшей ошибки» удалось бы избежать[106]. Также неправильной считалась переброска контингентов «националов» из одного округа в другой. Например, значительная часть татар, призвавшись на территории ПриВО, направлялась для прохождения службы в САВО и СКВО[107].

Для народов, «культурно наиболее развитых и русским языком в большинстве владеющих, к тому же распыленных по всей территории СССР», таких как латыши, эстонцы (проживавшие не в Прибалтике), евреи, поляки, *концентрация* также признавалась излишней[108]. В случае с поляками принималось во внимание также политическое недоверие к ним со стороны советской власти в связи с недавней войной и напряженными отношениями Советского Союза с Польшей[109].

---

[103] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40.
[104] Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 46.
[105] Там же. Ф. 9. Оп. 26. Д. 68. Л. 30.
[106] Там же. Оп. 28. Д. 610. Л. 26.
[107] Там же. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91.
[108] Всесоюзное совещание начпуокров... С. 210.
[109] РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 68. Л. 20.

Практику *концентраций* в Красной армии следует понимать как кальку с повсеместно реализуемого в тот же период курса на *коренизацию* — организацию национальных административно-культурных автономий, даже самых мелких. В этот период были организованы тысячи автономий национальных меньшинств (*нацмен*), которые могли охватывать от целых республик до нескольких населенных пунктов или даже одного села[110]. В совместном циркулярном письме от 19 марта 1925 г. заместителя начальника Политического управления РККА М.М. Ланды и начальника Главного управления РККА В.Н. Левичева прямо указывалось на то, что «основное условие развития и углубления работы среди нацменьшинств — *индивидуализация* руководства работы в отношении каждой национальности в отдельности, *как бы малочисленно она ни была представлена в частях Красной армии* (выделено мной. — *Авт.*)»[111]. В связи с этим считалось вполне нормальным сводить, например, осетин в грузинских дивизиях в отдельные роты, взводы и даже отделения, если в подразделении их насчитывалось хотя бы несколько человек[112].

* * *

Во второй половине 1920-х гг. наиболее успешно по причине незначительного культурно-языкового барьера развивались украинские и белорусские части. В белорусских формированиях языковой барьер (прежде всего между красноармейцами и командным составом) фактически отсутствовал, поскольку большинство военнослужащих общались на русском языке. В 1927 г. Главное управление РККА считало возможным без существенных дополнительных затрат *украинизировать* и *белорусизировать* практически все территориальные соединения, дислоцированные в этих республиках (только на Украине таковых насчитывалось 11[113]).

Однако в республике с сильным, относительно самостоятельным политическим руководством, каковой являлась УССР, союзный центр опасался утерять контроль над этим процессом. На Украине имел место целенаправленный лоббизм республиканскими властями политики *коренизации* во всех сферах общественной жизни, в том числе и военной[114]. Характеризуя ее, в апреле 1927 г. заместитель начальника Штаба РККА С.А. Пугачев отмечал: «В настоящее время в УССР имеется тенденция *украинизировать все войска, дислоцированные на территории республики* (выделено мной. — *Авт.*), независимо от того, из каких национальностей они комплектуются.

---

[110] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 60—61.
[111] РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 1665. Л. 5.
[112] Там же.
[113] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 41 об.
[114] Історія українського війска (1917—1995). Львів, 1996. С. 318—331.

Такая национализация носит насильственный характер и по целому ряду соображений не может быть признана полезной для дела»[115]. Неудивительно, что, когда в 1928 г. от командующего войсками Украинского военного округа И.Э. Якира поступило предложение *украинизировать* еще две дивизии (25-ю и 95-ю), выяснилось, что удельный вес украинцев в них уже составлял 82% и 86% соответственно, что было даже выше, чем в некоторых национальных дивизиях[116]. Кроме потенциальных политических осложнений с украинским руководством, чрезмерная *коренизация* воинских частей на Украине могла нарушить планы комплектования РККА в других регионах (УВО наряду с МВО и ПриВО являлся основным источником людских пополнений). Поэтому, следуя мнению Штаба РККА, советское руководство не пошло дальше *украинизации* шести территориальных дивизий, и то с тем условием, что «остальных, расположенных на территории УВО войск, *украинизация* не коснется ни в какой мере»[117]. Таким образом, стихийная национализация войск УВО сдерживалась искусственно.

Активность политических элит в союзных республиках, привлекавших к тому же на свою сторону военно-окружные реввоенсоветы, в конце 1920-х гг. уже заметно раздражала руководство Наркомвоенмора. Как отмечалось в специальном циркулярном письме наркома и председателя Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилова, разосланном 27 июня 1927 г., «революционные военные советы округов нередко возбуждают ходатайства о расширениях плана национальных формирований или же поддерживают такого рода ходатайства со стороны правительств местных республик. В качестве основных мотивов этих ходатайств приводятся заявления, что план национальных формирований не охватывает всех автономных республик, а в пределах отдельных республик захватывает только незначительную часть призывного контингента»[118]. Мысль о хаотичности и бесконтрольности развития национальных формирований высказывал в это же время и Л.Д. Троцкий, хотя в целом он выступал идейным оппонентом Ворошилову: «Плохо руководимые, а подчас и без всякого направления развивающиеся национальные формирования... не обеспеченные достаточно выдержанным и прочным партийным влиянием, способны стать очагами неблагоприятных для пролетарской революции течений»[119].

Между тем значительная часть формирований из среднеазиатских, поволжских, северокавказских и сибирских народов находилась на стадии формирования и в оперативные расчеты пока не включалась.

115 РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 51.
116 Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 54. Л. 22.
117 Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 53.
118 Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 45—46.
119 Красная армия в 1920-е годы. С. 173.

В целом, согласно справке начальника Управления устройства и службы войск ГУ РККА А.М. Вольпе от 18 июня 1927 г., при запланированных в действовавшей на тот момент редакции плана 56 043 человека личного состава национальных формирований налицо имелось лишь 29 489 человек, значительную долю которых составили украинские, белорусские и закавказские части[120]. Штаб РККА внес их в общие оперативные планы Красной армии и в мобилизационное расписание. Эти дивизии формировались по общему штату, а их личный состав проходил единый с *номерными* частями курс обучения[121]. Темпы же формирования национальных частей в САВО, СКВО, ПриВО отставали от запланированного графика.

Кроме того, специфические проблемы возникли при развертывании национальных кавалерийских частей, где дефицит качественных людских ресурсов усугублялся недостатком кавалерийского конского состава в связи с сокращением его поголовья[122] и дороговизной содержания этого рода войск. В марте 1927 г. заместитель начальника ГУ РККА В.Н. Левичев и начальник Управления устройства и службы войск ГУ РККА А.М. Вольпе сообщали в Штаб РККА, что строительство национальных кавалерийских частей придется строго увязывать не только с пятилетней программой национального строительства, но и с трехлетним планом РВС СССР развития стратегической конницы (принят в 1925 г.).

Под стратегической конницей в этот период понимались, по определению инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного, «крупные соединения конницы, усиленные мехсоединениями и авиацией, действующие в оперативном взаимодействии с армиями фронта, самостоятельной авиацией, воздушными десантами»[123]. По состоянию на декабрь 1925 г. этот род войск состоял из девяти кадровых, двух территориальных кавалерийских дивизий и восьми отдельных кавалерийских бригад[124]. Некомплект верховых лошадей составлял на этот момент 60%. В связи с приоритетностью плана развития стратегической конницы национальные кавалерийские формирования были обречены на отставание и укомплектование по остаточному принципу[125]. Программа национальных кавалерийских частей в том виде, в котором она была утверждена в 1925 г., уже в 1927 г. была признана «по своему объему невыполнимой»[126].

---

[120] Красная армия в 1920-е годы. С. 173.

[121] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 49 об.

[122] Например, только по Северо-Кавказскому краю к 1926 г. сокращение конского поголовья составило 60,2% по сравнению с 1913 г. и 37,5% — по сравнению с 1916 г. (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 206 об.).

[123] РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1568.

[124] Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 178. Л. 86.

[125] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 42.

[126] Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 63—64. В последующие годы скептическое отношение к перспективам развития конницы лишь усиливалось. На заседании РВС СССР 10 января 1931 г., где обсуждался план развития РККА до

* * *

Курс на формирование национальных воинских частей в составе Красной армии в начале 1920-х гг. был вызван мощным политическим давлением с мест и в немалой степени являл собой уступку союзного центра эмансипировавшимся в период Гражданской войны национальным окраинам страны, поддержавшим советскую власть и требовавшим наделения их действенными инструментами национальной государственности, каковыми стали политика *коренизации* и программа национальных воинских формирований. С другой стороны, строительство национальных воинских частей отвечало и идеологическим интересам советского правительства, поскольку национальные части были органично вплетены в концепт мировой революции, в осуществлении которой им отводилась роль застрельщиков, передового отряда на случай продолжения революционной экспансии за пределы Советского Союза. На внутренней арене национальным формированиям отводилась роль культуртрегерского института и двигателя социалистического строительства для «отсталых» народов. Внешнеполитическая и внутриполитическая функции национальных формирований в политике руководства СССР в 1920-х гг. не противоречили друг другу, а, напротив, составляли синкретическое функциональное единство.

Несмотря на важное идеологическое и политическое значение, которое придавалось нацформированиям, в структуре центрального аппарата РККА так и не сложилось специального органа для руководства и координации их строительством, хотя попытки к этому предпринимались. Это обстоятельство можно считать одним из ключевых факторов, помешавших последовательной институционализации национальных формирований и сделавших их уязвимыми перед конъюнктурными реорганизациями и импровизациями. Примером тому служат *концентрации* — явление хотя и легальное, но не контролируемое, инициативное, приведшее к повсеместному внеплановому возникновению суррогатных национальных формирований.

Установлено, что в связи с различным культурным уровнем советских этносов и традициями военной службы темпы и качество формирования и боевой подготовки национальных формирований существенно отличались: части, укомплектованные славянами и представителями закавказских, поволжских народов, уже во второй

конца первой пятилетки (до 1933 г.), нарком обороны К.Е. Ворошилов в ответ на требования лоббистов конницы (в частности, С.М. Буденного) заявил: «Конница — это самое дорогое оружие сейчас. Она стоит дороже, чем морской флот. Она конкурирует теперь с нашим народившимся новым родом оружия, каким являются танковые части, и даже с воздушным флотом... который только теперь начал ее перекрывать... Мы содержим ее до единого человека в комплекте. Это роскошь, по-моему, не совсем разумная» (РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 8. Л. 156).

половине 1920-х гг. по уровню боевой подготовки встали вровень с прочими *номерными* частями и были включены в мобилизационный план, в то время как части, комплектовавшиеся представителями народов Северного Кавказа, Казахстана и Средней Азии, требовали еще значительной работы. Главными причинами задержек являлись нехватка национальных командно-начальствующих кадров, а также материальные сложности. Уже в конце 1920-х гг. программа нацформирований требовала балансировки и уточнения.

5.3. Развитие национальных формирований в условиях наращивания военной мощи СССР (конец 1920-х — 1930-е гг.)

30 апреля 1927 г. были подведены первые итоги развития национального сегмента Красной армии. В докладе заместителя начальника Штаба РККА С.А. Пугачева в РВС СССР «О национальном строительстве РККА» отмечалось, что собственными национальными формированиями к этому времени располагали семь союзных и семь автономных республик РСФСР, а также все автономные области РСФСР Северного Кавказа. Кроме того, полностью был сформирован Карельский кадровый егерский батальон. Наряду с этим *концентрацией* было охвачено большинство народов, которым не были положены отдельные национальные части или соединения. Окончательно сформированными считались девять стрелковых дивизий: четыре украинские, белорусская, две грузинские и в основном армянская и азербайджанская. В докладе подчеркивалось, что эти воинские формирования построены «на общих для РККА основаниях», имели одинаковую с обычными соединениями организацию, проходили единую программу обучения, в связи с чем С.А. Пугачев делал вывод, что такие дивизии «можно считать по своей боеспособности равноценными *номерным* дивизиям Красной армии»[127]. Эти национальные формирования учитывались в оперативных расчетах Штаба РККА наравне с прочими соединениями Красной армии[128].

В то же время, говорилось в докладе, «некоторые национальности, до сего времени не привлекавшиеся [к военной службе], не могут быть призваны и сейчас» и «далеко еще не все существующие национальные части достаточно окрепли и в этих условиях не могут являться прочными кадрами для дальнейшего развертывания»[129]. Причиной этого следует считать: дороговизну содержания воинских частей, нехватку казарменного фонда на окраинах страны, слабую постановку военно-учетной работы на местах, неразвитость местных органов военного управления и, особенно, нехватку национального

[127] Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 65.
[128] Там же.
[129] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 9.

командного состава, первый выпуск которого из военных школ пришелся только на 1928 г.

В докладе С.А. Пугачева были сделаны предположения о возможном оперативном использовании национальных формирований. Если оставить за рамками украинские и белорусскую дивизии, которые мало чем отличались от «русских» соединений, национальные части, готовившиеся на Кавказе и в восточных регионах страны, имели «особое значение для наших восточных театров, где условия климата и горной местности диктуют формирование войск из местных контингентов, более приспособленных для службы на этих театрах...». Они рассматривались как «*костяк для стратегического развертывания на этих театрах*» (выделено мной. — *Авт.*), но при сохранении возможности использования их на любом другом театре «в качестве составной части РККА». Прозвучала мысль, которая уже неоднократно высказывалась военными специалистами: «Учитывая необходимость использования национальных войск в специфических условиях местности, признается целесообразным придать им организацию, которая бы отвечала требованиям подвижности, легкости, приспособленности к действиям в горах»[130].

Кадровые и материальные проблемы стали причиной коррекции пятилетней программы нацформирований в 1927 г. 5 мая обновленная программа была одобрена Политбюро ЦК ВКП(б), а 11 мая утверждена РВС СССР[131]. Фактически речь можно вести о принятии нового плана национальных формирований, поскольку отныне начало реализации скорректированной программы отсчитывалось с 1927 г., а окончание ее реализации было отодвинуто на 1933 г.

Замысел программы состоял в необходимости увязки плана нацформирований с планом подготовки национального комполитсостава, обеспечения реальной боеспособности национальных частей, установления правильного соответствия между штатами нацформирований, величиной национального региона и численностью его населения, а также утверждения единого командного языка (русского) во всей Красной армии[132]. Новая программа составлялась «в общем соответствии с общим планом военного строительства СССР, с экономическими ресурсами Военведа, с действительными возможностями отдельных национальных республик и областей»[133].

Политическая значимость национальных формирований попрежнему объявлялась приоритетной: само их существование, утверждалось в обновленной программе, «служит *логическим заверше-*

---

[130] Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 66. Об обязательном учете национальных качеств и особой горной организации войск см. в современной докладу Пугачева статье командира 13-го стрелкового корпуса Э.Д. Лепина (*Лепин Э.* Указ. соч. С. 94—95).

[131] Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 474. Примеч. 8.

[132] Красная армия в 1920-е годы... С. 168.

[133] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 162.

нием национальной политики (выделено мной. — *Авт.*) Советского Союза»[134]. Как отмечал в 1927 г. журнал «Война и революция», несмотря на все трудности, «принципиальная необходимость национальных формирований вообще» несомненна, поскольку является политической задачей, «особенно в сравнении с периодом Российской империи, когда военное министерство так и не смогло всерьез подступиться к вопросу о призыве на окраинах империи»[135].

Обновленная программа фиксировала и новую политическую расстановку сил между центром и национальными политическими элитами. В подписанном 27 июня 1927 г. наркомом К.Е. Ворошиловым циркуляре РВС СССР об окончательном утверждении плана национальных формирований отмечалось, что охватить все республики «нет ни возможности, ни необходимости». Он категорически требовал придерживаться утвержденного плана нацформирований: «отказаться от новых его исправлений и изменений и в соответствии с этим прекратить ходатайства такого характера и содержания»[136]. Таким образом, если еще недавно национальные регионы без особых усилий добивались решений союзных властей о «своих» нацформированиях, то в 1927 г. на все возможные в будущем просьбы сразу был дан категорический отказ. Как показал анализ документов, принятый план действительно выдерживался в части сворачивания переговоров военного ведомства с национальными партийными и государственными элитами по поводу новых воинских формирований. Однако создание новых частей не прекратилось и продолжилось в рамках *концентраций* — внепланового сосредоточения красноармейцев-*националов* в *номерных* соединениях.

В июле 1927 г. по распоряжению наркомвоенмора К.Е. Ворошилова обновленный план нацформирований был разослан в военные округа. Он предусматривал три этапа: 1927—1929, 1929—1931 и 1931—1933 гг. Как следует из таблицы 10, для украинских, белорусских и закавказских частей уже не предусматривалось значительных организационных изменений. Для всех прочих, напротив, планировалось завершить формирование соединений. Наиболее сложная часть организационных мероприятий (формирование штабов, развертывание существующих частей и формирование новых) предусматривалась на последнем этапе — 1931—1933 гг. Из плана была исключена якутская часть, но зато были включены татарские и башкирские, уже фактически сформированные в рамках *концентраций*. Среднеазиатские формирования должны были объединиться в бригады смешанного национального состава. Численность закавказских и северокавказских формирований оставалась неизменной, но в отношении последних срок окончания формирования откладывался по сравнению с прежней программой на три года — до 1932—1933 гг.,

---

[134] РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 313. Л. 31.
[135] *Сиднев [А.Ф.].* Указ. соч. С. 80—83.
[136] Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 94—95.

когда Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей смогла бы выпустить необходимое количество командиров из числа представителей горских народов[137]. Обсуждаемая перестройка нацформирований по типу горных войск на этот раз была реализована лишь частично, однако на деле все национальные части и соединения ККА и САВО, вне зависимости от их штатной организации, активно занимались горной подготовкой как одним из приоритетных направлений боевой подготовки.

Общая численность национальных формирований по обновленному плану составила 45 210 человек, или 8% от общей штатной численности Красной армии[138]. Таким образом, целевая установка сократилась на 2% по сравнению с первым пятилетним планом, утвержденным в начале 1925 г. Доля вновь формируемых частей (из среднеазиатских, северокавказских, поволжских, забайкальских народов) составляла теперь всего 12 280 против 27 462 по плану 1925 г. (таблица 10).

Таблица 10

Организация и штатная численность нацформирований по планам 1925 и 1927 гг.

Наименование союзной (автономной) республики	Организация нацформирований на 1927 г. (по плану 1925 г.)	Штат, чел.	Организация нацформирований (по плану 1927 г.)	Штат, чел.
Украинская ССР	4 территориальные стрелковые дивизии	8600	6 территориальных стрелковых дивизий	12 900
Белорусская ССР	Смешанная стрелковая дивизия	3505	Смешанная стрелковая дивизия	3505
			Территориальная стрелковая дивизия	2150
Грузинская ССР	Кадровая стрелковая дивизия	5017	Кадровая горная стрелковая дивизия	5017
	Территориальная стрелковая дивизия	1957	Территориальная горная стрелковая дивизия	1957
Армянская ССР	Смешанная стрелковая дивизия	3761	Смешанная горная стрелковая дивизия	3761
Азербайджанская ССР	Смешанная стрелковая дивизия	2858	Смешанная горная стрелковая дивизия	2858
Узбекская ССР с Таджикской АССР и Киргизской АССР	Узбекский стрелковый батальон	701	Отд. кадровая горная бригада	3000
	Таджикский стрелковый батальон	350	Отд. кадровая кавалерийская бригада	2500
	Узбекская отд. стрелковая рота	139		

137 РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 10.

138 Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 69.

Наименование союзной (автономной) республики	Организация нацформирований на 1927 г. (по плану 1925 г.)	Штат, чел.	Организация нацформирований (по плану 1927 г.)	Штат, чел.
	Отд. вьючно-горная батарея	128		
	Узбекский кавалерийский полк	743		
	Киргизский кавалерийский эскадрон	168		
	Киргизская школа младшего комсостава кавалерии	94		
Туркменская ССР	Кавалерийский полк	490	Отд. кадровая кавалерийская бригада	2500
Казакская АССР	Школа младшего комсостава	111	Кадровый кавалерийский полк	609
Карельская АССР	Егерский батальон	728	Егерский батальон	728
Горские национальности Северного Кавказа	Дагестанский кавалерийский эскадрон	275	Территориальная кавалерийская дивизия	2241
	6 отдельных кавалерийских взводов	243		
Бурят-Монгольская АССР	Отд. кавалерийский эскадрон и школа подготовки младшего командного состава	262	Отд. кавалерийский дивизион	300
Якутская АССР	Школа младшего комсостава	87		
Татарская АССР			Стрелковый полк	522
			Кавалерийский эскадрон (из состава одной из дивизий ПриВО)	43
Башкирская АССР			Стрелковый полк	522
			Кавалерийский эскадрон (из состава одной из дивизий ПриВО)	43

Источник: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 568. Л. 5—5 об.

На рубеж 1920—1930-х гг. пришелся численный и качественный рост национальных формирований Красной армии. В 1931 г. в статистическом сборнике ГУ РККА «Социально-демографический состав РККА», подготовленном отделом статистики ГУ РККА, отмечалось, что «качественный состав и степень боевой подготовки нацчастей можно считать значительно укрепившимися, сравнительно с прежними годами»[139].

[139] РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91—91 об.

По-прежнему подчеркивалось важное политическое значение национального сегмента РККА. «Национальные формирования Красной армии являются практическим осуществлением ленинских принципов национальной политики партии в строительстве вооруженных сил Советского Союза», — отмечалось в методическом материале для агитаторов и пропагандистов в журнале «Военный вестник» в августе 1930 г.[140]

Национальные части характеризовались достаточно высокой выучкой командного состава, насыщенностью партийно-комсомольскими кадрами. По мнению старшего инспектора ПУ РККА Шапошникова, подготовившего в 1928 г. доклад о развитии нацформирований, последние уже «заняли видное место в РККА и заметно влияют на степень ее общей боеспособности»[141]. В отчетном докладе наркомвоенмора в Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1929 г. сообщалось, что «в отношении боевой подготовки армянские, азербайджанские, грузинские, украинские и белорусские части мало чем отличаются от номерных частей Красной армии»[142]. И хотя в докладе Шапошникова отмечалось, что «про остальные этого сказать пока нельзя», на деле другие национальные части, прежде всего среднеазиатские, также подтягивали уровень боевой подготовки. Так, в декабре 1928 г. в резолюции Казакского (Казахского) ЦИКа отмечалось, что «темп и линия в национальном военном строительстве, которые в последние три-четыре года проводились на основе большой подготовительной работы, по строго рассчитанным и последовательно продуманным планам, в точном соответствии с экономическим и культурным ростом КАССР... являются единственно правильными и создали реальную осуществимость национальных формирований»[143].

В таблицу 11 сведены наиболее важные социальные характеристики личного состава национальных формирований, представленные на общем фоне сухопутных сил и стрелковых частей Красной армии по состоянию на 1 января 1930 г.

Из материалов таблицы очевидно, что личный состав национальных формирований представлял собой очень разнородный социальный массив. В большинстве случаев представительство рабочего класса и уровень грамотности военнослужащих-*националов* был значительно ниже среднего по Красной армии, однако этот недостаток отчасти компенсировался высокой партийно-комсомольской прослойкой, означавшей, что в условиях добровольного набора в национальные части в них отбиралась лучшая, наиболее мотивированная молодежь.

---

[140] XVI съезд партии о борьбе с уклонами в национальном вопросе // Военный вестник. 1930. 25 августа. С. 60.

[141] Там же. Л. 161 об.

[142] Красная армия в 1920-е годы. С. 178.

[143] Цит. по: *Катуков В.* Указ. соч. С. 12—13.

Таблица 11

Характеристика личного состава национальных формирований РККА на 1 января 1930 г., в процентах

	Рабочих			Колхозников среди рядовых	Коммунистов			Комсомольцев			Неграмотный рядовой состав		
	Рядовой состав	Мл. комсостав	Комсостав		Рядовой состав	Мл. комсостав	Комсостав	Рядовой состав	Мл. комсостав	Комсостав	На 1.01.1930 г.	Призыв 1928 г.	Призыв 1929 г.
Азербайджанская сд	35,7	34,3	26,4	4,2	6,5	21,7	47,7	29,9	34,2	13,2	25,6	38,5	32,9
100-й татаро-башкирский сп	25,3	23,8	31,3	12,5	6,5	28,0	66,3	26,5	15,9	3,6	2,2	33,5	3,2
45, 96, 99, 100-я украинские сд	25,1	27,0	38,1	5,1	4,4	26,6	62,8	28,3	32,6	8,2	3,9	3,4	5,4
Узбекская сводная бригада	19,7	15,4	29,1	1,2	8,0	18,4	68,0	43,9	48,3	9,7	42,2	53,0	53,0
1, 2-я грузинские сд	16,4	20,9	12,3	2,6	3,1	29,7	50,8	30,4	32,0	5,5	14,4	23,5	23,2
Армянская сд	13,4	18,4	21,7	8,9	4,9	33,2	53,6	28,2	36,2	6,9	18,2	29,6	22,8
2-я белорусская сд	12,7	26,3	33,8	3,7	2,6	19,1	55,6	13,8	33,0	8,3	8,5	10,9	11,4
Таджикский стр. батальон	9,8	7,1	25,0	0,6	5,4	15,7	75,0	32,1	37,1	8,3	61,5	42,1	66,6
Карельский егерский батальон	9,7	7,7	65,7	—	1,1	5,1	77,1	11,5	24,6	—	7,2	7,5	6,6
Туркменская кбр	9,3	10,3	20,3	3,1	6,9	28,2	68,8	34,6	30,3	3,1	52,6	66,8	61,0
Киргизский кавдивизион	9,0	3,9	16,6	—	5,9	31,4	83,3	39,3	25,5	5,6	43,6	42,1	43,3
Кавполк горских национальностей Северного Кавказа	7,6	25,0	20,8	13,0	7,2	31,0	70,9	36,8	25,0	8,3	31,0	33,5	33,1
Казахский кавдивизион	3,9	9,8	33,4	7,1	7,1	35,3	61,1	52,7	43,1	5,5	29,0	33,5	29,4
Бурято-монгольский кавдив-н	3,5	—	9,5	14,4	7,4	27,4	52,4	32,0	18,9	14,3	17,7	33,5	16,8
Среднее по сухопутным силам РККА	**22,3**	**28,3**	**28,7**	**5,5**	**4,8**	**25,5**	**54,0**	**17,8**	**24,6**	**3,8**	**6,9**	**8,2**	**8,9**
Среднее по стрелковым полкам РККА	**18,1**	**22,6**	**30,9**	**5,0**	**4,4**	**21,8**	**56,6**	**17,6**	**25,3**	**5,0**	**9,2**	**10,1**	**11,8**

Составлено по: Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая). Кн. 3. М., 1931. С. 159—165 (РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 78—81).

На рубеже 1920—1930-х гг. ряд национальных частей получил боевое крещение, будучи использованным во внутренних и внешних вооруженных конфликтах. Так, Отдельный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа совместно с курсантами Кавалерийской школы горских национальностей участвовал в многочисленных операциях по разоружению горского населения и в борьбе с повстанчеством в горах Северного Кавказа. Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион в 1929 г. хорошо зарекомендовал себя в боях во время советско-китайского вооруженного конфликта на КВЖД[144]. В 1932 г. этот же дивизион рассматривался руководством страны в качестве передовой советской воинской части для ввода на территорию Монголии в связи с крупным антисоветским восстанием, разгоревшимся в мае 1932 г., однако в этот раз политического решения о военном вмешательстве принято не было[145].

К началу 1930 г. перечень национальных частей и соединений выглядел следующим образом:

— Ленинградский военный округ: Отдельный карельский егерский батальон;

— Белорусский военный округ: 2-я и 33-я белорусские стрелковые дивизии;

— Украинский военный округ: 45, 96, 99, 100-я украинские стрелковые дивизии;

— Северо-Кавказский военный округ: Национальный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа;

— Краснознаменная Кавказская армия: 1-я и 2-я грузинские, Армянская, Азербайджанская стрелковые дивизии;

— Среднеазиатский военный округ: Отдельная (Сводная) узбекская бригада, Отдельная туркменская кавалерийская бригада, Отдельный таджикский горно-стрелковый батальон, Отдельный киргизский кавалерийский дивизион; Отдельный казакский (казахский) дивизион;

— Приволжский военный округ: 100-й татаро-башкирский стрелковый полк, кавэскадрон 34-й стрелковой дивизии, Татаро-Башкирский полк, Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион;

— Казакский (Казахский) край: Отдельный казакский кавалерийский эскадрон[146].

---

[144] *Гуружапов А.Х.* Партийное руководство формированием национальных частей Красной армии и оборонно-массовой работой в Советской Бурятии (1923 — июнь 1941 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. С. 11.

[145] Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М., 1999. С. 174.

[146] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 87. В изданном в 1931 г. статистическом сборнике «Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая)» изменения в перечне национальных формирований были минимальными. Они коснулись в основном татарских и башкирских частей, которые всегда отличались неоднородностью национального состава (РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 73. Л. 77—78).

* * *

Несмотря на определенные успехи в реализации программы нацформирований, на рубеже 1920—1930-х гг. наметилось принципиальное отставание программы от перспективного плана развития РККА. Более того, ее реализация в силу своей затратности мешала развитию других родов войск. Уже в марте 1927 г. Главное управление РККА высказывало мнение о том, что осуществление программы национальных формирований требует увеличения бюджетной нормы Красной армии либо перераспределения средств за счет других родов войск, в том числе технических — авиации, артиллерии, бронетанковых частей[147]. На технические рода войск в развитии РККА делался главный упор. В 1929 г. постановлением ЦК ВКП(б) от 15 июля «О состоянии обороны СССР» был намечен пятилетний курс развития Красной армии, направленный на ее «качественное усиление» вместо «количественного расширения». Особый акцент делался на планируемое многократное наращивание и усовершенствование военной техники и вооружений и развитие технических родов войск[148]. На этом фоне, как отмечалось в подготовленном в середине 1929 г. для Политбюро ЦК ВКП(б) отчетном докладе РВС СССР за период с мая 1927 по июнь 1929 г., «нацформирования на данном этапе вступили в противоречие с *технизацией* армии», поскольку необходимого числа подготовленных в техническом отношении кадров воспитать пока не удавалось[149]. В докладе отмечалось, что в рамках существующего лимита численности Красной армии без сокращения других войск завершить плановое строительство национальных частей не удастся. Поэтому РВС СССР фактически предлагал остановиться на достигнутой к середине 1929 г. численности национальных частей (34 054 человека), настаивая на том, что «дальнейшее развертывание плана нацформирований в данный момент ни в какой мере нельзя форсировать»[150]. Известно, что в это время списочная численность РККА составляла 628 472 человека[151]. Таким образом, списочная численность национальных частей достигла лишь 5,6% от списочной численности РККА, вместо заявленных во второй пятилетней программе 8%.

По данным отдела статистики ГУ РККА, на 1 января 1930 г. в национальных частях числилось 2826 лиц комначсостава, 6725 младших командиров и начальников и 25 388 рядовых красноармейцев, а всего — 34 939 человек[152].

---

147 РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 43.
148 Красная армия в 1920-е годы. С. 228, 234, 236.
149 Там же. С. 177.
150 Там же. С. 178.
151 РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 11.
152 ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 14. Л. 155—175.

Таким образом, уже на рубеже 1920—1930-х гг. национальные формирования постепенно утрачивают перспективу занять важное место в структуре Красной армии и начинают восприниматься обузой. Однако они еще не в полной мере утратили свое политическое значение. К тому же они были незаменимы в качестве института, позволявшего обучить военной специальности массы военнообязанных нерусской национальности, что было важно с точки зрения накопления военнообученного запаса в национальных регионах.

Именно этим обстоятельством объясняется не только продолжение развития нацформирований по пятилетней программе, но и продолжение практики *концентраций*, само существование которой подчеркивало несовершенство и несбалансированность системы национального строительства в РККА. *Концентрации* продолжались, даже несмотря на требования наркома по военным и морским делам придерживаться утвержденного в 1927 г. обновленного плана строительства нацформирований. К ним прибегали вынужденно, в связи с языковым барьером у новобранцев из национальных регионов, поэтому серьезной борьбы с ними не велось. Более того, благодаря тому, что с 1928 г. обязательный призыв, хотя и в ограниченном масштабе, был распространен на все народы СССР, с рубежа 1920—1930-х гг. практика *концентраций* получила новый толчок. Поток нерусских новобранцев в армию существенно возрос. Штаты национальных частей уже не удовлетворяли размерам этого потока. Например, в СКВО в 1932 г. по результатам призыва молодежи 1910 г. рождения в единственную в округе национальную часть — Кавполк горских национальностей Северного Кавказа — было зачислено 309 представителей горских национальностей Северного Кавказа и еще 155 — в национальную кавшколу. В то же время еще 638 горцев отправились служить в самые различные части округа — как в мелких национальных подразделениях, так и в обычных *номерных* частях. В отчете ПУ СКВО о призыве 1932 г. отмечалось как «обыкновенная» практика, что «обрусевшие горцы, жители городов и русских районов, которые хорошо знают русский язык, привыкли к условиям быта русских населенных пунктов... направлялись в части военкоматами наравне с прочими призывниками»[153].

Таким образом, в начале 1930-х гг. комплектование частей Красной армии новобранцами нерусской национальности, чей приток в войска возрос, проходило по трем направлениям:

— национальные части;

— смешанное комплектование без учета национальности;

— неотдельные национальные подразделения, созданные в порядке *концентраций*.

---

[153] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 90. Л. 18.

По состоянию на 1930 г. в составе РККА, только по неполным данным[154], в составе «обычных» войсковых частей имелось: 3 роты и 1 взвод *удмуртов*; 1 полк[155], 1 эскадрон и 1 рота *немцев*; 1 взвод *белорусов*; 1 рота *украинцев*; 1 полк[156], 1 батальон, 1 эскадрон, 14 рот *татар*; 7 эскадронов *башкир*; 3 роты и 1 батарея *чувашей*; 1 эскадрон *казахов*; 1 эскадрон *горцев Северного Кавказа*[157]; 1 рота *поляков*[158]. Таким образом, в порядке *концентраций* на этот момент укомплектовано национальным контингентом было как минимум 2 стрелковых полка, 1 батальон, 20 рот, 11 эскадронов, 1 батарея. Установить списочную численность этих частей и подразделений нет возможности, поскольку неизвестно, какие из них относились к кадровым частям, а какие — к территориальным; какие имели сокращенный состав, а какие — нормальный или усиленный. Однако, так или иначе, *концентрации* продолжали занимать заметное место в структуре национального сегмента Красной армии. Обращает на себя внимание наличие целых полков (татарского и немецкого), укомплектованных по этническому принципу, но официально не имевших национального статуса. Являясь изначально побочным, внеплановым, вынужденным мероприятием, *концентрации* не давали такого права. Однако в изданном в 1931 г. статистическом сборнике ГУ РККА «Характеристика личного состава РККА» это обстоятельство названо «упущением» и указанные формирования предлагалось «перевести на права настоящих нацчастей» с организацией политработы в таких формированиях на национальных языках[159].

Фактически такой перевод состоялся в течение последующих нескольких лет. Так, в действовавшем в 1933 г. мобилизационном расписании МР-15 предусматривалось развертывание до полного штата значительного числа национальных подразделений, частей и соединений: стрелковых дивизий — 3, кавалерийских полков — 11, егерских бригад — 2, стрелковых полков — 3, запасных стрелковых полков — 3, отдельных и неотдельных стрелковых батальонов — 7, запасных стрелковых батальонов, эскадронов — 15, стрелковых рот — 10, национальных военных школ — 6[160]. Среди них появилось немало национальных частей, не предусмотренных ранее программами 1925 и 1927 гг., а сформированных в порядке *концентраций*. В пояснительной записке к введенному в 1934 г. мобилизационному расписанию МП-6 *национальными* воинские формирования теперь именовались не только по *формальному статусу*,

[154] Данные по ЛВО, ОДКВА, ККА не обнаружены.
[155] 96-й стрелковый полк 32-й стрелковой дивизии ПриВО.
[156] 1-й стрелковый полк 1-й стрелковой дивизии ПриВО.
[157] В 26-м кавалерийском полку СКВО.
[158] РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 90.
[159] Там же. Л. 91.
[160] Там же. Ф. 9. Оп. 33. Д. 77. Л. 72—75.

но и *«по фактической насыщенности»* представителями того или иного этноса. По состоянию на июль 1934 г. национальные части и военно-учебные заведения представляли собой следующую картину:

— Украинский военный округ: украинские («*по фактической насыщенности*» украинцами) 7, 23, 25, 75, 58-я стрелковые дивизии, школа Червонных старшин, Полтавские военно-политические курсы (украинское отделение на 300 человек); один молдавский батальон 482-го стрелкового полка 161-й стрелковой дивизии; две немецкие батареи 47-го артиллерийского полка; три еврейские роты в 45-м и 141-м стрелковых полках; один татарский батальон в 9-м стрелковом полку; одна греческая рота в 238-м стрелковом полку;

— Северо-Кавказский военный округ: Отдельный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа; один батальон адыго-черкесов в 222-м стрелковом полку; один эскадрон адыго-черкесов в 78-м кавалерийском полку; одна рота чеченцев и ингушей в 82-м стрелковом полку; одна рота кумыков в 83-м стрелковом полку; одна рота осетин в 84-м стрелковом полку; одна рота аварцев в 85-м стрелковом полку; один эскадрон кабардинцев в 77-м кавалерийском полку;

— Краснознаменная Кавказская армия: Армянская, Азербайджанская, 1-я и 2-я грузинские стрелковые дивизии, Грузинский и Армянский кавалерийские полки. Для их питания людскими ресурсами при мобилизации развертывались запасный грузинский полк, запасный армянский батальон, Закавказские пехотные и военно-политические курсы;

— Среднеазиатский военный округ: 4-я туркменская горная кавалерийская дивизия с Таджикским полком и 6-я узбекская горная кавалерийская дивизия с Киргизским полком и в 15-м горнострелковом полку — таджикская, а в 1-м стрелковом полку — туркменская роты. 13-й запасный кавалерийский полк был развернут для питания узбекских, туркменских и таджикских частей, а в 14-м запасном кавалерийском полку было сформировано по одному казахскому и киргизскому эскадрону;

— Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия: Отдельный национальный бурят-монгольский полк и до 3 тыс. бурят-монголов в 1-й колхозной дивизии; Немецкий батальон в 77-м стрелковом полку и Карельский в 76-м стрелковом полку 26-й стрелковой дивизии;

— Приволжский военный округ: 1-й татарский стрелковый полк и Отдельный татарский эскадрон 1-й стрелковой дивизии; 157-й Энгельсский немецкий стрелковый полк; 4-й отдельный стрелковый башкирский полк. С объявлением мобилизации в округе разворачивался 16-й запасный стрелковый полк для питания татарских частей;

— Ленинградский военный округ: 1-я карельская егерская бригада[161].

Последним случаем национализации целого соединения «*по фактической насыщенности*» следует считать переименование в сентябре 1935 г. 7-й туркестанской горнокавалерийской дивизии, имевшей в своем составе 72% таджиков, в 7-ю таджикскую горнокавалерийскую дивизию. Переименование произошло с личной санкции И.В. Сталина по ходатайству ЦК КП(б) Таджикистана[162].

Анализ показывает, что к середине 1930-х гг. состав национальных формирований вышел далеко за рамки перечней, утвержденных в двух пятилетних программах (1925 и 1927 гг.). Об углублении протекавшей бесконтрольно эволюции национальных формирований свидетельствует тот факт, что в первой половине 1930-х гг. в целом ряде национальных соединений появились национальные подразделения как бы второго порядка, состоявшие из нетитульных для данного соединения национальностей, например курдские роты — в Армянской стрелковой дивизии, талышские — в Азербайджанской, осетинские, тюркские (азербайджанские), абхазские, русские роты, батареи, взводы — в 1-й и 2-й грузинских стрелковых дивизиях. Встречались даже смешанные тюркско-армянские роты[163]. Нередки были случаи, когда соединения с этническим наименованием (например, 4-я туркменская горнокавалерийская дивизия, Отдельная карельская егерская бригада) на деле имели смешанный национальный состав. В то же время части, носившие топонимические или цифровые наименования (1-я Казанская стрелковая дивизия, 4-й отдельный территориальный стрелковый полк), были почти полностью укомплектованы лицами одной национальности[164].

Все это было следствием того, что дело строительства национальных частей фактически было пущено на самотек, передано в руки окружных управлений, которые национализировали войска исходя из соображений удобства использования местного контингента военнообязанных.

Многие новые формирования создавались по решению окружных командований. Поэтому центральные органы военного управления уже в полной мере не владели информацией о численности и составе национальных частей. В связи с этим потребовались меры по их упорядочению и оптимизации. Летом 1934 г. 2-е управление ГУ РККА потребовало от округов до 15 сентября 1934 г. представить сведения о наличных национальных частях. Из полученных к началу осени сведений оказалось, что не все национальные формирования были учтены в мобрасписании МП-6. Национальным военным строительством (как в плановом порядке, так и путем *кон-*

[161] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 41—42.
[162] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 139.
[163] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 43. Л. 8, 13.
[164] Там же. Д. 19. Л. 41—42.

центраций) к этому моменту было охвачено уже без малого *36 народов СССР*[165]. При этом численность неотдельных формирований (от взвода до полка), созданных путем *концентраций* вне программы национальных воинских формирований, достигла 105 единиц[166].

По итогам анализа затребованных у округов сведений о национальных частях, в 1934 г. Политуправлением РККА был составлен сводный перечень таковых. Перечень был разослан в заинтересованные управления РККА для заключения «о необходимости содержания всех перечисленных частей и подразделений РККА»[167]. Окончательный список после всех согласований утвердил лично нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов[168]. Перечнь отражал серьезные перемены в номенклатуре и структуре национальных формирований. Во-первых, продолжился процесс укрупнения национальных формирований. В частности, в дивизии были сведены татарские стрелковые и закавказские горнокавалерийские части. Во-вторых, в 1934 г. статус национальных утратили соединения, укомплектованные украинцами и белорусами. Процесс искусственного сдерживания *украинизации*, проявившийся еще в конце 1920-х гг., в начале 1930-х гг. перешел в фактическую денационализацию украинских частей путем лишения их национального статуса. Например, уже в начале 1931 г. в годовом статистическом отчете ГУ РККА по Украинскому военному округу не было показано ни одного украинского соединения, хотя фактически 10 из 14 стрелковых дивизий округа были укомплектованы украинцами более чем на 70%[169]. В мобилизационном расписании МР-15, действовавшем в 1933 г., в специальном разделе «Справка о национальных частях РККА, развертывающихся по мобилизации»[170], представлявшем собой исчерпывающий перечень национальных частей Красной армии, существовавших на тот момент, украинские и белорусские части вообще не упомянуты. Разъяснение этого казуса содержится в обобщающей справке ПУ РККА по национальному составу Красной армии от 7 июля 1934 г. Здесь, после перечисления частей УВО, была сделана карандашная ремарка: «Украинские части, так же как и белорусские, поскольку в них работа ведется на государственном языке (то есть на русском. — *Авт.*), *как национальные не должны выделяться*» (выделено

---

[165] Автором установлены следующие этносы, располагавшие национальными формированиями: карелы, татары, удмурты, украинцы, немцы, осетины, белорусы, евреи, калмыки, казаки (казахи), башкиры, аварцы, кумыки, лезгины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, черкесы, адыгейцы, армяне, узбеки, туркмены, таджики, киргизы, тюрки (азербайджанцы), армяне, грузины, талыши, курды, абхазы, якуты, буряты, корейцы, монголы (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139—146).

[166] Подсчитано по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139—146.

[167] Там же. Л. 77.

[168] Там же.

[169] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 77—98.

[170] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 77. Л. 72—74.

мной. — *Авт.*)[171]. Так, совершенно «бесшумно» украинские и белорусские национальные формирования были упразднены. Будучи изначально очень близкими по боевым качествам к обычным *номерным* частям, в конечном итоге они слились с ними в единое целое.

Немаловажен и политический фактор. В эти годы политика *коренизации* на Украине и в Белоруссии в связи с массовым голодом и ростом социальных протестов в этих республиках была свернута. Отмечалось нарастающее напряжение в красноармейской среде в частях Украинского военного округа[172]. «Исчезновение» украинских и белорусских национальных соединений отражало значительное ослабление политических позиций республиканских элит, уже не способных, как в 1920-х гг., твердо отстаивать свои интересы.

В течение 1930-х гг. украинские и белорусские соединения, формально упраздненные и уже не проходившие по линии учета нацформирований, тем не менее продолжали существовать «*по фактической насыщенности*», то есть продолжали комплектоваться преимущественно местным этническим элементом. Например, новое пополнение осени 1933 г. для 14 стрелковых и кавалерийских дивизий, 9 вузов и других частей УВО на 49,1% состояло из украинцев[173]. Об этом же свидетельствует тот факт, что в начале марта 1938 г., когда было принято решение о переформировании национальных соединений в так называемые «общесоюзные» с экстерриториальным комплектованием, дивизии, дислоцированные на Украине (7, 15, 58, 100-я) и в Белоруссии (33-я), также готовились к перераспределению личного состава, хотя давно носили статус *номерных*, а не национальных. В них насчитывалось от 51,7 до 75,6% военнослужащих украинской или белорусской национальности[174]. Здесь можно говорить о процессе денационализации, обратном тому, что был описан выше, когда сформированные в порядке *концентрации* части признавались сначала национальными «*по фактической насыщенности*», а затем получали формальный статус национальных.

К середине 1930-х гг. большинство национальных формирований, в том числе среднеазиатских, в целом встали в один ряд со всеми соединениями Красной армии. В Политуправлении РККА полагали, что «успех достигнут» и следует «полностью сохранить и в дальнейшем укреплять» нацформирования[175]. По итогам учений национальные части оценивались удовлетворительно. Например, о среднеазиатских частях на заседании Военного совета при народном комиссаре обороны СССР в октябре 1936 г. говорилось: «Нацио-

---

171 РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 44.

172 «Українізація» 1920—30-х років: Передумови, здобутки, уроки. К., 2003. С. 163.

173 РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 90. Л. 59.

174 Там же. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 37.

175 Там же. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 44.

нальные кавдивизии подготовлены неплохо, хорошо маневрируют, лошади отлично втянуты, войска научены вести пеший и конный бой»[176]. Об успехах национальных формирований в 1930-х гг. свидетельствует и то, что целый ряд их был награжден орденами и получил право носить имена вождей Советского государства и Красной армии. Например, Армянская стрелковая дивизия в 1935 г. получила имя наркома обороны маршала СССР К.Е. Ворошилова, а в 1936 г. была награждена орденом Красного Знамени. 1-й и 2-й грузинским стрелковым дивизиям были присвоены имена И.В. Сталина и М.В. Фрунзе соответственно. Азербайджанская стрелковая дивизия в 1930 г. получила имя Серго Орджоникидзе, а в 1935 г. была награждена орденом Красного Знамени. 7-я таджикская горнокавалерийская дивизия в 1931 г. была награждена орденом Красного Знамени, а в 1935 г. — орденом Ленина. 6-я узбекская горнокавалерийская дивизия в 1936 г. также была награждена орденом Ленина.

С середины 1930-х гг. национальные соединения ЗакВО и САВО переводились на штаты горнострелковых и горнокавалерийских дивизий и принимали самое активное участие в горных и альпинистских походах, осваивали специализированную горную подготовку. В сентябре—октябре 1935 г., завершая учебный год, все национальные соединения ЗакВО совершили многодневные горные походы. О сложности организации и осуществления таких походов могут свидетельствовать такие факты: во время марша, совершенного с 1 по 12 октября 1935 г. частями Азербайджанской стрелковой дивизии по маршруту с. Худат—Баку (всего 420 км), крутизна маршрута на перевале Мичиха (2675 м) доходила до 35—40 градусов; а только одну из горных рек пришлось преодолевать свыше 60 раз. Тогда же, в октябре 1935 г., сводный батальон 2-й грузинской стрелковой имени М.В. Фрунзе дивизии совершил восхождение на гору Казбек. В батальоне специально было сведено три обычные штатные стрелковые роты «с целью проверить выносливость, втянутость и готовность частей дивизии к трудным походам и действиям в высокогорных районах»[177]. Непосредственное восхождение на вершину (с высоты 4000 до высоты 5034 м) сопровождалось большими трудностями: крутизна скатов доходила до 50—60 градусов, случались камнепады[178].

Можно утверждать, что во второй половине 1930-х гг., после упразднения украинских и белорусских стрелковых дивизий, определилась *специализация оставшихся национальных соединений как горных*. 21 мая 1936 г. в целях упорядочения нумерации стрелковых и кавалерийских дивизий приказом наркома обороны № 072 всем национальным соединениям была присвоена новая нумерация: Армянской горнострелковой — № 76, 1-й грузинской стрелковой —

---

[176] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 131.
[177] Там же. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2084. Л. 164.
[178] Там же. Л. 165.

№ 47[179], 2-й грузинской стрелковой — № 63[180], Азербайджанской горнострелковой — № 77, 4-й туркменской горнокавалерийской дивизии — № 18, 6-й узбекской горнокавалерийской — № 19, 7-й таджикской горнокавалерийской — № 20. Также сквозную нумерацию получали неотдельные национальные кавалерийские полки в ЗакВО и САВО (всего — 9 полков)[181].

По состоянию на начало 1938 г. в составе РККА числилось: 4 горнострелковые дивизии (две грузинские, азербайджанская, армянская), 3 горнокавалерийские дивизии (узбекская, туркменская, таджикская), 2 отдельные кавалерийские бригады (горских национальностей Северного Кавказа и бурят-монгольская) и 5 кавалерийских неотдельных полков в составе других соединений (грузинский, армянский, казахский, хорезмский, киргизский). В Закавказье до 1938 г. национальные грузинские, армянские и азербайджанские дивизии, а также соединения, не имевшие статуса национальных, но укомплектованные в значительной степени местными национальностями (17-я кавалерийская, 20, 47, 63, 76 и 77-я горнострелковые), составляли ядро войск Закавказского военного округа. То же можно сказать и о Среднеазиатском военном округе.

Итоги развития национальных формирований РККА по программе национальных формирований в межвоенный период сведены в таблицу 12.

Таблица 12

Итоги развития национальных формирований в 1924—1938 гг.

Наименование союзной (автономной) республики	План национальных формирований по пятилетней программе, утвержденной РВС СССР в декабре 1924 г.	Перечень национальных частей и соединений по состоянию на 1 января 1930 г. (без учета концентраций)	Перечень национальных частей и соединений по состоянию на март 1938 г.
Украинская ССР	4 территориальные дивизии	45, 96, 99, 100-я украинские стрелковые дивизии	—
Белорусская ССР	1 территориальная дивизия	2-я, 33-я белорусские стрелковые дивизии	—
Грузинская ССР	1 кадровая стрелковая дивизия с кавалерийским полком	1-я, 2-я грузинские стрелковые дивизии	47-я, 63-я грузинские стрелковые дивизии

[179] В приказе НКО № 072 названа стрелковой, однако с 1931 г. содержалась по штатам горнострелковой дивизии.

[180] В приказе НКО № 072 названа стрелковой, однако с 1931 г. содержалась по штатам горнострелковой дивизии.

[181] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3301. Л. 36—36 об.

Наименование союзной (автономной) республики	План национальных формирований по пятилетней программе, утвержденной РВС СССР в декабре 1924 г.	Перечень национальных частей и соединений по состоянию на 1 января 1930 г. (без учета концентраций)	Перечень национальных частей и соединений по состоянию на март 1938 г.
Армянская ССР	1 территориальная стрелковая дивизия	Армянская стрелковая дивизия	24-й грузинский кавалерийский полк 17-й горнокавалерийской дивизии
Азербайджанская ССР	1 кадровая стрелковая дивизия с кавалерийским полком	Азербайджанская стрелковая дивизия	76-я армянская горнострелковая дивизия
Узбекская ССР Таджикская ССР	1 территориальная стрелковая дивизия	Отдельная (Сводная) узбекская бригада Отдельный таджикский горнострелковый батальон	22-й армянский кавалерийский полк
Киргизская ССР	1 корпус в составе 1 стрелковой и 1 кавалерийской кадровых дивизий	Отдельный киргизский кавалерийский дивизион	77-я азербайджанская горнострелковая дивизия
Туркменская ССР	1 территориальная кавалерийская дивизия	Отдельная туркменская кавалерийская бригада	19-я узбекская горнокавалерийская дивизия
Казахская ССР	1 кадровая кавалерийская дивизия	Отдельный казахский кавалерийский эскадрон	20-я таджикская горнокавалерийская дивизия
Карельская АССР	—	Отдельный карельский егерский батальон	—
Горские национальности Северного Кавказа	1 егерский батальон	Кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа	Отдельная кавалерийская бригада горских национальностей
Бурят-Монгольская АССР	1 территориальный кавалерийский полк	Бурят-монгольский кавалерийский дивизион	Отдельная бурят-монгольская кавалерийская бригада
Якутская АССР	1 территориальный кавалерийский полк	—	—
Татарская АССР	1 территориальный стрелковый батальон с кавалерийским эскадроном	—	—

Составлено по: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 568. Л. 5—5 об.; Д. 610. Л. 87; Ф. 54. Оп. 4. Д. 73. Л. 77—78; Ф. 4. Оп. 3. Д. 3301. Л. 36—36 об.

Горная специализация национальных соединений велась на фоне набиравшей темп в 1930-х гг. *технизации* и перестройки Вооруженных Сил СССР на современный лад, которые уже стали причиной

замедления развития национальных формирований на рубеже 1920—1930-х гг. Главной задачей военного строительства была техническая реконструкция РККА и РККФ и достижение превосходства над армиями капиталистических стран. Становление советского военно-промышленного комплекса к середине 1930-х гг. обеспечило массовое поступление в войска сложной военной техники новейших образцов — танков, самолетов, артиллерийских систем, стрелкового оружия. По отдельным видам вооружений рост был поистине громадным. Например, численность пулеметов возросла в 5,5 раза, самолетов — в 6,5, артиллерии — в 7, танков — в 43 раза, мелкокалиберной противотанковой артиллерии — в 70 раз![182] Резко возросшая техническая оснащенность вооруженных сил оказала значительное влияние на их структуру, перечень и соотношение военных специальностей. Быстро развивались новые рода войск. Значительная масса молодого пополнения направлялась для прохождения службы в артиллерию, мотомеханизированные и танковые войска, авиацию. Например, численность военно-воздушных сил и артиллерии по штатам военного времени по мобилизационным планам с 1930 по 1938 г. выросла в 2,7 раза, ПВО — в 3,3, железнодорожных войск и органов ВОСО — в 7,3, бронетанковых войск — в 16 раз[183]. Быстро росла и общая численность армии. 31 августа 1939 г. нарком обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов публично заявил, что за девять лет она выросла троекратно[184]. Если на 1 января 1930 г. списочный состав РККА насчитывал 607,6 тыс. человек, то на 1 января 1940 г. — 2032,8 тыс. человек[185].

Одновременно кардинально менялась система комплектования РККА. С 1935 г. быстро сокращалось число территориальных дивизий в пользу кадровых формирований, поскольку освоение на краткосрочных сборах военнослужащими переменного состава сложных видов военной техники и вооружений в рамках территориальной организации военной службы оказалось невозможным. К 1938 г. этот процесс был завершен. Переход к полностью кадровой организации войск сопровождался в 1938—1939 гг. переводом войск на экстерриториальную систему комплектования, при которой граждане проходили военную службу вне регионов своего проживания. Этот принцип позволял пополнять воинские части личным составом и создавать группировки войск вне зависимости от плотности населения в той или иной местности, а также сглаживал проблемы, связанные с огромной территорией страны и слаборазвитой транспортной сетью. Для призывников из национальных регионов это означало длительный непрерывный срок службы на казарменном положении (вместо прежних периодических лагерных сборов) вне

[182] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3301. Л. 6—7.
[183] Там же. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 75. Л. 230.
[184] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 163. Л. 4.
[185] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2; Д. 234. Л. 27.

своей республики. Тем самым они быстрее адаптировались в русскоязычном воинском коллективе и, по точному определению командующего войсками Закавказского военного округа комкора И.В. Тюленева, приобщались «к общей культуре единого многонационального народа»[186].

Историю национальных частей в этот период нельзя рассматривать вне контекста описанных реформ. *Технизация* объективно встала на пути дальнейшей возможности экстенсивного расширения национальных формирований, потому что «технические войска (воздушные, химические, танковые и др.) пока невозможно формировать по национальному признаку», — отмечалось в отчетном докладе наркомвоенмора в Политбюро ЦК ВКП(б) еще в июне 1929 г.[187] Кадровый дефицит не позволял в ближайшем будущем надеяться на создание национальных формирований в технически сложных родах войск, что ставило их вне магистрального пути развития Красной армии. Для них оставалась ниша горных войск и кавалерии, значительно меньше затронутых технической перестройкой.

Анализ документов показал, что абсолютный и особенно относительный (в масштабах всей Красной армии) прирост списочной численности нацформирований во второй половине 1930-х гг. действительно замедлялся, что отражало их упадок на фоне бурного развития технических родов войск. В начале 1938 г., после фактического упразднения национального статуса украинских и белорусских частей, общая списочная численность национальных формирований по мирному времени составляла 27 239 человек при штате 25 378 человек, причем доля представителей титульных национальностей в них была относительно невелика — 69% (18 695 человек). При мобилизационном развертывании национальные формирования должны были достигать численности 138 739 человек[188]. Для сравнения: общая списочная численность РККА мирного времени на 1 января 1938 г. составляла 1 215 601 человек[189]. На военное время по мобплану 1937 г. МП-6 она разворачивалась до численности 4830,8 тыс. человек[190]. Таким образом, численность нацформирований по штату *мирного времени* составляла к этому моменту лишь 2,24% от списочной численности РККА вместо 10% по первоначальному плану 1925 г., а по штату *военного времени* несколько больше — 2,87%.

Быстрое наращивание численности армии и переход к экстерриториальному распределению пополнений делали штатную емкость национальных формирований недостаточной для приема возраставшего потока пополнений из союзных и автономных республик, а

---

[186] РГВА. Ф. 21873. Оп. 1. Д. 128. Л. 60.
[187] Красная армия в 1920-е годы. С. 177.
[188] РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 75—78.
[189] Там же. Оп. 2а. Д. 121. Л. 82.
[190] Там же. Д. 75. Л. 225.

значит, и для формирования существенного мобилизационного резерва из представителей нерусских этносов. А в *военное время* необходимость доукомплектовывать национальные формирования представителями определенной национальности создавала бы дополнительные сложности. В подготовленной 23 февраля 1938 г. наркому обороны справке временно исполнявшего должность начальника Административно-мобилизационного управления (АМУ) РККА комдива А.И. Баринова «О национальных частях и соединениях РККА» докладчик подчеркивал, что «по военному времени комплектование национальных частей встретит большие трудности, так как источники комплектования чрезвычайно удалены от театра военных действий. Это вызовет необходимость в периоды напряженных операций укомплектовывать национальные части, не считаясь с национальным признаком из близ расположенных запасных частей. В конечном счете, национальные части через очень короткий промежуток превратятся в смешанные с преобладанием русского и украинского элементов»[191].

Комдив Баринов довольно точно предсказал сложности с укомплектованием многих нацформирований, проявившиеся в годы Великой Отечественной войны, если только их состав целенаправленно не поддерживался национальными пополнениями, что происходило далеко не всегда. Нельзя не отметить, что в 1938 г. необходимость поддержания национального баланса таких формирований уже понималась как ненужное бремя, в то время как полтора десятилетия назад, в начале 1920-х гг., в интересах политической интеграции национальных окраин эти издержки считались неизбежными даже в ущерб боеспособности Красной армии и очевидная мысль о сложности пополнений в военной обстановке никем всерьез не обсуждалась.

* * *

Анализ истории национальных формирований в 1930-х гг. был бы неполным вне общего контекста развития национальной политики в СССР в этот период. На первую половину десятилетия пришлось постепенное сворачивание политики *коренизации*, которая с середины 1920-х гг. интенсивно, нередко под сильным административным нажимом, насаждалась по всей стране. С одной стороны, сказались общие методологические ошибки при реализации этой программы, связанные с нереализуемой в короткие сроки ставкой на выдвижение национальных кадров и обеспечение гегемонии национальных языков. С другой стороны, произошел фактический отказ от идеи *мировой революции* (водоразделом считается XVII съезд ВКП(б), проходивший в начале 1934 г.) как стратегической цели и замены ее

[191] РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 78.

национальным государством. Цементирующим государствообразующим элементом новой этнополитической общности — советской нации — выступал русский народ. Концепт «русский народ — старший брат в семье советских народов» нес в себе прямо противоположный *коренизации* идеологический заряд, выдвинув на первое место русский язык, русскую историю, русскую культуру. Национальные воинские формирования на фоне отказа от политики *коренизации* выглядели анахронизмом, хотя и просуществовали несколько дольше — до конца 1930-х гг. Во второй половине 1930-х гг. ЦК ВКП(б) и правительство приняли целый ряд политических и нормативно-правовых документов, направленных на изменение национальной политики: постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», «О ликвидации национальных школ и отделений в школах» от 24 января 1938 г. и «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 мая 1938 г., постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов» от 29 февраля 1939 г. и другие[192].

Репрессии, охватившие Красную армию и особенно высший и старший командный состав в 1937—1938 гг., безусловно, стали еще одним фактором, повлиявшим на судьбу национальных формирований. В гнетущей атмосфере массовых репрессий жупел борьбы со шпионажем и военными заговорами в армии не мог обойти стороной национальные части. При некоторой фантазии теперь они могли квалифицироваться как эпицентры местного национализма и проводники этнического шпионажа в пользу соседних государств. Во время создания нацформирований в 1920-х гг. этническая близость их бойцов населению соседних стран считалась преимуществом, поскольку должна была облегчить продвижение революции за пределы Советского Союза. Теперь же, напротив, это же обстоятельство вызывало подозрения. В 1930-х гг. осложнение международной обстановки стало ассоциироваться с конкретными западными нациями, а их «подрывная работа» нацеливалась на определенные советские этносы, наиболее к ней чувствительные в силу своего этнического родства. Например, высказывались мнения о том, что финские шпионы проникали в Красную армию через карельские национальные части, иранские — через азербайджанские, турецкие — через грузинские, японские — через бурятские[193] и т. д. Говоря о национальных частях, первый замкомвойсками ОКДВА Я.К. Берзин предостерегал коллег: «Наш сосед этих частей не за-

---

[192] Великая Отечественная война 1941—1945 годов: В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 395.

[193] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 157—160; также см.: *Намнанов Д.Д.* Национальные формирования Красной армии в Бурятии в 1924—1939 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 21.

бывает и среди них есть люди, работающие не на нас, а на чужих»[194]. С сентября 1937 г. кампания по вскрытию «национальных буржуазных групп» велась в национальных частях САВО[195]. Во всех соединениях такие группы были обнаружены. В октябре 1937 г., после разгрома «антисоветских организаций» в недрах партийного руководства среднеазиатских союзных республик, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев предложил И.В. Сталину перевести узбекские и таджикские национальные формирования в европейскую часть СССР, поскольку разоблаченное руководство республик «ставило серьезную ставку на эти национальные воинские части; будут попытки и впредь из Афганистана, Ирана и Турции вести в них враждебную работу»[196]. На документ наложена положительная резолюция Сталина с указанием «предварительно почистить» национальные части[197].

Национальные части легко подверстывались в немудреные, даже самые фантастические схемы «националистических заговоров». Во множестве они выявлялись в республиках СССР, давая повод под корень рубить местные национальные партийно-советские и военные элиты. Как отмечал один из ораторов на Военном совете при НКО в ноябре 1937 г., подводя итог чисткам в национальных частях, «нам необходимо было самым тщательным образом присмотреться, чтобы не дать возможность враждебным элементам, *прикрываясь национальностью* (курсив мой. — *Авт.*), остаться в нашей армии. Отсюда у нас такое большое количество уволенных»[198]. Ожидаемым результатом тщательного просева военнослужащих стало выявление «большой засоренности» командно-начальствующего состава людьми, теми или иными путями связанными с близлежащими иностранными государствами (прежде всего через кровное родство). Многие национальные соединения были обезглавлены. Так, в Закавказском военном округе в 1937 г. были репрессированы все командиры дивизий: командир 9-й Кавказской горнострелковой дивизии комбриг П.Г. Кевлишвили, командир 20-й Кавказской горнострелковой дивизии полковник В.Ф. Мыздриков, командир 47-й грузинской горнострелковой дивизии комбриг Л.М. Агладзе, командир 63-й грузинской горнострелковой дивизии комдив Ф.М. Буачидзе, командир 76-й армянской горнострелковой дивизии комдив А.Т. Атоян, командир 77-й азербайджанской горнострелковой дивизии комдив Г.М. Везиров, а также почти все командиры полков, входивших в состав этих дивизий, и многие другие старшие командиры и на-

---

194 РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 640.

195 *Павлович С.Л.* История национальных воинских формирований Рабоче-Крестьянской Красной армии в Средней Азии (1920—1938 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. С. 113—114.

196 ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 296.

197 Там же.

198 РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 101.

чальники[199]. Больше всего начсостава было уволено в 77-й горнострелковой дивизии (Азербайджанской) — не менее 107 человек, что составило 26,5% от списочного начсостава дивизии. Они были обвинены в участии в «азербайджанской национальной партии». Другие дивизии ЗакВО потеряли в результате увольнений в 1937—1938 гг. от 56 до 70 командиров и начальников, то есть от 14 до 19% своего списочного состава на 1937 г. Большинство из них были расстреляны или умерли в местах заключения[200].

Аналогичный список можно представить и по соединениям САВО[201]. Всего в САВО в 1937—1938 гг. было уволено по политическим мотивам 852 командира (43,5% штатного командно-начальствующего состава), из которых 280 человек — арестованы, 220 человек — осуждены, из них 79 человек — расстреляны[202]. Здесь также в каждом из соединений было уволено от 48 до 99 лиц командно-начальствующего состава[203].

Вследствие репрессий уровень боевой подготовки частей РККА резко упал. Например, 76-й армянской стрелковой дивизией командовал капитан, который прежде не командовал ни полком, ни батальоном, а лишь батареей. Азербайджанской дивизией командовал майор, вообще не имевший командной практики, — прежде он служил преподавателем военного училища. Все их усердие разбивалось об отсутствие опыта и знаний. «Откуда может быть хорошим командир грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого стажа командира не имеет», — восклицал на Военном совете при НКО в ноябре 1937 г. командующий округом комкор Н.В. Куйбышев[204]. В итоге получалось, что «уровень подготовки командного состава настолько низок, что приходится для оказания помощи прикомандировывать к ним опытных старших командиров»[205]. Аналогичным образом складывалось положение и в национальных соединениях САВО. В ноябре 1937 г., выступая на Военном совете при наркоме обороны, командующий войсками округа комкор А.Д. Локтионов сообщил: «Штабы очень молодо выглядят — молодой состав, не обладающий навыками и опытом. Поэтому на осенних учениях штабы провалились, управление хромало...»[206]

Все вышесказанное предопределило решение о переформировании национальных частей в обычные части Красной армии. 21 фев-

---

[199] *Ларькин В.В.* Политические репрессии командно-начальствующего состава Закавказского военного округа в 1937—1938 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. С. 173.

[200] Там же. С. 173—174.

[201] *Павлович С.Л.* Указ. соч. С. 130—131.

[202] Там же. С. 134—135.

[203] Там же. С. 140, 142.

[204] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 74.

[205] Там же.

[206] Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Док-ты и мат-лы. М., 2006. С. 80.

раля 1938 г. ЦК ВКП(б) направил в центральные комитеты компартий союзных республик, а также автономных республик РСФСР телеграммы, обязывавшие первых секретарей ЦК нацкомпартий и национальных обкомов (всего 10 первых секретарей ЦК нацкомпартий и 14 первых секретарей обкомов) прибыть на совещание с подготовленными материалами по вопросам преподавания русского языка в нерусских школах и о национальных формированиях[207]. 7 марта 1938 г. на совещании при ЦК ВКП(б) при формальном соблюдении демократической процедуры было принято решение, оформленное совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, «О национальных частях и формированиях РККА». В постановлении отдавалось должное их историческим заслугам перед Советским государством: «Национальные части и формирования, возникшие в годы Гражданской войны и борьбы за национальную независимость, сыграли в то время свою положительную роль в борьбе с контрреволюционными националистическими буржуазными правительствами и иностранными интервентами. Они являлись одной из основных форм вовлечения народностей в армии ранее вовсе не служивших (узбеков, туркмен, бурят-монголов, киргизов, части народов Северного Кавказа и т. д.) в дело обороны государства. Национальные части построены по принципу территориальности, что ранее соответствовало принципу строительства всей РККА»[208]. Однако в настоящий момент, констатировалось в постановлении, они «не могут оправдать своего предназначения». Поскольку вооруженные силы СССР «призваны защищать государство в целом», то они должны быть организованы единообразно, строиться на основе всеобщей воинской повинности и экстерриториальности комплектования воинских частей. С переходом от территориальной системы к комплектуемым экстерриториально кадровым формированиям национальные части оказались в противоречии с общегосударственным принципом строительства Красной армии. Кроме этого общего противоречия указывалось на ряд частных проблем: консервацию национально-культурных различий личного состава национальных частей, замкнутость программы обучения национальных контингентов, неприспособленность их к иным природно-климатическим и бытовым условиям, отсутствие перспектив служебного роста для командно-политического состава[209].

В связи с изложенным ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили:

«1. Национальные части, соединения, военные училища и школы РККА переформировать в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием, изменив соответственно дислокацию частей и соединений.

---

[207] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 382—383.
[208] Там же. С. 382.
[209] Там же. С. 383.

2. Граждан национальных республик и областей призывать к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях»[210].

Постановление партии и правительства было конкретизировано в приказе НКО от 6 апреля 1938 г. № 4/1/33791. В первоначальном проекте приказа предусматривалось сохранение за переформированными национальными частями их названий, содержавших этноним или название республики, но без оставления самого национального состава. В проекте также предусматривалась возможность досрочного увольнения военнослужащих из национальных частей, не желавших переводиться в другие округа. Однако из окончательной редакции приказа эти положения были вычеркнуты лично наркомом обороны К.Е. Ворошиловым[211]. Таким образом, национальные формирования были одномоментно упразднены, без какого-либо переходного периода. К этому следует добавить, что реализация постановления проходила в условиях секретности. Красноармейскому составу нацсоединений разъяснили содержание мероприятия только накануне погрузки в эшелоны[212]. Командно-начальствующий состав был уведомлен заранее, но под подписку о неразглашении. Получается, что эволюция национальных формирований в течение 1920—1930-х гг. прошла путь от всенародно обсуждаемой программы до их негласного упразднения.

Переформирование национальных соединений пришлось на апогей политических репрессий в Красной армии. Как особый институт РККА в целом они редко подвергались прямым нападкам и подозрениям. В то же время изучение документов дает все основания полагать, что политические обвинения в адрес национальных формирований и национальных кадров назревали. Опыт строительства национальных формирований хотя и признавался целиком и полностью оправданным «на определенном этапе» истории Красной армии, но явно был дискредитирован кампаниями по «выкорчевыванию» «врагов народа». Уже в период расформирования нацчастей в июле 1938 г. командующий войсками Закавказского военного округа комкор И.В. Тюленев, докладывая И.В. Сталину об итогах переформирования нацчастей, подчеркивал, что это мероприятие «имеет исключительно важное значение», поскольку «разрушило базу... выбило почву из-под ног врага»[213].

Ключевой особенностью переформирования национальных частей было то, что изменений их организационно-штатной структуры не предусматривалось; надлежало лишь заменить личный состав по национальному признаку. Рядовой и младший командно-начальствующий состав нацчастей переводился двумя очередями в другие

---

210 ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 383.

211 РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 12—15.

212 Там же. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 127. Л. 42.

213 Там же. Ф. 21873. Оп. 1. Д. 128. Л. 58—63.

округа в соответствии с их воинскими специальностями и сроками службы[214]. Командный, политический и начальствующий состав переводился для продолжения службы за пределы своих республик. Часть командного состава, которая решением специальной комиссии по кадрам признавалась непригодной для продолжения службы в *номерных* частях, увольнялась с военной службы. Кроме профессиональных причин, причинами массовых увольнений являлись политические чистки. Процесс расформирования дал повод к новому витку репрессий, поскольку любые проявления недовольства комначсостава национальных частей неожиданным и вынужденным переездом и сменой места службы, просьбы об оставлении на прежнем месте службы или попытки увольнения с нее трактовались как «контрреволюционные выпады». Особенно сильное нежелание «ехать в Россию» отмечалось в Закавказском военном округе, где национальный комначсостав представлял собой крепкое спаянное ядро[215].

Расформирование национальных соединений в основном завершилось к лету 1938 г. В конце июня 1938 г. командующие войсками округов докладывали маршалу Ворошилову о результатах замены личного состава различных национальностей. Так, командующий войсками Московского округа Маршал Советского Союза С.М. Буденный доносил, что округ выделил из своих частей 650 человек и столько же принял из других округов. «Каждое соединение для встречи прибывавших из нацчастей выделяло ответственных командиров и политработников, — сообщал Буденный. — Всему составу рядового и младшего комсостава оказана товарищеская теплая, дружественная встреча»[216]. На деле, как правило, обе стороны были недовольны прибывавшим пополнением: *номерные* части РККА получали сотни плохо говоривших по-русски бойцов[217], а бывшие национальные дивизии комплектовались контингентами, присылаемыми изо всех округов, причем последние стремились избавиться от самых нерадивых бойцов и командиров[218]. Таким образом, негативный эффект от переформирования лишь умножался, а уровень боевой подготовки и тех, и других соединений неизбежно падал[219].

В ноябре 1938 г. на Военном совете при наркоме обороны заместитель наркома, начальник ГлавПУ РККА армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис сообщил, что «ликвидация национальных формирований прошла хорошо»[220]. Правда, к этому времени в ряде дивизий еще имелись и национальные подразделения, и остатки

---

[214] РГВА. Ф. 21873. Оп. 1. Д. 128. Л. 11.
[215] Там же. Л. 111—112, 228.
[216] Там же. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 127. Л. 79.
[217] Там же. Л. 140.
[218] Там же. Л. 115—122, 173, 228.
[219] Там же. Л. 115—122.
[220] Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 2—6.

кадрового состава нацчастей. «Много работников бывших нацчастей сидит в округе, — докладывал Л.З. Мехлису один из ответственных работников Пуокра ЗакВО. — Все они на должностях... Но все-таки считаю, что дело освежения кадров надо довести до конца. Нехорошо, когда человек родился, вырос и всю службу проводит на одном месте»[221].

* * *

Совсем скоро после полного переформирования национальных частей Красной армии политическая конъюнктура заставила обратиться к их опыту во вновь присоединенных к СССР государствах Балтии. После вхождения Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза 21—22 июля 1940 г. во вновь образованный Особый Прибалтийский военный округ помимо советских частей были включены и части прибалтийских национальных вооруженных сил, переименованных в «народные армии». Начался курс на «постепенную реорганизацию и последовательную демократизацию» национальных армий, заключавшуюся в смене генералитета, чистке офицерского и рядового составов от «реакционных элементов» — приверженцев прежнего строя (советские политорганы констатировали «большую засоренность частей классово чуждыми советской власти буржуазно-кулацкими и буржуазно-националистическими элементами»[222]), разоружении и роспуске военизированных организаций, создании института политических руководителей и развертывании советской политической и культурно-просветительской работы[223].

Забегая вперед, отметим, что, хотя чистке подверглось немало генералов и офицеров бывших национальных армий[224], в годы Великой Отечественной войны наличие готового контингента командного состава высшего, старшего, среднего и младшего звеньев, имевшего достаточно высокий образовательный ценз (у первых двух категорий нередко — европейские военные академии) и опыт военной службы, — это особенность прибалтийских формирований, ни в коей мере не характерная для всех остальных национальных

[221] РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 145. Л. 270.

[222] Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

[223] *Манг К.Х.* Создание народной армии в ходе социалистической революции 1940 года в Эстонии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллин, 1971. С. 18.

[224] К середине мая 1941 г. было уволено почти 1,5 тыс. человек (Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ), а 16 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР санкционировал новую чистку в трех республиках «бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы» (Цит. по: *Дюков А.* Июньская депортация 1941 года. Версия эстонских историков // Журнал «Скепсис» https://scepsis.net/library/id_1897.html#a50 (дата обращения 20.05.2020).

частей, где острейшая нехватка командных кадров нередко становилась фатальным препятствием для самого их существования.

14 августа 1940 г. постановлением № 1462-570сс ЦК ВКП(б) и СНК СССР на основе народных прибалтийских армий были созданы три территориальных стрелковых корпуса (29-й — в Литве, 24-й — в Латвии и 22-й — в Эстонии) двухдивизионного состава, по 6 тыс. человек в каждой дивизии (в корпусе — 15 142 человека; в трех корпусах — 45 426 человек), которые через один год предстояло перевести на экстерриториальный способ комплектования личным составом, единый для всей Красной армии. За это же время надлежало очистить корпуса от «неблагонадежных элементов». Также предполагалось, что «комсостав закончит за этот срок усвоение русского языка и военную переподготовку»[225]. Любопытно, что на переходный период в корпусах сохранялась национальная военная форма одежды, но без погон и со знаками различия Красной армии.

Этим же постановлением от 14 августа 1940 г. «для осуществления учета военнообязанных и разрешения вопросов прохождения обязательной военной службы» образовывалась сеть республиканских, городских и уездных военкоматов[226].

Утвержденный Генеральным штабом штатный состав прибалтийских корпусов отображен в таблице 13. Следует обратить внимание на то, что в источниках (постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР, сообщении начальника Оргуправления Генштаба КА генерал-майора Н.И. Четверикова главному интенданту Красной армии генерал-лейтенанту интендантской службы А.В. Хрулеву) корпуса именуются «национальными», хотя национальные части были упразднены уже полтора года назад.

Таблица 13

Штатная численность национальных частей Прибалтийского особого военного округа на 1 ноября 1940 г., чел.

	Начальствующего состава			Младшего начсостава	Рядового состава	Курсантского	Всего
	Всего	В т. ч. командного	В т. ч. политического				
22-й эстонский стрелковый корпус	207	100	38	257	853		1317
Корпусной артполк	157	91	24	277	1161		1595
180-я стрелковая дивизия	972	652	140	1315	3758		6045
182-я стрелковая дивизия	972	652	140	1315	3758		6045

[225] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 29. Д. 31. Л. 125.
[226] Там же. Л. 127.

	Начальствующего состава			Младшего начсостава	Рядового состава	Курсантского	Всего
	Всего	В т. ч. командного	В т. ч. политического				
Пехотное училище	242	174	29	61	130	1200	1633
Авиационная эскадрилья	77	45	1	70	59		206
Итого	2627	1714	372	3295	9719		16 841
24-й латвийский стрелковый корпус	207	100	38	257	853		1314
Корпусной артполк	157	91	24	277	1161		1595
181-я стрелковая дивизия	972	652	140	1315	3758		6045
183-я стрелковая дивизия	972	652	140	1315	3758		6045
Пехотное училище	242	174	29	61	130	1200	1633
20-й кавалерийский полк	100	58	16	171	892		1163
Авиационная эскадрилья	77	45	1	70	59		206
Итого	2727	1772	388	3466	10 611		18 004
29-й литовский стрелковый корпус	207	100	38	257	853		1314
Корпусной артполк	157	91	24	277	1161		1595
179-я стрелковая дивизия	972	652	140	1315	3758		6045
184-я стрелковая дивизия	972	652	140	1315	3758		6045
Пехотное училище	242	174	29	61	130		1633
26-й кавалерийский полк	100	58	16	171	892		1163
Авиационная эскадрилья	77	45	1	70	59	1200	206
Итого	2727	1772	388	3466	10 611		18 004

Источник: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 25. Д. 179. Л. 144.

23 февраля 1941 г. личный состав корпусов был приведен к военной присяге Красной армии[227]. Однако еще за месяц до начала войны политорганами отмечалось значительное число антисоветских настроений и контрреволюционных преступлений. «Решительное очищение» частей предлагалось продолжить. При этом делался принципиальный вывод о том, что сам по себе национальный характер прибалтийских территориальных корпусов не только «не дает никаких преимуществ для укрепления их боеспособности, а, наоборот, задерживает процесс освобождения от буржуазной идеологии красноармейцев и командного состава...»[228]. Однако начавшаяся война нарушила все планы и прибалтийские корпуса не окончили переформирования[229].

[227] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 25. Д. 179. Л. 144.

[228] Там же. Д. 15. Л. 62.

[229] *Ларин П.А.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1972. С. 37.

* * *

Итак, во второй половине 1920-х гг. реализация пятилетней программы национальных формирований столкнулась с проблемами материального и кадрового характера, что стало причиной коррекции плана национальных формирований. Особенностью принятого в июне 1927 г. обновленного пятилетнего плана нацформирований стал акцент на уже готовые славянские и закавказские соединения, доформирование остальных нацформирований, доведение их до среднего по РККА уровня боеготовности и прекращение приема ходатайств из национальных регионов о новых формированиях.

С развертыванием в 1930-х гг. форсированного перевооружения, организационной перестройкой, многократным ростом численности войск, переходом к массовому призыву и экстерриториальному комплектованию войск определилось несоответствие национальных формирований современным требованиям развития вооруженных сил. Низкая штатная емкость не позволяла выполнять задачу подготовки массового обученного резерва в национальных регионах страны, а комплектование нацчастей в условиях широкомасштабной войны представлялось все более сложной задачей.

В 1930-х гг. изменились идеологические и политические условия, прежде благоприятствовавшие развитию этого сегмента Красной армии: затухание надежд на скорую мировую революцию лишило национальные формирования их внешнеполитической актуальности, а поворот идеологического курса страны к строительству автономного социалистического государства, сворачивание политики *коренизации* национальных кадров деактуализировало их внутриполитическую функцию. Развернувшиеся во второй половине 1930-х гг. политические репрессии, прямо и целенаправленно коснувшиеся целого ряда этнических групп в СССР, дискредитация национальных коммунистических элит коснулись и самих национальных воинских формирований как «рассадников местного национализма».

На этом фоне удельный вес нацформирований в структуре РККА становился все меньше (без учета *концентраций* он сократился с 5,6% в 1930 г. до 2,2% в 1938 г.), а их развитие — все более децентрализованным и хаотичным за счет *концентраций*, масштаб которых к середине 1930-х гг. с трудом могло оценить даже военное ведомство. Часть формирований, созданных в порядке *концентраций*, получили национальный статус, в то время как славянские (украинские и белорусские) формирования их, напротив, лишились. Последней нишей, которую в середине 1930-х гг. заняли национальные формирования, прежде всего в САВО и ЗакВО, стал их перевод на *горную* организацию, позволявшую в полной мере использовать культурно-бытовые особенности контингентов, которыми они комплектовались.

Утрата особой политической субъектности нацформирований и отсутствие у руководства военного ведомства твердого взгляда на их

место в рядах Красной армии, готовившейся к большой войне, фактическое выравнивание уровня боеспособности многих нацформирований с *номерными* частями Красной армии в конце 1930-х гг. привели политическое и военное руководство страны к убеждению в избыточности их дальнейшего содержания и переформированию в обычные соединения.

Несмотря на издержки, национальные формирования РККА в межвоенный период сыграли свою положительную историческую роль, подготовив сотни тысяч обученных военнообязанных и послужив школой для тысяч командиров нерусской национальности. Опыт в комплектовании войск нерусским личным составом, полученный в межвоенный период, в полной мере был применен в годы Великой Отечественной войны.

5.4. Национальные соединения периода Великой Отечественной войны: особенности формирования и комплектования

В первые месяцы Великой Отечественной войны части и соединения всех родов войск Красной армии комплектовались личным составом без учета национальности бойцов и командиров. На это указывают выявленные архивные документы о формировании и комплектовании новых воинских частей военных округов, располагавшихся на территориях национальных регионов (СКВО, ЗакВО, САВО), и Главного управления формирований Красной армии за период с августа по ноябрь 1941 г.[230] Утвердившийся в предвоенные годы экстерриториальный принцип комплектования воинских частей неукоснительно соблюдался и в первые месяцы войны. Так, Закавказский военный округ[231] из своих ресурсов формировал 13 новых стрелковых дивизий (директивы НКО № орг/2/539001 — орг/2/539013 от 11 августа 1941 г.)[232]; еще 5 дивизий были сформированы отдельными директивами НКО[233]. Их комплектование личным составом велось на общих основаниях, вследствие чего контингенты основных национальностей (русские, украинцы, армяне, грузины, азербайджанцы) относительно равномерно распределялись по соединениям. Этот порядок был предписан специальным постановлением Военного совета округа от 15 августа[234].

---

[230] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 1—237; Д. 133в. Л. 1—189; Ф. 144. Оп. 13189. Д. 54. Л. 1—14.

[231] Закавказский военный округ в конце августа 1941 г. преобразован в Закавказский фронт, в январе 1942 г. — снова в Закавказский округ (II формирования), в апреле 1942 г. — в Закавказский фронт (II формирования).

[232] 402-я и 408-я — к 15 сентября, 398, 400, 404, 406-я — к 15 октября, 409, 390, 392, 394, 396-я — к 15 ноября, 386-я и 388-я дивизии — к 15 декабря 1941 г.

[233] 61, 89, 151, 223-я и 224-я.

[234] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1085. Д. 1. Л. 185.

Между тем уже с первых недель войны из союзных и автономных республик в войска поступали мобилизованные военнообязанные старших возрастов, многие из которых не прошли в мирное время срочной службы, имели низкий уровень общего образования и слабо владели русским языком. Это снижало эффективность военного обучения.

С объявлением мобилизации эти люди одновременно оказались в формируемых частях и соединениях. Так, в сформированной в начале августа 1941 г. 390-й стрелковой дивизии Закавказского военного округа из 10 252 военнослужащих 8979 человек никогда не держали в руках оружия, в 392-й стрелковой дивизии того же округа — из 10 447 рядовых таковых было 9194 человека и т. д. Огромная масса красноармейцев не знала русского языка. В 392-й дивизии 4204 человека не говорили по-русски, а 2415 человек владели русским языком плохо. В некоторых соединениях ситуация была еще хуже[235]. Как отмечалось в одном из постановлений Военного совета ЗакВО, «округ не учитывал особенностей местных условий мобилизации по национальному... признаку»[236]. Аналогичное положение отмечалось и в Среднеазиатском военном округе. 67% контингентов военнообязанных запаса в САВО не были обучены военному делу, и значительное их число не владело русским языком[237].

Источники зафиксировали немало прямых ходатайств от высших руководителей видов и родов войск перед начальником Главупраформа КА армейским комиссаром 1-го ранга Е.А. Щаденко о категорической невозможности использования нерусских контингентов в своих войсках. С такими заявлениями, например, выступали нарком военно-морского флота Н.Г. Кузнецов, начальник штаба командующего кавалерией Красной армии генерал-майор А.А. Мартьянов и др.[238]

Отдельной проблемой стала переброска новобранцев из южных военных округов в Центральную Россию и на Урал. Военные условия и аномальные холода зимы 1941/42 г. значительно усложнили логистику экстерриториального комплектования. Переброска людских ресурсов из ЗакВО и САВО нередко сопровождалась трагедиями. Поезда с пополнениями продвигались к пункту назначения с большими опозданиями, находились в дороге неделями. За это время легко одетые люди в плохо отапливаемых вагонах заболевали. Питание и медицинское обслуживание в пути новобранцев было организовано плохо. Например, из 570 человек, отправленных из

---

[235] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 145. Л. 31, 73, 115, 124, 189, 320—329.

[236] Там же. Оп. 1085. Д. 1. Л. 218.

[237] *Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ашхабад, 1981. С. 94.

[238] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 65. Л. 64—65; Д. 190. Л. 2.

ЗакВО в Южно-Уральский военный округ в январе 1942 г., несколько человек умерло в пути, еще 23 были в крайней степени истощения, остальные нуждались в немедленной медицинской помощи и усиленном питании[239]. Другой эшелон прибыл к месту назначения, растеряв по пути 46 человек. Еще 36 человек оказались обмороженными. Принимающая сторона сообщала, что «большинство прибывших совершенно раздетые, босые, без головных уборов, грязные, завшивленные»[240]. Отмечалась непривычность и неприспособленность жителей южных республик к сильным морозам. По докладу командующего ЮжУрВО генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова была организована специальная проверка комиссии, возглавленной членом ГКО Маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым, курировавшим новые формирования. Ворошилов подтвердил приведенные Ремезовым факты и представил соответствующий доклад И.В. Сталину[241]. Позднее, в октябре 1942 г. тот же маршал Ворошилов, проверявший состояние и боеготовность готовившейся из Московского военного округа к отправке на фронт 87-й отдельной туркменской стрелковой бригады, в докладе Сталину также подчеркивал негативное влияние климатического фактора: «Люди бригады плохо переносят здешний климат и мерзнут. Следовало бы бригаду передвинуть к южным участкам фронта»[242]. 90-я отдельная узбекская бригада во время учебного похода со станции Лось (Москва) в город Коломну в ноябре 1942 г. потеряла 9 человек умершими «по причине резкого похолодания, заставшего в походе»[243].

Значительные по численности пополнения уроженцами Кавказа и Средней Азии получали с первых месяцев войны войска, защищавшие Москву, и особенно фронты, сражавшиеся на южном крыле советско-германского фронта. Наиболее выпукло слабые стороны соединений, укомплектованных смешанным неславянским составом, проявились в конце 1941 — начале 1942 г. во время операции по освобождению Крыма. Здесь в бою массово использовались военнослужащие кавказских национальностей. По состоянию на февраль 1942 г. в составе 12 сформированных в Закавказье стрелковых дивизий[244] Крымского фронта числилось около 48 тыс. воинов закавказских национальностей (35% от всего личного состава фронта)[245]. Тяжелые природно-климатические условия, базирование тыловых служб фронта на Таманский полуостров и связанное с этим недостаточное снабжение продовольствием и боеприпасами войск, действовавших на полуострове, способствовали быстрой дезорганизации частей под воздействи-

[239] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 65.

[240] Там же. Л. 66.

[241] Там же.

[242] Там же. Л. 220.

[243] Там же. Л. 317.

[244] 63, 77, 138-я горнострелковые, 224, 227, 386, 388, 390, 396, 398, 400, 404-я стрелковые дивизии.

[245] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 18. Л. 8.

ем ударов противника, что приводило к чрезмерно высоким потерям[246]. Большинство закавказских дивизий, действовавших в Крыму (224, 227, 396, 398, 400, 404-я), были полностью разгромлены, прекратили свое существование и более не переформировывались.

Таким образом, на повестку дня встала проблема низкой боеспособности воинских формирований с большой прослойкой представителей разных национальности. В боевой обстановке это выливалось в случаи «отрицательных явлений» среди бойцов нерусской национальности, диапазон которых колебался от обособления внутри подразделения и возникновения земляческих сообществ до тяжких воинских преступлений — членовредительств, дезертирств, случаев добровольной сдачи в плен и измены Родине[247].

Поэтому уже в первые месяцы войны возникла острая необходимость в изменении подхода в комплектовании действующей армии представителями нерусских народов, поднятии их боевой выучки и политико-морального состояния до общего в Красной армии уровня. Анализ документов позволяет утверждать, что руководство страны рассматривало два варианта решения этой проблемы. *Первый* — радикально изменить организацию их военной службы, с тем чтобы ускорить адаптацию представителей нерусских народов к армейской повседневности, поднять их боевую выучку и политико-моральное состояние. На практике это означало возврат к упраздненному за несколько лет до начала войны мононациональному комплектованию частей и соединений. *Второй* способ — вернуться к проверенной, в прямом смысле слова, веками практике этнического квотирования при комплектовании воинских частей, в том числе — к ограничениям или отмене приема в армию по этническому признаку. Во втором случае главное бремя войны возлагалось на славян и иные, исторически интегрированные в российскую культуру народы. Оба варианта в той или иной степени были реализованы в годы Великой Отечественной войны и показаны в данном исследовании[248].

Возвращаясь к практике национальных воинских формирований, советское политическое и военное руководство рассчитывало на то, что однородная языковая и культурно-ментальная среда в них будет способствовать ускорению боевой подготовки бойцов нерусской национальности, повышению ее качества, укреплению дисциплины в подразделениях и стойкости личного состава, особенно устранению языкового барьера. Бывший командующий войсками Закавказского фронта генерал армии И.В. Тюленев отмечал вставшую в полный рост в начале войны языковую проблему как главную в принятии руководством страны решения о воссоздании национальных частей[249].

---

[246] ЦАМО. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 44. Л. 528—530.

[247] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 55—66.

[248] Первому из них посвящен данный параграф, а второму — параграфы 6.3, 6.4, 6.5.

[249] *Тюленев И.В.* Через три войны. М., 1972. С. 123.

Хронологически первыми национальными формированиями периода Великой Отечественной войны стали соединения не из уроженцев Кавказа или Средней Азии, а укомплектованные жителями Прибалтики. Решения о национальных формированиях Красной армии в прибалтийских республиках принимались советским правительством вне связи с формированием несколько позднее кавказских, среднеазиатских и иных национальных частей.

Основой для формирования прибалтийских национальных частей послужили описанные выше двухдивизионные территориальные стрелковые корпуса, созданные в сентябре 1940 г. на основе «народных армий». Фактически это были уже готовые соединения численностью около 6 тыс. человек на дивизию, укомплектованные профессиональным командным и обученным рядовым составом местных национальностей[250]. Советское руководство предпринимало усилия по чистке командного состава от нелояльных советской власти кадров[251] и организации в частях партполитаппарата[252]. С началом войны все три прибалтийских корпуса приняли участие в боевых действиях, понесли тяжелые потери и утратили единую организацию.

В августе—октябре 1941 г. эвакуированное в Москву партийное и советское руководство всех трех прибалтийских республик по очереди (независимо друг от друга) обратилось к руководству страны с предложениями о сформировании национальных частей Красной армии, организационную основу которых должны были составить остатки территориальных корпусов.

При рассмотрении истории прибалтийских дивизий необходимо иметь в виду, что населявшие регион народы не считались политически благонадежными и в начале войны не призывались в Красную армию в общем порядке. На зловещие признаки «вредной и ничем не оправданной латышебоязни», выражавшейся в «резком сокращении количества бойцов из латышей», уже 14 июля 1941 г. — через три недели после начала войны — секретарь ЦК КП(б) Латвии Я.Э. Калнберзин обращал внимание партийного руководства страны[253]. В это катастрофическое время 24-й латвийский территориальный корпус был выведен во второй эшелон, а его командный состав принудительно увольнялся из Красной армии![254] Нетрудно догадаться, что могло последовать после этого. «Прелести» фактически каторжного труда в рабочих колоннах на лесоповалах и строительстве дорог осенью и зимой 1941 г. успели испытать на себе военнообязанные эстонцы, формирование национальных соединений для которых задержалось дольше всех. Так что, активно лоббируя нацио-

---

[250] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 37.

[251] Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

[252] *Манг К.Х.* Указ. соч. С. 18.

[253] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933—1945. М., 2009. С. 655.

[254] Там же.

нальные формирования, прибалтийские коммунисты не только доказывали свою лояльность, но и фактически спасали мужское население от участи советских немцев, румын и прочих народов, считавшихся «родственными» врагу.

Уже 3 августа 1941 г. по предложению ЦК КП(б) Латвии Государственный Комитет Обороны постановлением № 383сс разрешил сформировать латышскую стрелковую дивизию (впоследствии получившую номер 201), на укомплектование которой следовало обратить «социально близкий» советскому строю контингент: «бойцов бывшей рабочей гвардии, милиции, партийно-советских работников и других граждан Латвийской ССР, эвакуированных на территории РСФСР»[255]. Формирование дивизии было поручено ЦК КП(б) Латвии и СНК Латвийской ССР совместно со штабом Северо-Западного фронта. Фактически на формирование латышской дивизии были обращены остатки 24-го стрелкового корпуса, контингенты военнообязанных, выведенных из республики, а также выпуск Рижского пехотного училища, эвакуированного в город Стерлитамак.

Поскольку в оригинале постановления ГКО не раскрывались мотивы руководства страны, решившего сформировать первой *именно латышскую дивизию*, исходя из совокупности фактов можно предположить, что оно принималось ситуативно, под влиянием ряда частных событий и субъективных суждений, например: под впечатлением относительно активного (на фоне других населяющих Прибалтийский регион народов) участия латышей в первых боях против немецко-фашистских войск[256]; наличия готового кадра комсостава и обученного рядового состава; инициативности и высоких организаторских способностей местных органов власти; исторического опыта латышских частей, первыми оказавших действенную вооруженную поддержку советской власти в период ее становления в начале 1918 г.[257] Возможно, принимался во внимание достаточно успешный исторический опыт службы латышей в Русской императорской армии и самый низкий среди христианских народов империи удельный вес уклонений от призыва[258].

Особенностью 201-й латышской дивизии была низкая гомогенность национального состава (только 51% военнослужащих являлись

[255] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 182.

[256] В первые недели войны были сформированы и участвовали в ожесточенных оборонительных боях в составе 8-й армии несколько рабочих батальонов, переформированных позднее в два латышских стрелковых полка (*Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. Рига, 1961. С. 18—30).

[257] Уже 13 апреля 1918 г. объединенных в Латышскую стрелковую советскую дивизию, ставшую одним из старейших соединений Красной армии, активно участвовавшую в Гражданской войне (Сводка инструкций, положений и проектов по формированию резервных частей. М., 1918. С. 212; РГВА. Ф. 33087. Оп. 1. Д. 5. Л. 32).

[258] *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 274.

этническими латышами), поскольку при ее комплектовании учитывалась прежде всего гражданская, а не национальная принадлежность. Значительную массу личного состава представляли русские, евреи, украинцы из числа уроженцев Латвии[259]. Уже в декабре 1941 г. 201-я латышская дивизия первой из национальных формирований Красной армии была введена в бой. В составе 33-й армии она участвовала в контрнаступлении советских войск на Клинском направлении под Москвой. В тяжелых боях у села Елагино и разъезда 75-й километр части дивизии потеряли до 55% личного состава, и уже в январе 1942 г. соединение было выведено на доукомплектование.

Вслед за латвийскими властями уже 28 августа 1941 г. в Государственный Комитет Обороны обратились секретарь ЦК КП(б) Литовской ССР А. Снечкус и Уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Литовской ССР Н.Г. Поздняков, предложив сформировать добровольческую стрелковую дивизию из коммунистов, сотрудников НКВД, остатков частей 29-го литовского стрелкового корпуса. Важно подчеркнуть, что основной мотив, выдвинутый Снечкусом и Поздняковым, заключался в возможности использовать дивизию «в основном для действий на подступах к Литве и на территории Литвы». Очевидно, имелись в виду казавшиеся еще возможными в эти дни контрнаступление Красной армии и разгром агрессора. Впрочем, допускалось, что «если военная обстановка сложится иначе, то дивизию можно использовать на любом участке фронта»[260]. На бланке письма литовских руководителей И.В. Сталин оставил визу: «Т[оварищ] Берия, погов[орите] с т[оварищем] Щаденко»[261]. Нельзя исключать, что этот же мотив — возможность перехода в контрнаступление и возвращения на территорию Латвии — сыграл свою роль в срочном сформировании 201-й латвийской дивизии.

Наконец, 24 октября 1941 г. к Сталину обратилось руководство Эстонии (секретарь ЦК КП(б) Н.Г. Каротамм и заместитель председателя СНК О. Сепре). Эстонские лидеры сообщали о значительном мобилизационном ресурсе, выведенном из республики (35—40 тыс. человек), которые не принимались в армию, и при этом «подавляющее большинство» не владело русским языком. Также они напоминали о богатой традиции участия эстонцев в боях с немецкими захватчиками, положительной роли эстонских частей в Гражданской войне[262].

По мере ухудшения обстановки на фронте надежды на скорое контрнаступление и использование уроженцев Прибалтики для освобождения своей родины быстро таяли. Поэтому, в отличие от латвийской дивизии, решение о формировании литовского и эстонско-

[259] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Рига, 1970. С. 171.

[260] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 7. Л. 33.

[261] Там же.

[262] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М., 2009. С. 658.

го соединений затянулось. В начале октября заместителем наркома обороны и начальником Главупраформа КА Е.А. Щаденко на имя члена ГКО Г.М. Маленкова был направлен проект постановления Государственного Комитета Обороны о сформировании Литовской стрелковой дивизии из числа эвакуированных из Литовской ССР партийных, советских, комсомольских, профсоюзных работников (добровольцев), курсантов-литовцев школы НКВД и Вильнюсской школы политруков, а также командиров, политработников и красноармейцев 29-го стрелкового корпуса, владевших литовским языком[263]. Однако соответствующее постановление ГКО было издано только 18 декабря 1941 г.: в этот день решения о создании национальных дивизий были приняты по ходатайствам ЦК компартий не только Литвы, но и Эстонии (постановления ГКО № 1041сс и 1042сс соответственно)[264]. В первом случае формирование было поручено штабу Московского военного округа (16-я литовская стрелковая дивизия), во втором — Уральского военного округа (7-я эстонская стрелковая дивизия). Каждой дивизии был определен штат в 10 647 человек. Декабрьские решения во многом повторяли текст постановления ГКО от 3 августа 1941 г. о сформировании 201-й латышской дивизии, но в отношении 7-й эстонской дивизии он был дополнен существенным положением о том, что при подборе личного состава, особенно командно-начальствующего, надлежало не допустить «просачивания политически неустойчивых, классово чуждых и морально разложившихся элементов»[265].

Для укомплектования прибалтийских соединений активно пересматривались контингенты трудпоселенцев и рабочих колонн, укомплектованных бывшими военнослужащими прибалтийских национальных армий, выселенными в отдаленные районы СССР в 1940—1941 гг. (таковых насчитывалось несколько десятков тысяч человек). Особенно это характерно для эстонского соединения, формирование которого опиралось на многочисленных рабочих-эстонцев, а также военнослужащих, находившихся в частях Красной армии (для аккумуляции людских ресурсов в штабы всех фронтов и округов были разосланы специальные циркуляры)[266]. К апрелю 1942 г. было выявлено и отправлено в район формирования дивизии 29,5 тыс. лиц эстонской национальности[267]. Скоро стало ясно, что сосредотачиваемый в месте формирования (город Чебаркуль Челябинской области) контингент рядовых военнообязанных и командиров эстонской национальности намного превосходит штатную потребность одной стрелковой дивизии. 4 февраля 1942 г. второй

---

[263] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 217.

[264] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 120—121.

[265] Там же.

[266] Великая Отечественная война 1941—1945. Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. М., 2015. С. 130.

[267] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 40.

секретарь КП(б) Эстонии и председатель республиканского Комитета обороны Н.Г. Каротамм сообщал Сталину о больших излишках выявленного контингента эстонцев для формируемой 7-й стрелковой дивизии (около 14,5 тыс. человек). В связи с этим он просил разрешения сформировать запасный стрелковый батальон и, возможно, «еще одну эстонскую воинскую часть»[268]. Собственноручная резолюция Сталина на документе, адресованная начальнику Главупраформа Красной армии генерал-полковнику Е.А. Щаденко, значительно превзошла запрос эстонских властей: «Нужно удовлетворить эстонцев: дать запасный батальон и разрешить заложить еще одну дивизию»[269]. Уже через несколько дней — 10 февраля 1942 г. — началось формирование 423-й (позднее — 249-й) эстонской стрелковой дивизии[270]. В сентябре 1942 г. обсуждался вопрос о формировании третьей эстонской дивизии, однако он не был решен положительно. Вместо нее 25 сентября 1942 г. был сформирован 8-й эстонский стрелковый корпус, объединивший 7-ю и 249-ю дивизии, а также запасный полк.

Особенности укомплектования эстонских частей сказались на их дальнейшей подготовке. Если для 7-й дивизии отобрали лучший состав, то в 249-ю дивизию попало немало лиц, «явно враждебных советской власти», благодаря чему в расположении частей дивизии (лагеря Чебаркуль в УрВО) в течение 1942 г. отмечались «антисоветские выступления», выражавшиеся в «неверии в силы Красной армии», «восхвалении немецкой армии и ее техники», пораженческие, дезертирские и изменнические настроения, национализм и т. п. Кроме открытых «антисоветских высказываний», отмечались коллективные настроения «за Эстонию вообще, безразлично, какая будет власть» или же настроения «за буржуазную Эстонию»[271]. Приведенный перечень говорит об укорененности и осмысленности антисоветских настроений среди военнослужащих. А тот факт, что командование и органы контрразведки изъяли более 500 человек из рядов дивизии и готовились изъять еще около 400 человек[272], свидетельствует о том, что такими настроениями была охвачена значительная часть личного состава дивизии. Опыт изучения источников позволяет нам со всей ответственностью утверждать, что инциденты антигосударственного характера (дезертирство, измена Родине, распространение слухов) масштабом даже на порядок ниже воспринимались гражданской властью, органами военного управления и контрразведкой как чрезвычайное происшествие и влекли за собой серьезные организационные и дисциплинарные меры, вплоть до расформирования воинской части. Но, очевидно, поскольку реше-

---

[268] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 106.
[269] Там же.
[270] *Петренко А.И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010. С. 25.
[271] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 349—350.
[272] Там же. Л. 350.

ние о формировании эстонских частей принимал лично И.В. Сталин, 249-я дивизия продолжила боевую подготовку. Тем более что общая боеготовность соединения считалась удовлетворительной, по крайней мере, «не хуже уже направленных на фронт дивизий»[273].

В новых соединениях был достигнут высокий уровень представительства военнослужащих титульных национальностей. В частности, в 7-й эстонской дивизии числился 8651 эстонец (85,8%), а в 249-й эстонской — 9422 эстонца (91,2%). Чуть более 2 тыс. человек на две дивизии являлись участниками боев[274].

Вслед за прибалтийскими соединениями в конце 1941 г. развернулось широкое строительство нацчастей в других регионах СССР. Основная их масса была сформирована в короткий период с ноября 1941 по февраль 1942 г. Их создание было санкционировано несколькими постановлениями Государственного Комитета Обороны и приказами наркома обороны.

В постановлении ГКО от 13 ноября 1941 г. № 894сс «О национальных войсковых соединениях» было объявлено о сформировании в СКВО, САВО, УрВО, ЗакВО сразу 20 национальных кавалерийских дивизий (со штатной численностью 4403 человека) и 15 отдельных стрелковых бригад (со штатной численностью 4333 человека) из представителей народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья. Были сформированы: 96, 105, 106-я казахские; 97-я и 98-я туркменские; 99, 100, 101, 102, 103-я узбекские; 104-я таджикская; 107, 108, 109-я киргизские; 110-я и 111-я калмыцкие; 112-я и 113-я башкирские; 114-я чечено-ингушская; 115-я кабардино-балкарская кавалерийские дивизии; 87-я и 88-я отдельные туркменские; 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97-я отдельные узбекские; 98-я и 99-я отдельные таджикские; 100-я и 101-я отдельные казахские стрелковые бригады.

В постановлении были сформулированы общие требования к национальным соединениям:

— укомплектовать здоровым и крепким личным составом местных национальностей возрастом не старше 40 лет, причем за счет внеплановых призывов;

— командно-начальствующий состав обеспечить по возможности также из местных национальностей, а недостающих пополнить русскими;

— обмундирование, людское и конское снаряжение, седла, продфуражное довольствие, конский состав, холодное и частично огнестрельное оружие обеспечить за счет ресурсов союзных и автономных республик;

— обязать военные советы военных округов провести формирование, обучение и сколачивание кавалерийских дивизий и отдельных стрелковых бригад, создаваемых на территории этих округов;

[273] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 350.

[274] Там же. Оп. 12214. Д. 648. Л. 54—57 об.

— приемку соединений для доформирования и обеспечения недостающим вооружением и снаряжением проводить только после проверки специальными комиссиями округов[275].

На этом создание новых национальных соединений не остановилось. В начале 1942 г. к формированию приступили Закавказский военный округ и Крымский фронт, образованные 28 января 1942 г. в результате разделения войск Кавказского фронта. На этот раз формирование национальных соединений было санкционировано не постановлением Государственного Комитета Обороны, а приказом наркома обороны от 3 февраля 1942 г.[276] Предписывалось путем перегруппировки личного состава переформировать уже готовые дивизии Закавказского военного округа следующим образом: 392-ю и 406-ю стрелковые дивизии — в грузинские; 408-ю и 409-ю — в армянские; 402-ю и 223-ю — в азербайджанские. Одновременно по инициативе Военного совета Крымского фронта переформировывались три дивизии, прибывшие незадолго до этого из Закавказья: 224-я — в грузинскую; 388-я — в армянскую; 396-я — в азербайджанскую. Наконец, по национальному признаку укомплектовывались вновь создаваемые в ЗакВО стрелковые дивизии: 414-я и 418-я — как грузинские; 89-я и 419-я — как армянские и 416-я — как азербайджанская. Новые соединения были охарактеризованы как «национальные по содержанию и интернациональные по духу»[277].

Непосредственно вопросами формирования занимались специально создаваемые республиканские, областные, районные и городские комиссии в составе секретарей, заведующих отделами пропаганды и агитации, заведующих военными отделами, председателей исполкомов советов различных уровней и военные комиссары. Все они работали по плану и под контролем штабов округов.

Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что, кроме 201-й латышской дивизии, сформированной первой, в августе 1941 г., и второй латышской дивизии — 308-й, сформированной последней, в июне 1944 г., все остальные национальные соединения (53 стрелковые и кавалерийские дивизии и стрелковые бригады) были сформированы в узком временно́м коридоре — с 13 ноября 1941 г. по 10 февраля 1942 г. Это позволяет сделать вывод о вполне определенной государственной политике в области использования контингентов военнослужащих нерусской национальности, направленной на сосредоточение представителей одного этноса в рамках отдельных соединений. За пределами этого временно́го диапазона до самого конца войны лишь одно соединение Красной армии (308-я стрелковая дивизия) официально получило статус национального, хотя де-факто немало формировавшихся в союзных республиках СССР соединений были укомплектованы в значительной мере

[275] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 103—104.
[276] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 16. Л. 92—104.
[277] Там же. Л. 95.

представителями одного этноса и местным руководством идентифицировались как национальные.

К началу весны 1942 г., когда формирование новых национальных соединений достигло пика, в 12 союзных республиках (РСФСР, Латвийской, Литовской, Эстонской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Казахской, Узбекской, Киргизской, Таджикской, Туркменской) и четырех автономных республиках РСФСР (Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Башкирской) формировалось 18 национальных стрелковых дивизий, 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 национальных стрелковых бригад — всего 53 соединения. Общая штатная численность формируемых национальных соединений по действующим на тот период времени штатам[278] составляла 357,4 тыс. человек. Наибольшую нагрузку нес Закавказский фронт[279], формировавший 14 национальных стрелковых дивизий штатной численностью 156,7 тыс. человек[280]. Для сравнения можно отметить, что по состоянию на 1 марта 1942 г. в составе действующих войск Красной армии насчитывалось 283 стрелковые дивизии, 90 стрелковых бригад и 43 кавалерийские дивизии[281]. Таким образом, формируемые национальные соединения по отношению к действующей армии составили: 6,7% — по стрелковым дивизиям, 16,7% — по стрелковым бригадам и 34,9% — по кавалерийским дивизиям.

Однако далеко не все национальные соединения оказались на фронтах и приняли участие в вооруженной борьбе с врагом. В процессе укомплектования личным составом, боевой учебы и сколачивания подразделений выявился ряд специфических проблем. Зачастую изначально принимались завышенные планы формирований, не обеспеченные людскими, конскими и материальными ресурсами, неосуществимые в установленные сроки. Выяснилось, например, что в САВО две трети контингентов военнообязанных запаса не были обучены военному делу[282]. Особенно сложной была ситуация с изысканием потребного числа национального командного состава.

---

[278] Для стрелковой дивизии — штат 04/750 (командно-начальствующего состава — 963 человека, младшего начальствующего состава — 1811 человек, рядового состава — 8420 человек); для стрелковой бригады — штат 04/330 (командно-начальствующего состава — 407 человек, младшего начальствующего состава — 845 человек, рядового состава — 3138 человек); для кавалерийской дивизии — штат 06/230 (командно-начальствующего состава — 406 человек, младшего начальствующего состава — 704 человека, рядового состава — 3347 человек).

[279] Закавказский фронт 2-го формирования образован 15 мая 1942 г. на базе войск Закавказского военного округа и просуществовал до конца Великой Отечественной войны.

[280] Расчет штатной численности национальных стрелковых дивизий носит условный характер, поскольку многие соединения уже в процессе формирования по нескольку раз переводились на новые штаты.

[281] Боевой состав Советской армии. Ч. II (янв.—дек. 1942 г.). М., 1966. С. 50.

[282] *Сухарь М.Я.* Указ. соч. С. 94.

Воинские части без особых проблем укомплектовывались рядовым и политическим составом (последний подбирался в гражданских партийных организациях), однако имели большой некомплект младшего, среднего и старшего командно-начальствующего состава из числа местных национальностей. Некомплект покрывался за счет командиров-славян. Аналогичная ситуация наблюдалась в ЗакВО и СКВО. Подразделения, в которых рядовой и командный состав были разных национальностей, неизбежно отставали в боевой учебе из-за возникавшего языкового барьера. Квалификация командного состава из числа местных национальностей также была невысока, поскольку большинство командиров призывалось из запаса. В свою очередь, рядовой состав в своей массе не владел русским языком и имел крайне низкий образовательный ценз. Например, в 94-й узбекской стрелковой бригаде на 4476 человек личного состава 791 человек (17,5%), в том числе 65 младших командиров, были совсем неграмотными, а 1201 человек (26,5%), в том числе 215 младших командиров, — малограмотными[283]. При таком качестве личного состава трудно было рассчитывать на быстрое освоение бойцами тактики современного боя и сложных типов вооружения.

В результате сроки боевого слаживания подразделений в национальных дивизиях и бригадах значительно затягивались по сравнению с преимущественно славянскими по составу формированиями. Как свидетельствовал в своем дневнике начальник штаба 115-й кабардино-балкарской кавалерийской дивизии подполковник М.С. Эхохин, «период формирования дивизии длился около пяти месяцев, так как около 90% рядового состава призванные в дивизию не служили ранее в армии. Кроме того, значительная часть командного состава из коренного населения не служила в коннице. Все это требовало времени на подготовку личного состава дивизии. Отсутствие командиров-кавалеристов, а также частая смена командиров дивизии и неукомплектованность штабов — все это задерживало ход боевой подготовки»[284].

Не менее сложной была ситуация с материальным обеспечением национальных соединений. Поскольку оно в основном возлагалось на местные органы власти, то темпы формирования были неодинаковыми и зависели от возможностей регионов. Например, к началу 1942 г. Башкирский обком партии и республиканское правительство не только укомплектовали, одели и обули свои две кавдивизии, но даже частично вооружили их за счет ресурсов республики, в то время как в Калмыкии формирование двух кавдивизий задерживалось из-за нехватки людей, верхового конского состава, конской амуниции и материальных средств[285].

---

[283] ЦАМО. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

[284] Там же. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

[285] *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история. (Сб. науч. ст.) Элиста, 2001. С. 49.

25 марта 1942 г. командующий войсками Закавказского военного округа генерал армии И.В. Тюленев получил телеграмму заместителя начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта А.М. Василевского, который отмечал: «Опыт использования на фронтах национальных дивизий показал, что указанные дивизии недостаточно подготовлены, [не] сколочены и не отвечают всем требованиям современного сложного боя»[286]. Проведенные позднее, в сентябре 1942 г., комиссией под руководством маршала К.Е. Ворошилова комплексные проверки боеготовности ряда стрелковых бригад, сформированных в Средней Азии, показали, что восьми- и даже десятимесячного срока оказалось недостаточно, чтобы привести бригады, укомплектованные казахами и узбеками, в боеспособное состояние. По многим показателям уровень их подготовки оценивался неудовлетворительно[287].

Так, 87-я отдельная узбекская стрелковая бригада вела боевую подготовку 9,5 месяца. Комиссия Ворошилова пришла к такому выводу: «Боевая выучка и сколоченность подразделений и частей, особенно тактическая и огневая подготовка, находится на низком уровне по причине исключительной инертности большинства бойцов, командиров и политработников, слабой тактической подготовки и организационных способностей начсостава и политсостава, а также и потому, что 8 месяцев бригада занималась без оружия и материальной части. Бой бригада вести может, но неизбежны большие потери. Требуется бригаде дать время для ликвидации огневой немощи и для изжития недостатков в обучении»[288].

Длительное пребывание в тылу оказывало разлагающее влияние на личный состав. Например, состоявшаяся 4 мая 1942 г. проверка частей 97-й туркменской кавалерийской дивизии выявила крайне низкий уровень дисциплины: днем бойцы и даже средние командиры бродили по расположению дивизии и по рынку, спали в поле; занятия по боевой подготовке «проходили неорганизованно, бесцельно, материально не были обеспечены»[289]. В основном соединения были укомплектованы личным составом и материальной частью. Слабым звеном являлся неопытный и плохо подготовленный средний командный состав местных национальностей. В связи с изложенным Генштаб потребовал «наладить максимально напряженную работу в боевой подготовке войск, проводя ее в условиях, приближенных к боевым, поставив себе задачу в кратчайшие сроки создать из новых дивизий вполне подготовленные боевые единицы»[290].

---

[286] Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Док-ты и мат-лы: 1942 г. Т. 23 (12—2). М., 1999. С. 65.

[287] Русский архив. Т. 23 (12—2). С. 330—331.

[288] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 220.

[289] Там же. Ф. 3601. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.

[290] Русский архив. Т. 23 (12—2). С. 330—331.

В ноябре 1942 г. 87-я туркменская, 90-я и 94-я узбекские стрелковые бригады вторично проверялись инспекционной группой генерал-лейтенанта В.К. Мордвинова. К этому времени бригады обучались 10—11 месяцев (!), прошли последовательно несколько циклов обучения (одномесячную, трехмесячную, затем — двухмесячную программы)[291]. Однако даже после этого подразделения «в боевой подготовке достигли только удовлетворительного результата, причем по огневой подготовке результаты ниже удовлетворительных... В бригадах большое количество чрезвычайных происшествий и нет еще глубокой внутренней дисциплины»[292]. Несмотря на такую характеристику, комиссия сделала вывод, что бригады «готовы к бою», «могут выполнить боевые задачи», рекомендовав, однако, первоначально вводить их в бой на пассивных участках фронта[293].

В отдельных случаях объективные сложности в процессе формирования национальных частей усугублялись опасным противодействием властям со стороны определенной части местного населения, понимавшего практиковавшееся до этого десятилетиями освобождение от призывов по национальному признаку как своеобразную государственную льготу. Это оборачивалось уклонением от получения повесток, неявками на призывные пункты, дезертирством из мест расположения воинских частей. Особенно распространенным это явление было в Чечено-Ингушетии, в меньшей степени — в Кабардино-Балкарии[294].

Из всех национальных соединений в лучшую сторону выделялись прибалтийские. Благодаря наличию ядра обученного командного и рядового состава, прибалтийские соединения быстрее проходили боевую подготовку и оценивались проверяющими комиссиями как боеспособные[295].

Перечисленные обстоятельства стали причиной поэтапного упразднения значительной части национальных формирований, создававшихся в Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе, в Калмыкии и Башкирии. Тремя директивами Ставки ВГК: от 3 марта 1942 г. № 0043, от 16 марта 1942 г. № 0051 и 0054 расформировывались 12 кавалерийских дивизий и 10 стрелковых бригад (96-я и 106-я казахские, 98-я туркменская, 108-я и 109-я киргизская, 111-я калмыцкая, 113-я башкирская, 114-я чечено-ингушская, 100, 101, 103-я узбекские кавалерийские дивизии; 89, 91, 92, 93, 95, 96, 97-я узбекские, 98-я и 99-я таджикские, 88-я туркменские отдельные стрелковые бригады)[296]. В первой половине 1942 г. также были рас-

---

[291] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 281.
[292] Там же. Л. 301.
[293] Там же. Л. 317—318.
[294] Там же. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
[295] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 291—293; 302.
[296] Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Док-ты и мат-лы: 1942 г. Т. 16 (5—2). М., 1996. С. 116—117, 130—132.

формированы две закавказские стрелковые дивизии — 418-я грузинская и 419-я армянская.

Личный и конский состав, материальная часть и вооружение расформированных соединений обращались на доукомплектование оставшихся национальных соединений (97-й туркменской, 99-й узбекской, 105-й казахской, 104-й таджикской, 107-й киргизской, 110-й калмыцкой, 112-й башкирской, 115-й кабардино-балкарской кавалерийских дивизий, 87-й туркменской, 90-й и 94-й узбекских, 100-й и 101-й казахских отдельных стрелковых бригад) либо отправлялись в запасные полки для последующего укомплектования маршевых подразделений[297].

Одновременно были сформированы национальные запасные полки, батальоны и дивизионы, принявшие в свой состав массу красноармейцев и командиров нерусской национальности. Формирование национальных запасных частей потребовалось для среднеазиатских кавалерийских дивизий и стрелковых бригад и 112-й и 113-й башкирских кавалерийских дивизий, а также прибалтийских стрелковых соединений. 3 марта 1942 г. в САВО были сформированы три национальных запасных кавполка (12-й узбекский, 13-й казахский и 14-й туркмено-таджикский), каждый со штатной численностью людей — 4196, лошадей — 3829[298]. 16 марта 1942 г. приказом Ставки ВГК для подготовки пополнений в среднеазиатские стрелковые бригады были сформированы: 1-й отдельный запасный казахский стрелковый полк, 2-й отдельный запасный узбекский стрелковый полк, 1-й отдельный запасный туркменский батальон[299]. 26 марта 1942 г. был сформирован Отдельный запасный чечено-ингушский кавалерийский дивизион. Кроме того, два запасных кавалерийских полка, не получив статус национальных, приняли в свой состав основную массу расформированных национальных соединений и в дальнейшем готовили пополнения для оставшихся соединений: в ЮжУрВО — 9-й запасный кавалерийский полк, принявший остатки 113-й башкирской кавдивизии и готовивший пополнения для 112-й башкирской кавдивизии, и 15-й запасный кавалерийский полк СКВО, принявший военнослужащих-калмыков из расформированной 111-й калмыцкой кавдивизии и в последующем отправлявший пополнения в оставшуюся 110-ю калмыцкую кавдивизию. Развитие сети запасных частей, впрочем, не точно повторяло географию национальных формирований. Национальные запасные части не создавались в тех регионах, где призыв местных национальностей был столь массовым, что обычные запасные части естественным образом заполнялись ими (Закавказье). К тому же все перечисленные запасные части комплектовались не мобилизованным контингентом, а военнослужащими расформированных националь-

[297] Русский архив. Т. 16 (5—2). С. 116—117, 130—132.
[298] ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 123.
[299] Русский архив. Т. 16 (5—2). С. 130.

ных частей. В Закавказье не происходило столько массового расформирования национальных соединений.

Во второй половине 1942 г. и в начале 1943 г. были расформированы, не попав в состав действующей армии, оставшиеся пять среднеазиатских кавалерийских дивизий: 97-я туркменская, 99-я узбекская, 104-я таджикская, 105-я казахская, 107-я киргизская[300]. Все перечисленные соединения были полностью укомплектованы личным составом, прошли полный курс обучения. Однако большинство из них не были вооружены, получив только кавалерийские шашки и отчасти артиллерию[301]. В середине июля 1942 г. начальник Главупраформа Е.А. Щаденко охарактеризовал пять национальных кавалерийских дивизий САВО следующим образом: «Дивизии укомплектованы отборными людьми с большой партийно-комсомольской прослойкой (от 30 до 47%), лошадьми, транспортом. Занимаются боевой подготовкой, но не вооружены»[302]. Командир 107-й киргизской кавалерийской дивизии 7 августа 1942 г. характеризовал свое соединение как «организационно сколоченное. Боевая и политическая подготовка — удовлетворительны. По степени обученности требуется доработка взаимодействия со средствами усиления, авиацией и мотомехчастями»[303]. Тем не менее решение о расформировании принималось волюнтаристски, без учета реального состояния и боеспособности соединений.

Из САВО кавалерийские дивизии в полном составе направлялись на фронт или в другой округ и уже там распределялись готовыми частями и подразделениями среди боевых соединений. Так произошло со 106-й казахской кавалерийской дивизией, обращенной на пополнение частей 6-го кавалерийского корпуса[304]. Аналогичным образом сформированная 99-я кавалерийская дивизия в августе 1942 г. была отправлена в ЮжУрВО и там распределена между пятью формируемыми стрелковыми дивизиями[305]. Полностью укомплектованная личным и конским составом, вооружением и транспортом 97-я кавалерийская дивизия была переправлена через Каспийское море и, прибыв в район Сталинграда, передана на доукомплектова-

---

[300] См.: Перечень № 6 кавалерийских, танковых, воздушно-десантных дивизий и управлений артиллерийских, зенитно-артиллерийских, минометных, авиационных и истребительных дивизий, входивших в состав Действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1956. С. 19.

[301] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 11626. Д. 118. Л. 1—35.

[302] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 123. Л. 351.

[303] Там же. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 7. Л. 3

[304] *Сулейменов А.* Реабилитация военнопленных // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3689#scontent (дата обращения: 31.10.2017); *Игсатова Д.* Сталинградский след 106-й кавалерийской дивизии // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3776#scontent (дата обращения: 21.11.2017); *Она же.* Младший лейтенант госбезопасности // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3801#scontent (дата обращения: 28.11.2017).

[305] ЦАМО. Ф. 159. Оп. 13075. Д. 64. Л. 215—216.

ние частей 4-го кавалерийского корпуса[306]. Только 107-я кавалерийская дивизия была расформирована в САВО и затем частями распределена в различные округа[307]. Среднеазиатские запасные части и подразделения, сформированные в марте 1942 г., за ненадобностью расформировывались одновременно с национальными боевыми частями.

Во всех директивах Ставки причины расформирования объяснялись одинаково — большим некомплектом людей, лошадей и материальных средств, необходимостью повышения качества остающихся национальных соединений, поднятием их материального уровня и созданием резерва для своевременного маршевого пополнения существующих частей.

При анализе организационных изменений в национальных соединениях нельзя не учитывать того, что на их судьбе сказывались не только неурядицы, связанные с их формированием, укомплектованием и боевой подготовкой, но и общие изменения в организации родов войск. Особенно это касалось кавалерии, поскольку этот род войск с большим трудом адаптировался к реалиям современной «войны моторов», и 1941—1943 гг. стали периодом перманентной реорганизации конницы, ее организационно-штатного и тактического приспособления к требованиям дня. В этом процессе национальные формирования были только безгласными статистами. Так, в ноябре 1941 г. все 20 национальных кавалерийских дивизий сформировали по штатам так называемых «легких» дивизий — без артиллерии, с минимумом средств усиления, облегченным тылом и т. д. (всего в 1941 г. было создано 78 кавалерийских дивизий «легкого» типа). Однако с учетом боевого опыта в начале 1942 г. они были переформированы в «линейные» кавалерийские дивизии усиленного состава. Произошло их организационно-штатное укрепление и объединение в корпуса. К марту 1942 г. конница Красной армии достигла максимальной за годы войны штатной и списочной численности (371,9 тыс. человек и 301,1 тыс. человек соответственно)[308]. Однако уже через несколько месяцев ее штатная численность была резко сокращена — до 165,4 тыс. человек и держалась близко к этой цифре до конца войны[309]. На рубеже 1942—1943 гг. последовала очередная реорганизация, в результате которой конница была усилена танками, артиллерией, в том числе зенитной и реактивной и т. д. Реорганизации сопровождались сокращениями числа кавалерийских дивизий и обращением их состава на покрытие некомплекта оставшихся, поскольку и конский, и людской кавалерийский состав были в остром дефиците, восполнялись с трудом и при этом несли в боях тяжелые потери. Командование

[306] ЦАМО. Ф. 3608. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—103.
[307] Там же. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
[308] Там же. Ф. 7. Оп. 30. Д. 707. Л. 103.
[309] Там же. Л. 108—120.

стремилось сохранить ядро обстрелянных, опытных соединений, обращая на их укомплектование необстрелянные, которые еще нужно было втягивать в боевую обстановку.

Большинство решений о расформировании национальных кавалерийских соединений принималось в ряду общих мер по реорганизации и сокращению конницы. Всего в течение 1942 г. было расформировано 57 кавалерийских дивизий, из которых 17 являлись национальными[310]. Хотя, безусловно, при расформировании того или иного конкретного соединения учитывались его организационное состояние и боевые качества. В случае с национальными соединениями принимались в расчет также и просьбы центральных комитетов партии и совнаркомов республик. Так, после первой волны расформирований национальных кавдивизий восемь из них были оставлены именно по этой причине[311]. Так, в САВО каждой среднеазиатской союзной республике было оставлено по одной дивизии. В судьбу некоторых национальных соединений непосредственно вмешивался И.В. Сталин, о чем есть прямые свидетельства. Так, 12 июля 1942 г. начальник Главупраформа армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко докладывал вождю: «110-я калмыцкая и 115-я кабардино-балкарская кавалерийские дивизии (17-й кавалерийский корпус СКФ) по специальному вашему указанию недавно были вооружены и в настоящее время занимают оборонительный рубеж»[312]. В ситуации, когда десятки кавалерийских дивизий расформировывались, «специальное указание» Сталина сохраняло некоторые из них в составе Красной армии.

В отдельных случаях, когда оставить национальное соединение представлялось нецелесообразным, по запросу республиканских властей разрешалось создавать на их основе более мелкие войсковые единицы. Например, после расформирования 114-й чечено-ингушской кавалерийской дивизии, деградировавшей в дисциплинарном отношении, по настоятельной просьбе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) из лучшего личного состава были созданы 255-й отдельный чечено-ингушский полк и Отдельный чечено-ингушский запасный дивизион[313].

В результате анализа установлено, что бóльшая часть (55,4%) созданных на рубеже 1941—1942 гг. национальных соединений была расформирована, не успев принять участия в бою. Сравнение соотношения расформированных и оставшихся в строю соединений по регионам формирования показывает, что из среднеазиатских соединений были расформированы 86,2% соединений (25 из 29); 50% — из числа сформированных на территории РСФСР (3 из 6);

---

[310] ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 127.

[311] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 123. Л. 351.

[312] Там же.

[313] Там же. Ф. 225-го отдельного кавалерийского полка. Оп. 915461. Д. 3. Л. 1 об.

14,3% — из числа сформированных в Закавказье (2 из 14). Число прибалтийских соединений (5) сохранялось неизменным до конца войны.

5.5. Национальные соединения периода Великой Отечественной войны: особенности боевого пути

Исходя из особенностей боевого пути национальных формирований, *принявших участие в боевых действиях*, можно разделить их на *три группы*. *Первые*, оказавшись на фронте в суровом 1942 г. и пробыв на передовой от двух до шести месяцев, понесли тяжелые потери, вследствие чего утратили боеспособность, были *расформированы* и более не восстанавливались. К таковым относятся: три закавказские национальные дивизии Крымского фронта (224, 388 и 396-я), разбитые вместе с остальными частями фронта в мае 1942 г. и в дальнейшем в качестве национальных не восстанавливавшиеся; 225-й чечено-ингушский кавалерийский полк и 115-я кабардино-балкарская кавалерийская дивизия, принявшие бой на донском рубеже обороны в самом начале оборонительного сражения на Кавказском и Сталинградском направлениях; 408-я армянская стрелковая дивизия, действовавшая осенью 1942 г. на Туапсинском направлении; 90-я и 94-я отдельные узбекские стрелковые бригады, принявшие участие в операциях 3-й армии Брянского фронта в ноябре 1942 г. — январе 1943 г., после чего были расформированы в один день — 26 января 1943 г.[314]; 110-я калмыцкая кавалерийская дивизия, действовавшая с июля 1942 г. на Дону, а затем — на Северном Кавказе и расформированная в январе 1943 г.; а также 87-я отдельная туркменская стрелковая бригада, с конца ноября 1942 г. воевавшая в составе 27-й армии Северо-Западного фронта в районе Рамушево и в конце апреля 1943 г. переформированная в 76-ю стрелковую дивизию.

Ко *второй группе* относится большинство *закавказских национальных стрелковых соединений, 112-я башкирская кавалерийская дивизия*, а также *100-я и 101-я казахские стрелковые бригады;* к *третьей* — все *прибалтийские национальные соединения*. *Вторую* и *третью группы* объединяет то принципиально важное обстоятельство, что, в отличие от национальных соединений, отнесенных к первой группе, они прошли длительный боевой путь, часть из них — до Дня Победы в Великой Отечественной войне. В то же время отношение органов государственного и военного управления к национальному статусу этих соединений, укомплектованию их представителями титульного этноса было различным, что и потребовало их разделения.

[314] Перечень № 7 управлений бригад всех родов войск, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1956. С. 19—21.

Закавказские национальные стрелковые дивизии в 1942 г. по боевым качествам стояли незначительно выше среднеазиатских; их формирование и боевое слаживание также сильно затянулись, а качество боевой подготовки вызывало острую критику высшего командования[315]. Будучи в 1941 г. и в первой половине 1942 г. недействующим фронтом, Закавказский фронт (до марта 1942 г. — Закавказский военный округ) выступал донором действующих войск, в том числе потерпевшего катастрофу в мае 1942 г. Крымского фронта. По этой причине к лету 1942 г., когда развернулась битва за Кавказ, Закфронт располагал лишь незначительным числом готовых соединений (20 стрелковых дивизий и бригад, 3 кавалерийские дивизии, 3 танковые бригады), прикрывавших по периметру все Закавказье, а также выделял из своих сил контингент советских войск в Иране[316]. Поэтому, несмотря на очевидные недостатки, Генеральный штаб считал национальные соединения Закфронта «*основным костяком*» (выделено мной. — *Авт.*) его войск[317]. А в период стремительного наступления немецко-фашистских войск на Кавказ летом и осенью 1942 г. командованию Закавказского фронта, отрезанного врагом от центральной части страны, приходилось рассчитывать в основном на собственные силы.

Приведенные аргументы позволяют сделать вывод о том, что именно экстремально тяжелое положение на фронте в ходе весенне-летних сражений на южном крыле советско-германского фронта стало главным фактором сохранения закавказских национальных соединений как боевых единиц в составе действующих войск. Эти стрелковые дивизии (392, 406, 414-я грузинские, 89, 408, 409-я армянские, 223, 402, 416-я азербайджанские) не только не были расформированы, но приняли самое активное участие в событиях битвы за Кавказ (25 июля 1942 г. — 9 октября 1943 г.). Некоторые объединения (например, 44-я и 58-я армии Северной группы войск Закавказского фронта) и вовсе в значительной мере были укомплектованы уроженцами Кавказа. По данным советского историка Э. Мамукелашвили, удельный вес представителей нерусских наро-

---

[315] Так, проверка представителями командования 44-й армии Северной группы войск Закавказского фронта оборонительного участка 1037-го стрелкового полка 223-й азербайджанской стрелковой дивизии, проведенная в октябре 1942 г., выявила вопиющую картину развала воинского коллектива: «Вся территория расположения захламлена, засорена, отдельные сооружения развалились, рассыпались, окопы превращены в уборные... Бойцами окопы не заняты. В день поверки в 13.00 бойцы находились в ближайшем тылу, около своих палаток — кипятили чай, варили кушанье... Никаких занятий в батальоне не велось... Поднятые по тревоге красноармейцы 4-й роты 2-го батальона 1037 СП очень медленно заняли свои места в обороне, при этом многие красноармейцы оставили в палатках патроны, гранаты, противогазы, лопаты и другие предметы...» (ЦАМО. Ф. 273. Оп. 875. Д. 2. Л. 108—108 об.). См. также: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 3. Л. 46.

[316] Русский архив. Т. 16 (5—2). С. 69—70.

[317] Там же. Т. 23 (12—2). С. 65.

дов в войсках Северной группы (по составу она приближалась к фронтовому объединению войск[318]) достигал 42,5%[319]. В контрнаступлении войск Северной группы на северном берегу реки Терек в направлении Моздока, начавшемся 11 декабря 1942 г., одновременно принимало участие шесть национальных дивизий (223, 402, 416-я азербайджанские, 89, 409-я армянские, 414-я грузинская), не считая целого ряда соединений с преимущественно нерусским составом, но не имевших официального статуса национальных (151, 271, 320-я стрелковые дивизии, 9-й стрелковый корпус и др.).

В тяжелых условиях оборонительных боев не все национальные формирования проявили высокие боевые качества. Особенности менталитета бойцов, трудности фронтовой обстановки, недостатки в управлении и материально-бытовом обеспечении стали причиной более низкой боеспособности национальных соединений по сравнению с преимущественно славянскими по составу соединениями. Стрелковые части несли тяжелейшие потери, большинство из них к 1 января 1943 г. лишились 50—70% своего личного состава. Так, в частях 9-го стрелкового корпуса, в значительной мере укомплектованных азербайджанцами, на 26 декабря 1942 г. оставалось лишь 246 активных штыков — 130 в одной бригаде и 116 в другой[320]. Некоторые дивизии (402-я и 320-я) попали в окружение и были смяты немецкими танками. Стрелковые подразделения легко поддавались пресловутой «танкобоязни». Потери частей 44-й армии оказались самыми высокими в декабре среди всех армий Закавказского фронта. Согласно донесению командарма-44 генерал-майора В.А. Хоменко, к концу месяца армия была фактически небоеспособной[321].

Часть высшего командного состава была склонна возлагать ответственность за неудачи на фронте именно на нерусский состав, придавая своим обвинениям политический оттенок. Так, командование Северной группы войск (СГВ) Закавказского фронта дважды напрямую обращалось к Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину, настойчиво предлагая расформировать ряд армянских и азербайджанских национальных стрелковых дивизий как «неустойчивые» и «небоеспособные» или же переформировать их в стрелковые бригады сокращенного штата (по 4356 человек в каждой), предварительно отсеяв из них «неустойчивый элемент»[322]. В донесении Военному совету фронта и начальнику Генерального штаба 23 декабря 1942 г. командующий группой войск генерал-лейтенант И.И. Мас-

---

[318] В ноябре—декабре 1942 г. в состав Северной группы войск Закавказского фронта входило четыре общевойсковые армии (9, 37, 44, 58-я), одна воздушная (4-я), два отдельных гвардейских кавалерийских корпуса и другие части и соединения.

[319] *Мамукелашвили Э.* Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942—1943 гг.). Тбилиси, 1982. С. 88.

[320] ЦАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 5. Л. 147.

[321] Там же. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 432. Л. 157.

[322] Там же. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 161—165; Ф. 209. Оп. 1063. Д. 166. Л. 29.

ленников охарактеризовал 416, 402, 223-ю азербайджанские и 409-ю армянскую стрелковые дивизии как «слабоманевренные, не стойкие и не способные к наступательным действиям»[323]. По его словам, «целые подразделения дивизий ложатся перед первым разрывом мины или снаряда. Поднять такие подразделения... тяжело», даже несмотря на массовые репрессии[324]. Далее Масленников недвусмысленно намекал на чрезмерное распространение воинских преступлений в национальных дивизиях, заявив, что «до 60% ранений падает на ранения в левую руку»[325]. По свидетельству занимавшего в тот период должность председателя СНК ДАССР А.Д. Даниялова, подобное мнение было широко распространено среди комсостава и в беседах с ним «военные товарищи» часто «упорно доказывали неспособность к войне национальных формирований из народностей Кавказа и азербайджанцев»[326].

Такая точка зрения имела под собой определенные основания. Немецкие источники часто отмечают, что перебежчиками в этих боях становились в основном уроженцы Кавказа[327]. В дневнике командира одного из подразделений 111-й немецкой пехотной дивизии, действовавшего на северном берегу реки Терек, отмечалось, что в его расположение «при каждой возможности приходят перебежчики, главным образом, представители кавказских народов, не говорящие по-русски»[328]. Части Красной армии, укомплектованные кавказцами, немцы считали «явно неустойчивыми»[329], «имеющими невысокую боевую ценность по сравнению с „русскими“» частями[330]. В специальной справке германского Генерального штаба кавказские соединения не признавались «полноценными войсками» ни в плане материального оснащения, ни по качественным характеристикам личного состава[331]. Немецкие авторы отмечают, что группировка вермахта на северном берегу Терека (части 40-го танкового корпуса и особого корпуса «Ф») была незначительна по силам и потрепана предыдущими боями, однако выстояла натиск многократно превосходивших советских войск[332].

В то же время анализ обстоятельств боевых действий и методов руководства ими позволяет отчасти объяснить поведение части

---

[323] ЦАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 5. Л. 509—513.

[324] Там же.

[325] Там же.

[326] Там же. Ф. 209. Оп. 989. Д. 8. Л. 356—360.

[327] *Tieke W.* Der Kaukasus und das Öl: Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. Osnabrück, 1967. S. 200.

[328] *Muskulus F.* Geschichte der 111. Infanterie Division 1940—1944. Hamburg, 1980. S. 160.

[329] Geschichte der 3. Panzer-Division. S. 344.

[330] Geschichte der 3. Panzer-Division. S. 344, 340.

[331] *Boog H., Rahn W., Stumpt R., Wegner B.* Der Globale Kriege. Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Weckel der Initiatiwe 1941—1943. Stuttgard, 1990. S. 934—935.

[332] Geschichte der 3. Panzer-Division. Berlin-Brandenburg 1935—1945. Berlin, 1967. S. 350.

бойцов кавказских национальностей спешкой и шаблонностью в организации и осуществлении атак, недостаточной подготовкой и обеспечением боя, оборачивавшихся большими и ненужными потерями[333]. Так, в переговорах с командармом-44 генерал-майором В.А. Хоменко командующий группой войск генерал-лейтенант И.И. Масленников непрерывно гнал войска вперед, требуя наступать, «не оглядываясь на свой фланг и на тыл»; «Любыми средствами, не останавливаясь ни перед чем в репрессивных мерах, заставить войска наступать...»; «Говорить об усталости [войск] и о необходимости смены новыми вредно...»; «Частям, не выполнившим свою дневную задачу, выполнять эту задачу ночью...» и т. п.[334]

Доминирование подобных установок подтверждают ветераны-участники тех боев. Б.Г. Тартаковский, бывший работник политотдела 7-й гвардейской стрелковой бригады 10-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшего вместе с национальными дивизиями 44-й армии, вспоминал следовавшие одну за одной неподготовленные атаки неразведанных позиций врага, приносившие огромные потери, но месяцами не дававшие результата. Бои на левом берегу Терека осенью и зимой 1942 г. их участники, прошедшие затем всю войну, вспоминали как «символ кровопролитнейших боев, бессмысленных ночных атак и тяжелейших потерь», «олицетворение самой сущности войны со всеми ее ужасами и бесчеловечностью»[335]. В то же время даже в штабе СГВ Закфронта признавали, что на национальную пехоту выпало очень тяжелое испытание. «Пехота у нас золотая, и все беды терпит она, — отмечал в одном из докладов начальник штаба Северной группы генерал-майор А.А. Забалуев. — Пехотинцы азербайджанской национальности смело шли вперед и не отступали перед танковыми атаками, но зачастую, без поддержки огня бронебойщиков, не умея должным образом применять противотанковые гранаты и бутылки, несли большие потери»[336].

Оценивая позицию Военного совета Северной группы войск в отношении национальных дивизий, Военный совет Закавказского фронта (командующий — генерал армии И.В. Тюленев, члены Военного совета — Л.М. Каганович, П.И. Ефимов), в состав которого также входили все руководители ЦК компартий закавказских союзных республик (Г.А. Арутюнов, К.П. Чарквиани, М.-Д.А. Багиров), квалифицировал ее как «грубую политическую ошибку»[337] и

---

[333] Например, 409-я армянская стрелковая дивизия, которая была введена в бой 15 декабря 1942 г., уже к 20 декабря потеряла половину своего состава: из 10 146 человек выбыло 5216 бойцов и командиров (542 человека убитыми, 3186 — ранеными, 488 — пропавшими без вести) (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 17—18).

[334] ЦАМО. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 20. Л. 353.

[335] *Тартаковский Б.Г.* Из дневников военных лет. М., 2005. С. 54—97, 99.

[336] ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 39. Л. 34.

[337] Там же. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 27. Л. 8—10.

«по сути фашистскую»[338]. И.В. Сталин в конце концов встал на сторону Военного совета Закавказского фронта, в резкой форме потребовав от Масленникова: «Прекратите пререкания с Тюленевым и выполняйте его директивы»[339].

Участие в тяжелых боях не прошло для бойцов кавказских национальностей бесследно. С приобретением ими боевого опыта их политико-моральное состояние становилось более устойчивым. Оставшиеся в строю бойцы-*националы*, прошедшие суровую школу оборонительных боев 1942 г., постепенно возмужали, освоили русский язык и могли сражаться на равных с красноармейцами-славянами[340]. Документы фиксируют положительные качественные изменения личного состава национальных формирований. По выражению командира 276-й стрелковой дивизии генерал-майора И.А. Севастьянова, укомплектованной в основном грузинами, его люди «посуровели»[341]. После коренного перелома в Великой Отечественной войне сохранившиеся закавказские национальные соединения и по национальному составу, и по боевым характеристикам фактически стали в один ряд с прочими соединениями Красной армии. С середины 1943 г., когда кавказские национальные дивизии интенсивно пополнялись личным составом, документы нередко отмечали ситуацию, обратную той, которая наблюдалась в 1941—1942 гг. Бойцы кавказских национальностей в положении ветеранов своих подразделений теперь становились авторитетами для нового пополнения разных национальностей, являлись кадровым ядром подразделений[342]. Они уже редко бывали нарушителями дисциплины. Сами национальные соединения приобрели богатый боевой опыт и использовались на важных участках фронта. Так, 223-я азербайджанская стрелковая дивизия в 1943 г. участвовала в прорыве вражеской обороны под Харьковом, захвате плацдарма в районе Аулы при форсировании Днепра. Весной 1944 г. дивизия участвовала в тяжелых боях за плацдарм на правом берегу реки Днестр, а в августе — в знаменитой операции по уничтожению ясско-кишиневской группировки врага, в ходе которой пленила 3327 немецких солдат и офицеров[343].

Вместе с тем уже в начале 1943 г. угроза оккупации Кавказского региона миновала, положение на фронтах улучшилось. Отпала необходимость в поддержании идеологемы о защите своего дома, своего народа. Трудоемкое и затратное поддержание этнического баланса национальных соединений перестало быть ак-

[338] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 8. Л. 358.

[339] Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Док-ты и мат-лы: 1943. Т. 16 (5—3). М., 1999. С. 466.

[340] *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 43.

[341] ЦАМО. Ф. 1572. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

[342] Там же. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.

[343] Там же. Д. 4. Л. 1—4.

туальным, и постепенно, потоком новых пополнений состав национальных соединений размывался представителями других национальностей.

* * *

Схожая с закавказскими соединениями боевая судьба постигла остававшиеся в строю действующей армии две казахские стрелковые бригады (100-ю и 101-ю). Они оказались на фронте в конце октября 1942 г. и находились в составе действующей армии дольше всех других национальных соединений, сформированных САВО. В ноябре—декабре 1942 г. в составе 39-й армии Калининского фронта они приняли участие во 2-й Ржевско-Сычевской наступательной операции (операция «Марс»), понеся в ней тяжелые потери, и после доукомплектования в значительной мере утратили свой национальный статус. В дальнейшем при пополнениях удельный вес титульной национальности неизменно падал (таблица 14). 100-я бригада была обращена на комплектование 1-й стрелковой дивизии 9 декабря 1943 г., а 101-я бригада расформирована 5 июля 1944 г.

Таблица 14

Динамика удельного веса представителей титульных национальностей в закавказских и среднеазиатских национальных стрелковых соединениях, принявших участие в боях, в 1943—1945 гг. (в процентах ко всему личному составу)

Наименование соединения	1.01.1943	1.07.1943	1.01.1944	1.07.1944	1.01.1945
77-я азербайджанская сд	55,6	40,3	22,9	6,9	—
89-я армянская сд	—	—	—	62,7	57,7
223-я азербайджанская сд	86,1	24,6	19,4	11,2	—
394-я грузинская сд	64,0	—	3,6	—	—
409-я армянская сд	—	21,4	29,1	17,4	16,8
414-я грузинская сд	84,9	85,6[1*]	75,5	78,8	56,9
416-я азербайджанская сд	—	40,8	49,7	21,4	—
100-я казахская сбр[2*]	51,4	18,4	—	—	—
101-я казахская сбр[3*]	63,5	21,5	18,0	—	—

[1*] По состоянию на 1 апреля 1943 г.

[2*] В действующей армии с 26.10.1942 по 9.12.1943. Переформирована в 1-ю стрелковую дивизию II формирования (Перечень № 7 управлений бригад всех родов войск, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1956. С. 19—21).

[3*] В действующей армии с 23.10.1942 по 5.07.1944. Расформирована (Перечень № 7... С. 19—21).

Составлено по: ЦАМО. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 2. Л. 51—55 об.; Д. 94. Л. 21, 81—83; Ф. 1495. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; Ф. 1720. Оп. 1. Д. 99. Л. 6; Ф. 1733. Оп. 1. Д. 2. Л. 250; Д. 4. Л. 38—41 об.; Ф. 1736. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.—12; Д. 36. Л. 34, 35, 78, 90; Ф. 1738. Оп. 1. Д. 1. Л. 10—13 об.; Ф. 1918. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—4; Ф. 1919. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

Несколько особняком стоит 112-я башкирская кавалерийская дивизия, которой довелось участвовать в нескольких глубоких рейдах по тылам противника. Она использовалась именно так, как и предусматривала современная тактика кавалерии. В июле 1942 г. начальник Главупраформа Е.А. Щаденко, характеризуя состояние конницы в целом, докладывал И.В. Сталину: «112-я башкирская кавалерийская дивизия находится на Брянском фронте (в составе 8-го кавкорпуса) и, по отзывам командования, дерется храбро»[344]. За выдающиеся боевые заслуги и успешный рейд по тылам противника в районе Ворошиловграда (Луганска) в составе всего 8-го кавалерийского корпуса 14 февраля 1943 г. башкирская дивизия была преобразована в 16-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию 7-го гвардейского кавалерийского корпуса.

В составе корпуса эта дивизия воевала до Дня Победы, став соединением-рекордсменом в Красной армии по числу Героев Советского Союза — 78 человек, а ее командиру генерал-майору М.М. Шаймуратову в 2020 г. было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Строго говоря, 16-я гвардейская кавалерийская дивизия не являлась национальной (в приказе НКО № 78 от 14 февраля 1943 г. о преобразовании 8-го кавалерийского корпуса в гвардейский упоминание этнонима отсутствует[345]). Однако сохранившийся фрагментарно архивный фонд свидетельствует о том, что дивизия продолжала пополняться коренными народами Башкирской АССР — башкирами и татарами, хотя уже не достигала высокой этнической гомогенности, как при формировании. Так, если по окончании формирования в декабре 1941 г. 81,4% личного состава являлась башкирами, а 14,5% — татарами, то в конце июня 1943 г. в ее составе было лишь 16,6% башкир и 12,9% татар[346].

С 1943 г. сохранение этнически однородного состава в национальных соединениях стало в основном инициативной заботой ЦК компартий союзных республик. Процесс начинался, как правило, с того, что комдивы и начальники политотделов дивизий сигнализировали об ослаблении национального ядра своих соединений в два адреса: вышестоящему командованию и в центральные комитеты партии своих республик. После этого первые секретари национальных компартий использовали официальные и личные связи с руководством страны и Наркомата обороны вплоть до И.В. Сталина для адресной отправки маршевого пополнения в «свои» национальные соединения. Нередко советские и партийные элиты союзных республик обращались напрямую к заместителю наркома обороны — начальнику Главного управления формирования и укомплектования Красной армии генерал-полков-

[344] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 123. Л. 351.
[345] Там же. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 6. Л. 191.
[346] Там же. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 2. Л. 4; Д. 80. Л. 90.

нику[347] Е.А. Щаденко, прося его перенаправить имевшиеся в их республиках людские ресурсы в национальные дивизии. В случае с закавказскими национальными соединениями возможны были только неформальные механизмы принятия решений, поскольку, как отмечалось выше, для закавказских соединений специальных запасных частей не создавалось и они пополнялись общим порядком, в одном ряду с прочими соединениями армий и фронтов, в состав которых они входили.

Для национальных элит идеологический смысл продолжения существования национальных формирований был исключительно важным. Как было сказано об одной из азербайджанских дивизий, она есть «*еще одно неопровержимое доказательство* (курсив мой. — *Авт.*) верности азербайджанцев советскому народу и И.В. Сталину»[348]. То есть национальная дивизия понималась как зримое, материальное воплощение национального вклада в дело вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Инициатива республиканских властей порой заходила столь далеко, что в первой половине 1943 г. наблюдалось даже возрождение старых национальных дивизий, ведущих свою историю со времен Гражданской войны, но в ходе военной реформы конца 1930-х гг. утерявших национальный статус. Так, 77-я стрелковая дивизия после переформирования в конце 1942 г. была пополнена большим количеством красноармейцев, командиров и политработников азербайджанской национальности и неформально вновь стала именоваться национальной, хотя с 1938 г., после упразднения национальных формирований, таковой не считалась. В 1943—1945 гг. при распределении национальных пополнений 77-й дивизии отдавался явный приоритет перед другими соединениями, даже теми, которые официально формировались как азербайджанские национальные.

Аналогичным образом власти Казахстана стремились поддерживать высокий удельный вес воинов казахской национальности в знаменитой на всю страну 8-й гвардейской стрелковой дивизии, которая под командованием бывшего военкома КССР генерал-майора И.В. Панфилова отличилась в оборонительном сражении под Москвой. Дивизия формировалась в Казахстане и насчитывала в своем составе относительно немного казахов (после сформирования — 14,4%)[349]. В боях она несла тяжелые потери (с 19 августа 1941 г. по 1 июля 1942 г. только безвозвратные потери составили 11 754 человека[350]). Дивизия никогда официально не считалась национальной.

---

[347] 6 декабря 1942 г. в связи с упразднением специальных воинских званий для военно-политического состава армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко был переаттестован и получил общевойсковое звание генерал-полковник.

[348] Бакинский рабочий. 1943. 5 октября.

[349] *Сухарь М.Я.* Указ. соч. С. 229.

[350] ЦАМО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 17. Л. 58.

Тем не менее по ходатайствам советских и партийных властей республики она несколько раз пополнялась тысячами казахов, в том числе за счет формируемых в Казахстане национальных соединений. Так, 100-я казахская стрелковая бригада выделяла маршевое пополнение казахами для 8-й гвардейской стрелковой дивизии как минимум трижды: 4 декабря 1941 г. — 1700 бойцов и младших командиров, 23 декабря 1941 г. — 1460 человек[351], 18 апреля 1942 г. — еще 594 человека[352]. Из 101-й бригады 23 декабря 1941 г. было отправлено 600 человек[353]. Еще 540 казахов было призвано из запаса. В июле 1943 г. из состава 3-й и 32-й запасных бригад было выделено 2500 обученных казахов и киргизов[354]. Все эти меры способствовали поддержанию в дивизии определенного удельного веса казахов и киргизов. Эти факты широко тиражировались в республиканском публичном пространстве. Налицо стремление республиканских властей «национализировать» прославленное на всю страну соединение.

Явочная *национализация* воинских соединений происходила в 1943—1944 гг. и в других республиках. Например, неофициально стала считаться национальной грузинской 296-я стрелковая дивизия 45-й армии недействующего Закавказского фронта. Как отмечалось в историческом формуляре соединения, «личный состав дивизии на 70% состоял из грузин, дивизия в целом являлась национально-грузинской»[355]. 349-я стрелковая дивизия, с 1943 г. дислоцировавшаяся на приграничной с Турцией территории Грузии, была укомплектована в основном грузинами и постепенно стала именоваться «грузинской». Партийный лидер Грузии К.Н. Чарквиани уделял большое внимание этой дивизии. 261-я дивизия той же армии, не принимавшая участия в боях с середины 1942 г., с 1943 г. носила неофициальное наименование «армянская» и т. д. Осенью 1943 г. в составе Закфронта фактически шесть из семи стрелковых дивизий были национальными (296, 349, 406, 392-я — грузинские, 402-я — азербайджанская, 261-я — армянская), хотя официально как национальные формировались только 392-я и 402-я дивизии. В этих дивизиях на 57 259 человек личного состава 39 223 человека (68,6%) представляли одну из трех закавказских титульных наций[356]. При этом повсеместно (кроме азербайджанской дивизии) среди офицерского состава резко преобладали представители местных национальностей, что создавало почву для конфликтов с русскими офицерами. Последние жаловались на ущемления по службе и кумовство. Рус-

[351] Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана, 1941—1945 гг.: Сб. док-тов. Алматы, 2010. С. 160.

[352] ЦАМО. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[353] Рассекреченная война... С. 160.

[354] Там же. С. 436—438.

[355] Великая Отечественная война: документы и материалы. Т. III: Национальные формирования Красной армии... С. 354.

[356] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 155. Л. 306—319.

ский офицер этой дивизии сообщал, что грузинский национализм в дивизии достиг таких масштабов, что «довоенные национальные дивизии — это еще цветочки»[357].

Столь непривычная ситуация вызвала внимание Генерального штаба, затребовавшего у штаба Закавказского фронта подробных сведений о национальном составе частей и соединений. Тем более что к концу войны все шире входила в оборот пропаганда «ведущей роли русского народа в Отечественной войне»[358].

Сам национальный статус кавказских дивизий для некоторых руководящих работников в конце войны стал раздражающим фактором. Так, в феврале 1945 г. начальнику штаба 13-го стрелкового корпуса из штаба 45-й армии было заявлено: «Вторично сообщаю, что в составе 13 с[трелкового] к[орпуса] национальных соединений нет. Если 392-я стрелковая дивизия в преобладающем большинстве укомплектована сержантским и рядовым составом грузинами, то это не значит, что она должна считаться национальным формированием»[359]. Трудно представить, какими еще основополагающими критериями должны были обладать национальные формирования, чтобы считаться таковыми. Тем более что 392-я стрелковая дивизия была сформирована по приказу НКО от 3 февраля 1942 г. именно как грузинская национальная.

* * *

В общем массиве национальных формирований особое место занимают *прибалтийские* национальные соединения, чей национальный статус оставался незыблемым до конца войны. Прибалтийские стрелковые дивизии прошли и самый долгий и насыщенный боевой путь. Исследование документальной базы требует искать причину этого в политико-идеологической сфере: на последнем этапе войны из всех национальных формирований Красной армии только им одним *предстояло* освобождать родной край.

Для прочих национальных формирований эта задача перестала быть актуальной достаточно скоро. Идеологический концепт *защиты* или же *освобождения родного края* следует понимать как важный фактор поддержания национального статуса воинских формирований в годы Великой Отечественной войны. Защищая свою малую родину, воины-«националы» самым убедительным и наглядным образом опровергали нацистскую пропаганду, пытавшуюся вбить клин в единство советских народов и иногда имевшую определенный успех на этом поприще. Если в случае с прибалтийскими национальными воинскими формированиями сохранение национального статуса было актуально для власти фактически до конца войны, то

[357] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 46. Л. 23.
[358] Русский архив. Т. 17 (6). С. 266—267.
[359] Там же. Л. 53.

для кавказских он потерял важность сразу после окончания оборонительного сражения на Северном Кавказе (то есть к началу 1943 г.), а для башкирской кавдивизии и среднеазиатских формирований этот фактор и вовсе не актуализировался никогда. В связи с этим не возникало политической необходимости поддерживать существование таких соединений в качестве национальных ценой неизбежного усложнения процесса их комплектования людскими ресурсами. Поэтому в случае потери боеспособности они без лишних колебаний расформировывались или переформировывались в обычные воинские части.

Выше уже приводились примеры активной роли республиканских партийно-советских лидеров в поддержании этнического баланса национальных формирований. Изучение документальной базы позволяет утверждать, что прибалтийские правительства и коммунистическая партийная элита, как это ни парадоксально звучит, оказались в особо выгодном положении по сравнению со своими коллегами из других республик. Хотя подведомственные им территории оказались полностью оккупированными врагом, ситуация «правительств в изгнании» избавляла их от повседневных хозяйственных и социальных забот, позволив сосредоточиться на проблемах национальных воинских формирований. Первые секретари прибалтийских компартий постоянно вмешивались в повседневную жизнь своих частей, вплоть до отстаивания интересов и прав отдельных командиров и курсантов. Постоянное местопребывание в Москве облегчало им оперативный доступ к государственному и военному руководству Советского Союза. В места формирования национальных дивизий или пункты сбора назначенных контингентов из строительных частей командировались высокопоставленные республиканские чиновники, оперативно докладывавшие о текущих трудностях, связанных чаще всего с волокитой при откомандировании уроженцев Прибалтики из строительных частей и рабочих колонн[360].

Усилиями руководства Наркомата обороны был предпринят комплекс мер для регулярного комплектования прибалтийских национальных формирований маршевыми пополнениями. Развивалась сеть запасных частей: 9 февраля 1941 г. сформирован эстонский запасный батальон, 14 февраля 1942 г. развернутый в 1-й отдельный эстонский запасный полк; в этот же день сформирован 1-й отдельный латышский запасный полк[361]. Для литовских частей 23 мая 1942 г. был сформирован Отдельный литовский запасный стрелковый батальон. Прибалтийские запасные части выполняли не только свою прямую функцию подготовки маршевых рот для своих наци-

[360] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 3—4.

[361] Латышский и эстонский запасные стрелковые полки имели по штату 617 человек постоянного состава и 6000 человек переменного состава (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 708. Л. 39).

ональных дивизий, но и являлись сборными пунктами для сосредоточения национальных контингентов, рассеянных по всей стране[362]. В них готовили бойцов и командиров широкого перечня специальностей. Полки являлись своеобразными комплексными учебными центрами, комплектуемыми личным составом по национальному принципу. Мобилизуемые и призываемые в Красную армию эстонцы передавались в 1-й отдельный эстонский запасный стрелковый полк, а затем на укомплектование 8-го эстонского стрелкового корпуса. Латыши направлялись в 1-й отдельный латышский запасный стрелковый полк, а после его расформирования в июле 1944 г. (в связи с обращением большей части его личного состава на формирование новой 308-й латышской стрелковой дивизии) — во вновь сформированный Латышский запасный стрелковый батальон 359-го запасного стрелкового полка 14-й запасной стрелковой дивизии. Если не удавалось набрать контингент нужной национальности, его заменяли славянами, евреями и иными национальностями, однако старались подбирать лиц, связанных происхождением с прибалтийскими республиками.

Весьма необычна штатная структура прибалтийских запасных частей. Так, сформированный 14 февраля 1942 г. в Московском военном округе 1-й отдельный латышский запасный стрелковый полк состоял из семи батальонов: учебного (готовил младший командный состав), четырех стрелковых, пулеметного и минометного, а также трех отдельных спецрот (автоматчиков, саперов и связистов), артиллерийского дивизиона, отдельной батареи 45-мм пушек, курсов младших лейтенантов, взвода выздоравливающих. С 1944 г. при полку также содержалась группа резерва Латвийского штаба партизанского движения (150 человек)[363]. Наиболее подготовленные и перспективные офицеры полка направлялись на курсы усовершенствования командного состава «Выстрел» для подготовки на должности командиров рот и батальонов. Аналогичную многопрофильную структуру имели и другие прибалтийские запасные части. Для подготовки офицеров-специалистов (инженеров, связистов, артиллеристов и др.) в военных училищах Московского военного округа выделялись квоты.

В связи со вступлением советских войск на территорию прибалтийских советских республик и развертыванием там военного призыва формировались целые запасные соединения. 23 июля 1944 г., в первые же дни после вступления советских войск на территорию Литвы, для обучения литовских контингентов в Белорусском военном округе директивой Генерального штаба Красной ар-

---

[362] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 86. Л. 149, 181; Ф. 1-го отдельного латышского запасного стрелкового полка. Оп. 597946. Д. 2. Л. 6; Ф. 7. Оп. 30. Д. 708. Л. 43.

[363] ЦАМО. Ф. 1-го отдельного латышского запасного стрелкового полка. Оп. 597942. Д. 3. Л. 185, 206.

мии № орг/2/614 была сформирована 50-я запасная литовская стрелковая дивизия в составе четырех запасных стрелковых полков и одного запасного артиллерийского полка[364]. К 20 сентября 1944 г. в составе дивизии насчитывалось 22,5 тыс. человек, из которых 17,1 тыс. человек были литовцами[365].

Кроме национальных запасных частей, было определено, что раненые и больные бойцы и командиры лечились в специально отведенных для них госпиталях, с тем чтобы затем возвращаться в свои части. Так, для эстонцев был выделен эвакогоспиталь № 1079 в городе Иваново[366]. Здесь же располагалось Подольское пехотное училище, с 1942 г. готовившее средний командный состав для всех прибалтийских частей. Другие национальные соединения не имели в годы войны постоянно закрепленных за ними запасных частей, госпиталей и военно-учебных заведений, и поэтому все они неизбежно теряли ядро национального состава.

Если все прочие национальные соединения неуклонно отдалялись от своих республик, нередко — за тысячи километров, то прибалтийские, напротив, приближались к родным краям. Во второй половине 1944 г. они вступили на территорию Прибалтики и получили возможность пополняться непосредственно в родных местах, чем активно и пользовались, поддерживая национальный состав в стабильном состоянии[367]. Более того, с приближением к территории Прибалтики произошло организационное укрепление прибалтийских частей. В июне 1944 г. был сформирован 130-й латышский стрелковый корпус (в составе 43-й гвардейской и 308-й латышских стрелковых дивизий). 308-я стрелковая дивизия формировалась одновременно с корпусом и стала последней национальной дивизией, созданной в годы войны. Это лишний раз подтверждает выдвинутый тезис о политической значимости национальных частей в связи с защитой родного края.

Из латышей же была сформирована единственная за годы войны национальная авиационная часть — сначала 24-я отдельная латышская авиаэскадрилья, а затем, на ее базе, — 1-й латышский бомбардировочный авиационный полк. Он был сформирован 3 июля 1943 г. и укомплектован летчиками и техническим персоналом, эвакуированным еще с территории Латвийской ССР в 1941 г., и латышами

---

[364] ЦАМО. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 1—2.

[365] Там же. Д. 4. Л. 21—22.

[366] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 70—76.

[367] Так, в 8-м эстонском стрелковом корпусе в августе 1944 г. числилось 79,5% эстонцев; в 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии к сентябрю 1944 г. латыши составляли 45% личного состава; в 16-й литовской стрелковой дивизии к 1 октября 1944 г. литовцы составляли 50% личного состава, причем их представительство по отношению к июлю 1944 г. возросло более чем в 2,5 раза. (Подсчитано по: Великая Отечественная война. 1941—1945: Док-ты и мат-лы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. С. 101, 104—109, 133, 173.)

из других авиационных частей Красной армии. Полк летал на так называемых ночных бомбардировщиках У-2 и принял активное участие в освобождении территории Латвии, поддерживая наземные войска[368].

Летом и осенью прибалтийские соединения наконец вступили на родную землю. 18 июля 1944 г. части 130-го латышского стрелкового корпуса вошли в пределы Латвии; бойцы корпуса одними из первых перешагнули административную границу республики[369]. В составе 2-го Прибалтийского фронта латышские дивизии участвовали в Режецко-Двинской (10—27 июля 1944 г.), Лубанско-Мадонской (1—28 августа 1944 г.), Рижской (14 сентября — 16 октября 1944 г.) и других фронтовых наступательных операциях[370].

В свою очередь, части 8-го эстонского стрелкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Л.А. Пэрна принимали активное участие в операциях по освобождению Эстонии, участвуя с 17 по 26 сентября 1944 г. в Таллинской наступательной операции Ленинградского фронта, в результате которой была освобождена вся материковая часть Эстонии. Затем эстонские дивизии участвовали в десантных операциях на острова Моонзундского архипелага. На момент начала боев 90% личного состава 7-й и 249-й стрелковых дивизий составляли эстонцы, из которых 81% были уроженцами Эстонии[371]. Партийно-комсомольская прослойка в 8-м эстонском корпусе составляла 40,2%[372].

28 июня 1945 г. приказом наркома обороны за проявленные героизм и отвагу, стойкость и мужество, дисциплину, организованность и умелое выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками корпус был преобразован в 41-й гвардейский стрелковый эстонский Таллинский корпус, 7-я дивизия — в 118-ю гвардейскую стрелковую эстонскую Таллинскую Краснознаменную дивизию, 249-я дивизия — в 122-ю гвардейскую стрелковую эстонскую Краснознаменную дивизию[373].

В боях за свою родину также участвовала 16-я литовская стрелковая дивизия, вступившая на территорию Литвы одним из первых соединений Красной армии — 12 июля 1944 г. Еще на этапе боевой подготовки дивизия характеризовалась как крепкое, вполне боеспособное соединение[374]. Вступив в боевые действия в феврале 1943 г.,

---

[368] *Райнс А., Рейзин В., Эльвих П.* В воздухе Латышский Режицкий...: Латышские летчики в Великой Отечественной войне. Рига, 1965. С. 5—67.

[369] История Латвийской ССР. Т. 3... С. 572.

[370] *Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. Рига, 1961. С. 339—340.

[371] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 598. Л. 291—297.

[372] *Мяги А.А.* Партийно-политическая работа в войсках Советской Армии в ходе освобождения Эстонской ССР от немецко-фашистских захватчиков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1970. С. 11.

[373] Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945. Т. 1. Таллин, 1973. С. 636.

[374] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 319—320.

дивизия участвовала в Курском сражении, а затем до конца войны ей пришлось вести тяжелые бои за малую родину, отбивая контрнаступление немцев в районе города Шауляй, а затем — с окруженными группировками противника сначала в Курляндии и в районе города Клайпеда.

Хотя анализ обстоятельств формирования на территории Советского Союза *иностранных* войск не входит в задачи данного исследования, однако их стремительное становление в последний период войны напрямую наследовало затухавшим национальным формированиям Красной армии: они точно так же готовились к *освобождению родного края титульным этносом*. Такие воинские формирования предназначались для совместного с частями Красной армии вступления на территорию своих стран, придания этому событию *освободительного* характера, легитимации зарубежного похода Красной армии в глазах европейского общественного мнения. Поэтому в конце Великой Отечественной войны формированию союзных иностранных воинских частей советским военно-политическим руководством уделялось огромное внимание и материальные ресурсы. Так, к началу декабря 1944 г. созданные в СССР польские части насчитывали 10 пехотных дивизий, 5 танковых бригад, 1 авиадивизию и 3 авиабригады, 1 артиллерийскую дивизию и 12 артиллерийских, зенитных и минометных бригад, много других частей и соединений. Они были объединены в две полевые армии Войска Польского и насчитывали по штату до 300 тыс. человек. К концу войны штатная численность польских частей достигла огромного значения — 446,2 тыс. человек[375], а списочная — 304 тыс. человек[376]. Для укомплектования польских частей за 1944 г. военными округами и фронтами Красной армии было призвано или выделено из воинских частей и отправлено на укомплектование польских частей 156 770 лиц польской национальности (граждан СССР и бывших граждан Польши)[377]. Кроме польских, на территории СССР формировались чехословацкие, югославские, румынские, французские части, правда, значительно более малочисленные, чем польские. На укомплектование чехословацких частей в 1944 г. было отобрано 6378 лиц чешской и словацкой национальностей; остальные иностранные формирования были еще меньше[378].

Столь пристальное внимание советского военно-политического руководства в конце Великой Отечественной войны иностранным союзным формированиям, прибалтийским частям Красной армии и одновременная утрата интереса к прочим национальным частям Красной армии подчеркивают важную политико-идеологическую функцию национальных формирований, не присущую иным воин-

---

[375] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 1917. Д. 7. Л. 1—95.
[376] Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 357. Л. 132—134.
[377] Там же. Оп. 881805. Д. 208. Л. 115.
[378] Там же.

ским частям. Эта функция заключалась в символическом олицетворении обороны или освобождения родного края представителями титульного этноса.

* * *

Проведенный анализ показал, что возврат в первые месяцы Великой Отечественной войны к практике мононационального комплектования воинских формирований был обусловлен культурно-языковыми особенностями контингентов военнообязанных, мобилизованных в национальных регионах Советского Союза, прежде всего из Средней Азии и с Кавказа. Слабое владение русским языком, низкий уровень грамотности, слабая военная подготовка красноармейцев, недостаток национальных командных кадров существенно замедляли и затрудняли боевое слаживание подразделений и последующее их использование в боевой обстановке.

В ответ на сложившуюся ситуацию в период с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. руководством страны был реализован комплекс решений, включавший в себя создание новых национальных частей и соединений и перегруппировку личного состава по национальному признаку в уже готовых соединениях. Всего за годы войны в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии, на Южном Урале и в Прибалтике было сформировано 54 стрелковые и кавалерийские соединения и части (см. таблицу 15). Однородная языковая и культурная среда в таких воинских частях способствовала ускорению боевой подготовки бойцов нерусских национальностей, повышению ее качества, укреплению дисциплины в подразделениях и моральной стойкости личного состава.

Анализ последующего опыта боевой подготовки и боевого применения национальных частей в годы войны показал, что они сыграли положительную роль в общем укреплении боевой мощи Красной армии и внесли свой вклад в общее дело Победы над немецким фашизмом. В отдельных операциях и сражениях национальные соединения использовались массово (бои за Крым в 1942 г., битва за Кавказ 1942—1943 гг., освобождение Прибалтики в 1944 г.). Однако в целом их боевые качества оказались ниже, чем у воинских частей с преимущественно славянским личным составом. Более того, вследствие низкой боеспособности большая часть национальных соединений была расформирована еще до отправки на фронт.

Установлено, что в период Великой Отечественной войны вновь, как и в 1920-х гг., ярко проявилась *политическая функция* национальных формирований, заключавшаяся в их использовании для *защиты* или *освобождения своего родного края*. Участие национальных частей в боях за малую родину носило характер политической демонстрации и имело большое моральное значение как для военнослужащих, так и для местного населения. Именно это обстоя-

Таблица 15

Национальные формирования Красной армии периода Великой Отечественной войны

Титульный состав	Расформированы до отправки на фронт	Участвовали в боях от 1 до 6 месяцев и расформированы или переформированы в ненациональные	Прошли длительный боевой путь (свыше 6 месяцев)	Национальные запасные части
Латышские			201-я (43-я гв.), 308-я сд, 1-й бап	1-й латыш. озсп
Эстонские			7-я (118-я гв.), 249-я (122-я гв.) сд	1-й эстон. озсп
Литовские			16-я сд	Отд. лит. зсб, 50-я зсд
Армянские	419-я сд	388, 408-я сд	89, 409-я сд	
Грузинские	418-я сд	224-я сд	392, 406, 414-я сд	
Азербайджанские		396-я сд	223, 402, 416-я сд	
Казахские	96, 105, 106-я кд		100-я, 101-я сбр	13-й зкп, 1-й казах. озсп
Узбекские	99, 100, 101, 103-я кд, 89, 91, 92, 93, 95, 96, 97-я сбр	90, 94-я сбр		12-й зкп, 2-й озсп
Киргизские	107, 108, 109-я кд			
Туркменские	97, 98-я кд, 88-я сбр	87-я сбр		14-й зкп, 1-й озсб
Таджикские	104-я кд, 98, 99-я сбр			
Калмыцкие	111-я кд	110-я кд		17-й зкп
Кабардино-балкарские		115-я кд		
Чечено-ингушские	114-я кд	255-й кп		Чеч.-Ингуш. озкд-н
Башкирские	113-я кд		112-я (16-я гв.) кд	

тельство способствовало сохранению части национальных формирований (прежде всего прибалтийских) и целенаправленному поддержанию их национального состава до конца войны. И напротив, с исчерпанием идеологического концепта защиты родного края утрачивался интерес к ним со стороны органов государственного и военного управления именно как к национальным частям (в случае с закавказскими соединениями). Неизбежная энтропия национального состава в ходе пополнений и переформирований вела к утрате ими национальной идентичности, а с ней — и формального статуса. Те формирования, для которых концепт защиты родного края вовсе не актуализировался (среднеазиатские), имели самую короткую историю. В отдельных случаях инициативу поддержания положительного баланса титульного этноса в национальных дивизиях брали на себя республиканские власти, заинтересованные в продлении их идеологической функции.

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАРОДОВ СССР

6.1. Комплектование РККА представителями народов СССР в 1920-х гг.

Этническая проблематика изначально присутствовала в дискурсе вокруг комплектования Красной армии личным составом. Эту тему актуализировал опыт последних войн, включая Гражданскую, свидетельствовавший, что русские военнослужащие (и шире — восточные славяне) значительно преобладали в армейских рядах, превосходя свой удельный вес среди населения страны. С другой стороны, равных условий военного призыва требовали национальные коммунистические элиты, трактовавшие это как символ политической эмансипации и роста своих этносов. Неравноправный прием советских этносов в армейские ряды и составлял существо национального вопроса в строительстве новой социалистической армии.

На пути к практическому его решению стоял целый ряд проблем, которые в свое время не смогло решить царское правительство. Наиболее сложные из них — налаживание воинского учета и регулярного военного призыва. Особенно остро эта проблема стояла в отношении народов, прежде, в досоветский период, в армию не принимавшихся и не имевших исторического опыта несения обязательной военной службы.

Вопрос расширения призыва в Красную армию наталкивался на тяжелейшее материальное положение страны. Все 1920-е гг. армия содержалась на «голодном пайке». После окончания Гражданской войны советская власть встала перед необходимостью жесткой экономии государственных средств, в том числе на оборонные нужды. Квинтэссенцией экономической политики в военном строительстве можно считать призыв наркомвоенмора М.В. Фрунзе о «максимальном сокращении всего, что не является абсолютно необходимым для работы»[1].

[1] *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2. 1924 г. М., 1926. С. 132.

В первые послевоенные годы численность армии была многократно сокращена. В декабре 1920 г., когда начался первый этап сокращения войск, численность Красной армии достигала 5300 тыс. человек[2]. Уже к 1 сентября 1921 г. она была сокращена до 1800 тыс. человек[3], а к 1 октября 1922 г. была доведена до 796,9 тыс. человек[4]. К 1 октября 1924 г. штатная численность РККА была доведена до 537,5 тыс. человек[5], сократившись по сравнению с периодом Гражданской войны в 10 раз. Это был тот предел, за которым, по мнению М.В. Фрунзе, дальнейшее уменьшение было «мыслимо лишь путем расформирования целых дивизий, то есть путем ослабления основного костяка армии и ее боевой мощи»[6]. Списочная, то есть реальная, численность армии в этот период была еще ниже: на 1 сентября 1924 г. она составляла лишь 478,5 тыс. человек[7]. В таком составе многими руководителями армия признавалась небоеспособной[8], однако в условиях хозяйственной разрухи указанный лимит пришлось выдерживать (с некоторыми коррективами) до начала 1930-х гг.

До весны 1924 г. из соображений экономии бюджетных средств красноармейский состав Красной армии фактически не обновлялся: плановые всеобщие призывы не проводились. До этого времени приходилось задерживать демобилизацию красноармейцев, многие из которых служили четвертый-пятый год подряд. Лишь в 1922 г. был осуществлен допризыв граждан 1901 г. рождения из числа не призванных по различным причинам ранее. К этому времени законодательно вопрос об обязательной воинской обязанности для нерусских национальностей, рассматривавшийся с 1920 г., еще не был решен. В постановлении СНК РСФСР от 6 сентября 1922 г. о допризыве граждан, родившихся в 1901 г., оговаривалось: «Граждан, кои по своим национальным, бытовым и экономическим условиям не призывались в ряды армии при ранее бывших призывах, от призыва согласно настоящего постановления освободить»[9]. В пояснительной записке к проекту постановления СНК зампредседателя РВСР Э.М. Склянский разъяснял, что под «ранее бывшими призывами» понимались как советские призывы в Красную армию периода Гражданской войны, так и дореволюционные призывы в Русскую императорскую армию: «Строгой определенности в этом вопросе в настоящее время законом не установлено»[10]. Таким образом, перебрасывался мостик к дореволюционной эпохе.

Отсутствие обязательного призыва в той или иной местности, населенной нерусскими народами, автоматически делало избыточной

---

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 143. Л. 111.
[3] Там же. Л. 113.
[4] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.
[5] Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 265.
[6] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 27 об.
[7] Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 267.
[8] Красная армия в 1920-е годы. С. 84.
[9] Цит. по: Там же.
[10] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 956. Л. 2.

трудоемкую и дорогостоящую работу по воинскому учету лиц военнообязанных возрастов, что специально в декабре 1924 г. разъяснил Юридическо-статистический отдел Военведа. От воинской повинности и учета освобождались лошади, упряжь и повозки этих народов[11]. В таких регионах обязательному воинскому учету и призыву на общих основаниях подлежало только русское население[12]. Поэтому само содержание местного военного аппарата в таких регионах становилось избыточным. В течение 1920-х гг. в связи с малыми объемами работы штаты военкоматов в национальных регионах, где местные национальности были освобождены от несения военной службы, сокращались. Например, в Дагестанской АССР, где на воинском учете состояло лишь 12 тыс. человек славянских национальностей, республиканский военкомат был переведен на штаты уездного военкомата[13]. То же произошло в Калмыкии.

Первый всесоюзный призыв молодежи 1902 г. рождения, как уже отмечалось, удалось организовать лишь весной 1924 г.[14] В этом году состоялось два призыва — весной и осенью. В дальнейшем весь изучаемый период призывы проводились единожды в год — осенью, в течение сентября (с конца 1920-х гг. на призыв отводилось два месяца — сентябрь и октябрь).

Материалы первого всесоюзного призыва 1924 г. показывают, что в армию, кроме русских, были призваны украинцы, белорусы, грузины, армяне, тюрки (азербайджанцы), евреи, башкиры, ряд поволжских тюркских (татары, чуваши), финно-угорских народов (мордвины, марийцы) и ряд других. Все эти этносы, за исключением азербайджанских тюрок, в общем порядке призывались в армейские ряды и в дореволюционный период, то есть историческая традиция несения военной службы у этих народов имелась.

Призыв национальностей, освобожденных от службы в армии еще в дореволюционный период, пока не осуществлялся. Слишком незначительная штатная емкость частей РККА позволяла пренебречь «проблемным» контингентом; их комплектование с избытком покрывалось имевшимся контингентом призывников. Формируемые для таких народов национальные части комплектовались добровольцами.

Первоначально, за неимением актуального перечня непризываемых народов, советское военное ведомство пользовалось списком этносов, освобожденных от воинской повинности по Уставу о воинской повинности Российской империи по состоянию на 1913 г.[15] Тем

---

[11] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2259. Л. 18.

[12] Там же. Л. 12—12 об.

[13] Там же. Ф. 109. Оп. 10. Д. 66. Л. 29.

[14] Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 28. Л. 16.

[15] В этнических и административных номинациях начала 1920-х гг. это: самоеды, киргизы, сарты, узбеки, каракалпаки, таджики и другие тюркские народы Туркестанского края, татары из числа коренных жителей Турккрая, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, Бакинской, Елизаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний, бухарцы, дунгане и таранчи, кипчаки,

самым, вопреки декларациям о равенстве, советская власть вынуждена была буквальным образом воспроизводить практику царского правительства по ограничению доступа десятков этносов в армию.

В 1920-х гг. благодаря принципу *территориальности* при комплектовании воинских частей новобранцами межокружные и даже межгубернские (в рамках одного военного округа) перевозки призывников сводились к минимуму, что давало экономию бюджету. В итоге очень быстро военные округа стали обретать специфическую национальную окраску, повторявшую этнический фон занимаемых ими территорий. Так, например, уже после первого призыва молодежи рождения 1902 г. в 1924 г., с весенним пополнением, в войска Западного военного округа влилось 22,7% белорусов, а с осенним — 36,6%. Украинский военный округ был укомплектован в 1925 г. на 74,2% украинцами, зато Московский — на 94% русскими[16]. При дальнейших призывах ситуация повторялась. В 1926 г. с призывом молодежи 1904 г. рождения в УВО численность украинцев достигала 70%, в БВО численность белорусов — 31,4%, в Краснознаменной Кавказской армии численность кавказских народов превысила 35%[17]. В то же время в Среднеазиатском военном округе, где обязательный призыв местных национальностей в тот год еще не объявлялся, их удельный вес по итогам переписи РККА 1926 г. составлял всего 6,3%[18]. В дальнейшем эта тенденция лишь укреплялась и считалась одним из положительных эффектов национального военного строительства[19].

курама, кашкарлыки, персы, туземные евреи (проживавшие в Средней Азии), уйгуры, джемшиды, белуджи, арабы, афганцы, зыряне, остяки, вогулы, ногайцы, тунгусы, якуты, буряты, татаро-бухарцы, все малые народы Севера (гиляки, орочи, тазы, ноны, остяки, чукчи, коряки, юкагиры, камчадалы, алеуты, эскимосы, айны и прочие народности, обитавшие в Туруханском и Бугучанском отделениях Енисейской губернии, Сахалинской, Камчатской, Приморской и Приамурской областях, Верхоянском, Средне-Колымском и Вилюйском округах Якутской области, Тогурском отделении Томского уезда, Сургутском и Березовском уездах Тобольской губернии), монголы, калмыки, киргизы, казаки (казахи), туркмены, ингилойцы-мусульмане, абхазцы, курды, иезиды, каракалпаки, турки, аджарцы (лазы), народности Дагестана (аварцы, кумыки, лезгины и пр.), чеченцы, ингуши, горцы Терской, Кубанской и Черноморской областей (адыгэ, черкесы, абадзехи, натухайцы, осетины-мусульмане, кабардинцы, балкарцы и пр.) (Сост. по: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 464. Л. 42, 216; Д. 464. Л. 111; Д. 510. Л. 5). В документации мобилизационных органов встречаются и более общие перечни непризываемых народностей, в которых, как правило, достаточно произвольно (лишь с учетом географического ареала обитания) этнические группы были объединены в суперобщности, например горцы Северного Кавказа, татары из различных местностей, малые народы Севера и некоторые другие (Сост. по: РГВА. Ф. 54. Оп. 5. Д. 3. Л. 4).

[16] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249.

[17] Там же. Оп. 26. Д. 261. Л. 90 об.

[18] Там же. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 4. Л. 33.

[19] Так, в 1929 г. русских в МВО числилось 91,7%, в ЛВО — 86,1%, в ПриВО — 87,8%, в СибВО — 87,5%; украинцев в УВО — 60,4%; закавказских национальностей в ККА — 37,3%; среднеазиатских национальностей в САВО — 11,3% и т. д. (Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая). Кн. 3. М., 1931. С. 154—155).

В середине 1920-х гг. ситуация с призывом в армию граждан различных национальностей была неодинаковой. Например, в РККА без ограничений принимались советские граждане финской, немецкой, румынской, польской национальностей, то есть представители народов, чьи соплеменники совсем недавно воевали против Российской империи или Советской России. Также в армию принимались представители иных национальностей, относимых к категории «иностранных» — чехи, сербы, корейцы и проч. Все они в тот период квалифицировались прежде всего представителями пролетариата и прочих трудовых слоев, а не носителями специфической этничности, чуждой Советскому Союзу. Более того, удельный вес представителей «заграничных буржуазно-националистических стран» был достаточно высоким в самой важной социальной группе военнослужащих — среди коммунистов. Например, в 1924 г. «иностранцами» оказались 1033 коммуниста, или 4,3% всех членов РКП(б), состоявших на службе в Красной армии [20].

В первые годы после революции, когда надежда на дальнейшую революционную экспансию у руководства страны еще была сильна, мотива политического доверия или недоверия военнослужащим по признаку их национальности вообще не просматривалось. Ограничивающим фактором в тот период была способность нерусских военнослужащих к культурно-языковой адаптации в русскоязычной армейской среде. Но он не носил политической коннотации. Как правило, представители так называемых *европейских* или *западных* национальностей (таких как поляки, латыши, эстонцы, немцы) были достаточно образованны, обрусели и хорошо владели русским языком, в связи с чем культурно-языковой барьер был незначительным или отсутствовал вовсе. Они могли служить в обычных *номерных* частях.

Иная ситуация была с десятками народов, которые в дореволюционный период не призывались в силу своих культурно-языковых особенностей или политической нелояльности царизму, что нередко совпадало. В ранний советский период эта категория этносов получила официальный статус *культурно отсталых народов*, дававший их представителям определенные льготы в государственном и культурном строительстве. Сюда относили большинство народов Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, а также малые народности Крайнего Севера — всего около ста этносов. Проведенное в 1927 г. Главным управлением РККА исследование социально-культурных характеристик призывной молодежи 1902—1905 гг. рождения, ставшее возможным с введением в 1924 г. «личных карт призываемого на военную службу», показало более низкий по сравнению со славянами, евреями, представителями *европейских* национальностей уровень грамотности у народов Поволжья и Закавказья (представители

[20] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 770. Л. 335 об.

среднеазиатских народов не обследовались). Среди них было меньше городских жителей и представителей рабочего класса. В лучшую сторону выделялись армяне и грузины[21]. В 1920—1930-х гг. номенклатура таких народов являлась величиной более или менее постоянной. Во всяком случае, еще в 1932 г. в утвержденном Наркомпросом перечне *культурно отсталых народностей*, имевших льготы для поступления в вузы, перечислялось 97 этносов[22]. Комплектование национальных воинских частей для таких этносов на первых порах осуществлялось за счет добровольцев.

Анализ документальной базы показывает, что инициаторами призывов в местностях, где ранее таковые не производились, в большинстве случаев выступали местные власти. Наряду с формированием национальных частей это подтверждало их государственный суверенитет. В этом стремлении местные большевики нередко шли вразрез с мнением военных специалистов, считавших, что общеобразовательный и социальный уровень местных призывников еще не соответствует требованиям службы в Красной армии. Так, 27 февраля 1924 г. ЦИК Узбекской ССР издал постановление об обязательном военном призыве в трех областях республики для формирующихся нацчастей в связи с тем, что добровольный набор не дал необходимого числа желающих служить в армии. Призыв был объявлен, несмотря на отрицательное заключение РВС Туркестанского фронта, считавшего, что призывать узбеков еще рано из-за отсутствия воинского учета населения и негативного отношения местных жителей к военной службе. После жалоб призываемых лиц узбекской национальности Верховным судом СССР было вынесено представление о неконституционности постановления ЦИК УзССР. Однако позднее, 8 октября 1924 г., секретариат ЦИК СССР все же утвердил решение ЦИК УзССР в виде исключения, поскольку призыв фактически уже был осуществлен[23]. Аналогичный запрос в Президиум ВЦИК осенью 1924 г. поступил и из Киргизского ЦИК[24]. В следующем, 1925 г. «во исполнение воли трудящихся» был проведен пробный призыв среди карелов, якутов, узбеков, казахов, калмыков и бурят-монголов. Призывы оформлялись совместными постановлениями ЦИК и СНК СССР от 21 и 28 августа 1925 г.[25]

Пробные призывы проводились именно после настойчивых запросов местных центральных исполнительных комитетов. Например, ЦИК Калмыцкой автономной области принял резолюцию, в которой утверждал, что «калмыцкий народ вполне пригоден к военной службе в кавалерии, а по боеспособности и выносливости ничем не отличается от военнослужащих других национальностей».

---

[21] Призывные контингенты (1902—1905 гг. рождения). М., 1928. С. 78—80.
[22] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 179, 236—237.
[23] РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 11.
[24] Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2259. Л. 7.
[25] Там же. Д. 37. Л. 6 об.

В связи с этим «устранение калмыков от священного долга службы в армии» предлагалось считать «унижением калмыцкого народа, выделяющим его из общей семьи народов СССР»[26]. Служба в армии представлялась местным властям важнейшим социальным лифтом, способным вырвать калмыцкий народ из темноты бескультурья и безграмотности. «Условием первостепенного значения [для] увеличения культурности населения, ликвидации азбучной, правовой и политической малограмотности и создания недостающего кадра сознательных, дисциплинированных, подготовленных и честных общественных работников, признать прохождение калмыками военной службы в Красной армии, дающей все эти качества», — утверждалось в постановлении Калмыцкого ЦИК[27].

В отдельных случаях, когда призыв в определенной местности считался с политической точки зрения полезным, а местные власти не проявляли инициативы, идея выдвигалась из Москвы, но, «дабы не создавать нежелательных последствий, необходимо провести это как инициативу местных органов»[28]. Так, например, было с формированием егерского батальона в Карельской трудовой коммуне, лишь недавно добровольно вошедшей в состав РСФСР, «в силу чего возникает опасение, как бы призыв в РККА не был истолкован в сторону лишения национальной самостоятельности»[29].

Но чаще всего, если руководство того или иного национального региона не проявляло особой активности по части призыва среди своих сограждан, военное ведомство предпочитало отсрочивать их прием в армию. В своей докладной записке начальник Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию ГУ РККА Я.Я. Алкснис отмечал, что в 1924—1925 гг., при допризыве граждан 1901 г. рождения, а также в призывах граждан 1902 и 1903 гг. рождения «вопрос о призыве национальных меньшинств *решался в смысле непризыва тех национальностей, которые не призывались при ранее бывших призывах, в том числе и при призыве в старую армию*» (здесь и далее выделено мной. — *Авт.*)[30]. В то же время следует подчеркнуть, что для представителей непризываемых народов «никакими узаконениями не возбранялось вступать в ряды армии *по своему желанию*»[31]. Как и в Русской императорской армии, фактически любой желающий гражданин, если он отвечал определенным требованиям, мог вне зависимости от своей национальности поступить на военную службу.

31 июля 1925 г. РВС СССР внес в СНК СССР подготовленный Главным управлением РККА проект постановления ВЦИК и СНК «Об освобождении от призыва в ряды РККА народностей Кавказа,

---

[26] РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 318. Л. 3.
[27] Там же.
[28] Там же. Ф. 7. Оп. 7. Д. 707. Л. 2.
[29] Там же. Л. 14.
[30] Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5.
[31] Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2259. Л. 2—2 об.

Туркестана, Казакской (Казахской) АССР, Поволжья и северных окраин СССР» «впредь до особого распоряжения» с точным перечислением тех местностей и национальностей, «в отношении которых признается необходимым в настоящее время воздержаться от призыва *в обязательном порядке*» (здесь и далее курсив мой. — *Авт.*)[32]. Законопроект ссылался на цитированное выше постановление СНК от 6 сентября 1922 г., а также отказ многим народам во время призыва в 1924 г.

Всего в документе было перечислено *98 народов*, хотя на самом деле их перечень был шире, поскольку упоминание каждой региональной группы этносов завершалось фразой: «а также прочие народности, не призывавшиеся при ранее бывших призывах, в том числе и [при] *призыве в старую армию*»[33]. Таким образом, формировалась определенная нормативная традиция, связанная с ограничением призыва в Красную армию по национальному признаку, по форме и содержанию продолжавшая аналогичную дореволюционную традицию. В качестве компенсации в законопроекте предусматривался призыв этих же этносов в национальные части или же частичный призыв, что, по замыслу РВС СССР, могло способствовать более «равномерному распределению тягот военной службы между народностями СССР»[34].

Этот законопроект находился на рассмотрении правительства в течение нескольких месяцев, в него вносились многочисленные правки (автором обнаружено около десяти рабочих вариантов). Однако его принятие было отложено в связи с утверждением 18 сентября 1925 г. ЦИК СССР и СНК СССР закона «Об обязательной военной службе», предложившего более мягкую формулировку, вместо прямого отказа в призыве нерусских народов. Новый закон регулировал все аспекты организации военной службы граждан Советского государства. Здесь не делалось исключений ни для отдельных граждан, ни для целых народов, но содержалось классовое ограничение — призыву не подлежали «нетрудовые» классы. В то же время в законе не было императивного требования *массового*, *поголовного* призыва в национальных республиках. В ст. 16 предусматривался *особый порядок* прохождения обязательной военной службы для народов СССР, перечень которых еще предстояло согласовать с республиканскими ЦИК. Особый порядок предусматривал освобождение от военной службы в кадровом и переменном составе. Действительная военная служба мог-

---

[32] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2259. Л. 2—2 об.

[33] Там же. Ф. 54. Оп. 5. Д. 9. Л. 38. Наличие такой оговорки оставляло место для решения частных вопросов, неизменно возникавших уже в ходе самих призывов: почему от призыва освободили один народ, но не освободили соседний, близкий по языку, культуре и уровню социально-экономического развития? Например, после освобождения от призыва малой народности лопарей, проживавших в Мурманской области, возник вопрос о призыве близкородственной им народности ижемцев и т. д. (Там же. Л. 28).

[34] Там же. Л. 37.

ла быть пройдена *вневойсковым порядком*, то есть фактически без отрыва от дома и рабочего места. Разумеется, речь в данном случае могла идти лишь о формальном и поверхностном знакомстве с азами военных дисциплин. На практике нередко *вневойсковики* вовсе освобождались от всякой военной подготовки, поскольку средств в бюджете военного ведомства на эту категорию военнослужащих практически не закладывалось[35].

Новый закон с его казуистическим толкованием понятия военной службы ожидаемо вызвал разночтения на местах. Фундаментальное положение о *всеобщем* характере воинской повинности в СССР для трудовых слоев населения в возрасте от 19 до 40 лет, закрепленном в ст. 1 и ст. 3 закона, многие республиканские власти предпочитали понимать буквально — как императивное требование о призыве титульных национальностей в своих республиках и автономных областях. В одной из докладных записок заместителя начальника ГУ РККА в РВС СССР сообщалось, что при практическом воплощении в жизнь нового закона «у наркомвоенмора получились разногласия» с некоторыми ЦИК союзных и автономных республик. Ряд республик настаивал на немедленном призыве коренных народов в общем порядке, «не считаясь с наличием общей подготовки, другие же республики протестуют против призыва даже и в том случае, когда проведение такового уже возможно»[36].

Чтобы пресечь возникшую путаницу, в апреле 1926 г. на рассмотрение РВС СССР вновь был внесен отложенный ранее законопроект 1925 г. об освобождении от службы нескольких десятков народов. Однако ввиду явного его противоречия духу и букве нового призывного закона он был снят с обсуждения[37]. Вместо него получило развитие понятие особого порядка прохождения службы, прописанного в ст. 16 закона «Об обязательной военной службе»[38].

В целом в первые годы после принятия призывного закона для большинства нерусских национальностей призыв фактически так и не начался. В преддверии призыва 1926 г. с ходатайствами о начале призыва выступили ЦИК Калмыцкой АО, Казакской (Казахской) и Якутской АССР[39]. Однако всем перечисленным регионам было отказано в призыве под предлогом их большой территории, слабой транспортной сети, невозможности провести допризывную подготовку молодежи, ее учет и приписку к призывным участкам. Лишь Калмыцкой АО было разрешено навербовать в добровольном порядке 100 человек[40].

---

[35] Красная армия в 1920-е годы. С. 132.
[36] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5.
[37] Там же. Ф. 54. Оп. 5. Д. 9. Л. 47—48.
[38] Там же. Л. 49.
[39] Там же. Л. 15.
[40] Отчет о призыве на действительную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М., 1927. С. 12—13.

Как и прежде, в отдельных случаях республиканские элиты брали на себя инициативу решения о начале призыва. Например, «в Туркестане с призывом сложилось довольно-таки нелепо: туркестанские власти объявили призыв на основании [закона о все]общей воинской повинности. Они там по этому поводу проделали кампанию, после чего, разумеется, призыв продолжает производиться». После замечания из Москвы призыв был отменен «и кажется теперь незаконным»[41].

15 июля 1927 г. потребовались специальные разъяснения порядка правоприменения ст. 16 призывного закона. В военные округа было разослано циркулярное письмо народного комиссара по военным и морским делам К.Е. Ворошилова, в котором подчеркивалось, что «ряд военных округов до настоящего времени входят с представлениями как в Реввоенсовет ССР, так и в ЦИК республик о распространении Закона об обязательной военной службе на ту или иную национальность, что является совершенно неправильным»[42]. В циркуляре предлагалось: во-первых, издать и широко распространить закон среди трудящихся на языках народов СССР; во-вторых, оповестить ранее не призывавшихся в соответствии с утвержденным Наркомвоенмором планом призыва о предстоящем призыве и порядке привлечения их к обязательной военной службе[43].

Для того чтобы разрешить коллизии, возникшие в ходе практической реализации закона «Об обязательной военной службе», в 1927 г. была создана комиссия Главного управления РККА под руководством начальника управления Н.Н. Петина[44]. После длительных дискуссий статья об особом порядке прохождения службы для представителей нерусских народов с двумя существенными изменениями по сравнению с законом 1925 г. вошла в новую редакцию закона «Об обязательной военной службе» от 1 августа 1928 г. (в статье под номером 17). Во-первых, согласовывать возможность призыва в той или иной республике военному ведомству теперь предстояло не с ЦИКами этих республик, а с СНК. Таким образом, это право передавалось от представительных органов власти к исполнительным. Кроме того, «в качестве временной меры» допускалось «вовсе не привлекать этих граждан (имелись в виду отдельные народы и социальные группы граждан. — *Авт.*) к отбыванию обязательной военной службы в силу бытовых или местных условий»[45]. Этим из закона исключалась норма, допускавшая многозначные толкования понятия военной службы. С некоторыми стилистическими отличиями эта норма была повторена и в следующей редак-

---

[41] РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 84.
[42] Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 45—46.
[43] Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 57—59.
[44] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 603.
[45] Там же. Л. 115 об.; Собрание законодательства СССР. 1928. № 51. Ст. 449.

ции закона «Об обязательной военной службе», утвержденной ЦИК Союза ССР и СНК Союза ССР 13 августа 1930 г. (ст. 24).

К такому же выводу приводит и изучение материалов переписи РККА, состоявшейся в самом конце 1926 г. — 17 декабря (таблица 16). В аналитическом отчете, сопровождавшем секретную публикацию переписи, подчеркивался «значительный рост удельного веса... грузин, армян, тюрок», а также народов, названных «более малочисленными», — коми-зырян, карелов, туркмен, узбеков[46]. Однако при ближайшем рассмотрении восточные славяне продолжали занимать в армии господствующее положение.

Таблица 16

Итоги переписи РККА 17 декабря 1926 г., чел.

Национальность	Всего личного состава	В т. ч. начальствующий состав от среднего и выше	В т. ч. переменный состав вузов	В т. ч. рядовой состав
Русских	347 496	45 879	14 183	228 909
Украинцев	95 714	6700	3491	67 362
Белорусов	23 625	3192	1531	14 869
Татар	11 575	495	357	9158
Чувашей	4022	132	55	3295
Евреев	11 541	3075	848	5857
Армян	6160	777	441	3871
Казахов	280	33	126	97
Узбеков	2012	68	332	1436
Киргизов	235	14	43	162
Таджиков	177	5	44	117
Туркмен	405	25	106	242
Грузин	7237	1038	452	4589
Тюрок (азербайджанцев)	2965	341	298	1874
Поляков	4985	913	398	2662
Немцев	4859	467	103	3528
Мордвин	4623	97	45	3902
Марийцев	921	22	13	766
Зырян (коми)	1487	42	22	1275
Пермяков	347	4	1	301
Вотяков (удмуртов)	1376	31	9	1123
Башкир	1425	36	52	1218
Латышей	1823	950	191	394
Литовцев	477	224	43	108
Эстонцев	986	321	181	334

[46] РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 4. Л. 10 об.—11.

Национальность	Всего личного состава	В т. ч. начальствующий состав от среднего и выше	В т. ч. переменный состав вузов	В т. ч. рядовой состав
Карел	619	33	26	452
Финнов	483	203	89	139
Корейцев	452	116	144	196
Бурят	330	10	37	254
Молдаван	850	40	16	707
Греков	585	38	15	452
Калмыков	280	8	12	164
Кабардинцев	55	5	4	44
Карачаевцев	15	2	1	12
Кумыков	71	6	2	57
Лакцев	8	4	—	4
Черкесов	61	3	3	50
Аварцев	105	5	1	89
Ингушей	46	6	6	31
Чеченцев	52	5	5	39
Лезгин	136	15	22	92
Осетин	573	47	46	415
Остальных национальностей	1397	329	207	554
Всего	542 871	65 756	24 001	361 200

Источник: РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 4. Л. 31—32.

Согласно данным переписи, удельный вес восточных славян в рядах Красной армии составил 86,6% (русские — 64,5%, украинцы — 18,0%, белорусы — 4,1%)[47], что было значительно выше аналогичного дореволюционного показателя (72—75%). При этом по итогам переписи гражданского населения, состоявшейся в этот же день, 17 декабря 1926 г., удельный вес трех славянских народов среди населения Советского Союза составлял лишь 77,3% (русские — 52,9%, украинцы — 21,2%, белорусы — 3,2%)[48]. Напомним, что в дореволюционный период этот же показатель составлял 66,1%.

По сравнению с периодом Гражданской войны удельный вес славян среди личного состава Красной армии незначительно сократился (на 1%, с 87,7%). Но в самой группе славянских этносов произошло важное перераспределение: заметно сократилось число русских, хотя оно по-прежнему значительно превышало удельный вес русского мужского населения по Всесоюзной переписи 1926 г. Одновременно увеличилось представительство украинцев и белорусов.

[47] РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

[48] Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928—1929. Т. 17. С. 8—25. Табл. VI. «Население по полу, народности».

Так, удельный вес украинцев в войсках с августа 1920 г. с 5,8% вырос более чем троекратно — до 18,9% к началу 1925 г. и держался в диапазоне 18—20% вплоть до начала Великой Отечественной войны. Удельный вес белорусов в 1920-х гг. держался в диапазоне 4—5%. Таким образом, мобилизационная нагрузка в группе восточнославянских народов в значительной мере выровнялась; удельный вес украинцев и белорусов стал соответствовать их представительству среди населения. Но русские продолжали нести дополнительную нагрузку за все остальные неславянские этносы, чье представительство в Красной армии продолжало оставаться значительно ниже их представительства среди населения (13,4% и 22,7% соответственно).

Потеря многонаселенных западных территорий бывшей Российской империи, дававших значительный контингент новобранцев (поляки, жители Прибалтики, немцы, евреи), была пропорционально скомпенсирована восточными славянами, удельный вес которых в составе Красной армии еще более возрос по сравнению с аналогичным показателем Русской императорской армии. Несущей конструкцией вооруженных сил государства продолжала оставаться русская нация, опору которой составляли другие восточнославянские народы — украинцы и белорусы.

* * *

Незначительные масштабы национального военного строительства долгое время позволяли покрывать потребность в личном составе для национальных частей за счет *добровольчества* (за исключением Украины, Белоруссии и Закавказских республик, где изначально действовал обязательный призыв), а также переходных форм комлектования, таких как *отбор через общественные организации* (например, комсомол) и *частичный призыв по разверстке*, напоминавший дореволюционную процедуру призыва[49]. Эти способы, предполагавшие известный административный нажим на молодежь призывного возраста, использовались как вспомогательные, в случае нехватки добровольцев. Внедрение переходных форм явно указывало на то, что рамки добровольчества представлялись руководству военного ведомства узкими. Как отмечал в 1927 г. в одном из своих докладов в СНК СССР наркомвоенмор К.Е. Ворошилов, добровольчество в современных условиях изжило себя: слабые партийно-комсомольские организации в национальных регионах не могли обеспечить *качественный* приток добровольцев, неизбежно порождали текучесть кадров среди добровольцев, не считавших себя связанными со службой крепкими обязательствами, «а среди остальной части добровольцев часто попадаются элементы политически неустойчивые,

[49] *Лепин Э.* Строительство национальных частей в Узбекистане // Война и революция. Кн. 8. М., 1927. С. 90.

безработные, рассчитывающие найти в армии приют, пищу и т. д. ... Кроме того, — продолжал Ворошилов, — добровольный порядок не всегда дает необходимое число пополнений. Все это вызывает необходимость перейти к комплектованию нацчастей в *обязательном порядке*» (выделено мной. — *Авт.*)[50]. В то же время, по мнению Ворошилова, национальные части в их текущем масштабе не обладали достаточной емкостью для использования всех ресурсов национальных регионов, которые «окажутся для них чрезмерно большими... Это приведет к тому, — считал нарком, — что, во-первых, в национальных республиках и областях фактически будет привлекаться в войска весьма незначительный процент от призывного контингента, и, во-вторых, несмотря на установление обязательной военной службы, особенно на первое время, в некоторых отдельных районах, наиболее отдаленных и наименее советизированных, вовсе не проводится призыва»[51].

Выход наркомвоенмору виделся в организации *массового призыва* контингентов из национальных республик для укомплектования как национальных, так и *номерных* частей. В своем докладе в ЦИК и СНК СССР в марте 1928 г. он сообщал, что, «несмотря на все изложенное, РВС СССР считает все же возможным и необходимым, начиная с осени 1928 г., приступить к *обязательному призыву* (курсив мой. — *Авт.*) народностей: среднеазиатских республик, Киргизской АССР, Казакской АССР, Дагестанской АССР и горцев Северного Кавказа». Отмечалось «важное политическое значение» грядущего мероприятия: этим, по замыслу Ворошилова, не только достигалась ускоренная адаптация «националов», но и одновременно удовлетворялись «настойчивые ходатайства о привлечении коренного населения [к службе]... в обязательном порядке»[52].

«Настойчивые ходатайства» с мест действительно продолжали поступать. В конце 1927 г. они обсуждались на местном уровне. Так, в декабре 1927 г. адыгейский военком М.М. Тлепшуков на заседании бюро местного обкома партии доложил «О ходе работ по проведению закона военной службы черкесов». Представленные им предложения по реализации закона были приняты и направлены на утверждение в Москву[53]. Точно так же поступали другие республики. 30 января 1928 г. в Секретариат НКВМ поступил объемный (на 38 листах) материал Дагестанского обкома ВКП(б) по вопросу о начале призыва горцев Северного Кавказа и, в частности, уроженцев Дагестана[54]. В марте 1928 г. аналогичный материал был направлен из Туркмении, чьи власти также активно настаивали на призыве

---

[50] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 81. Л. 25 об.

[51] Там же. Д. 97а. Л. 26.

[52] Там же.

[53] Военный комиссариат Республики Адыгея. Историко-документальный очерк. Майкоп, 2005. С. 40—41.

[54] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 109. Л. 51.

местной молодежи[55]. А СНК и Президиум ЦИК Казакской (Казахской) АССР, не дожидаясь решения центральных властей, уже 18 января 1928 г. принял постановление о начале регулярных призывов в республике «*на точном основании* закона об обязательной военной службе» (выделено мной. — *Авт.*). Соответствующие поручения были даны республиканскому комиссариату[56]. С мест поступали сигналы, что военный призыв вполне подготовлен всем ходом реформ советской власти: проведением земельной реформы, передачей распределения воды (в засушливых регионах) в руки бедноты, хозяйственной помощью крестьянству со стороны государства[57]. Столь единодушный хор из разных уголков страны создает впечатление, что, скорее всего, дирижировался он из Москвы.

Так или иначе, летом 1928 г. РВС СССР официально направил в ЦИК СССР и СНК СССР предложение осенью 1928 г. приступить к обязательному призыву «народностей среднеазиатских республик, Киргизской АССР, Казакской АССР, Дагестанской АССР и горцев Северного Кавказа». Предложение касалось молодежи 1906 г. рождения, а также лиц старших возрастов, начиная с 1901 г. рождения, имевших среднее и высшее образование[58]. Против этого выступил начальник Политуправления РККА А.С. Бубнов: «Подъем по призыву в обязательном порядке *нацмен*, не призываемых ранее, при весьма ограниченных возможностях их использования в текущем году, должен быть дополнительно доработан и согласован с советскими и партийными организациями нацреспублик». В итоге ГУ РККА пришло к компромиссной формулировке. «Призывников-*нацмен*, — сообщалось в докладе председателю РВС СССР, — которые ранее не призывались и принимались на укомплектование национальных частей в добровольном порядке, начиная с призыва текущего года привлекать в общеобязательном порядке *по мере потребности этих национальных частей* (выделено мной. — *Авт.*)»[59]. Масштаб призыва должен был соответствовать штатной емкости национальных частей[60].

Развертывание регулярного обязательного призыва среди нерусских народов требовало тщательного изучения допризывников и подготовки их к службе в армии. Уже с весны 1928 г. для национальной молодежи проводились допризывные сборы, на которых молодые люди знакомились с оружием, уставами, проходили политучебу. Одновременно изучались их социальные характеристики, уровень грамотности, физического здоровья, выявлялись проблемные места, требовавшие срочного вмешательства до начала призыва[61].

---

[55] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 109. Л. 52—54.
[56] *Катуков В.* Указ. соч. С. 24.
[57] *Лепин Э.* Указ. соч. С. 91.
[58] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 81. Л. 21, 24, 26.
[59] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 792. Л. 39.
[60] Там же. Л. 15.
[61] Там же. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 148.

Для организации призывных мероприятий непосредственно на места в первой декаде августа 1928 г. во все районы комплектования выезжали командиры из национальных частей, политические, медицинские и ветеринарные работники. В ходе призыва они вели большую работу по отбору людей и лошадей, доставке их в районные сборные пункты, предварительной пропагандистской обработке призывников в пути. Особое внимание уделялось тому факту, что они будут направляться для прохождения службы только в свою национальную часть. Для убедительности в ходе агиткампании национальные части объезжали местные села[62]. Население, никогда раньше не отдававшее своих сыновей в солдаты, еще нужно было убедить в том, что новая власть достойна того, чтобы защищать ее с оружием в руках. Ведь советская идентичность у граждан едва только начинала формироваться. Особенно это было важно в тех регионах, где продолжалась вооруженная борьба с силами контрреволюции и уголовными бандами, например в Средней Азии, на Северном Кавказе. Вот как пояснял общественный настрой в отношении военной службы в 1930 г. автор брошюры о национальных формированиях в Казахстане В. Катуков: «Казахский народ не имел ни опыта, ни навыков, ни традиций в деле отбывания военной службы, и *механическое распространение* (здесь и далее курсив мой. — *Авт.*) на него призывов в Красную армию... привело бы к колоссальным ошибкам и большим недоразумениям. Русская национальность... веками привлекалась к отбыванию военной службы, она считала это вполне *закономерным*, и во всяком случае *неизбежным*, и с малых лет психологически к отбыванию службы в армии готовилась... И психологическая готовность бесспорно облегчала проведение призывов в царскую армию. Для казахского населения такой форсированный призыв в армию, — в армию уже иную, защищающую интересы трудящихся... — явился бы, по меньшей мере, *неожиданным*. Казахи могли бы его просто не понять или отождествлять с призывами в царскую армию и даже со... знаменитой реквизицией[63] 1916 года»[64].

Объявление призыва во многих регионах делалось «авансом», поскольку система воинского учета только налаживалась. Этот ключевой элемент системы комплектования армии не мог быть введен одномоментно, а, напротив, требовал комплексных усилий военных и гражданских властей при толерантном отношении населения. Накануне же призыва 1928 г. картина учета нередко представляла собой самое невероятное зрелище. Так, в Узбекистане проведение

[62] РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 402.

[63] Имеется в виду объявленная высочайшим повелением в июне 1916 г. реквизиция «инородческого» населения, не обязанного несением натуральной воинской службы, на тыловые работы, вызвавшая массовые беспорядки и саботаж по всей стране.

[64] *Катуков В.* Указ. соч. С. 11.

учетной работы тормозилось неграмотностью 90% декханского (крестьянского) населения, отсутствием военных делопроизводителей из местного населения и «отсутствием у кишласного населения всяких письменных документов, по которым можно было бы судить о возрасте молодежи»[65].

Вследствие неопытности партийно-советских работников во время агитационных кампаний в период первых массовых призывов в союзных республиках СССР и национальных автономиях РСФСР на рубеже 1920—1930-х гг. допускались серьезные ошибки и перегибы. Недостаток умения и информированности восполнялся слухами, которые транслировали даже официальные работники. Например, председатель сельсовета Чонт-аул (Юртовский округ Дагестана), желая поскорее собрать не спешивших на сход жителей аула, заявил: «Дело идет о жизни и смерти молодежи. Она будет угнана в армию, быть может, будет мобилизован последний сын в семье, а вы к этому относитесь так, как будто вас это не касается»[66]. В 1930 г. в Керкинском районе Туркмении член призывной комиссии, учитель разъяснял приказ окрвоенкомата так: «Людей берут не на учебу, а на войну с афганцами». В результате все допризывники района отказались проходить медосвидетельствование[67]. На Северном Кавказе и в Средней Азии массово отмечались случаи явки родителей на призывные участки, просивших вернуть им сыновей. «При проводах в армию... — сообщалось в одном из политобзоров ПУ СКВО, — собирается население всего села... Но эти проводы сопровождаются поголовным плачем, истериками, криками...»[68] В Чечне и Ингушетии отмечались случаи, когда родители сами скрывали своих детей, запрещали им получать на руки повестки или же в последующем способствовали побегам со сборных пунктов[69]. Несколько должностных лиц (военкомы, председатели райсоветов) отцами призывников были объявлены кровниками[70]. Родственники осужденных за уклонение или дезертирство призывников объявляли кровником каждого, кто в суде давал свидетельские показания против призывника[71]. Советские и партийные работники на местах, в свою очередь, нередко потворствовали этим настроениям, «боясь обидеть» односельчан, часто приходившихся им родственниками[72]. В последующие годы эти негативные явления, сопровождавшие проведение призыва в национальных регионах, в основном были изжиты.

Непосредственно призывные мероприятия делились на три этапа: подготовительный период; сосредоточение призывников в сбор-

[65] *Лепин Э.* Указ. соч. С. 92.
[66] РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 19.
[67] Там же. Л. 148.
[68] Там же. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 316. Л. 243.
[69] Там же. Л. 416.
[70] Там же. Л. 243, 245.
[71] Там же. Л. 247.
[72] Там же. Л. 243.

ных пунктах и отправка их в воинские части. Призывную кампанию 1928 г. в целом по СССР прошло 1 379 362 гражданина 1906 г. рождения[73]. Из числа не призывавшихся прежде этносов мероприятия охватили казахов, туркмен, узбеков, таджиков и горские народы Северного Кавказа — всего 46 524 человека из числа этих народов, или 3,4% от всего призывного контингента[74]. Большинство призванных было направлено для прохождения службы в свои национальные части. В то же время некоторая часть призывников, хорошо владевшая русским языком, как правило, по добровольному согласию отправлялась служить в *номерные* или *европейские* воинские части Красной армии. Мотивом для них служили карьерные соображения и желание «просто попасть в хорошие города»[75]. Однако в целом в воинские части была зачислена лишь незначительная часть *националов*, прошедших процедуру призыва — 2740 человек, или 0,58% от всех призванных по стране. Это было связано прежде всего с малой штатной емкостью национальных частей, многие из которых еще находились на стадии формирования.

Призыв 1928 г. уникален не только тем, что стал первым обязательным призывом, но и тем, что он подвергся всестороннему статистическому исследованию специалистов Статистического отдела Главного управления РККА. Перекрестному анализу социально-демографических характеристик призывных контингентов различных национальностей в секретном обзоре ГУ РККА было уделено важное место. Очевидно, столь пристальным вниманием к себе советские этносы были обязаны тем, что на них все более расчитывали как на источник комплектования Красной армии. Результаты *зачисления в войска* новобранцев по итогам первых пяти призывов молодежи 1902—1906 гг. рождения, состоявшихся в 1924—1928 гг., сведены в таблице 17.

Обращают на себя внимание показатели нижней части таблицы за 1927 и 1928 гг. Они отражают результаты первых, еще очень ограниченных пробных призывов среди горцев Северного Кавказа и народов Средней Азии.

В качестве важного комментария к таблице 17 следует отметить, что *призванные* на военную службу граждане далеко не веcда *зачислялись в войска*. То есть призыв не тождествен действительной военной службе. Дело в том, что число годных к службе контингентов в 1920-х гг. значительно превышало штатную потребность войск. Так, в 1924 г. было призвано граждан 1902 г. рождения 1 003 611 человек, в 1925 г. граждан 1903 г. рождения — 1 211 573, в 1926-м граждан 1904 г. рождения — 1 265 877, в 1927-м граждан 1905 г. рождения — 1 252 160, в 1928-м граждан 1906 г. рождения — 1 379 362 человека[76].

---

[73] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 14. Д. 2. Л. 3.

[74] Там же.

[75] *Катуков А.* Указ. соч. С. 28.

[76] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 14. Д. 2. Л. 3.

Таблица 17

Результаты военных призывов 1924—1928 гг. по национальности (зачисленные в войска, чел.)

Год призыва	1924	В %	1925	В %	1926	В %	1927	В %	1928	В %
Год рождения	1902		1903		1904		1905		1906	
Русских	349 436	63,4	309 749	63,79	276 409	65,07	312 452	63,97	279 966	64,32
Украинцев	123 386	22,4	106 181	21,8	90 448	21,04	112 531	21,69	96 115	20,98
Белорусов	23 368	4,2	19 087	3,94	18 465	4,41	21 098	4,2	20 422	4,62
Татар	9170	1,7	8788	1,84	6243	1,5	9899	2,08	6797	1,61
Чувашей	3253	0,6	2846	0,6	583	0,14	2778	0,58	1036	0,24
Немцев	4131	0,7	4403	0,9	4049	0,94	3679	0,71	3232	0,74
Поляков	1508	0,3	1794	0,39	2317	0,57	2158	0,43	2127	0,48
Мордвин	3671	0,7	4149	0,86	2141	0,51	2543	0,51	2695	0,62
Эстонцев	350	0,1	491	0,1	476	0,11	557	0,11	514	0,12
Латышей	326	0,1	430	0,09	453	0,11	439	0,09	429	0,1
Евреев	7395	1,3	7913	1,68	6161	1,55	6770	1,42	6693	1,66
Зырян	1298	0,2	1012	0,21	504	0,12	609	0,13	525	0,12
Молдаван	807	0,1	939	0,19	502	0,11	666	0,12	640	0,14
Вотяков	2094	0,4	—	—	496	0,12	—	—	463	0,1
Корейцев	68	0,03	—	—	100	0,02	206	0,04	124	0,03
Армян	4207	0,8	3312	0,71	4300	1,01	4425	0,89	3911	0,94
Грузин	8148	1,4	4901	0,97	4919	1,11	5066	1,03	4732	1,16
Карелов (финнов)	496	0,1	1209	0,22	1277	0,3	1240	0,25	1236	0,27

Литовцев	56	0,02	98	0,02	133	0,03	93	0,02	132	0,03
Греков	475	0,1	890	0,18	378	0,08	—	—	—	—
Калмыков	14	0,01	—	—	—	—	206	0,04	83	0,02
Осетин	270	0,07	287	0,06	398	0,09	469	0,09	482	0,09
Болгар	185	0,05	—	—	—	—	—	—	—	—
Башкир	1478	0,3	1300	0,25	933	0,22	1259	0,26	877	0,2
Тюрок	3169	0,6	2197	0,46	1724	0,47	1577	0,39	1708	0,43
Черемисов (марийцев)	1026	0,2	890	0,17	—	—	529	0,11	396	0,1
Бурят	—	—	—	—	129	0,03	93	0,02	129	0,03
Туркмен	16	0,01	8	0,01	—	—	622	0,11	582	0,12
Узбеков	—	—	—	—	—	—	899	0,16	760	0,16
Таджиков	—	—	—	—	—	—	284	0,05	159	0,03
Киргизов	—	—	—	—	—	—	63	0,03	124	0,03
Ингушей	—	—	—	—	—	—	—	—	26	0,01
Чеченцев	—	—	—	—	—	—	—	—	21	0,01
Народности Дагестана	—	—	—	—	—	—	—	—	229	0,05
Кабардинцев и карачаевцев	—	—	—	—	—	—	—	—	33	0,01
Казаков (казахов)	—	—	—	—	—	—	—	—	292	0,06
Черкесов	—	—	—	—	—	—	—	—	32	0,01
Прочих	1451	0,3	1529	0,32	1401	0,33	1501	0,3	1592	0,36
Всего	551 252	100	484 457	100	424 939	100	494 711	100	439 314	100

Составлено по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 7. Л. 9 об.—11; 29 об.—31, 50 об.—52, 108 об.—110, 141 об.—142 об.

При этом штатная норма численности срочнослужащих Красной армии в эти годы была значительно ниже. В 1924 г. она составляла 416 тыс. человек[77]. На 1925 г. потребность кадровых частей, территориальных войск, частей конвойной стражи, флота и войск ОГПУ в срочнослужащих составляла 470 тыс. человек. Однако возможности бюджета долго не позволяли полностью покрывать даже эту потребность. Кроме того, из-за недофинансирования, нехватки обмундирования, пайков многие новобранцы не попадали в воинские части, а те, в свою очередь, пребывали в состоянии хронического некомплекта. Так, осенью 1926 г. удалось направить в войска лишь около 200 тыс. новобранцев (45% от необходимого количества)[78]. Осенью 1927 г. по той же причине намечалось направить в войска 240 тыс. человек из необходимых 343 тыс. человек[79], а в 1928 г. — 258 тыс. человек[80] и т. д.

Поэтому численность призываемых из года в год росла, но службу в строевых частях проходила лишь незначительная часть годной к строевой службе молодежи. Излишек новобранцев зачислялся во *вневойсковики*. При осуществлении вынужденного отсева представители нерусских национальностей, естественно, оказывались в первых рядах. Это иллюстрирует таблица 18. Полужирным шрифтом выделены девять этносов, среди которых доля зачисленных в войска была выше среднего значения — 31,85%. Удельные значения приема на действительную службу у этих девяти этносов приближались к среднему показателю приема новобранцев в Русскую императорскую армию в годы, предшествовавшие Первой мировой войне: в 1906—1911 гг. этот показатель колебался между 34,8% и 37,3% и составлял в среднем 35,7%[81]. Три из них — это восточнославянские народы, дававшие армии основную массу пополнений. Следует отметить также, что доля зачисленных у целого ряда закавказских и среднеазиатских народов была достаточно значительной (армяне, грузины, таджики, туркмены). В этом случае можно предположить, что к призыву изначально привлекался не весь годовой контингент, а только его часть, уже прошедшая предварительный отбор.

Лишь в отдельных регионах, где раньше всего были сформированы крупные национальные воинские соединения, среди призывников преобладали представители местных национальностей. Например, в 1926 г. в Закавказье до 82% призывного контингента

---

[77] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 427 об.

[78] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 602. Л. 73.

[79] Там же. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 189. Л. 15.

[80] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 905. Л. 14. В дореволюционный период в войска принимались также далеко не все молодые люди, прошедшие призыв, — от 37 до 39%. Излишек призывного контингента зачислялся в категорию ратников I разряда ополчения (*Саттеруп Д.* Комплектование сухопутных вооруженных сил... С. 92).

[81] *Сиднев [А.Ф.]* Указ. соч. С. 115.

Таблица 18

Призываемые и зачисленные в РККА новобранцы 1928 г. по национальностям

	Число призываемых, чел.	Число зачисленных в РККА, чел.	Доля зачисленных к призываемым, %	Удельный вес среди зачисленных, %
Русских	**820 050**	**279 966**	**34,13**	**63,73**
Украинцев	**284 278**	**96 115**	**33,84**	**21,88**
Белорусов	**44 464**	**20 422**	**45,95**	**4,65**
Татар	36 096	6797	27,21	1,55
Чувашей	11 581	1036	8,93	0,24
Немцев	12 271	3232	26,28	0,74
Поляков	**6391**	**2127**	**33,28**	**0,48**
Мордвин	11 842	2695	22,84	0,62
Эстонцев	1250	514	40,8	0,12
Латышей	**915**	**429**	**46,89**	**0,1**
Евреев	**21 046**	**6693**	**31,87**	**1,52**
Коми-зырян	2203	525	23,83	0,12
Молдаван	2110	640	30,33	0,14
Вотяков	5479	463	8,45	0,1
Армян	13 928	3911	28,08	0,94
Грузин	**12 248**	**4732**	**38,63**	**1,08**
Карелов и финнов	**2945**	**1236**	**41,97**	**0,28**
Литовцев	**235**	**132**	**56,17**	**0,03**
Туркмен	1891	582	30,78	0,12
Горцев Северного Кавказа	10 152	823	8,11	0,18
Башкир	6328	877	13,85	0,2
Азербайджанских тюрок	13 674	1708	12,47	0,43
Черемисов	4624	396	8,57	0,1
Бурятов	1812	129	7,12	0,03
Узбеков	3065	760	24,8	0,16
Таджиков	509	159	31,24	0,03
Казаков (казахов)	30 907	292	0,94	0,06
Прочих	17 068	1592	9,31	0,36
Всего	1 379 362	438 983	31,85	100

Составлено по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 7. Л. 141 об.—142 об.; Характеристика контингента призыва 1928 года (1906 г. рождения). М., 1930. С. 76 (РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 62. Л. 38 об.).

составляли грузины, армяне и тюрки (азербайджанцы)[82]. Отмеченная тенденция является отражением активно реализуемой в середине 1920-х гг. программы развития национальных формирований, однако в этот период являлась скорее исключением из правила.

Приведенные в таблице 18 данные свидетельствуют о том, что в середине и во второй половине 1920-х гг. молодое пополнение Красной армии обеспечивалось главным образом за счет восточных славян, чей удельный вес среди призывников колебался с очень незначительной амплитудой — от 89,53% до 90,52%.

* * *

Проведенный анализ источников показал, что с первых лет существования советской власти значительная часть советских этносов так или иначе была вовлечена в процесс несения военной службы. На 1920-е гг. пришелся начальный этап деятельности государственных органов власти и органов военного управления, нацеленной на привлечение населения национальных окраин к делу обороны молодого Советского государства и связанное с решением этой задачи последовательное расширение мобилизационного ресурса государства за счет представителей народов, не призывавшихся прежде в ряды Русской императорской армии. Этот процесс коррелировал с развитием призывного законодательства и реализацией программы национальных формирований.

Несмотря на смену государственного строя, принципы и подходы к комплектованию вооруженных сил не могли быть изменены одномоментно, поскольку для этого требовался комплекс подготовительных мероприятий в области организации воинского учета и призыва, определения форм прохождения военной службы различными этносами в соответствии с их национально-культурными особенностями. Поэтому нормативная база в области военного призыва в 1920-х гг. отличалась большой гибкостью; и далеко не всегда политико-идеологические мотивы стояли на первом месте. Для этносов, имевших дореволюционную традицию несения военной службы в Русской императорской армии, действовали общие нормы обязательного призыва, в то время как не имевшим такого опыта предлагался набор возможностей — от полного освобождения от строевой службы с заменой ее вневойсковой службой до добровольной вербовки в ряды Красной армии. И призванные граждане, и добровольцы направлялись для прохождения службы преимущественно в национальные части.

Рассмотренный опыт всесоюзного призыва в вооруженные силы 1928 г. можно считать революционным, поскольку он впервые в истории был распространен на территории всей страны, в том чис-

---

[82] Призывные контингенты (1902—1905 гг. рождения). М., 1928. С. 49—51.

ле и в тех регионах (Средняя Азия, Северный Кавказ и ряд других), где не проводился никогда ранее. Призыв 1928 г. сломил многовековую традицию отказа в приеме в армию десятков окраинных народов нашего государства.

6.2. Особенности комплектования Красной армии в 1930-х — начале 1940-х гг. и переход к массовому призыву представителей народов СССР

В 1930-х гг. в советском военном строительстве произошли кардинальные перемены, вызванные изменениями международной обстановки, внешней и внутренней политики СССР. В условиях нарастания угрозы новой европейской войны правительство Советского Союза взяло курс на ускоренную модернизацию РККА и наращивание численности войск.

Толчком к переменам послужили частичная денонсация Германией Версальского договора и ее форсированная милитаризация. «Воззвание германского правительства к немецкому народу о введении обязательной военной службы» от 16 марта 1935 г. объявило принятый в тот же день закон о создании вооруженных сил Германии из 12 корпусов и 36 дивизий и всеобщей воинской повинности[83].

Советское руководство ясно осознавало неизбежность большой войны в ближайшем будущем[84]. В марте 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд решений, которые явились «отправным пунктом стремительного пересмотра планов строительства РККА и ее мобилизационного развертывания»[85]. С 1935 до 1938 г. численность Красной армии была увеличена с 930 тыс. до 1,5 млн человек, в начале 1939 г. доведена до 1,9 млн человек[86], а накануне Великой Отечественной войны выросла еще почти в 3 раза — до 5,7 млн человек[87] (см. диаграмму 2). Непрерывно рос поток новобранцев: в 1929 г. на пополнение в войска было направлено 331,7 тыс. человек, в 1934-м — 470,3 тыс., в 1938-м — уже 832,5 тыс., а в 1939 г. — 1831,1 тыс. человек[88]. Росла регламентируемая мобилизационными планами штатная численность Красной армии военного времени — с 3237,3 тыс. в 1930 г. до 6530,3 тыс. человек в 1939 г.[89]

---

[83] Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht. Vom 16. März 1935 // DocumentArchiv.de. URL: http://www.documentarchiv.de/ns/1935/wehrmacht_ges.html (Дата обращения: 6.05.2016).

[84] *Кен О.В.* Мобилизационное планирование и политические решения (Конец 1920-х — середина 1930-х гг.). М., 2008. С. 370—372.

[85] Там же. С. 377.

[86] Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978. С. 195.

[87] Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 35.

[88] РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 13. Л. 75.

[89] Там же. Д. 21. Л. 225.

Диаграмма 2

Рост списочной численности РККА с 1922 по 1941 г.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7—117; Д. 109. Л. 2, 21—120; Д. 135. Л. 1, 5—93; Д. 167. Л. 2, 5; Д. 114. Л. 2; Д. 87. Л. 1—39; Д. 3. Л. 3; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

Важнейшим элементом преобразований в военной области во второй половине 1930-х гг. стало совершенствование призывного законодательства, направленное на увеличение обученного резерва на случай мобилизации. Принятая 5 декабря 1936 г. Конституция СССР статьями 132 и 133 установила, что всеобщая воинская обязанность является законом, служба в РККА — почетной обязанностью и священным долгом граждан СССР[90]. Кроме того, статьей 123 не допускалось «прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности». В 1936 г. призывной возраст был снижен с 21 до 19 лет.

Во второй половине 1930-х гг. была проведена коренная реорганизация местных органов военного управления. В 1938 г. вместо прежних корпусных и дивизионных мобилизационных округов, которые руководили районными военкоматами, были созданы совпадавшие с административно-территориальным делением военкоматы в автономных республиках, краях и областях, сеть подчиненных им районных военкоматов расширена в 3,5 раза. Эта мера значительно улучшила систему учета и призыва мобилизации. Первичный персональный учет военнообязанных и призывников, уровня их образования, технических и других специальных знаний, моральных и физических качеств был сосредоточен в военно-учетных столах при отделениях милиции, в сельских и поселковых советах. На районные военные комиссариаты возлагался числовой учет по сельским советам, а также учет командного состава запаса. Облвоенкоматы, 4-е отделы штабов округов и 4-й отдел Генерального штаба РККА вели числовой учет по ведомостям, поступавшим из нижестоящих военно-учетных инстанций[91].

На основе новой Конституции 1936 г. был разработан и 1 сентября 1939 г. принят Верховным Советом СССР закон СССР «О всеобщей воинской обязанности»[92]. Закон отменил классовое ограничение на прием в армию[93]. 30 июня 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были определены более строгие меры к нарушителям правил воинского учета.

Определение роли и места национальных контингентов в системе комплектования Красной армии в предвоенный период требует специального анализа состояния ресурсов военнообязанных граждан в 1930-х гг. и на рубеже 1930—1940-х гг. Прежде всего следует отметить, что ежегодный прирост численности Красной армии пришелся на период «демографической ямы», когда в активную соци-

---

[90] Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940. С. 20.

[91] Военные комиссариаты: История создания и развития (1918—2018 гг.). М., 2018. С. 143—144.

[92] Закон о всеобщей воинской обязанности. М., 1939.

[93] Там же. С. 1.

альную жизнь вступали малочисленные поколения, рожденные в эпоху Первой мировой и Гражданской войн. На комплектовании армии негативно сказывался и текущий демографический кризис, связанный с крупномасштабными социально-экономическими преобразованиями в СССР на рубеже 1920—1930-х гг. В частности, в результате голодомора на Украине Всесоюзная перепись 1937 г. зафиксировала существенную убыль украинского населения по сравнению с данными переписи 1926 г. — минус 4,77 млн человек[94]. По этой же причине как минимум на 1 млн человек сократилась численность казахов (минус 27,9% к переписи 1926 г.)[95].

Первые признаки напряжения в деле комплектования войск призывным контингентом были отмечены еще в начале 1930-х гг. 26—30 июня 1931 г. в ГУ РККА состоялось совещание с представителями штабов округов, корпусов и центральных управлений Наркомвоенмора по итогам призыва 1930 г. и в преддверии призывной кампании осени 1931 г. Совещание открылось докладом начальника Управления по укомплектованию и службе войск М.Е. Симонова[96]. Было отмечено, что впервые после окончания Гражданской войны наряд на пополнение вооруженных сил был выполнен с напряжением. Призыв 1930 г. впервые показал сокращение численности призывников, а призывной контингент 1931 г. был меньше, чем в 1930 г., сразу на 11%[97].

В последующие годы отчеты Главного управления РККА о прошедших призывах носили все более тревожный характер. В 1932 г., по итогам призыва молодежи 1910 г. рождения, отмечалось, что «общий наряд на призывников... был дан крайне тяжелый... За вычетом отсеянных по политико-моральному состоянию, а также излишка призывников нацменьшинств, не могущих быть зачисленными в кадры, весь годный контингент нужно было полностью обратить на укомплектование РККА»[98]. В следующем, 1933 г. ГУ РККА констатировало: «Призыв проходил в чрезвычайно напряженной обстановке... Общий наряд превышал ресурсы годных призывников: ожидалось годных 850 тыс. человек, а требовалось призвать в кадры и пер[еменный] состав 861 502 человека». В 1931 г. ГУ РККА, давая прогноз о перспективах призыва в ближайшие годы, высказывались в алармистском ключе: по мере приближения призывных возрастов «к критическим годам империалистической войны 1914—1917 гг.»[99] во второй половине 1930-х гг. численность призывного контингента будет неуклонно сокращаться и достигнет своего минимума в 1939 г., умень-

---

[94] Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сб. док-тов и мат-лов. М., 2007. С. 110.
[95] Там же.
[96] РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 443.
[97] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 487.
[98] Там же. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 7. Л. 211.
[99] Там же.

шившись по отношению к 1936 г. сразу на 56% (до 1120 тыс. человек)[100]. Следует отметить, что столь неблагоприятный прогноз давался еще до начала перестройки и развертывания Красной армии, при списочной численности последней в 607,6 тыс. человек[101]. В дальнейшем же, по мере наращивания численности Красной армии, положение с ее укомплектованием людьми лишь осложнялось.

Верность этого прогноза иллюстрирует статистика призывов первой половины 1930-х гг. (таблица 19).

Таблица 19

Численные показатели военных призывов 1931—1935 гг.

Год призыва/ Призываемый возраст	Подлежало призыву по приписке, чел.	Зачислено в кадр РККА, РККФ, войска НКВД, чел.	Зачислено в переменный состав территориальных частей РККА, чел.	Зачислено во вневойсковики, чел.
1931/1909	1 724 750	301 229	232 282	713 509
1932/1910	1 760 636	480 800	588 730	301 339
1933/1911	1 648 100	472 300	290 900	530 969
1934/1912	1 587 031	470 286	263 084	377 674
1935/1913	1 455 272	535 128	499 303	69 267

Составлено по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 7. Л. 155—174, 196—198, 251—262, 276—291, 292—304.

Как видно из таблицы, по мере приближения к кризисному в истории страны периоду, отрицательно сказавшемуся на демографической ситуации, годовой ресурс призывного контингента неизменно сокращался. Частично проблема решалась за счет перераспределения ресурсов из категорий *вневойсковиков* и переменного состава территориальных частей в пользу кадрового состава.

Однако в дальнейшем прогнозировалось продолжение снижения численности призывников 1914—1920 гг. рождения в связи с негативным действием фактора Первой мировой и Гражданской войн. По расчетным данным советского демографа А.Я. Боярского, резкое замедление прироста населения (соотношение рожденных к умершим на 1 тыс. жителей) пришлось на 1915—1916 гг. А в четырехлетие — с 1917 по 1920 г. — прирост и вовсе был отрицательным, причем своего минимума он достиг в 1919 г. (минус 15,0, то есть 31,7 рождения и 46,7 смерти на 1 тыс. жителей)[102]. Демографические потери населения страны, не связанные с непосредственным военным уроном (преждевременные смерти и дефицит рождений), за период с 1915 по 1923 г., когда довоенный темп демографического прироста восстано-

---

[100] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7—117.

[101] Там же.

[102] *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения: Сб. науч. трудов. М., 1975. С. 226.

вился, оцениваются в 20 млн человек[103]. К этому следует добавить негативные социальные явления, прямо влиявшие на комплектование армии: ужесточение классового отбора среди призывников в условиях развертывания коллективизации (отсев «социально чуждых» нередко достигал 10—15%, что серьезно сказывалось на возможности выполнения военкоматами наряда на призыв), раскулачивание и массовые волнения на селе[104]. На этом фоне нарком обороны ставил военкоматам задачу до минимума сократить отсев призывников по физическим и политико-моральным причинам и обеспечить зачисление в кадр не менее 85—87% призывного контингента[105].

В связи со складывавшейся неблагоприятной обстановкой с комплектованием Красной армии в числе мер по увеличению контингента призывников специалистами ГУ РККА отмечалась необходимость «расширения приема РККА национальностей, не втянутых еще в военную службу»[106].

Положение с призывом нерусской молодежи было непростым. Как показало исследование документальной базы, с конца 1920-х гг. молодежь призывного возраста из союзных и автономных респуб-

---

[103] *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения: Сб. науч. трудов. М., 1975. С. 226.

[104] Классовый признак подчеркивался как основополагающий фактор при комплектовании войск и предшествовал всякой другой учетно-мобилизационной работе с призывным контингентом. В «Руководстве по очередным призывам в РККА» (1934 г.) подчеркивалось: «Тщательное изучение и классовый отбор каждого призывника является основной задачей всей работы по подготовке и проведению призыва» (с. 7). «Классово чуждый элемент, какого бы он ни был физического состояния, ни при каких обстоятельствах не может быть допущен в ряды РККА, в то время как пролетарские контингенты, даже при наличии у них некоторых отклонений в состоянии здоровья, фактически допускающих возможность службы в РККА, могут и должны быть приняты в армию», — говорилось в докладе председателя Центральной военно-врачебной комиссии при ВСУ РККА Н.А. Молодцова на совещании по итогам призыва 1930 г. в ГУ РККА (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 428). Отсюда задача военно-врачебных комиссий формулировалась следующим образом: «Отбор пополнений для РККА достаточно устойчивых в психофизическом отношении контингентов из числа ценных для РККА во всех других отношениях» (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 428). Не случайно в Руководстве по очередным призывам в РККА, подготовленном ГУ РККА, первым же разделом стоял «Социально-классовый отбор», целью которого была гарантия «абсолютной невозможности проникновения этих элементов (классово чуждых лиц. — *Авт.*) в ряды РККА» (Руководство по очередным призывам в РККА... С. 5—6). За первую половину 1930-х гг. отсеянных по социально-классовым признакам насчитывалось 655,7 тыс. человек. Из них не было принято в армию «по причинам политической и моральной неполноценности» (дети лишенцев и кулаков, служителей культа, бывших купцов, дворян, белогвардейцев, осужденные на срок свыше одного года, лодыри и «летуны», морально разложившиеся лица, пьяницы и хулиганы) — 509,5 тыс. человек; отсеяно и зачислено в тыловое ополчение (в основном лишенцев) — 146,2 тыс. человек. Пик отсева пришелся на 1931—1933 гг., когда ежегодно в армию не принималось по указанным причинам от 120 до 130 тыс. призывников (РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 176. Л. 32).

[105] РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 246.

[106] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 487.

лик СССР и РСФСР в обязательном порядке проходила процедуры приписки к призывным участкам и военного призыва. Однако армейская инфраструктура не была готова принять всю массу призывников-«националов». Значительная часть призывного контингента союзных и автономных республик оказывалась невостребованной и сразу после призыва зачислялась во *вневойсковики*. Например, в 1932 г. по Казахской АССР явились на призыв 24,6 тыс. представителей европейских национальностей и 24,3 тыс. казахов. Между тем в итоге в кадр было зачислено 8446 европейцев и только 1502 казаха[107]. Аналогичным образом в СКВО в ходе приписки, проходившей в январе—феврале 1932 г., к призывным участкам было приписано 112 131 человек, в том числе 16 672 горца (14,9% от общего числа приписанных допризывников). Призвано было около половины от числа первоначально приписанных граждан — 57 709 человек, в том числе лишь 1654 горца (2,9% от числа всех призванных)[108]. Как отмечалось в отчете штаба СКВО о призыве 1930 г., «округ должен с каждым годом все больше и больше считаться с нетерпимостью того факта, что *призыв горцев фактически проходит вхолостую вследствие малого процента приема их в кадровые части* (выделено мной. — *Авт.*)»[109].

Таблица 20, отражающая план призыва *националов* осенью 1930 г., подтверждает этот тезис: осуществляя очередные призывы, окружные управления строго придерживались предлагаемой разверстки. За редкими исключениями, к которым следует отнести прежде всего украинцев, призывавшихся массово, новобранцы назначались в существующие национальные формирования.

Таблица 20

Расчет распределения новобранцев-*националов*, подлежавших призыву в Красную армию осенью 1930 г.

	Распределение по округам										
	МВО	**ЛВО**	**БВО**	**УВО**	**ПриВО**	**СКВО**	**СибВО**	**ОДВА**	**ККА**	**САВО**	**Итого**
Поляков	300			700				400			1400
Чувашей	200	400								400	1000
Вотяков	100		200					100			400
Марийцев	200										200
Мордвин	400		600		300						1300
Украинцев	950		150	14 740		130		900	2590		19 460
Карел		100									100

[107] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 90. Л. 81, 92.
[108] Подсчитано по: РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 90. Л. 17.
[109] Там же. Оп. 29. Д. 129. Л. 76.

	Распределение по округам										
	МВО	ЛВО	БВО	УВО	ПриВО	СКВО	СибВО	ОДВА	ККА	САВО	Итого
Горских национальностей Северного Кавказа		280				120					400
Национальностей Закавказья									6485		6485
Татар			700	400	700	500				500	2800
Немцев			100	600	300						1000
Башкир				100	200						300
Туркмен										1285	1285

Источник: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 270.

Будучи неспособными ни в мирное, ни в военное время пропустить через свои ряды всю массу призываемых военнообязанных, национальные формирования на этом этапе развития Красной армии стали своего рода «бутылочным горлом», ограничивавшим допуск к военной службе многим нерусским гражданам. Единственным положительным следствием наличия «значительных ресурсов коренного населения и крайней незначительности контингентов, подлежащих направлению в кадровые нацчасти»[110], была возможность отбирать в армию только лучших во всех отношениях призывников-*националов*. Например, военкоматам Среднеазиатского военного округа на призыв 1933 г. была поставлена высокая планка по качественному отбору призывников местных национальностей: в пехоту и конницу должно было быть отобрано не менее 20% членов партии, не менее 40% комсомольцев, 40% рабочих и 50% колхозников. Все призывники должны были быть грамотными, причем проверка грамотности проводилась специальной комиссией, исключавшей формализм в определении этого критерия[111]. В тех условиях это были очень высокие требования. Для сравнения, в том же году в войсках Украинского военного округа среди принятых новобранцев было 6,3% коммунистов, 26,6% комсомольцев, 4,1% неграмотных. Лишь по рабочей прослойке УВО несколько превосходил САВО[112]. Неудивительно, что национальные части по боевым качествам в 1930-х гг. не уступали *номерным*.

Однако возможность в мирное время отбирать для действительной военной службы лучший контингент призывников нерусской национальности сыграла с органами комплектования военного ведомства злую шутку, поскольку, как выяснилось уже в конце 1930-х гг.,

[110] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 90. Л. 252—253.
[111] Там же.
[112] Там же. Л. 59.

оно не имело представления о качестве всей массы военнообязанных, которых надлежало поднимать по мобилизации; к тому же оно не получало никакой военной подготовки или же получало ее формально. В первой половине 1930-х гг. еще казалось, что без этого контингента снова можно будет обойтись, как это было многократно в отечественной истории. Так, в мае 1933 г. в аналитической записке начальника Организационного отдела ПУ РККА Ф.Л. Блументаля отмечалось, что при мобилизации «Краснознаменная Кавказская армия, САВО и Казахская АССР, имеющие в остатке ресурсов в общей сложности до 650 000 человек и политбойцов 45 000 человек, в силу местных особенностей (незнания русского языка, необученности и распыленности) могут быть использованы в очень ограниченном количестве»[113].

Материалы таблицы 21 достаточно недвусмысленно отражают тупиковое положение в комплектовании РККА представителями нерусских национальностей в первой половине 1930-х гг. — в условиях, когда Красная армия начинает быстро расти в численном отношении и все более нуждается в людских ресурсах. Для истории национальных частей Красной армии это было время зенита и быстрого заката.

Из материалов таблицы 21 следует, что прирост списочной численности Красной армии за пять лет составил 69,5% (из них за первые три года — 36,7%). Только прирост русских, украинцев и евреев в целом соответствовал этому общему темпу. У остальных национальностей показатели сильно колебались, что отражало различия в подходах к комплектованию армии по национальному признаку. Наиболее высокие темпы прироста показывали финно-угорские и тюркские народы РСФСР (удмурты, чуваши, марийцы, коми, татары, башкиры и др.), как наиболее обрусевшие и обращаемые на комплектование обычных воинских частей. Этносы, участвовавшие в большой программе строительства национальных частей (она формально завершилась в 1933 г.), выделены в таблице полужирным шрифтом. Здесь темпы прироста заметно ниже, поскольку он сдерживался рамками штатной емкости национальных частей. Особенно слабо использовался богатый людской потенциал Закавказья — здесь дислоцировались национальные соединения ККА, весьма развитые в отношении боевой подготовки, но с годами, из-за труднопреодолимого языкового барьера превратившиеся в резервации для национальных контингентов, который особенно чувствовал командный состав, упиравшийся в карьерный потолок в своих частях. Низкие темпы прироста показывали и так называемые «западные» народы — немцы, поляки, народы Балтии. Здесь проявлялись политические ограничения, в последующие годы все более усиливавшиеся на фоне шпиономании. Высокие темпы прироста отмечены лишь у казахов

[113] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 77. Л. 4.

Таблица 21

Национальный состав Красной армии с 1.01.1931 по 1.01.1936 г.

	На 1.01.1931 г.		На 1.01.1934 г.		На 1.01.1936 г.		Прирост списочного состава за пять лет, %	В т. ч. прирост рядового состава за пять лет, %
	Всего по РККА(без перемен. состава терчастей), чел.	В т. ч. рядовой состав, чел.	Всего по РККА по списку, чел.	В т. ч. рядовой состав, чел.	Всего по РККА по списку, чел.	В т. ч. рядовой состав, чел.		
Всего по списку	635 008	419 616	866 053	511 611	1 073 029	618 361	69,5	47,4
Русские	410 099	266 290	561 255	325 738	710 361	410 598	73,2	53,3
Украинцы	117 075	80 918	174 248	109 175	208 148	119 809	77,8	47,5
Белорусы	31 429	20 717	31 145	15 912	39 634	19 397	26,5	–7,0
Татары	8412	7240	12 714	9466	18 576	13 885	120,2	93,1
Чуваши	2054	1568	4263	3393	5532	4288	124,0	170,6
Мордвины	3517	2871	4033	3134	6460	5059	85,4	78,1
Марийцы	581	484	1338	1141	1326	1074	128,5	122,9
Удмурты	814	681	1774	1497	1768	2242	117,8	229,5
Коми (зыряне)	948	710	1388	1140	2130	1740	125,7	145,1
Башкиры	1112	842	1810	1385	2961	2248	168,1	167,3

Евреи	13 987	7616	22 685	9444	23 270	7879	71,4	3,5
Армяне	**7257**	**4906**	**8037**	**5114**	**8331**	**4850**	**14,9**	**–1,1**
Грузины	**7789**	**4986**	**7139**	**4389**	**6736**	**3518**	**–13,5**	**–29,9**
Тюрки	**2851**	**1931**	**2518**	**1739**	**3281**	**1830**	**15,1**	**–5,3**
Казахи	**893**	**713**	**2036**	**1561**	**2529**	**1920**	**183,8**	**170,0**
Узбеки	**2183**	**1757**	**1819**	**1396**	**3071**	**2389**	**40,3**	**36,1**
Таджики	**376**	**306**	**684**	**542**	**956**	**735**	**152,5**	**143,0**
Туркмены	**1129**	**901**	**1381**	**1028**	**1853**	**1407**	**65,8**	**56,2**
Эстонцы	977	356	1050	366	1115	383	14,2	7,7
Латыши	1584	358	1753	378	1748	334	10,3	–6,9
Карелы	**903**	**659**	**1500**	**942**	**1036**	**680**	**14,8**	**89,4**
Немцы	4193	3072	5039	3284	4729	2775	12,7	–9,6
Поляки	4757	2732	5299	2594	4807	1776	1,1	–35,4
Осетины	**952**	**666**	**1353**	**790**	**1768**	**942**	**85,9**	**41,2**
Горцы Северного Кавказа	**909**	**788**	**1309**	**971**	**1383**	**904**	**56,7**	**14,7**
Другие	8215	5548	8483	5092	9520	5699	15,9	2,7

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7—117; Д. 41. Л. 1 об.; Д. 87. Л. 1—39.

и таджиков, но и их мобилизационный потенциал использовался лишь в незначительной мере.

Положение с привлечением в войска молодого пополнения нерусской национальности резко изменилось лишь в 1938—1940 гг. Важной особенностью последних предвоенных призывов начиная с 1938 г. было то, что пополнение распределялось по войскам строго экстерриториально, то есть вне пределов национально-административных регионов (а чаще всего — и военных округов), в которых они призывались (таблица 22). Из национальных республик молодое пополнение направлялось в западные приграничные и центральные военные округа. В ноябре 1938 г. в своем докладе наркому обороны К.Е. Ворошилову исполняющий должность начальника Административно-мобилизационного управления бригадный комиссар Ф.С. Юдин подчеркивал: «За последние 15 лет призывники коренного населения национальных республик и областей Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, владеющие и не владеющие русским языком, впервые были обращены на укомплектование частей РККА военных округов европейской части СССР»[114].

Таблица 22

Распределение уроженцев республик Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии, призванных в РККА в 1938 г.

Регионы призыва	Количество военнослужащих, направленных в военные округа										
	ЛВО	БОВО	КОВО	ХВО	МВО	УрВО	ПриВО	СКВО	САВО	СибВО	Всего
Закавказье	1740	2000	2670	665	1350	200	300	500	905	180	10 510
Северный Кавказ	785	1400	865	—	400	—	—	—	—	—	3450
Средняя Азия	2905	2655	3500	1315	2300	870	1200	700	1800	580	17 825
ИТОГО	5430	6055	7035	1980	4050	1070	1500	1200	2705	760	31 785

Примечание. По Закавказскому военному округу и Дальневосточному Краснознаменному фронту данные отсутствуют.

Составлено по: РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 441. Л. 208—210.

Призыв, проведенный с 15 сентября по 15 октября 1939 г., стал самым массовым за всю историю Красной армии. Если в 1938 г. в РККА, РККФ и войска Наркомата внутренних дел (НКВД) влились 832 542 новобранца, то в 1939-м — сразу 1 831 099 человек[115]. Войска и силы флота пополнила не только молодежь, рожденная в 1919 г. и во второй половине 1918 г., не призванная в предыдущем году (до снижения возраста призыва по новому закону), но и лица старшего

[114] РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 11. Л. 146.
[115] Там же. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 156, 214.

возраста, по разным причинам не попавшие в армейские ряды ранее (их оказалось около 40% от всех новобранцев). Количество пополнивших Красную армию призывников в 1936, 1937, 1939 и 1940 гг. (полные данные за 1938 г. не обнаружены) по национальному составу сведено в таблице 23.

Таблица 23

Национальный состав граждан, призванных в РККА в 1936, 1937, 1939 и 1940 гг.

Национальности		**Годы призыва**			
		1936	**1937**	**1939**	**1940**
		Годы рождения призванных			
		1914 — первая половина 1915	**Вторая половина 1915—1916**	**Вторая половина 1918, 1919 и 1920, 1921 гг. (со средним образованием)**	**1920, 1.01—21.08.1921 и 1921—1922 гг. (со средним образованием)**
Русские	Чел.	621 951	722 937	1 020 867	929 789
	%	**63,40**	**66,71**	**54,41**	**56,07**
Украинцы	Чел.	207 068	209 284	336 146	364 307
Белорусы	Чел.	37 903	33 713	64 877	83 898
Всего славян	Чел.	**866 922**	**965 934**	**1 421 890**	**1 377 994**
	%	**88,37**	**89,13**	**75,77**	**83,11**
Татары	Чел.	18 098	14 874	45 727	35 607
Чуваши	Чел.	5490	9314	17 422	12 159
Удмурты	Чел.	2571	3613	5963	6332
Марийцы	Чел.	1674	554	5380	4237
Мордвины	Чел.	7270	5816	7002	12 588
Башкиры	Чел.	4264	5242	7002	6629
Карелы	Чел.	564	1275	3466	2612
Коми (зыряне)	Чел.	1452	3252	4782	3778
Буряты	Чел.	1040	337*	3361	2500
Осетины	Чел.	1600	1429	4955	2871
Народы Дагестана	Чел.	655	838	10 509	6323
Кабардинцы, балкарцы, карачаевцы	Чел.	507	1105	3969	2538
Чеченцы, ингуши	Чел.	111	Нет данных	3804	1989
Адыгейцы, черкесы	Чел.	253	120	Нет данных	Нет данных
Молдаване	Чел.	1542	698	3519	3049
Калмыки	Чел.	536	Нет данных	1899	909
Всего национальностей из автономий РСФСР	Чел.	**47 627**	**48 467**	**128 760**	**104 121**
	%	**4,85**	**4,47**	**6,86**	**6,28**
Армяне	Чел.	6636	6018	24 490	16 060
Грузины	Чел.	6142	6030	33 993	20 430

Национальности		Годы призыва			
		1936	1937	1939	1940
		Годы рождения призванных			
		1914 — первая половина 1915	Вторая половина 1915—1916	Вторая половина 1918, 1919 и 1920, 1921 гг. (со средним образованием)	1920, 1.01— 21.08.1921 и 1921—1922 гг. (со средним образованием)
Азербайджанцы	Чел.	2673	5466	36 327	17 602
Всего народов Закавказья	Чел.	**15 451**	**17 514**	**94 810**	**54 092**
	%	**1,57**	**1,62**	**5,05**	**3,26**
Казахи	Чел.	1995	4803	53 848	23 186
Узбеки	Чел.	867	1724	74 006	39 432
Киргизы	Чел.	246	479	13 661	7521
Таджики	Чел.	418	692	15 310	9522
Туркмены	Чел.	664	1118	9622	6410
Всего из народов Средней Азии	Чел.	**4190**	**8816**	**166 447**	**86 071**
	%	**0,43**	**0,81**	**8,87**	**5,19**
Евреи	Чел.	12 755	12 459	25 926	33 554
	%	**1,30**	**1,15**	**1,38**	**2,02**
Другие	Чел.	**34 122**	**30 565**	**38 709**	**2339**
	%	**3,48**	**2,82**	**2,06**	**0,14**
Всего	Чел.	981 067	1 083 755	1 876 542	1 658 171

Составлено по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 3—15, 71—74, 91—95.

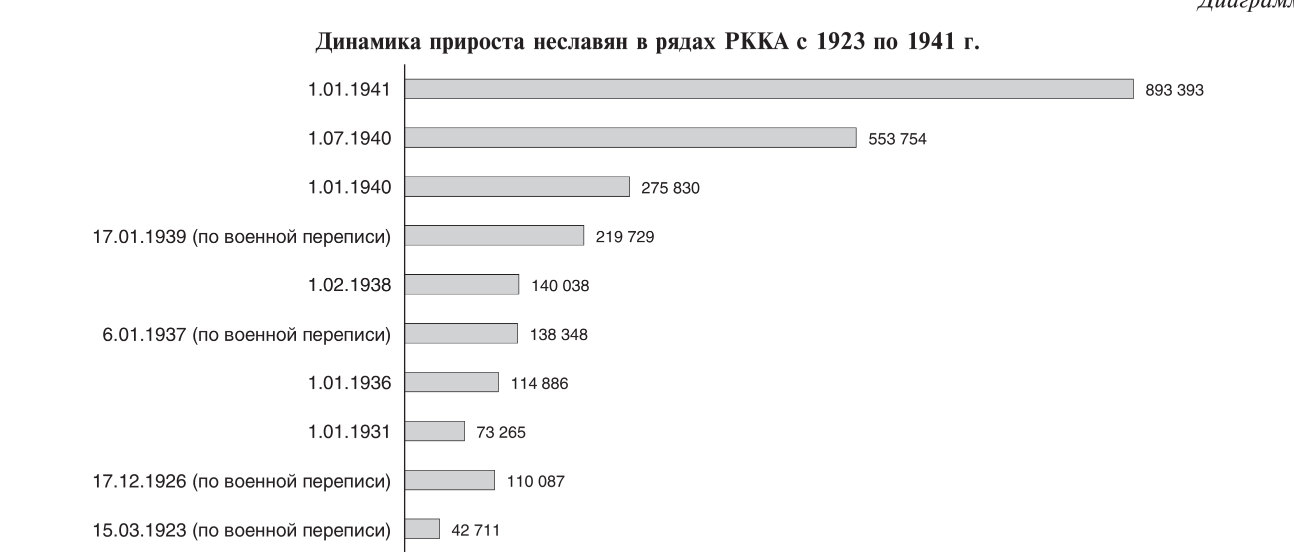
Представленные в таблице 23 данные отражают основные тенденции призывной практики предвоенного пятилетия. Число призываемых с 1936 по 1940 г. выросло почти на три четверти (73,3%), причем наиболее значительно — среди неславянских народов: закавказских — от 2,4 до 6,6 раза; среднеазиатских — еще больше: казахов — почти в 11,6 раза, таджиков — в 22,8 раза, узбеков — в 45,5 раза. В то же время число новобранцев-славян выросло лишь в 1,6 раза, в том числе русских — примерно в полтора раза (на 49,5%), украинцев — на 76%, белорусов — в 2,2 раза. Их удельный вес в общем числе призванных сократился с 93,4 до 85,7%, в том числе русских — с 67,0 до 57,8%.

Если выразить графически прирост неславянского контингента в РККА за межвоенное двадцатилетие, то будет хорошо видно, что он превысил двадцатикратное значение, причем скачкообразным этот прирост был именно в предвоенный период (диаграмма 3).

Однако в абсолютных величинах восточнославянские народы по-прежнему многократно преобладали в армии. В 1936 г. славян призвали в 14 раз больше (в том числе русских — в 10 раз больше), чем граждан всех неславянских национальностей, а в 1940 г. — почти в 6 раз больше (русских — в 4 раза больше).

Диаграмма 3

Динамика прироста неславян в рядах РККА с 1923 по 1941 г.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7—117; Д. 109. Л. 2, 21—120; Д. 135. Л. 1, 5—93; Д. 167. Л. 2, 5; Д. 114. Л. 2; Д. 87. Л. 1—39; Д. 3. Л. 3; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 3; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы: Документы и материалы. М., 2007. С. 48.

Таблица 24

Удельное представительство титульных народов союзных республик СССР в рядах РККА в 1931—1941 гг.

	Русские	Украинцы	Белорусы	Всего славян	Казахи	Узбеки	Киргизы	Таджики	Туркмены	Всего народов Средней Азии	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Всего народов Закавказья	Всего народов Закавказья и Средней Азии
На 1.01.1931	64,55	18,43	4,9	87,88	0,15	0,35	Н. д.	0,06	0,18	0,74	1,14	0,45	1,23	2,82	3,56
На 1.01.1936	66,16	19,39	3,69	89,24	0,24	0,29	Н. д.	0,09	0,17	0,79	0,78	0,52	0,63	1,93	2,72
На 6.01.1937 (по военной переписи)	66,22	19,53	3,76	89,51	0,24	0,2	0,02	0,07	0,13	0,66	0,79	0,52	0,8	2,11	2,77
На 1.02.1938	66,14	18,94	3,41	88,49	0,31	0,24	Н. д.	0,14	0,18	0,87	0,8	0,29	0,8	1,89	2,76
На 17.01.1939 (по военной переписи)	65,73	19,31	3,64	88,6	0,74	0,43	0,05	0,08	0,09	1,39	0,78	0,36	0,8	1,94	3,03
На 1.01.1940	63,98	18,79	3,67	86,44	1,07	1,09	Н. д.	0,2	0,27	2,63	0,93	0,54	1,07	2,54	5,17
На 1.07.1940	60,97	19,58	4,13	84,68	1,39	1,87	0,32	0,34	0,3	4,22	0,94	0,9	1,2	3,04	7,26
На 1.01.1941	56,39	20,24	4,35	80,98	1,66	2,45	0,41	0,47	0,33	5,32	1,18	1,09	1,37	3,64	8,96

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3; Д. 87. Л. 1—39; Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2, 5.

До февраля 1940 г. в военные округа для прохождения срочной службы было направлено 1252,4 тыс. человек, призванных осенью 1939 г., из которых 243,9 тыс. человек[116] (19,4%) являлись представителями коренных национальностей, призванных в САВО, ЗакВО и СКВО. И вновь, как и в минувшем году, «целые подразделения и части приобрели национальную окраску»[117].

Особенности военного призыва второй половины 1930-х — начала 1940-х гг. отразились на этническом балансе всего личного состава Красной армии. Выявленный нами статистический материал, отражающий динамику численности славян и других народов в рядах Красной армии, сведен в таблицу 24. Согласно ее данным, максимальный удельный вес восточных славян в РККА был достигнут в период с 1936 по 1939 г. и колебался в этот период в диапазоне 86—89%. Это был период быстрого наращивания численности личного состава Красной армии, которое осуществлялось в основном за счет новобранцев — славянских и особенно русских. Между тем удельный вес народов союзных республик Закавказья и Средней Азии за три года (с 1938 по 1941 г.) вырос более чем в 3 раза.

Выше было показано, что в абсолютных величинах рост по отдельным этносам выражался в двукратных величинах. По результатам призывов осени 1939 и 1940 гг. их численность к началу 1941 г. достигла максимума за весь изучаемый период и составила 8,96% от всего списочного состава Красной армии. На этом фоне несколько сократился призыв русских новобранцев, мобилизационные ресурсы которых к 1941 г. оказались перенапряжены. Удельный вес русских в этот момент в первый и последний раз за весь исследуемый в книге период опустился ниже удельной численности русских в общей массе населения СССР по Всесоюзной переписи 1939 г., сократившись до 56% (таблица 25).

Таблица 25

Изменение численности и удельного веса русских военнослужащих РККА в 1930 — начале 1940-х гг.

Дата	Абсолютное значение, чел.	Относит. значение, %
На 1.01.1931	392 286	64,55
На 1.01.1936	710 361	66,16
Всего русского населения по Всесоюзной переписи 6.01.1937	**93 933 065**	**58,0**
В РККА на 6.01.1937 (по военной переписи)	**874 520**	**66,22**
На 1.02.1938	803 746	66,14
Всего русского населения по Всесоюзной переписи 17.1.1939	**99 591 520**	**58,39**

[116] РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 16, 17.
[117] Там же. Д. 12. Л. 93.

Дата	Абсолютное значение, чел.	Относит. значение, %
В РККА на 17.01.1939 (по военной переписи)	**1 268 698**	**65,73**
На 1.01.1940	1 300 414	63,98
На 1.07.1940	2 204 471	60,97
На 1.01.1941	2 033 819	56,39

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3; Д. 87. Л. 1—39; Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2; Оп. 26. Д. 11. Л. 229; Д. 123. Л. 2, 21; *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996. С. 86; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 57; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 3. М., 1921. С. 1—19.

Остальные народы, имевшие давнюю традицию военной службы и издавна призывавшиеся в армию без ограничений, в предвоенные годы в абсолютном выражении троекратно увеличили свое представительство в армейских рядах, однако их относительные показатели остались практически без изменений на фоне роста численности восточнославянского контингента. Среди наиболее многочисленных народов РСФСР — татары (в 1938 г. — 25,2 тыс. человек или 2,08%; в 1941 г. — 71,7 тыс. человек или 1,99%); евреи (в 1938 г. — 22,5 тыс. человек или 1,85%; в 1941 г. — 66,3 тыс. человек или 1,84%); мордвины (в 1938 г. — 8,9 тыс. человек или 0,73%; в 1941 г. — 25,3 тыс. человек или 0,70%); чуваши (в 1938 г. — 8,8 тыс. человек или 0,72%; в 1941 г. — 28,9 тыс. человек или 0,80%)[118]. Таким образом, рост представительства перечисленных этносов шел в полном соответствии с ростом численности всей Красной армии.

Следствием резкого прироста численности *националов* в войсках стал большой наплыв красноармейцев, не владевших или плохо владевших русским языком, к чему военное ведомство оказалось неготовым, поскольку языковая проблема при первом массовом призыве 1938 г. в национальных регионах совершенно не принималась во внимание. Всего в 1938 г. из 31 785 таких призывников 18 520 (58,3%) направили в западные военные округа — Киевский особый, Белорусский особый и Ленинградский (см. таблицу 22). В эти же округа направили основную массу (8393 человека из 11 тыс. человек) красноармейцев и младших командиров срочной службы национальностей коренных народов Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии, высвободившихся после упразднения и переформирования национальных частей[119]. Например, в КОВО удельный вес пополнения с Кавказа и из Средней Азии составил 22,4%, а стрелковые части округа были укомплектованы ими на 41%. В БОВО эти

[118] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 114. Л. 2; Там же. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

[119] Там же. Оп. 29. Д. 441. Л. 210.

показатели составили соответственно 17,7% и 31,4%[120]. Ряд частей приграничных округов оказались насыщенными новобранцами, не владевшими русским языком.

Уже в конце 1938 г. в военном ведомстве признали, что была «допущена большая ошибка в распределении по некоторым частям Киевского и Белорусского военных округов призывников — уроженцев Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, не владеющих русским языком»[121]. Однако в 1939 г., когда призыв нерусских новобранцев многократно вырос, ситуация лишь усугубилась.

Широкую известность в органах военного управления получило обращение командира 497-го стрелкового полка 135-й стрелковой дивизии М.Н. Мищенко на имя командира 8-го стрелкового корпуса Киевского особого военного округа генерал-майора М.Г. Снегова[122]. В феврале 1940 г. полк получил 2947 новобранцев, из которых 2233 были неславянских национальностей. Вдобавок в конце ноября 1940 г. по распоряжению вышестоящего начальника Мищенко откомандировал 650 русских красноармейцев из имевшихся у него 714 человек. В итоге 99% его бойцов не владели русским языком. «Вы представляете себе, что получается, — эмоционально писал командир полка. — Комсостав — исключительно русские. Красноармейцы нас не понимают, мы не понимаем их, объясняемся на пальцах и различными знаками... В общем, получилось что-то наподобие „вавилонского столпотворения“»[123].

Ситуация, подобная той, что сложилась в 497-м стрелковом полку, может быть только в несколько более мягкой форме, наблюдалась по всему КОВО. Об этом свидетельствуют материалы таблицы 26.

Исходя из сложившейся ситуации, на призывную кампанию осени 1940 г. нарком обороны поставил задачу «учесть ошибки укомплектования»[124]. В этом году, по оценке заместителя наркома обороны, начальника Генерального штаба Красной армии Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, планировалось призвать из Средней Азии 154,5 тыс. человек, из Закавказья и с Северного Кавказа — около 110 тыс., то есть всего свыше 250 тыс. человек[125].

В августе 1940 г., намечая мероприятия по очередному призыву, Б.М. Шапошников обратился к народному комиссару обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко с предложением ограничить призыв неславянской молодежи из этих регионов 20% от общего количества годных к воинской службе, то есть сократить

[120] ЦАМО. Ф. 9. Оп. 29. Д. 11. Л. 229.

[121] РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 229.

[122] Копии рапорта Мищенко были разосланы в несколько главных управлений НКО, отложившись в соответствующих фондах (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 441. Л. 230; Ф. 54. Оп. 14. Д. 16. Л. 254).

[123] РГВА. Ф. 54. Оп. 14. Д. 16. Л. 254.

[124] Там же.

[125] Там же.

Таблица 26

Сведения о нерусских военнослужащих в частях Киевского особого военного округа по состоянию на 1 апреля 1940 г.

Род войск	Общее число ряд. состава призыва 1938—1939 гг.	Из числа призванных в 1939 г. по национальности															
		Узбеков	Азербайджанцев	Грузин	Татар	Армян	Казахов	Чувашей	Мордвин	Киргизов	Таджиков	Осетин	Лезгин	Прочих националов	Всего националов	В % к рядовому составу	Из них не говорят по-русски
Армейские части	3288	—	80	157	43	34	2	5	7	—	—	—	—	50	378	11,4	131
Корпусные части	15 583	379	140	196	163	263	80	533	90	48	18	50	6	254	2220	14,2	399
Стрелковые дивизии	158 124	22 634	6552	8860	6072	3254	3684	2005	1645	1893	975	1318	520	4696	64 108	40,5	31 630
Части УР	2302	70	6	23	10	13	4	4	5	3	1	3	5	2	149	6,4	27
Полки РГК	4575	44	195	107	110	31	7	7	21	20	38	1	2	41	624	13,6	207
Тыловые и автотрансп. части	24 908	1020	430	548	398	274	331	570	396	126	70	35	24	268	4490	18,6	1130
Инженерные части	1850	96	58	27	26	25	92	—	5	—	2	1	—	22	354	19,1	140
Кавалерия	35 010	1088	749	757	359	826	320	470	304	107	865	193	24	1159	7221	20,6	1242
Части АБТВ	1534	2	—	3	4	1	—	16	2	1	4	—	—	—	33	2,1	11
Части связи	1710	7	19	29	56	21	—	1	5	—	—	4	—	60	202	11,8	54
Части ПВО	7180	104	40	6	68	121	42	29	36	—	2	21	7	184	660	9,1	191
Училища	3630	151	19	46	25	19	17	12	21	15	27	4	—	49	405	11,1	126
Дорожные части	2350	—	76	48	26	5	—	3	10	—	—	7	—	66	241	10,2	79
Части ВВС	4580	105	119	19	197	30	25	45	60	8	2	12	7	25	654	14,2	131
Прочие части	1344	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	7	10	0,7	—

Источник: РГВА. Ф. 54. Оп. 14. Д. 16. Л. 251.

призыв в пять раз[126]. Пренебречь ими позволял имевшийся излишек призывных ресурсов (приблизительно четверть общей потребности в пополнении армии мирного времени[127]). Излишки призывников отсеивали и ранее. Например, в 1938 г. в Закавказском военном округе подлежали явке на призывные участки 69 147 призывников, состоявших на учете. А наряд на пополнение частей РККА, РККФ и НКВД составил лишь 26 261 человек.

В конечном итоге было принято половинчатое решение. Приказом заместителя народного комиссара обороны Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова от 3 сентября 1940 г. № 182738сс был объявлен общесоюзный призыв молодых людей, родившихся в 1920 г., а также родившихся с 1 января по 31 августа 1921 г. и лиц 1921—1922 гг. рождения, имевших оконченное среднее образование[128]. Этим же приказом из Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа призывались только молодые люди, рожденные в 1920 г. и 1921—1922 гг. с полным средним образованием, а уроженцам этих регионов, родившимся в 1921 г., была предоставлена отсрочка, чтобы они могли пройти оздоровительные и общеобразовательные мероприятия[129]. Таковых оказалось 90,2 тыс. человек. Их призыв намечался на осень 1941 г. одновременно со славянской молодежью 1922 г. рождения. Всем военным округам предписывалось обеспечить *равномерное распределение* по войсковым частям пополнения из национальных регионов, чтобы «красноармейцы нерусских национальностей и не владеющие русским языком» не направлялись «компактными массами в одну часть»[130]. В итоге удалось добиться относительно равномерного распределения новобранцев коренных национальностей Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья по военным округам — от 3,3 до 13,0% от общего количества призывников. Средняя насыщенность воинских частей новобранцами неславянских национальностей не превысила 6,0%, а в западных округах (Западный особый, Киевский особый, Одесский, Ленинградский, Прибалтийский особый) достигла 8,6%[131] (таблица 27).

Однако с учетом уже находившихся в войсках военнослужащих-*националов* их численность и удельный вес оказались значительно выше. На 1 января 1941 г. при общей численности личного состава войск пяти западных военных округов 1868,7 тыс. человек количество уроженцев Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа в них достигало 236,8 тыс. человек или 12,17%[132]. При этом, как показано в таблице 28, сама по себе перенасыщенность воинских частей нерусскими

---

[126] РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 12. Л. 55—56; Главный военный совет РККА: 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Док-ты и мат-лы. М., 2004. С. 456.

[127] Главный военный совет РККА... С. 456.

[128] РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 245—248.

[129] Там же. Л. 246.

[130] Там же. Л. 93, 94.

[131] Подсчитано по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 13. Л. 64.

[132] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 22—30.

Таблица 27

Сведения о количестве неславянского пополнения, направленного в Красную армию по итогам призыва 1940 г. (по состоянию на 5 февраля 1941 г.), чел.

Военные округа	Грузины	Азербайджанцы	Армяне	Узбеки	Таджики	Туркмены	Казахи	Киргизы	Молдаване	Чеченцы и ингуши	Кабардинцы и балкарцы	Осетины	Народности Дагестана	Карачаевцы	Башкиры	Калмыки	Буряты	Якуты	Поляки	Всего
Московский	469	630	954	145	17	0	1266	6	60	77	11	100	105	1	109	7	6	1	1063	4927
Ленинградский	414	157	352	117	11	2	2004	0	24	92	79	150	236	87	73	43	3	1	510	4355
Западный	765	364	1336	12 029	709	21	944	184	587	365	183	252	1162	151	890	151	2	2	66	20 163
Прибалтийский	1943	1853	1712	870	118	1	1573	2408	126	81	75	243	469	46	506	106	1	1	64	12 196
Киевский	4081	3055	2472	3222	377	566	1076	37	1265	412	215	694	1008	161	532	261	0	0	146	19 580
Одесский	450	570	751	539	1053	41	49	12	46	2	1	86	27	17	9	3	0	0	238	3894
Харьковский	260	190	293	210	13	15	19	12	3	0	22	23	13	6	11	9	0	0	438	1537
Орловский	14	10	72	1967	125	3	331	35	10	113	76	92	188	30	38	63	0	0	751	3918

Северо-Кавказский	22	7	63	409	1228	9	98	34	2	2	51	59	46	7	106	19	0	0	1006	3168
Закавказский	179	124	331	195	103	1679	236	4	170	94	26	98	117	77	29	19	1	0	1175	4657
Приволжский	11	1	39	1038	47	8	229	31	95	50	14	36	71	20	61	16	2	0	564	2333
Архангельский	0	0	4	1	0	0	654	0	1	0	11	12	16	0	111	21	0	0	51	882
Уральский	7	2	8	174	8	0	27	463	7	19	0	0	37	0	23	1	8	0	167	951
Сибирский	10	0	8	52	4	1	736	1	5	0	0	2	0	0	7	0	2	0	134	962
Средне-азиатский	444	515	560	22	2	3	42	1	1	0	0	40	63	0	4	0	1	0	590	2288
Забайкальский	1123	1255	1330	19	1	8	2498	35	18	69	79	200	442	28	115	75	179	138	59	7671
Дальневосточный фронт	47	11	213	118	5	18	2641	496	55	233	89	178	715	120	2876	38	1776	49	1781	11 459
Особый ж.-д. корпус	340	149	158	0	0	1	606	0	52	0	1	58	19	2	79	2	0	0	101	1568
ВМФ	346	645	739	1	0	2	71	2	87	42	57	53	529	16	99	31	218	3	85	3026
Войска НКВД	76	88	361	505	170	28	627	79	71	0	63	160	97	1	386	8	8	0	2	2730
Всего	11 001	9626	11 756	21 633	3991	2416	15 727	3840	2685	1651	1053	2536	5360	770	6064	873	3307	195	8991	112 265

Источник: ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11313. Д. 22. Л. 58.

военнослужащими усугублялась глубоким дисбалансом между составами военнослужащих в этих же военных округах.

По итогам призывной кампании 1940 г. была издана директива заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина от 3 января 1941 г. № У/1/571630сс, в которой отмечалось, что, вследствие недостаточно качественно проведенной приписки в округах с большим количеством национальных контингентов призывников (СКВО, ЗакВО, САВО, ПриВО и СибВО), «не все призывники были выявлены, а неграмотные, малограмотные и не знающие русского языка полностью не охвачены обучением»[133]. Отметим, что в общем по стране призыв 1940 г. дал достаточно качественное пополнение: лишь 85,2 тыс. (5,75%) новобранцев оказались малограмотными и 1,9 тыс. человек (0,13%) — неграмотными. Основная масса призванных имела образование от 4 до 6 классов (56,72%)[134].

В 1941 г. при проведении в марте кампании допризыва[135] молодежь местных национальностей 1921 г. рождения не призывалась[136]. Однако в связи с объявлением 4 мая 1941 г. досрочного призыва граждан, родившихся в первом квартале 1922 г., постановлением СНК СССР за № 1210-499сс и директивой Генерального штаба КА № У/1/313 было предписано призвать также и граждан нерусской национальности 1921 г. рождения, но только из числа владевших русским языком[137]. Такие лица без ограничений направлялись на укомплектование воинских частей, дислоцировавшихся в западных военных округах. 3 апреля 1941 г. местным органам военного управления было дано циркулярное указание по реализации действующего мобилизационного плана МП-41, аналогичное предписанию о распределении молодого пополнения после осеннего призыва 1940 г. В частности, требовалось при проведении приписки к частям граждан нерусской национальности не допускать комплектования частей и подразделений военнообязанными одной национальности, одновременно добиваясь удельного веса русских не менее 50%[138].

Таким образом, обострение национального вопроса в рядах Красной армии в предвоенный период вызвало комплекс мер по административному регулированию притока нерусских пополнений в войска и распределения призванного контингента среди воинских частей.

Кроме масштабной проблемы языкового барьера, массовые призывы и экстерриториальное распределение молодого пополнения накануне войны выявили и физиологическую неготовность части призывников из южных республик к службе в суровых климатиче-

---

[133] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 137.

[134] Там же. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 16. Л. 216.

[135] Основание — директива заместителя наркома обороны № Орг/1/521094 от 20 февраля 1941 г.

[136] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 170.

[137] Там же. Л. 184.

[138] Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 50. Л. 33.

Таблица 28

Представительство народов Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья в командно-начальствующем, младшем начальствующем и рядовом составах в западных военных округах по состоянию на 1 января 1941 г.

	ЛВО			ПриОВО			ЗапВО			КОВО			ОдВО		
	КНС	**МНС**	**РС**	**КНС**	**МНС**	**РС**	**КНС**	**МНС**	**РС**	**КНС**	**МНС**	**РС**	**КНС**	**МНС**	**РС**
Казахов	—	495	4889	—	479	6612	—	920	11 117	—	498	5543	—	275	2395
Киргизов	—	37	883	—	34	2445	—	110	2641	—	58	2421	—	20	1472
Туркмен	—	11	167	—	24	651	—	42	443	—	57	834	—	117	4439
Таджиков	—	14	300	—	36	755	—	92	2091	—	155	2230	—	107	2375
Узбеков	—	82	2480	—	270	4855	—	442	19 140	—	808	27 241	—	438	14 415
Армян	—	363	1983	—	393	3129	—	804	4345	—	1082	7070	—	617	3486
Грузин	—	372	2483	—	418	4924	—	693	5039	—	1237	14 898	—	601	4416
Азербайджанцев	—	98	1368	—	138	3664	—	270	3988	—	480	11 607	—	354	4495
Чеченцев и ингушей	3	49	790	2	17	630	14	52	1336	14	38	606	3	10	111
Кабардинцев и балкарцев	16	21	609	13	44	246	13	77	770	19	74	628	7	26	106
Осетин	66	69	625	49	103	634	99	179	977	144	282	1883	88	106	343
Народностей Дагестана	23	89	2042	17	97	1219	21	190	2462	52	203	1832	20	63	512
Всего по округу *националов*	108	1700	18 619	81	2053	29 764	147	3871	54 349	229	4972	76 793	118	2734	38 565
Всего личного состава	41 717	47 252	243 237	35 922	46 111	233 240	58 501	72 319	365 423	70 343	85 898	417 725	31 733	35 620	161 264

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 22—30.

ских условиях европейской части СССР. Как отмечал в июле 1940 г. в докладе заместителю наркома обороны армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии бригадный врач Е.И. Смирнов, у молодого пополнения, прибывшего в зимнее время в Орловский и Киевский особый военные округа, наблюдались тяжелые простудные заболевания, в том числе крупозная пневмония, нередко приводившая к смерти. Военврач отметил, что, помимо климата, на здоровье красноармейцев влияли не налаженный в связи с быстрым развертыванием новых частей быт (приходилось умываться на улице, подолгу на морозе ждать очереди в столовую и т. д.), а также упущения в обмундировании призывников («пополнение прибывало из южных районов зимой в летней одежде, подчас в тапочках на босую ногу»)[139]. Предлагалось проводить комплектование пополнением из южных республик не зимой, а в начале осени, «чтобы бойцы могли привыкнуть к климатическим условиям места службы»[140].

Ознакомившись с докладом Смирнова, Мехлис поручил начальнику Главного управления РККА генерал-майору М.Г. Снегову учесть негативный опыт призыва 1939 г. и представить проект распределения призывников будущего призыва осени 1940 г.[141]

Следует отметить, что если выше речь шла о *призывниках* нерусской национальности, то контингент *военнообязанных* старших возрастов в предвоенные годы оказался в массе своей не только не охваченным военным обучением, но и почти не изученным военными и государственными органами как мобилизационый ресурс. Только летом 1940 г. был запущен переучет и медицинское освидетельствование военнообязанных, в рамках которого первичным учетом были охвачены и граждане от 19 до 50 лет национальностей, ранее не состоявших на воинском учете[142]. Армейская реформа конца 1930-х гг. почти не коснулась масс военнообязанных, пребывавших в запасе; многие из них вообще не прошли военной службы. Бывший председатель СНК ДАССР А.Д. Даниялов вспоминал, в частности, о дагестанцах: «К 1941 г. взрослое население гор мало владело русским языком. Исторически сложившийся уклад жизни, когда горцы без крайней нужды не выходили дальше своего аула, в лучшем случае района, являлся громадной трудностью при мобилизации горцев в действующую армию... Беда состояла в том, что кроме тех, кто прошел службу в армии до войны, горцы не умели обращаться даже с винтовкой. Что касается автомата, пулемета, миномета или гранаты, то они их просто не видели»[143].

---

[139] ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 50. Л. 341.

[140] Там же. Л. 342.

[141] Там же.

[142] Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937—1941 гг. Т. 13 (2—1). М., 1994. С. 155—156.

[143] *Даниялов А.* Воспоминания. Махачкала, 1991. С. 233.

* * *

В предвоенные годы широкое распространение получил другой вид ограничений при комплектовании армии нерусскими призывниками — по так называемым *политико-моральным соображениям*. Политические ограничения на прием в армейские ряды — это новация именно второй половины 1930-х гг. Очевидным образом она была связана с развернувшейся эпохой большого террора, имевшего и свой вполне определенный этнополитический аспект. Поворот от дружелюбной национальной политики и плюрализма, которым славился Советский Союз первых лет своего существования, к этнической ксенофобии и подозрительности в национальной политике произошел в середине 1930-х гг. и был связан с обострением международной обстановки, растущим ощущением близости новой большой войны. Когда именно репрессивная политика власти приобрела отчетливый этнический оттенок, является предметом дискуссии. В литературе предлагаются хотя и явно вторичные, но хронологически точно маркирующие указанный поворот документы. В частности, в документах ЦК ВКП(б), адресованных Московскому городскому комитету партии, найдена ссылка на инструкцию НКВД № 132/64 от 13 августа 1934 г. о национальностях и их отношении к советской власти. В инструкции был приведен перечень национальностей, «враждебных» советской власти. Перечень был разделен на две категории. Первая — советские немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы и поляки. Их следовало постепенно устранять с предприятий города, особенно с руководящих постов. В отношении второй группы (евреи, армяне, крымские татары, чеченцы, ингуши, осетины) требовалась повышенная бдительность[144]. Документ не носил пока репрессивного характера, а лишь *предупреждал* органы власти о «неблагонадежности» ряда этносов. От него до начала *национальных операций* НКВД оставалось всего три года...

Описанный поворот не мог не отразиться на комплектовании Красной армии личным составом. В этот период был определен ряд национальностей, для которых вводились ограничения на военную службу, вызванные политическим недоверием к ним со стороны власти. В приказах наркома обороны о призывах в последние предвоенные годы приводились перечни национальностей, призыв которых либо приостанавливался, либо ограничивался. В конце 1930-х гг. к таковым относили граждан СССР по национальности: немцев, поляков, финнов, латышей, эстонцев, турок, греков и ряд других этносов. В мобилизационной документации предвоенных лет они отмечались в одном ряду с гражданами, репрессированными за контрреволюционную и шпионскую деятельность. В зависимости от места рождения и социального статуса представителей

[144] *Блюм А., Меспуле М.* Указ. соч. С. 221.

перечисленных национальностей, достигших призывного возраста, либо вовсе не призывали в армию, либо после призыва направляли в войсковые части внутренних округов или рабочие колонны[145]. Ничего подобного в призывной документации 1920-х гг. найти нельзя.

Особенно полно политические ограничения на призыв были развернуты в 1938 г. 26 и 31 июля 1938 г. параметры предстоящего очередного осеннего призыва в Красную армию, РККФ и войска НКВД обсуждались на заседаниях Главного военного совета РККА. Было принято решение при отборе по политико-моральным соображениям руководствоваться следующим: принимать в строевые пехотные части внутренних округов, ЗакВО и САВО тех призывников из финнов, поляков, болгар, греков, латышей, эстонцев, турок, карелов и немцев, которые проживали во внутренних областях СССР. Призывники этих же национальностей, проживавшие в приграничных областях Украины, Белоруссии, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Смоленской областей, а также приграничных дальневосточных регионов РСФСР после призыва зачислялись в «специальные команды», наряду с родственниками репрессированных или сосланных по политическим статьям[146]. Само понятие «специальной команды» и положение о них еще предстояло оформить Генеральному штабу Красной армии. В приказе НКО от 7 августа 1938 г., объявившем очередной призыв, эти «специальные команды» воплотились в строительные части НКВД: призывники упомянутых национальностей из западных и дальневосточных регионов СССР после призыва сразу же переводились в категорию *вневойсковиков* и поступали в распоряжение НКВД для дальнейшего трудового использования[147].

В следующем, 1939 г. приказ об очередном призыве содержал несколько иной перечень ограничений по этническому признаку: в него добавили литовцев и румын, но исключили карелов. Граждан указанных национальностей — жителей приграничных областей нельзя было призывать, а из внутренних областей СССР их по-прежнему призывали и распределяли в воинские части внутренних округов[148].

Этнические ограничения на комплектование РККА в конце 1930-х — начале 1940-х гг. носили отчетливый отзвук репрессий по национальному признаку (так называемых *национальных операций НКВД*, или *операций по национальным линиям*), впервые развернутых в августе 1937 г. и прокатившихся в следующем году по стране. Их задачей провозглашалось выявление и нейтрализация «потенциально опасных элементов», «пятой колонны», связанных с реальной

[145] Главный военный совет РККА... С. 133, 134.
[146] РГВА. Ф. 54. Оп. 14. Д. 8. Л. 33.
[147] Там же. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
[148] Там же.

или мнимой активизацией иностранных разведок и перспектив втягивания СССР в широкомасштабную войну[149]. По оценкам российских историков, репрессиям в рамках *национальных операций НКВД* подверглись от 350 до 365 тыс. человек, причем около 70% приговоров были вынесены по «первой категории», то есть окончились казнью осужденных[150]. Эти операции были направлены против немцев, поляков, греков, турок, иранцев, японцев, представителей народов Балтии, болгар, румын и т. д.[151]

С января—февраля 1938 г. *национальные операции* стали главным содержанием репрессивной деятельности НКВД[152]. 24 июня 1938 г. в контексте *национальных операций* были изданы постановление Главного военного совета и приказ НКО № 200/ш, предписывавшие уволить из приграничных военных округов комначсостав следующих национальностей: немцы, поляки, латыши, эстонцы, корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры и болгары. Надлежало передать всех командиров этих национальностей органам НКВД, вне зависимости от места службы, если на них имелись компрометирующие материалы.

К 1940 г. репрессивные акции НКВД в рамках *национальных операций* завершились. Вслед за этим были значительно ослаблены ограничения в отношении граждан СССР «иностранных», как их тогда называли, национальностей. Инициатором послаблений выступал Наркомат обороны, заинтересованный в расширении ресурсной базы для укомплектования непрерывно растущей Красной армии. Карелов и финнов отбирали для намечавшегося в тот период формирования карело-финской дивизии. В Красную армию принимали и не служивших ранее в польской армии жителей бывших польских территорий, отошедших к СССР (Западной Украины и Западной Белоруссии). Литовцев, латышей, эстонцев, немцев, поляков, болгар и греков вне зависимости от места рождения, *кроме вновь присоединенных* к СССР территорий, призывали в РККА и отправляли в части внутренних, южных округов, 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий (директива заместителя наркома обороны № 182738 от 3 сентября 1940 г.[153]). В отношении граждан перечисленных национальностей, но рожденных *на вновь присоединенных территориях* (Латвия, Литва, Эстония, Северная Буковина, Бессарабия), в декабре 1940 г. и в марте 1941 г. перед председателем правительства В.М. Молотовым ходатайствовали сначала заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза С.М. Буденный, а за-

---

[149] Главный военный совет РККА... С. 317.

[150] *Савин А.* Национальные операции НКВД 1937/1938 // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. М., 2013. С. 317—320.

[151] Большевистский порядок в Грузии: большой террор в маленькой кавказской республике: В 2 т. Т. 1. М., 2015. С. 33.

[152] *Савин А.* Указ. соч. С. 319.

[153] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 92.

тем нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Они настаивали на необходимости поставить на учет, приписать к военкоматам и в общем порядке призвать в 1941 г. молодежь этих национальностей, в связи с тем что накопилось уже четыре молодых возраста (1919, 1920, 1921 и 1922 гг. рождения) лиц, не служивших ни в национальных, ни в советской армиях. А между тем, отмечал в своем докладе Молотову Буденный, «эти возраста очень ценны с точки зрения накопления обученных запасов мобресурсов»[154]. Запрет на службу в строевых частях Красной армии сохранялся только для призывников из числа турок, румын, японцев, корейцев и китайцев, которых направляли на службу в рабочие батальоны[155].

Анализ документов позволяет утверждать, что едва отменялись ограничения на призыв граждан какой-либо национальности, то, как правило, призывался не только очередной возраст, но также и лица, родившиеся раньше, но не призванные в связи с действовавшим прежде ограничением. Например, в 1939 г. был практически приостановлен призыв в армию поляков, зато в 1940 г. их призвали сразу в количестве 27,8 тыс. человек, в основном с присоединенных к СССР территорий[156] (таблица 29).

Таблица 29

Призыв советских граждан, этнически родственных гражданам сопредельных стран и жителей присоединенных к СССР территорий, человек

Национальности	Годы призыва / годы рождения			
	1936 / 1914—1915	1937 / 1915—1916	1939 и допризыв начала 1940 / вторая половина 1918, 1919, 1920 и 1921	1940 / 1920, 1921 и 1922
Немцы	4243	3954	14 321	13 657
Эстонцы	404	579	577	1651
Латыши	399	337	571	1095
Литовцы	Нет данных	Нет данных	Нет данных	427
Поляки	2040	2716	1517	27 798
Финны	213	Нет данных	994	1608
Греки	766	33	1879	2194
Болгары	482	141	Нет данных	1045
Корейцы	383	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Примечание. В 1939 г. и в 1940 г. граждане 1920—1921 гг. рождения призывались только со средним образованием.

Составлено по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 3—15; Д. 71. Л. 91—95 об., 336—345; Д. 13. Л. 52, 77.

---

154 ЦАМО. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 333. Л. 8—11.
155 Там же. Д. 21. Л. 248.
156 РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 13. Л. 92.

В условиях массовых призывов часть граждан, подпадавших под категорический запрет на призыв в РККА, все же оказывалась в войсках. Так, в декабре 1939 г. в 1-ю Отдельную Краснознаменную армию Дальневосточного фронта с пополнением прибыло около 180 немцев, поляков, латышей, эстонцев, греков и болгар[157]. Из САВО, несмотря на категорический запрет, по итогам призыва осени 1940 г. в западные военные округа было отправлено 204 новобранца — по национальности немцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, греков[158]. Из МВО таковых оказалось 113 человек, из ХВО — 202 человека, из ЗапОВО — 789 человек, из СКВО — 207 человек и т. д.[159]

* * *

Анализ документов позволил определить новый этап (1929—1941 гг.) в деятельности органов государственной власти СССР и военного управления по последовательному расширению военнообученного мобилизационного резерва государства за счет представителей нерусских народов. Как и в 1920-х гг., этнонациональный фундамент отечественных вооруженных сил составлял русский народ. Удельное представительство русских в рядах РККА превосходило их удельный вес среди населения Советского Союза. Таким образом, русскими компенсировался недобор в армию представителей других советских народов, которым требовались те или иные формы адаптации для службы в армии или же чье присутствие в рядах войск считалось нежелательным по политическим мотивам.

Рассмотренный период характеризовался расширением масштаба военного призыва в национальных регионах. Однако, как показал анализ источников, развернутый на рубеже 1920—1930-х гг. регулярный обязательный призыв в национальных регионах вошел в противоречие с ограниченной штатной емкостью национальных формирований. Большая часть нерусской призывной молодежи ежегодно после процедуры призыва зачислялась во *вневойсковики*, фактически освобождаясь от строевой службы и получая лишь азы военных знаний и умений. До середины 1930-х гг. указанное противоречие было некритичным, поскольку годовой контингент призывников восточнославянских национальностей покрывал потребности в комплектовании армии новобранцами. Но со второй половины 1930-х гг. был взят курс на быстрый прирост численности Красной армии, совпавший с объективным ухудшением демографических условий комплектования армии. Значение ресурсов национальных регионов для комплектования войск быстро росло.

[157] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 35.
[158] Там же. Л. 124.
[159] Там же. Л. 140.

Предвоенный период (1939—1941 гг.) характеризовался принятием нового призывного закона и введением начиная с осени 1939 г. действительно всеобщего обязательного призыва на территории всех союзных и автономных республик СССР и РСФСР с зачислением призванных в кадровый состав войск. Многократный прирост численности Красной армии в предвоенные годы был обеспечен, в числе прочих мер, за счет сотен тысяч новобранцев нерусских национальностей. Их удельный вес в рядах РККА достиг своего максимального значения за весь изучаемый период, а удельный вес русских, напротив, в первый и последний раз на короткий отрезок времени опустился ниже их удельного веса среди населения.

Многократный прирост численности военнослужащих нерусской национальности (по ряду национальностей — в десятки раз) не мог не обернуться серьезными издержками, к которым органы управления НКО оказались неготовыми. Главной среди них стала языковая проблема, для решения которой до начала войны не хватило времени.

Последние предвоенные годы характеризовались не только резким расширением масштаба комплектования войск представителями нерусских народов, но и сознательным отказом от приема в армию целого их ряда. Причиной этого являлись слабая общеобразовательная и языковая подготовка (народы Средней Азии) или подозрения в политической нелояльности (народы, родственные населению приграничных Советскому Союзу и буржуазных стран).

6.3. Комплектование частей Красной армии представителями нерусских народов в первые годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — первая половина 1943 г.)

В недавней публикации военных дневников и писем высокопоставленного генерала вермахта Г. Хейнрици[160], являющейся, по мнению специалистов, одним из самых откровенных и пронзительных свидетельств «с той стороны» о первом периоде войне на советско-германском фронте, рефреном проходит одна и та же мысль, повторяемая автором в разных интерпретациях много-много раз. Это даже не мысль, а удивление, эмоция, вызванная способностью противника — советской стороны — быстро восполнять, казалось, невосполнимые потери (здесь не будем обсуждать оценки германским генералом советской тактики, приводившей к таким потерям). Порядком истрепанные немцы с изумлением отмечали новые и новые советские дивизии и осенью 1941 г., и весной 1942 г., и все после-

[160] *Хейнрици Г.* Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941—1942 гг. в записях генерала Хейнрици. СПб., 2018.

дующие годы войны. Не имея должной информации о «неисчерпаемых людских ресурсах этой огромной страны», Хейнрици легкомысленно рассуждал о непрерывном потоке дивизий, следующих из «далекой-предалекой Сибири»[161], не задумываясь о том, какого громадного напряжения сил стоили его противнику эти пополнения. И значительно осложняла задачу комплектования действующей армии многоэтничность советского народа. Анализу проблем комплектования Красной армии с учетом национального фактора в годы Великой Отечественной войны посвящены следующие разделы книги.

Масштабы мобилизационных мероприятий первых месяцев Великой Отечественной войны были поистине колоссальными и никогда в истории нашей страны не виданными. Перед мобилизацией в июне 1941 г. в рядах Красной армии и в войсках НКВД состояло 4 275 713 человек, в том числе граждане трех призывных возрастов (1919—1921 гг. рождения) и военнообязанные разных возрастов, призванные из запаса на учебные сборы[162]. Численность Красной армии на военное время, утвержденная по докладу начальника Генерального штаба Красной армии Г.К. Жукова в Политбюро ЦК ВКП(б) 12 февраля 1941 г., была определена в 8 924 953 человека[163].

22 июня 1941 г., в первый день Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом объявил всеобщую мобилизацию военнообязанных 14 возрастов — с 1905 по 1918 г. рождения включительно[164]. Общая численность этих возрастов оценивалась в 9957,6 тыс. человек. По данным Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии, в период мобилизации согласно мобплану летом 1941 г. было призвано в ряды армии 3900 тыс. человек. Всего же Вооруженные Силы СССР, включая флот, а также войска НКВД были развернуты до численности около 10 млн. человек.

Летом 1941 г. удар вермахта приняли на себя достаточно подготовленные кадровые соединения Красной армии западных военных округов. Однако размах развернувшегося противостояния, масштабы потерь Красной армии, темпы наступления противника превзошли все самые худшие ожидания. Уже к 1 декабря 1941 г. общие потери (убитыми, умершими от ран, попавшими в плен, пропавшими без вести, ранеными, заболевшими и обмороженными) достигли 2571,9 тыс. человек[165].

В связи с выбытием в первые же месяцы войны из строя значительной части кадрового состава и наиболее подготовленных резер-

---

[161] *Хейнрици Г.* Указ. соч. С. 201—202.

[162] Там же.

[163] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 402.

[164] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 492—493.

[165] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 134.

вистов молодых возрастов все острее становилась проблема пополнения действующей армии людьми.

Остаток ресурса поднятых по мобилизации 14 возрастов (5106 тыс. человек), а также новобранцы 1922 г. рождения, призванные в октябре 1941 г. (приказ НКО № 0355), были израсходованы для новых формирований и маршевых формирований уже до конца 1941 г. Всего к исходу 1941 г. было призвано еще без малого 7150 тыс. человек[166].

До конца декабря 1941 г. действующая армия получила 286 новых стрелковых дивизий и 159 стрелковых бригад общей численностью 1954,1 тыс. человек[167]. Для сравнения: к 22 июня 1941 г. в составе Красной армии числилось 198 стрелковых, горнострелковых и мотострелковых дивизий и 2 бригады[168]. На пополнение войск было отправлено около 9500 маршевых единиц (рот, эскадронов, батарей) численностью свыше 2,2 млн человек[169]. К 1 декабря 1941 г. численность действующей армии была доведена до 4200 тыс. человек[170]. Довоенный запас *обученных* военнообязанных почти полностью был исчерпан за первые полгода войны: если в июне 1941 г. он достигал 12 млн человек, то к январю 1942 г. остаток людских ресурсов, годных к строю в возрасте до 40 лет, составлял лишь 950 тыс. человек[171].

Еще 11 августа 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны № 459сс было разрешено «производить по мере необходимости» призыв военнообязанных граждан 1904—1895 гг. рождения (6877,4 тыс. человек) и призывной молодежи 1922—1923 гг. рождения (2118 тыс. человек)[172]. Их использование пришлось на начало 1942 г.: военнообязанные 1904—1900 гг. рождения были призваны в январе 1942 г. (директивы заместителя НКО № М/1/1674 — М/1/1685 от 30 и 31 декабря 1941 г.), а военнообязанные 1899—1895 гг. рождения и новобранцы 1923 г. рождения были призваны в феврале—марте 1942 г. по постановлению ГКО № 1229 от 1 февраля 1942 г. Все эти людские ресурсы были израсходованы к апрелю 1942 г., и Государственному Комитету Обороны пришлось срочно изыскивать еще 1 млн человек (постановления № 1526 от 3 апреля и № 1575 от 11 апреля)[173].

Весенне-летняя кампания вермахта 1942 г. вновь складывалась для советских войск неудачно и сопровождалась новыми огромными потерями личного состава Красной армии и военнообязанного населения оккупируемых врагом областей Нижнего Дона, Нижней

---

[166] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133в. Л. 133.
[167] Там же. Л. 5.
[168] Там же. Ф. 15а. Оп. 162. Д. 8. Л. 3.
[169] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133в. Л. 97.
[170] Великая Отечественная война Советского Союза: 1941—1945: Краткая история. М., 1970. С. 579.
[171] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133в. Л. 133.
[172] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 140—141.
[173] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 409.

Волги и Северного Кавказа. В течение 1942 г. ситуация с состоянием людских ресурсов, годных для военной службы, значительно осложнилась. Так, по состоянию на 15 сентября 1942 г., без учета лиц, имевших отсрочку и забронированных за промышленностью[174], в составе семи военных округов[175], трех невоюющих фронтов[176] и трех воюющих, но имевших собственные органы комплектования и подчиненные им военкоматы[177] оставалось призывников 1922—1924 гг. рождения и военнообязанных до 50 лет: 1160,6 тыс. человек — годных к строевой службе и 463,8 тыс. человек — ограниченно годных к строевой службе[178]. По состоянию на 1 ноября 1942 г. эти цифры составляли уже 1003 тыс. человек и 336,3 тыс. человек соответственно[179]. На 15 декабря 1942 г. — 866,7 тыс. человек и 37,3 тыс. человек соответственно[180]. Отрицательная динамика очевидна.

Расход людских ресурсов в первый период Великой Отечественной войны[181] современному человеку сложно осмыслить: на потребности вооруженных сил (списочный состав армии, войск НКВД и флота, маршевые пополнения и новые формирования) до 1 сентября 1942 г. потребовалось **свыше 18 млн человек!**[182] Если в период Первой мировой войны к концу 1917 г. было мобилизовано 14% населения страны и Русская армия оказалась в состоянии глубокого кризиса из-за невозможности дальнейшего пополнения действующих войск, то во время Великой Отечественной войны уже к сентябрю 1942 г. было призвано 12,7%[183] населения, а еще не завершился первый ее этап!

Только за первый период Великой Отечественной войны, то есть до начала декабря 1942 г., Красная армия получила вновь сформи-

---

[174] Таковых на эту дату числилось 2377,5 тыс. человек (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 142).

[175] Московский, Архангельский, Приволжский, Уральский, Южно-Уральский, Сибирский, Среднеазиатский.

[176] Забайкальский, Дальневосточный, Закавказский (недействующие войска).

[177] Закавказский, Ленинградский и Карельский.

[178] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 158—159.

[179] Там же. Л. 173—174.

[180] Там же. Л. 294—295.

[181] Согласно общепринятой в исторической науке периодизации Великой Отечественной войны, ее первый период приходится на 22.06.1941—18.11.1942 гг. (Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 36, 40).

[182] Точная цифра, доложенная И.В. Сталину заместителем наркома обороны — начальником Главного управления формирования и комплектования Красной армии армейским комиссаром 1-го ранга Е.А. Щаденко в сентябре 1942 г., — 25 024 500 человек. Она складывалась из следующих компонентов: «людских ресурсов, изъятых из страны» (имеются в виду военнослужащие рядового и командно-начальствующего состава к началу войны, граждане военнообязанных возрастов и командно-начальствующий состав запаса, призванные после начала войны) — 18 069 тыс. человек, выздоровивших раненых — 3174,2 тыс. человек, вернувшихся из окружения — 114 тыс. человек, высвобожденных по сокращению тыловых учреждений — 3667,3 тыс. человек (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 404).

[183] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 405.

рованными и переформированными 420 стрелковых и горнострелковых дивизий, 237 стрелковых бригад, 84 кавалерийские дивизии и т. д. Численность действующей армии была доведена до 5281 тыс. человек[184].

Все сказанное свидетельствует о том, насколько сложной оказалась задача комплектования Красной армии людскими ресурсами в условиях крупномасштабной войны, потребовавшей максимального напряжения всех сил Советского государства.

В первый период войны заметную прослойку среди мобилизованных составили представители нерусских народов СССР. Так, согласно справке Управления мобилизации и укомплектования Главупраформа, только «по сугубо ориентировочным» и неполным данным (на 16 неславянских этносов) с 22 июня 1941 г. по 1 апреля в Красную армию было мобилизовано 1149 тыс. человек из числа военнообязанных и призывников 1922—1923 гг. рождения (см. таблицу 30).

Таблица 30

Ориентировочные данные Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии о результатах мобилизации среди неславянских народов СССР с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1942 г.

Национальность	Тысяч человек	Национальность	Тысяч человек
Грузин	264	Калмыков	15
Азербайджанцев	236	Чеченцев	25
Армян	102	Ингушей	5
Узбеков	150	Крымских татар	3
Таджиков	5	Латышей	5
Туркмен	5	Эстонцев	26
Киргизов	130	Литовцев	8
Казахов	120	Всего	1149
Башкир	50		

Источник: ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.

В то же время основная нагрузка с начала войны пала на плечи восточнославянских народов. Так, уже к 15 марта 1942 г. соотношение остатков ресурсов военнообязанных русских, украинцев и белорусов и национальностей РСФСР к народам Закавказья и Средней Азии приближалось к 1:3 (378,2 тыс. человек против 1077,7 тыс.). Причем первая группа этносов (так называемые *европейские*) рассматривалась в качестве первоочередного пополнения Красной армии. О столь драматическом положении с людскими ресурсами было доложено И.В. Сталину[185].

---

[184] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 162. Д. 8. Л. 6—10; Оп. 1848. Д. 7. Л. 48—50.

[185] *Шабаев А.А., Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 89.

Определение места каждого из восточнославянских народов в укомплектовании войск начнем с русских. Несмотря на значительное представительство в Красной армии различных этносов, анализ статистических данных показывает, что *основная* нагрузка легла в основном на плечи *русского народа*, чье абсолютное и удельное представительство в войсках с начала войны резко выросло. С января 1941 г. по январь 1943 г. удельный вес русских среди всех народов СССР в рядах Красной армии поднялся с 56,4 до 71,1%, то есть на 14,7%. В абсолютном значении этот прирост выразился цифрой 4389 тыс. человек. За два года относительный прирост составил 230,6% (с 2033,8 тыс. человек до 6722,8 тыс. человек)[186].

Масштабы участия русских в военной организации Советского государства за весь изучаемый период наиболее наглядно можно представить в виде полосовой диаграммы (гистограммы). Для сравнения приведены данные межвоенного периода (диаграммы 4 и 5).

Совсем иная ситуация наблюдалась в случае с представительством в Красной армии *украинцев* и *белорусов*, чьи административные территории и основные ареалы расселения на длительный период — с осени 1941 г. и вплоть до второй половины 1943 г. — были полностью утеряны в связи с оккупацией противником. Особенно резко упало представительство украинцев, которые традиционно составляли пятую часть личного состава армии (см. диаграмму 6[187]).

По этой причине в абсолютном исчислении количество украинцев к январю 1943 г. выросло лишь на 213 тыс. человек (с 782,9 тыс. человек до 995,8 тыс. человек, относительный прирост — 21,4%, а к июлю 1943 г. — до 1273,9 тыс. человек, прирост — 61,5%)[188], иными словами, если брать, как у русских, показатели июля 1943 г., темп прироста численности украинцев в рядах войск Красной армии был в *6,5 раза ниже*, чем русских.

Еще худшую динамику показывали белорусы: их удельный вес в Красной армии сократился с 4,35% в январе 1941 г. до 1,93% в январе 1943 г. и до 1,73% в июле 1943 г.; прирост военнослужащих белорусской национальности за два года в абсолютных значениях составил лишь 11,3%, а к июлю 1943 г. — 27,3% (то есть показал динамику в *14,5 раза хуже*, чем у русских)[189]. Таким образом, резкое сокращение поступления в армию украинцев и белорусов в первой половине войны частично компенсировалось *усилением использования ресурсов русских* военнообязанных граждан.

Другим важным источником для пополнения рядов действующей армии, особенно в 1942—1943 гг., становятся *республики Закавказья* и *Средней Азии*. При этом Закавказье вследствие развития

[186] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29—48.

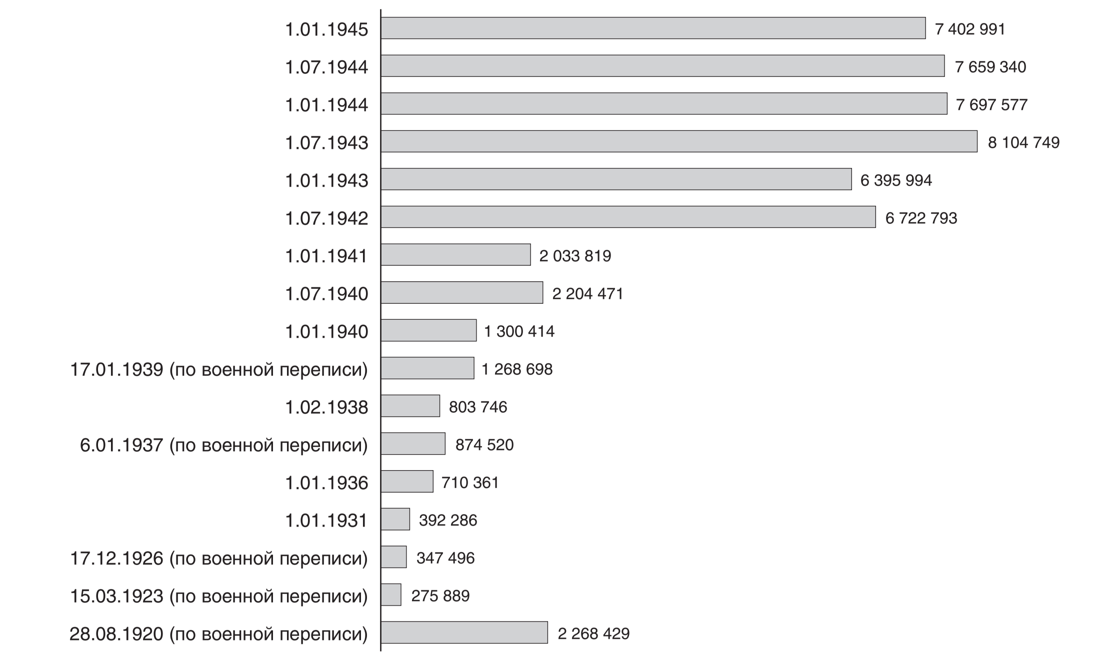
[187] Составлено по: Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

[188] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29—48.

[189] Там же.

Диаграмма 4

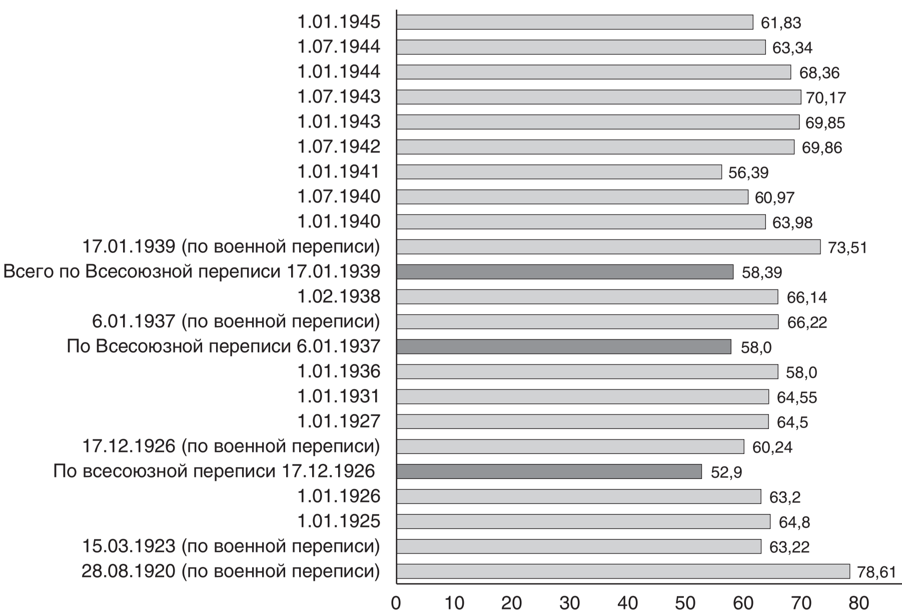
Представительство русских в рядах Красной армии в 1920—1945 гг., чел.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3; Д. 17. Л. 7—117; Д. 87. Л. 1—39; Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2, 5; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21. Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234 Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. Вып. 3. С. 1—19; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925. С. 43; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы: Документы и материалы. М., 2007. С. 48.

Диаграмма 5

Представительство русских в рядах Красной армии в 1920—1945 гг., проц.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3; Д. 17. Л. 7—117; Д. 87. Л. 1—39; Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2, 5; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21. Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. Вып. 3. С. 1—19; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925. С. 43; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы: Документы и материалы. М., 2007. С. 48.

Диаграмма 6

Удельный вес украинцев в частях Красной армии с 1939 по 1945 г., в проц.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2, 5; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21. Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

стратегической обстановки на советско-германском фронте оказалось сначала главным «донором» людских резервов для войск, сражавшихся в Крыму, а затем своего рода «эксклавом», отрезанным от остальной территории страны. Местные этносы (армяне, азербайджанцы, грузины) наиболее интенсивно использовались для комплектования новых формирований и маршевых пополнений с первых месяцев войны[190]. В конце 1941 г. из состава Закавказского военного округа было выделено новое фронтовое управление — Кавказский фронт, преобразованное позднее в Крымский фронт. Этот фронт, так же как и войска Отдельной Приморской армии, оборонявшие Севастополь, в значительной степени были укомплектованы соединениями, сформированными в Закавказье. После разгрома весной 1942 г. противником Крымского фронта и эвакуации остатков Отдельной Приморской армии Закавказскому военному округу (с мая 1942 г. — фронту) пришлось строить оборону Северного Кавказа и Закавказья, вновь опираясь в основном на собственные возможности. В течение 1942 г. Закавказским фронтом, оборонявшим Северный Кавказ, из ресурсов всего Кавказа было сформировано и передано действующим войскам 35 стрелковых дивизий, 33 стрелковые бригады и сотни специальных частей и подразделений[191]. Уже к осени 1942 г. почти все людские ресурсы фронта были исчерпаны. На 1 ноября 1942 г. на территории Закфронта (все Закавказье и неоккупированная часть Северного Кавказа) оставалось лишь 110 тыс. человек, годных к строевой службе, и 97,2 тыс. человек, годных к нестроевой службе[192]. Динамика численности в составе Красной армии трех титульных закавказских этносов показана в таблице 31.

Таблица 31

Изменение абсолютной численности и удельного веса представителей закавказских народов в рядах Красной армии в период Великой Отечественной войны

Дата	Армяне		Азербайджанцы		Грузины		Всего	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
В % по Всесоюзной переписи 1939 г.		1,26		1,33		1,37		
На 1.01.1941	40 305	1,18	39 319	1,09	49 250	1,37	128 874	3,62
На 1.07.1942	127 363	1,31	112 983	1,16	119 604	1,23	359 950	3,7
На 1.01.1943	99 026	1,08	87 767	0,96	101 493	1,11	288 286	3,15

[190] В первые же месяцы войны Закавказский военный округ отправил на фронт 7 кадровых соединений, 377 маршевых рот, 756 танковых экипажей. В августе—октябре 1941 г. в округе было начато формирование еще 18 стрелковых дивизий (Краснознаменный Закавказский: История Краснознаменного Закавказского военного округа. Тбилиси, 1977. С. 54).

[191] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 703. Л. 79.

[192] Там же.

Дата	Армяне		Азербайджанцы		Грузины		Всего	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
На 1.07.1943	128 928	1,12	98 806	0,86	117 822	1,02	345 556	2,99
На 1.01.1944	112 210	1,0	72 834	0,67	103 852	0,92	288 896	2,56
На 1.07.1944	103 279	0,86	59 104	0,49	95 225	0,8	257 608	2,15
На 1.01.1945	101 584	0,85	55 336	0,46	90 846	0,76	254 971	2,08

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

На отдельных участках фронта представительство кавказских этносов было значительно выше. Особенно большим оно было в период оборонительного сражения на Северном Кавказе осенью и зимой 1942 г. Например, в начале сражения за Кавказ по состоянию на 1 августа 1942 г. в составе трех армий Закфронта (44, 45, 46-й) числилось без малого 175,5 тыс. представителей только крупнейших закавказских народов — армян, грузин и азербайджанцев[193]. В конце ноября 1942 г. в войсках Северной группы войск Закавказского фронта удельный вес представителей народов Закавказья составлял 30,51% (68,4 тыс. человек), в то время как русских, украинцев и белорусов — 57,63% (см. таблицу 32). Количество неславян превышало в Северной группе войск 42%[194].

Таблица 32

Национальный состав войск Северной группы Закавказского фронта на 20 ноября 1942 г. (без учета войск 37-й армии), человек

Национальности	9-я армия	58-я армия	44-я армия	4-я воздушная армия	4-й гв. кавкорпус	275-я сд	Всего	Удельный вес, %
Русские	54 273	7630	11 922	10 547	8720	1979	95 071	43,85
Украинцы	13 544	2162	2472	6578	1910	812	27 478	12,67
Белорусы	1372	119	224	400	174	12	2301	1,01
Азербайджанцы	**8121**	**13 541**	**18 478**	**127**	**80**	**129**	**40 476**	**18,67**
Армяне	**11 742**	**417**	**1338**	**211**	**140**	**48**	**13 896**	**6,41**
Грузины	**2808**	**702**	**10 241**	**123**	**109**	**94**	**14 077**	**6,43**
Горцы Северного Кавказа[1]*	1225	206	1339	26	133	62	2991	1,82
Турки	8	Н. д.	139	12	51	16	226	0,1
Калмыки	Н. д.	Н. д.	9	Н. д.	236	Н. д.	245	0,11
Узбеки	3425	542	1224	56	48	15	5310	2,56
Таджики	17	Н. д.	Н. д.	11	Н. д.	Н. д.	28	0,01
Киргизы	52	Н. д.	Н. д.	4	20	Н. д.	76	0,03

[193] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 294. Л. 15.
[194] Там же. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1286. Л. 26.

Националь-ности	9-я армия	58-я армия	44-я армия	4-я воздушная армия	4-й гв. кавкорпус	275-я сд	Всего	Удельный вес, %
Казахи	629	Н. д.	196	40	77	38	942	0,44
Мордвины, чуваши	1057	Н. д.	Н. д.	100	48	207	1412	0,65
Татары	1404	227	103	141	101	12	1988	0,92
Евреи	1526	433	Н. д.	833	140	108	3040	1,43
Прочие	3323	963	2323	65	241	97	7012	3,19
ВСЕГО	104 526	26 942	50 008	19 274	12 228	3629	216 607	100

[1]* Включая 1188 горцев в составе 37-й армии.

Источник: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 1569.

В течение 1941 г. и особенно 1942 г. при комплектовании воинских частей в Закавказье и на Северном Кавказе в руководящих документах нередко оговаривался перечень используемых для этого этносов, а иногда регламентировалось их соотношение между собой. Например, уже в первые месяцы войны представители закавказских национальностей по возможности заменялись славянским пополнением. Русификаторскому курсу способствовала отправка в Закавказье многотысячного пополнения военнообязанных, в основном украинцев, эвакуированных из Одесского военного округа[195]. К ноябрю 1941 г. удельный вес славян в соединениях был доведен в среднем до 30,6% (русские — 12,7%, украинцы — 22,9%)[196]. В некоторых дивизиях удельный вес славян достиг 50% и выше (400, 404, 406-я стрелковые дивизии). В других, напротив, их численность едва превышала 20% (386, 409-я дивизии)[197]. Следует отметить, что русские и украинцы использовались прежде всего для укомплектования специальных и технических подразделений, где для освоения сложных военных специальностей требовались достаточно высокий образовательный уровень и хорошее понимание русского языка. Стрелковые части по-прежнему комплектовались преимущественно представителями кавказских народов.

В дальнейшем, в период обороны Кавказа летом и осенью 1942 г. при формировании новых стрелковых соединений штабы Северо-Кавказского военного округа и Закавказского фронта вновь придерживались раздельного порядка комплектования народами Кавказа и так называемыми *европейскими* национальностями. К таковым

---

[195] Первоначально планировалось направить с Украины в ЗакВО 51 тыс. человек, однако из-за неблагоприятного развития боевой обстановки эвакуация была проведена не в полном объеме.

[196] Подсчитано по материалам девяти стрелковых дивизий: 386, 390, 392, 396, 398, 400, 404, 406 и 409-й (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 145. Л. 31, 73, 115, 124, 189, 320—329, 331, 375; Там же. Оп. 1113. Д. 89. Л. 113; Там же. Д. 44. Л. 10).

[197] Подсчитано по материалам 61, 151 и 224-й дивизий (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1113. Д. 11. Л. 4, 38, 39).

относили русских, украинцев, белорусов и, как правило, евреев. В семнадцати соединениях, сформированных Закфронтом в период обороны Кавказа[198], удельный вес народов Закавказья составил треть от общего числа военнослужащих. При этом кавказский элемент был в основном сосредоточен в нескольких соединениях (77, 261, 242, 271, 276, 349-я стрелковые дивизии)[199]. Из других формирующихся соединений местные уроженцы, напротив, изымались. Например, из 61-й стрелковой дивизии в августе 1942 г. распоряжением Генштаба Красной армии были предварительно изъяты 3736 армян, 2721 азербайджанец и 510 дагестанцев. Образовавшийся некомплект покрывался за счет русских, украинцев и белорусов.

Этническая сегрегация объективно способствовала формированию неформальной иерархии воинских частей. Дивизиям с преобладанием уроженцев Кавказа отводилось в ней место после славянских по составу соединений. В документах периода обороны Кавказа нередко можно встретить запросы командармов вышестоящему командованию о выделении им соединений, укомплектованных именно славянами. Тем не менее избавиться от кавказского контингента в тех условиях было невозможно.

Также периодически возникали ограничения на укомплектование разного рода специальных воинских частей представителями кавказских национальностей. В период боев за Крым зимой и весной 1942 г. по инициативе представителя Ставки ВГК на Крымском фронте Л.З. Мехлиса уроженцы Кавказа заменялись на славян в таких подразделениях стрелковых полков, как автоматные, разведывательные, минометные, истребительно-противотанковые, заградительные[200]. В период обороны Кавказа уроженцы Кавказа не использовались в комплектовании горных отрядов и рот, частей морской пехоты[201].

В отличие от Закавказского фронта *Среднеазиатский военный округ* ко второму году войны сохранял достаточно большой запас годных к строевой службе военнообязанных запаса местных национальностей. Это было связано с особенностями расхода людских ресурсов в период мобилизации и первые месяцы войны. К началу войны на воинском учете состояло свыше 2 млн военнообязанных, из которых 493,2 тыс. человек (23,62%) являлись восточными славянами (русские, украинцы и белорусы), а 1594,8 тыс. человек представляли местные национальности (в том числе 400,3 тыс. казахов, 128,1 тыс. киргизов, 762,4 тыс. узбеков, 193,6 тыс. таджиков, 110,4 тыс. туркмен[202]). Структура ресурсов военнообязанных на-

---

[198] 77, 151, 236, 242, 261, 271, 276, 317, 319, 320, 328, 337, 349, 351-я стрелковые дивизии и 1, 16, 103-я стрелковые бригады.

[199] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 31. Л. 37.

[200] Там же. Ф. 215. Оп. 1199. Д. 9. Л. 4—6.

[201] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 99. Л. 134.

[202] *Сухарь М.Я.* Указ. соч. С. 230.

кануне войны в целом соответствовала структуре населения региона Средней Азии и Казахстана. Согласно переписи 1939 г. славянское население (русские, украинцы и белорусы) здесь составляло 4,52 млн человек из 16,63 млн человек, или 27,2%, а удельный вес коренных народов распределялся следующим образом: узбеков — 29%, казахов — 16,2%, таджиков — 7,5%, туркмен — 4,4%, киргизов — 5,9%[203].

Сопоставим эти данные с остатком ресурсов военнообязанных по состоянию на 1 октября 1942 г. На эту дату в САВО числилось 841,4 тыс. годных к строю военнообязанных запаса, из которых узбеков — 378,6 тыс. человек (45%), таджиков — 109,4 тыс. человек (13%), казахов — 92,5 тыс. человек (11%), туркмен — 54,7 тыс. человек (6,5%), киргизов — 50,5 тыс. человек (6%), а русских, украинцев и белорусов — лишь 84,1 тыс. человек (10%)[204]. Простое сравнение двух рядов цифр приводит к выводу о том, что в первый период войны расход военнообязанных восточнославянских национальностей в регионе происходил почти *в три раза быстрее*, чем представителей большинства местных этносов. Исключение составляли казахи, чей запас в удельном значении к осени 1942 г. также сократился, и киргизы, чей расход соответствовал их удельному весу среди населения. Однако темп призыва и тех и других все равно существенно отставал от расхода ресурсов военнообязанных граждан славянских национальностей.

Пик мобилизаций представителей коренных народов Средней Азии пришелся на 1942 г.: в войска Красной армии, а также на работу в промышленности было мобилизовано 1339 тыс. человек — это больше, чем за 1941 и 1943 гг., вместе взятые[205]. Осенью 1942 г. основная масса ресурсов призывников и военнообязанных запаса из САВО была переброшена для военной подготовки во внутренние военные округа (МВО, ПриВО, УрВО, ЮжУрВО). Они пополняли части Красной армии в течение 1943 г., благодаря чему к концу 1943 г. абсолютный и удельный вес народов Средней Азии достиг максимума за всю войну. Одновременно в 1943 г. интенсивность мобилизаций и формирований новых частей в САВО резко падает, что связано с исчерпанием основной массы пригодных для комплектования воинских частей ресурсов военнообязанных. Наглядно этот тезис иллюстрируют показатели формирования округом новых соединений: в течение 1941—1942 гг. в САВО было сформировано 24 стрелковые дивизии, 47 стрелковых бригад, 35 кавалерийских дивизий. А в 1943 г. — только одна стрелковая и две минометные бригады[206]. Представительство титульных народов Средней Азии в Красной армии отражено в таблице 33.

---

[203] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 99. Л. 164.
[204] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 163.
[205] Там же. Л. 294—295.
[206] Там же. Д. 199. Л. 167.

Таблица 33

Изменение удельного веса представителей народов Средней Азии в рядах Красной армии в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны

	Казахи		**Узбеки**		**Киргизы**		**Таджики**		**Туркмены**		**Всего**	
	В абс. цифрах	**В %**	**В абс. цифрах**	**В %**	**В абс. цифрах**	**В %**	**В абс. цифрах**	**В %**	**В абс. цифрах**	**В %**	**В абс. цифрах**	**В %**
Удельный вес по Всесоюзной переписи 1939 г.		1,83		2,84		0,5		0,72		0,48		6,37
На 1.01.1940	21 777	1,07	22 204	1,09	Н. д.	Н. д.	4152	0,2	5387	0,27	53 520	2,63
На 1.07.1940	50 372	1,39	67 679	1,87	11 462	0,32	12 435	0,34	10 682	0,3	152 630	4,22
На 1.01.1941	59 717	1,66	88 368	2,45	14 749	0,41	16 885	0,47	11 849	0,33	191 568	5,32
На 1.07.1942	184 753	1,9	123 476	1,27	27 391	0,28	18 464	0,19	22 946	0,24	377 030	3,88
На 1.01.1943	194 339	2,12	155 641	1,7	45 011	0,49	24 953	0,27	27 436	0,3	447 380	4,88
На 1.07.1943	219 445	1,9	265 336	2,3	53 166	0,46	55 929	0,48	48 560	0,42	642 436	5,56
На 1.01.1944	156 939	1,39	169 909	1,51	33 000	0,29	36 450	0,32	31 521	0,28	427 819	3,79
На 1.07.1944	124 109	1,04	121 422	1,01	23 180	0,19	26 057	0,22	23 021	0,19	317 789	2,65
На 1.01.1945	111 830	0,93	109 276	0,91	20 213	0,17	23 120	0,19	19 837	0,17	284 276	2,37

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

Сравнение таблиц 31 и 33 наглядно показывает расхождение пиков комплектования Красной армии двумя группами народов: если у закавказских этносов пиковые значения пришлись на первый период войны, то у среднеазиатских — на второй.

Другой особенностью использования контингентов из Закавказья и Средней Азии, которую позволяет выявить анализ статистических данных, является то, что в составе *действующих войск* их было заметно больше, чем в целом по Красной армии, а, в свою очередь, в действующих войсках они в большей степени были представлены среди *рядового состава*. Так, на 1 января 1943 г. их удельный вес в Красной армии в целом составлял 8,03%. Численность *действующих войск* в этот момент составляла 5105 тыс. человек, а численность представителей народов Закавказья и Средней Азии в них составляла 444,7 тыс. человек, или *8,71%* от списочного состава действующей армии. Среди *рядового состава действующих войск* удельный вес представителей народов Закавказья и Средней Азии был еще выше — *10,06%*[207] (1% численности Красной армии на тот момент равнялся приблизительно 91,5 тыс. человек). Эти данные свидетельствуют о том, что представителями закавказских и среднеазиатских национальностей преимущественно комплектовались стрелковые части. Объяснение этому следует искать в том, что основная масса призванных по мобилизации контингентов из числа коренных национальностей Закавказья и Средней Азии не имела опыта военной службы до войны, обладала низким образовательным цензом и проходила в учетных документах по военно-учетным специальностям (ВУС) «годные необученные» (ВУС-133) или «ограниченно годные (необученные)» (ВУС-134а). Исходя из этого освоение ими военно-учетной специальности стрелка (ВУС-1) было наименее сложным делом из десятков других специальностей рядового состава, как правило требовавших более высокой общеобразовательной подготовки и знания русского языка.

В подтверждение выдвинутого тезиса уместно обратиться к анализу объективного показателя, косвенно характеризующего интенсивность использования представителей различных этносов непосредственно в боевых действиях, а именно — к численности и удельному весу раненых и больных (именуемых в источниках *ранбольными*), находившихся на излечении в лечебных учреждениях. Уровень санитарных потерь среди уроженцев Закавказья и Средней Азии в среднем был выше, чем по Красной армии, поскольку стрелковые части несли самые высокие потери. Так, при общем количестве *ранбольных* на 1 января 1943 г. 620,2 тыс. человек, совокупная численность представителей народов Закавказья и Средней Азии составляла 72,7 тыс. человек, или *11,72%* от всего состава этой категории военнослужащих. Напомним, что их удельный вес среди военнослужащих составлял лишь 7,26%. По состоянию на 1 июля

[207] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29—48.

1943 г. на 676,0 тыс. *ранбольных* приходилось 76,7 тыс. представителей народов Закавказья и Средней Азии, или *11,35%*[208].

В таблице 34 сведены данные о санитарных потерях по состоянию на 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г. и 1 января 1944 г. в сравнении с данными Всесоюзной переписи 1939 г.

Таблица 34

Удельный вес представителей народов Закавказья и Средней Азии среди раненых, больных и личного состава стрелковых дивизий в 1943—1945 гг., в процентах

Национальности	Ранбольные по Красной армии в целом			Среди населения СССР по Всесоюзной переписи
	На 1.01.1943	На 1.07.1943	На 1.01.1944	На 17.01.1939
Армяне	1,37	1,47	1,14	1,26
Грузины	1,31	1,64	0,89	1,32
Азербайджанцы	1,31	1,12	1,13	1,33
Казахи	3,5	2,92	2,13	1,83
Узбеки	2,76	2,78	3,05	2,84
Киргизы	0,55	0,64	0,53	0,52
Таджики	0,42	0,43	0,68	0,72
Туркмены	0,51	0,34	0,53	0,48
Всего	11,73	11,34	10,08	10,30

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 57; *Артемьев А.П.* Указ. соч. С. 58.

6.4. Из последних сил: комплектование Красной армии после коренного перелома в Великой Отечественной войне (вторая половина 1943 г. — май 1945 г.)

Во второй половине 1943 г. существенно изменились подходы к комплектованию войск Красной армии, связанные с коренным изменением стратегической обстановки на фронтах. После Курского сражения началось грандиозное контрнаступление советских войск, результатом которого стало освобождение от оккупантов огромной территории страны. К регионам Северного Кавказа и Нижнего Дона, освобожденным в ходе зимне-весенней кампании 1942—1943 гг., добавились Левобережная Украина и центральные области РСФСР. Стратегический успех Красной армии стоил очень дорого: в ходе наступательных операций 1943 г. советские войска понесли тяжелые потери и содержались в большом некомплекте.

[208] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29—48.

Пропорционально стремительным темпам наступления советских войск рос контингент граждан, подлежавших призыву в Красную армию, согласно продолжавшему действовать приказу НКО № 089 от 9 февраля 1942 г.[209], определявшему упрощенный порядок призыва граждан в Красной армии на освобожденных территориях. В течение 1943 г. этот источник занимал все более важное место в системе комплектования Красной армии. Достаточно сказать, что из 3964 тыс. человек, поступивших на укомплектование действующей армии в течение 1943 г., более четверти (1004,1 тыс. человек) были призваны в освобожденных областях. Причем в отдельные месяцы (сентябрь—октябрь 1943 г.) число призванных этим способом исчислялось сотнями тысяч человек[210].

Произведенный еще в 1942 г. Главупраформом Красной армии расчет численности военнообязанных, оставшихся на оккупированной территории страны, позволял надеяться на весьма значительный годный к строевой службе контингент: ведь летом 1941 г. мобилизация в западных регионах страны не была завершена, а местами и не успела начаться. Например, мобилизация военнообязанных 1904—1890 гг. рождения, призыв новобранцев 1922, 1923 гг. рождения были объявлены уже после того, когда десятки западных областей Советского Союза были оккупированы противником. Осуществлявшийся в первые месяцы войны отвод призывников и военнообязанных вглубь страны также нельзя признать успешным. К 20 августа 1941 г., то есть ко времени, когда были полностью заняты врагом все прибалтийские республики, Молдавия, Белоруссия, значительная часть Правобережной Украины, с территории Ленинградского, Московского, Западного, Киевского особого, Харьковского, Одесского и Орловского военных округов было выведено лишь 234,7 тыс. мужчин 1922 г. рождения и старше[211].

Общее количество военнообязанных граждан, утраченных на оккупированных территориях, включая области РСФСР — Смоленскую, Ленинградскую (без г. Ленинград), Орловскую, Курскую, Ростовскую, — оценивалось Главупраформом огромной цифрой — 5631,6 тыс. человек[212]. Основная масса военнообязанных из этого количества приходилась на население шести союзных республик — Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР — 4994,1 тыс. человек (таблица 35). К этому числу следовало прибавить молодежь 1924 и 1925 гг. рождения, которая за время оккупации вступила в призывной возраст. На остальной территории страны она давно уже была использована. Осенью 1943 г. на неоккупированной территории страны готовились призвать молодежь 1926 г. В освобождаемых областях этот контингент тоже в

[209] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 3. Л. 150.
[210] Там же. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 359. Л. 3—4.
[211] Там же. Оп. 12216. Д. 16. Л. 21—22.
[212] Там же. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 410.

Таблица 35

Расчет утраченных ресурсов военнообязанных на временно занятой противником территории союзных республик СССР (оценка Главупраформа КА)

Военные округа или области	Не поднимавшиеся при первой мобилизации возрасты (1904—1895 гг. рождения)	Не поднимавшиеся старшие возрасты (1894—1890 гг. рождения)	Итого не поднимавшихся по мобилизации 15 старших возрастов (1904—1890 гг. рождения)	Необученные из числа поднятых по мобилизации возрастов (1921—1905 гг. рождения)	Призывники 1922 и 1923 гг. рождения	Не призванные по мобилизации из поднятых 12 возрастов (1905—1894 гг. рождения)	Итого
ПрибВО	284 454	33 283	317 737	40 107	—	453 000	810 844
ЗапОВО	496 554	137 049	633 603	148 810	106 699	—	889 112
КОВО	851 186	207 445	1 058 631	417 681	148 862	—	1 625 174
ОдВО	501 313	143 450	644 763	108 281	60 368	—	813 412
ХВО (искл. Сталинскую и Ворошиловградскую обл.)	316 840	89 218	406 058	37 472	197 071	—	603 129
Молдавская ССР	—	—	—	—	—	215 000	215 000
Итого	2 450 347	610 445	3 060 792	752 351	513 000	668 000	4 994 143

Составлено по: ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 411.

значительной мере сохранился. Разумеется, рассчитывать можно было только на часть этих людских ресурсов — за исключением естественной и насильственной убыли за период оккупации, отбраковки военкоматами по физическим и социально-политическим признакам, уклонения и дезертирства определенной части военнообязанных и необходимости забронирования за народным хозяйством и органами власти другой их части — и множества других причин, не являющихся предметом данного исследования. Тем не менее годный к военной службе остаток ресурсов военнообязанных в любом случае ожидался немалым.

По мере освобождения территории УССР особенно быстро рос удельный вес украинцев. 25 января 1944 г. было издано дополнявшее приказ НКО № 089-1942 постановление ГКО № 5026 «О мобилизации советских граждан в освобождаемых от немецкой оккупации районах Западной Украины и Западной Белоруссии». Мобилизации и призыву подлежало фактически все мужское население в трудоспособном возрасте более чем тридцати возрастов — с 1894 по 1926 гг. рождения[213]. Для приема и скорейшего военного обучения таких масс военнослужащих из Западной Украины и Западной Белоруссии в марте пришлось сформировать сразу четыре запасных бригады[214] в Киевском и Харьковском военных округах (постановление ГКО от 23 марта 1944 г. № 5460сс[215]), а также содержать временно сверх комплекта по 2500 человек еще 19 бригад[216].

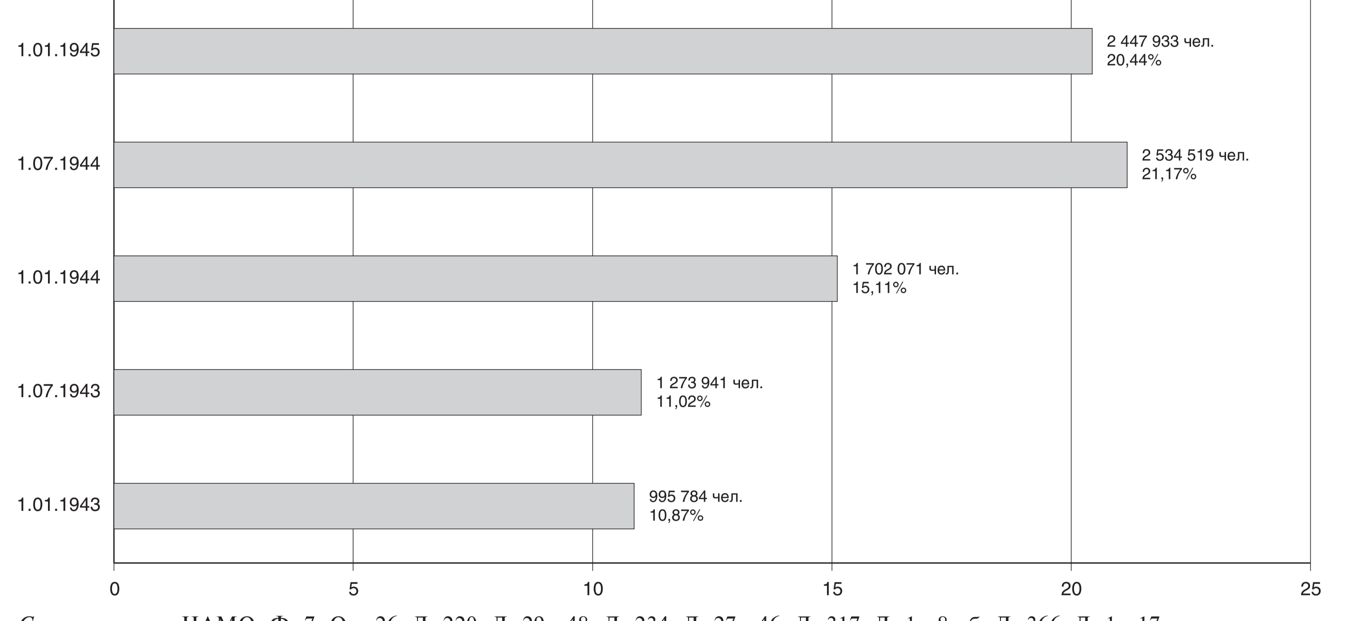
За полтора года — с 1 января 1943 г. до 1 июля 1944 г., когда была освобождена вся территория УССР, — удельный вес украинцев в рядах Красной армии вырос в 2 раза — с 10,87 до 21,17%[217]. Как видно из диаграммы 7, этот показатель к концу войны возвращается к традиционной пятой части от всего личного состава Красной армии, но при этом значительно выше стали темпы прироста абсолютного числа украинцев в Красной армии — с 995,8 тыс. человек в январе 1943 г. до 2534,5 тыс. человек в июле 1944 г. (прирост за полтора года составил *254%*)[218]. Для сравнения, общий рост списочной численности Красной армии за этот же период шел во много раз медленнее и составил лишь *9,1%* (с 10 966,6 тыс. человек до 11 962,3 тыс. человек)[219].

Удельный вес украинцев особенно высоким был в составе *действующих фронтов*, что свидетельствует о том, что они попадали в войска в основном в результате так называемых *войсковых мобилизаций*, осуществлявшихся фронтовыми и армейскими комплекту-

[213] Русский архив. Т. 17 (6). С. 263.
[214] 77, 80, 93 и 107-я запасные стрелковые бригады.
[215] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 225.
[216] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 708. Л. 52—53.
[217] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29—48; Д. 319. Л. 1.
[218] Подсчитано по: Там же.
[219] По данным ежемесячных сводок списочной численности КА Оргучетного управления ГОУ ГШ КА.

Диаграмма 7

Динамика численности украинских военнослужащих в рядах Красной армии с января 1943 г. по январь 1945 г. в абсолютных и относительных значениях

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об; Д. 366. Л. 1—17.

ющими органами непосредственно в прифронтовой полосе[220]. По данным Оргучетного управления Главного организационного управления Генерального штаба Красной армии, на 1 июля 1944 г. количество украинцев в составе действующих фронтов достигло 1,7 млн человек, а удельный вес составлял 23,3%, в то время как в составе недействующих фронтов и военных округов их удельный вес составлял 19,1%[221]. При этом в действующих фронтах в этот период существенно изменилось соотношение двух основных этнических групп военнослужащих — русских и украинцев. Если в целом по Красной армии оно составляло 3:1, то в действующих войсках — 2,72:1. Особенно высоким удельный вес украинцев был в составе 1, 2 и 3-го Украинских фронтов — там соотношение русских и украинцев составляло 1,5:1, 1,2:1 и 1,75:1 соответственно[222]. В ряде армий, сражавшихся на территории Украины, число украинцев значительно превысило число русских и достигало 50—80% личного состава[223]. Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57% украинцев, 35% русских, 0,8% белорусов, 1,3% татар, 1,5% евреев, 1,4% представителей народов Закавказья, 1,7% представителей народов Средней Азии и 1,3% других народов[224].

Об интенсивности использования украинцев на передовых позициях свидетельствует и такой объективный показатель, как их удельный вес среди раненых и больных в действующих фронтах. На 1 января 1945 г. на 492,5 тыс. раненых и больных приходилось 135,2 тыс. украинцев (27,5%), в то время как их удельный вес в войсках действующих фронтов не превышал 22%, а во всей Красной армии — 20,4%[225].

С учетом сказанного полезно обратиться к результатам исследования А.П. Артемьевым национального состава стрелковых дивизий, доведенного им до 1 января 1944 г. Проведенное им сравнение совокупных данных около двухсот соединений показало почти двукратный прирост численности украинцев всего за полгода — с июля

---

[220] Подробнее об этом см.: *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2009. Вип. 12. С. 103—112; *Она же.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. К., 2013. С. 77; *Она же.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941—1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943—1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19 (2). К., 2009. С. 129—139.

[221] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 319. Л. 1—16.

[222] Подсчитано по: Там же.

[223] Військове будівництво в Україні у XX столітті: Істороичний нарис, події, портрети. Киев, 2001. С. 196.

[224] ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4532. Д. 58. Л. 283.

[225] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 366. Л. 1—17.

1943 по январь 1944 г. (с 11,62% до 22,27%)[226]. Эти данные подтверждают сделанные выше наблюдения.

Кроме украинцев, в последний период войны в рядах Красной армии росла абсолютная и относительная численность еще пяти этносов, проживавших в западных областях Советского Союза, — белорусов, молдаван, латышей, литовцев и эстонцев, хотя их удельный вес был не столь велик, как украинцев. Наращивание численности этих этносов в рядах Красной армии так же, как и в случае с украинцами, коррелировало с продвижением советских войск на запад и соответствующим смещением акцентов в комплектовании (см. таблицу 36).

Таблица 36

Изменение удельного веса белорусов, молдаван, эстонцев, литовцев, латышей в рядах Красной армии в 1943—1945 гг., в процентах

Национальности	На 1.01.1943, чел.	Удельный вес в %	На 1.07.1943, чел.	Удельный вес в %	На 1.01.1944, чел.	Удельный вес в %	На 1.07.1944, чел.	Удельный вес в %	На 1.01.1945, чел.	Удельный вес в %
Белорусы	176 262	1,96	199 698	1,73	256 723	2,28	271 268	2,27	512 986	4,28
Молдаване	4170	0,05	5431	0,05	4970	0,04	82 345	0,69	189 018	1,58
Эстонцы	19 882	0,22	23 627	0,2	24 452	0,22	25 519	0,21	34 114	0,28
Латыши	8557	0,1	10 068	0,09	9611	0,09	6631	0,06	25 143	0,21
Литовцы	5373	0,06	5028	0,04	3812	0,03	3721	0,03	33 743	0,27
Всего	214 244	2,39	243 852	2,11	299 568	2,66	389 484	3,26	795 004	6,61

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 366. Л. 1—17.

Из таблицы видно, что совокупный рост численности пяти этносов, проживавших в западных регионах СССР, составил по сравнению с показателями 1943 г. трехкратную положительную динамику в относительных значениях и почти четырехкратную — в абсолютных. Анализ показывает, что резкий рост пришелся на последний период войны — со второй половины 1944 г., достигнув максимума в январе 1945 г. — *795 тыс. человек*, или *6,6%* списочной численности Красной армии. Особенно резко за два года войны выросла численность молдаван — в 31 раз в относительных значениях и в 45 раз в абсолютном!

По документам Главупраформа удалось выявить точную цифру мобилизованных с июня 1944 г. по 1 мая 1945 г. жителей западных областей Белоруссии и Украины, так называемых *западников* (в совокупности 638 672 человека), и Молдавской ССР (237 640 человек)[227]. По Латвийской ССР с августа 1944 г. до конца января 1945 г.

[226] *Артемьев А.П.* Указ. соч. С. 58.
[227] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 919. Л. 221—222.

удалось мобилизовать и направить в запасные полки 46 910 человек 1926—1908 гг. рождения[228]. В Эстонии эта цифра составила 14 472 человека. В Литве от начала мобилизации по 1 января 1945 г. было мобилизовано 66 146 человек, в том числе 41 501 литовец, 11 834 поляка[229]. Общее количество мобилизованных граждан, обычно относимых в источниках к *западникам*, с июня 1944 г. и до конца войны составляет **1 003 840 человек.**

Это хороший результат с учетом сопутствовавших моборганам организационных сложностей и особенностей контингента. Он многократно превзошел расчетные данные Главупраформа перед началом мобилизаций. Так, оценочная численность военнообязанных в западных областях Белоруссии составляла 60 тыс. человек, в западных областях Украины — 86 тыс. человек[230]. По расчету, сделанному 25 июля 1944 г., из Западной Белоруссии планировалось мобилизовать и отправить во внутренние военные округа 105 тыс. человек[231]. Оценка военнообязанного населения Молдавии двенадцати не поднятых по мобилизации в 1941 г. возрастов состовляла 215 тыс. человек[232].

Известные данные по использованию мобилизованных из Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии свидетельствуют о высокой востребованности людских ресурсов в этот период: маршевым пополнением было отправлено на фронт 503,4 тыс. человек, отправлено на укомплектование воинских частей — 172,3 тыс. человек, на работы в различные наркоматы — 48,7 тыс. человек Показателен факт того, что уже на 1 января 1945 г. остаток западных украинцев, белорусов и молдаван в запасных частях не превышал 70 тыс. человек[233]. Это означает, что указанный контингент проходил сокращенную военную подготовку и максимально быстро отправлялся на фронт. Мобилизации проводились волнами, вскоре после освобождения территории и носили сплошной характер. Так, в Западной Украине с марта по середину мая 1944 г. был осуществлен призыв в первых трех освобожденных областях Западной Украины (Ровенской, Волынской и Тарнопольской), где было призвано 181,1 тыс. человек[234]. С продвижением линии фронта на запад в середине августа началась мобилизация второй очереди во всех районах Львовской и в прикарпатских районах Станиславской, Дрогобычской и Тарнопольской областей[235].

---

[228] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 919. Л. 16.

[229] Там же. Л. 45.

[230] Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 31.

[231] Там же. Л. 30.

[232] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 411.

[233] Там же. Оп. 12236. Д. 919. Л. 221—222.

[234] НКВД—МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956): Сб. док-тов. М., 2008. С. 136.

[235] Там же. С. 137.

Диаграмма 8

Динамика численности русских военнослужащих в рядах Красной армии с июля 1943 г. по январь 1945 г. в абсолютных и относительных значениях

6 395 994 чел., 69,85%
8 104 749 чел., 70,2%
7 697 577 чел., 68,36%
7 659 340 чел., 63,98%
7 402 991 чел., 61,83%

1.01.1943
1.07.1943
1.01.1944
1.07.1944
1.01.1945

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 366. Л. 1—17.

Мобилизация в западных областях, помимо прямой задачи пополнения действующих войск, наряду с прямыми репрессиями, была призвана максимально сократить базу пополнения антисоветского подполья ОУН-УПА, которое тоже проводило правильно организованные мобилизации на тех же территориях[236]. Активные мобилизации всего мужского населения проводили и антисоветские силы в Белоруссии[237].

Последствием быстрого прироста численности украинцев, а затем белорусов, молдаван и жителей Прибалтики стало то, что *осенью 1943 г. стало возможным вообще отказаться от очередного призыва молодежи из Закавказья и Средней Азии* и предоставить им годичную отсрочку на оздоровительные мероприятия, допризывную подготовку и изучение русского языка (подробнее об этом — в следующем параграфе). Кроме того, подобно тому как в первый период войны опережающий прирост темпов призыва среди русских возместил потерю западных регионов страны, в последний период войны, напротив, резкий прирост численности украинцев, белорусов, молдаван и жителей Прибалтики сглаживал демографическую перегрузку русского мужского населения. На диаграмме 8 показана абсолютная и относительная динамика численности русских в войсках с начала 1943 г. по начало 1945 г.

Из данных диаграмм 6 и 8 и таблиц 31, 33 и 36 следует, что совокупный удельный вес русских, а также этносов, которые условно можно назвать «восточными» (титульные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик), в конце войны (к 1 января 1945 г.) сократился до 66,28% (еще 1 июля 1943 г. он составлял 78,73%), в то время как удельный вес этносов, которые условно можно назвать «западными» (украинцы, белорусы, молдаване, латыши, литовцы, эстонцы), вырос за этот же период более чем вдвое — с 13,1% до 27,05%[238].

* * *

Достигнутые объемы мобилизованных в западных регионах СССР давались нелегко. По мере продвижения Красной армии на запад страны выполнение нарядов на мобилизацию освобождаемого населения становилось все более сложным делом. Мобилизационные мероприятия в западных областях Украины и Белоруссии, в Молдавии, Латвии, Литве, Эстонии проходили, выражаясь языком оперативных сводок, «в обстановке активного противодействия со стороны националистических банд»[239].

Летом 1944 г. территория Западной Украины (в основном она была включена в состав образованного в мае 1944 г. Львовского во-

---

236 НКВД—МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 159.
237 Там же. С. 162.
238 Подсчитано по: Там же.
239 ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 7.

енного округа) являлась прифронтовой зоной и была плотно насыщена войсками. В сентябре—октябре 1944 г. линия фронта значительно отодвинулась на запад, однако на территории Львовского военного округа оставались крупные войсковые соединения, выведенные в резерв Ставки Верховного главнокомандования и фронтов. Все это время армейские части активно привлекались не только в помощь войскам НКВД в борьбе с вооруженным антисоветским повстанчеством, но и оказывали содействие военкоматам в их мобилизационной работе. Само по себе нахождение на территории Западной Украины большого количества советских войск способствовало успеху мобилизации. Как отмечал в своем докладе 7 декабря 1944 г. начальнику Главупраформа Красной армии генерал-полковнику И.В. Смородинову командующий войсками ЛВО генерал-лейтенант И.К. Смирнов, «для ускорения мобилизации и насильственного изъятия уклоняющихся от призыва 1-м Украинским и 4-м Украинским фронтами в помощь военкоматам было выделено несколько тысяч вооруженных бойцов, сержантов и офицеров. С их помощью райвоенкомы проводили облавы с одновременным охватом (полным оцеплением) нескольких населенных пунктов и сплошным прочесыванием крупных лесных массивов». В связи с проведением мобилизации и «для уничтожения бандитских отрядов выделялись целые части с артиллерией, бронеавтомобилями и танками. После проведения одной из таких операций силами частей 1-го Украинского фронта в Яворовских лесах (Львовская область) ранее резко отстававшие Краковецкий, Яворовский, Яновский райвоенкоматы в течение нескольких дней в основном закончили мобилизацию молодых возрастов», — подчеркивал Смирнов[240].

К началу зимы 1944/45 г. ситуация осложнилась. По мере отдаления линии фронта от западноукраинских областей значительно сократилась насыщенность территории войсками, что способствовало быстрой активизации и росту националистического антисоветского повстанческого движения ОУН-УПА, хотя крупные их соединения уже были разбиты. В отдельных районах Прикарпатья советская власть пала или была полностью парализована (Жабьевский, Яримчанский, Солотвинский, Косовский и другие районы Станиславской области). В боестолкновениях с повстанцами военкоматы ЛВО потеряли без малого 48 офицеров.

Осложнение обстановки в местах комплектования повлекло ужесточение нормативной базы в отношении призываемого на освобожденных территориях населения. Постановление ГКО от 4 ноября 1944 г. № 6884с и постановление СНК СССР № 30-12 от 6 января 1945 г. установили порядок проверки советских военнослужащих, освобождаемых из плена. Аналогичный порядок был распространен и на гражданских лиц военнообязанных возрастов. Прежде всего это

[240] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 13—14.

касалось лиц нерусских национальностей с освобождаемых в конце войны территорий. Совместным распоряжением заместителя наркома обороны — начальника тыла Красной армии генерала армии А.В. Хрулева и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова от 18 января 1945 г. № 1/1240646с предписывалось таких граждан направлять во фронтовые пересыльные пункты или пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР, откуда после проверки военнообязанных и бывших военнослужащих, не вызвавших подозрения и признанных годными к строевой службе в Красной армии, передавать во фронтовые запасные части и запасные части военных округов[241]. Негодные к военной службе и граждане непризывных возрастов возвращались по месту жительства. Лица, служившие в немецкой армии, власовцы, полицейские и т. п., а также все советские офицеры, находившиеся в плену, направлялись в спецлагеря НКВД[242]. Таким образом, полностью победила позиция НКВД, требовавшего поставить заслон бесконтрольному потоку пополнений с освобожденных западных областей СССР в порядке приказа НКО № 089-1942.

Мобилизация граждан старших возрастов, проходившая в западных регионах Украины в ноябре—декабре 1944 г., осуществлялась значительно сложнее, чем мобилизация призывной молодежи, проходившая там же ранее, в августе—сентябре 1944 г. 17 декабря 1944 г. командующий войсками Львовского военного округа генерал-лейтенант И.К. Смирнов докладывал в Главупраформ о ходе мобилизации военнообязанных запаса русских и украинцев возрастов с 1900 по 1927 г. рождения. По его данным, по семи облвоенкоматам (Волынский, Дрогобычский, Львовский, Ровенский, Станиславский, Тарнопольский, Черновицкий) явилось подлежавших призыву военнообязанных 33 896 человек, в то время как 20 774 человека (или 37,1%) уклонились от призыва[243]. В Станиславском облвоенкомате цифра уклонистов достигала 73,5%. Добровольцев уже практически не было. В отношении оставшихся граждан Смирнов докладывал начальнику Главупраформа, что «остались только контингенты военнообязанных, которые приходится брать лишь силой, путем неоднократных облав и вылавливания уклоняющихся...»[244]. В связи с этим командующий войсками округа запрашивал «немедленную помощь военкоматам вооруженной силой» в количестве «*двух-трех стрелковых дивизий*» (выделено мной. — *Авт.*), иначе наряды на мобилизацию выполнить было невозможно[245]. Имевшиеся в округе воинские части (63-й и 64-й учебные стрелковые полки, 43-я запасная стрелковая дивизия), по словам Смирнова, были полностью заняты в конвоировании мо-

---

[241] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 34.
[242] Там же. Ф. 33. Оп. 11477. Д. 90. Л. 22.
[243] Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 13—14.
[244] Там же.
[245] Там же. Л. 8, 17.

билизованных до областных сборных пунктов и охране на железных дорогах.

Командованию округа пришлось прибегать к хитрости для выполнения наряда. Например, молодежь 1927 г. рождения первоначально была вызвана на учебные сборы, по окончании которых, без роспуска по домам, сразу же призвана (таким образом удалось собрать 9596 призывников)[246].

Однако было бы неправильно считать, что население Западной Украины все как один уклонялось от мобилизации, проявляя тем самым нелояльность советской власти и Красной армии. Достаточно широким было и добровольческое движение. Так, в декабре 1944 г. 4-й Украинский фронт сообщал о принятых 11 тыс. добровольцах и об ожидаемом приеме еще 13—15 тыс. добровольцев из числа жителей Закарпатской Украины[247].

С учетом всего сказанного вполне понятно, что войсковое командование не было довольно поступающим пополнением. К тому же вновь актуальной стала языковая проблема. Без малого 182,8 тыс. мобилизованных (около 20,78%) из числа западных украинцев, белорусов и особенно молдаван не владели русским языком[248]. В мае 1944 г. командующий войсками 2-го Украинского фронта докладывал И.В. Сталину: «За весь период наступательных операций фронт производит укомплектование дивизий исключительно за счет освобожденной территории. Кадры дивизий разжижались местным пополнением, боевые качества которого неудовлетворительны, в политическом отношении малоустойчивы»[249]. Как это случалось в первый период войны с пополнением из Закавказья и Средней Азии, командующий запрашивал замену 63 тыс. человек местного пополнения (в данном случае речь шла о молдаванах) на 40 тыс. человек «из числа обученных и призванных на территории Центральной России и Сибири»[250].

Серьезные трудности возникли в *прибалтийских советских республиках*. Кадры уездных военкоматов для них формировались заранее, еще до освобождения уездов и городов. Они вступали на освобожденную территорию одновременно с частями Красной армии и сразу же разворачивали регистрацию военнообязанных запаса с выдачей на руки гражданам документов воинского учета. Работы по проведению мобилизации граждан мужского пола возрастом до 35 лет были начаты с подворных обходов и составления списков силами офицерского состава городских, уездных военных комиссариатов и партийно-советского актива. Так, в Литовской ССР на списочный учет было взято 187 725 человек. Каждому учтенному

---

[246] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 17.
[247] Там же. Л. 12—13.
[248] Там же.
[249] Цит. по: *Шабаев А.А., Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 91.
[250] Цит. по: Там же.

выписывались повестки о явке их на мобилизационные пункты с указанием сроков и мест явки.

Как и в Западной Украине, военно-учетные и мобилизационные мероприятия встречали противодействие значительной части местного населения, нелояльного советской власти. В Литве явилось на мобилизационные пункты 136 025 человек, а не явилось — 51 700 человек. Основной причиной этого в итоговом докладе Литовского республиканского военкомата была названа «вражеская работа и запугивание со стороны антисоветских элементов»[251]. На деле же органы комплектования не были способны в краткие сроки «переварить» столь значительный контингент. В случае с литовцами это было наиболее очевидно. Для военной подготовки масс мобилизованных 2-й отдельный литовский запасный стрелковый батальон, ранее обслуживавший пополнениями только одну национальную литовскую дивизию, в сентябре 1944 г. был развернут сразу в запасную дивизию на 25 тыс. человек переменного состава. Причем число офицеров оставалось прежним и теперь составляло лишь 15—20% от всего начальствующего состава. Остальные офицеры литовского языка не знали. Положение стало значительно сложнее, когда по настойчивой просьбе ЦК КП(б) Литвы уже во второй половине октября дивизию передислоцировали из Смоленска в Литву. Ее расположили в трех уездах, не обеспечив необходимой инфраструктуры, не создав надлежащих бытовых условий для красноармейцев, в результате чего в дивизии отмечались стопроцентная вшивость, эпидемии чесотки и брюшного тифа. В результате и без того не горевшие желанием воевать в составе Красной армии литовцы дезертировали сотнями, поодиночке и группами. Расположение запасных частей в местах разлагающе сказывалось на дисциплине. Часто приезжали родственники и склоняли мобилизованных к побегу[252].

Непроработанной оказалась и система приема людских ресурсов органами местного военного управления, которые только налаживали свою работу. Километры, а нередко — десятки километров расстояния из уездвоенкоматов до пересыльных пунктов мобилизованные преодолевали пешком. В связи с несвоевременной подачей подвижного состава и скученностью мобилизованных сверх нормы среди них развивались болезни и завшивленность.

И нельзя забывать, что описанные проблемы с комплектованием войск Красной армии развивались в крайне напряженной обстановке (не только в Литве), когда значительная часть местного населения не поддерживала прихода Красной армии и уходила на нелегальное положение в леса. Срыв мобилизации в советские войска являлся одной из главных задач, которую ставило перед собой организованное антисоветское сопротивление. Было немало свиде-

---

[251] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 207. Л. 61.

[252] НКВД—МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 222—223.

тельств тому, как во время движения колонн «бандитские группы разгоняют сопровождающий состав, а мобилизованным под страхом угроз приказывают разойтись по домам и не являться в уездвоенкоматы»[253]. В результате только на Вильнюсский пересыльный пункт из трех уездов не явилось 3352 человека.

В январе 1945 г. начальник Главупраформа генерал-полковник Смородинов в категорической форме потребовал ускорить работу по «проверке и выявлению не призванных еще в армию ресурсов военнообязанных запаса в возрасте до 35 лет»[254]. В ответ 20 января 1945 г. латвийский республиканский военный комиссар генерал-майор В.А. Малаховский доносил, что молодого мужского населения в Латвии почти не осталось, поскольку «немцам удалось призвать значительную часть молодых возрастов... и угнать в Германию часть населения, и многих уничтожить»[255]. Имелось множество уклонистов (на каждый уездный военкомат таковых числилось от 100 до 400 человек[256]). Кроме того, не было точных учетных сведений о количестве населения. Самые предварительные оценки показывали, что население республики за годы войны резко сократилось. Паспортизация граждан проводилась до конца января 1945 г.

К декабрю 1944 г. военные комиссариаты прибалтийских республик при поддержке партийно-советских органов и органов внутренних дел в основном наладили систему воинского учета, бронирования и разбронирования, отработали мобилизационные мероприятия, борьбу с дезертирством и уклонением от службы, организовали лечебно-оздоровительные мероприятия для нуждающихся, наладили гособеспечение семей военнослужащих и т. д. Для борьбы с дезертирством и уклонением от службы в волостях создавались истребительные отряды и делался упор на советский актив и семьи призванных в Красную армию[257]. Шло выявление лиц, служивших в немецкой армии, которые передавались в распоряжение НКВД. Только по Эстонии таковых было выявлено 5324 человека[258]. В то же время общей для всех прибалтийских военкоматов стала неопытность начальствующего состава, вследствие чего специальные мероприятия по постановке на учет военнообязанного населения и каждодневный планомерный учет и изучение контингентов военнообязанных велись слабо, с многочисленными недочетами и упущениями. Например, было установлено, что военкоматами в числе призванных военнообязанных запаса направлено до 2 тыс. эстонцев, ранее служивших в немецкой армии, что категорически не допускалось.

---

[253] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 207. Л. 62.
[254] Там же. Л. 6.
[255] Там же. Л. 7.
[256] Там же. Л. 21.
[257] Там же. Л. 23.
[258] Там же. Л. 30.

Отдельной проблемой на исходе войны стала мобилизация призывников и военнообязанных *польской* национальности. В связи с развертыванием в течение 1944 г. Войска Польского всех поляков надлежало направлять только в польские части. В случае отправки таковых в части Красной армии ошибка, как правило, исправлялась. В западнобелорусских и западноукраинских областях нередкой проблемой была этническая идентификация мобилизуемых контингентов. Некоторые военкоматы (например, Молодеченской и Барановичской областей Белорусской ССР), стремясь выполнить наряд на пополнение в Красную армию, набирали граждан польской национальности, оформляя их белорусами, отправляли в запасные части. Между тем большинство поляков отказывались служить в Красной армии и требовали отправки в Войско Польское. Находясь уже в запасных частях, они выражали свой протест тем, что «не берут оружия, не выходят на занятия и отказываются принимать военную присягу»[259]. При этом, как отмечал в своем политдонесении начальнику Главного политуправления РККА генерал-полковнику С.А. Щербакову заместитель начальника Политуправления Белорусско-Литовского военного округа подполковник Чистогов, «значительная часть пополнения польской национальности заражена реакционно-националистической пропагандой»[260]. В их среде считалось, что Польша как государство будет восстановлена в довоенных границах, что Красная армия в борьбе с немцами ослабится и тогда можно будет изгнать ее из страны. Если ситуация доходила до конфликта и поляки ультимативно требовали отчислить их из Красной армии, то, по специальному указанию Главупраформа, они изымались «из запасных частей округа и направлялись на лесозаготовки»[261].

В связи с набором граждан в польскую армию немалое число белорусов и украинцев выдавали себя за поляков[262]. Поэтому на местах приходилось создавать специальные комиссии районного масштаба, в которые включались представители райвоенкоматов, райисполкомов и райкомов партии. Пользуясь поселковыми книгами, паспортами и другими документами, они устанавливали действительную национальность местных жителей. При этом, как отмечалось в одном из докладов командующего войсками Белорусско-Литовского военного округа генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева в феврале 1945 г., в этой работе в первую очередь «обращалось внимание не на вероисповедание (так как и настоящие белорусы имеют католическое вероисповедание), а на оседлость, быт, где родился и где проживал сам призывник и его семья»[263]. При этом, по крайней мере декларативно, при отсутствии у призывника необходимых для опре-

[259] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 207. Л. 163.
[260] Там же.
[261] Там же. Д. 208. Л. 165.
[262] Там же. Л. 164.
[263] Там же. Д. 205. Л. 67.

деления национальности документов, комиссии руководствовались личным заявлением призываемых о национальности и «никаких мер... стесняющих военнообязанных в определении их национальности, не применялось»[264].

* * *

Кроме титульных народов союзных республик СССР, стоит отметить еще несколько групп этносов, в основном населявших РСФСР: тюркских и финно-угорских народов, относимых обычно к народам Поволжья (татары, башкиры, чуваши, удмурты, мордвины, марийцы), а также евреев. В комплектовании ими войск Красной армии есть общие черты. Динамика их представительства в рядах Красной армии отражена в таблице 37. Сведенные воедино статистические данные свидетельствуют о том, что наибольшее представительство в абсолютных и относительных значениях имели татары, евреи, также чуваши и мордвины. Совокупный удельный вес представителей этих четырех этносов в первый период войны (к 1 июля 1942 г.) составлял 6,14% от списочной численности Красной армии, а в конце войны (на 1 января 1945 г.) — 4,72%[265].

Данные таблицы 37 позволяют сделать вывод, что у этой группы этносов представительство в рядах Красной армии на разных этапах Великой Отечественной войны всегда было близко к усредненному демографическому показателю — удельному весу среди населения Советского Союза по Всесоюзной переписи 1939 г.

Все эти народы (за исключением карелов и, частично, евреев) проживали в глубоком тылу, территории их расселения не подвергались оккупации врагом. Они не испытали постоянного демографического стресса, подобно русским, резких временных демографических перегрузок, как украинцы, белорусы или молдаване. В их отношении государством не осуществлялись тотальные репрессивные акции. Представители этих народов в массе своей обрусели и не имели проблем общения на русском языке. В связи с этим они не нуждались в особых формах комплектования в виде национальных формирований или национального квотирования. В основном они поступали на комплектование обычных частей Красной армии общим порядком. Этим следует объяснять достаточно равномерное распределение демографической нагрузки на эти народы на протяжении всей войны.

Если применить к указанной группе этносов тот же подход, что и к населению западных областей СССР, народам Закавказья и Средней Азии, и дополнительно проанализировать их удельный вес в стрелковых соединениях, а также среди раненых и больных, то

[264] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 67.

[265] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 366. Л. 1—17.

Таблица 37

Численность и удельный вес тюркских, финно-угорских народов РСФСР и евреев в рядах Красной армии в годы Великой Отечественной войны

	На 1.01.41	Удельный вес в %	На 1.07.42	Удельный вес в %	На 1.01.43	Удельный вес в %	На 1.07.43	Удельный вес в %	На 1.01.44	Удельный вес в %	На 1.07.44	Удельный вес в %	На 1.01.45	Удельный вес в %	Удельный вес по Всесоюзной переписи 1939 г.
Татары	71 702	1,99	243 039	2,49	229 196	2,55	276 422	2,39	243 157	2,16	217 438	1,82	222 736	1,86	2,53
Чуваши	28 970	0,8	92 413	0,95	80 485	0,89	91 420	0,79	80 232	0,71	74 662	0,62	74 088	0,62	0,8
Мордвины	25 341	0,7	85 251	0,87	80 557	0,9	92 211	0,8	80 322	0,71	76 842	0,64	73 628	0,61	0,85
Марийцы	8700	0,24	33 182	0,34	27 826	0,31	31 074	0,27	26 409	0,23	24 324	0,2	23 147	0,19	0,28
Удмурты	10 101	0,28	33 439	0,34	34 087	0,38	34 764	0,3	29 392	0,26	26 469	0,22	25 416	0,21	0,36
Башкиры	14 301	0,37	45 556	0,47	40 368	0,45	49 322	0,43	41 323	0,37	38 784	0,32	35 387	0,3	0,49
Буряты	3438	0,1	17 028	0,17	16 774	0,19	18 983	0,16	16 142	0,14	14 974	0,13	15 210	0,13	0,18
Коми	7592	0,21	22 411	0,23	25 013	0,28	24 693	0,21	21 505	0,19	19 816	0,15	17 543	0,15	0,25
Евреи	66 279	1,84	178 152	1,83	172 118	1,91	208 925	1,8	196 576	1,74	201 039	1,68	195 273	1,63	1,78
Карелы	5617	0,16	11 488	0,12	11 585	0,13	12 927	0,11	12 146	0,11	10 714	0,09	11 595	0,1	0,15
ВСЕГО	242 041	6,69	761 959	7,81	718 009	7,99	840 741	7,26	747 204	6,62	705 062	5,87	694 023	5,8	7,67

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

выяснится тенденция к снижению их удельного веса в последний период войны (таблица 38). Как и в случае с русскими, их сокращение компенсировалось ростом представительства «западных» народов (украинцев, белорусов, молдаван, уроженцев Прибалтики).

Таблица 38

Изменение удельного веса тюркских и финно-угорских народов РСФСР, а также евреев среди раненых, больных и среди личного состава стрелковых дивизий в 1943—1945 гг., в процентах

Национальности	Ранбольные по Красной армии в целом			В стрелковых соединениях (по А.П. Артемьеву)			Среди населения на 1939 г.
	1.01.1943	1.07.1943	1.01.1944	1.01.1943	1.07.1943	1.01.1944	17.01.1939
Татары	3,0	2,66	2,41	2,69	2,58	1,83	2,53
Чуваши	1,0	0,78	0,64	0,90	0,79	0,58	0,8
Мордвины	0,78	0,62	0,52	0,95	0,82	0,62	0,85
Марийцы	0,35	0,27	0,21	0,31	0,28	0,19	0,28
Удмурты	0,4	0,32	0,22	0,30	0,28	0,20	0,36
Башкиры	0,58	0,46	0,44	0,60	0,57	0,35	0,49
Буряты	0,09	0,11	0,06	0,14	0,14	0,09	0,18
Коми	0,24	0,12	0,13	0,20	0,16	0,14	0,25
Карелы	0,12	0,12	0,08	0,12	0,08	0,06	0,15
Евреи	1,23	1,47	1,19	1,50	1,35	1,28	1,78
Всего	7,79	6,93	5,9	7,71	7,05	5,34	7,67

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

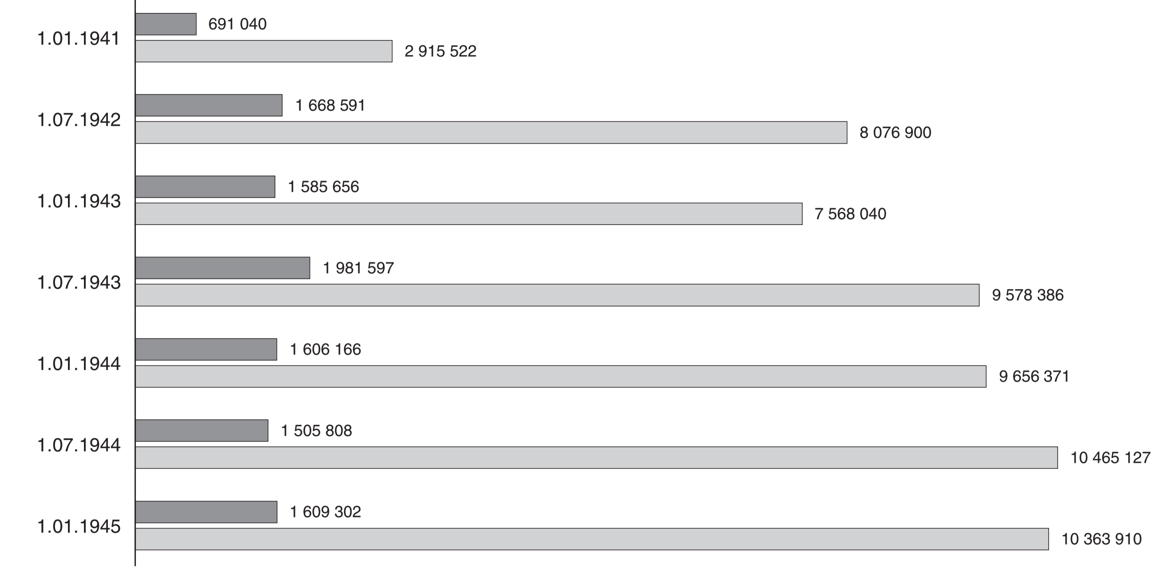
Исследование показало, что руководство Советского Союза и его Вооруженных Сил в течение всей Великой Отечественной войны предпринимало чрезвычайные усилия для обеспечения непрерывного потока пополнений для частей Красной армии. Изыскание людских ресурсов, пригодных для укомплектования войск, имело свой этнонациональный аспект, который учитывался при комплектовании войск.

* * *

Подводя итог анализу использования народов СССР в комплектовании частей Красной армии, следует подчеркнуть, что в целом, несмотря на достаточно сильные колебания между представителями различных национальностей, основу Красной армии неизменно составляли русский, украинский и белорусский этносы. На диаграмме 9 показано, что единовременная численность всех *неславян* в составе Красной армии в годы войны колебалась в пределах полутора—двух миллионов человек, что составляло в относительных величинах от 12,6 до 17,3% всего личного состава Красной армии.

Диаграмма 9

Соотношение славян и неславян в рядах Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны

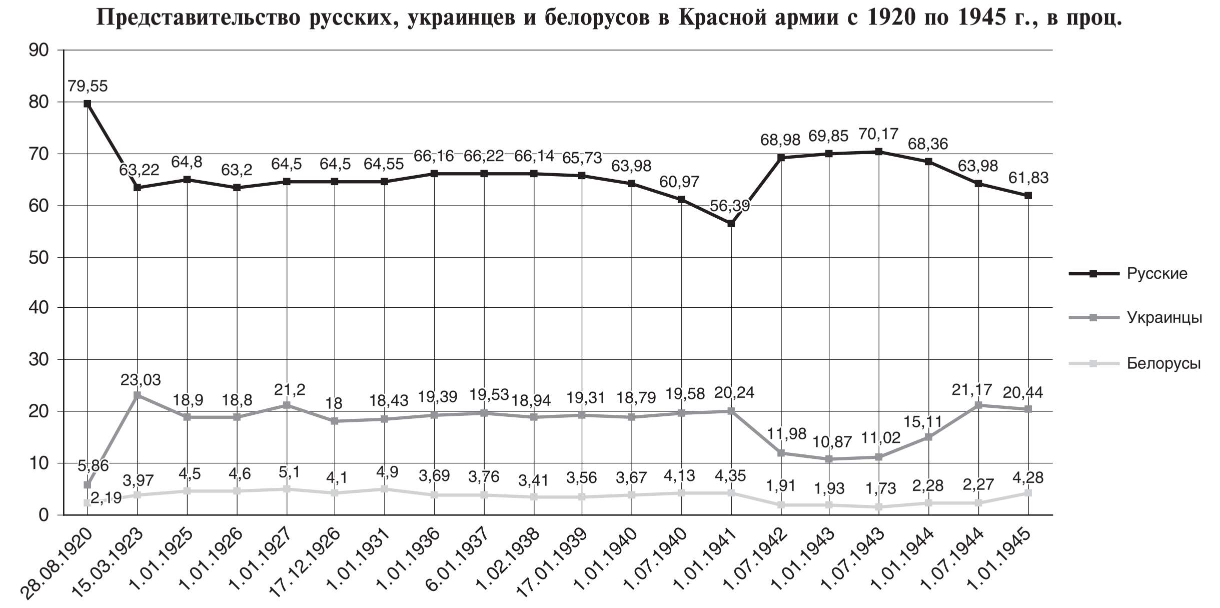

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35, 194, 199; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 319. Л. 1—16; Д. 366. Л. 1—17.

Диаграмма 10

Представительство русских, украинцев и белорусов в Красной армии с 1920 по 1945 г., в проц.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3; Д. 17. Л. 7—117; Д. 87. Л. 1—39; Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2, 5; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21. Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. Вып. 3. С. 1—19; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925. С. 43; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы: Документы и материалы. М., 2007. С. 48.

Если взглянуть на картину представительства в рядах Красной армии трех восточнославянских народов шире — с начала 1920-х гг., — то становится очевидным, что в течение большей части изучаемого периода их удельный вес был фактически константой, варьируясь в узких рамках — от 86 до 89% (см. таблицу 39 и диаграмму 10). Существенное сокращение их представительства наблюдалось лишь перед Великой Отечественной войной (в связи с многократным приростом призыва в армию неславянских народов) и в первые два года войны (в связи с резким сокращением призыва украинцев и белорусов). Лишь в эти периоды удельный вес восточных славян в армейских рядах несколько приближался к их совокупному удельному весу среди населения (около 78%), однако все остальное время он существенно превышал этот уровень[266]. В то же время в период войн (Гражданской и Великой Отечественной) в зависимости от конкретно-исторических условий демографическая нагрузка существенно перераспределялась между восточнославянскими народами.

Таблица 39

Представительство русских, украинцев и белорусов в Красной армии с 1920 по 1945 г., в процентах

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Всего восточных славян
На 28.08.1920 (по военной переписи)	78,61	5,86	2,17	86,64
На 15.03.1923 (по военной переписи)	63,22	23,03	3,97	90,22
На 1.01.1925	64,8	18,9	4,5	88,2
На 1.01.1926	63,2	18,8	4,6	86,6
На 17.12.1926 (по военной переписи)	64,5	18,0	4,1	86,6
Среди населения по Всесоюзной переписи 17.12.1926	***52,9***	***21,2***	***3,2***	***77,3***
На 1.01.1931	64,55	18,43	4,9	87,88
На 1.01.1936	66,16	19,39	3,69	89,24
На 6.01.1937 (по военной переписи)	66,22	19,53	3,76	89,51
На 1.02.1938	66,14	18,94	3,41	88,49
На 17.01.1939 (по военной переписи)	66,22	18,98	3,64	88,84
Среди населения по Всесоюзной переписи 17.01.1939	***58,39***	***16,49***	***3,1***	***77,97***

[266] До революции также отмечался не менее чем десятипроцентный разрыв между удельным весом русских (великороссов, малороссов, белорусов) по Всероссийской переписи 1897 г. (66,06%) и их представительством в армии (76,76% среди нижних чинов и 85,8% среди офицеров по данным за 1910 г.). *Источники*: Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. СПб., 1913. С. 172—173; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Табл. XIII. «Распределение населения по родному языку».

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Всего восточных славян
На 1.01.1940	63,98	18,79	3,67	86,44
На 1.07.1940	60,97	19,58	4,13	84,68
На 1.01.1941	56,39	20,24	4,35	80,98
На 1.07.1942	68,98	11,98	1,91	82,87
На 1.01.1943	69,85	10,87	1,93	82,68
На 1.07.1943	70,17	11,02	1,73	82,92
На 1.01.1944	68,36	15,11	2,28	85,75
На 1.07.1944	63,98	21,17	2,27	87,42
На 1.01.1945	61,83	20,44	4,28	86,55

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 167. Л. 2, 5; Д. 114. Л. 2; Д. 87. Л. 1—39; Д. 3. Л. 3; Д. 17. Л. 7—117; *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Указ. соч. С. 86—88; Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 57; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. Вып. 3. С. 1—19; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925. С. 43.

6.5. Отрицательный отбор: запреты и ограничения в комплектовании Красной армии по этническому признаку в годы Великой Отечественной войны

До сих пор речь шла о, что называется, позитивном аспекте усилий органов государственного и военного управления, направленных на *максимально возможное вовлечение народов СССР в вооруженную борьбу с врагом*. Однако была и противоположная по смыслу и содержанию деятельность органов власти и военного управления, целью которой было, напротив, *ограничить или вовсе прекратить поступление в ряды войск представителей тех или иных этносов*.

Если в первом случае решалась задача *массовости* и *непрерывности* потока людских пополнений, то во втором, напротив, вооруженные силы целенаправленно *лишались* части людских ресурсов. В данном случае органами государственного и военного управления преследовалась иная цель: путем отсева части военнослужащих и ограничения призыва в отношении этносов, по тем или иным характеристикам считавшихся непригодными для военной службы в рядах Красной армии, *повысить моральные* и *боевые качества* войск.

Исследование документальной базы позволяет классифицировать ограничения на комплектование войск по этническому признаку на две большие категории — во-первых, по политическим причинам и, во-вторых, в связи с культурно-языковыми особенностями национальных контингентов.

Ограничения по политическим причинам вызывались реальной или мнимой нелояльностью советской власти со стороны представителей ряда этносов (выражающейся в антисоветском повстанческом

движении, уклонении от призыва и мобилизации) или компрометирующим этническим родством с народами, представлявшими враждебные Советскому Союзу государства. Политические критерии при допуске этносов в ряды Красной армии широко применялись и в довоенный период. Они не являлись догмой и использовались довольно гибко, в зависимости от колебаний внутренней и внешней политики государства. В годы Великой Отечественной войны эта тенденция продолжилась: перечень непризываемых народов корректировался и уточнялся в соответствии с обстановкой на фронте и реальной социально-политической ситуацией в национальных регионах СССР. Эти меры носили превентивный, внесудебный и всеобщий (то есть единый для представителя одного этноса) характер.

За годы войны сформировался корпус руководящих документов по ограничению приема в Красную армию граждан СССР по этническому признаку. Это — имевшие совершенно секретный гриф постановления ГКО и приказы НКО, а также директивы начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии, ограничивавшие призыв и мобилизацию на военную службу значительному числу народов СССР, среди которых были представители этносов, *воюющих* с СССР, народов, относимых к *родственным* с воюющими с СССР, а также народов, чье отношение к советской власти в условиях войны было сочтено *предательским*.

В первые месяцы Великой Отечественной войны очередные призывы и мобилизации граждан осуществлялись без ограничений по этническому признаку. Таковы были: первый после начала войны очередной призыв граждан 1922 и 1923 гг. рождения, объявленный 15 сентября 1941 г. (постановление ГКО № 675с[267] и приказ НКО № 0355[268]), а также эвакуационные призывы граждан 1904—1895 гг. рождения и новобранцев 1922 и 1923 гг. рождения, осуществлявшиеся с августа по октябрь 1941 г. в угрожаемых оккупацией областях УССР и РСФСР (постановления ГКО № 452сс от 10 августа, 459сс от 11 августа, 488сс от 15 августа, 506сс от 18 августа, 585сс от 28 августа, 763сс от 11 октября, 807сс от 16 октября, 836сс от 25 октября 1941 г.[269]).

Однако одновременно с призывами и мобилизациями в войсках разворачивались чистки от представителей «неблагонадежных» народов. Уже 22 июля 1941 г. директивой НКО № 090 было предписано: «Очистить все части от *сомнительных людей* (курсив мой. — *Авт.*), учтя при этом, что среди призванных в западных областях Украины, Белоруссии, а также среди призванных в Молдавии, Буковине и Прибалтике оказалось значительное число изменников»[270].

---

[267] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151—153; Д. 7. Л. 16, 70; Д. 8. Л. 34; Д. 9. Л. 127—129; Д. 12. Л. 78, 162, 197—198.

[268] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 178, 353.

[269] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151—153.

[270] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 182.

Недвусмысленно и публично (путем оглашения в печатной прессе) репрессивная мотивация власти была артикулирована лишь однажды, когда одними из первых в начале войны были «наказаны» советские немцы. Характерный ход мысли высшего руководства страны демонстрирует указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о выселении немцев Поволжья из мест традиционного проживания и ликвидации государственной автономии советских немцев. Здесь безапелляционно было заявлено, что, «по достоверным данным», среди них «имеются *тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов* (курсив мой. — *Авт.*), которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы». Однако, указывалось в документе, остальное население из числа немцев якобы не оповещает об этом советские власти, чем содействует шпионской деятельности. Поэтому правительство вынуждено «принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья»[271].

Логическим продолжением депортации немцев стала зачистка от них рядов вооруженных сил. Первоначальный вариант приказа НКО, подготовленный Главным управлением формирования и укомплектования Красной армии, повторял дух и лексику указа Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. В частности, в нем указывалось, что «эти лица (то есть военнослужащие-немцы. — *Авт.*)... *не могут* и *не должны пользоваться каким-либо доверием* (выделено мной. — *Авт.*) бойцов и командиров Красной армии», поскольку могут быть использованы в провокациях германского командования. Проект приказа предлагал изъять весь рядовой и младший начальствующий состав из числа немцев, «установив за ними строжайшее наблюдение», а начальствующий состав — уволить из армии[272]. Однако в итоговом варианте приказа об изъятии немцев мотивировочная часть была опущена. После репрессии советских немцев аналогичные акции в отношении других этносов всегда реализовывались в условиях строгой секретности. Ни в одном распоряжении органов власти и военного управления более не содержалось мотивировочной части, которая бы давала объяснения чистке армии от представителей того или иного этноса или же о недопущении их в ряды вооруженных сил.

8 сентября 1941 г. директивой наркома обороны № 35105 было оформлено решение, предписывавшее «изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии, как на фронте, так и в тылу, всех военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные батальоны»[273]. Эта директива допускала представление мотивированных ходатайств от командиров и комиссаров соединений военным советам фронтов об

---

271 История СССР. 1991. № 1. С. 144—145.
272 ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 220—221.
273 Там же.

оставлении немцев в частях. Однако это было исключением. В дальнейшем и до конца войны распоряжения об изъятии того или иного этноса из армейских рядов, как правило, носили тотальный характер и не предусматривали компромиссов.

Одновременно с немцами в сентябре 1941 г. проходило изъятие из воинских частей, учреждений и заведений граждан СССР, представлявших другие, так называемые *зарубежные, национальности*, к которым в это время относили: поляков, болгар, греков, чехов, иранцев, а также эстонцев, латышей, литовцев и молдаван[274]. Директивой заместителя наркома обороны и начальника Главупраформа Е.А. Щаденко № 0477 от 9 декабря 1941 г. о формировании рабочих колонн среди контингентов, определенных на их укомплектование, были и этнические группы граждан СССР, родственные воюющим с Советским Союзом или недружественным ему странам: немцы, болгары, финны, румыны, турки, японцы, китайцы, корейцы, западные украинцы и белорусы, народы Балтии, уроженцы Северной Буковины[275].

Оценить численность изъятых из вооруженных сил в начале войны, а также не призванных по политико-моральным соображениям представителей *зарубежных национальностей* или *воюющих с СССР стран* весьма затруднительно, поскольку все эти меры являлись чистой воды импровизацией, принимались в срочном порядке, безо всяких расчетных данных. К тому же изымаемый контингент снимался с военкоматского учета. Очень приблизительно Е.А. Щаденко в своем докладе И.В. Сталину оценивал его в *250 тыс. человек*[276]. Несколько более полные сведения имеются о военнообязанном немецком населении, включенном в эту общую сумму. 10 января 1942 г. постановлением ГКО № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев *призывного возраста от 17 до 50 лет* (выделено мной. — *Авт.*)» было решено *120 тыс. немцев*, уже выселенных в Сибирь и Казахстан, «на все время войны» организовать в рабочие колонны и использовать на лесозаготовках и строительстве железных дорог[277]. По постановлениям ГКО № 1123сс от 10 января 1942 г. и № 1281сс от 14 февраля 1942 г. они были мобилизованы и использовались на строительстве железных дорог Сталинград—Саратов и Ульяновск—Свияжск[278]. Трудно сказать, входили ли в это число немцы-военнослужащие, демобилизованные из вооруженных сил. По учетным данным 4-го спецотдела МВД СССР, занимавшегося в послевоенный период спецконтингентом, по состоянию на 1948 г. таковых насчитывалось 33 615 человек (1609 лиц начальствующего состава, 4282 младшего начальствующего состава, 27 724 ря-

[274] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 195.
[275] Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 105. Л. 8.
[276] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 405.
[277] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49—50.
[278] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 129—130.

довых)[279]. По учетным данным Генерального штаба КА, на 1 января 1941 г. в Красной армии числилось 16 576 военнослужащих немецкой национальности[280]. Посление две цифры не противоречат друг другу, поскольку данные Н.Ф. Бугая охватывают результаты всеобщей летней мобилизации 1941 г.

В директивных документах об изъятии из войск немцев и уроженцев западных областей СССР (их именовали *западниками*) и представителей *зарубежных национальностей* их этничность прочно увязывалась с мотивом политического недоверия к ним со стороны советской власти. Этот мотив охотно разыгрывался частью советского генералитета и политработниками, особенно в период неудач на фронте. Например, так называемую *засоренность* частей Крымского фронта представителями *зарубежных национальностей* (греками, поляками, болгарами, молдаванами) представитель Ставки ВГК армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис ставил в вину Военному совету и Политуправлению фронта как грубую политическую ошибку при комплектовании войск[281].

Упомянутая *засоренность* частей Крымского фронта[282] была выявлена Мехлисом в апреле 1942 г., то есть спустя семь месяцев после начала чистки рядов Красной армии от представителей *зарубежных* национальностей. Столь широкое их представительство в рядах войск Крымского фронта (до 28 января 1942 г. — Кавказского фронта) означает, что чистки проводились формально. То же можно сказать и о всей Красной армии. Достаточно полно чистка была проведена лишь в отношении немцев. Остальные *зарубежные* национальности были представлены в войсках по-прежнему весьма широко даже спустя год после начала войны[283]. Поэтому в июле 1942 г. потребовалась новая волна чисток. Распоряжением заместителя наркома обороны № М/1/2926[284] из рядов Красной армии изымались выходцы из западных областей СССР (украинцы, белорусы, поляки, уроженцы Бессарабии и Северной Буковины), немцы, финны (последние — кроме уроженцев СССР, «не вызывавших сомнений»), итальянцы, румыны, венгры, болгары, греки, турки, японцы, китайцы, корейцы «и другие национальности воюющих с нами стран».

---

[279] Впервые опубликовано Н.Ф. Бугаем в кн.: *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011. С. 194. Первоисточник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98—99.

[280] ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21.

[281] Там же. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 24.

[282] Всего в частях фронта было выявлено: чехов — 1, поляков — 11, греков — 143, молдаван — 71, болгар — 170 (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 24).

[283] По состоянию на 1 июля 1942 г. в Красной армии числилось: немцев — 322, финнов — 2078, греков — 2560, китайцев — 238, болгар — 928, поляков — 7212 (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35).

[284] Оригинал распоряжения НКО и точную его дату пока обнаружить не удалось. Документ приводится в изложении начальника штаба Приволжского военного округа № орг 6/15198 от 27 июля 1942 г. (ЦАМО. Ф. 8-й технической бригады. Оп. 92516. Д. 13. Л. 95).

Всех их предписывалось отсеять из войсковых частей, уволить из Красной армии и немедленно отправить в распоряжение треста «Молотовуголь» (Томская железная дорога)[285].

14 октября 1942 г. постановлением ГКО № 2409сс действие постановлений ГКО № 1123 и 1281, касавшееся ранее только советских немцев, было распространено «на граждан других национальностей воюющих с СССР стран — румын, венгров, итальянцев, финнов». Представители этих национальностей в возрасте от 17 до 50 лет должны были быть мобилизованы и направлены в рабочие колонны НКВД[286].

Импровизационный характер репрессивной политики приводил к парадоксам. Например, для латышей очевидная репрессия (изъятие из воинских частей как неблагонадежных) наложилась на *одновременно* протекавшее формирование национальной латышской дивизии. Последняя мера, безусловно, имела поощрительную политическую коннотацию, ибо в тех условиях не могла быть истолкована иначе, чем как знак доверия латышскому народу со стороны советского правительства. В дальнейшем эта ситуация повторялась и с другими народами Балтии. Например, в начале 1942 г. из эстонцев комплектовались лесозаготовительные отряды, работавшие в тяжелых природных условиях в Архангельской области, и одновременно формировались сразу две эстонские стрелковые дивизии (7-я и 249-я). В конечном итоге эстонцев из рабочих колонн стали направлять на комплектование национальных стрелковых частей; тем самым две противоположные тенденции сомкнулись. По неполным данным Главупраформа, с начала войны до 1 апреля 1942 г. в Красную армию было призвано: 5 тыс. латышей, 8 тыс. литовцев и 26 тыс. эстонцев[287].

* * *

Если в 1941 г. ограничения касались прежде всего *военнослужащих* ряда национальностей, то в 1942 г. они стали распространяться и на *молодежь призывного возраста* и *военнообязанных* граждан, то есть лиц, находившихся еще вне армейских рядов, но по закону обязанных военной службой. Следовательно, речь шла уже не о чистке рядов Красной армии, а о не допуске в эти ряды новых контингентов из числа «неблагонадежных» этносов.

В начале войны допризывная молодежь из числа *западников* (западные украинцы и белорусы, представители народов Балтии, молдаване, карело-финны) приписывалась к призывным участкам наравне с русскими сверстниками[288]. При объявлении очередных

---

[285] ЦАМО. Ф. 8-й технической бригады. Оп. 92516. Д. 13. Л. 95.
[286] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 24.
[287] Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.
[288] Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 32. Л. 8.

призывов граждане перечисленных национальностей призывались на военную службу, но распределялись в рабочие колонны. Правда, для лиц определенного социального статуса (чьи родители или они сами работали на партийной или советской службе) допускалось зачисление их в строевые воинские части, а не в рабочие колонны[289]. В первой половине 1942 г. по признаку этнического родства с враждебными Советскому Союзу народами отсеву также подвергся ряд малых народов, населявших Закавказье, — аджарцы, хевсуры, курды, мохевцы, сваны ряда районов Грузии.

Весной 1942 г. ограничения стали распространяться на северокавказских горцев. Первыми был прекращен призыв чеченцев и ингушей. По неполным данным Главупраформа, до 1 апреля 1942 г. чеченцев было призвано около 25 тыс. человек, а ингушей — около 5 тыс. человек[290]. Однако в целом призывы вайнахов в армию в начале войны проходили с большими трудностями из-за явлений уклонения от явки в военкомат и дезертирства по пути на сборные пункты. В начале апреля все мобилизованные, находившиеся на территории ЧИАССР, были распущены по домам[291].

26 июля 1942 г. постановлением ГКО № 2100сс была объявлена общегосударственная кампания по призыву в армию «полностью всех граждан» *1924 г. рождения*[292]. Постановление ГКО не содержало ограничений по этническому признаку. Но через несколько дней, 30 июля, в приказе НКО № 0585, разъяснявшем порядок реализации постановления ГКО, было внесено уточнение: «Призыву не подлежат призывники горских национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана, а также национальностей, не призывавшихся по Закавказью» (то есть аджарцы, хевсуры, курды, мохевцы, сваны)[293]. Численность отстраненных от призыва национальностей в целом была известна. Незадолго до объявления призыва Главупраформ КА завершил статистическое обобщение данных граждан 1924 г. рождения, приписанных к призывным участкам по

---

[289] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 734.

[290] Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.

[291] 1 апреля 1942 г. заместитель начальника Главупраформа генерал-майор Беляков после телефонного разговора с командующим СКВО генерал-лейтенантом В.Н. Курдюмовым докладывал члену ГКО Г.М. Маленкову: «1) Мобилизация по Чечено-Ингушской республике прекращена. 2) Со сборных пунктов военкоматов мобилизованные распускаются. 3) Формирование рабочих колонн прекращено, и мобилизованные распускаются. 4) [Командующий округом] дает дополнительное указание о роспуске из запасных и других частей мобилизованных по Чечено-Ингушской республике» (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 228). 2 апреля 1942 г. заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко приказал всех военнослужащих младшего и рядового состава по национальности чеченцев и ингушей, призванных по ЧИАССР, уволить в запас и отправить к месту своего жительства. Увольняемым в военных билетах делали отметки: «Уволен в запас до особого распоряжения» (ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 93. Л. 222).

[292] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 19—24.

[293] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 543.

национальностям. Среди них чеченцев и ингушей — 2160, кабардинцев и балкарцев — 1409, народностей Дагестана — 4675[294]. Перечисленные закавказские малые народы проходили по категории «Прочие национальности». Их количество исчислялось сотнями. Всего же по стране было приписано 1103 тыс. юношей 1924 г. рождения, так что молодежью кавказских национальностей без сожалений пренебрегли.

Эта норма в несколько модифицированном виде (*«не призывать до особых указаний»*) была повторена в приказе НКО № 0974 от 21 декабря 1942 г., разъяснявшем порядок очередного призыва граждан *1925 года рождения*[295]. Характерно, что и в этом случае норма об ограничении призыва не содержалась в исходном постановлении ГКО № 2640 от 20 декабря 1942 г.[296], а появилась лишь в разъясняющем его положения приказе НКО.

Ограничения призыва северокавказских народов, введенные еще в 1941—1942 гг., сохранялись до конца войны. В 1943 г. они распространились также на осетин, адыгейцев, черкесов, которых первоначально не затрагивали[297]. Причины ограничений никак не объяснялись государством, однако их следует напрямую связывать с ростом социально-политической напряженности в горских регионах, со срывом мобилизационных мероприятий в ряде из них и фактами массового дезертирства (прежде всего в Чечено-Ингушетии и отчасти — в Дагестане и Кабардино-Балкарии). В дальнейшем, в конце 1943 — начале 1944 г., факт ограничения призыва в армию учитывался при принятии решений о выселении ряда народов, объявленных «предательскими»[298].

В результате приостановки призыва среди северокавказских горцев образовался большой резерв граждан горских национальностей военнообязанных возрастов. Уже на 1 сентября 1942 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов в своем докладе начальнику Главупраформа оценивал общее количество непризываемых горцев всех военнообязанных возрастов в 88 729 человек[299]. Как минимум трижды — 14, 21 декабря 1942 г. и в январе 1943 г. — начальник Главупраформа Е.А. Щаденко по ходатайству Военного совета Закавказского фронта (генерала армии И.В. Тюленева и члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича), а также обкомов ВКП(б) ЧИАССР и ДАССР выходил на И.В. Сталина с предложением отменить постановление ГКО № 2114 от 28 июля 1942 г., запрещавшее использовать на уком-

---

[294] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 112.

[295] Там же. Л. 733.

[296] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 73. Л. 119—124.

[297] ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 220. Л. 240 об.

[298] Подробно об этом см.: *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М., 2012. С. 127—172.

[299] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 194. Л. 185.

плектование воинских частей, формировавшихся в СКВО, горцев из Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР. Щаденко подготовил проект постановления ГКО за подписью Сталина, в котором предлагалось призвать в двух республиках по 15 тыс. призывников 1925 г. рождения и военнообязанных старших возрастов при условии комплектования ими не более 25% личного состава от каждой воинской части[300]. Однако добиться отмены запрета не удалось до самого конца войны. В 1942 г. из всех северокавказских народов ограничение в призыве не коснулось только осетин, однако в следующем году призывать перестали и их[301].

В начале 1943 г., в ответ на настойчивые просьбы республиканских обкомов партии, наиболее многонаселенным национальным регионам Северного Кавказа — Чечено-Ингушетии и Дагестану — вместо обязательного призыва было предложено провести вербовку добровольцев. Районам республики была выдана разверстка на ожидаемое число добровольцев, после чего вербовка фактически превратилась в принудительный призыв. К середине марта 1943 г. по ЧИАССР удалось завербовать 4208 человек, в основном чеченцев. Но в войска (в 112-й запасный стрелковый полк и 30-ю кавалерийскую дивизию) было отправлено только 1850 человек[302] в связи с высоким уровнем дезертирства, уклонения от явки на сборные пункты и укрывательства вербуемых. Благоприятнее положение складывалось в Дагестане. В течение 1943 г. отсюда в войска было отправлено 4315 человек, представлявших местные национальности, при наряде в 4850 человек[303]. Результаты кампании оценивались в Москве не только с военной, но и с политической точки зрения и легли в основу решений о дальнейшей судьбе чеченцев и ингушей.

В целом же кампания вербовки добровольцев существенно не изменила картины использования людских ресурсов северокавказских горцев. По материалам органов комплектования СКВО и Закфронта установлено, что по состоянию на 1 ноября 1943 г. по военкоматам Ставропольского края, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР (все относились к СКВО) и Дагестанской АССР (относился к Закфронту) на учете состояло 91 543 военнообязанных и 30 073 призывника 1926 г. рождения горских национальностей, не призываемых в армию по национальному признаку. Общая численность непризываемых граждан горских национальностей составила к концу 1943 г. *121 616 человек*[304]. В последний период войны эта цифра скорректировалась за счет убытия в места нового поселения и снятия с воинского учета чеченцев, балкарцев,

[300] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 152. Л. 30—45.
[301] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 317. Л. 87—89.
[302] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 51.
[303] Народы Дагестана в Великой Отечественной войне (1941—1945): Док-ты и мат-лы. Махачкала. С. 529—530.
[304] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 408. Л. 419; Д. 407. Л. 260.

карачаевцев (около 54 тыс. военнообязанных) и постановкой на воинский учет горской молодежи 1927 г. рождения (8856 человек)[305], не призванной осенью 1944 г. Призыв горских народов до конца войны не возобновлялся.

Проведение местными военкоматами регулярных приписок допризывной молодежи к военкоматам и перерегистрации военнообязанных непризываемых национальностей сохраняли возможность возобновления их призыва в последующем, что иногда случалось. Репрессивная по сути политика комплектования под воздействием объективных обстоятельств проявляла большую гибкость и нередко давала задний ход.

Для некоторых народов война начиналась широкими чистками из рядов Красной армии, но с изменением политической конъюнктуры в дальнейшем их призывали без ограничений или же с незначительными ограничениями (эстонцы, латыши, литовцы, поляки, молдаване, западные украинцы и западные белорусы). Еще в 1941—1942 гг. войска активно избавлялись от представителей этих этносов, которые обращались на укомплектование рабочих колонн и команд, а уже в 1944—1945 гг. из их числа было призвано и направлено в ряды действующих войск миллион человек. Лишь прекращение приписки и перерегистрации военнообязанных (например, в отношении депортированных этносов) означало окончательный отказ государства от их использования для комплектования армии, поскольку лишало органы военного управления актуальных учетных данных о состоянии и движении военнообязанного контингента.

Приток в войска новобранцев из этносов, чей призыв был приостановлен, почти прекращался (исключение могло делаться добровольцам), однако лица, призванные ранее, если их этнос не подвергался выселению с исторической родины, продолжали военную службу без ограничений вплоть до Дня Победы.

* * *

Проанализированный комплекс мер, связанный с ограничением комплектования войск представителями ряда этносов, безусловно, являлся актом политического недоверия в отношении них и нередко становился первым шагом в осуществлении репрессии против всего народа, как это произошло с советскими немцами, чеченцами, ингушами, крымскими татарами и рядом других народов, а мог и не становиться таковым (народы Дагестана, осетины, кабардинцы и др.). В отдельных случаях репрессивная акция против всего народа не предварялась приостановкой его призыва в армию, как, на-

[305] Представителей народов Дагестана — 4666, кабардинцев — 1414, северных осетин — 1896, адыгейцев — 448, черкесов — 257, ногайцев — 175 (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210—211).

пример, это было с калмыками, которые без ограничений призывались до конца 1943 г.

Тотальные репрессии в отношении ряда советских этносов, выразившиеся в их поголовном выселении с исторической родины, — одна из мрачных страниц истории Великой Отечественной войны. Это жестокое наказание неизбежно касалось и военнослужащих Красной армии, находившихся на фронте. Насколько тотальные репрессии против всего этноса были вызваны собственно воинскими преступлениями (дезертирство, измена Родине, саморанения) представителей этносов, подвергнутых наказаниям? Этот вопрос много десятилетий не дает покоя историкам, политикам, представителям «наказанного» этноса, является предметом острой полемики, основанной, как правило, на досужих домыслах.

Все государственные решения о выселении очередного этноса, кроме постановления ГКО о крымских татарах в 1944 г., содержали шаблонную преамбулу о сотрудничестве с врагом в период оккупации и бандитском движении после его изгнания. Иной по форме, но не по содержанию было и первое решение о выселении советских немцев, рассмотренное выше. Лишь постановление ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. «О крымских татарах» ставит воинские преступления во главу обвинений. Сам документ начинается со слов: «В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах»[306].

Остальные аналогичные государственные решения не содержали обвинений в адрес *военнослужащих* данной национальности и вообще не упоминали их. Таковы указ Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о выселении немцев, указы Президиума ВС СССР от 12 ноября 1943 г. о выселении карачаевцев[307], от 27 декабря 1943 г. о выселении калмыков[308], от 7 марта 1944 г. о выселении чеченцев и ингушей[309], от 8 апреля 1944 г. о выселении балкарцев[310], постановление ГКО № 5984сс о выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян[311], постановление ГКО № 6279сс от 31 июля 1944 г. о выселении из Грузинской ССР турок, курдов, хемшилов[312].

---

306 *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М., 2002. С. 70—73.

307 История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 476—477.

308 Там же. С. 477—478.

309 Там же. С. 491—492.

310 Там же. С. 484—485.

311 Там же. С. 502—503.

312 История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 505—507.

В служебной переписке органов, осуществлявших репрессивные акции, специального анализа воинских преступлений этой категории военнослужащих тоже не обнаружено. Конечно, это вовсе не значит, что попыток такого анализа не было вообще. Однако известные обстоятельства принятия решений о выселении, всегда характеризовавшихся спонтанностью, волюнтаризмом, горячкой, скорее говорят в пользу того, что для объективного и взвешенного анализа вины наказуемых этносов, требовавшего сбора со всех фронтов большого массива данных, времени не было.

Тем не менее военнослужащие, относившиеся к репрессированному этносу, как правило, изымались из воинских частей и увольнялись из вооруженных сил. Первоначально их отправляли в запасные части, во внутренние округа или по прежнему месту жительства. 18 ноября 1944 г. Военный совет Главупраформа Красной армии издал директиву № М/1/1746, в которой разъяснял военным советам фронтов и округов, что представители выселенных народов при увольнении с военной службы должны были отправляться не по месту жительства, а в место нового поселения, которое официально получало лишавший всякой надежды эпитет «вечное». Если же такое место еще не было определено — такие лица поступали в распоряжение НКВД Казахстана или Узбекистана[313].

Составить представление о численности военнослужащих, уволенных и отправленных в места нового поселения, можно благодаря послевоенной справке МВД СССР о численности спецпоселенцев, ранее служивших в Красной армии. Документ впервые опубликован российским специалистом по истории депортаций и этнических репрессий Н.Ф. Бугаем. Справка относится к марту 1949 г. и составлена по итогам перерегистрации спецпоселенцев (таблица 40). Самая многочисленная этническая группа — немцы — разделена в источнике на несколько категорий, среди которых: бывшие военнослужащие, уволенные с фронта и откомандированные в места нового расселения («выселенные»); репатриированные бывшие советские военнопленные; «мобилизованные» — возможно, лица, прошедшие в 1941 г. процедуру призыва по мобилизации, однако не попавшие на фронт в связи с депортацией. Нужно отметить, что таблица 40 отражает состав спецпоселенцев, *не скомпрометированных сотрудничеством с врагом, то есть не совершивших воинских преступлений*. Военные коллаборационисты всех национальностей, вербовавшиеся из этой же среды военнопленных, в советской лагерной системе проходили по категории «власовцы»[314].

---

[313] ЦАМО. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 54.

[314] По постановлению ГКО № 9871 от 18 августа 1945 г. власовцы и лица, служившие в немецкой армии, обязаны были отработать на предприятиях системы НКВД/МВД на положении спецпоселенцев 6 лет, после чего освобождались с соблюдением ограничений на расселение в крупных городах и приграничной зоне. В постановлении Совета Министров СССР № 385701763сс от

Лица, уличенные в военных преступлениях, отбывали наказание в лагерях НКВД/МВД. Национальный состав этой категории бывших военнослужащих пока выяснить не удалось.

Таблица 40

Справка о численности спецпоселенцев, ранее служивших в Красной армии, по состоянию на март 1949 г.

Наименование контингента		Офицеры	Сержанты	Рядовой состав	Всего
Немцев, в т. ч.:	Всего	3178	8351	53 115	64 644
	выселенные	1609	4282	27 724	33 615
	репатриированные	1092	2828	18 747	22 667
	мобилизованные	326	907	4444	5677
	местные	119	301	2057	2477
	другие	32	33	143	208
Горцев Северного Кавказа	Всего	710	1696	6488	8894
	чеченцы	238	724	3286	4248
	ингуши	129	211	606	946
	карачаевцы	238	495	1810	2543
	балкарцы	99	243	703	1045
	другие	6	23	83	112
Из Крыма	Всего	569	1660	8663	10 892
	греки	8	86	465	569
	болгары	9	79	494	582
	крымские татары	524	1392	7079	8995
	армяне	19	70	485	574
	другие	9	33	19	61
Из Грузинской ССР	Всего	57	459	3559	4075
	турки	24	271	2222	2517
	курды	4	15	122	141
	хемшины	—	3	4	7
	другие	29	170	1211	1410
Калмыков		383	1118	4683	6184
Поляков		12	104	810	926
Итого		4909	13 388	77 318	95 615

Составлено по: Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. С. 110—111.

Анализ статистических материалов по личному составу Красной армии позволяет утверждать, что, несмотря на категорический характер требований об изъятии из войск представителей того или

7 октября 1951 г. особо оговаривалось, что норма шестилетнего спецпоселения не относится к лицам немецкой, чеченской, ингушской, калмыцкой, балкарской, карачаевской, греческой и крымско-татарской национальностей — они оставались на спецпоселении «навечно» (История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 543—544).

иного этноса, таковые никогда не выполнялись полностью. Директивы приходилось повторять по нескольку раз. До самого конца войны находились лазейки для того, чтобы оставить в войсках отдельных представителей репрессированных народов, или же для попадания на фронт добровольцев из числа народов, чей призыв был запрещен или приостановлен. Более того, не только военные власти, но и органы НКВД были готовы на послабления и фактически не настаивали на поголовном характере репрессий в отношении военнослужащих из числа выселенных народов. Об этом прямо свидетельствует докладная записка на имя наркома внутренних дел Л.П. Берии, поданная в ноябре 1944 г. заместителем наркома В.В. Чернышовым и начальником отдела спецпоселений М.В. Кузнецовым. В записке отмечалось, что в органы НКВД «поступает значительное количество заявлений от офицеров и бойцов Красной армии, являющихся по национальности калмыками, карачаевцами, балкарцами, чеченцами, крымскими татарами, греками, армянами и болгарами[315], которые ходатайствуют об освобождении из спецпереселения своих родственников...»[316]. Далее следовала рекомендация, очевидным образом свидетельствовавшая об избирательности репрессий в отношении военнослужащих, фактически отданных на откуп военного командования: «Устанавливать через командование части, будет ли заявитель оставлен на службе в Красной армии. В случае оставления заявителя на службе в Красной армии и при отсутствии компрометирующих материалов на его родственников-спецпереселенцев... освобождать последних из спецпоселения, в персональном порядке», правда, без права возвращения на родину[317]. Берия согласился со своими подчиненными, еще раз подчеркнув, что эти меры должны применяться индивидуально и не «принимать широкой практики»[318].

Данные о представительстве репрессированных и основных непризываемых этносов сведены в таблицу 41. Из ее материалов видно, что к началу войны удельный вес ряда народов в целом соответствовал их удельному весу среди населения СССР, представленному в последней колонке (финны, калмыки, северокавказские народы); доля других (немцы, греки, болгары, китайцы) уже была значительно ниже вследствие развернувшихся еще до войны зачисток Красной армии по этническому признаку. К концу войны в абсолютных значениях представительство этих народов почти не изменилось (60,8 тыс. человек в 1941 г. и 62,2 тыс. человек в 1945 г.), но доля и тех и других (с учетом многократного прироста численности всей Красной армии) была уже значительно ниже довоенного уровня (например, калмыков — в 3,5 раза, народностей Дагестана — в 3,6 раза,

---

[315] Последние четыре национальности были выселены с территории Крыма.
[316] *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма. С. 98.
[317] Там же.
[318] Там же.

Таблица 41

Численность и удельный вес представителей народов СССР, не призываемых в армию, среди личного состава Красной армии в 1941—1945 гг.

	На 1.01.41	Удельный вес в %	На 1.07.42	Удельный вес в %	На 1.01.43	Удельный вес в %	На 1.07.43	Удельный вес в %	На 1.01.44	Удельный вес в %	На 1.07.44	Удельный вес в %	На 1.01.45	Удельный вес в %	Удельный вес по переписи 1939 г.
Калмыки	2686	0,07	8740	0,09	5906	0,07	7306	0,06	6667	0,06	2351	0,02	2162	0,02	0,08
Финны	3115	0,09	2078	0,02	2266	0,03	1762	0,02	1929	0,02	1655	0,01	1722	0,01	0,09
Немцы	16 576	0,46	322	0,003	1427	0,02	170	0,001	294	0,003	169	0,001	176	0,001	0,84
Греки	2529	0,07	2560	0,03	2012	0	2977	0,03	4215	0,037	3375	0,03	3010	0,03	0,17
Китайцы	59	0,002	238	0,002	291	0,003	658	0,006	810	0,007	592	0,005	562	0,005	0,02
Болгары	958	0,03	928	0,01	689	0,008	865	0,007	923	0,008	3516	0,03	2674	0,02	0,07
Поляки	9886	0,27	7212	0,07	5603	0,06	6795	0,06	8228	0,07	18 871	0,16	23 835	0,2	0,37
Осетины	5242	0,15	15 388	0,16	12 456	0,14	15 425	0,13	14 297	0,13	13 177	0,11	12 830	0,11	0,21
Кабардинцы и балкарцы	3406	0,09	10 654	0,11	4810	0,05	5008	0,04	4570	0,04	3473	0,03	3444	0,03	0,11
Чеченцы и ингуши	4827	0,13	4446	0,04	3386	0,08	4008	0,03	3536	0,03	1720	0,01	1579	0,01	0,3
Народности Дагестана	11 489	0,32	25 739	0,26	18 094	0,2	18 292	0,16	12 538	0,11	10 962	0,09	10 209	0,09	0,5
Всего	60 773	1,68	78 305	0,80	56 940	0,66	63 266	0,54	58 007	0,52	59 861	0,50	62 203	0,52	2,66

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

чеченцев и ингушей — в 13 раз). При этом доля лишь одного этноса — немцев — стремилась к нулю. Иными словами, представители этой национальности были вычищены из армии полностью. Все остальные этносы, чей призыв был прекращен, сохраняли порой многотысячное представительство в Красной армии.

* * *

В годы Великой Отечественной войны широко практиковался и другой тип *ограничений* комплектования Красной армии, связанный с *культурно-языковыми особенностями* военнообязанных определенных национальностей. Как и ограничения по политическим мотивам, он применялся в течение всей войны, но имел своего рода перерыв, вызванный крупномасштабным экспериментом по воссозданию и боевому применению национальных частей (конец 1941 — первая половина 1943 г.). В самом общем виде целью национальных формирований было нивелировать негативное влияние культурно-языкового фактора на боеспособность многонационального воинского коллектива Красной армии. Когда стало ясно, что ставка на национальные формирования переоценена, то для достижения той же цели власть вернулась к самому простому и очевидному решению — ограничениям на призыв.

Эти ограничения *не носили характера репрессий*, то есть не предназначались для *наказания* народов. В то же время они носили значительно больший размах, чем репрессивные ограничения по политическим мотивам.

Выше на примере народов Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья было показано, что ограничения в комплектовании войск гражданами определенных национальностей, обусловленные их культурно-языковыми особенностями, практиковались еще накануне войны. Вновь к ним прибегли в первые же месяцы войны, в ходе первого очередного (возрастного) призыва военного времени, состоявшегося осенью 1941 г. Во исполнение приказа НКО № 0355 и директивы заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко за № /1/1875 от 21 сентября 1941 г. надлежало до 15 октября 1941 г. призвать в ряды Красной армии всех граждан, родившихся в 1922 г., а также граждан 1921 г. рождения и старше, не призванных ранее, и граждан 1923 г. рождения с полным средним и высшим образованием. При этом по Среднеазиатскому военному округу годные к строевой службе ресурсы надлежало использовать следующим образом: на укомплектование запасных и иных частей Красной армии направлялись граждане только девяти национальностей: русские, украинцы, белорусы, мордвины, евреи, армяне, грузины, поволжские татары[319], а также азербайджанцы,

[319] В источнике — «казанские татары».

владевшие русским языком[320]. Десятки тысяч призывников местных национальностей пяти союзных республик — Казахской, Узбекской, Таджикской, Киргизской, Туркменской ССР — проходили общую для всех процедуру призыва, однако для укомплектования строевых частей не использовались. Несмотря на это, повсеместно призыв обставлялся как торжественное мероприятие; на митингах призывники записывались добровольцами, выступали с речами, выражая стремление скорее отправиться на фронт.

Буквально в лицах эту сцену описал в своих мемуарах казах Мухамет Шаяхметов, уроженец Семипалатинской области, призывник 1922 г. рождения. По его словам, уже ожидавшая отправки большая группа новобранцев была выстроена и прибывший областной военный комиссар зачитал список, в котором оказались только русские и один татарин. Эти люди были немедленно погружены на пароход и отправились в войска. Остальным было приказано разойтись по домам «до особого распоряжения». М. Шаяхметов вспоминал, что после этого на несколько секунд в строю воцарилась полная тишина. Затем поднялось возмущение, причем как со стороны казахов, оскорбленных таким отношением, так и со стороны родственников русских новобранцев, веско заявлявших: «Почему только русские должны защищать страну и умирать за нее?!»[321] Никаких разъяснений они не получили, но спустя пару месяцев тот же Шаяхметов был призван уже в национальную казахскую часть, и именно в этом он и его ровесники усмотрели «план» военных властей, вполне удовлетворив чувство своего национального достоинства. Хотя на самом деле в сентябре 1941 г. никаких национальных частей еще не планировалось.

Между тем в конце сентября 1941 г., одновременно с проведением очередного призыва, распоряжением командующего войсками Среднеазиатского военного округа[322] «в целях очистки запасных частей от морально разложившихся, политически неустойчивых и физически непригодных к службе элементов» из запасных частей увольнялись в запас представители среднеазиатских народов, а также лица, имевшие судимость, родственников за границей и т. п.[323] По последней категории (как «физически непригодные к службе элементы») увольнению в запас подлежали: узбеки, таджики, туркмены, казахи, каракалпаки, киргизы, уйгуры, дунгане и бухарские евреи. Таковых только по пяти запасным частям САВО (79-му запасному стрелковому полку, 32-й запасной стрелковой бригаде, 16-му запасному кавалерийскому полку, 13-му запасному автомобильному полку и 86-му запасному зенитному артиллерийскому полку) насчитывалось 12 295 человек[324].

---

[320] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 229.

[321] *Shayakhmetov M.* The Salent Steppe. The Story of Kazakh Nomad under Stalin. London, 2006. P. 261—262.

[322] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 139—139 об.

[323] Там же. Л. 1.

[324] Там же. Д. 42. Л. 16; Д. 16. Л. 150.

Первоначально все лица коренных национальностей, прошедшие призыв, а также отчисляемые из воинских частей направлялись в распоряжение военкоматов для дальнейшего увольнения в долгосрочный отпуск (запас) и отправки по месту жительства. Однако уже в начале октября 1941 г. было объявлено о формировании в САВО предназначенных для использования в народном хозяйстве рабочих колонн штатной численностью по 1000 человек каждая[325]. С этого времени новобранцы среднеазиатских национальностей стали обращаться на укомплектование рабочих колонн, причем представители коренных национальностей не назначались в колонны, предназначенные для работы на территории САВО[326]. Увольнение их в запас было приостановлено. Но поскольку штатная емкость рабочих колонн была невелика, а сами они только начинали формирование, национальные контингенты подолгу оставались без дела в запасных частях, у командиров которых возникал вопрос: «А кормить их кто будет?»[327]

По результатам призыва в САВО допущенных к зачислению в боевые части призывников 1923—1921 гг. рождения и граждан старших возрастов перечисленных выше девяти национальностей подавляющее большинство которых представляли русские и украинцы, было выявлено 18 189 человек. В то же время в рабочие колонны было зачислено 135 327 человек, или в 7,5 раза больше призывников всех оставшихся 56 национальностей, в том числе: 58 346 узбеков, 28 776 казахов, 14 955 таджиков, 11 532 киргиза, 10 016 туркмен, 2109 каракалпаков, 531 уйгур и много других представителей коренных народов[328]. Часть этих призывников успели отправить в запасные части, и теперь они подлежали отчислению. В документах все эти люди обобщались терминами с очевидной негативной и уничижительной коннотацией: «*контингент, не являющийся полноценным в политическом и боевом отношении*»[329], «*неполноценный личный состав*»[330], «*неполноценный контингент*»[331] и т. п.

Безусловно, отказ от приема в войска представителей среднеазиатских национальностей продолжал предвоенную практику ограничения их призыва, начатую в связи с выяснением низкого качества местных ресурсов. В то же время в мероприятиях штаба САВО в сентябре—октябре 1941 г. проявилась недооценка масштабов развернувшейся войны и, как следствие, расточительное отношение к людским ресурсам среднеазиатских союзных республик. Очевидно,

---

[325] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 121—122.
[326] Там же. Л. 32, 59.
[327] Там же. Л. 119.
[328] На осень 1941 г. пришелся период наибольшей численности рабочих колонн. К началу ноября в их составе насчитывалось 777 тыс. человек (ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 33).
[329] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 31.
[330] Там же. Л. 51.
[331] Там же. Л. 54.

первоначально политическое и военное руководство страны полагало, что по традиции можно будет обойтись без проблемного национального контингента, требовавшего дополнительных усилий для адаптации к военной службе.

Складывалась парадоксальная ситуация: десятки тысяч молодых людей не допускались в строевые части по признаку этнической принадлежности, хотя никаких конкретных претензий к ним не было. Штабом округа особо подчеркивалось, что «*национальный контингент [направляется] только в рабочие колонны* (выделено мной. — *Авт.*); в запасных частях использовать их не можем. Как крайняя мера: если не будет места в рабочих колоннах, можно передавать [их] в запас»[332]. Между тем по крайней мере часть новобранцев местных национальностей обладала хорошим образованием в 7—8 классов, прошла длительную допризывную военную и спортивную подготовку, сдала нормы ГТО, обучалась русской грамоте и разговорному русскому языку. Многие войсковые начальники, пребывая в затруднении, запрашивали у штаба САВО разъяснения. Осознавая необоснованность спущенного сверху требования, окружной штаб фактически предоставил право решать самим начальникам: «В отношении призывников [местных национальностей] решите сами: наиболее ценный для вас контингент можете отобрать, остальных вернуть в военкоматы»[333]. Еще в одном распоряжении заместителя начальника штаба САВО полковника Коничева[334] содержалось положение о том, что представители национальностей, предназначенных к отсеву, *служившие ранее в Красной армии*, должны были оставаться в составе частей. Это же касалось и лиц, выписывавшихся из госпиталей[335].

В ноябре 1941 г., когда на государственном уровне было принято решение о формировании десятков национальных соединений, часть задержавшихся в запасных частях военнообязанных среднеазиатских национальностей, не успевших пополнить рабочие колонны, была обращена на их укомплектование.

11 апреля 1942 г. постановлением ГКО № 1575сс наиболее качественный контингент призывников среднеазиатских национальностей 1922 и 1923 гг. рождения, а также военнообязанных не старше 30 лет в количестве 150 тыс. человек (50 тыс. казахов и 100 тыс. узбеков) все-таки был призван на военную службу[336]. Во исполнение решения ГКО командующий войсками округа приказал военным комиссарам Казахской и Узбекской ССР подбирать прежде всего граждан, ранее служивших в армии или прошедших подготовку в системе Всевобуча, обеспечив партийно-комсомольскую прослойку среди них не менее 20%. В начале августа 1942 г. в САВО

[332] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 118.
[333] Там же. Л. 19—21.
[334] Инициалы не установлены.
[335] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 366, 371, 375.
[336] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 2—3.

также были призваны граждане 1924 г. рождения без ограничения по национальному признаку («полностью все граждане»)[337]. Таким образом, молодежь местных национальностей Среднеазиатского региона, имевшая в своей массе более высокий образовательный ценз по сравнению с военнообязанными старших возрастов, все-таки в основном была призвана в армию.

Дальнейшее формирование рабочих колонн и передача их гражданским наркоматам была прекращена еще в начале весны 1942 г. в связи с кампанией по изысканию дополнительных людских ресурсов для комплектования действующей армии[338]. Однако многие уже сформированные и переданные гражданским наркоматам рабочие колонны просуществовали почти всю войну. Во второй половине 1944 г. они были расформированы, но их военнослужащие остались закреплены за теми предприятиями, на которых работали[339]. Всего за годы войны в САВО на работы было мобилизовано 628,9 тыс. военнообязанных, трудившихся на 681 предприятии[340].

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, обозначенный грандиозными победами советских войск в начале 1943 г. под Сталинградом, а летом 1943 г. — на Курской дуге, серьезно отразился на структуре комплектования Красной армии людскими ресурсами. Быстрое продвижение советских войск на запад в 1943 г. способствовало значительному притоку в войска славянских контингентов с освобожденных территорий России и Украины.

Между тем к началу 1943 г. в союзных республиках Закавказья и Средней Азии годные к строевой службе людские ресурсы, удовлетворяющие требованиям строевой службы по физическому развитию, уровню образования, знания русского языка, значительно сократились. Например, по Закавказскому фронту к исходу 1943 г. в Красную армию было призвано 1 290 658 призывников 1922—1925 гг. рождения и военнообязанных, в том числе по Грузии — 538 025, Азербайджану — 424 772, Армении — 205 861 человек[341]. Запас военнообязанных до 50 лет и призывников 1926 г. рождения по Закавказью составлял на 1 декабря 1943 г. лишь 255 тыс. человек[342]. Особенно тяжелая демографическая ситуация сложилась в Армении. На 15 октября 1943 г. на общем учете Армянского РВК оставалось немногим более 18 тыс. мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и еще 12,5 тыс. человек состояли на спецучете (то есть были забронированы за народным хозяйством)[343]. Молодые возрасты (до 35 лет) во-

---

[337] Рассекреченная война... С. 321.

[338] С этой целью была издана серия постановлений ГКО и приказ НКО (ГОКО № 1475с, 1476с от 21 марта 1942 г., ГОКО № 1526сс от 3 апреля 1942 г., НКО № 0242 от 5 апреля 1942 г.).

[339] Рассекреченная война... С. 512.

[340] *Сухарь М.Я.* Указ. соч. С. 153—154.

[341] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 501. Л. 365—367.

[342] Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 58.

[343] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 521. Л. 260.

еннообязанных были исчерпаны практически полностью. На комплектование войск поступал некачественный контингент. Вот типичная жалоба того периода от одного из строевых командиров: «Для покрытия некомплекта наших частей Упраформ Закфронта необходимого контингента пополнения не дает, предлагая людей необученных, старых возрастов, местных национальностей и не владеющих русским языком»[344].

Между тем требования к профессионализму бойцов Красной армии в последний период войны значительно возросли. Усложнялись программы обучения личного состава воинским специальностям. Вводились новые боевые уставы и наставления. Появилось большое количество сложных видов техники и вооружения. Уже с середины 1943 г. было запрещено направлять в действующие части красноармейцев, прошедших курс подготовки в запасных частях сроком менее шести месяцев[345] (ранее минимальным сроком были три месяца подготовки). С 1944 г. в части направлялись только годные к строевой службе, то есть физически здоровые военнослужащие.

Все сказанное приводит к мысли о том, что именно эти обстоятельства послужили причиной того, что перед очередным призывом молодежи 1926 г. рождения, 9 октября 1943 г., директивой замнаркома обороны и начальника Главупраформа генерал-полковника Е.А. Щаденко № М/1/1493 был *«до особых распоряжений» приостановлен* призыв молодежи «местных национальностей»: Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР. Этой директивой также продлевалась приостановка призыва из автономных республик и областей РСФСР: Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской АО[346]. Положения этой директивы получили развитие в специальном постановлении ГКО № 4322сс от 13 октября 1943 г. (в котором в отношении перечисленных этносов использовался более категоричный императив: «*призыву не подлежат*»)[347] и в директиве Главупраформа № М/1/1498 от 16 октября 1943 г. Фронтам были разосланы частные разъяснения этих документов. Например, штабу Закавказского фронта было указано, что на укомплектование соединений и частей фронта надлежит призывать лиц 1926 г. рождения «только русской, украинской, белорусской и других некавказских национальностей»[348].

По всему Советскому Союзу к осени 1943 г. на учете состояло 1115 тыс. призывников 1926 г. рождения всех национальностей. В связи с тем что часть из состоявших на общем учете не подлежала призыву (забронированные за промышленностью, негодные по

---

[344] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 689. Л. 127.
[345] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 365.
[346] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142.
[347] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 1—3.
[348] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 190—191.

состоянию здоровья), по расчету Главупраформа можно было призвать около 745 тыс. человек[349]. В ходе призывных мероприятий явилось на призыв 824,5 тыс. человек, из которых было признано годными к строевой службе 692,2 тыс. человек, а отправлено в войска — 599 тыс. человек. Освобождению по национальному признаку подлежало *146 452 призывника* из числа коренных национальностей Закавказья, Средней Азии и автономных республик и областей РСФСР[350]. Еще 4883 человека не были призваны с формулировкой «по национальному признаку», то есть как представители «иностранных» этносов[351]. В совокупности удельный вес освобожденных по национальному признаку призывников достигал 21,9% к общему числу молодежи, признанной годной к строевой службе, и 25,3% к числу отправленных в войска.

Молодежь 1926 г. рождения национальностей Закавказья и Средней Азии получила годичную отсрочку на прохождение обязательной общеобразовательной подготовки (в том числе русскому языку) и лечения. Этот контингент был призван следующей осенью, в 1944 г., вместе с общесоюзным призывом граждан 1927 г. рождения. Их число по САВО составило 65,9 тыс. человек, по Закфронту — 57,9 тыс. человек[352]. Результаты призыва показали, что отсрочка пошла на пользу: большинство призывников успели пройти необходимые учебные и оздоровительные мероприятия[353].

В свою очередь, молодежь местных национальностей Средней Азии и Закавказья 1927 г. рождения осенью 1944 г. также получила годичную отсрочку и до конца войны уже не успела призваться. Осенью в 1944 г. от призыва молодежи 1927 г. рождения по этой причине было освобождено около *130 тыс. призывников*, что составило почти 10% от всех призывников этого года рождения, состоявших на воинском учете (1360 тыс. человек), и около трети от всех освобожденных в этом году от призыва (всего было освобождено 501 тыс. человек, большинство из которых — учащиеся, студенты и работники оборонных отраслей). В то же время происходили частичные призывы молодежи указанных возрастов в интересах добывающих, промышленных и строительных наркоматов, то есть фактически речь шла о мобилизации рабочей силы по типу мобилизаций в рабочие колонны в 1941—1942 гг.[354]

Введенная в октябре 1943 г. приостановка призыва местных национальностей Закавказья и Средней Азии в полной мере распро-

---

[349] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 279.

[350] В том числе: 67 831 человек — по САВО, 61 898 человек — по Закфронту, 8480 человек — по СКВО, 5426 человек — по ЮжУрВО, 1262 человека — по СибВО, 1228 человек — по УрВО, 298 человек — по ПриВО, 46 человек — по остальным округам.

[351] Там же. Оп. 12216. Д. 10. Л. 33—35 об.

[352] Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 31—32.

[353] Рассекреченная война... С. 546.

[354] Там же. С. 512—513.

странялась и на категорию *военнообязанных* (то есть лиц старших возрастов). Их обязательный призыв, в отличие от молодежи, более *не возобновлялся до конца войны*, хотя добровольные формы набора для них были открыты. Это был наименее качественный с точки зрения годности к военной службе контингент — как правило, люди, не обученные военному делу, физически слабые, не владевшие русским языком, неграмотные и малограмотные. По Закфронту по состоянию на 15 октября 1943 г. числилось 63 875 человек строевых и 86 442 человека нестроевых, а всего — *150 317 военнообязанных* местных национальностей общего учета (то есть не забронированных за народным хозяйством) в возрасте до 50 лет[355]. К окончанию войны этот показатель незначительно изменился, сократившись до *145,9 тыс. человек*[356]. В свою очередь, по САВО по состоянию на 1 июля 1944 г. числилось 385,7 тыс. человек годных к строевой службе военнообязанных, призыв которых в армию не осуществлялся[357]. Таким образом, к концу 1943 г. по Закфронту и САВО число военнообязанных национальностей, чей призыв был приостановлен, в последний период войны превысило полмиллиона человек.

Постепенное происходившее в течение всей войны расширение перечня непризываемых этносов имело следствием дальнейшее усложнение терминологии, которой органы военного управления пользовались для их обозначения в руководящей и делопроизводственной документации. Она отражала дифференцированный подход государства к непризываемым этносам. С 31 октября 1943 г. директивой Генерального штаба и Главупраформа КА № Моб/2/4061 для военных округов и недействующих фронтов была введена форма регулярного донесения об остатках ресурса военнообязанных (форма ГУФ-1). Она включала в себя цифровые данные на две категории не призываемых по национальному признаку национальностей: 1) «*призывников местных национальностей, временно освобожденных от призыва*»; 2) «*не подлежащих призыву по национальным признакам*». В первую входили местные (коренные) этносы СССР, а во вторую — этносы, имевшие «материнский» этнос за пределами Советского Союза.

В дальнейшем терминология в нормативных документах только усложнялась. В постановлениях ГКО № 6784сс[358] и 6786сс[359] от

---

[355] В том числе: по Грузии — 28 825 строевых и 43 722 нестроевых, по Азербайджану — 30 059 строевых и 30 547 нестроевых, по Армении — 4991 строевой и 12 573 нестроевых (подсчитано по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 407. Л. 260—262).

[356] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 731. Л. 13, 57.

[357] *Сухарь М.Я.* Указ. соч. С. 127.

[358] «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения».

[359] «О призыве на военную службу призывников, родившихся в 1926 г., местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской союзных республик».

25 октября 1944 г., регламентировавших порядок очередного призыва граждан 1927 г. рождения, перечислялись три группы народов, не призываемых в Красную армию:

1) граждане 1927 г. рождения «*местных национальностей, освобожденные от призыва*» (к этой категории были отнесены: коренные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик, а также Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Черкесской АО РСФСР);

2) «*временно освобожденные от призыва до особого указания*» (репрессированные народы СССР, а также поляки, чехи, словаки и польские евреи);

3) «*совсем не призываемые*» — советские граждане, этнически родственные народам, чьи государства находились с Советским Союзом в состоянии войны или были недружественны ему (немцы, венгры, австрийцы, румыны, болгары, китайцы, корейцы, турки, греки)[360].

В постановлениях ГКО, в силу их целевого назначения (они касались только призыва молодежи очередного возраста), не упоминались военнообязанные старших возрастов «*местных национальностей, освобожденные от призыва*» (коренные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик, а также автономных республик РСФСР на Северном Кавказе). Фактически это была *четвертая* не призываемая по национальному признаку категория граждан.

По состоянию на конец 1944 г. общую численность людских ресурсов (военнообязанных и призывников) коренных национальностей Закавказья, Средней Азии, Северного Кавказа и ряда других регионов, которые были выведены из процесса комплектования вооруженных сил, можно оценить не менее чем в *857,6 тыс. человек*. Подчеркнем, что эти данные заведомо неполны, поскольку нет точных учетных сведений о численности военнообязанных и призывников так называемых *зарубежных* национальностей и ряда репрессированных национальностей. Наглядно эти данные можно представить в табличной форме (таблица 42).

Таблица 42

Непризываемые этносы по состоянию на конец 1944 г.

Категория граждан	Национальность	Численность, чел.
Граждане 1926 г. рождения «местных национальностей, освобожденные от призыва»	Горцы Северного Кавказа (включая выселенные народы)	8480
Граждане 1927 г. рождения «местных национальностей, освобожденные от призыва»	Национальности Закавказья и Средней Азии	Ок. 130 тыс.
	Горцы Северного Кавказа (без учета выселенных народов)	8856

[360] Рассекреченная война... С. 514.

Категория граждан	Национальность	Численность, чел.
Военнообязанные старших возрастов «местных национальностей, освобожденные от призыва»	Национальности Закавказья	145,9 тыс.
	Национальности Средней Азии	385,7 тыс.
	Горцы Северного Кавказа (от 1923 г. рождения и старше)	91 543
	Горцы Северного Кавказа 1925—1924 гг. рождения	21 593
Бывшие военнослужащие из числа репрессированных народов, уволенные из рядов Красной армии (по данным послевоенного учета)	Немцы	64 644
	Горцы Северного Кавказа	8894
	Репрессированные народы Крыма	10 892
	Репрессированные народы Грузинской ССР	4075
	Калмыки	6184
	Поляки	926
Военнообязанные и призывники «зарубежных» национальностей, родственных народам, враждебным СССР (немцы, венгры, австрийцы, румыны, болгары, китайцы, корейцы, турки, греки)		Нет данных
Всего непризываемых и уволенных из Красной армии по национальному признаку		857 617

* * *

Итак, в течение Великой Отечественной войны Советское государство полностью или частично отказалось от комплектования рядов Красной армии *всеми без исключения* коренными народами Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии. Общее по стране число национальностей, не призывавшихся в армию по различным причинам, к концу 1943 г. превысило четыре десятка[361] (включая полиэтнический термин «дагестанцы»). В этом отношении СССР приблизился к показателям дореволюционной России, где в армию также не призывалось несколько десятков этносов и групп этносов (метаэтнических общностей)[362] (в советской литературе называлась

---

[361] Немцы, венгры, австрийцы, румыны, болгары, китайцы, корейцы, турки, греки, поляки, чехи, словаки, польские евреи, иранцы, ассирийцы, айсоры, удины, аварцы, кумыки, лезгины, другие народы Дагестана (подавались одной категорией), горские евреи, ногайцы, осетины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы, адыгейцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, киргизы, казахи, узбеки, таджики, туркмены, армяне, азербайджанцы, абхазцы, тавлины (составлено по: ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210—219, 308; Ф. 209. Оп. 999. Д. 731. Л. 57).

[362] По данным Военного министерства Российской империи, по состоянию на ноябрь 1915 г. это: узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки, киргизы (казахи) и кара-киргизы (киргизы), дунгане, таранчи, татары Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, закавказские татары (азербайджанцы), ингилойцы-мусульмане, абхазцы, курды, иезиды, турки, аджарцы, чеченцы, ингуши,

цифра 45 народов[363]). Более того, даже беглого взгляда достаточно, чтобы заметить много совпадений между двумя эпохами. Само по себе существование таких ограничений — очевидное свидетельство непреодоленных культурно-языковых, социальных, политических различий между господствующим русским этносом и многими народами, населявшими нашу страну. Однако, при схожих результатах, два государственных строя пришли к ним различными путями. Практика комплектования войск нерусским контингентом самодержавной России проявила себя инертной и ригидной, не склонной к поиску иного решения, кроме усиления нажима на русское население. Советская система, напротив, оказалась конъюнктурной и гибкой. Если большинство этносов из дореволюционного списка никогда не несли военной службы, априори считаясь неспособными к таковой, то политическая или культурно-языковая непригодность народов из аналогичного советского списка была определена и установлена практикой военной службы представителей этих народов, всевозможными опытами и экспериментами в этой области, и лишь затем на военную службу накладывались ограничение или запрет.

Анализ практики комплектования рядов Красной армии представителями нерусских народов СССР в годы войны позволяет сделать вывод, что она развивалась в двух направлениях. С одной стороны, получила дальнейшее развитие тенденция последних предвоенных лет, связанная с апробированным в 1939—1940-х гг. массовым призывом нерусских военнообязанных на военную службу. Эта мера, несмотря на издержки, сыграла важную компенсаторную функцию, заместив в первый и второй периоды Великой Отечественной войны[364] дефицит славянских ресурсов в связи с оккупацией противником многонаселенных территорий Украины, Белоруссии и европейских областей РСФСР. Национальные регионы Советского Союза внесли свой весомый исторический вклад в дело Великой Победы над фашизмом.

С другой стороны, получило дальнейшее развитие ограничение приема в армию ряда этносов, которые по различным причинам считались руководством государства и вооруженных сил неподходящими для военной службы.

Эти противоположные по смыслу и содержанию тенденции отражали столь же противоречивые потребности воюющего государ-

---

кумыки, адыге (адыги, черкесы, кабардинцы, абадзехи и др.), осетины, народы Дагестана, вогулы, якуты, малые народы Сибири и Крайнего Севера (тунгусы, остяки, самоеды, гиляки, орочи, тазы, ноны, чукчи, юкагиры, камчадалы, алеуты, эскимосы, айны и проч.), монголы, калмыки, ногайцы, буряты (*Сиднев [А.Ф.]* Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 114).

[363] *Кирсанов Н.А.* В боевом строю... С. 29.

[364] По общепринятой в исторической науке периодизации Великой Отечественной войны, ее первый период приходится на 22.06.1941—18.11.1942 гг., второй — на 19.11.1942 — конец 1943 г. (Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 36, 40).

ства: с одной стороны — критически важную необходимость быстрого возмещения невиданных ранее в истории войн потерь действующей армии. С другой — стремление государства отгородить армию от элемента, по тем или иным критериям признаваемого некачественным, небоеспособным, отрицательно влияющим на исход вооруженной борьбы.

Изменение стратегической ситуации на советско-германском фронте напрямую влияло на этнические акценты в комплектовании Красной армии. Неизменной оставалась роль станового хребта Красной армии, которую выполнял русский этнос, испытывавший демографическую перегрузку в течение всей войны. Под перегрузкой понимается превышение доли представителей этноса в армейских рядах (и как неизбежное следствие — пропорционально высокие боевые потери) над долей этого этноса среди всего населения Советского Союза. Кроме русских ряд других этносов также испытал в разные периоды войны довольно резкие перегрузки, носившие, однако, временный характер. В 1942 г. это были народы Закавказья; следом, в 1942—1943 гг., — народы Средней Азии; с середины 1943 г. повышенная демографическая нагрузка выпала на плечи освобождаемых народов — украинцев, к которым в 1944 г. присоединились белорусы, молдаване, жители Прибалтики. Тюркские и финно-угорские народы РСФСР, а также евреи, проживавшие в основном в тыловой зоне, в течение войны также активно пополняли ряды армии, но чрезмерных перегрузок не испытали.

Реализация второй (ограничительной) тенденции, как показал анализ, выразилась в приостановках обязательного призыва среди ряда этносов, количество которых к концу войны достигло нескольких десятков. Для целого ряда этносов приостановка призыва в армию стала первым звеном в цепи репрессивных акций, окончившихся принудительным выселением всего народа в отдаленные регионы СССР и тяжелыми демографическими потерями. В то же время многократное сокращение представительства репрессированных народов на фронте объективно сокращало уровень их боевых потерь и в определенной степени компенсировало демографические потери, связанные с депортацией.

Глава 7
ПОДГОТОВКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМАНДНЫХ КАДРОВ

7.1. Подготовка и комплектование РККА национальными кадрами командно-начальствующего состава в межвоенный период

В дореволюционной армии среди офицерского состава доминировал восточнославянский суперэтнос (великороссы, малороссы, белорусы), традиционно именовавшийся «русские». Это объяснялось их лучшим доступом к образованию, отсутствием культурно-языковых барьеров, привилегированным положением русских (православных) в продвижении по службе. Также значительную прослойку среди офицеров составляли поляки и немцы. Это положение сохранялось в течение длительного времени. Так, в 1868 г. из 21 013 офицеров Русской армии 16 293 (77,6%) являлись православными (то есть в подавляющем большинстве русскими в широком смысле слова), 2707 (12,9%) — римско-католического вероисповедания (преимущественно поляки), 1516 (7,2%) — протестантского вероисповедания (преимущественно немцы)[1].

Тенденцией было расширение представительства русских (восточных славян) за счет сокращения доли поляков и немцев. Так, в 1912 г. (последний раз в имперскую эпоху этнический состав армии публиковался именно в этом году) в рядах Русской императорской армии числилось 76,8% восточных славян («русских») среди нижних чинов и 86,6% — среди офицеров[2] (таблица 43). В то время как, согласно данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи, по состоянию на 1913 г. русские (включая 43,4% великороссов, 17,4% малороссов и 4,6% белорусов) составляли лишь 65,5% населения империи[3].

---

[1] Ежегодник русской армии за 1869 г. СПб., 1869. С. 16.

[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. СПб., 1913. С. 136—137, 172—173, 278—279.

[3] Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб., 1914. С. 63—65.

Таблица 43

Офицерский состав Русской армии по национальности в 1912 г. (без учета казачьих войск)

	Обер-офицеров, чел.	Штаб-офицеров, чел.	Генералов, чел.	Всего офицеров и генералов	В % к общему числу офицеров и генералов
Русских (великороссов, малороссов и белорусов)	29 069	5535	806	35 410	86,57
Поляков	1915	405	31	2351	5,75
Немцев	874	210	61	1145	2,8
Латышей	263	27	2	292	0,71
Литовцев и жмудин	71	19	3	93	0,23
Татар	186	37	13	236	0,58
Кавказских народностей	852	171	12	1035	2,53
Прочих народностей	298	44	4	346	0,85
Всего	33 528	6448	932	40 908	100

Источник: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 230—231.

Хотя со сменой государственного строя национальная политика в России коренным образом изменилась в пользу прежде ущемленных в правах этносов, в первые годы советской власти в армии нового типа господствующее положение русских (то есть великороссов) среди командного состава новой, Красной армии не только сохранилось, но даже усилилось. Теперь это было связано не с политическими преференциями русским, как раньше, а с тем, что изначальное ядро Советской России составили русские губернии, в то время как национальные регионы в большинстве своем пришлось завоевывать силой в ходе Гражданской войны. Часть территорий, традиционно дававших Русской армии большую прослойку офицеров (Польша, Прибалтика), добились государственной независимости. Резкая убыль командного состава по национальности поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев могла быть компенсирована только русскими.

Как видно из таблицы 44, доля восточных славян (русских, украинцев, белорусов) и татар среди начальствующего состава в Красной армии в период Гражданской войны почти не изменилась по сравнению с аналогичным показателем старой армии. Но оставшаяся доля была кардинальным образом перераспределена. Резко выдвинулись евреи, которые (кроме немногочисленных выкрестов) прежде не допускались к офицерским чинам, а также латыши, занимавшие в структуре советских вооруженных сил периода Гражданской войны особое место. Заметнее всего сократились доли немцев и поляков.

Таблица 44

Начальствующий состав Красной армии по национальности по данным переписи РККА 28 августа 1920 г.

Национальность	Командный состав		Административно-хозяйственный состав		Медицинский состав		Политический состав		Всего	
	В абс. знач., чел.	В %	В абс. знач., чел.	В %	В абс. знач., чел.	В %	В абс. знач., чел.	В %	В абс. знач., чел.	В %
Русские	31 353	82,04	25 952	74,35	11 117	76,27	10 346	76,08	78 439	77,6
Украинцы	2440	6,28	2109	5,93	965	6,57	741	5,55	6255	6,19
Белорусы	1285	3,28	1430	3,98	379	2,59	329	2,49	3423	3,39
Татары	259	0,67	99	0,29	18	0,13	109	0,84	485	0,54
Евреи	296	0,75	2528	6,99	1128	7,65	858	6,37	4810	4,76
Поляки	498	1,29	586	1,66	207	1,43	273	2,04	1564	1,55
Немцы	181	0,47	282	0,8	102	0,72	66	0,51	631	0,62
Латыши	666	1,86	1032	2,97	175	1,2	413	3,14	2286	2,26
Эстонцы	175	0,54	230	0,71	58	0,43	59	0,5	522	0,52
Армяне	141	0,37	237	0,66	105	0,71	42	0,32	525	0,51
Чуваши	100	0,26	66	0,18	32	0,28	21	0,16	219	0,21
Прочие	1194	2,19	1191	1,48	456	2,02	70	2,0	3213	1,85
Всего	38 590	100	35 742	100	14 713	100	13 327	100	102 372	100

Составлено по: Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 176—179 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 106 об.—107).

В этот период предпринимались попытки подготовки красных командиров из представителей нерусских национальностей. Так, с развертыванием украинских частей в декабре 1919 г. распоряжением Главного управления военно-учебных заведений для уроженцев Советской Социалистической Республики Украины были созданы особые отделения: на 300 человек при 1-х Московских пехотных курсах и на 200 человек — при 1-х Московских артиллерийских курсах. К кандидатам предъявлялись следующие требования: командируемые на курсы красноармейцы должны были быть из числа старшин, отделенных, помощников взводных командиров или рядовых, достаточно развиты и грамотны в общем и политическом отношении, коммунисты или сочувствующие[4]. 21 марта 1920 г. «для руководства организацией и деятельностью курсов, находящихся на территории Украины», в Киеве был открыт Украинский отдел ГУВУЗ[5]. Определенные усилия по изысканию командного состава из мусульман и

[4] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 8. Л. 648.
[5] Там же. Д. 9. Л. 651.

переводу его в мусульманские части Красной армии предпринимала Центральная мусульманская военная коллегия при Наркомвоене. В 1919 г. работали курируемые ЦМВК Казанские мусульманские пехотные командные курсы[6]. В 1920 г. в Казани работали пехотные и кавалерийские курсы для мусульман; кроме того, ЦМВК вербовала кандидатов для отправки в отраслевые военные школы в Москву. Только за период с март по ноябрь 1920 г. ЦМВК навербовала в военно-учебные заведения 1517 мусульман. Были и другие попытки подготовки или выявления командных кадров в интересах укомплектования национальных воинских частей. Но в целом эта работа в период Гражданской войны носила эпизодический и частный характер.

После окончания Гражданской войны и десятикратного сокращения численности РККА среди начальствующего состава продолжали значительно преобладать русские. Согласно материалам переписи РККА, состоявшейся 15 марта 1923 г., их удельный вес достигал 83%[7]. В совокупности три восточнославянских народа — русские, украинцы и белорусы — давали подавляющее большинство командного состава — 92,18% (таблица 45).

Таблица 45

Командно-начальствующий состав РККА по национальности по переписи РККА 15 марта 1923 г.

Национальности	В абсолютных значениях, чел.	В относительных значениях, %
Великороссов	25 497	82,92
Украинцев	2138	6,95
Белорусов	710	2,31
Евреев	256	0,83
Татар	174	0,57
Чувашей	41	0,13
Латышей	329	1,07
Мордвин	25	0,08
Немцев	173	0,56
Поляков	393	1,28
Прочих	1016	3,30
Всего	30 752	100

Источник: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы... С. 50.

В связи с намечавшейся программой национальных формирований задача подготовки потребного количества национальных кадров начальствующего состава изначально стояла во главе угла. Еще в мае

[6] Там же. Ф. 11. Оп. 15. Д. 20. Л. 143—144.
[7] Красная армия в 1920-е годы. С. 50.

1923 г., до принятия программы, наркомвоенмор Л.Д. Троцкий назвал ее «первой и основной»[8]. В эти же дни Н.И. Бухарин, ближайший соратник В.И. Ленина и И.В. Сталина, редактор газеты «Правда», обсуждая проект платформы партии по национальному вопросу, писал Сталину, что в военном разделе проекта нужно «основным поставить создание крепкого коммунистического кадра военных, безусловно, преданного»[9]. В резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившего в июне 1923 г., содержался раздел «О практических мерах по организации войсковых частей». Здесь была подчеркнута первостепенная необходимость «создания военных школ в республиках и областях для выработки в известный срок командного состава из местных людей, могущих послужить потом ядром для организации национальных воинских частей». Там же, где имелись «старые кадры из местных людей» (Татария, Башкирия, Закавказье, Украина), предлагалось немедленно приступить к формированию национальных дивизий на милиционных началах[10]. Со своей стороны в августе 1923 г. Штаб РККА разработал проект приказа об учете лиц командного, административного и политического состава, «могущих быть использованными для будущих частей». Также Штаб РККА считал необходимым принять на учет курсантов и младших командиров нерусских национальностей[11]. Как справедливо отмечалось в 1925 г. в еженедельнике «Военный вестник», «подготовить командный состав для будущих [национальных] формирований — это значит решить наполовину задачу создания самих частей»[12].

Особенно важной представлялась задача воспитания военных кадров у этносов, прежде не привлекавшихся к военной службе, для которых накопление минимального числа лиц начальствующего состава являлось отправной точкой для строительства самих национальных формирований. Этой задаче придавалось не только военное, но и важнейшее политическое значение, поскольку национальный командно-начальствующий состав мыслился как наиболее надежный проводник коммунистических идей в национальных регионах Советского Союза. В 1923 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа К.Е. Ворошилов, обосновывая необходимость организации кавалерийской школы для горских народов, писал И.В. Сталину и Л.Д. Троцкому: «Курсы, если их правильно поставить, могут стать местом фабрикации того надежного советски-крепкого молодняка, который... станет приличной опорой советской власти»[13].

[8] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 197. Л. 1.

[9] ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1933 гг. М., 2005. С. 116.

[10] КПСС в резолюциях и решениях... Ч. 1. М., 1953. С. 765—766.

[11] РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 707. Л. 1.

[12] *Мирошников С.Н.* Вопросы национальных вуз // Военный вестник. 1925. 11 апреля. С. 14—16.

[13] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 141.

Хотя на подготовку национальных кадров в системе военно-учебных заведений РККА органами военного управления возлагалась главная надежда, в первые годы реализации пятилетней программы на них нельзя было рассчитывать, поскольку национальные военные школы могли дать первый выпуск средних командиров только в 1928 г.[14] Поэтому изыскивать кадры для укомплектования национальных частей приходилось и иными способами:

— выявлением *национального начальствующего состава в войсках, учреждениях и заведениях РККА* с последующим их переводом в соответствующие национальные воинские части[15];

— выявлением *кадров запаса* на воинском учете командного состава РККА с призывом их в армию для прохождения службы в национальных частях;

— *выдвижением* из числа наиболее способных *младших командиров*;

— *использованием военспецов* (начсостава дореволюционной подготовки и национальных армий периода Гражданской войны).

У некоторых национальностей, намеченных в пятилетней программе национальных воинских формирований в начале 1920-х гг., имелся достаточно многочисленный запас военных специалистов, получившийся благодаря традиции несения военной службы в Русской императорской армии представителями имущих слоев (северокавказские народы, грузины, армяне и др.). В 1920-х гг. и даже в начале 1930-х гг. армянские и грузинские национальные части РККА в основном комплектовались бывшими офицерами Русской императорской армии и армий периода государственной независимости Грузии и Армении (1918—1921 гг.)[16]. Однако комплектование целых соединений *военспецами* было скорее исключением, вызванным конкретно-историческими условиями военного строительства в данном регионе. В других республиках запас командного состава местных национальностей, напротив, исчислялся единицами.

В целом после Гражданской войны советское руководство имело твердое намерение *воспитать собственные кадры*. Основной расчет строился на подготовке новых командных кадров в специализированных военных школах. Как отмечал в вышеупомянутом письме К.Е. Ворошилов, «нам нужно иметь свои кадры [командиров] и политвоенных работников в этих народностях. До тех пор, пока мы будем базироваться на... старых офицерских кадрах, нам будет грозить немалая уголовная и политическая ответственность»[17].

---

[14] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 27. Л. 31—32.

[15] *Катуков В.* Указ. соч. С. 21.

[16] К началу 1931 г. в ККА в старшей группе комначсостава 74,8% служили в царской армии и 68,5% — в национальных армиях; в высшей группе эти показатели составляли 100% и 75%. В среднем звене удельный вес таких командиров был существенно ниже: 6,6% и 8% соответственно (РГВА. Ф. 25873. Оп. 6. Д. 606. Л. 81).

[17] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 128.

Следует отметить, что в 1920-х гг. служба *краскома* (красного командира) не являлась престижной из-за крайне низкого уровня денежного содержания кадрового военнослужащего. Нередко командир влачил полуголодное, нищенское существование и, как следствие, был безразличен к выполнению должностных обязанностей, не говоря уже о его морально-политическом состоянии[18]. Все десятилетие остро стояла проблема текучести командного состава и большого числа вакантных должностей. Как отмечалось на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 г., специально посвященном проблеме текучести кадров, «в армии положение в смысле заработка невыносимо... Рабочие получают на заводе гораздо больше, чем в армии, — естественно, из армии бегут, пытаясь всяческими правдами и неправдами демобилизоваться»[19]. С этой точки зрения молодежь из, как правило, еще более бедных национальных регионов была более мотивирована на построение военной карьеры.

Уже в декабре 1923 г. по поручению заместителя председателя РВС СССР Э.М. Склянского были намечены конкретные военные школы, предназначенные к «национализации», то есть к перепрофилированию для обучения нерусских курсантов[20]. В начале 1924 г. процесс национализации был запущен. Приказом наркома Л.Д. Троцкого от 9 июня 1924 г. «О национализации военно-учебных заведений» было объявлено об организации на базе различных курсов новых национальных вузов для подготовки командного состава на родном языке[21]. Создание национальных военных школ началось раньше, чем была принята пятилетняя программа национальных формирований (декабрь 1924 г.), таким образом, решалась задача опережающей подготовки командиров для национальных частей.

Как показало изучение документов, создание нацшкол проходило частично заново, частично — за счет переформирования *нормальных* школ и курсов. Если на 1 марта 1924 г. национальных заведений было 7 с общей численностью постоянного состава 2248 человек и переменного (курсантов) — 2973, то к 1 ноября 1924 г. их число почти удвоилось: на 13 национальных вузов приходились 4240 человек постоянного и 4961 человек — переменного состава[22]. Уже к концу 1924 г. сеть национальных военно-учебных заведений в стране чрезмерно разрослась и составила без малого 21,3% от всех военно-учебных заведений. По мотивам политической целесообразности расширение численности и штатной емкости национальных вузов продолжалось даже на фоне общего сокращения всех остальных военных школ. «Учитывая надобность в более интенсивной подготовке национального комсостава, — отмечалось в октябре

---

[18] Красная армия в 1920-е годы... С. 118—121.
[19] Там же. С. 68.
[20] РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1419. Л. 5.
[21] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 39.
[22] Там же. Л. 174.

1924 г. в докладе врид начальника Управления военно-учебных заведений (УВУЗ) РККА В.С. Лазаревича в РВС СССР, — нельзя к емкости нацвуз применять нормальную мерку... и следует допустить определенное увеличение емкости нацвуз»[23]. В угоду политическим требованиям с мест организовывались школы даже для тех народов, для которых не намечалось создавать национальных воинских частей. Например, с 1924 г. в Крымской (татарской) кавалерийской школе имелся один эскадрон (142 человека) курсантов крымских татар, хотя крымско-татарских формирований вовсе не планировалось[24]. Как отмечал в своем докладе в РВС СССР 11 мая 1926 г. начальник УВУЗ РККА В.К. Путна, в начальный период «при определении действующей емкости национальных школ... приходилось считаться и с чисто политическими соображениями отдельных республик»[25].

К началу 1925 г. число курсантов национальных военных школ выросло до 9460 человек, среди которых лица нерусской национальности составляли 76,6%[26]. Количество национальных вузов составило 18 (14 командных и 4 военно-политических)[27]. Комплектование школ шло за счет коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов, а также рядовых и младших командиров нерусской национальности, уже проходивших службу в войсках. Наиболее ценным контингентом считались младшие командиры и красноармейцы, которые осознанно выбирали военную карьеру[28]. «Свои» вузы или отделения в военных школах обрели польский, украинский, белорусский, татарский, башкирский, киргизский, грузинский, армянский, азербайджанский народы, а также народы Средней Азии и горские народы Северного Кавказа, для которых были открыты объединенные школы. Еще для ряда народов — мордвин, вотяков (удмуртов), немцев, чувашей, зырян (коми), молдаван — предусматривалось квотирование мест в военных вузах в местах их компактного проживания[29]. В течение 1925 г. открылось еще две национальных школы: Интернациональная объединенная военная школа на 500 курсантов (карелы, финны, эстон-

---

[23] РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1432. Л. 1.

[24] Там же. Л. 2.

[25] Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 573.

[26] РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 112. Л. 26.

[27] Грузинская, Армянская, Азербайджанская объединенные школы, Грузинская и Армянская военно-политические школы, Закавказская военно-пролетарская школа, Среднеазиатская школа комсостава, 5-я объединенная школа червонных старшин, 5-я кавалерийская школа им. т. Зиновьева (Украина), Военно-подготовительная школа (Украина), 7-я объединенная Белорусская школа, Кавалерийская школа горских национальностей Северного Кавказа, 6-я объединенная Татаро-Башкирская школа, Тюркская военно-политическая школа, 8-я объединенная Киргизская школа, 2-я объединенная школа красных коммунаров (Крым), 3-я объединенная интернациональная школа (Крым) (Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 310).

[28] РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 3155. Л. 111.

[29] Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 45.

цы, корейцы) и Объединенная военная школа коммунаров им. Уншлихта на 450 курсантов (поляки)[30].

В течение всего 1925 г. и в начале 1926 г. на специальной комиссии также рассматривался вопрос о преобразовании существовавших с 1922 г. Туркестанских курсов востоковедения для начальствующего состава в высшую военную школу уровня академии для специальной (культурной и языковой) подготовки командного состава к службе, как в Средней Азии, так и в странах Востока (существовавший Восточный факультет Военной академии РККА готовил не командиров, а разведчиков и дипломатов). После обсуждений эта идея была отклонена; курсы остались двухгодичным специальным учебным заведением для командиров, уже окончивших курсы усовершенствования по своему роду войск, а вскоре и вовсе были переданы Наркомпросу[31].

Уже во второй половине 1920-х гг. стало очевидным, что количество национальных школ значительно превышает штатные возможности разворачиваемых национальных формирований. Содержание их для военного бюджета было непомерно дорогим, а нехватка преподавателей, уставной и учебно-методической литературы на местных языках делала обучение малоэффективным. К тому же постоянно уточнялась штатная емкость начсостава национальных формирований, для которых готовились кадры. Поэтому в последующем ежегодно шла коррекция в сторону объединения национальных школ и сокращения их штатов и отделений (прежде всего артиллерийских и кавалерийских). Так, к 1926/1927 учебному году число школ достигло максимума (21[32]), но емкость переменного состава сократилась до 4337 штатных единиц. А к 1927/1928 учебному году число школ сократилось до 9, в то время как емкость переменного состава — до 3927 штатных единиц (пехота — 1650, кавалерия — 962, артиллерия — 700, политсостав — 40, подготовительные отделения — 575)[33]. В число национальных школ входили: Объединенная татаро-башкирская школа (штатная численность курсантов — 442); Объединенная белорусская школа (500 курсантов); Школа червонных старшин (350 курсантов); Объединенная среднеазиатская школа (795 курсантов); Украинская кавалерийская школа (320 курсантов); Киевская артиллерийская школа (200 курсантов); Закавказская

[30] Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 573.

[31] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1—30.

[32] Объединенная интернациональная военная школа Коммунаров им. Уншлихта; объединенные: Интернациональная, Татаро-Башкирская, Белорусская, Казахская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская, Среднеазиатская военные школы, Школа червонных старшин, Крымская, Украинская, Северо-Кавказская кавалерийские школы, Киевская артиллерийская школа, Центральная тюркская школа, Армянская, Грузинская, Азербайджанская военно-политические школы, Закавказская военно-подготовительная школа, Узбекская военно-подготовительная школа, Тифлисская пехотная школа (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 602. Л. 120).

[33] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 89.

подготовительная школа (450 курсантов); Северо-Кавказская горских национальностей кавалерийская школа (320 курсантов) и Закавказская пехотная школа (550 курсантов)[34].

В дальнейшем продолжилась тенденция к оптимизации национальных школ и их специализации в соответствии со штатными потребностями национальных частей. Уже к лету 1929 г. осталось лишь 6 национальных школ, но в то же время дополнительно открылось 10 национальных отделений в военных школах общей сети[35].

Национальные военные школы готовили командиров среднего звена в пехоте и кавалерии (командиры взводов, эскадронов), а также политсостав первичного звена по программам *нормальных* военных школ. Первостепенной задачей было сформировать прослойку командиров взводов, то есть тех командиров, которые непосредственно и больше всех общались с бойцами. После этого старались заместить национальными кадрами должности командиров рот.

Главной задачей национальных школ было воспитать грамотного, политически развитого командира, в совершенстве знающего военное дело, хорошо владеющего формами и методами партийно-политической работы с подчиненными и инструкторскими навыками в области боевой подготовки[36]. Но в целом — и это следует особо подчеркнуть — талантливая, высокообразованная и здоровая молодежь любой национальности могла поступить не только в национальную школу, но и на *любое отделение любого военно-учебного заведения (нормальной школы)*, в том числе школы военно-морского и военно-воздушного профиля, технических родов войск, военных факультетов гражданских вузов[37].

Младший командно-начальствующий состав готовился непосредственно в национальных воинских частях — в полковых школах. Старший и высший командно-начальствующий состав нерусской национальности проходил подготовку на курсах усовершенствования командного состава (КУКС) и в военных академиях по общим программам; в этом звене военного обучения национальных квот не предусматривалось.

18 февраля 1926 г. циркуляром народного комиссара по военным и морским делам № 21 были утверждены «Программы приемных испытаний с объяснительными к ним записками для поступающих в военные, военно-специальные, национальные военные и военно-политические школы РККА». Программа приемных испытаний в нацвузы предполагала выявление уровня политической грамотности абитуриента (по разделам: «Красная армия и вуз», «Февральская и

---

[34] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88 об.—89.

[35] Красная армия в 1920-е годы. С. 188.

[36] *Назих Э.-Б.Р.* Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923—1939 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 14—15.

[37] Всего таковых к концу 1920-х гг. насчитывалось 37.

Октябрьская революции», «Союз Советских Социалистических Республик», «Союз трудящихся СССР и мирового пролетариата»); знаний основ русского языка (минимальный набор слов для устной речи; основы чтения и письма на русском языке; знание всех букв русского алфавита и умение складывать простейшие фразы); знаний по географии (умение объяснить основные географические, астрономические понятия; знание карты страны и умение читать карту; основные сведения о политическом и социально-демографическом положении СССР); знаний по арифметике (устная и письменная нумерация, сложение, вычитание, умножение, деление чисел первой сотни в уме; знание о долях и арифметические действия с ними; старые и новые меры длины и веса). Пятым экзаменом являлся родной язык, требования к знанию которого варьировались. С учетом большого разброса культурно-образовательного уровня абитуриентов-*националов* и первичности социально-классового отбора перед общеобразовательным циркуляр допускал «необходимые отступления» от требований программы, как в сторону усложнения испытаний, так и в сторону их «значительного упрощения» и сокращения объема вопросов[38].

Единые подходы в развитии военного образования для народов СССР и методы подготовки национальных военных кадров были выработаны и утверждены на проходившем в марте 1926 г. представительном совещании работников военно-национальных вузов под председательством начальника Управления военно-учебных заведений (УВУЗ) РККА В.К. Путны[39]. Здесь обсуждался широкий круг вопросов, связанных с подготовкой командно-политических кадров для национальных частей: подводились первые итоги работы и строительства национальных вузов, определялись их перспективы и выслушивались мнения представителей с мест, которые затем были учтены в докладе начальника УВУЗ в РВС СССР[40]. В совещании участвовали представители следующих школ: Казахской, Татаро-Башкирской, Среднеазиатской, Закавказской военно-подготовительной, Северо-Кавказской горских национальностей, Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Крымской кавалерийской, Бухарской. Также в совещании участвовали представители Совета национальностей ЦИК СССР, отдела нацменьшинств ЦК ВКП(б), ПУ РККА, инспекций, окружных политуправлений.

В итоговых резолюциях и постановлениях совещания были охвачены все практические вопросы деятельности национальных школ: обязательное обучение курсантов родному и русскому языкам, причем в случае с последним — в объеме достаточном для подготовки в рамках курса нормальной школы; адаптация учебных программ и учебного процесса под потребности и культурные особенности кон-

[38] РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1184. Л. 1, 18—24.

[39] Полную стенограмму и резолюции совещания см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 527. Л. 1—158.

[40] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 12.

тингентов; подготовка учебников и военных пособий на местных языках; обеспечение потребного количества вакансий для *национа-лов*, не имеющих своих школ, и расширение их приема в нормальные школы на общие отделения и т. д.[41] Эти решения были положены в основу развития национальных военно-учебных заведений на последующие годы.

По итогам совещания начальник УВУЗ В.К. Путна поставил задачу более внимательного подхода к отбору абитуриентов: «Строго согласовывать емкость национальных школ и количество вакансий с реальными потребностями нацчастей, резко повысить требования к подготовке кандидатов из нацмен и не заполнять вакансии абы кем, даже оставляя их незаполненными; увеличить партийную прослойку и улучшить социальный состав»[42].

Национальным вузам были разработаны недельные и годовые почасовые раскладки учебно-строевых занятий. Для кавалерии и пехоты предлагался четырехлетний курс обучения, а для артиллерии — пятилетний. Первый курс был подготовительным, поскольку общеобразовательная подготовка и знание русского языка курсантов-*националов* в большинстве случаев были низкими[43]. Общее число учебно-строевых занятий в неделю в подготовительном классе должно было составлять в среднем 34 часа, в последующих классах — не более 44—45 часов.

Классные предметы подразделялись на три группы: общеобразовательная группа (русский язык, родной язык, математика, природоведение, география, рисование и черчение); военная группа (тактика, топография, артиллерия, инженерное дело, администрация); группа обществоведения (обществоведение и курс политической подготовки). В кавалерийских школах большое место уделялось конной подготовке — изучению лошади и ухода за ней, вольтижировке, джигитовке, преодолению препятствий, рубке лозы и стрельбе с коня[44]. Вследствие низкой общей грамотности большинства курсантов на младших курсах наибольшее количество часов (в среднем по пять в неделю) уделялось общеобразовательным предметам — русскому и родному языкам, математике, обществоведению. Военное образование (общевоенная подготовка, изучение технических средств борьбы, стрелковое дело, полевые тактические занятия, физическая подготовка) постепенно наращивалось к старшим курсам, составляя 10 часов в неделю на подготовительном курсе и 20 часов — на выпускном[45].

---

[41] Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 575.

[42] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 23.

[43] Впрочем, это была общая проблема курсантов всех национальностей. Так, на 1 января 1927 г. в сухопутных военных школах лишь 13% курсантов имели среднее образование (на уровне семилетней школы), 85% имели низшее образование (на уровне школы первой ступени), а 2% вовсе не имели образования (Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии. Кн. 1. Военно-учебные заведения (по состоянию на 1 января 1930 г.). М., 1930. С. 8).

[44] *Харазия Х.Л.* Дорогами мужества. М., 1984. С. 11.

[45] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 19—20.

На первом основном курсе обучения преобладали общеобразовательные предметы. В зимний период в основном проходили классные занятия, а летом курсанты вели боевую подготовку в полевых лагерях. Учебный год продолжался десять с половиной месяцев. На первом и втором курсах были месячные стажировки в войсках: в первый год — в должности командира отделения, во второй — командира взвода[46].

Анализ деятельности национальных военных школ на конкретном документальном материале показывает, что, несмотря на определенные льготы при поступлении, к курсантам предъявлялись высокие требования. Тех, кто не соответствовал требованиям красного командира по своим физическим, образовательным или морально-психологическим характеристикам, приходилось отсеивать. Например, для Северо-Кавказской кавалерийской школы горских национальностей с первого же набора, состоявшегося в 1924 г., серьезной была проблема высокого отсева курсантов. На стадии приема кандидатам предстояло выдержать целый ряд экзаменов по общеобразовательным предметам и физической подготовке, самыми сложными из которых были математика и русский язык[47]. Было решено при ежегодных наборах держать сверхкомплект в 60 человек с учетом большого отсева курсантов в период обучения[48]. Практика подтвердила правильность этой меры. В последующем отсев курсантов оставался стабильно высоким. Так, в 1925 г. было набрано 102 курсанта, а в 1928 г. выпущено из этого набора лишь 35 курсантов и еще 22 человека были оставлены на второй год в разных классах. Отсеяно, таким образом, 45 человек (44%). В 1926 г. было набрано 60 курсантов, из которых в 1929 г. выпустились только 12, оставлены на второй год — 15, отсеяно — 33 человека (55%)[49]. В среднем по военным школам процент отсева в связи с неуспеваемостью, состоянием здоровья, политико-моральным причинам также был высок, но не настолько, как в приведенном примере (за 1928—1937 гг. из всех военных школ было отчислено 23,4% курсантов[50]). В национальных школах большой отсев объяснялся более низкими культурно-образовательными характеристиками курсантов, недостаточным знанием русского языка. По воспоминаниям бывшего курсанта школы, впоследствии генерал-лейтенанта, абхазца по национальности Х.Л. Харазия, занятия отличались большой интенсивностью, плотностью и сложностью курсов. Не все курсанты выдерживали такую нагрузку[51].

---

[46] *Харазия Х.Л.* Указ. соч. С. 10.

[47] Там же. С. 9—10.

[48] РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 10. Л. 70 об.

[49] Там же. Оп. 1. Д. 1155. Л. 40.

[50] Там же. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 17. Л. 189.

[51] *Харазия Х.Л.* Указ. соч. С. 11—15. Следует добавить, что немалая часть лучших выпускников школы (по 10 человек в 1928 и 1929 гг.) отбиралась в войска ОГПУ. Таким образом, в конницу РККА попадала лишь незначительная часть первоначального набора курсантов.

Боевая учеба начальствующего состава продолжалась затем в течение всей службы в национальных частях. Для всех частей Красной армии основными элементами боевой учебы являлись: тактическая, общевойсковая, стрелковая и физическая подготовка. Тактические занятия проводились с начальствующим, курсантским и рядовым составом в течение года по планам боевой подготовки. Они подразделялись на теоретическую учебу и практические действия в поле. Отдельным специфическим видом командирской учебы была разного рода кружковая и клубная работа по освоению русского языка. Слабое его знание не давало пользоваться богатой военной литературой на русском языке и тем самым повышать свою профессиональную квалификацию[52].

С командным составом занятия проводились дифференцированно, по должностным категориям. Средний состав командиров и политработников обучали командиры и комиссары батальонов, полков или бригад. Их, в свою очередь, вышестоящие начальники. Полученные знания проверялись и закреплялись на батальонных, полковых, дивизионных и окружных военных играх и учениях.

О возросших боевых возможностях командного состава национальных воинских формирований свидетельствует самостоятельное проведение ими во второй половине 1920-х гг. крупных военных игр с большим количеством вводных, требовавших достаточно высоких тактических знаний. Например, такая военная игра была проведена в Азербайджанской дивизии с 21 по 28 августа 1928 г.[53] В 1927 г. в Закавказье прошли учения по противодесантной обороне Черноморского побережья, где каждая национальная дивизия имела свой участок обороны. Аналогичные учения проводились в Среднеазиатском военном округе. Национальный командный состав также активно привлекался и к окружным военным играм. В них нередко участвовал весь руководящий состав до командиров полков включительно. В 1928 г. Реввоенсовет СССР подвел итоги военной подготовки старшего и среднего начальствующего состава. Было отмечено, что в целом в национальных воинских формированиях произошел заметный сдвиг в лучшую сторону. К слабым сторонам относились: недостаточное овладение современными типами вооружения, организацией боя, топографией и теорией стрельбы[54].

В результате принятого руководством Красной армии комплекса мер численность начсостава нерусской национальности постепенно росла. В абсолютных значениях это выражалось в следующих данных. На 1 июля 1926 г. в РККА числились командиры и начальствующий состав 29 национальностей. Подавляющее их большинство (88%) попрежнему относилось к трем восточнославянским народам — русским, украинцам и белорусам. Из общего числа 49 018 человек на-

[52] *Лепин Э.* Указ. соч. С. 87.
[53] РГВА. Ф. 928. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.
[54] *Назих Э.-Б.Р.* Указ. соч. С. 15.

чальствующего состава имелось: 36 042 русских, 4496 украинцев, 2585 белорусов, 958 евреев, 807 грузин, 798 латышей, 463 армянина, 350 немцев, 281 татарин, 261 эстонец, 260 тюрок (азербайджанцев), 178 литовцев, 59 мордвин, 24 узбека, 20 осетин, 19 киргизов, 11 лезгин, 8 киргизов-казаков (казахов), 7 ингушей, 7 калмыков, 4 чеченца, 4 мегрела, 3 черкеса, 3 аварца, 2 ногайца, 2 кабардинца, 2 абхазца, 1 имеретинец, 1 даргинец[55].

Анализ национального состава командно-начальствующих кадров Красной армии с 1923 по начало 1927 г. показывает постепенное сокращение удельного веса русских и рост удельного веса командного состава других национальностей. При росте численности украинцев и белорусов общее представительство восточных славян среди начсостава сократилось с 92,6% до 85,4%, что в целом соответствовало аналогичному дореволюционному показателю среди офицеров (таблица 46).

Сравнение национальнстей начсостава к январю 1927 г. с доступными по переписи РККА на 17 декабря 1926 г. данными о числе курсантов военно-учебных заведений говорит о безусловном приоритете в подготовке нерусских военных кадров. Так, если русских среди начальствующего состава числилось 71,1%, то среди курсантов — только 61,1%, зато у украинцев это соотношение составляло 9,7 и 15,5%, у белорусов — 4,6 и 6,0%, у армян — 1,1 и 1,8%, у грузин — 1,5 и 1,8%, у азербайджанцев — 0,5 и 1,0%, у татар — 0,7 и 1,1%[56]. Более того, удельный вес русских курсантов в эти годы имел тенденцию к сокращению (с 63,8% в апреле 1925 г. до 60,1% в декабре 1927 г.).

Таблица 46

Динамика численности начсостава РККА по национальности в 1923—1927 гг., в процентах

Годы	Национальности							
	Русские	Украинцы	Белорусы	Поляки	Евреи	Латыши, литовцы, финны, эстонцы	Армяне, грузины	Прочие
1923	83,2	7,0	2,4	1,7	1,4	2,5	1,6	0,2
1924	78,5	6,5	3,9	1,3	1,7	2,6	2,9	2,6
1925	74,1	8,6	5,6	1,4	1,9	2,8	2,7	2,9
1926	73,5	9,2	5,3	1,4	2,0	2,9	2,6	3,1
1927	71,1	9,7	4,6	1,4	2,1	Н. д.	2,6	6,1

Примечание. По евреям за 1927 г. показан только командный состав.

Составлено по: РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 231. Л. 98; ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3.

[55] РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 33.
[56] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3.

В начале 1930-х гг. выявленные тенденции в подготовке национальных кадров начсостава Красной армии продолжились. Их относительные значения отражены в таблице 47. По состоянию на январь 1931 г. списочная численность Красной армии составляла 607 570 человек, из которых начальствующего состава — 84 531 человек, младшего начальствующего состава — 103 423 человека, курсантов вузов — 27 438 человек[57].

Данные таблицы 47 важны тем, что отражают исторический период строительства Красной армии, относящийся к пику развития национальных формирований и подготовки национальных военных кадров в межвоенный период. Однако уже в это время определился закат национального сегмента РККА, связанный с его несовместимостью с технической перестройкой и численным развертыванием Красной армии. В таблице наиболее показательно соотношение столбцов 3, 5 и 6, которые демонстрируют соотношение командного состава к рядовому по каждой национальности, а также состояние подготовки национальных кадров в военно-учебных заведениях.

Таблица 47

Личный состав РККА по национальности на 1 января 1931 г., в процентах

Национальности	Всего по РККА (без переменного состава вуз)	Начальствующий состав	Младший начальствующий состав	Рядовой состав	Переменный состав военных школ
1	2	3	4	5	6
Русские	64,57	69,47	65,05	63,46	64,92
Украинцы	18,43	11,66	19,55	19,28	18,53
Белорусы	4,94	4,82	5,06	4,94	5,11
Татары	1,33	0,73	1,18	1,73	1,20
Чуваши	0,33	0,16	0,27	0,37	0,26
Мордвины	0,57	0,14	0,44	0,68	0,27
Марийцы	0,09	0,02	0,07	0,12	0,03
Удмурты	0,13	0,01	0,11	0,16	0,01
Коми (зыряне)	0,15	0,05	0,17	0,17	0,08
Башкиры	0,17	0,05	0,14	0,20	0,27
Евреи	2,17	4,19	1,99	1,81	2,82
Армяне	1,15	1,05	1,12	1,17	1,09
Грузины	1,23	1,41	1,27	1,19	1,08
Азербайджанцы	0,45	0,47	0,39	0,46	0,43
Казахи	0,15	0,06	0,13	0,17	Н. д.
Узбеки	0,35	0,15	0,23	0,42	0,23
Таджики	0,06	0,02	0,04	0,07	0,04
Туркмены	0,18	0,06	0,14	0,21	0,14
Эстонцы	0,15	0,55	0,10	0,08	0,18

[57] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7.

Национальности	Всего по РККА (без переменного состава вуз)	Начальствующий состав	Младший начальствующий состав	Рядовой состав	Переменный состав военных школ
1	2	3	4	5	6
Латыши	0,25	1,19	0,14	0,09	0,27
Карелы	0,15	0,11	0,12	0,16	0,09
Немцы	0,68	0,57	0,54	0,73	0,31
Поляки	0,74	1,28	0,65	0,65	0,97
Осетины	0,14	0,10	0,11	0,16	0,31
Горцы Северного Кавказа	0,15	0,05	0,07	0,19	Н. д.
Другие	1,29	1,61	0,90	1,32	1,36

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7—117.

Анализ этих данных показывает, что по значительному количеству национальностей, активно вовлеченных в процесс строительства нацчастей (белорусы, армяне, грузины, азербайджанские тюрки, карелы, осетины), был достигнут паритет между этими тремя показателями. Еще у целого ряда народов (украинцы, белорусы, татары, чуваши, башкиры, узбеки, туркмены) достижение паритета ожидалось в ближайшие годы, благодаря осуществлявшейся высокими темпами подготовке военных кадров в военных школах. У ряда так называемых *европейских* народов (эстонцы, латыши, немцы, поляки, а также евреи) в силу традиций показатели столбцов 3 и 6 превышали показатели столбца 5. Также таблица демонстрирует высокий удельный вес русского командного состава, хотя удельный вес русских курсантов вузов уже сбалансировался и соответствовал общему удельному весу русских в армии. Следует отметить, что для всех перечисленных этнических категорий показатели столбца 4 (младший начальствующий состав) также стремятся к балансу с рядовым составом.

Эффективной балансировке всех составов (начальствующего, младшего начальствующего, рядового, а также переменного состава вузов) способствовала стабильность штатной и списочной численности Красной армии. В начале 1930-х гг. численность РККА в целом поддерживалась в рамках лимита, установленного еще после окончания Гражданской войны. Рост численности Красной армии происходил медленно и составил за 10 лет лишь 11,7%.

В 1930-х гг. в связи с развернувшейся *технизацией* Красной армии, совершенствованием организации и тактики войск постоянно усложнялись программы обучения, возрастали требования к кандидатам в военные школы. Еще в 1930 г. для поступления в национальную школу на пехотное или кавалерийское отделение достаточно было знания лишь азов русской и родной грамоты, математики, обществознания, географии и природоведения; затем курсант получал недостающие знания по общеобразовательным предметам в пе-

риод учебы на подготовительном курсе[58]. С начала 1930-х гг. общеобразовательный уровень кандидатов стал быстро расти. Если в 1932 г. в целом по всем военным школам только 22,3% из них имели законченное среднее образование, то в 1934 г. уже 77% имели образование не ниже семилетней школы[59]. А в 1936 г. нарком обороны потребовал вовсе прекратить прием в школы лиц с образованием ниже 7 классов[60]. С 1934 г. в военных школах было введено обучение иностранным языкам. С 1935 г. большинство из них перешли на 3,5-летнее обучение[61]. 16 марта 1937 г. приказом НКО № 36 сухопутные военные школы были переименованы в училища. Росту вербовки курсантов способствовало улучшение физической годности молодежи призывного возраста (в 1928 г. — 50,4%, в 1930 — 56,9, в 1934 — 69,7, в 1938 — 84,9% были признаны годными к строевой службе), что относили «за счет общего улучшения материально-бытового положения трудящихся, частично — за счет результатов лечебно-оздоровительных мероприятий»[62]. Лучшие призывники, наиболее образованные, физически развитые и морально устойчивые, отбирались в военные училища. При этом, в отличие от 1920-х гг., во второй половине 1930-х отмечался рост престижа военной службы[63]. Например, в 1936 г. зафиксировано почти десятикратное превышение числа поданных абитуриентами заявлений над штатным количеством мест в военных школах[64]. Масштабы подготовки командного состава непрерывно росли: за 1930-е гг. сеть военных школ (училищ) выросла в несколько раз.

Структура военного образования перестраивалась под требования дня, что не могло не сказываться на национальных школах. Так, в течение 1930-х гг. в пользу технических отраслей неуклонно сокращалось число пехотных и кавалерийских школ, среди которых оказалось и несколько национальных. Если в 1926 г. в Красной армии было 26 пехотных школ и 5 кавалерийских, то в 1935 г. оставалось 15 пехотных школ и 1 кавалерийская[65]. Удельный вес пехотинцев и кавалеристов, готовившихся военными школами за этот период, сократился более чем вдвое (с 60,5% в 1927 г. до 25,5% в 1935 г.)[66]. Под сокращения в 1933 г. попала Украинская кавалерийская школа,

---

[58] Красная Татария. 1930. 3 апреля.

[59] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 51. Л. 444—451. Повышение образовательного уровня курсантов можно проиллюстрировать следующими данными. Образовательный ценз курсантов, набранных на 1924/1925 учебный год, составил: 6,6% лиц с высшим и средним образованием, 84,4% — с низшим и 9% самоучек (*Мирошников С.Н.* Вопросы национальных вуз // Военный вестник. 1925. № 14. 11 апр. С. 15).

[60] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 51. Л. 194—197.

[61] Там же. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 17. Л. 189.

[62] Там же. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 155.

[63] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 441. Л. 30—31.

[64] Там же.

[65] ЦАМО. Ф. 54. Оп. 12301. Д. 1. Л. 1.

[66] Там же. Л. 17.

в 1934 г. — Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей, в 1935 г. реорганизации подверглись Закавказская пехотная и Татаро-Башкирская объединенная школы и т. д.[67] На этом фоне военное образование все более унифицировалось. Во второй половине 1930-х гг. национальные военные школы (с 1937 г. — училища) фактически утратили свой национальный статус, принимая на обучение граждан всех национальностей.

К началу 1938 г. в составе Красной армии насчитывалось 10 военных училищ, в которых обучался значительный по численности национальный контингент (Киевское пехотное, Одесское артиллерийское, 1-е и 2-е Киевские артиллерийские, Одесское пехотное, Киевское военное училище связи, Сумское артиллерийское, Бакинское пехотное, Тбилисское и Ташкентское военные училища)[68]. Все эти училища дислоцировались в союзных республиках (Украинская, Азербайджанская, Грузинская, Узбекская ССР), но ни одно из них уже не носило в своем наименовании этнонима, а называлось по городу, в котором оно располагалось.

В быстро растущей в 1930-х гг. организационно и численно Красной армии сами рамки национальных формирований становились тесными для перспективных командиров-*националов*, для которых служебное продвижение вне своей части было затруднено. Так, в 1938 г. комиссия Генштаба РККА, работавшая в Отдельной кавалерийской бригаде горских национальностей Северного Кавказа (развернута в 1936 г. на базе Нацкавполка горских национальностей Северного Кавказа), выявила «явное занижение комначсостава бригады в военных званиях и служебном использовании». Например, 6 старших лейтенантов имели стаж службы в Красной армии с 1924—1925 гг., 12 лейтенантов — с 1929—1930 гг., 21 лейтенант — с 1931—1932 гг. Из-за узости штата эти командиры по многу лет «перехаживали» в своих званиях и должностях, не имея карьерных перспектив[69]. С другой стороны, хорошо подготовленные командиры нерусской национальности из *номерных* частей, как правило, не желали переходить для продолжения службы в нацчасти, мотивируя это тем, что «в русской части у них больше перспектив для продвижения»[70].

Формальную черту под планомерной подготовкой национальных командно-начальствующих кадров в предвоенный период подвело перераспределение курсантского состава нерусских национальностей десяти перечисленных выше военных училищ, компактно готовивших национальные кадры. Это произошло в рамках реализации совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О национальных

[67] ЦАМО. Ф. 54. Оп. 12301. Д. 1. Л. 127—129.
[68] РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 46.
[69] Там же. Л. 96.
[70] *Левин*. Политическая работа в национальных частях (По опыту Приволжского военного округа) // Военный вестник. 1929. 28 декабря. С. 26.

частях и формированиях РККА» от 7 марта 1938 г., санкционировавшего расформирование национальных частей. 16 апреля 1938 г. по прямому распоряжению наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова курсантский состав нерусской национальности «без особого приказа и шумихи, в порядке перераспределения» был переведен для продолжения обучения в другие училища[71]. В рамках реализации этого же постановления командно-начальствующий состав переформируемых национальных соединений подлежал обязательному «рассредоточению», которое выразилось в принудительном переводе для продолжения службы в другие военные округа[72]. Замена национальных кадров составила суть реорганизации национальных частей, поскольку штатной структуры частей она не затронула. Таким образом, за три года до начала Великой Отечественной войны национальный командно-начальствующий состав целенаправленно был «растворен» в господствующей в Красной армии русской культурно-языковой среде.

Окончательный отказ от специализированной подготовки и использования национальных командно-начальствующих кадров в 1938 г. произошел в общем контексте мероприятий по упразднению национальных формирований и перехода к экстерриториальному комплектованию РККА. В основе этих мероприятий лежало озвученное в постановлении от 7 марта 1938 г. представление руководства страны и Красной армии о достижении выравнивания культурного уровня граждан всех национальностей, подлежавших мобилизации, в связи с чем отпала необходимость в особой организации национальных контингентов (национальных воинских формирований) и подготовки для руководства ими национальных командно-начальствующих кадров. Целенаправленное рассредоточение комначсостава и курсантов нерусской национальности, осуществленное в первой половине 1938 г., преследовало цель ускорить его адаптацию к условиям службы вне своего региона. Вполне вероятно, что еще несколько лишних мирных лет позволили бы завершить этот процесс как планировалось. В дальнейшем подготовка военных кадров велась без различия национальностей в военно-учебных заведениях всех типов: академиях, курсах усовершенствования, военных училищах, краткосрочных курсах младших лейтенантов. Учебный процесс повсеместно осуществлялся только на русском языке. По распоряжению наркома обороны в училищах, дислоцированных в союзных республиках, норма курсантов местных национальностей теперь не должна была превышать 7—10%[73].

За десять лет — с 1928 по 1937 г. — военные школы и училища сухопутных сил выпустили 68 517 молодых командиров[74]. Этого ко-

---

[71] РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 46.
[72] Там же. Л. 9—11.
[73] Там же. Л. 47.
[74] Там же. Оп. 3а. Д. 17. Л. 189.

личества едва хватало покрыть текущие штатные потребности войск. О создании запаса комначсостава, дальнейшем наращивании численности войск и переводе их на кадровую основу при таких темпах говорить не приходилось. Поэтому в последние предвоенные годы сеть военно-учебных заведений и их штатная емкость быстро росли, удовлетворяя потребности столь же быстро растущей Красной армии. Если в 1937 г. насчитывалось 49 военных училищ сухопутных войск со штатной численностью курсантов 36,1 тыс. человек[75], то к началу войны командно-начальствующие кадры для армии готовили 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования, в которых обучалось свыше 300 тыс. человек. Количество выпущенных всеми типами военно-учебных заведений лиц комначсостава за неполный 1941 г. превысило показатели 1937 г. в 20 раз (с 2185 человек до 43 445 человек)[76]. Запас комначсостава вырос в 1940 г. по сравнению с 1937 г. более чем в 6 раз[77].

Результаты подготовки национальных военных кадров к началу 1938 г. в относительных значениях раскрыты в таблице 48. Общая численность Красной армии за семь лет по сравнению с январем 1931 г. выросла вдвое — до 1 215 601 человек; численность командного и начальствующего состава достигла 173 230 человек, младшего начсостава — 226 873 человека, курсантов сухопутных училищ — 34 879 человек, курсантов училищ ВВС — 17 090 человек[78].

Таблица 48

Сводные данные учета личного состава РККА по национальности по состоянию на 1 февраля 1938 г. (в процентах)

Националь-ность	Всего командного и начсо-става	Младший начсостав	Рядовой состав	Слушатели военных академий	Курсанты сухопутных военных училищ	Курсанты военных училищ ВВС	Всего в РККА
1	2	3	4	5	6	7	8
Русские	*65,57*	*62,69*	*66,51*	*67,55*	*61,63*	*67,22*	*66,32*
Украинцы	*18,33*	*24,96*	*16,85*	*13,30*	*23,29*	*22,91*	*19,00*
Белорусы	**4,63**	**4,67**	**2,71**	**3,81**	**4,09**	**2,52**	**3,43**
Татары	0,91	0,70	2,75	0,54	0,82	1,37	2,08
Чуваши	0,23	0,34	0,99	0,24	0,39	0,25	0,74
Мордвины	0,27	0,21	0,97	0,22	0,35	0,35	0,73
Марийцы	0,05	0,06	0,28	0,02	0,10	0,04	0,20
Удмурты	0,04	0,09	0,43	0,02	0,11	0,11	0,30

---

[75] *Комал Ф.Б.* Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 25.

[76] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 27. Л. 31—32.

[77] Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1963. С. 10.

[78] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 114. Л. 2.

Националь-ность	Всего командного и начсо-става	Младший начсостав	Рядовой состав	Слушатели военных академий	Курсанты сухопутных военных училищ	Курсанты военных училищ ВВС	Всего в РККА
1	2	3	4	5	6	7	8
Зыряне (коми)	0,07	0,13	0,20	0,07	0,10	0,03	0,17
Башкиры	0,09	0,14	0,57	0,07	0,19	0,25	0,41
Евреи	**4,93**	**1,71**	**2,75**	**9,73**	**3,65**	**2,51**	**1,86**
Армяне	**0,91**	**0,72**	**0,78**	**1,04**	**0,86**	**0,75**	**0,80**
Грузины	**0,82**	**0,73**	**0,80**	**0,36**	**1,10**	**0,54**	**0,80**
Азербай-джанцы	*0,23*	*0,23*	*0,33*	*0,15*	*0,37*	*0,04*	*0,29*
Казахи	0,09	0,17	0,40	0,06	0,34	0,12	0,31
Узбеки	0,10	0,12	0,31	0,04	0,16	0,07	0,24
Таджики	0,02	0,08	0,25	0,02	0,06	0,01	0,18
Туркмены	0,04	0,09	0,19	0,05	0,06	0,01	0,14
Молдаване	*0,07*	*0,07*	*0,08*	*0,05*	*0,06*	*0,00*	*0,08*
Эстонцы	**0,19**	**0,05**	**0,04**	**0,11**	**0,09**	**0,02**	**0,07**
Латыши	0,29	0,05	0,03	0,34	0,05	0,04	0,07
Финны	**0,05**	**0,02**	**0,03**	**0,01**	**0,02**	**0,01**	**0,03**
Карелы	**0,07**	**0,07**	**0,08**	**0,04**	**0,09**	**0,04**	**0,07**
Немцы	**0,34**	**0,28**	**0,29**	**0,20**	**0,09**	**0,15**	**0,29**
Поляки	**0,74**	**0,26**	**0,21**	**0,63**	**0,09**	**0,07**	**0,30**
Осетины	**0,22**	**0,15**	**0,18**	**0,35**	**0,30**	**0,18**	**0,19**
Горские народы Северного Кавказа	*0,10*	*0,14*	*0,18*	*0,07*	*0,08*	*0,04*	*0,16*
Бурято-монголы	0,02	0,08	0,12	0,15	0,36	0,01	0,10
Прочие	1,17	0,73	0,71	1,34	0,08	0,36	0,63

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 114. Л. 2.

Представленный в таблице временной срез интересен тем, что он практически совпал с официальным упразднением национальных формирований и национального военного образования (март 1938 г.) и, таким образом, зафиксировал итоговую картину подготовки национальных военных кадров на фоне быстро численно растущей Красной армии. Кроме того, таблица отражает состояние комначсостава Красной армии *накануне* развертывания репрессивных *национальных операций* НКВД, существенно изменивших этнический расклад в этой категории военнослужащих. В таблице полужирным выделены национальности, удельный вес комначсостава среди которых был выше, чем среди рядовых. Курсивом выделена группа этносов, у которых удельный вес рядового состава сбалансирован с аналогичным показателем командно-начальствующего состава или превышает его, но не более чем в два раза. Представленные материалы показывают, что наи-

более сбалансированы показатели командно-начальствующего состава у трех восточнославянских этносов, трех закавказских этносов, евреев и так называемых *европейских* национальностей. Последние очень скоро стали объектом целенаправленных чисток в рамках *национальных операций* НКВД, развернувшихся в начале 1938 г. У прочих советских этносов (народы РСФСР и среднеазиатские народы) разрыв между представительством в рядовом и командно-начальствующем составе оставался многократным. В случае с нерусскими гражданами РСФСР это было связано с тем, что они призывались на военную службу на общих основаниях; выделения национальных военно-учебных заведений для них не предусматривалось (кроме татар и башкир), поскольку не предусматривалось и национальных воинских формирований. У среднеазиатских народов малочисленность национального командно-начальствующего состава объяснялась недостатком военно-учебных заведений и слабой подготовкой местной молодежи.

В 1938 — первой половине 1941 г. мероприятия военного ведомства по подготовке и накоплению кадра комначсостава в значительно меньшей степени учитывали национальный фактор, чем раньше. В основном этот учет был связан с ограничительной политикой в отношении представителей ряда этносов. В предвоенный период был запрещен прием в военные училища уроженцев вновь присоединенных к СССР западных регионов: Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Латвии, Литвы, Эстонии[79].

Сворачивание квотированного набора нерусских граждан в военные училища шло на фоне быстрого численного роста Красной армии и стало причиной растущей разбалансировки национального представительства между тремя категориями военнослужащих — командно-начальствующим, рядовым и курсантским составами.

Особенно наглядно этот тезис иллюстрируется данными таблицы 49, в которой представлено удельное представительство четырех самых многочисленных в Красной армии этносов — русских, украинцев, белорусов и евреев — в сравнении с остальными народами СССР в течение 15 лет. Материалы таблицы свидетельствуют о том, что максимально сбалансированными между собой удельные значения командно-начальствующего, рядового и курсантского составов у этой совокупной категории военнослужащих оказались к 1931 г., когда развитие национальных формирований и национальных военных школ достигло максимума (строка 6). В дальнейшем удельный вес рядового состава в этой категории военнослужащих рос, а командного и курсантского — сокращался, достигнув к 1941 г. трехкратной разницы. У четырех доминирующих в РККА этносов (русских, украинцев, белорусов, евреев) непрерывно росла доля комначсостава и курсантов, в то время как у остальных народов — доля рядового состава (столбцы 1—3 и 10—12).

---

[79] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 38. Л. 2—3.

Таблица 49

Соотношение русских, украинцев, белорусов и евреев с остальными народами среди личного состава РККА в 1926—1941 гг.

Национальность	17.12.1926 г.			1.01.1931 г.			1.01.1936 г.			1.02.1938 г.			1.01.1941 г.		
	Начальствующий состав	Рядовой состав	Курсантский состав военных школ	Начальствующий состав	Рядовой состав	Курсантский состав военных школ	Начальствующий состав	Рядовой состав	Курсантский состав военных школ	Начальствующий состав	Рядовой состав	Курсанты сухопутных военных училищ (без училищ ВВС)	Начальствующий состав	Рядовой состав	Курсанты военных училищ и курсов мл. лейтенантов
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**
Русские	69,86	63,16	59,17	69,47	63,46	64,92	67,32	66,23	65,42	65,57	67,61	57,98	64,21	53,34	61,44
Украинцы	10,15	18,64	14,58	11,66	19,28	18,53	15,87	19,34	20,17	18,33	17,13	21,91	21,26	19,56	23,01
Белорусы	4,85	4,13	6,25	4,82	4,94	5,11	4,53	3,11	4,24	4,63	2,75	3,85	4,44	4,34	4,8
Евреи	4,7	1,63	3,53	4,19	1,81	2,82	5,06	1,27	3,36	4,93	2,79	3,43	3,57	1,54	3,1
ВСЕГО	89,56	87,56	83,53	90,14	89,49	91,38	92,78	89,95	93,19	93,46	90,28	87,17	93,48	78,78	92,35
Остальные национальности	10,44	12,44	16,47	9,86	10,51	8,62	7,24	10,05	6,81	6,54	9,72	12,83	6,52	21,22	7,65

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7—117; Д. 87. Л. 1—39; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

Таблица 50

Национальный состав курсантов военных училищ с 1.01.1931 г. по 1.01.1941 г.

Национальность	На 1.01.1931 г.		На 1.01.1934 г.		На 1.01.1936 г.		На 1.01.1940 г.		На 1.07.1940 г.		На 1.01.1941 г.	
	Переменный состав военных школ	В %	Слушатели и курсанты военных школ нормал. типа	В %	Слушатели и курсанты военных школ	В %	Курсанты военных училищ	В %	Курсанты военных училищ и курсов мл. лейтенантов	В %	Курсанты военных училищ и курсов мл. лейтенантов	В %
Русские	17 813	64,92	28 020	64,41	38 577	65,27	79 306	62,76	131 151	62,13	143 722	61,44
Украинцы	5084	18,53	8182	18,8	11 995	20,3	30 705	24,30	50 933	24,13	53 839	23,01
Белорусы	1401	5,11	1909	4,39	2517	4,26	5008	3,96	10 478	4,96	11 224	4,8
Татары	329	1,20	408	0,94	594	1,01	1197	0,95	2640	1,25	2819	1,21
Чуваши	70	0,26	43	0,1	198	0,34	663	0,52	1307	0,62	1405	0,6
Мордвины	73	0,27	133	0,31	164	0,28	654	0,52	1116	0,53	1187	0,51
Марийцы	7	0,03	23	0,05	53	0,09	142	0,11	297	0,14	275	0,12
Удмурты (вотяки)	4	0,01	42	0,1	56	0,09	213	0,17	453	0,21	481	0,21
Коми-зыряне	21	0,08	20	0,04	75	0,13	173	0,14	322	0,15	325	0,14
Башкиры	73	0,27	95	0,22	114	0,19	204	0,16	420	0,20	420	0,18
Евреи	774	2,82	1972	4,53	1981	3,35	4229	3,35	5960	2,82	7251	3,1
Армяне	**300**	**1,09**	**448**	**1,03**	**564**	**0,95**	**844**	**0,67**	**1674**	**0,79**	**1765**	**0,75**
Грузины	**297**	**1,08**	**310**	**0,71**	**432**	**0,73**	**620**	**0,49**	**1201**	**0,57**	**1156**	**0,49**
Азербайджанцы	**117**	**0,43**	**122**	**0,28**	**123**	**0,21**	**137**	**0,11**	**381**	**0,18**	**387**	**0,17**
Казахи	**Н. д.**	**Н. д.**	**48**	**0,11**	**55**	**0,09**	**232**	**0,18**	**952**	**0,45**	**1112**	**0,48**
Узбеки	**64**	**0,23**	**68**	**0,16**	**72**	**0,12**	**98**	**0,08**	**340**	**0,16**	**520**	**0,22**
Таджики	**10**	**0,04**	**28**	**0,06**	**31**	**0,05**	**28**	**0,02**	**73**	**0,03**	**101**	**0,04**
Туркмены	**39**	**0,14**	**35**	**0,08**	**27**	**0,05**	**22**	**0,02**	**79**	**0,04**	**71**	**0,03**
Другие	962	3,51	1608	3,7	1460	2,47	1881	1,48	1318	0,62	5740	2,33
ВСЕГО	27 438	100	43 514	100	59 088	100	126 356	100	211 095	100	233 938	100

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 41. Д. 1 об.; Д. 125. Л. 151—152; Д. 167. Л. 3—4; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

Материалы таблиц 49 и 50 демонстрируют быстрый рост численности курсантов средних военно-учебных заведений накануне войны. Ускоренный прирост численности курсантов финно-угорских и тюркских этносов РСФСР объясняется возможностью подобрать курсантов с относительно высоким образовательным цензом и хорошо владевших русским языком.

Полужирным шрифтом в таблице 50 выделены этносы, имевшие до 1938 г. свои национальные формирования. Хорошо заметны изменения в национальной структуре курсантского состава между 1936 г., когда еще существовали национальные квоты для приема в военно-учебные заведения, и 1940 г., когда квоты уступили место образовательному цензу.

Преимущество трех восточнославянских этносов и евреев в служебном росте по отношению к другим советским этносам можно объяснить наличием общей платформы, тесно их объединявшей, — русского языка — и готовности военнослужащих, представлявших три этноса (за исключением, собственно, русских), к максимальной русификации. Этот феномен этнополитического «компаньонства» с русскими и наличия в Советской армии «глубоко русифицированной национальной среды» справедливо отмечался в западной историографии еще в 1970-х гг., в частности Т. Раковски-Хармстоун и Э. Каррер д'Анкосс[80]. Правда, исследователи того периода не обладали сколько-нибудь серьезной эмпирической базой для развития этого тезиса. Французская исследовательница Э. Каррер д'Анкосс, издавшая в 1979 г. труд, посвященный национальным проблемам в СССР, достаточно точно определила место русского языка в советских вооруженных силах как универсальный инструмент «переваривания» разных культур в армейском коллективе.

Статистическим способом объективное доминирование русского языка в источниках зафиксировано лишь однажды — переписью РККА 1939 г. Опрос военнослужащих о родном языке полностью подтверждает приведенные выше наблюдения об этносах-«компаньонах». Именно среди военнослужащих украинцев, белорусов и евреев насчитывалось наибольшее число лиц, отказавшихся от родного языка в пользу русского. Среди военнослужащих украинской национальности украинский язык назвали родным только 75,5% военнослужащих, среди белорусов назвали белорусский 64,5%, а среди евреев «еврейский» — лишь 21%[81]. Генетическая близость восточнославянских языков и широкое распространение общих разговорных форм (суржиков) делали языковой барьер между ними несущественным. Учитывая численное доминирование восточных славян и евреев в войсках, господство русского языка в Красной

---

[80] *Rakowska-Harmstone T.* Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks, 1978. P. 22; *Каррер д'Анкосс Э.* Расколотая империя: Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982. С. 201—202.

[81] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 135. Л. 2—3.

армии было безусловным. Однако в целом работал этот инструмент неравномерно. Благодаря политике коренизации, окончательный отказ от которой в масштабах страны произошел лишь во второй половине 1930-х гг., большинство неславянских этносов перед войной сохраняли низкий уровень русификации[82].

Конечно, отказ от родного языка в пользу русского — лишь косвенный признак, указывающий на распространенность в данной этнокультурной среде жизненной стратегии, нацеленной на построение карьеры в общесоюзном пространстве. В реалиях советского (а до этого — российского) культурно-образовательного ландшафта значительно проще и быстрее было осуществлять карьерный рост в русской культурно-языковой среде. Принадлежность к ней объективно ранжировала военнослужащих, ограничивая служебный рост менее адаптированных *инородцев* (см. таблицу 51, в которой представлены данные на 1 января 1941 г.). Поэтому именно русские, украинцы, белорусы и евреи были представлены среди командно-начальствующего (офицерского) состава шире, чем среди рядового состава, а среди командиров, в свою очередь, доля русских возрастала по мере повышения воинских званий военнослужащих[83].

Оценить национальный состав кадра командного и начальствующего состава Красной армии перед войной в абсолютных и относительных значениях позволяют таблицы 51 и 52, составленные по материалам Организационного управления Генерального штаба Красной армии. На 1 января 1941 г. Красная армия насчитывала по списку 3 866 760 человек, из которых лиц командного и начальствующего состава — 513 768 человек, младшего начальствующего состава — 575 473 человека, рядового состава — 2 517 321 человек, слушателей академий — 26 260 человек, курсантов военных училищ и курсов младших лейтенантов — 233 938 человек[84].

Таблицы 51 и 52 подводят итог межвоенному этапу подготовки кадров РККА в этнонациональном разрезе. Они отражают состояние Красной армии предмобилизационного периода, когда численность армии за счет внеочередных призывов, учебных сборов и задержек демобилизаций была доведена почти до 4 млн человек. Как было показано выше, предвоенный прирост численности личного состава Красной армии был обеспечен за счет усиления мобилизационной нагрузки на все советские народы. Но распределение этой нагрузки было крайне неравномерным: как видно из приведенных данных, подготовка командного состава этих национальностей заметно отставала. Для тюркоязычных и финно-угорских народов, бурятов, а

---

[82] Представители еще нескольких, но значительно более малочисленных в РККА народов также указывали родной язык реже остальных: осетины (85,9%), армяне (83,3%), мордвины (74,4%), карелы (70,8%), немцы (69,6%) (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 135. Л. 2—3).

[83] *Каррер д'Анкосс Э.* Указ. соч. С. 200—202.

[84] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

Таблица 51

Списочная численность начальствующего состава Красной армии по национальностям на 1.01.1941 г., чел.

Национальность	Командный состав	Начальствующий состав						Итого командно-начальствующего состава	Слушатели академий	Курсанты военных училищ и курсов мл. лейтенантов
		Военно-политический	Военно-технический	Военно-хозяйственный и админ	Военно-медицинский	Военно-ветеринарный	Военно-юридический			
Русские	179 635	40 765	60 359	36 338	11 930	2883	1004	332 914	18 136	143 722
Украинцы	63 582	11 824	17 185	11 490	3856	1001	269	109 207	4176	53 839
Белорусы	13 553	2112	3262	2555	943	279	106	22 810	958	11 224
Татары	2740	634	538	355	161	42	9	4479	190	2819
Чуваши	967	229	211	207	103	19	9	1745	120	1405
Мордвины	970	252	259	146	68	20	6	1721	79	1187
Марийцы	221	36	45	83	29	2	4	420	22	275
Удмурты	263	50	50	87	27	5	2	484	31	481
Коми	319	88	91	82	25	4	1	610	25	325
Башкиры	494	108	79	52	28	6	1	768	21	420
Буряты	107	34	41	48	6	1	—	237	17	138
Евреи	6515	3377	3385	2320	2449	113	173	18 332	1915	7251
Армяне	1874	422	554	394	274	39	18	3577	177	1765
Грузины	1831	285	276	287	261	25	8	2973	63	1156
Азербайджанцы	458	104	69	52	128	7	5	823	24	387
Казахи	362	80	50	53	35	6	2	588	20	1112

Узбеки	177	36	20	27	45	1	1	307	9	520
Киргизы	29	6	1	1	1	1	—	39	3	96
Таджики	51	2	4	3	10	—	—	70	—	101
Туркмены	69	9	3	10	2	—	—	90	3	71
Калмыки	59	14	5	15	3	4	—	100	1	60
Молдаване	237	56	53	33	6	2	—	387	13	288
Эстонцы	1552	35	170	289	64	20	1	2131	6	88
Латыши и латгальцы	1712	30	178	242	79	28	1	2270	9	598
Литовцы	1343	16	111	187	67	26	2	1752	2	412
Финны	123	32	29	46	13	—	1	244	1	27
Карелы	194	73	39	63	17	4	1	391	11	242
Немцы	290	16	66	44	27	8	1	451	16	260
Греки	164	37	45	23	17	1	—	287	12	112
Персы	—	1	4	1	1	—	—	7	—	5
Корейцы	14	2	3	1	1	—	—	21	1	14
Китайцы	—	4	—	2	—	—	—	6	2	1
Поляки	607	35	136	108	45	3	2	936	32	168
Болгары	81	19	20	12	4	2	1	139	10	39
Румыны	7		2		1			10	1	4
Осетины	807	138	135	58	58	5	4	1205	72	1319
Кабардинцы и балкарцы	88	23	7	7	4	1	—	130	5	98
Чеченцы и ингуши	57	10	5	7	5	—	—	84	2	70
Народности Дагестана	201	35	19	28	27	3	2	315	16	426
Другие	432	71	90	47	51	3	3	697	58	1204
ВСЕГО	282 193	61 100	87 602	55 798	20 872	4566	1637	513 768	26 260	233 938

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

также жителей Закавказья разрыв между удельным весом командного и рядового состава (столбцы 2 и 6) по сравнению с 1931 г. (таблица 47) и 1938 г. (таблица 48) вырос в 2—3 раза, а для народов Средней Азии — в десятки раз.

Опережающий прирост численности командно-начальствующего состава относительно рядового состава отмечен только у семи этносов — русских, украинцев, белорусов, евреев, осетин, эстонцев и латышей (выделено в таблице 52 полужирным).

Таблица 52

Относительная численность личного состава Красной армии по национальностям на 1.01.1941 г. (в процентах)

Национальность	Всего начсостава	Слушателей академий	Курсантов военных училищ и курсов мл. л-тов	Младшего начсостава	Рядового состава
1	2	3	4	5	6
Русские	**64,21**	**69,06**	**61,44**	**62,75**	**53,34**
Украинцы	**21,26**	**15,9**	**23,01**	**21,44**	**19,56**
Белорусы	**4,44**	**3,65**	**4,8**	**4,29**	**4,34**
Евреи	**3,57**	**7,29**	**3,1**	**1,58**	**1,54**
Итого четырех национальностей	**93,48**	**95,9**	**92,35**	**90,06**	**78,78**
Татары	0,87	0,72	1,21	1,42	2,35
Чуваши	0,34	0,46	0,6	0,77	0,91
Мордвины	0,33	0,3	0,51	0,57	0,81
Марийцы	0,08	0,08	0,12	0,21	0,28
Удмурты	0,09	0,12	0,21	0,25	0,32
Коми	0,12	0,1	0,14	0,21	0,23
Башкиры	0,15	0,08	0,18	0,33	0,46
Буряты	0,05	0,06	0,06	0,08	0,11
Армяне	0,7	0,67	0,75	0,92	1,25
Грузины	0,58	0,24	0,49	0,86	1,64
Азербайджанцы	0,16	0,09	0,17	0,37	1,45
Казахи	0,11	0,08	0,48	0,8	2,17
Узбеки	0,06	0,03	0,22	0,52	3,38
Киргизы	0,01	0,01	0,04	0,1	0,56
Таджики	0,01	0	0,04	0,11	0,64
Туркмены	0,02	0,01	0,03	0,09	0,45
Калмыки	0,02	0	0,03	0,05	0,09
Молдаване	0,08	0,05	0,12	0,1	0,18
Эстонцы	**0,41**	**0,02**	**0,04**	**0,2**	**0,28**
Латыши и латгальцы	**0,44**	**0,03**	**0,26**	**0,37**	**0,37**
Литовцы	0,34	0,01	0,18	0,33	0,44
Осетины	**0,23**	**0,27**	**0,56**	**0,19**	**0,12**

Национальность	Всего начсостава	Слушателей академий	Курсантов военных училищ и курсов мл. л-тов	Младшего начсостава	Рядового состава
1	2	3	4	5	6
Кабардинцы и балкарцы	0,03	0,02	0,04	0,06	0,12
Чеченцы и ингуши	0,02	0,01	0,03	0,04	0,18
Народности Дагестана	0,06	0,06	0,18	0,15	0,41
Другие	0,62	0,55	0,89	0,76	1,9

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

И совершенно не случайно большинство перечисленных народов относилось к лидерам по числу лиц мужского пола, обладавших средним и высшим образованием. Именно из этой категории населения перед войной рекрутировалась образованная молодежь для военных училищ, составляя подавляющую массу курсантов (таблица 53).

Таблица 53

Уровень образования мужского населения СССР по национальностям по Всесоюзной переписи

Национальность	Со средним образованием		С высшим образованием	
	В абс. значениях, тыс. чел.	На 1000 мужчин	В абс. значениях, тыс. чел.	На 1000 мужчин
Русские	4238,0	90,2	418,6	8,8
Украинцы	**1344,8**	**100,8**	**110,2**	**8,8**
Белорусы	229,3	89,0	19,6	7,6
Евреи	**369,8**	**256,4**	**100,2**	**69,5**
Грузины	**162,6**	**143,6**	**23,2**	**20,5**
Армяне	**137,7**	**125,0**	**16,8**	**15,2**
Азербайджанцы	86,0	72,2	8,1	6,8
Татары	128,5	61,1	6,6	3,1
Мордвины	29,5	42,3	1,6	2,3
Чуваши	55,3	83,4	3,0	4,5
Башкиры	20,9	50,8	0,9	2,3
Немцы	50,3	75,4	4,9	7,3
Эстонцы	**8,8**	**134,4**	**1,1**	**17,4**
Латыши	**11,1**	**181,7**	**2,1**	**34,9**
Узбеки	59,6	23,7	2,9	1,2
Таджики	12,2	19,3	0,5	0,9
Казахи	57,7	36,0	2,4	1,5
Киргизы	7,0	15,3	0,2	0,4
Туркмены	9,1	21,6	0,4	1,0

Национальность	Со средним образованием		С высшим образованием	
	В абс. значениях, тыс. чел.	На 1000 мужчин	В абс. значениях, тыс. чел.	На 1000 мужчин
Осетины	**19,3**	**105,9**	**1,9**	**10,2**
Народности Дагестана	17,3	40,4	0,9	2,0
Чеченцы	2,8	13,6	0,1	0,5
Кабардинцы	4,1	49,3	0,1	1,7
Ингуши	2,3	49,6	0,1	2,8
Черкесы	3,9	87,8	0,2	4,1
Поляки	**35,3**	**128,7**	**4,3**	**15,5**
Литовцы	**3,6**	**212,2**	**0,9**	**51,2**
Калмыки	2,8	39,2	0,2	3,0

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 85—86.

Требования к социальным и образовательным характеристикам кандидатов в военные училища в предвоенный период были наиболее жесткими. Кандидаты проходили двойной отбор — в районных военкоматах или в воинских частях (если кандидат был военнослужащим), а затем держали экзамен в самом училище. Партийно-комсомольская прослойка курсантского состава училищ должна была составлять не менее 70%[85]. Значительное число слушателей и курсантов рекрутировалось из тех этносов, которые были наилучшим образом встроены в русскоязычную культурно-социальную среду, имели хорошую образовательную базу. И напротив, представительство в военно-учебных заведениях отстающих в развитии общего образования народов значительно сократилось, квотирование мест для них было отменено. Незнание многими выпускниками национальных школ русского языка ставило перед ними непреодолимый барьер для поступления в военные училища.

Именно в этом следует искать причину образовавшегося перед войной разрыва между численностью командно-начальствующего и рядового составов нерусской национальности. Среди младшего командного и начальствующего состава также доминировали три восточнославянских народа — русские, украинцы и белорусы (евреи в данном случае не составляли значительной прослойки). На 1 июля 1939 г. их совокупный удельный вес среди младших командиров составял 92,2%, в то время как среди рядового состава — 86,6%. У представителей народов Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии отмечалась противоположная тенденция — среди рядового состава их удельный вес достигал 5,2%, в то время как среди младшего командного состава — только 1,8%[86]. По сравнению с аналогичными пока-

[85] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 38. Л. 20—21.
[86] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 127. Л. 52 об.

зателями пятилетней давности (на начало 1934 г. они составляли 3,5% и 2,2% соответственно[87]) этот дисбаланс фактически удвоился.

В дальнейшем диспропорция между составами военнослужащих лишь усугублялась. Во многих западных военных округах к 1940 г. она стала очень значительной. Например, в Прибалтийском особом военном округе на 35 922 красноармейца с Кавказа и из Средней Азии насчитывалось лишь 18 командиров казахской национальности, 1 киргиз, 4 таджика, 13 узбеков, 26 азербайджанцев, 109 грузин и 153 армянина. В Ленинградском военном округе на 41 717 уроженцев Кавказа и Средней Азии имелось 2 командира-казаха, 3 узбека, 3 азербайджанца, 11 грузин, 41 армянин. Аналогичная ситуация складывалась и в других приграничных западных военных округах (Западном особом, Киевском особом, Одесском)[88].

Не менее острой была проблема с укомплектованием подразделений младшими командирами из числа представителей национальностей Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья. Их удельный вес в массе военнослужащих-*националов* был крайне низок и к началу 1941 г. составлял лишь 13,3 тыс. человек или 5,7%. Это критически сужало возможности для быстрого и качественного обучения бойца и адаптации его к военной службе.

Однако никаких специальных организационных мер в связи с возникшим дисбалансом национальностей в предвоенный период не предпринималось. Ведь сосредоточение красноармейцев одной национальности в одной воинской части и подбор им командиров той же национальности означали бы не что иное, как возврат к национальным формированиям, совсем недавно реорганизованным и считавшимся изжившими себя. Единственным шагом в этом направлении, предпринятом в самом низовом звене, можно считать то, что с объявлением очередного осеннего призыва 1940 г. наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко была определена квота в 3—4% в полковых школах для нерусских военнослужащих с целью подготовки младших командиров[89]. Также предпринимались усилия для откомандирования младших командиров среднеазиатских национальностей в наиболее нуждавшиеся в них округа (прежде всего в КОВО). Однако эти возможности были крайне ограничены — таких специалистов везде не хватало. Например, в Калининском военном округе, которому было приказано откомандировать в КОВО младших командиров по национальности узбеков, таджиков и казахов, таковых нашлось лишь 34 человека. Часть из них оказалась танкистами, и заменить их было некем[90].

В целом нами не выявлено никаких специальных мероприятий по перераспределению командиров и политработников-*националов* в во-

[87] Подсчитано по: Там же. Ф. 7. Оп. 24. Д. 41. Л. 2 об.
[88] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 3—7.
[89] Там же. Д. 12. Л. 96.
[90] РГВА. Ф. 54. Оп. 14. Д. 16. Л. 252.

инские части с большим количеством нерусских красноармейцев. Также в предвоенный период не было предпринято попытки оценить количество и качество комначсостава, владеющего языками народов СССР. Об этом можно судить по тому, что, когда на рубеже 1940—1941 гг. во всех военных округах прошел полный переучет комначсостава запаса (приказ НКО № 0325 от 19 ноября 1940 г.), среди задач этого мероприятия выяснения национальных и языковых характеристик контингента не предусматривалось, в том числе в военных округах, полностью или частично дислоцировавшихся на территории союзных республик (САВО, ЗакВО, ПриВО)[91]. Планировавшиеся на лагерный период 1941 г. (лето—осень) учебные 45—90-дневные сборы комначсостава и приписного состава 108 стрелковых дивизий и других частей и учреждений (всего должно было быть привлечено 975,9 тыс. человек) также не предусматривали учета национально-языковых особенностей запасных контингентов при комплектовании частей и организации военной подготовки[92]. Таким образом, на рубеже 1930—1940-х гг., с расформированием национальных частей, прекращением специальной подготовки национальных кадров, переходом на экстерриториальное комплектование войск при одновременном многократном увеличении призыва в национальных регионах СССР, возник острый дисбаланс между рядовым и командно-начальствующим составом нерусской национальности.

* * *

Исследование показало, что в межвоенный период подготовка национальных кадров командно-начальствующего состава была непосредственно увязана с программой национальных воинских формирований и являлась необходимым условием реализации этой программы. Национальные кадры комначсостава готовились именно для укомплектования нацчастей. В то же время представители подавляющего большинства этносов, населявших СССР, могли беспрепятственно поступать в любое военно-учебное заведение и овладеть любой военной специальностью. В этом случае этнокультурные и языковые особенности командира нерусской национальности не принимались в расчет и он проходил обучение, а затем военную службу на общих основаниях.

Анализ показал, что изыскание национальных кадров для укомплектования национальных частей, особенно в первые годы реализации программы национальных формирований, осуществлялось несколькими способами: перевод в национальную часть из других частей, призыв из запаса, мобилизация *военспецов* и др. Однако, безусловно, наиболее предпочтительно для советской власти с самого

---

[91] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 6. Л. 1—12.
[92] Там же. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 333. Л. 12—15.

начала было воспитание собственных кадров в военно-учебных заведениях. Это стало причиной развертывания широкой сети национальных военных школ, число которых и штатная емкость постепенно были синхронизированы с развитием нацформирований. Наибольшего развития национальное военное образование достигло во второй половине 1920-х гг. Во второй половине 1930-х гг. быстрый численный рост Красной армии, переход к массовому призыву и экстерриториальному комплектованию войск сделали национальные военные училища, как и национальные воинские формирования, излишними. В то же время в предвоенный период были воспитаны тысячи национальных командно-начальствующих кадров, проявивших себя затем в годы Великой Отечественной войны.

7.2. Национальные военные кадры в период Великой Отечественной войны

В воспоминаниях советского писателя К.М. Симонова есть запись его беседы с Адмиралом Флота Советского Союза И.С. Исаковым. Немотря на грубоватость слога, рассказанный Исаковым эпизод весьма точно передает суть проблемы укомплектования войск национальными кадрами, поэтому заслуживает стать своеобразным эпиграфом нижеследующему параграфу.

В начале 1942 г. И.С. Исаков присутствовал при докладе Е.А. Щаденко И.В. Сталину в его кабинете в Кремле: «Щаденко докладывал о сложности пополнения частей обученными кадрами. Сложности эти, уже обнаружившиеся к тому времени, были связаны с тем, что во многих национальных республиках почти не было обученных национальных кадров, прошедших действительную военную службу. В связи с этим, — по воспоминаниям Исакова, — Сталин сказал буквально следующее: „Вы говорите, что некоторые национальные кадры плохо воюют. А что вы хотите?! Те народы, которые десятилетиями откупались от воинской повинности и у которых никогда не было своей военной интеллигенции, все равно не будут хорошо воевать, не могут хорошо воевать при том положении, которое исторически сложилось“»[93].

В период Великой Отечественной войны движение командно-начальствующего (с 1943 г. — офицерского) состава Красной армии приняло колоссальные масштабы. Согласно обобщающей справке Учетно-статистического управления Главного управления кадров НКО, на 22 июня 1941 г., общая списочная численность кадров комначсостава (без учета политсостава и ВВС) составляла 435 915 чело-

[93] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине. М., 1988. С. 320.

век. За годы войны офицерского состава прибыло: 2 224 884 человека, а убыло — 1 047 676 человек, и к концу войны состояло в рядах Красной армии — 1 382 115 человек[94].

Основными источниками пополнения войск командно-начальствующим составом в период Великой Отечественной войны стали: призыв комначсостава запаса (674,2 тыс. человек), подготовка в военных училищах и приравненных к ним заведениям (702,6 тыс. человек), а также на окружных, фронтовых, армейских курсах младших лейтенантов (414,8 тыс. человек), выдвижение из рядового и младшего командно-начальствующего состава (257,4 тыс. человек[95]), перевод на командную работу из политсостава (137,8 тыс. человек), перевод из ВМФ, НКВД, ВВС (21,5 тыс. человек[96]).

Перечисленные источники использовались в годы войны неравномерно. Комначсостав запаса в основном был исчерпан уже в первые ее месяцы. Только на мобилизационное развертывание Красной армии потребовалось 652,3 тыс. человек[97]. В последующие периоды войны три четверти потребности в пополнении средним командно-начальствующим составом, в том числе нерусской национальности, покрывали выпуски из военных училищ и курсов младших лейтенантов. Наибольшего размаха подготовка средних командиров в училищах и на кратковременных курсах достигла в 1942 г. К этому времени сеть военно-учебных заведений была расширена и перестроена под массовую подготовку кадров. Сроки обучения были предельно сокращены, а учебные программы оптимизированы до необходимого минимума профессиональных знаний. Подготовка курсантов и слушателей шла под девизом: «Учить только тому, что потребуется на войне»[98].

Из-за прогрессирующей нехватки физически здоровой, хорошо образованной молодежи требования к кандидатам, особенно к фронтовикам, в первый период войны были существенно снижены. Как отмечалось в одном из докладов об особенностях подготовки командного состава, «наиболее ценным контингентом для подготовки командиров в военное время являются курсанты из фронтовиков рядового и младшего командного состава, даже при недостаточно полном их общем образовании»[99].

С 1943 г. острота в комплектовании войск офицерскими кадрами стала спадать. Этому способствовал коренной перелом в войне и сокращение убыли офицерского состава в результате боевых потерь, а также налаживание системы военно-учебных заведений всех уровней, готовивших командно-начальствующий состав в количестве достаточ-

[94] ЦАМО. Ф. 9. Оп. 309. Д. 5. Л. 65.

[95] Еще 38,1 тыс. человек младших командиров (сержантов) и рядовых, стоявших на офицерских должностях, выбыло из строя до получения офицерских званий.

[96] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 89. Л. 50.

[97] Военные кадры Советского государства... С. 86.

[98] Там же. С. 87—88.

[99] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 239. Л. 24.

ном не только для покрытия текущих потребностей войск, но и для выделения резерва офицерского состава[100]. Это позволило сократить количество курсантов военных училищ и часть самих училищ, одновременно улучшив качество подготовки кадров: с июня 1943 г. были повышены сроки обучения (в пехотных училищах — до одного года, в других училищах — до двух лет), а с октября 1943 г. изменен порядок комплектования военных училищ курсантами: прием гражданской молодежи призывного возраста резко сократился в пользу красноармейцев и младших командиров, предпочтительно фронтовиков и выздоравливающих из госпиталей. В 1944—1945 гг. происходила планомерная замена преподавателей училищ фронтовиками. К концу войны в основном были восстановлены довоенные сроки обучения, комплектование училищ осуществлялось военнослужащими, в то время как прием гражданской молодежи практически прекратился.

Исследование этнонационального аспекта подготовки и комплектования войск командно-начальствующим (офицерским) составом в годы Великой Отечественной войны потребовало как учета описанных общих тенденций в развитии военных кадров Красной армии, так и выявления и анализа особенных черт, связанных с реализацией национальной политики государства в подготовке и использовании военных кадров.

Анализ массива документальных данных, связанных с формированием воинских частей и соединений, а также маршевых подразделений в первые месяцы войны, позволяет утверждать, что их комплектование командным и начальствующим составом, призванным из запаса в военных округах, так же как и комплектование военных училищ и курсов переменным составом (курсантами), осуществлялось без учета национально-языковых особенностей. Таким образом, неукоснительно соблюдался довоенный порядок, введенный после упразднения национальных формирований в 1938 г. В этот период военкоматы не вели учета комначсостава запаса по национальностям, а военные училища округа не отражали национальность курсантского состава в сводных отчетных документах. Окружные штабы, в свою очередь, таковых сведений не требовали.

Однако негативное влияние национального фактора, проявлявшегося прежде всего в сфере языковой коммуникации в воинском коллективе, определилось уже в период мобилизационного развертывания армии. Если на большей части территории РСФСР, Белоруссии и Украины языковые особенности мобилизуемых контингентов не имели особого значения, то в союзных республиках Закавказья, Средней Азии, ряде национальных автономий РСФСР они скоро привели к серьезным осложнениям из-за возникавшего между командным и рядовым составом языкового барьера. Командирами рот, взводов и отделений в начале войны, как правило, на-

---

[100] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Оп. 366. Л. 1—17.

значали русских и украинцев, поскольку именно они составляли основную массу комначсостава. По образному выражению советского поэта Б.А. Слуцкого, бывшего политработника и сотрудника трибунала, в первый период войны комплектуемые в Закавказье, Средней Азии воинские подразделения «напоминали войско Чингиза или Тимура — косоглазое, широкоскулое и многоязычное, а командиры рот — плантаторов и мучеников сразу, надсмотрщиков на строительстве вавилонской башни на другой день после смешения языков»[101].

Решение Государственного Комитета Обороны о масштабном воссоздании национальных формирований, принятое в ноябре 1941 г., являлось, в числе прочего, попыткой решить проблему языковой коммуникации между командным и рядовым составом в воинских частях, куда на укомплектование поступали уроженцы Кавказа и Средней Азии. В короткий период времени было развернуто формирование свыше 50 национальных соединений. Их имманентной чертой являлась этноязыковая монолитность рядового и командно-начальствующего состава. Поэтому подбор командиров стал краеугольным камнем всего процесса формирования национальных формирований, и от решения этой задачи в значительной мере зависели их боевые качества.

Анализ документальной базы позволяет утверждать, что единой программы укомплектования национальных дивизий и бригад комначсоставом в годы войны принято не было. Государственный Комитет Обороны, объявивший в своем постановлении № 894сс от 13 ноября 1941 г. о сформировании 20 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад, возложил эту заботу на военные советы округов (САВО, СКВО, УрВО), которым было предписано: «Начальствующим составом обеспечить *по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими* (выделено мной. — *Авт.*)»[102]. Фактически это означало, что полагаться местным органам военного управления нужно было прежде всего на собственные ресурсы военных кадров. Несколько позднее аналогичная обязанность была возложена и на Военный совет ЗакВО, который приступил к формированию нацчастей в феврале 1942 г. Отдельно комплектовались комначсоставом прибалтийские соединения.

Приняв за основу действовавшие на рубеже в конце 1941 г. и в первой половине 1942 г. штаты стрелковых и кавалерийских соединений[103], возможно оценить общую потребность национальных фор-

[101] *Слуцкий Б.А.* О других и о себе. М., 2005. С. 120.

[102] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85—85 об.

[103] Для стрелковой дивизии — штат 04/750 (командно-начальствующего состава — 963 человека, младшего начальствующего состава — 1811 человек, рядового состава — 8420 человек); для стрелковой бригады — штат 04/330 (командно-начальствующего состава — 407 человек, младшего начальствующего состава — 845 человек, рядового состава — 3138 человек); для кавалерийской дивизии — штат 06/230 (командно-начальствующего состава — 406 человек, младшего начальствующего состава — 704 человека, рядового состава — 3347 человек).

мирований в командно-начальствующем составе в период их формирования (хотя предложенный расчет носит условный характер в силу того, что многие соединения в связи с изменениями штатов переформировывались по нескольку раз[104]). Для установленного количества национальных формирований, созданных в начальный период войны (19 национальных стрелковых дивизий, 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 национальных стрелковых бригад), требовалось 33 422 человека командно-начальствующего состава и 61 164 человека младших командиров и начальников.

Проблема подбора национальных кадров решалась различными способами: подготовкой командиров в военных училищах и на курсах младших лейтенантов, переводом и взаимообменом командиров и политработников нужных национальностей между частями и учреждениями, призывом комначсостава запаса, выдвижением на командные должности наиболее достойных младших командиров и красноармейцев из числа «националов». Особенно интенсивно эта работа развернулась в 1942 г. Чаще всего подбор комначсостава нужной национальности велся в масштабах одного военного округа (фронта). Усилия высших кадровых органов и органов комплектования Красной армии выявлены только в тех случаях, когда изыскание и сосредоточение в местах формирования или в запасных частях лиц нужных национальностей или воинских специальностей требовало координации между войсковыми объединениями (округами и фронтами) или же требовалась подготовка командиров дефицитной специальности, например кавалеристов. Так было в отношении командиров прибалтийских национальностей, а в конце войны — поляков. Командный состав иных национальностей из других войсковых объединений распоряжениями Главного управления кадров Красной армии не перебрасывался, хотя в марте 1942 г. такое мероприятие, вероятно, готовилось в отношении армян и грузин. На это указывает то, что все фронты и военные округа подготовили и подали в ГУК именные списки комсостава этих двух национальностей[105].

В системе военно-учебных заведений основная масса национального командного состава готовилась пехотными училищами, как правило имевшими три отделения, для обучения специалистов, наиболее востребованных в пехоте: стрелков, пулеметчиков и минометчиков. Также значительная часть командиров взводов в звании младший лейтенант выпускалась курсами младших лейтенантов и кратковременными курсами, создававшимися специально для национального контингента. Командный состав в звене рота—батальон, а также штабные работники для начастей готовились курсами

[104] Например, национальные стрелковые бригады, сформированные в САВО по штату 04/601 от 15 октября 1941 г., затем были переформированы еще трижды по штатам: 04/730 от 11 марта 1942 г., 04/230 от 17 апреля 1942 г. и 04/330 от 30 июля 1942 г. (ЦАМО. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

[105] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 109, 110.

усовершенствования командного состава «Выстрел» и военными академиями (в общем порядке).

Наиболее масштабный характер подготовка национальных кадров приняла в *Закавказье*. В Закавказском военном округе (28 апреля 1942 г. развернут в Закавказский фронт) большинство национальных соединений создавалось путем перегруппировки личного состава по национальностям между уже сформированными или формировавшимися дивизиями. По расчету отдела кадров округа, на укомплектование национальных стрелковых дивизий первой очереди (223, 392, 402, 406, 408, 409-я) требовалось 3426 лиц комначсостава[106]. В ходе формирования дивизий отделом кадров фронта в регулярном режиме составлялись специальные сводки об укомплектованности начсоставом дивизий по национальностям, о наличном и потребном количестве командиров стрелковых рот, взводов и т. п.[107] Перегруппировка не касалась организационно-штатной структуры самих соединений, что упростило и ускорило решение задачи по формированию и сколачиванию подразделений, позволив сформировать национальные дивизии в течение двух недель[108]. Перегруппировками командиров и выпуском курсантов из военных училищ для этих дивизий было изыскано 2603 средних командира по национальности армян, грузин и азербайджанцев. Однако полностью это не решило кадровой проблемы. Некомплект покрывался за счет славян, которые по мере возможности заменялись «националами»[109]. Несмотря на нехватку ресурсов, уже 3 марта 1942 г. ЗакВО приступил к формированию национальных дивизий второй очереди (89, 414, 416, 417, 418, 419-й).

На должности старшего комначсостава активно выдвигались начальники училищ, оперативные работники, комначсостав, состоявший в резерве, и т. д. Например, начальник штаба 41-й кавалерийской бригады подполковник А.С. Саркисян был назначен командиром 89-й армянской стрелковой дивизии, начальник Телавского пехотного училища полковник Г.И. Купарадзе — командиром 406-й грузинской стрелковой дивизии, находившиеся в распоряжении комфронта азербайджанцы полковники В.П. Зюванов и А.-Н.М.-Г. Гусейнов — командирами 223-й и 402-й азербайджанских стрелковых дивизий соответственно и т. д.[110] Результатом этих мер было то, что по состоянию на 1 июня 1942 г. в 30 соединениях, входивших в состав Закфронта, командирами закавказских национальностей были 7 человек, начальниками штабов — 5 человек, комиссарами — 12 человек[111].

Наиболее острой была проблема укомплектования национальных дивизий средним командным составом в звеньях взвод — рота — ба-

---

[106] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 450.
[107] Там же. Л. 176—182; Д. 7. Л. 1—114.
[108] Там же. Оп. 999. Д. 107. Л. 95.
[109] Там же. Д. 16. Л. 94.
[110] Там же. Оп. 995. Д. 6. Л. 166.
[111] Там же. Л. 371—375.

тальон. Для ее решения в Закавказском военном округе (фронте) была развернута система дополнительной подготовки национальных кадров. 10 февраля 1942 г. начальником штаба округа генерал-майором Я.А. Ищенко была утверждена программа подготовки командиров по национальности армян, грузин и азербайджанцев на базе военно-учебных заведений, курсов и запасных частей ЗакВО[112]. При Окружных курсах младших лейтенантов в Тбилиси были сформированы отделения: начальников штабов полков (на 25 человек), помощников начальников штабов полков и адъютантов батальонов старших (на 125 человек), командиров батальонов пехоты (на 75 человек), командиров рот пехоты (на 155 человек), командиров взводов пехоты (на 500 человек) и лейтенантов-специалистов (артиллеристов, минометчиков, саперов, танкистов, связистов) — на 420 человек. При шести пехотных училищах (Бакинском, Буйнакском, Телавском, Сухумском, Тбилисском и Махачкалинском[113]) были открыты курсы командиров стрелковых взводов — всего на 1000 человек. При запасных частях сформированы курсы специалистов (кавалеристов, связистов, сапер, интендантов) — всего на 600 человек. Общая емкость всех национальных курсов составила 2900 человек. Они комплектовались прежде всего за счет комсостава запаса, а также рядового состава и младших командиров из числа участников войны. Срок обучения начинался с 20 февраля 1942 г. и был рассчитан на три месяца[114]. Курсанты содержались за счет штатной численности национальных соединений, командировавших их на обучение. За счет этого штаты училищ и курсов не увеличивались и обеспечивалась адресная подготовка командиров для конкретных национальных дивизий.

Помимо специальных курсов, в 1942 г. средний командный состав из граждан закавказских национальностей готовился общим порядком в военных училищах и на курсах младших лейтенантов. Таблица 54, составленная на основе материалов отдела формирования и комплектования войск Закфронта и отдела кадров Закфронта, отражает национальный состав всех 11 училищ фронта по состоянию на 1 июня 1942 г. В училищах одновременно обучалось от четырех до семи потоков курсантов, первые из которых набраны на рубеже 1941—1942 гг. Это позволило оценить национальный отбор в вузы ЗакВО (Закфронта) в течение всего первого полугодия 1942 г., то есть периода, когда формировались, комплектовались и вводились в бой национальные соединения Закфронта.

Данные таблицы 54 убедительно свидетельствуют о том, что закавказские этносы не были ограничены в возможности зачисления и обучения в военные училища. По состоянию на 1 июля 1942 г.

---

[112] Приказание войскам ЗакВО № 01 от 10 февраля 1942 г.

[113] С первых месяцев войны приказом наркома обороны, во избежание путаницы, эвакуируемые с постоянных мест дислокации военные училища не меняли своих наименований.

[114] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 108. Л. 40—43.

Таблица 54

Сведения о национальном составе курсантов военных училищ Закавказского фронта по состоянию на 1 июня 1942 г., чел.

Наименование училища	Дислокация	Количество курсантов	Русских	Украинцев	Белорусов	Армян	Грузин	Азербайджанцев	Евреев	Других
Бакинское зенитной артиллерии	Баку	1641	450	248	8	330	189	162	171	83
Тбилисское артиллерийское	Тбилиси	1601	667	76	30	254	157	56	66	95
1-е Бакинское пехотное	Баку	2382	893	328	14	527	115	340	43	122
2-е Бакинское пехотное	Баку	2502	700	180	14	334	62	640	39	533
3-е Бакинское пехотное	Баку	1982	705	186	16	462	142	260	58	153
Махачкалинское пехотное	Манглиси	2346	821	249	24	295	521	133	39	264
Сухумское пехотное	Сухуми	1646	395	220	11	267	460	56	Н. д.	240
Телавское пехотное	Телави	2402	666	343	22	252	534	167	39	379
1-е Тбилисское пехотное	Тбилиси	2493	561	1067	315	267	1	1	Н. д.	247
2-е Тбилисское пехотное	Тбилиси	2495	837	269	15	613	481	116	36	128
Буйнакское пехотное	Степанакерт	2500	1057	325	19	535	264	114	46	140
Всего курсантов, чел.		23 990	7752	3491	488	4136	2926	2045	537	2384
В %		100,00	32,31	14,55	2,33	17,24	12,20	8,52	2,24	9,94

Составлено по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 72. Л. 295, 300, 301, 315, 322, 336, 342, 345, 360, 362.

численность курсантов по национальности армян, грузин и азербайджанцев составила 9101 человек, а их удельный вес среди курсантов составил *38%*.

Практически такого же уровня к этому времени достиг удельный вес представителей закавказских национальностей среди комначсостава соединений фронта — 37% (таблица 55). Для сравнения *в целом по Красной армии* общий удельный вес военнослужащих трех закавказских национальностей был в 10 раз меньше и составлял на эту дату лишь *3,7%*, а командно-начальствующего состава — еще меньше — *2,4%*[115]. Приведенные данные позволяют сделать вывод об осуществлении Военным советом Закавказского фронта целенаправленной массовой подготовки и укомплектования воинских частей командным и начальствующим составом закавказских национальностей.

Таблица 55

Сведения о национальности комначсостава соединений Закавказского фронта по состоянию на 5 июля 1942 г., чел.

Должность	**Русские**	**Украинцы**	**Белорусы**	**Грузины**	**Армяне**	**Азербайджанцы**	**Другие**	**Всего по списку**
Командиры дивизий и бригад	11	3	1	2	2	2	1	22
Начальники штабов дивизий и бригад	11	3	2	2	2	1	1	22
Командиры полков	33	7	2	8	9	5	3	67
Начальники штабов полков	24	20	3	6	4	2	8	67
Командиры батальонов	76	33	26	20	26	24	8	213
Остальной комсостав:								
пехоты	3038	1205	108	1473	1200	768	746	8538
конницы	110	99	33	40	36	9	37	364
связи	428	119	26	64	77	12	51	777
химслужбы	83	39	4	33	46	7	27	239
Итого командного состава	3814	1528	205	1648	1402	830	882	10 309
Итого начальствующего состава	460	185	37	81	210	51	79	1103
Всего комначсостава	4289	1713	242	1729	1612	881	961	11 412
В процентах к общему числу	37,6	15,0	2,1	15,2	14,1	7,7	8,4	100

Источник: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 396.

[115] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194, 199.

В то же время потребности в комначсоставе национальных соединений, коих на 1 июля 1942 г. в Закфронте насчитывалось 10[116], до конца удовлетворены не были: при штатной потребности 963 человека комначсостава на стрелковую дивизию (по штату 94/750) национальным составом новые соединения были удовлетворены менее чем наполовину. Формирование трех дивизий второй очереди (417, 418, 419-й) пришлось отменить из-за кадровых проблем, а их комначсостав обратить на укомплектование существующих дивизий. В наихудшем положении были азербайджанские соединения, в которые удалось подобрать менее трети командиров-азербайджанцев. В связи с этим замены славянского командного состава продолжались и после сформирования национальных дивизий, вплоть до июля 1942 г., когда многие из них отправились на линию фронта. Так, в июне 1942 г. на укомплектование нацформирований была обращена часть выпуска курсантов военных училищ Закфронта (450 армян, 592 грузина, 116 азербайджанцев[117]). В июне 1942 г. по национальным дивизиям был распределен комначсостав, прибывший в Закавказье после эвакуации Крымского фронта (всего 201 человек[118]).

Расширению подготовки среднего комначсостава закавказских национальностей препятствовал недостаток подходящих требованиям кандидатов в военные училища. Проблемы возникали как общего, так и особого, этноязыкового характера. В докладе о работе начальника Упраформа Закфронта генерал-лейтенанта В.Н. Курдюмова в апреле 1943 г. отмечалось: «Опыт показал, что наиболее трудным для подготовки командиров в шестимесячный срок является контингент в возрасте до 20 лет. Среди такого контингента курсантов обнаруживается значительное количество физически слабых, легко поддающихся заболеваниям и пропускающих вследствие этого много занятий. Общеобразовательная подготовка курсантов, окончивших 6—7 классов средней гражданской школы, не обеспечивает успешного прохождения курсов военных и социально-экономических дисциплин, преподаваемых в военных училищах»[119].

Уже к началу 1942 г. подбор курсантов из представителей местных национальностей представлял серьезную проблему. В начале апреля 1942 г. военком Грузинской ССР Хвичия[120] доносил начальнику оргмоботдела штаба ЗакВО, что «ресурсы призывников и военнообязанных запаса, годных для зачисления в училища, в основном использованы и дальнейшем отбор и отправка кандидатов может носить лишь единичный характер», даже «несмотря на сниженность требований к образовательному цензу». Здесь же отмеча-

---

[116] 89, 408, 409-я армянские, 223, 402, 416-я азербайджанские, 392, 394, 406, 414-я грузинские.

[117] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 538—540.

[118] Там же. Л. 527.

[119] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 239. Л. 23 об.

[120] Инициалы не установлены.

лось, что основной проблемой сельской призывной молодежи являлось слабое владение русским языком[121]. В марте 1942 г. начальник Буйнакского пехотного училища (дислокация — Степанакерт) подполковник Пискунов[122] докладывал начальнику УВУЗ Красной армии о невозможности укомплектования училища курсантами из ресурсов Закавказья и просил разрешить комплектовать на Северном Кавказе и в центральных областях РСФСР[123]. Пискунов информировал, что из обучающихся в училище 1526 курсантов «есть достаточно большой процент недостаточно владеющих русским языком... но в связи с тем, что в училище некомплект, мы вынуждены оставить таковых для обучения»[124].

В первый период войны наиболее качественный контингент отбирался среди молодежи призывного возраста, выгодно отличавшейся от старших возрастов в плане физической формы и общеобразовательного уровня. Однако и этот ресурс был ограничен. Согласно справке начальника Упраформа Закфронта генерал-майора Н.Н. Биязи от 7 сентября 1942 г., по Закавказью в ряды Красной армии было призвано 28 251 граждан 1924 г. рождения, из которых 70% учились на родном языке. Из их числа удалось отобрать в училища 7500 человек всех национальностей. Еще 9965 курсантов было набрано из числа призывников 1922—1923 гг. рождения. «Таким образом, ресурс призывников исчерпан», — заключал Биязи[125].

Самый подходящий контингент для комплектования военных училищ представляли собой военнослужащие (красноармейцы и особенно младшие командиры), отбираемые представителями училищ из воинских частей. В этом отношении Закавказский фронт опережал общие тенденции в комплектовании военных училищ, где переход к преимущественному комплектованию училищ военнослужащими произошел в 1943 г. Категория курсантов-военнослужащих давала наименьший отсев. Так, если из числа гражданских кандидатов во 2-е Бакинское училище в марте 1942 г. было отсеяно 34,4% кандидатов, то среди военнослужащих — лишь 0,6%[126]. Однако в 1941—1942 гг. этот источник пополнения использовался редко из опасения ослабить боеспособность воинских частей. В декабре 1942 г. в виде эксперимента весь набор курсантов в одно из училищ (Махачкалинское пехотное) был произведен за счет рядовых и младших командиров из воинских частей. Помимо этого, была сформирована особая рота из гвардейцев и орденоносцев. Дидактический эффект превзошел все ожидания: «Влитие в курсантскую среду фронтовиков сразу же оживило работу и подняло общую дисциплину в военных училищах. Гвар-

[121] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 30.
[122] Инициалы не установлены.
[123] ЦАМО. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 16.
[124] Там же.
[125] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 45. Л. 142.
[126] Там же. Ф. 60010. Оп. 35017. Д. 1. Л. 15.

дейская же рота Махачкалинского пехотного военного училища завоевала среди остальных рот училища ведущее место»[127].

Специфика подбора курсантов в национальных регионах состояла в том, что часто приходилось отказываться от физически вполне здоровых молодых людей с законченным средним и даже высшим образованием, комсомольцев, но *не владевших русским языком* даже в минимальном объеме, вследствие чего они не могли усваивать учебную программу, преподававшуюся исключительно на русском языке[128]. Так, среди отсеянных весной 1942 г. приемной комиссией 2-го Бакинского пехотного училища кандидатов 222 человека имели высшее образование, а 151 человек из них были по специальности педагогами[129]. О вынужденном массовом отсеве кандидатов с высшим образованием сообщал и начальник Буйнакского пехотного училища[130]. Начальник Краснодарского пулеметно-минометного училища (дислокация — Ереван) комбриг А.И. Коновалов сообщал в Упраформ Закфронта об обстоятельствах укомплектования училища курсантами: «Поступавшие кандидаты Армянской, Азербайджанской, Грузинской ССР, ЧИАССР — слабо владевшие или не владевшие русским языком, в результате чего мною было отсеяно много кандидатов». В результате отсева в училище образовался некомплект в 210 курсантов[131].

Ввиду недобора курсантов сразу отказывали, как правило, только совершенно не владевшим русским языком кандидатам, а владевших слабо нередко зачисляли на курс в расчете на то, что обучить русскому языку их удастся в процессе учебы[132]. В некоторых училищах в инициативном порядке открывались дополнительные языковые курсы. Значительная часть таких курсантов отчислялась уже в ходе учебы в связи с низкой успеваемостью. Сведения о массовом отчислении курсантов встречаются в документах в течение всего 1942 г., из-за чего во многих училищах образовывалась большая текучесть переменного состава, нарушавшая нормальный учебный процесс[133]. Так, из Телавского пехотного училища с 1 июня по 5 июля 1942 г. было отчислено 365 курсантов, по тем или иным причинам не соответствовавших требованиям учебы в военном училище; значительная часть отчислялась в связи с незнанием русского языка[134]. Чтобы улучшить качество курсантского состава, в практику вошло командирование начальниками училищ своих ответственных представителей непосредственно в военкоматы для отбора кандидатов. Это давало возможность отсеивать неподходящих кандидатов на месте. Например, в феврале 1942 г. представители Буйнакского пехотного училища в военкоматах Арме-

[127] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 239. Л. 24.
[128] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 72. Л. 23—25.
[129] Там же. Ф. 60010. Оп. 35017. Д. 1. Л. 73.
[130] Там же. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 16.
[131] Там же. Ф. 54. Оп. 12301. Д. 221. Л. 12.
[132] Там же. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 16.
[133] Там же.
[134] Там же. Ф. 60086. Оп. 35168. Д. 18. Л. 70—97.

нии из 550 предложенных кандидатур отобрали только 102 человека[135]. 28 мая 1942 г. обязанность выезда в военкоматы представителей училищ для отбора кандидатов была закреплена директивой начальника штаба Закавказского фронта генерал-майора А.И. Субботина[136].

30 июля и 3 августа 1942 г. были изданы два приказания командующего войсками Закавказского фронта генерала армии И.В. Тюленева, потребовавшего коренного улучшения работы комиссий училищ и военкоматов при отборе кандидатов. Также были уточнены социально-демографические параметры самих кандидатов (возраст — до 35 лет, хорошее владение русским языком, образование — не ниже 8 классов)[137].

Как следует из таблицы 56, несмотря на большой отсев кандидатов и курсантов кавказских национальностей, удельный вес выпускников вузов Закфронта среди них по итогам 1942 г. составил 34,2% (7892 лейтенанта и младших лейтенанта[138]).

Таблица 56

Справка о количестве командно-начальствующего состава, выпущенного военными училищами и курсами Закавказского фронта в 1942 и 1943 гг., чел.

Национальность	Год	По училищам	По курсам младших лейтенантов	По курсам «Выстрел»	Всего
Грузин	1942	2191	691	117	2999
	1943	373	121	104	598
	Всего	2564	912	221	3697
Армян	1942	2716	709	135	3560
	1943	571	112	140	823
	Всего	3287	821	275	4383
Азербайджанцев	1942	970	366	27	1363
	1943	176	108	42	326
	Всего	1146	474	69	1689
Всего закавказских национальностей	**1942**	**5877**	**1766**	**249**	**7892**
	1943	**1120**	**341**	**286**	**1747**
	Всего	**6997**	**2207**	**565**	**9639**
Остальных	1942	11 965	2436	799	15 200
	1943	6334	383	2424	9141
	Всего	18 299	2819	3223	24 341
Всего	1942	17 842	4202	1078	23 122
	1943	7454	724	2710	10 888
	Всего	25 292	4926	3788	34 006

Составлено по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 246. Л. 23.

[135] ЦАМО. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 9.
[136] Там же. Л. 59.
[137] Там же. Ф. 60010. Оп. 35017. Д. 1. Л. 104—105, 125.
[138] Окончившим курс с общей оценкой «отлично» и «хорошо» присваивалось воинское звание лейтенант, а «посредственно» — младший лейтенант.

Во второй половине 1942 г. не владеющая русским языком молодежь направлялась в военные училища уже в массовом числе. 19 сентября 1942 г. заместитель начальника штаба Закфронта В.Н. Курдюмов напоминал республиканским военкомам Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР и Дагестанской АССР[139]: «Несмотря на неоднократные указания об уделении особого внимания отбору и отправке кандидатов в военные училища, райвоенкоматы Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР по-прежнему направляют кандидатов, слабо владеющих или совершенно не владеющих русским языком. Так, из направленных кандидатов на укомплектование 2-го Бакинского пехотного училища Белоканским РВК 18 человек, отсеяно — 14, Застофонским РВК — 30, отсеяно — 20, Ахалкалакским — 28, отсеяно — 27, Кироваканским — 12, отсеяно — 11, Мартунинским — 11, отсеяно — 10, Ленинаканским — 95, отсеяно — 66»[140]. Не имея никаких иных ресурсов, военкоматы вновь присылали негодный контингент, чем задерживали формирование в училищах учебных подразделений, задерживали начало занятий, перегружали персонал работой по оформлению возвращаемых военкоматам граждан, а транспорт — их перевозкой. С аналогичными жалобами выступали начальники Буйнакского пехотного (дислокация — Степанакерт), Краснодарского пулеметно-минометного (дислокация — Ереван) и других училищ[141].

В самом конце 1942 г. кавказский контингент курсантов был собран на сформированных приказом Закфронта № 0581 от 22 декабря 1942 г. трехмесячных курсах младших лейтенантов на 2100 человек. Кроме того, при курсах надлежало открыть отделение усовершенствования для командиров-фронтовиков закавказских национальностей на 300 человек. Занятия начались 20 января 1943 г.[142]

В последующие годы войны интенсивность подготовки офицеров закавказских национальностей стала сокращаться, что отражало общую тенденцию сокращения внимания к закавказским национальным формированиям после изгнания врага к февралю 1943 г. с большей части территории региона. Уже к апрелю 1943 г. курсанты закавказских национальностей составляли 23,5% от общего числа обучающихся (2115 из 9146 курсантов), и в дальнейшем их число лишь сокращалось. По итогам 1943 г. выпуск курсантов местных национальностей составил лишь 16% (1747 человек) от общего числа молодых офицеров.

В мае 1944 г. в четырех оставшихся в Закавказском фронте военных училищах (Махачкалинском, Буйнакском, Грозненском пехотных и Краснодарском пулеметно-минометном), а также на фронтовых курсах «Выстрел» и курсах младших лейтенантов обучалось

---

[139] Республиканский военкомат ДАССР подчинялся штабу Закфронта.
[140] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 45. Л. 145.
[141] Там же. Ф. 54. Оп. 12301. Д. 221. Л. 12, 42.
[142] Там же. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 239. Л. 22 об.—23.

5031 человек, 1801 человек (35,8%) представляли закавказские национальности[143]. Таким образом, в удельных значениях масштабы подготовки офицеров закавказских национальностей вернулись к уровню 1942 г., однако в абсолютных — многократно им уступали.

Усилия по подготовке национальных военных кадров предпринимались командованием Закавказского фронта до самого конца войны. Причиной этому было то, что целый ряд стрелковых дивизий фронта считались национальными (349-я и 406-я — грузинскими, 402-я — азербайджанской, 296-я — армянской), хотя официально статус национальных носили только 402-я и 406-я дивизии. В декабре 1944 г. Военный совет фронта издал специальное постановление, в котором отмечал, что «новые офицерские кадры для национальных частей готовятся в недостаточном количестве, а также имеет место медленное продвижение некоторой части офицеров местных национальностей по службе, особенно в специальных подразделениях и частях». Он потребовал от отдела кадров фронта проработать мероприятия «по усилению укомплектования национальных частей офицерами соответствующих национальностей и подготовке необходимого количества национальных кадров через училища и курсы фронта»[144].

Таким образом, в период Великой Отечественной войны командование Закавказского военного округа (фронта) предприняло серьезные усилия по изысканию и дополнительной подготовке военных кадров для укомплектования многочисленных национальных соединений. Особенно интенсивными эти усилия были в 1942 г., когда кадры готовились как в общем порядке (на штатных местах в училищах), так и в особом — на разного рода специальных курсах.

В *Среднеазиатском военном округе* накануне войны запас командно-начальствующего состава местных национальностей был крайне незначителен. На 1 июня 1941 г. в САВО насчитывалось командиров запаса по национальности: казахов — 280 человек, узбеков — 248 человек, киргизов — 27 человек, туркмен — 90 человек, таджиков — 48 человек. В общей сложности представители этих пяти национальностей составляли лишь 7,7% от запаса командного состава округа[145]. Большинство национальных командных кадров запаса было обращено на укомплектование формируемых в округе воинских частей еще в первые месяцы войны.

При комплектовании военных училищ САВО предпочтение отдавалось славянской молодежи. Данные таблицы 57, в которых собраны сведения по национальному составу курсантов военных училищ САВО на рубеже 1941—1942 гг., свидетельствуют о том, что местные национальности имели мизерное представительство в военно-учебных заведениях — всего лишь 1% от общего числа курсантов.

---

143 ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 246. Л. 172.
144 Там же. Д. 75. Л. 59.
145 Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 47. Л. 343.

Проблема национальных кадров командно-начальствующего состава впервые отражена в документации САВО (штаба округа, отдела кадров, отдела комплектования) в ноябре 1941 г., когда Государственный Комитет Обороны принял решение о формировании здесь сразу 29 национальных соединений (14 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад). С ноября 1941 г. штаб САВО потребовал отражать национальный состав командиров запаса и курсантов, причем дифференцированно — по воинским специальностям[146].

В отличие от ЗакВО в САВО все национальные соединения формировались заново, что значительно осложнило кадровый вопрос. Хотя в Красной армии имелся определенный запас командиров среднеазиатских национальностей[147], однако специальных мер по их выявлению в других фронтах и округах, кроме САВО, нами не выявлено. Исходя из действующих штатов можно рассчитать, что на укомплектование всех национальных соединений единовременно требовалось 11 789 лиц командно-начальствующего состава и 22 531 младший командир. Командиры нужных национальностей переводились из других частей округа, из военкоматов, курсов всевобуча, запасных частей, призывались из запаса. Источниковая база соединений САВО сохранила персональные данные на комсостав только одной национальной кавалерийской дивизии — 97-й туркменской. Его анализ показал, что для заполнения штатных должностей командиров сабельных взводов приходилось прибегать к назначениям лиц туркменской национальности, имевших из военного образования только курс полковой школы, и даже лиц вообще не имевших военного образования, а только лишь прошедших срочную военную службу[148]. При назначении им присваивались звания младших лейтенантов. Однако и это не позволило заполнить все вакансии. В 97-й кавалерийской дивизии и других соединениях они замещались славянами.

Аналогичной была ситуация в других национальных соединениях САВО. Например, в 96-й казахской кавалерийской дивизии только 20 командиров из 111 были титульной национальности, в 97-й отдельной узбекской стрелковой бригаде — 68 человек из 217[149], в 94-й узбекской стрелковой бригаде — 146 человек из 384[150] и т. д.

Удовлетворительно национальным комначсоставом были укомплектованы лишь некоторые стрелковые соединения. Например, в 100-й казахской стрелковой бригаде из 402 штатных должностей комначсостава только 100 были заняты командирами европейских национальностей, а остальные — казахами. Численность командно-

[146] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 82. Л. 290—291.

[147] По состоянию на 1 июля 1942 г. по всей Красной армии числилось командно-начальствующего состава: казахов — 4312, узбеков — 2609, киргизов — 462, таджиков — 588, туркмен — 680 (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35).

[148] ЦАМО. Ф. 3601. Оп. 1. Д. 3. Л. 55—60.

[149] Там же. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 82. Л. 290—291.

[150] Там же. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

Таблица 57

Сведения о курсантском составе военных училищ САВО на 1.01.1942 г.
(без учета курсантов национальных месячных курсов)

Наименование училища	Место дислокации	Крайние сроки выпуска	Русских	Украинцев	Белорусов	Казахов	Киргизов	Таджиков	Узбеков	Туркмен	Армян	Осетин	Мордвин	Чувашей	Евреев	Башкир	Уйгуров	Татар	Других
Орловское пехотное	Чарджоу	5.01—10.07.42	1453	260	35	28	3	1	11	—	43	6	19	10	23	—	2	313	21
Гомельское пехотное	Катта-Курган	25.03—25.05.42	1581	357	34	25	7	4	20	4	11	—	14	9	93	7	1	93	9
Харьковское училище химзащиты	Ташкент	Н. д.	175	926	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34	—	—	2	2
Ташкентское пехотное	Ташкент	Янв.—июль 1942	1410	145	21	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Н. д.
Воронежское военное училище связи	Самарканд	Май—авг. 1942	883	127	7	1	—	—	1	—	7	—	5	1	34	—	—	73	1
Ташкентское кавалерийское	Ташкент	Май 1942	699	192	—	3	—	5	2	1	11	3	9	—	—	4	—	52	18
Харьковское танковое	Чирчик	1.03—1.08.42	539	1260	26	—	—	—	—	—	5	2		1	138	—		4	12
Всего			6740	3267	123	63	10	10	34	5	77	11	47	21	322	11	3	537	63
В %			59,43	28,8	1,08	0,56	0,09	0,09	0,3	0,05	0,68	0,1	0,4	0,2	2,8	0,1	0,04	4,8	0,5

Составлено по: ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 82. Л. 158, 291, 294, 373, 375, 382, 382 об., 384.

го состава казахской национальности была наибольшей из всех среднеазиатских этносов. Это позволило монолитно укомплектовать две казахские стрелковые бригады (100-ю и 101-ю), которые в последующем прошли достаточно длительный боевой путь.

Недостающий командный состав для национальных дивизий САВО готовили училища других округов, однако большинство их выпускников были славянских национальностей. Так, на укомплектование национальных кавалерийских дивизий была обращена значительная часть состоявшегося 20 февраля 1942 г. выпуска курсантов Новочеркасского кавалерийского училища. Из 742 кавалеристов 419 были направлены в САВО в запасные полки при национальных соединениях для дальнейшего распределения в воинские части. Из 350 выпускников артиллерийского отделения Новочеркасского кавалерийского училища в распоряжение отдела кадров САВО было направлено 93 человека.

Младший комначсостав в большинстве своем готовился из рядовых местных национальностей. В 100-й бригаде из 868 должностей младшего комначсостава 228 были заняты младшими командирами, призванными из запаса, а остальные готовились из рядового состава[151].

В связи с большим количеством командиров-славян повсеместно отмечалась необходимость вести боевую учебу и политзанятия через переводчика: «Это отнимает очень много времени, а переводчики из бойцов и младших командиров часто переводят неправильно»[152]. Частичное решение для национальных частей САВО, укомплектованных тюркоязычными военнослужащими (казахами, узбеками, туркменами, киргизами), было найдено в назначении на должности средних и младших командиров из числа родственных в языковом отношении поволжских татар, которые, как правило, еще и хорошо владели русским языком. Данные таблиц 57 и 58 показывают достаточно высокий удельный вес татар среди курсантов военных училищ САВО в 1942 г.[153], что свидетельствует о том, что ими целенаправленно комплектовался переменный состав училищ.

Как и в Закавказье, в САВО на рубеже 1941—1942 гг. были предприняты специальные меры по подготовке средних командиров для национальных соединений в военно-учебных заведениях округа. 24 ноября 1941 г. распоряжением начальника штаба САВО генерал-майора М.И. Казакова были организованы месячные курсы для курсантов-*националов* (с 1 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г.) в Ташкентском и Алма-Атинском пехотных училищах (на 170 и 160 мест соответственно), а также в Ташкентском кавалерийском училище (на

---

[151] ЦАМО. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[152] Великая Отечественная война. 1941—1945. Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. С. 37.

[153] В САВО на 1 августа 1942 г. — 4,38%, в среднем по РККА среди переменного состава вуз на 1 июля 1942 г. — 1,94% (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194).

120 мест). Всего предусматривалось 450 мест. Кроме того, в начале декабря 1941 г. были открыты месячные курсы для комначсостава запаса из местных национальностей в Харьковском военном училище химзащиты (дислокация — Ташкент), а при Воронежском военном училище связи (дислокация — Самарканд) и 52-м отдельном полку связи — месячные курсы командиров взводов связи на 400 мест (180 — телефонных и 120 — радио)[154]. Начальникам училищ было предписано в кратчайшие сроки подготовить учебную базу и подобрать лучших преподавателей[155]. Все занятия велись только на русском языке[156].

Из-за трудностей с подбором курсантов укомплектование курсов протекало с задержкой. Так, национальные курсы Ташкентского кавалерийского училища (46 узбеков, 29 казахов, 24 таджика, 11 киргизов, 3 туркмена) начали свою работу 16 декабря 1941 г.[157] Причина задержки была той же, что и в Закавказье, — слабое знание русского языка и низкий уровень образования.

Обращает на себя внимание тот факт, что набранные на краткосрочные курсы командиры-*националы* готовились очень поспешно: на их обучение отводился лишь один месяц. Возможно, это объяснялось тем, что на курсы набирали не гражданскую молодежь, а младших командиров из войск, не нуждавшихся в начальном военном обучении. Однако этого срока было явно недостаточно для качественной подготовки командира взвода или эскадрона. В этот период в пехотных военных училищах учебный процесс, даже по максимально сокращенной программе, занимал от четырех до шести месяцев, в зависимости от воинской специальности. По многим показателям уровень подготовки командиров-*националов* оценивался как неудовлетворительный[158]. Это стало главной причиной того, что боевая подготовка новых частей, сформированных в САВО, растягивалась на долгие месяцы. 15 января 1942 г. директивой заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко № орг/7/780356 второй поток подготовки средних командиров был развернут на базе четырех пехотных училищ САВО, для чего были сформированы национальные батальоны курсантов в Ташкентском (200 узбеков и 100 таджиков), Гомельском (дислокация — Катта-Курган, 200 узбеков), Орловском (дислокация — Чарджоу, 100 туркмен) и Алма-Атинском (100 казахов) училищах[159].

В САВО в 1941—1942 гг. также велась подготовка политсостава из представителей местных национальностей. В начале 1942 г. в семи гарнизонах были организованы десятидневные курсы для подготовки заместителей политруков в национальные части. Обучение прошли 1290 человек, 750 из которых распределили в формирующи-

---

[154] ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 10. Л. 175, 181.
[155] Там же. Д. 82. Л. 199, 364.
[156] Там же. Д. 237. Л. 197.
[157] Там же. Л. 373.
[158] Русский архив. Т. 23 (12—2). С. 330—331.
[159] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 93. Л. 39, 60.

еся национальные стрелковые бригады, остальных — в национальные кавдивизии. Также национальные кадры политработников готовило и размещавшееся в регионе Ленинабадское военно-политическое училище[160].

В течение 1942 г. наращивался прием курсантов коренных национальностей Средней Азии — казахов, узбеков, таджиков, туркмен, киргизов — на *общие отделения* военных училищ САВО. В таблице 58 показан национальный состав курсантов 7 училищ пехотного профиля[161] по состоянию на 1 августа 1942 г. Данные таблицы охватывают наборы начиная с марта 1942 г.

Из материалов таблицы 58 следует, что по сравнению с началом 1942 г. удельный вес уроженцев среднеазиатских республик многократно вырос и составил 3794 человека, или 23,8% всех курсантов. При этом доля командно-начальствующего состава пяти титульных среднеазиатских национальностей *в целом по Красной армии* летом 1942 г. (на 1.07.1942) была многократно ниже — 0,68%, а удельный вес этих национальностей среди всего личного состава — 3,67%[162]. Таким образом, здесь, как и в случае с закавказскими этносами, очевидны специальные меры по расширению масштабов подготовки командиров местных национальностей.

В последующем, так же как и в Закавказье, интенсивность подготовки среднего командного состава в училищах округа сократилась, однако не столь радикально, как в Закавказье. Так, по состоянию на 1 апреля 1943 г. курсанты местных национальностей в училищах САВО составляли 10,3% курсантов (2296 человек из 22 340)[163], по состоянию на 1 января 1944 г. — 21,2% (2651 человек из 12 507). По всем военным училищам количество уроженцев Средней Азии на 1 апреля 1943 г. — 3097 человек, а на 1 января 1944 г. — 3593 человека[164]. Таким образом, в отличие от закавказских народов, представительство народов Средней Азии в военных училищах в течение 1943 г. оставалось достаточно стабильным и даже несколько росло. В предыдущей главе было показано, что в связи с особенностями мобилизации местного населения пик их представительства в Красной армии пришелся именно на рубеж 1943—1944 гг. Соответственно, находилось больше кандидатов, достойных для отбора в военные училища. В дальнейшем в течение 1944 г. число курсантов среднеазиатских национальностей постепенно снижалось, что отражало общую тенденцию сокращения представительства этих этносов в Красной армии в связи с прекращением в конце 1943 г. их обязательного призыва. В апреле 1944 г.

---

[160] *Исмаилов А.И.* И русские, и нерусские (Из опыта подготовки офицерских кадров в Среднеазиатском военном округе в годы войны) // Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 17.

[161] Не обнаружены сведения по Тамбовскому, Гомельскому пехотным училищам и Окружным курсам младших лейтенантов.

[162] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194.

[163] Там же. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 469. Л. 196.

[164] Там же. Л. 180, 196; Д. 700. Л. 14.

Таблица 58

Сведения об укомплектованности военных училищ САВО курсантами по национальностям по состоянию на 1 августа 1942 г., чел.

Наименование училища	Сроки выпуска	Русских	Украинцев	Белорусов	Казахов	Киргизов	Таджиков	Узбеков	Туркмен	Армян	Евреев	Мордвин	Чувашей	Татар	Уйгуров	Кара-калпаков	Башкир	Других
Ташкентское пехотное	1.08.42 — 1.01.43	1038	416	33	**63**	—	**6**	**136**	**2**	20	229	6	6	125	1	—	12	17
Ташкентское пулеметно-минометное	Сент. 42	1266	297	30	**116**	**19**	**34**	**177**	**1**	13	159	11	7	137	—	—	15	7
Харьковское пехотное	Авг.— дек. 42	842	256	33	**167**	**27**	**33**	**383**	**9**	17	206	8	6	169	9	23	21	9
Фрунзенское пехотное	Авг.— дек. 42	947	226	26	**302**	**238**	**1**	**125**	**1**	6	126	9	1	59	27	—	8	21
Ашхабадское пехотное	Август— сент. 42	1089	195	16	**454**	**2**	**34**	**60**	**177**	11	—	—	—	49	—	—	8	127
Орловское пехотное	Авг. 42 — янв.43	1157	281	73	**181**	**53**	**33**	**149**	**217**	31	—	—	—	116	—	—	13	186
Алма-Атинское пехотное	Сент.— дек.42	1287	410	25	**543**	**6**	**5**	**38**	**2**	1	74	13	10	44	5	—	4	21
Всего		7626	2081	236	**1826**	**345**	**146**	**1068**	**409**	99	794	47	30	699	42	23	81	388

Составлено по: ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 82. 33 об., 55 об., 57 об., 206 об., 209 об., 211 об., 213 об., 215.

оно составило 3015 человек, в июле — 2336 человек, в сентябре — 1888 человек, а в ноябре 1944 г. — 1259 человек[165].

В целом же представительство титульных народов Среднеазиатского региона среди командно-начальствующего (офицерского) состава в годы войны существенно уступало их удельному весу среди населения. За все годы войны на комплектование военных училищ из САВО поступило 114,9 тыс. человек, из которых 83,3 тыс. (72,47%) человек были русскими, украинцами и белорусами[166]. В Казахской ССР, титульный этнос которой дал наибольшее число комначсостава из всех среднеазиатских народов, в 1941—1944 гг. в военные училища было принято 42 439 жителей республики, из которых казахов было лишь 8146 человек (19,2%)[167], в то время как среди всех жителей республики казахи по переписи 1939 г. составляли 37,8%. У других среднеазиатских народов разрыв между этими двумя статистическими показателями был еще выше.

Динамика подготовки курсантов закавказских и среднеазиатских национальностей в военных училищах хорошо видна в обобщенных таблицах абсолютных и удельных значений курсантского состава по национальностям за годы войны (таблицы 59 и 60).

Таблица 59

Курсантский состав военных училищ по национальностям за годы войны, чел.

Национальность	На 1.01.1941	На 1.07.1942	На 1.07.1943	На 1.01.1945
Русские	143 722	268 678	283 867	201 349
Украинцы	53 839	48 075	47 964	33 077
Белорусы	11 224	8249	7872	5423
Татары	2819	7478	6444	4273
Чуваши	1405	3397	2151	1604
Мордвины	1187	2673	1941	1385
Марийцы	275	1035	509	430
Удмурты	481	1024	599	507
Коми	325	699	835	395
Башкиры	420	1348	1368	709
Буряты	138	602	14 578	328
Евреи	7251	11 066	4612	6908
Армяне	1765	6387	3277	2127
Грузины	1156	4824	3277	1568
Азербайджанцы	387	2808	1636	949
Казахи	1112	4936	4912	2527
Узбеки	520	2739	2742	1187
Киргизы	96	705	641	295

[165] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 805. Л. 56; Д. 700. Л. 14, 92, 150, 174.
[166] Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 47. Л. 283, 347, 372.
[167] *Исмаилов А.И.* Указ. соч. С. 16.

Национальность	На 1.01.1941	На 1.07.1942	На 1.07.1943	На 1.01.1945
Таджики	101	770	648	360
Туркмены	71	817	524	242
Калмыки	60	243	185	68
Молдаване	288	141	161	118
Эстонцы	88	220	196	195
Латыши и латгальцы	598	118	326	308
Литовцы	412	21	181	247
Осетины	1319	838	709	419
Кабардинцы и балкарцы	**98**	**108**	**141**	**73**
Чеченцы и ингуши	**70**	**90**	**66**	**47**
Народности Дагестана	426	1339	453	153
Другие	2081	3634	2458	1628
Всего	233 938	385 062	395 273	268 899

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

Таблица 60

Удельный вес курсантского состава военных училищ по национальностям за годы войны

Национальность	На 1.01.1941	На 1.07.1942	На 1.07.1943	На 1.01.1945
Русские	61,44	69,78	72,30	74,88
Украинцы	23,01	12,49	12,22	12,30
Белорусы	4,8	2,14	2,00	2,02
Татары	1,21	1,94	1,64	1,59
Чуваши	0,6	0,88	0,55	0,60
Мордвины	0,51	0,69	0,49	0,52
Марийцы	0,12	0,27	0,13	0,16
Удмурты	0,21	0,27	0,15	0,19
Коми	0,14	0,18	0,21	0,15
Башкиры	**0,18**	**0,35**	**0,35**	**0,26**
Буряты	0,06	0,16	0,18	0,12
Евреи	3,1	2,87	3,71	2,57
Армяне	**0,75**	**1,66**	**1,17**	**0,79**
Грузины	**0,49**	**1,25**	**0,83**	**0,58**
Азербайджанцы	**0,17**	**0,73**	**0,42**	**0,35**
Казахи	**0,48**	**1,28**	**1,25**	**0,94**
Узбеки	**0,22**	**0,71**	**0,70**	**0,44**
Киргизы	**0,04**	**0,18**	**0,16**	**0,11**
Таджики	**0,04**	**0,20**	**0,17**	**0,13**
Туркмены	**0,03**	**0,21**	**0,13**	**0,09**

Национальность	**На 1.01.1941**	**На 1.07.1942**	**На 1.07.1943**	**На 1.01.1945**
Калмыки	**0,03**	**0,06**	**0,05**	**0,03**
Молдаване	0,12	0,04	0,04	0,04
Эстонцы	**0,04**	**0,06**	**0,05**	**0,07**
Латыши и латгальцы	**0,26**	**0,03**	**0,08**	**0,11**
Литовцы	**0,18**	**0,01**	**0,05**	**0,09**
Осетины	0,56	0,22	0,18	0,16
Кабардинцы и балкарцы	**0,04**	**0,03**	**0,04**	**0,03**
Чеченцы и ингуши	**0,03**	**0,02**	**0,02**	**0,02**
Народности Дагестана	0,18	0,35	0,12	0,06
Другие	0,89	0,94	0,61	0,61

Примечание. Полужирным шрифтом в таблице выделены этносы, из представителей которых в годы войны формировались национальные соединения.

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

Существенный прирост удельного веса курсантов кавказских и среднеазиатских национальностей в 1942 г. был вызван большим количеством пополнений из этих регионов и возобновлением строительства национальных частей. В 1943 г. этот показатель корректировался вниз, однако остался выше довоенных значений. Совокупный удельный вес курсантов трех титульных этносов закавказских и пяти среднеазиатских союзных республик по сравнению с довоенным периодом вырос с 2,22% до 6,22% в середине 1942 г. В 1943 г. у закавказских народов этот показатель существенно снижался, а у среднеазиатских оставался достаточно стабильным. Однако масштабы подготовки командного состава местных национальностей так и не стали пропорциональными численности военнообязанного населения и количеству рядового состава этих национальностей (удельный вес рядового состава перечисленных восьми титульных этносов союзных республик составлял в середине 1942 г. 9,39%).

В *Северо-Кавказском* и *Сталинградском военном округах* формировались четыре национальные кавалерийские дивизии: 114-я чечено-ингушская и 115-я кабардино-балкарская — в СКВО; 110-я и 111-я калмыцкие — в СтВО. Подбор командно-начальствующего состава нужных национальностей для этих соединений был особенно сложной задачей, поскольку командиров необходимых национальностей в Красной армии служило немного (на 1 июля 1942 г. калмыков — 471, чеченцев и ингушей — 437, кабардинцев и балкарцев — 624[168]), а из их числа командиров кавалерийской специальности и

[168] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194, 199.

вовсе насчитывались единицы. Например, для укомплектования 114-й кавдивизии командировались командиры самых различных специальностей: пехотинцы, танкисты, летчики, инженеры и др. Всего удалось изыскать 33 командира по национальности чеченца и ингуша[169]. Поэтому в основном командный состав для этих дивизий подбирался отделами кадров из имевшихся в наличии славян, к тому же нередко — пехотинцев. Так, в 114-й чечено-ингушской дивизии большая часть командиров, поступивших на укомплектование дивизии (190 человек), имела пехотные специальности. А в 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии среди командно-начальствующего состава было 52% русских, 20% украинцев, 1,5% белорусов, 16,5% калмыков и 10,5% представителей других национальностей[170]. На укомплектование национальных кавалерийских дивизий была обращена часть выпуска курсантов Новочеркасского кавалерийского училища, состоявшегося 20 февраля 1942 г.: по 20 человек кавалерийского отделения были направлены в две калмыцкие дивизии, по 15 человек — в кабардино-балкарскую и чечено-ингушскую дивизии. Из выпускников артиллерийского отделения Новочеркасского кавалерийского училища в СтВО было направлено 23 человека, в 114-ю чечено-ингушскую кавалерийскую дивизию — 13 человек, в 115-ю кабардино-балкарскую кавалерийскую дивизию — 14 человек[171]. Местными национальностями в основном комплектовался политсостав, подбиравшийся обкомами ВКП(б) из гражданских партийных организаций республик. За редкими исключениями, политработники не имели опыта военной службы.

Для подготовки недостающего количества средних командиров, на основании директивы заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко № орг/7/78035 от 15 января 1942 г., 20 января 1942 г. при Новочеркасском кавалерийском училище был сформирован национальный эскадрон на 150 человек (100 калмыков и 50 кабардинцев и балкарцев)[172]. Занятия начались 19 февраля 1942 г.[173] Национальный эскадрон просуществовал до 6 августа 1942 г., после чего распоряжением заместителя начальника штаба округа полковника Л.С. Глушкова он был расформирован, а его курсанты переведены в другие подразделения училища[174]. Несколько ранее, 9 декабря 1941 г., директивой заместителя НКО № орг/542242 национальное кавалерийское отделение на 50 курсантов было открыто и в Грозненском пехотном училище[175]. Сюда были отобраны чеченцы и ингуши, обладавшие достаточной обще-

[169] ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

[170] Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2015. С. 23.

[171] ЦАМО. Ф. 60107. Оп. 35421. Д. 27. Л. 20.

[172] Там же. Д. 5. Л. 32.

[173] Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 100. Л. 237.

[174] Там же. Л. 387—388.

[175] Там же. Ф. 60008. Оп. 35020. Д. 2. Л. 1.

образовательной подготовкой, состоявшие в комсомоле или Коммунистической партии[176].

Для *прибалтийских* стрелковых дивизий ситуация с замещением должностей командно-начальствующего состава складывалась совершенно особым образом. Для укомплектования 201-й латышской, 16-й литовской, 7-й и 249-й эстонских дивизий, сформированных в период с августа 1941 по февраль 1942 г., был использован кадровый состав бывших территориальных стрелковых корпусов, созданных в 1940 г. на основе национальных армий, после присоединения прибалтийских государств к СССР. Многие из лиц комначсостава бывших территориальных корпусов успели приобрести боевой опыт в первые месяцы войны. Часть бывших офицеров национальных армий (особенно эстонцы) к этому моменту были мобилизованы в рабочие батальоны и командировались из них вместе с рядовым составом. В усиление кадровому составу бывших национальных армий добавлялись работники республиканских НКВД, партийные, советские работники, кадровые командиры Красной армии из числа советских граждан литовской, латышской и эстонской национальностей[177]. Военные кадры подбирались при содействии центральных органов управления НКО, поскольку командно-начальствующий состав перечисленных национальностей был рассеян по территории всей страны. Начальник Главного управления кадров НКО поручил всем кадровым органам фронтов и округов выявлять командиров перечисленных национальностей и командировать их в места формирования дивизий[178]. Кроме того, на укомплектование дивизий были обращены выпуски Вильнюсского пехотного училища, эвакуированного в город Новокузнецк, Рижского пехотного училища (Стерлитамак) и Таллинского пехотного училища (Тюмень)[179]. По распоряжению ГУК КА после излечения в госпиталях офицеры прибалтийских национальностей должны были возвращаться в свои национальные части. Военные училища обязаны были доносить в ГУК о наличии курсантов—выпускников прибалтийских национальностей за месяц до их выпуска для своевременного распоряжения о распределении в национальные части[180].

Таким образом, комначсостав сформированных в 1941—1942 гг. прибалтийских соединений в социальном плане представлял собой пеструю картину: от обрусевших советских граждан, убежденных коммунистов, до лиц, недавно принявших советское гражданство, получивших военное образование не в СССР (некоторые — в Европе), не знавших русского языка. Например, командиром 16-й литовской стрелковой дивизии был назначен комбриг Ф. Балтушис-Жемайтис —

---

176 ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 145.
177 16-я Литовская. Книга воспоминаний. Вильнюс, 2008. С. 243—244.
178 Там же.
179 *Петренко А.И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010. С. 8.
180 ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11204. Д. 753. Л. 13.

участник Гражданской войны, в 1930-х гг. — преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе, с 1940 г. — командующий Литовской народной армией. Начальником штаба дивизии — полковник В. Киршинас, до 1940 г. служивший в литовской национальной армии. Среди командного состава дивизии были ветераны Гражданской войны, кадровые военнослужащие Красной армии, бывшие офицеры литовской армии.

В *качественном* отношении квалификация командного состава прибалтийских дивизий оценивалась удовлетворительно или высоко, и по этому показателю они коренным образом отличались от всех прочих национальных соединений периода Великой Отечественной войны, в которых национальный командный состав, особенно средний и младший, был самым слабым звеном. Вот, например, заключение инспекционной комиссии о командно-начальствующем составе 7-й эстонской стрелковой дивизии перед отправкой ее в действующую армию: «Командиры и военкомы дивизии и полков должностям соответствуют. Командиры батальонов и рот подготовлены удовлетворительно и приобрели практику командования своими подразделениями. Командиры взводов подготовлены удовлетворительно и со своими обязанностями справляются неплохо. Младшие командиры в основной своей массе подготовлены неплохо»[181]. Аналогичная проверка 16-й литовской стрелковой дивизии показала: «Командный состав в основной своей массе подготовлен удовлетворительно... Командиры рот и взводов со своими обязанностями справляются. Младшие командиры подготовлены хорошо...»[182]

В *количественном* отношении прибалтийские национальные соединения не испытывали острого дефицита в командно-начальствующем составе, как кавказские или среднеазиатские. По состоянию на 1 июля 1942 г. в Красной армии числилось комначсостава: 2425 эстонцев, 1633 латыша и 781 литовец[183]. Усилия центральных органов управления НКО по сосредоточению командиров в местах формирования дивизий и значительный запас командиров-эстонцев позволили уже в феврале 1942 г. приступить к формированию второй эстонской дивизии (249-й) и образованию корпусного управления. Также постепенно был накоплен значительный запас командиров-латышей. К июлю 1943 г. в 1-м отдельном латышском запасном стрелковом полку накопилось без малого 495 офицеров, большинство которых были латышами или выходцами из Латвии[184]. Запас офицерского состава латышской национальности был учтен при принятии решения о формировании второй латышской дивизии в июле 1944 г. (308-й) и образовании корпусного управления.

---

[181] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71а. Л. 335.
[182] Там же. Л. 336.
[183] Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35.
[184] Там же. Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка. Оп. 597942. Д. 3. Л. 188.

С лета 1942 г. текущая подготовка среднего командного состава осуществлялась на базе Подольского пехотного училища (дислокация — г. Иваново), в котором был развернут национальный батальон. Батальон был сформирован распоряжением заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко 14 июня 1942 г. и состоял из трех рот курсантов — эстонской, латышской и литовской по 125 человек в каждой[185]. В отличие от закавказских и среднеазиатских национальных соединений, специальная подготовка комначсостава для которых была свернута уже к середине 1942 г., программа подготовки национальных кадров для прибалтийских частей в это время только разворачивалась. В течение 1943 г. и в январе 1944 г. Подольское пехотное училище выпустило на должности командиров взводов: 111 латышей, 122 литовца, 177 эстонцев[186]. В апреле 1943 г. по ходатайству секретаря ЦК КП Эстонии Н.Г. Каротамма штат эстонской роты был доведен до 200 курсантов[187]. Кроме того, в июле 1943 г. в Подольском училище была сформирована еще одна эстонская рота для переподготовки замполитов рот и батарей к службе на командных должностях после упразднения должностей замполитов в войсках[188].

Кроме Подольского училища, средний командный состав готовился на курсах, открывавшихся при национальных запасных частях. Так, с 4 марта 1942 г. по 29 сентября 1943 г. курсы младших лейтенантов действовали при 1-м отдельном латвийском запасном стрелковом полку, подготовив за этот период 528 офицеров[189]. Кроме того, определенная часть наиболее подготовленных младших командиров получала воинские звания без обучения, пройдя несколько испытаний в запасных частях.

Проведенный анализ показал, что комплектование кавказских, среднеазиатских, прибалтийских национальных соединений командно-начальствующим (офицерским) составом было той сферой, в которой его этноязыковые качества не только принимались во внимание, но и являлись определяющей характеристикой при назначении на должность. Национальная принадлежность командира (офицера) имела определяющее значение также и в случае наложения ограничений на службу на командных должностях представителей тех или иных народов. Во всех остальных случаях командно-начальствующий (офицерский) состав Красной армии всех национальностей проходил службу на равных условиях.

Перечень этносов, подлежавших ограничениям на занятие должностей командно-начальствующего состава, и сами эти ограничения в целом совпадали с мерами, применяемыми в отношении рядового

---

[185] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 93. Л. 78.

[186] Там же. Д. 700. Л. 7.

[187] Там же. Д. 374. Л. 91, 104.

[188] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 181.

[189] ЦАМО. Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка. Оп. 614498. Д. 1. Л. 2.

состава и массы военнообязанных, подробно рассмотренными в предыдущем параграфе. Так, после выселения с исторической родины ряда этносов (калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и др.) в войсках, в том числе в действующей армии, оставалось немалое количество офицеров этих национальностей[190]. 24 мая 1944 г. телеграммой ГУК НКО № 1159-1175/ш фронтам и округам было дано указание об их немедленном откомандировании в тыловые округа (СибВО, САВО, УрВО и ЮжУрВО) для использования на штатных должностях в частях и учреждениях округов[191]. Однако вскоре выяснилось, что среди откомандируемых оказалось много опытных, заслуженных боевых офицеров. Поэтому 5 июня 1944 г. последовало новое указание ГУК № 1192/ш, в котором военным советам указанных округов было предложено пересмотреть всех прибывших офицеров и выявить из них «лучших, хорошо аттестованных, проверенных, участников Великой Отечественной войны», имея в виду вернуть их в действующую армию. Вскоре было выявлено 155 офицеров, относившихся к репрессированным национальностям, из которых 76 человек было предложено вернуть в действующую армию, 60 человек — использовать на должностях, прежде всего на преподавательской работе, как опытных фронтовиков и лишь 15 подлежали увольнению в запас. В дальнейшем откомандирования с фронтов продолжались, и в сентябре 1944 г. начальник Организационно-мобилизационного управления Главного управления кадров Красной армии генерал-майор В.Н. Загладилин предложил решать вопрос о возможности оставления таких офицеров на должностях на усмотрение военных советов фронтов[192].

Общая картина, отражающая в относительных величинах динамику развития командно-начальствующего состава по национальностям за весь период Великой Отечественной войны, сведена в таблице 61.

Сравнение столбцов 1 и 2 показывает, что резкие изменения в национальной структуре командно-начальствующего состава произошли лишь единожды — в первый год войны. Вследствие неблагоприятного развития фронтовой обстановки и высоких боевых потерь на 7,69% вырос удельный вес русских, евреев, татар, представителей закавказских и среднеазиатских национальностей. Одновременно произошло почти равноценное (на 7,49%) сокращение удельного веса командного состава пяти национальностей, чьи республики были полностью оккупированы в начале войны и освобождены только во второй половине 1943 — начале 1945 г.: украинцев, белорусов, эстонцев, латышей, литовцев.

---

[190] Так, на 1 января 1944 г. по РККА числилось: 384 офицера чеченцев и ингушей, 545 калмыков, 388 крымских татар и т. д.

[191] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 1.

[192] Там же. Л. 54.

Таблица 61

Командно-начальствующий (офицерский) состав Красной армии по национальностям за 1941—1945 гг., в процентах

Национальность	На 1.01.1941	На 1.07.1942	На 1.01.1943	На 1.07.1943	На 1.01.1944	На 1.01.1945
	1	2	3	4	5	6
Русские	64,21	68,28	68,89	68,78	68,58	68,17
Украинцы	21,26	15,89	15,59	15,89	16,18	16,70
Белорусы	4,44	3,13	3,08	3,02	3,09	3,08
Татары	0,87	1,18	1,22	1,16	1,14	1,15
Чуваши	0,34	0,44	0,47	0,46	0,44	0,44
Мордвины	0,33	0,37	0,42	0,41	0,37	0,36
Марийцы	0,08	0,10	0,13	0,11	0,11	0,10
Удмурты	0,09	0,17	0,18	0,17	0,15	0,16
Коми	0,12	0,18	0,18	0,15	0,15	0,15
Башкиры	0,15	0,20	0,20	0,20	0,18	0,18
Буряты	0,05	0,09	0,10	0,09	0,09	0,09
Евреи	3,57	5,43	5,22	5,22	5,30	5,33
Армяне	0,7	1,10	0,96	1,01	1,05	1,03
Грузины	0,58	0,94	0,84	0,83	0,84	0,83
Азербайджанцы	0,16	0,36	0,30	0,32	0,33	0,32
Казахи	0,11	0,34	0,47	0,44	0,41	0,42
Узбеки	0,06	0,21	0,29	0,27	0,23	0,24
Киргизы	0,01	0,04	0,06	0,04	0,05	0,04
Таджики	0,01	0,05	0,07	0,06	0,06	0,06
Туркмены	0,02	0,05	0,07	0,05	0,05	0,05
Калмыки	0,02	0,04	0,03	0,03	0,04	0,02
Молдаване	0,08	0,06	0,06	0,05	0,05	0,05
Эстонцы	0,41	0,19	0,17	0,15	0,15	0,14
Латыши и латгальцы	0,44	0,13	0,13	0,12	0,11	0,10
Литовцы	0,34	0,06	0,06	0,06	0,05	0,04
Осетины	0,23	0,20	0,16	0,18	0,18	0,19
Кабардинцы и балкарцы	0,03	0,05	0,06	0,03	0,04	0,04
Чеченцы и ингуши	0,02	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02
Народности Дагестана	0,06	0,09	0,08	0,07	0,08	0,07
Другие	0,92	0,58	0,50	0,51	0,49	0,43

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

Наиболее ощутимое перераспределение удельных показателей за годы войны произошло между тремя славянскими этносами — русскими, украинцами и белорусами. Это хорошо видно также на материалах самой многочисленной категории командного состава — комсостава пехоты (они понесли за годы войны 58,6% потерь всего офицерского состава). Удельный вес русских среди командиров пехоты за период войны вырос на 7,1%, а у украинцев и белорусов, напротив, сократился в совокупности на 9,4% (см. таблицу 62).

Данные таблиц 61 и 62 позволяют сделать вывод о том, что в последний период войны удельного роста численности среди офицеров Красной армии по национальности украинцев, белорусов, молдаван, а также народов Балтии, подобно тому как это отмечалось с красноармейским составом, не произошло. Это означает, что советское военное ведомство не ставило перед собой специальной задачи увеличить численность офицерского состава этих национальностей и целенаправленно не наращивало набор в военно-учебные заведения представителей данных этносов. Изучение документального материала позволяет дать этому явлению комплексное объяснение. Рядовым составом армия достаточно быстро пополнялась в ходе войсковых мобилизаций, в то время как для подготовки комсостава в училищах и на курсах младших лейтенантов требовалось достаточно продолжительное время.

В последний период войны безусловное преимущество при наборе в военные училища отдавалось кандидатам из числа красноармейцев и сержантов из войск, а из них — прежде всего фронтовикам. В конце войны курсанты, вышедшие из гражданской молодежи, составляли лишь 6,1% против 71% в январе 1943 г.[193] Поэтому среди новобранцев, мобилизуемых в освобождаемых областях Украины и Белоруссии, кандидатов в военные училища отбирали мало. Кроме того, есть данные о том, что существовал прямой запрет набирать в училища лиц, побывавших под оккупацией[194], правда, едва ли он мог соблюдаться неукоснительно и полно. К этому следует добавить, что с 1943 г. сроки обучения во всех училищах Сухопутных войск были увеличены до 1—2 лет, а к 1945 г. в основном были восстановлены довоенные сроки обучения[195]. Таким образом, курсанты с освобождаемых территорий Украины, Белоруссии, Молдавии, принятые в военные училища в 1944 г., фактически не имели шансов оказаться на фронте до окончания войны. Поэтому еще по итогам 1944 г. среди выпускников пехотных училищ безраздельно господствовали русские — 73,4%. Увеличения числа украинцев, белорусов, уроженцев Прибалтики в этой категории военнослужащих не произошло даже

[193] Военные кадры Советского государства... С. 227—228.

[194] ЦАМО. Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка. Оп. 597941. Д. 1. Л. 74.

[195] Военные кадры Советского государства... С. 229—230.

Таблица 62

Характеристика офицерского состава Красной армии к началу Великой Отечественной войны и к концу войны по национальности (без учета политсостава и ВВС)

Национальность	**Русских**	**Украинцев**	**Белорусов**	**Азербайджанцев**	**Грузин**	**Армян**	**Туркмен**	**Узбеков**	**Таджиков**	**Казахов**	**Киргизов**	**Карело-финнов**	**Молдаван**	**Литовцев**	**Латышей**	**Эстонцев**	**Евреев**	**Других**
На 1 июня 1941 г.																		
Весь офицерский состав, чел.	229 897	86 353	19 490	Н. д.	2592	2606	93	293	Н. д.	437	Н. д.	207	Н. д	1556	1432	1510	15 469	11 085
В %	61,5	23,1	5,2	Н. д.	0,7	0,7	0,05	0,1	Н. д.	0,1	Н. д.	0,05	Н. д.	0,4	0,4	0,4	4,1	3,2
В том числе комсостав пехоты, чел.	70 954	25 596	5374	Н. д.	1092	972	38	107	Н. д.	200	Н. д.	115	Н. д.	440	599	630	3139	5474
В %	61,9	22,3	4,7	Н. д.	1,0	0,8	0,03	0,1	Н. д.	0,17	Н. д.	0,1	Н. д.	0,4	0,5	0,5	2,7	4,8
На 1 мая 1945 г.																		
Весь офицерский состав, чел.	923 024	227 324	4829	6285	11 620	13 385	3344	4441	1366	8028	9052	1113	931	982	2029	2493	63 845	58 024
В %	66,8	16,4	3,2	0,5	0,8	1,0	0,2	0,3	0,1	0,6	0,7	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	4,6	4,2
В том числе комсостав пехоты, чел.	341 164	74 750	12 411	2568	4970	5197	2435	2931	727	5662	585	424	328	351	1024	1158	11 904	26 060
В %	69,0	15,1	2,5	0,5	1,0	1,0	0,5	0,6	0,1	1,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	2,4	5,3

Источник: ЦАМО. Ф. 9. Оп. 309. Д. 5. Л. 96.

Таблица 63

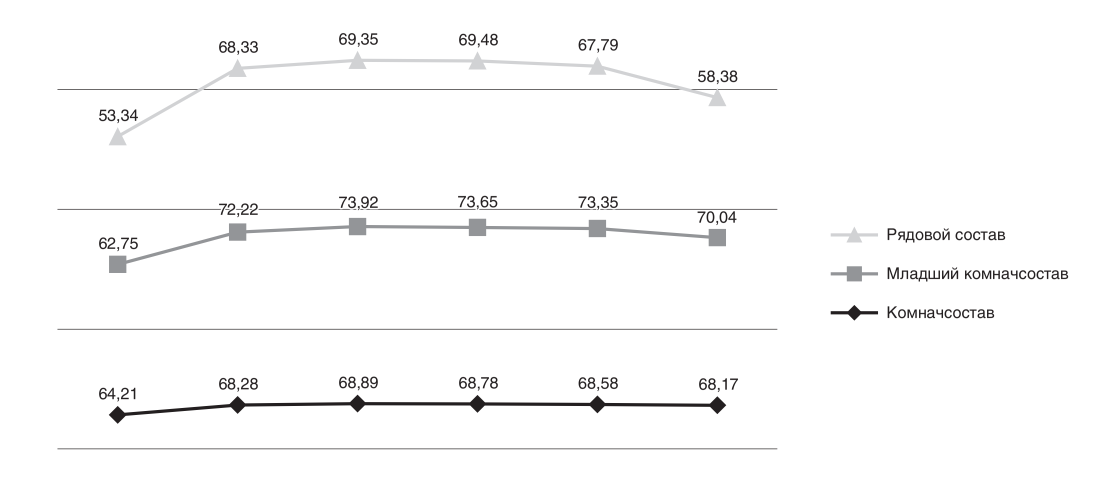
Офицерский, сержантский и рядовой состав фронтовых объединений по национальностям на 1.01.1945 г., чел.

Фронт	Русские			Украинцы			Белорусы			Молдаване		
	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые
3-й Белорусский	70 592	125 010	260 784	16 710	27 663	83 281	3578	8235	46 768	39	105	4531
2-й Белорусский	83 040	153 849	306 443	19 155	34 201	98 395	4367	11 730	58 780	55	202	31 688
1-й Белорусский	98 004	180 460	344 774	25 568	51 812	145 236	4783	10 579	64 841	91	343	23 533
1-й Украинский	100 231	184 903	310 823	27 542	70 573	244 395	4532	5622	11 536	85	470	10 195
2-й Украинский	53 119	82 828	166 413	16 908	30 624	121 922	2273	2369	7070	108	279	7512
3-й Украинский	42 910	69 301	142 052	13 462	29 307	99 962	2079	2285	4032	49	507	3834
4-й Украинский	27 231	40 299	83 382	9068	18 110	71 526	1103	1334	3637	23	132	5584
Всего	475 127	836 650	1 614 671	128 413	262 290	864 717	22 715	42 154	196 664	450	2038	86 877

Составлено по: ЦАМО. Ф. Оп. 26. Оп. 366. Л. 5—11.

Диаграмма 11.1

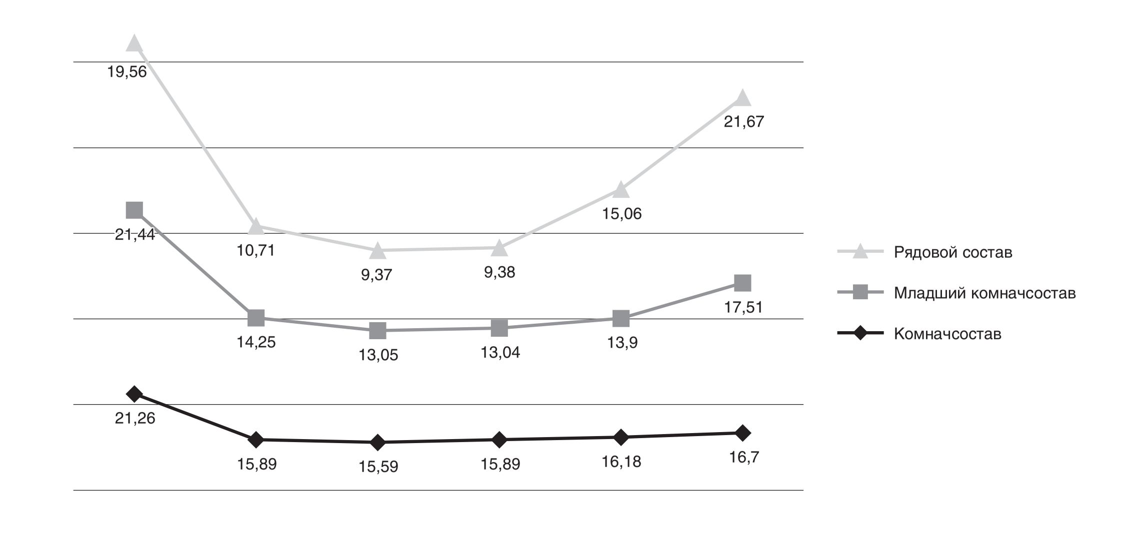
Соотношение командно-начальствующего, младшего командно-начальствующего и рядового составов у русских в течение Великой Отечественной войны (в процентах ко всему личному составу Красной армии)

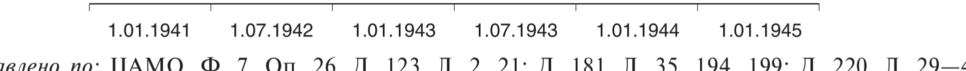

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35, 194, 199; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234 Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 319. Л. 1—16; Д. 366. Л. 1—17.

Диаграмма 11.2

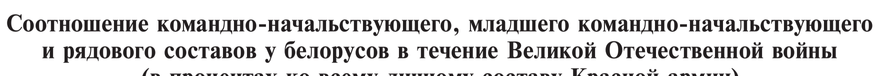
Соотношение командно-начальствующего, младшего командно-начальствующего и рядового составов у украинцев в течение Великой Отечественной войны (в процентах ко всему личному составу Красной армии)

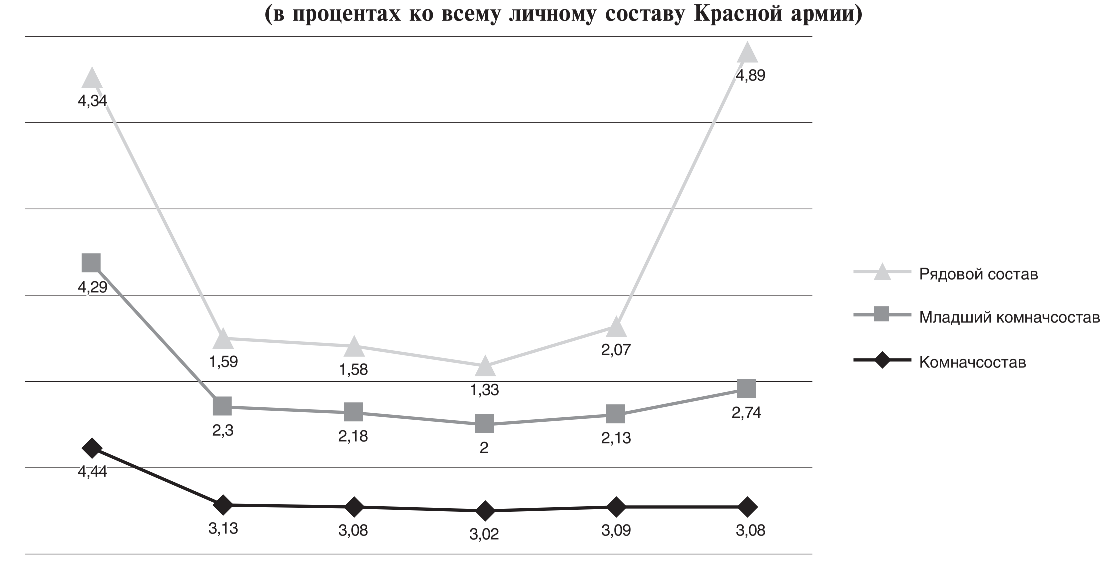

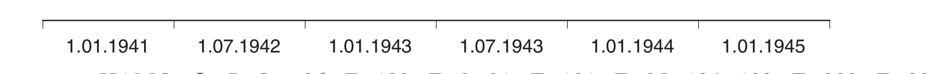
Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35, 194, 199; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 319. Л. 1—16; Д. 366. Л. 1—17.

Диаграмма 11.3

Соотношение командно-начальствующего, младшего командно-начальствующего и рядового составов у белорусов в течение Великой Отечественной войны (в процентах ко всему личному составу Красной армии)

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35, 194, 199; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 319. Л. 1—16; Д. 366. Л. 1—17.

в конце 1944 г.[196], хотя среди рядового состава, как было показано выше, отмечался резкий скачок численности контингентов этих национальностей.

Из таблицы 63 видно, что это обстоятельство существенно сказывалось на национальной структуре войск, пополнявшихся людьми на территории Украины, Белоруссии, Молдавии. Если по семи фронтам украинского и белорусского направлений[197] у русских соотношение военнослужащих трех составов — офицерского, сержантского и рядового — складывалось в пропорции 1:1,8:3,4, то у белорусов — 1:1,9:4,7, у украинцев — 1:2:6,7, а у молдаван — 1:4,5:193. На Украинских фронтах, где численность рядовых-украинцев почти сравнялась с численностью рядовых-русских (1, 2, 4-й Украинские фронты), диспропорция удельных значений украинцев-офицеров и украинцев-рядовых достигала 7—8-кратных значений. Такое же положение складывалось с белорусами на 1, 2 и 3-м Белорусских фронтах.

Сказанное о диспропорциях в развитии составов военнослужащих очень наглядно можно проиллюстрировать на примере двух восточнославянских этносов — русских и белорусов (диаграммы 11.1, 11.2 и 11.3)[198].

* * *

Анализ национального состава *старших офицеров* и *генералитета* Красной армии наглядно показывает, что чем выше было воинское звание, тем выше оказывался удельный вес русских, а также — если брать шире — *квартета* из трех восточнославянских этносов и евреев, базой которому служили, как отмечено выше, русский язык и готовность национального командного состава к полной русификации ради карьерного роста.

В таблице 64 представлены сведения о полковниках, подполковниках и майорах всех родов войск по национальностям по состоянию на 1 мая 1944 г. Так, среди майоров русских числилось 66,83%, среди подполковников — 68,86%, среди полковников — 73,47%. Аналогичные категории военнослужащих трех восточнославянских этносов и евреев составляли следующий возрастающий ряд удельных значений: майоры — 94,74%, подполковники — 95,18%, полковники — 95,36%.

---

[196] Всего в 1944 г. было выпущено 71 666 пехотных офицеров, среди которых русских — 52 606 (73,4%), украинцев — 7757 (10,2%), белорусов — 1114 (1,6%), латышей — 95 (0,2%), литовцев — 73 (0,1%), эстонцев — 176 (0,3%) (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 777. Л. 28).

[197] 1, 2, 3, 4-й Украинские, 1, 2, 3-й Белорусские фронты.

[198] Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35, 194, 199; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 319. Л. 1—16; Д. 366. Л. 1—17.

Таблица 64

Сведения о количестве полковников, подполковников, майоров всех родов войск (в том числе ВВС и политсостав) по национальностям на 1 мая 1944 г. (без центральных управлений НКО СССР)

Национальность	Полковник		Подполковник		Майор		Всего	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
Русских	6436	73,29	15 095	68,86	52 464	66,83	73 992	67,59
Украинцев	1044	11,89	3301	15,06	12 286	15,65	16 631	15,23
Белорусов	364	4,15	957	4,37	3110	3,83	4431	4,05
Грузин	65	0,77	158	0,72	636	0,82	860	0,78
Армян	64	0,75	200	0,91	868	1,08	1122	1,02
Азербайджанцев	20	0,23	44	0,25	216	0,27	280	0,25
Туркмен	0	0	2	0,01	12	0,01	14	0,01
Узбеков	2	0,01	9	0,04	85	0,1	95	0,09
Казахов	0	0	8	0,04	104	0,13	112	0,1
Киргизов	2	0,02	1	0,01	11	0,01	14	0,01
Таджиков	3	0,03	7	0,03	54	0,07	64	0,04
Карел	7	0,07	36	0,11	113	0,14	156	0,15
Молдаван	3	0,03	11	0,05	64	0,07	76	0,08
Латышей	48	0,55	65	0,29	111	0,14	224	0,21
Литовцев	19	0,21	31	0,14	56	0,07	106	0,1
Эстонцев	40	0,46	68	0,31	160	0,2	268	0,24
Евреев	507	5,77	1510	6,89	6578	8,38	8595	7,87
Татар	47	0,53	134	0,61	540	0,68	721	0,66
Чувашей	13	0,14	35	0,15	222	0,28	270	0,24
Коми	4	0,04	18	0,08	66	0,08	88	0,08
Осетин	6	0,06	42	0,19	133	0,16	181	0,18
Марийцев	3	0,03	5	0,03	25	0,03	33	0,03
Башкир	9	0,09	8	0,04	82	0,09	99	0,09
Мордвин	12	0,13	59	0,25	197	0,28	268	0,24
Удмуртов	1	0,01	6	0,03	35	0,04	42	0,04
Бурят	—	—	4	0,02	18	0,02	22	0,02
Калмыков	1	0,01	4	0,02	12	0,02	17	0,02
Немцев	2	0,02	2	0,01	2	0,01	6	0,01
Поляков	22	0,26	46	0,2	76	0,09	144	0,14
Других	19	0,22	49	0,22	164	0,21	232	0,21
Алтайцев	0	0	0	0	2	0,02	2	0,01
Адыгейцев	0	0	0	0	7	0,01	7	0,07
Венгров	1	0,01	1	0,01	1	0,01	3	0,01
Лезгин	0	0	1	0,01	6	0,01	7	0,01
Ингушей	0	0	0	0	4	0,01	4	0,01
Черкесов	1	0,01	3	0,01	3	0,01	7	0,01
Цыган	0	0	0	0	3	0,01	3	0,01
Карачаевцев	0	0	1	0,01	1	0,01	2	0,01
Калмыков	1	0,01	4	0,02	12	0,02	17	0,02

Национальность	Полковник		Подполковник		Майор		Всего	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
Греков	5	0,05	5	0,03	36	0,05	46	0,04
Чехов	1	0,01	2	0,01	7	0,01	10	0,01
Финнов	2	0,02	5	0,03	4	0,01	11	0,01
Болгар	4	0,04	7	0,04	9	0,01	20	0,02
Других	3	0,03	16	0,07	57	0,07	78	0,08
Всего	8781	100	21 960	100	78 652	100	109 380	100

Источник: ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 148. Л. 65.

И совсем подавляющим было преимущество указанного квартета национальностей в центральном аппарате Народного комиссариата обороны СССР. В марте и декабре 1944 г. по указанию начальника Главного управления кадров КА главные и центральные управления подавали сведения о национальном составе командования, начальников отделов и офицеров. Наиболее полно сохранились материалы, поданные в ГУК в промежутке между 20 и 23 декабря 1944 г.[199] По данным на 6209 офицеров и генералов, служивших в центральном аппарате военного ведомства, 4856 (78,32%) являлись русскими, 650 (10,48%) — украинцами, 430 (6,94%) — евреями, 173 (2,79%) — белорусами. Вместе они составляли 98,53% всего личного состава управлений[200]. Среди командования (388 человек) эта доля достигла 99%. Добавим, что удельный вес русских в отмеченном квартете возрастал не только по мере повышения воинских званий, но и должностей. Среди командования главных и центральных управлений представители каких-либо иных национальностей, кроме русской, встречались все реже: на русских приходилось 83,76% занятых должностей, украинцев — 8,0%, евреев — 4,9%, белорусов — 3,61%[201].

Объясняется это явление тем, что, в отличие от среднего командного состава, основная масса представителей старшего и высшего командного состава начинала служебную карьеру в довоенный период — в 1920-х и начале 1930-х гг., а некоторые — и ранее, то есть в те периоды развития отечественных вооруженных сил, когда среди

---

[199] Сведения подали следующие органы управления: Главное автомобильное управление КА; управления и главные управления, подчиненные командующему БТиМВ; Главное управление связи КА; Штаб и ГУ ВВС КА; Главное управление командующего артиллерией КА; Главное артиллерийское управление КА; Центральный штаб Войск ПВО КА; Главное интендантское управление КА; Штаб начальника Тыла КА; Главное военно-санитарное управление КА; Главное дорожное управление КА; Центральное управление военных сообщений КА; ГУ гидрометслужбы СССР; Управление начальника Инженерных войск КА; Штаб командующего Кавалерией КА; ГУ Трофейного вооружения; Ветеринарное управление КА; Управление снабжения горючим КА; Финансовое управление КА; Главная военная прокуратура КА.

[200] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11479. Д. 762. Л. 187, 191, 192, 201, 205, 208, 210, 215, 217, 219, 221, 223, 225, 227, 229, 231.

[201] Подсчитано по: Там же.

Таблица 65

Справка о численности генералов Красной армии по родам войск и национальностям за период с 06.1940 по 22.06.1941 г. (без ВВС, медицинского, ветеринарного и юридического состава), чел.

Национальность	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи	Татары	Мордвины	Чуваши	Армяне	Калмыки	Поляки	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Финны	Итого
Общевойсковой генералитет	328	31	23	7	3	1	3	1	1	2	2	3	1	1	407
Генералитет артиллерии	68	1	7	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	79
Генералитет БТ и МВ	22	6	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	30
Генералитет войск связи	19	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Генералитет инж. войск	23	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Генералитет тех. службы	23	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Генералитет интенд. службы	27	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30
Всего	510	43	33	9	3	1	3	2	1	2	5	3	1	1	617
В процентах	82,66	6,97	5,35	1,46	0,49	0,16	0,49	0,32	0,16	0,32	0,81	0,49	0,16	0,16	100

Источник: ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 206. Л. 59.

Таблица 66

Национальный состав генералитета Красной армии за период Великой Отечественной войны (без учета потерь), чел.

Национальность	Маршалов Советского Союза, маршалов видов и родов войск	Генералов армии	Генерал-полковников	Генерал-лейтенантов	Генерал-майоров	Всего	В % ко всему генеральскому составу
Русские	20	9	112	527	2248	2916	77,45
Украинцы	3	—	10	77	290	380	10,1
Белорусы	—	—	3	38	160	201	5,34
Евреи	—	—	7	18	124	149	3,96
Поляки	1	—	—	8	13	22	0,58
Армяне	1	1	1	5	21	29	0,77
Грузины	—	—	1	1	18	20	0,53
Мордвины	—	1	—	—	4	5	0,13
Чуваши	—	—	1	—	4	5	0,13
Осетины	—	—	1	1	8	10	0,26
Латыши	—	—	1	5	17	23	0,61
Калмыки	—	—	1	—	2	3	0,08
Азербайджанцы	—	—	—	—	1	1	0,03
Литовцы	—	—	—	—	1	1	0,03
Итого	25	11	138	680	2911	3765	100

Составлено по: ЦАМО. Ф. 9. Оп. 309. Д. 5. Л. 104—106.

командного состава значительно преобладали русские и славяне. В годы Великой Отечественной войны они несли существенно меньшие боевые потери и были более стабильной социально-профессиональной группой, чем средний командный состав. Высокий уровень образования представителей трех восточнославянских этносов и евреев, отсутствие языкового барьера способствовали более динамичному повышению квалификации ими и карьерному росту. Все перечисленное способствовало не только устойчивости национального состава старших и высших воинских начальников, но и росту удельного веса перечисленных народов по мере роста воинских званий и должностей.

Анализ национального состава генералитета Красной армии подтверждает выдвинутые выше тезисы. В таблице 65 представлено состояние генералитета в последний предвоенный год начиная с июня 1940 г., то есть вскоре после введения в Красной армии генеральских званий (без учета генералитета ВМФ, ВВС, медицинского, ветеринарного и юридического состава). В таблице 66 представлен генералитет всех видов и родов войск (без учета ВМФ) за весь период Великой Отечественной войны[202].

Сравнение двух таблиц также позволяет сделать вывод о том, что в течение Великой Отечественной войны эта социально-профессиональная категория военнослужащих Красной армии существенно расширилась за счет украинцев и евреев. В абсолютных значениях значительный вклад также внесли белорусы, поляки, армяне, грузины, латыши. В то же время в национальном составе генералитета с наибольшей силой проявилась тенденция гегемонии трех славянских этносов (русских, украинцев и белорусов) и евреев, на которые в совокупности перед войной приходилось 96,44% (или 595 из 617 человек) всего генеральского состава, а за период Великой Отечественной войны — 96,85% (или 3646 из 3765 человек). Отметим также, что доля русских генералов была еще выше, чем среди старших офицеров — полковников, подполковников, майоров (см. таблицу 64).

* * *

В первые месяцы Великой Отечественной войны определились этнокультурные особенности контингентов из Закавказья, Средней Азии, ряда национальных регионов РСФСР (незнание русского языка, низкий уровень образования), послужившие причиной принятия государственных решений о возврате к национальным воинским формированиям. Их необходимой и обязательной чертой являлось единство этноязыковой среды, которое достигалось за счет комплектования частей моноэтничным красноармейским и командно-начальствующим составом. Военные округа, формировавшие в конце 1941 — начале 1942 г. национальные соединения, не располагали

---

[202] В таблицу не вошли данные о боевых и небоевых потерях генералитета Красной армии, составившие 539 человек (ЦАМО. Ф. 9. Оп. 309. Д. 5. Л. 118).

достаточными ресурсами кадров командного и начальствующего состава местных национальностей. Это потребовало срочных мер по изысканию национальных кадров, а также развертывания дополнительной подготовки командиров из местных национальностей на базе военных училищ и разного рода курсов.

Достаточно глубоко и масштабно эта работа была осуществлена Военным советом Закавказского фронта, сумевшим в целом удовлетворительно укомплектовать 11 национальных стрелковых дивизий, большинство из которых впоследствии приняли активное участие в боевых действиях в ходе битвы за Кавказ. Худший результат показал Среднеазиатский военный округ, где количественный ресурс и качество национальных людских ресурсов, годных для обучения в военных училищах, были ниже. Неудовлетворительное укомплектование нацсоединений САВО командным составом было одной из главных причин их низкой боеготовности и последующего расформирования большинства из них еще до отправки на фронт.

Особое положение с комплектованием кадрами было в прибалтийских соединениях, которые в силу исторических обстоятельств (остатка офицерского состава бывших национальных армий) и помощи центральных органов военного управления по сосредоточению командиров в местах формирования прибалтийских соединений и в запасных полках не испытывали столь острого дефицита командных кадров. Это позволило не только поддерживать стабильный кадровый состав прибалтийских стрелковых дивизий, но и развертывать новые части и соединения.

Тенденции укомплектования войск красноармейским и командно-начальствующим (офицерским) составом хотя и коррелировали, однако не всегда совпадали. Особенно сильно это проявилось на последнем этапе войны с представителями «западных» народов СССР (украинцев, белорусов, молдаван, литовцев, латышей, эстонцев). Их быстрый абсолютный и относительный прирост среди рядового состава не сопровождался аналогичным приростом среди офицерского состава. В этом проявились особенности подготовки офицерского состава в последний период войны (специальный отбор в училища только из военнослужащих и фронтовиков, ограничение на прием граждан, бывших под оккупацией, длительные сроки обучения), не совпадавшие с условиями и сроками подготовки красноармейского состава. Это выразилось в прогрессирующем дисбалансе в конце войны между представительством в действующих войсках красноармейцев и офицеров «западных» национальностей.

Выявленное в этой главе господство в офицерской среде квартета четырех национальностей (русских, украинцев, белорусов и евреев) только росло по мере повышения воинских званий и должностей, а внутри этого квартета опережающими темпами росло представительство русских — коренных носителей и главных бенефециаров русскоязычной военной культуры и традиции.

НА МИРНЫЕ РЕЛЬСЫ
Вместо послесловия

Выявленная документальная база позволяет оценить некоторые этнические аспекты трансформации Вооруженных Сил СССР, связанные с окончанием войны и переходом советского общества и армии к послевоенному мирному строительству. К таковым относятся вопросы репатриации бывших советских военнопленных на родину, демобилизации армии и перехода к ее комплектованию по штатам мирного времени.

Изучение национального состава репатриированных позволяет сделать некоторые наблюдения и в отношении категории советских военнослужащих, имевших самую трагическую судьбу, — военнопленных. Численный состав репатриантов, конечно, не отражает всего состава военнопленных, а лишь только тех, кому посчастливилось пережить войну и кто пожелал вернуться на родину или был возвращен принудительно. Освобождение военнопленных из нацистских концлагерей началось еще в период войны. Созданным 23 октября 1944 г. Управлением уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова количество репатриированных советских военнослужащих оценивалось в 1825 тыс. человек[1] по состоянию на 1 марта 1946 г., когда главная волна репатриации была завершена.

Амбивалентность положения освобождаемых военнопленных заключалась в том обстоятельстве, что они одновременно оказывались и ценным мобилизационно-трудовым ресурсом, и лицами, подозреваемыми органами НКВД в измене родине и сотрудничестве с вра-

---

[1] Данные, обнаруженные В.Н. Земсковым в фонде ведомства генерала Ф.И. Голикова (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175, 270—271). В Центральном архиве Министерства обороны РФ автором данной книги также со ссылкой на органы репатриации найдена ссылка на 2015 тыс. бывших советских военнопленных, но без детализации национального состава (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 28. Л. 1).

гом. Как уже отмечалось выше, согласно руководящим документам, рядовой и сержантский состав, так же как и интернированное гражданское население военнообязанных возрастов, «не вызывавшие подозрений», направлялся на армейские сборно-пересыльные пункты, а затем — в армейские или фронтовые запасные части. Весь офицерский состав, а также военнопленные и гражданские лица, служившие в вермахте и в коллаборационистских формированиях, направлялись в спецлагеря НКВД[2].

В большинстве случаев бывшие военнопленные красноармейцы восстанавливались на военной службе и пополняли действующие войска Красной армии. Так, по состоянию на 10 июля 1945 г. в распоряжение органа комплектования — Главупраформа КА — было передано 1086 тыс. репатриантов, а в распоряжение НКВД — только 211,8 тыс. человек. Еще 1267,4 тыс. человек (гражданских лиц и непризывных возрастов) были отправлены по месту жительства[3]. Как правило, рядовой и сержантский состав направлялся в обычные воинские части, а офицеры лишались воинских званий и обращались на комплектование офицерских штрафных частей. После окончания войны освобождаемые офицеры направлялись на проверку в лагеря НКВД или в запасные части, после чего «ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего прохождения службы или увольнялись в запас». Рядовой и сержантский состав возрастов, подлежавших демобилизации, увольнялись в запас, а остальных восстанавливали на военной службе, используя как в войсках, так и для укомплектования рабочих батальонов[4]. Репатриированные представители этносов, репрессированных в Советском Союзе (немцы, калмыки, чеченцы, ингуши и др.), выделялись из общей массы и специальными эшелонами направлялись в места «вечного» поселения.

В ходе выявления и проверки военнопленных национальность обязательно вносилась в учетные карты, заводившиеся на всех репатриируемых советских граждан[5]. Данные национального состава репатриированных военнослужащих Красной армии имеются на 1 569 572 человека.[6]. Кроме того, до 20 марта 1945 г. в декадные сводки Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР вносились данные о происхождении репатриированных

---

[2] *Герман А.* Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941—1955 гг. Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19—22 октября 2000 г. М., 2001. С. 257—270.

[3] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11477. Д. 90. Л. 156.

[4] *Земсков В.Н.* К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944—1955) // Политическое просвещение. 2011. № 1 (https://www.politpros.com/journal/read/?ID=141&journal=68, дата обращения: 14.04.2020).

[5] Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952: Сб. док-тов. В 2 т. Т. 1. М., 2019. С. 72.

[6] *Земсков В.Н.* Указ соч.

граждан по союзным республикам СССР. В дальнейшем форма отчетности была изменена и эти данные больше не отражались в сводках.

Таким образом, сохранившаяся отчетность позволяет определить национальный состав хотя бы части людских потерь Красной армии, которые в годы войны относили к безвозвратным. Правда, из современного расчета безвозвратных потерь (в официальных изданиях последние 30 лет озвучивается одна цифра — 8 668 400 человек[7]) вся масса репатриантов-военнослужащих исключается.

В представленной ниже таблице 67 отражены абсолютные и относительные данные репатриированных бывших советских военнопленных по национальности. Для сравнения приведено процентное соотношение представительства военнослужащих по национальности перед началом войны (на 1 января 1941 г.), затем на 1 июля 1942 г. — на исходе самого тяжелого, первого года войны, отмеченного наивысшими потерями пленными, и в самом конце войны (на 1 января 1945 г.).

Достаточно даже беглого взгляда на таблицу, чтобы заметить существенный дисбаланс среди военнопленных трех восточнославянских национальностей в пользу украинцев и белорусов[8]. К этому следует добавить, что, по данным Управления уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации, из учтенных на 3 октября 1945 г. 1368,8 тыс. репатриированных советских военнопленных 49,2% попали в плен в 1941 г., 32,8% — в 1942 г., 11,7% — в 1943 г., в то время как на 1944—1945 гг. приходится лишь 6,3% военнопленных[9]. Получается, что *свыше 80% учтенных по национальности репатриантов были пленены в первые полтора года войны*.

Однако имеющаяся информация не дает оснований для выводов о масштабах пленения представителей тех или иных национальностей без учета общей численности советских военнопленных. В отношении последней консенсуса в литературе до сих пор нет (напротив, имеется крайне широкий разброс мнений — от 4059 тыс. человек[10] до 5 млн человек[11] и даже 6,3 млн человек[12]). Кроме этого,

---

[7] Великая Отечественная война 1941—1945 годов: В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М., 2015. С. 154.

[8] С этими данными коррелируют сведения сводки Уполномоченного республиканскому гражданству бывших военнопленных по состоянию на 20 марта 1945 г. (позднее такие сведения не вносились в декадные сводки): на 256 215 бывших военнопленных из РСФСР были 23 009 человек, из БССР — 53 972 человек, из УССР — 152 955 человек, из ЭССР — 13 540 человек, из ЛитССР — 10 458 человек, из ЛатССР — 2281 человек (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11477. Д. 90. Л. 125).

[9] Гриф секретности снят. С. 339.

[10] Там же.

[11] *Дембицкий Н.П.* Судьба пленных // Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. М., 2004. С. 236.

[12] *Земсков В.Н.* «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22—32.

Таблица 67

Данные о национальном составе советских военнопленных, репатриированных на родину, по состоянию на 1 марта 1946 г.

Национальность	Бывшие военнопленные на 1.03.1946, чел.	Бывшие военнопленные на 1.03.1946, в %	Военнослужащие Красной армии на 1.01.1941, в %	Военнослужащие Красной армии на 1.07.1942, в %	Военнослужащие Красной армии на 1.01.1945, в %
Русские	**740 114**	**47,18**	**56,39**	**68,98**	**61,85**
Украинцы	**460 208**	**29,33**	**20,1**	**11,98**	**20,44**
Белорусы	**134 776**	**8,59**	**4,35**	**1,91**	**4,28**
Литовцы	3019	0,19	0,41	0,05	0,28
Латыши	3456	0,22	0,38	0,11	0,21
Эстонцы	2746	0,18	0,29	0,29	0,28
Молдаване	5094	0,32	0,15	0,06	1,55
Грузины	25 541	1,63	1,37	1,23	0,76
Армяне	20 657	1,32	1,18	1,31	0,85
Азербайджанцы	21 985	1,4	1,09	1,16	0,46
Казахи	24 448	1,56	1,66	1,9	0,93
Узбеки	29 588	1,88	2,45	1,27	0,91
Туркмены	2791	0,18	0,33	0,24	0,17
Таджики	4258	0,27	0,47	0,19	0,19
Киргизы	4299	0,27	0,41	0,28	0,17
Карелы	2194	0,14	0,16	0,12	0,1
Татары	32 178	2,05	1,99	2,49	1,86
Башкиры	4578	0,29	0,37	0,47	0,3
Калмыки	4087	0,26	0,07	0,09	0,02
Евреи	4762	0,3	1,84	1,83	1,63
Поляки	2702	0,17	0,27	0,07	0,2
Финны	583	0,04	0,09	0,02	0,01
Другие национальности	34 505	2,2	4,54	4,04	2,55
Из них представители коренных народов СССР (удмурты, осетины, кабардинцы, чеченцы и др.)	31 586	2,01	—	—	—
Из них представители некоренных народов СССР (немцы, греки, болгары, румыны и др.)	2919	0,9	—	—	—
Всего	1 568 569	100	100	100	100

Составлено по: Земсков В.Н. К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944—1955) // Политическое просвещение. 2011. № 1. (https://www.politpros.com/journal/read/?ID=141&journal=68; дата обращения: 14.04.2020); ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 366. Л. 1—17.

следует принять в расчет данные о сверхвысокой смертности в лагерях, учесть дифференцированное отношение нацистов к военнопленным различных национальностей (освобождение из плена представителей ряда национальностей[13]), численности и национального состава сотен тысяч «невозвращенцев»[14] и военных коллаборационистов (власовцы, легионеры национальных частей вермахта и СС и др.) и другие факторы. Выявленную диспропорцию в национальном представительстве военнопленных можно предложить будущим исследователям в качестве нерешенной проблемы.

* * *

Теперь обратимся к демобилизации и переходу огромной армии на штаты мирного времени. Этот сложный процесс не мог пройти одномоментно. Он занял более пяти лет и осуществлялся в несколько очередей. Послевоенная перестройка порядка комплектования Советской армии имела определенные национальные аспекты.

Но вначале посмотрим, что представляла собой в этническом отношении армия-победитель. В нашем распоряжении имеются учетные данные из «Альбома списочной численности личного состава Красной армии по социально-демографическим признакам» по состоянию на 1 октября 1945 г., составленного отделом планирования укомплектования и учета численности Вооруженных Сил Генерального штаба Красной армии. К этому времени армия находилась в движении: часть войск перемещалась в связи с войной на Дальнем Востоке. Поэтому были недополучены социально-демографические сведения на более чем 400 тыс. военнослужащих. Кроме того, развертывался процесс демобилизации, вследствие чего Красная армия сократилась уже более чем на 3 млн человек по сравнению с пиковым значением начала 1945 г. (12,3 млн человек). Фактическая численность Красной армии по донесениям из войск о боевом составе на 1 октября 1945 г. составляла еще очень внушительную цифру — 9 089 427 человек[15]. Из них национальный состав определен на 8655,4 тыс. человек (см. таблицу 68).

---

[13] До 1 мая 1944 г. немецким командованием освобождено 823 230 военнопленных. До 13 ноября 1941 г. освобождались лица по национальности немцы, жители Прибалтики, украинцы, белорусы (всего освобождено 318 770 человек), а после этого — лица, вступившие в добровольческие коллаборационистские формирования (Гриф секретности снят. С. 333—334).

[14] По состоянию на 1 июля 1948 г. в западных зонах оккупации Германии находились, по данным советских комиссий по репатриации, 233 928 советских граждан: 63 238 украинцев, 78 412 латышей, 23 658 эстонцев, 47 505 литовцев, 9292 русских, 1029 белорусов, 4998 советских немцев, 5796 других национальностей. Таким образом, на 90,1% эта категория состояла из представителей четырех национальностей: украинцев (западных), эстонцев, латышей и литовцев (Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952: Сб. док-тов: В 2 т. Т. 1. М., 2019. С. 26—27).

[15] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 32. Д. 12. Л. 2.

Таблица 68

Национальный состав Красной армии по состоянию на 1 октября 1945 г. (без учета раненых и больных)

Националь-ность	Офицерский состав		Сержантский состав		Рядовой состав		Всего	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%	Человек	%
Русские	938 514	68,59	1 501 388	68,28	2 914 295	57,28	5 354 197	61,86
Украинцы	228 459	16,7	410 020	18,65	1 193 612	23,46	1 832 091	21,17
Белорусы	42 677	3,05	65 557	2,98	256 496	5,04	364 730	4,21
Армяне	13 422	0,98	18 642	0,85	44 055	0,86	76 119	0,88
Грузины	11 228	0,82	18 001	0,82	41 392	0,81	70 621	0,82
Азербайджанцы	4381	0,32	9662	0,44	28 409	0,56	42 452	0,49
Узбеки	3080	0,23	12 661	0,57	59 177	1,16	74 918	0,87
Таджики	734	0,06	2837	0,13	13 206	0,26	16 777	0,19
Туркмены	675	0,05	2302	0,1	11 986	0,23	14 963	0,17
Казахи	5669	0,42	17 068	0,78	52 315	1,03	75 052	0,87
Киргизы	590	0,04	2362	0,11	10 824	0,21	13 776	0,16
Карелы	878	0,06	1718	0,08	4722	0,09	7318	0,08
Финны	417	0,03	244	0,01	710	0,01	1371	0,02
Евреи	69 109	5,05	26 866	1,22	38 624	0,76	134 599	1,56
Чеченцы и ингуши	176	0,01	262	0,01	783	0,02	1221	0,01
Кабардинцы и балкарцы	423	0,03	716	0,03	1845	0,04	2984	0,03
Осетины	2492	0,18	2258	0,1	4842	0,11	9592	0,11
Народности Дагестана	1011	0,07	1694	0,08	5084	0,1	7789	0,09
Татары	15 618	1,14	37 363	1,7	104 185	2,05	157 166	1,82
Чуваши	5954	0,44	12 826	0,58	32 601	0,64	51 381	0,59
Мордвины	4829	0,35	12 826	0,58	33 377	0,66	51 032	0,59
Башкиры	2543	0,19	5958	0,27	16 241	0,32	24 742	0,29
Калмыки	334	0,02	282	0,01	1231	0,22	1847	0,02
Удмурты	2044	0,15	4352	0,2	11 023	0,22	17 419	0,2
Марийцы	1405	0,1	3545	0,16	11 180	0,22	16 130	0,19
Коми	1580	0,12	2590	0,12	5802	0,11	9972	0,12
Коми-пермяки	257	0,02	420	0,02	1001	0,02	1678	0,02
Буряты	1166	0,09	2243	0,1	6858	0,13	10 267	0,12
Молдаване	718	0,05	5323	0,24	74 378	1,46	80 419	0,93
Болгары	171	0,01	344	0,02	1768	0,03	2283	0,03
Латыши	1559	0,11	2830	0,13	14 128	0,28	18 517	0,21
Эстонцы	2263	0,17	3673	0,17	8546	0,17	14 482	0,17

Национальность	Офицерский состав		Сержантский состав		Рядовой состав		Всего	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%	Человек	%
Литовцы	637	0,05	2698	0,12	42 789	0,84	46 124	0,53
Поляки	844	0,06	2207	0,1	18 371	0,36	21 422	0,25
Чехи и словаки	70	0,01	110	0,01	479	0,01	659	0,01
Югославы	94	0,01	14	0,0006	919	0,02	1027	0,01
Немцы	21	0,01	10	0,0005	386	0,01	417	0,004
Греки	564	0,04	533	0,2	1294	0,03	2391	0,03
Китайцы	42	0,01	28	0,001	88	0,002	158	0,002
Остальные	2615	0,19	4782	0,22	19 044	0,37	26 441	0,31
Итого	1 368 263	100	2 199 215	100	5 088 073	100	8 656 544	100

Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 32. Д. 12. Л. 68—75 об.

Как видно, тенденции национального представительства в Красной армии соответствуют тем, которые мы определили в целом для последнего периода войны. Демобилизация личного состава (в сравнении с данными за 1 января 1945 г.) также происходила равномерно в этническом отношении.

Сложность перехода к комплектованию мирного времени состояла в том, что за годы войны очередность призыва возрастов вынужденно была нарушена. Возрастные интервалы существенно уплотнились: за три года (с осени 1941 по осень 1944 гг.) было призвано шесть призывных возрастов (с 1922 по 1927 гг. рождения) вместо четырех. Осенью 1944 г., когда состоялся последний возрастной призыв военного времени, в армию отправились 17-летние юноши 1927 года рождения, в то время как по действовавшему с 1939 г. призывному закону срок призыва для большинства из них (без полного среднего образования) наступал лишь осенью 1946 г. Следовательно, при нормальном порядке комплектования очередной возраст (1928 г. рождения) мог быть призван в ряды вооруженных сил только осенью 1947 г.

Одновременно с этим требовалась срочная демобилизация переменного состава, прошедшего войну и служившего уже 4—5 лет (граждане 1922—1923 гг. рождения, призванные еще в начале войны).

Нормальная штатная численность переменного состава Вооруженных Сил СССР (Министерства обороны, МВД, Железнодорожных войск) исчислялась без малого в 3175 тыс. человек, а ежегодный призыв требовался в размере 1565 тыс. человек[16]. Но при столь остром дефиците мобилизационных ресурсов продолжали действовать введенные в годы войны ограничения на призыв определенных категорий граждан, в том числе и по этническому признаку (не по-

[16] ЦАМО. Ф. 25. Оп. 48. Д. 1. Л. 90.

ступили в войска призывники 1927 г. рождения закавказских и среднеазиатских национальностей; призывники горских национальностей Северного Кавказа 1926—1927 гг. рождения; призывники репрессированных этносов и ряд других).

18 июня 1946 г. главком Сухопутных войск Маршал Советского Союза И.С. Конев представил начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому доклад «О переходе к нормальному комплектованию Вооруженных Сил Советского Союза». Конев предлагал в 1946 г. призвать остатки ресурсов 1923—1927 гг. рождения, каковых насчитывалось 881,6 тыс. человек, не призванных в годы войны по причине отсрочек[17]. Одновременно предлагалось использовать возникший в годы войны запас призывников «местных национальностей» 1927 г. рождения, которые, как было показано в параграфе 6.5, не были призваны в 1944 г. вместе со своими сверстниками. Таковых насчитывалось 115,7 тыс. человек[18]. Этими мерами, а также набором сверхсрочнослужащих маршал Конев рассчитывал добиться того, чтобы осенью 1946 г. иметь возможность вообще не призывать юношей 1928 г. рождения, а призвать их в следующем, 1947 г.

8 августа 1946 г. начальником Главного штаба Сухопутных войск генерал-полковником Г.К. Маландиным и его заместителем генерал-полковником Н.И. Четвериковым на имя начальника Генерального штаба и Главнокомандующего Сухопутными войсками были направлены предложения «Об использовании местных национальностей на укомплектовании Вооруженых Сил». В данном случае в расчет были включены не только призывники 1927 г. рождения и старших возрастов, но и граждане 1928 г. рождения. Всего таковых насчитывалось 381 740 человек[19]. Этот ресурс предлагалось использовать следующим образом:

— национальности прибалтийских республик (47 985 человек) — прежде всего для укомплектования трех остававшихся национальных стрелковых дивизий. Лишний контингент предназначался на укомплектование строительных, портовых, рабочих частей, расположенных на территории прибалтийских республик;

— закавказские национальности (107,7 тыс. человек) — прежде всего использовать для укомплектования трех национальных дивизий; остальных — для укомплектования остальных частей ЗакВО и других военных округов с мягким климатом;

— среднеазиатские национальности (113 тыс. человек) — использовать пропорционально для укомплектования стрелковых, кавалерийских, инженерных, артиллерийских, тыловых, строительных и

[17] ЦАМО. Ф. 25. Оп. 48. Д. 1. Л. 65—66.

[18] Закавказских национальностей — 57 989 человек, среднеазиатских — 18 704 человека, молдаван — 14 339, эстонцев — 4241, латышей — 3962, литовцев — 16 509 (Там же. Л. 66).

[19] ЦАМО. Ф. 25. Оп. 48. Д. 1. Л. 69—70.

рабочих частей во всех округах, кроме дальневосточных, сибирских и северных;

— уроженцев Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии использовать на общих основаниях[20].

Таким образом, и в предложениях И.С. Конева, и в докладе Г.К. Маландина и Н.И. Четверикова в целях налаживания нормального комплектования армии мирного времени ограничения приема на военную службу по национальному признаку отменялись. В последующие годы в документах, связанных с подготовкой очередных годовых призывов, численность уроженцев Закавказья, Средней Азии и Прибалтики отмечалась отдельно от основного контингента. Например, в 1949 г., когда призывалась молодежь 1930 г. рождения, таковых насчитывалось 162 066 человек[21]. В то же время сведений об ограничении их призыва не обнаружено.

Наконец, на исходе 1949 г. в истории ограничений в военной службе по национальному признаку была поставлена формальная точка. 21 декабря было принято постановление Совета Министров, подписанное И.В. Сталиным, «О мероприятиях по переходу Вооруженных Сил к нормальному прохождению службы солдатами, матросами, сержантами и старшинами в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности». Документ регламентировал окончательный переход к нормальному комплектованию по штатам мирного времени, завершавшийся весной 1951 г., всех солдат, матросов, сержантов и старшин 1924—1927 гг. рождения, призванных на военную службу еще в годы Великой Отечественной войны и прослуживших без малого 6—8 лет. Последний пункт постановления гласил: «Установить, что граждане закавказских, среднеазиатских и прибалтийских республик подлежат призыву на действительную военную службу на общих основаниях, согласно Закону о всеобщей воинской обязанности»[22].

Таким образом, ограничения на прием в армию по этническому признаку, как продукт чрезвычайных условий военного времени, окончательно были сняты. В это же время этническая статистика призыва перестает быть значимой и исчезает из отчетных документов[23].

---

[20] ЦАМО. Ф. 25. Оп. 48. Д. 1. Л. 71—72.

[21] Там же. Д. 2. Л. 58.

[22] Там же. Л. 96.

[23] В то же время еще долгие годы отмечался контингент призывников, не владевший или слабо владевший русским языком. Впрочем, таковых было уже относительно немного. Например, в 1961 г. среди призывников 1942 г. рождения таковых насчитывалось 19 884 человека (около 2% от всех призывников) (Там же. Д. 3. Л. 27—31).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ историографии и источниковой базы, в том числе изучение массива статистических документов советского военного ведомства, органов власти и партийных органов, позволил изучить те отрасли строительства Красной армии в 1920-х — первой половине 1940-х гг., в которых существенную роль играл национальный фактор, а именно: организационное строительство войск (в части развития национальных воинских формирований); систему комплектования личным составом (в части использования нерусского контингента граждан); подготовки и использования кадров командно-начальствующего (офицерского) состава (в части целенаправленного формирования корпуса комсостава нерусской национальности).

Исследование проблем истории ***национальных воинских формирований*** Красной армии позволило выявить возлагавшиеся на них государством *функции*, которые стимулировали развитие этого специфического сегмента Красной армии. И напротив, деактуализация государственных функций приводила к быстрой деградации национальных формирований в смысле утраты ими моноэтничного состава и особого статуса. Поэтому определение места нацформирований в военной истории страны в изучаемый период представляется правильным через определение их функций. Соотношение этих функций не являлось константой, а, напротив, менялось с развитием внутренне- и внешнеполитической ситуации страны. Для межвоенного периода их можно сформулировать следующим образом.

Первое. С точки зрения интересов *строительства вооруженных сил* конечной целью государственной программы национальных формирований было привитие советским этносам, особенно официально считавшимся «культурно отсталыми», устойчивой социально-культурной традиции несения обязательной военной службы по призыву и формирования на случай мобилизации в национальных

регионах обученного запаса рядовых и комначсостава. К концу 1920-х и в первой половине 1930-х гг. большинство национальных формирований по боевым качествам достигли уровня *номерных* частей и соединений РККА.

Второе. С точки зрения интересов *внутренней политики* Советского государства программа национальных формирований, безусловно, являлась продолжением общего курса национальной политики советского правительства на *коренизацию*, с ее широкими преференциями титульным этносам в национальных регионах и целенаправленной дерусификацией общественной и культурной сфер. В 1920-х гг. программа национальных формирований стала олицетворением *коренизации* в военном строительстве, переняв у нее принцип максимально возможного удовлетворения запросов самых незначительных национальных меньшинств (именно отсюда возник суррогат национальных формирований в виде практики *концентраций,* подробно рассмотренной в книге).

Третье. С *внешнеполитической* точки зрения национальные формирования нацеливались руководством страны и военного ведомства на дальнейшую революционную экспансию СССР в сопредельные страны, особенно на Востоке. Усилиями прежде всего наркомвоенмора М.В. Фрунзе национальные части были органично вплетены в концепт мировой революции, в осуществлении которой им отводилась роль застрельщиков, передового отряда, особого национального эшелона советских войск.

В 1920-х гг. господствовали *вторая* и *третья* функции нацформирований, расценивавшиеся как важный политический инструмент для решения внутренних и внешних задач молодого социалистического государства. В этот период советское политическое и военное руководство даже допускало временное ухудшение уровня боеспособности РККА в период становления нацчастей, ради реализации с их помощью политических целей (дальнейшая советизация окраинных народов и экспорт революции в сопредельные страны). Конечно, вся Рабоче-Крестьянская Красная армия была институтом политическим, классовым, однако у национальных частей их политическое предназначение нередко превалировало над собственно военными. Это уникальное качество отличает их от всех прочих воинских частей Красной армии.

Исследованием выявлена корреляция между развертыванием нацформирований и масштабным переводом частей РККА на территориальный принцип комплектования. Национальные формирования были плоть от плоти территориальной системы, поскольку последняя обеспечивала минимальный отрыв гражданина от родного дома и места работы. Развитие территориальных и национальных формирований в 1920—1930-х гг. шло бок о бок, большинство национальных частей комплектовались именно на территориальных началах. В то же время между нацформированиями и территориаль-

ными частями существовало и глубокое различие: если первые несли особую политическую миссию и нацеливались на решение национального вопроса в молодом Советском государстве и за его пределами, то вторые своим появлением обязаны исключительно тяжелому экономическому положению страны и были призваны сэкономить скудный бюджет военного ведомства.

С рубежа 1920—1930-х гг. и до конца Великой Отечественной войны заметно доминировала *первая*, собственно военная функция национальных формирований, в основе которой стояли практические задачи повышения боеспособности Красной армии в условиях нараставшей международной напряженности.

К середине 1930-х гг. национальные формирования оказались в парадоксальном положении: с одной стороны, большинство из них по боевым качествам встало в один ряд с обычными (*номерными*) частями Красной армии, а призыв в армию для прохождения службы в своей национальной части вошел в быт местных этносов, и, стало быть, сформировалась искомая (хотя и неглубокая) традиция несения военной службы у народов, прежде никогда к ней не привлекавшихся.

С другой стороны, в начале 1930-х гг. *коренизация* как политический курс и нацформирования как его воплощение в строительстве Красной армии стали препятствием на пути мобилизационной модели развития государства, предполагавшей форсированную организационную перестройку, перевооружение и увеличение численности вооруженных сил, создание многочисленного обученного запаса военнообязанных и кадров комначсостава, унификацию и стандартизацию способов комплектования армии личным составом. Миссия же национальных формирований строилась на платформе языкового плюрализма и равноправия местных государственных языков с русским. Она не предполагала ликвидации языкового барьера, а, напротив, допускала политическое и военное *со*развитие советских этносов в единой «семье народов». Другой проблемой стало то, что в силу своей малой штатной емкости национальные формирования не обеспечили и объективно не могли обеспечить в национальных регионах накопления значительного запаса военнообученных граждан местных национальностей.

Как показал анализ документальных материалов, в среде политического и военного руководства страны в этот период возобладало скептическое отношение к возможности своевременного и полноценного комплектования национальных частей в случае общей мобилизации и дальнейшего поддержания национального баланса в ходе боевых действий. Поэтому в 1938 г. в рамках общей реформы системы комплектования Красной армии национальные формирования без долгих рассуждений были упразднены.

Однако уже в первый год Великой Отечественной войны формирование национальных частей и соединений не только было воз-

обновлено, но и существенно расширено по сравнению с довоенным периодом. Уже в ходе мобилизации 1941 г. выяснилось, что военнообязанные нерусской национальности старших возрастов в массе своей слабо владели русским языком, имели низкий уровень грамотности, не были обучены военному делу. Все это — последствия того, что до войны срочную военную службу прошла лишь незначительная часть военнообязанных из национальных регионов, а обязательное обучение русскому языку в национальной школе было введено лишь в конце 1930-х гг. Эти обстоятельства сделали решение высших государственных и военных органов управления о возвращении к мононациональному комплектованию частей и соединений в тех экстремальных условиях единственно возможным. За короткий период времени — с ноября 1941 по февраль 1942 г. — было сформировано 53 национальных соединения из представителей титульных народов 12 союзных республик и 4 автономных республик РСФСР (еще одно, 54-е по счету национальное соединение было сформировано вне общего потока в 1944 г.). Общая штатная численность национальных соединений в начале 1942 г. достигала 370 тыс. человек.

Изучение исторического пути всех национальных соединений, созданных в период Великой Отечественной войны, позволило разделить их на две группы: *первая*, бóльшая (30 соединений), была расформирована еще до отправки на фронт, причиной чему послужила их низкая боеготовность после реорганизации, особенно в кавалерии. Ко *второй* группе (24 соединения) отнесены национальные формирования, принявшие участие в вооруженной борьбе на фронте. Особенности их боевого пути позволили выделить внутри второй («фронтовой») группы три подгруппы. К *первой подгруппе* отнесены соединения, понесшие большие боевые потери, вслед за этим расформированные и более не воссоздававшиеся как национальные или переформированные в обычные (не национальные) соединения; ко *второй* группе отнесены: закавказские, два казахских, одно башкирское соединения, и к *третьей* — все прибалтийские соединения.

Во время войны ярко проявились по крайней мере две из трех сформулированных выше функций нацформирований — военная и внутриполитическая, хотя экстремальные условия военной обстановки сделали доминирующим их собственно военное предназначение. В ряде операций и сражений (таких как оборона Крымского полуострова в начале 1942 г., битва за Кавказ 1942—1943 гг. и ряд других) национальные соединения использовались массово и сыграли важную роль в противоборстве с врагом.

Но и политическая «нагрузка» на них в годы Великой Отечественной войны была весьма сильна. Именно она способствовала тому, что органы государственного и военного управления целенаправленно поддерживали моноэтничность личного состава некото-

рых соединений и сохраняли их национальный статус до самого конца войны. Установлено, что таким политическим мотивом в 1941—1945 гг. являлась *оборона* или *освобождение родного края*, ибо участие национальных формирований в боях за малую родину носило, помимо решения задач вооруженной борьбы, также и характер политической демонстрации. Оно имело большое моральное значение как для военнослужащих нацформирований, так и для местного населения, особенно когда отмечались проблемы с политической лояльностью местного населения Советскому государству. Национальные формирования зримо и непосредственно олицетворяли вклад своего этноса в общее дело борьбы с нацизмом.

И напротив, когда идеологический концепт защиты родного края исчерпывался (например, в случае с кавказскими национальными соединениями с окончанием оборонительного сражения за Кавказ) или же не актуализировался вовсе (в случае со среднеазиатскими соединениями), то интерес государственных и военных органов управления к национальным частям как к особым политическим субъектам неминуемо утрачивался. В этом случае запускался неизбежный и необратимый процесс этнической энтропии личного состава, вызванный постоянным его перемешиванием маршевыми пополнениями в ходе доукомплектования и переформирования частей. В конечном итоге это вело к утрате национальной идентичности (а часто — и формального национального статуса) таких соединений. Поддержание баланса титульного этноса в национальных формированиях иногда в инициативном порядке брали на себя республиканские власти, заинтересованные в пролонгации их идеолого-пропагандистской функции.

Исследование деятельности центральных и местных органов государственного и военного управления по последовательному расширению мобилизационной базы вооруженных сил за счет демографического ресурса народов СССР позволило определить этапы и содержание проблем ***комплектования войск контингентом граждан нерусской национальности***. На всех этапах этот процесс коррелировал с развитием призывного законодательства и общими тенденциями в строительстве вооруженных сил.

Первый этап (начало 1920-х гг. — 1928 г.) характеризовался опорой на традиции, унаследованные от дореволюционной Русской императорской армии, трансляцию которых обеспечили *военспецы*, которыми в этот период были в значительной мере комплектованы организационно-мобилизационные органы РККА. Установлено, что в первой половине 1920-х гг. *на военную службу не призывалось около ста этносов*, населявших СССР. Их перечень во многом повторял аналогичный дореволюционный список. Большинство непризываемых этносов относились к официальной категории «культурно отсталых» и считались по своим социально-культурным параметрам неготовыми к службе в армии. Но следует подчеркнуть, что для

граждан всех национальностей был открыт *индивидуальный прием в армию на основе добровольной вербовки*. Именно добровольцами комплектовались первые национальные части РККА.

Переход из категории непризываемых народов в категорию призываемых в середине 1920-х гг. происходил главным образом под настойчивым политическим давлением местных национальных партийно-советских элит, трактовавших военный призыв как символ эмансипации и признания политической зрелости своих народов, а отказ в призыве — как продолжение великодержавной угнетательской политики со стороны доминирующей русской нации. В принятый в сентябре 1925 г. закон «Об обязательной военной службе» была включена компромиссная формула: военная служба объявлялась общеобязательной для всех советских граждан, но предусматривалась отсрочка по этническому признаку для народов, перечень которых надлежало перед каждым призывом согласовывать между Наркомвоенмором и местными властями.

Анализ итогов первых после окончания Гражданской войны пяти призывов мирного времени — с 1924 по 1928 г. — показал, что войска в этот период до 90% пополнялись призывниками восточнославянских национальностей (русскими, украинцами, белорусами) при общем удельном весе восточных славян среди населения Советского Союза, составлявшем лишь 77,3% (по Всесоюзной переписи населения 1926 г.). Это превышало аналогичный дореволюционный показатель и в корне противоречило курсу центральных и местных органов государственного и военного управления на расширение представительства в армейских рядах всех народов СССР.

Первый практический шаг к реализации этого курса удалось сделать только в ходе всесоюзного призыва в РККА 1928 г., опыт которого следует признать революционным для строительства отечественных вооруженных сил, поскольку военный призыв *впервые в истории* был распространен на те национальные регионы (Средняя Азия, Кавказ и ряд других), где он не проводился никогда (в том числе и до революции). Анализ источников показал, что призыву предшествовала большая работа центральных и местных военных, советских и партийных органов по учету, изучению, обучению допризывной молодежи. Широкая агитационно-пропагандистская работа, сопровождавшая допризывные мероприятия и сам призыв, была направлена на формирование позитивного образа военной службы не только у самих призывников, но и у членов их семей и у этносов в целом.

Как показал анализ учетно-статистических материалов по личному составу Красной армии, в конце 1920-х гг. удельный вес военнослужащих неславянских национальностей в войсках оставался незначительным, однако само по себе проведение всеобщего призыва уже на десятом году советской власти следует оценивать как большой шаг вперед в деле расширения мобилизационного ресурса

страны и включения окраинных народов в советское строительство, важной частью которого являлась служба в рядах РККА.

Второй этап (1929 — первая половина 1941 г.) был связан с быстрым приростом списочной численности личного состава Красной армии (с 1930 г. по 1940 г. она выросла в 5,8 раза) и последовательным наращиванием военнообученного мобилизационного резерва за счет представителей народов СССР. Вопрос расширения призыва среди граждан нерусской национальности стоял тем острее, чем глубже становилась «демографическая яма», вызванная тем обстоятельством, что в начале 1930-х гг. в призывной возраст вступали малочисленные поколения, родившиеся в годы Первой мировой и Гражданской войн. К тому же ужесточались критерии социально-классового отбора призывников в армию в связи с обострением социально-экономической и политической ситуации в стране.

Анализ показал, что на пути роста военного призыва среди представителей нерусских народов стояла ограниченная штатная емкость национальных формирований, куда для прохождения службы направлялось большинство призванных из республик СССР и РСФСР. Комплектовать ими обычные воинские части мешал языковой барьер. Поэтому значительную часть призывников местных национальностей после процедуры военного призыва приходилось зачислять во *вневойсковики,* фактически освобождая их от строевой службы и полноценной военной подготовки.

До второй половины 1930-х гг. прирост численности Красной армии происходил в основном за счет расширения использования традиционного для комплектования отечественной армии ресурса — русских, украинцев и белорусов. К концу 1930-х гг. недоиспользование неславянских контингентов призывников стало оцениваться руководством страны как критическое. В связи с этим был предпринят ряд важных решений: упразднение национальных соединений, подлинно всеобщий (то есть фактически *поголовный*) призыв с зачислением новобранцев в кадровый состав войск, снижение призывного возраста, экстерриториальное распределение молодого пополнения. Эти меры позволили в ходе последних предвоенных призывов многократно (в отдельных случаях — в десятки раз) увеличить численность представителей неславянских этносов в войсках. Экстерриториальность распределения нового пополнения строго выдерживалась до начала Великой Отечественной войны и в первые ее месяцы. С точки зрения интересов строительства вооруженных сил экстерриториальность снимала зависимость комплектования войск от районов призыва (мобилизации). С социально-политической точки зрения она должна была значительно ускорить процесс интеграции нерусских военнослужащих в русскоязычную среду, иными словами — русифицировать массу обученного запаса военнообязанных, готовившегося на случай мобилизации.

Одним из последствий первого массового призыва нерусских граждан в 1939 г. стало то, что в течение 1940 г. удельный вес русских военнослужащих в первый и последний раз за весь изучаемый период опустился ниже их удельного веса среди населения страны (56,4% в Красной армии против 58,4% среди населения по Всесоюзной переписи 1939 г.).

Однако возникли сложности в адаптации в войсках новобранцев, не владевших русским языком. Ранее языковая проблема явно недооценивалась: из-за незначительности масштабов призыва нерусских граждан и возможности отбора в армию лучших молодых людей ей не уделялось должного внимания. В последний предвоенный призыв осени 1940 г. Наркомат обороны вынужден был сократить зачисление в кадр представителей местных народов Средней Азии и Кавказа и ограничить их распределение в войсках западных военных округов.

Исторический опыт комплектования советских войск в межвоенный период показал, что за короткий период, в течение двух десятилетий (1920—1930-е гг.), несмотря на издержки и ошибки, был пройден сложный путь от эпизодических вербовок добровольцев в национальных регионах в первой половине 1920-х гг. к первым экспериментальным призывам в конце 1920-х гг. и затем к массовому общеобязательному призыву практически во всех национальных окраинах СССР в конце 1930-х гг. Эти результаты стали возможными благодаря целенаправленной и планомерной работе государственных и военных органов управления по налаживанию в национальных регионах сети военкоматов, постановке мобилизационной работы, воинского учета и допризывной подготовки, а также общему подъему культурно-образовательного уровня и физического развития национальной молодежи.

Третий этап охватывает годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Комплектование войск Красной армии в этот период также имело свое этническое измерение. Стремясь обеспечить войска наиболее качественным в боевом и политико-моральном отношении пополнением, государство вынуждено было в течение всей войны корректировать условия комплектования действующей армии представителями различных народов СССР. С этой целью была сформирована особая нормативно-правовая база (комплекс совершенно секретных постановлений ГКО, приказов наркома обороны и его заместителей), регламентировавшая порядок комплектования Красной армии представителями народов СССР и организации прохождения ими военной службы. Основными способами комплектования и организации войск стали:

— смешанное комплектование воинских частей на общих условиях, то есть без учета национальной принадлежности личного состава;

— сведение военнослужащих одной национальности в моноэтничные (национальные) части и соединения;

— смешанное комплектование воинских частей на основе национального квотирования (долевого участия национальностей);

— комплектование определенными этносами небоевых (рабочих, строительных и т. п.) частей;

— полный отказ от призыва и увольнение из рядов Красной армии представителей определенных этносов.

Проведенный комплексный анализ учетно-статистических материалов, отражающих комплектование армии личным составом за весь период войны, убедительно показал, что основную тяжесть вынес на своих плечах русский народ, перманентно испытывавший демографическую перегрузку, которую можно выразить в значительном превышении удельного веса русских в рядах Красной армии над их удельным весом среди населения (максимума он достиг к началу 1943 г. — 70,2% в рядах Красной армии против 52% среди населения). Кроме русских многие другие народы СССР также испытывали кратковременные демографические нагрузки. Это зависело от стратегической обстановки на фронте, социально-политического положения в регионах комплектования и иных факторов. В остальное время их удельный вес в рядах войск не превышал удельного веса среди населения или даже был ниже за счет повышенной нагрузки на русских. *Иными словами, участие населявших Советский Союз народов в военной организации государства не было пропорциональным их доли среди населения СССР. В период Великой Отечественной войны, потребовавшей предельного напряжения демографических ресурсов государства, это неравенство проявилось наиболее рельефно*. Содержательно его можно выразить как минимум *пятью моделями* или *способами* использования этноресурсов для комплектования Красной армии. Эти модели сформулированы по итогам исследования и представлены на диаграмме 12[1].

Они охватывают 98% населения Советского Союза.

Прямой линией на каждом из графиков отражен удельный вес данного этноса или совокупный удельный вес группы этносов среди населения Советского Союза, рассчитанный по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. и расчетных данных ЦСУ Госплана СССР с учетом населения присоединенных в 1939—1940 гг. к СССР западных областей Украины, Белоруссии, стран Балтии и Бессарабии. По этим данным перед войной численность населения страны составляла 193 077,3 тыс. человек[2].

Итак:

— «русская», свойственная исключительно для русского народа, характеризовавшаяся перманентной демографической перегрузкой в течение всей войны (диаграмма 12.1);

---

[1] Составлено по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35, 194, 199; Д. 220. Л. 29—48; Д. 234. Л. 27—46; Д. 317. Л. 1—8 об.; Д. 319. Л. 1—16; Д. 366. Л. 1—17.

[2] Статистические динамические ряды за 1913—1951 годы. С. 28 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 14 об.).

— «западная» (украинцы, белорусы, молдаване, народы Балтии), отличавшаяся относительно слабым использованием людских ресурсов в первые годы войны и резким усилением нагрузки в последние годы войны (диаграмма 12.2);

— «закавказско-среднеазиатская» (армяне, азербайджанцы, грузины, казахи, узбеки, туркмены, таджики, киргизы), характеризовавшаяся усилением нагрузки на людские ресурсы в первую половину войны и ослаблением ее во вторую (диаграмма 12.3);

— «тюркско-угорско-еврейская» (народы Поволжья и восточных регионов РСФСР: поволжские татары, башкиры, мордвины, чуваши, удмурты, марийцы, а также евреи), отличавшаяся относительно равномерным использованием людских ресурсов в течение всей войны, в связи с чем кривая представительства в Красной армии значительно меньше, чем в других моделях, отклоняется от линии среднего представительства среди населений (диаграмма 12.4);

— «ограничительно-репрессивная» (немцы, крымские татары, калмыки, корейцы, греки, горцы Северного Кавказа и др.), выделявшаяся среди прочих целенаправленным сокращением (вплоть до полного запрета) использования людских ресурсов определенных национальностей в течение всей войны (диаграмма 12.5).

В качестве необходимого комментария к описанным моделям нужно отметить, что оформление и функционирование *второй* и *третьей* моделей было напрямую связано с условиями стратегической обстановки на советско-германском фронте: ослабление использования ресурсов «западных» этносов СССР в начале войны было вызвано временной потерей значительной части европейской территории СССР в первые годы войны. Усиление использования ресурсов закавказских и среднеазиатских народов в этот период носило компенсаторный характер по отношению к группе «западных» народов СССР. Во второй половине войны эти модели поменялись местами. Относительная сбалансированность удельных показателей призыва и доли среди населения страны по *четвертой* модели объяснялась тем, что вошедшие в нее народы не подвергались экстремальному воздействию фронтовой обстановки в местах их этнических ареалов — их территория не оккупировалась врагом и не подвергалась прямой угрозе оккупации. Функциональное назначение *пятой* модели состояло не в изыскании ресурсов для пополнения армии, как у первых четырех, а, напротив, в их изъятии из общего массива мобресурсов страны. Наконец, *первая*, «*русская*» модель не только формировала несущий хребет Красной армии, но и за счет дополнительного напряжения этноресурса русских компенсировала недобор, образовывавшийся в результате реализации остальных четырех моделей.

Особую роль русского народа в Великой Отечественной войне вполне понимал и правильно оценивал сам И.В. Сталин, хотя публично выразил свою позицию лишь однажды. В своем хорошо из-

Диаграмма 12.1

Модель 1. «Русская»

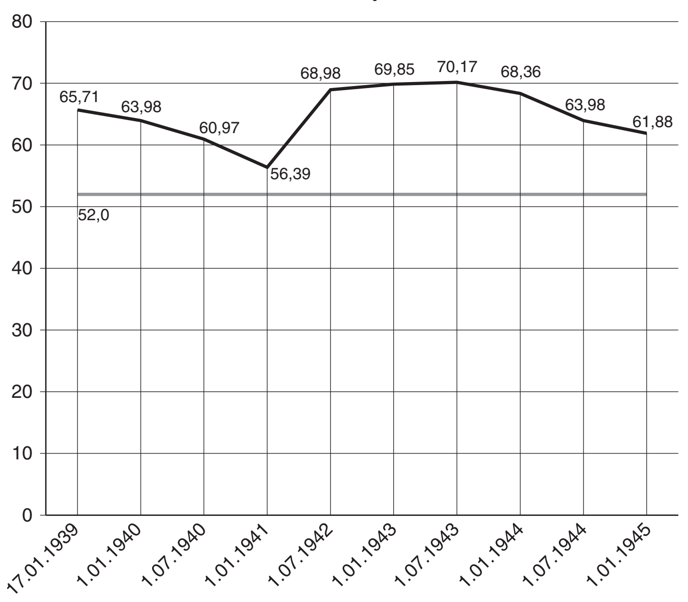

Диаграмма 12.2

Модель 2. «Западная»

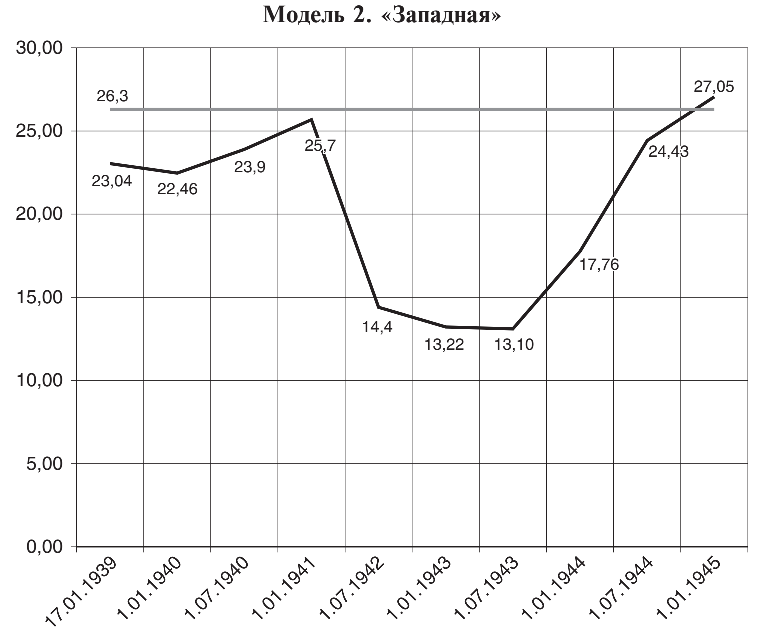

Диаграмма 12.3

Модель 3. «Закавказско-среднеазиатская»

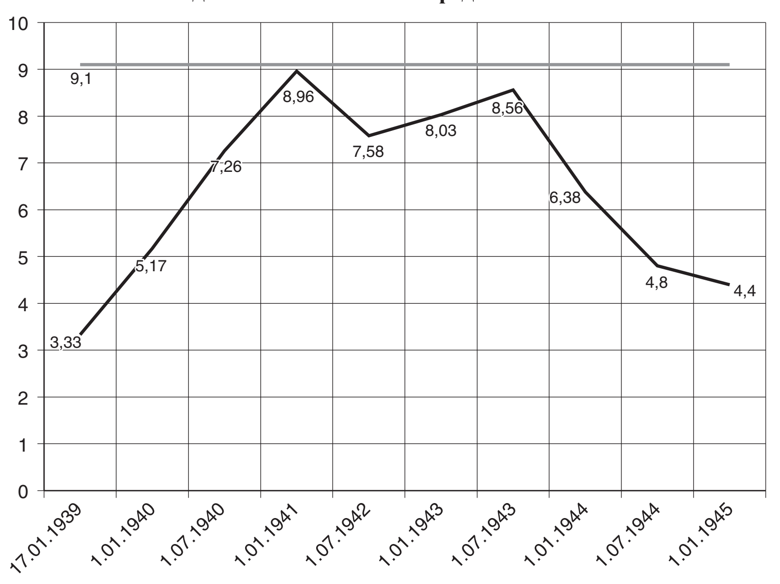

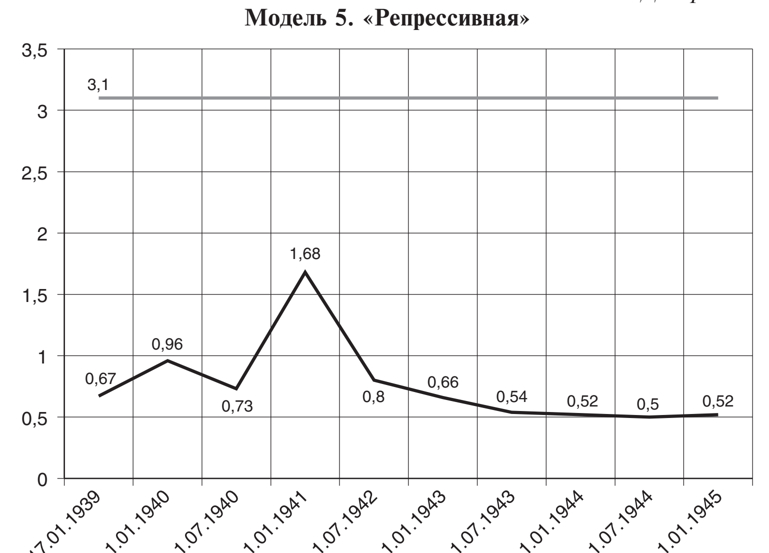
Диаграмма 12.4

Модель 4. «Тюркско-угорско-еврейская»

Диаграмма 12.5

Модель 5. «Репрессивная»

вестном сейчас тосте за здоровье русского народа, произнесенном им на приеме в честь командующих войсками 24 мая 1945 г. и не предназначенном для широкой огласки, Сталин заявил, что в «моменты отчаянного положения 1941—1942 гг.» русский народ имел все основания отказать в доверии своим вождям: «Мог бы сказать... вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство...» Однако русский народ этого не сделал, «ибо верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы»[3].

Подводя итог четвертьвековому опыту комплектования Красной армии различными этносами, нельзя не признать, что Советское государство в кратчайшие сроки преодолело огромную историческую дистанцию в деле привлечения нерусских народов к несению военной службы, прошло путь, на который царское правительство даже не решилось по-настоящему вступить, считая задачу распространения воинской повинности среди «дикого», «туземного» населения нерешаемой. Органы государственного и военного управления принципиально решили сложнейшую и многофакторную задачу интеграции народов СССР в военную организацию государства. Однако то, что этнический состав вооруженных сил так и не был сбалансирован с этническим составом населения и требовались его непрерывные корректировки, а недобор представителей нерус-

[3] *Невежин В.А.* «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // Наука и жизнь. 2005. № 5. С. 14—20.

ских народов компенсировался перенапряжением демографических ресурсов русского народа, свидетельствует о том, что задача была решена далеко не до конца.

Наряду со стремлением к *расширению* мобилизационных ресурсов за счет уроженцев национальных регионов нами выявлена и проанализирована устойчивая политика государственных и военных органов по *ограничению* комплектования Красной армии по этническому признаку. Такие ограничения установлены в течение всего исследованного периода. В 1920-х гг. ограничения диктовались утилитарными соображениями, связанными с культурной неготовностью ряда этносов, вошедших в состав Советского Союза, к несению военной службы и отсутствием у них таковой исторической традиции. В 1930-х гг. в ограничениях по этническому признаку на первый план выдвигаются политические мотивы. Однако такие ограничения не были абсолютными и тотальными. До середины Великой Отечественной войны политические мотивы безраздельно господствуют, но с осени 1943 г. вновь проявляется культурно-языковая отбраковка ряда этносов, и до конца войны оба эти мотива сосуществуют, что приводит к отстранению от призыва в армию нескольких десятков этносов. Это вполне сопоставимо с результатами аналогичной практики в дореволюционной армии.

Исследование показало, что в 1920-х — середине 1940-х гг. ***кадры командно-начальствующего состава*** в большинстве случаев проходили военную службу без различия национальности. Национальность командно-начальствующего состава или кандидатов в военные школы (с 1937 г. — училища) учитывалась в двух случаях. Во-первых, при комплектовании национальных формирований, в связи с тем, что принципиально важным было создание единой культурно-языковой среды в воинском коллективе. Во-вторых, при наложении политических ограничений на прием в армию по этническому признаку. Во всех остальных случаях советские граждане, обладавшие достаточным уровнем образования и хорошей физической подготовкой, могли поступать в любое военно-учебное заведение страны.

В силу достаточно высоких культурно-образовательных характеристик и отсутствия языкового барьера наиболее успешную военную карьеру делали представители четырех советских этносов: русские, украинцы, белорусы и евреи. Весь изученный период они, безусловно, доминировали среди командно-начальствующего состава, причем по мере повышения воинских званий и должностей росла доля русских, что отражало их лучшую способность (в силу того же культурно-языкового преимущества) к повышению профессиональных компетенций.

В межвоенный период предпринимались целенаправленные меры для расширения представительства нерусских народов среди командно-начальствующего состава. Для этого была создана сеть военно-учебных заведений, готовившая средний командно-началь-

ствующий состав. Развитие национальных формирований и подготовку национального комсостава стимулировали политические задачи по советизации национальных регионов. Это на долгие годы обеспечило внимательное отношение к национальным военным кадрам и заботу об их развитии. Во время Великой Отечественной войны подготовка национальных военных кадров приобрела сугубо утилитарный характер и имела целью скорейшее укомплектование формируемых национальных соединений и их качественную боевую подготовку. Поэтому специальная подготовка национальных кадров была четко увязана со штатными потребностями национальных соединений и прекращалась тогда, когда эта потребность исчерпывалась.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АзССР — Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
АМУ — Административно-мобилизационное управление
бап — бомбардировочный авиационный полк
БОВО — Белорусский особый военный округ
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВПШ — Высшая партийная школа
вуз — военно-учебное заведение
ВУС — военно-учетная специальность
гв. — гвардейский(-ая)
ГАУ — Главное артиллерийское управление
ГКО — Государственный Комитет Обороны
ГлавПУ — Главное политическое управление
Главупраформ — Главное управление формирования и комплектования войск Красной армии
ГОМУ — Главное организационно-мобилизационное управление
ГССР — Грузинская Советская Социалистическая Республика
ГУ РККА — Главное управление Рабоче-Крестьянской Красной армии
ГУК — Главное управление кадров
ГУКАРТ — Главное управление Командующего артиллерией
ДАССР — Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЗакВО — Закавказский военный округ
ЗакФ — Закавказский фронт
ЗапОВО — Западный особый военный округ
зкп — запасной кавалерийский полк
зсд — запасная стрелковая дивизия
ЗСФСР — Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
КАССР — Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
кд — кавалерийская дивизия
ККА — Кавказская Краснознаменная армия

кнс — командно-начальствующий состав
КОВО — Киевский особый военный округ
кп — кавалерийский полк
ЛВО — Ленинградский военный округ
мнс — младший начальствующий состав
МО — Министерство обороны
НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
НУО — Научно-уставной отдел
ОдВО — Одесский военный округ
озкд-н — отдельный запасной кавалерийский дивизион
озсб — отдельный запасной стрелковый батальон
озсп — отдельный запасной стрелковый полк
ОУН — Организация украинских националистов
ПриВО — Прибалтийский военный округ
ПУ — Политическое управление
РВС СССР — Революционный военный совет Союза Советских Социалистических республик
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная армия
САВО — Среднеазиатский военный округ
сбр — стрелковая бригада
сд — стрелковая дивизия
СибВО — Сибирский военный округ
СКВО — Северо-Кавказский военный округ
СНК — Совет народных комиссаров
СтВО — Сталинградский военный округ
СТО — Совет Труда и Обороны
ТуркВО — Туркестанский военный округ
УВО — Украинский военный округ
УВУЗ — Управление военно-учебных заведений
УзССР — Узбекская Советская Социалистическая Республика
УПА — Украинская повстанческая армия
УрВО — Уральский военный округ
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
ХВО — Харьковский военный округ
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦСУ — Центральное статистическое управление
ЮжУрВО — Южно-Уральский военный округ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 1. Управление делами (бывш. Канцелярия) Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоена).

Оп. 1 (Управление делами Народного комиссариата по военным делам). Д. 207, 366.

Ф. 4. Управление делами при народном комиссаре обороны СССР (Управление делами РВС СССР, Управление делами Наркомата по военным и морским делам СССР) (1918—1941).

Оп. 1 (Секретариат управления делами РВС СССР). Д. 20, 35, 38, 54, 58, 108, 111, 133, 311, 312, 313, 393, 562, 602, 791, 792, 793, 823, 828, 829, 830, 905, 1028, 1035, 1038, 1055, 1153, 1154, 1155, 1275, 1297, 1365, 1370, 1385, 1402, 1421, 1522.

Оп. 2 (Секретариат управления делами РВС СССР. Секретная часть). Д. 10, 22, 39, 84, 112, 118, 176, 178, 231, 232, 233, 313, 490, 514, 531.

Оп. 3 (Кодификационный отдел. Законодательный отдел). Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 362, 521, 559, 622, 897, 956, 1437, 1702, 1704, 1824 (ч. 1), 1824 (ч. 2), 1927, 2167, 2259, 2927, 3301.

Оп. 5 (Центральный военно-статистический отдел). Д. 1, 7, 8, 23, 86, 95.

Оп. 8 (Общий отдел. Военно-законодательное совещание). Д. 423.

Оп. 12 (Приказной отдел канцелярии). Д. 1, 3, 88.

Оп. 18 (Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР). Д. 13, 15, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33.

Ф. 6. Полевой штаб РВСР (1918—1921).

Оп. 7 (Особая комиссия Егорьева по учету вооруженных сил Республики). Д. 13.

Ф. 7. Штаб РККА (1920—1935).

Оп. 7 (Мобилизационное управление Штаба РККА). Д. 7, 440, 442, 445, 446, 451, 465, 470, 520, 570, 574, 707, 715, 718.

Оп. 14 (Отдел учета и контроля численности ВС Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба). Д. 2, 10, 15, 17.

Ф. 9. Политическое управление РККА (1918—1941).
Оп. 21 (Отдел Востока). Д. 2.
Оп. 26 (Информационно-статистический отдел). Д. 54, 68, 107, 108, 124, 125, 156, 159, 180, 182, 183, 223, 237, 243, 244, 251, 261, 266, 268, 321, 348, 393, 394, 489, 491, 493.
Оп. 28 (Политуправление РВСР). Д. 568, 610.
Оп. 29 (Секретариат начальника Политического управления РККА). Д. 26, 195, 441.
Оп. 33 (Мобилизационный отдел). Д. 19, 43, 47, 54, 70, 77, 90, 94, 98, 176, 182, 191, 207, 227, 237, 241.

Ф. 10. Высшая военная инспекция РККА (1918—1919).
Оп. 1 (Высшая военная инспекция РККА). Д. 1565.
Оп. 3 (Высшая военная инспекция РККА). Д. 56, 179.

Ф. 11. Всероссийский Главный штаб (1918—1921).
Оп. 1 (Личная канцелярия начальника ВГШ). Д. 21, 100.
Оп. 5 (Организационное управление). Д. 61, 192, 257, 266, 469, 482, 548, 567, 737, 793, 828, 1035, 1128.
Оп. 8 (Мобилизационное управление). Д. 36, 65, 182, 226, 293, 410, 425, 522, 530, 692, 733, 787, 803, 862, 1059.
Оп. 15 (Всероссийский Главный штаб). Д. 20.

Ф. 17. Центральная мусульманская военная коллегия (1918—1920).
Оп. 1. Д. 22, 91, 93.

Ф. 54. Главное управление РККА (1924—1940).
Оп. 1 (Управление устройства и службы войск). Д. 1, 38, 52, 97а, 103, 766, 1037, 1039, 1047, 1053, 1088, 1101, 1236, 1238.
Оп. 2 (Управление строевое и укомплектования). Д. 103.
Оп. 3 (Управление по войсковой мобилизации и по укомплектованию). Д. 28, 39, 41, 54, 78, 79, 81, 121.
Оп. 4 (Управление укомплектования и службы войск). Д. 54, 62, 65, 69, 73, 74.
Оп. 5 (Управление учебно-строевое). Д. 1, 3, 9, 14, 19, 23, 60, 73.
Оп. 6 (Управление по военному законодательству и статистике). Д. 262, 318, 432, 433.
Оп. 12. Д. 21.
Оп. 16 (Управление по укомплектованию). Д. 419.

Ф. 62. Главное управление военно-учебных заведений РККА (1917—1940).
Оп. 1 (Главное управление военно-учебных заведений). Д. 1184, 1419, 1432.
Оп. 3 (Главное управление военно-учебных заведений). Д. 101, 172, 181, 117, 118, 187, 188, 297.

Ф. 109. Управление армиями Кавказского фронта (1919).
Оп. 2 (Политический отдел). Д. 64.
Оп. 4 (Штаб фронта). Д. 17.

Ф. 195. Управление 11-й армии Кавказского фронта (1919—1921).
Оп. 3. Д. 296, 312.

Ф. 25873. Управление Закавказского военного округа (1938—1940).
Оп. 1 (Военный совет). Д. 104, 107, 127, 129, 132, 135, 145, 382, 447, 692, 1665, 2116, 2195, 2388.

Ф. 25896. Управление Северо-Кавказского военного округа (1921—1941).
Оп. 1 (Военный совет). Д. 8.
Оп. 2. Д. 27, 34, 35, 51.
Оп. 3 (Штаб округа). Д. 215, 223, 390, 948, 994, 1032, 1059, 1089, 1061.
Оп. 9 (Политуправление). Д. 1, 2, 9, 13, 14, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 29, 30, 34, 50, 82, 89, 90, 95, 96, 103, 153, 170, 185, 186, 287, 310, 316, 317, 348, 350, 484, 496, 572, 588.

Ф. 28108. Штаб войск Терской области (1920—1921)
Оп. 1. Д. 42, 447, 448, 449.

Ф. 31899. Инспекторат РККА.
Оп. 3 (Инспекторат РККА). Д. 1, 16, 64.
Оп. 4 (Инспекторат РККА). Д. 134, 167, 203, 221.

Ф. 33987. Секретариат председателя РВС СССР (1917—1934).
Оп. 1 (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 5, 180, 420, 591, 593, 681.
Оп. 2 (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 38, 43, 95, 168, 175.
Оп. 3 (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 109, 143, 189, 245, 1180, 1189, 1312, 1350.
Оп. 3а (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 320, 339.

Ф. 33988. Управление делами РВС СССР (1918—1934).
Оп. 1 (Секретариат заместителя председателя РВС СССР). Д. 96, 159, 206.
Оп. 3 (Секретариат заместителя председателя РВС СССР). Д. 12.

Ф. 37837. Управление кадров РККА (1922—1941).
Оп. 6 (1-й отдел). Д. 4.
Оп. 7 (2-й отдел). Д. 201.
Оп. 10 (6-й отдел). Д. 72.
Оп. 11 (7-й отдел). Д. 2.
Оп. 14 (8-й отдел). Д. 16.
Оп. 24 (Управление кадров). Д. 165, 166, 167.

Ф. 35875. 4-я туркменская горнокавалерийская дивизия (1920—1940).
Оп. 1. Д. 9, 45.

Ф. 39247. 10-я Терско-Дагестанская армия (1921).

Оп. 1. Д. 2.

Ф. 39415. Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (1932—1940).

Оп. 1 (Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии). Д. 7, 11, 12, 13, 21, 71.

Ф. 40442. Организационное управление Генерального штаба РККА (1920—1941).

Оп. 1 (Организационное управление Генерального штаба РККА). Д. 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 14, 667.

Оп. 1а (4-й отдел). 1408, 1769.

Оп. 2а (Организационное управление Генерального штаба РККА). Д. 4, 6, 8, 17, 37, 64, 57, 75, 117, 118, 119, 121.

Оп. 3а (Организационное управление Генерального штаба РККА). Д. 2, 4, 17.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (1917—1991).

Оп. 3 (Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ВКП(б) за 1919—1952 гг.). Д. 1044, 1045, 1046, 1047.

Оп. 21 (Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации). Д. 1002, 1021, 1022, 1068, 1069, 1075, 1076, 1077, 1222, 1278, 1279, 1284, 3368, 3370, 3379, 4032, 4039, 4054, 4055, 5717, 5718, 5720, 5724, 5769, 5770.

Оп. 22 (Организационно-инструкторский отдел). Д. 35, 36, 37, 124, 125, 126, 127, 532, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 673.

Оп. 43 (Организационно-инструкторский отдел. Материалы горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик за 1942—1943 гг.). Д. 5, 6, 7, 8, 9, 318, 320, 321, 322, 325, 351, 380, 381, 383, 390, 471, 472, 474, 965, 985, 989, 1171, 1751, 1752, 1753, 1754, 1755, 1756, 1757, 1758, 1759, 1760, 1761.

Оп. 88 (Сектор информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б). Д. 79, 80, 81, 82, 83, 189, 223, 224, 483.

Оп. 122 (Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б). Д. 17, 41, 54.

Оп. 125 (Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Д. 27, 60, 78, 81, 82, 85, 94, 106, 127, 165, 166, 169.

Ф. 74. К.Е. Ворошилов (1881—1969).

Оп. 1 (К.Е. Ворошилов). Д. 163.

Оп. 2 (К.Е. Ворошилов). Д. 5, 39, 41, 52, 55, 81, 82, 83, 84, 85, 92, 95, 124.

Ф. 81. Л.М. Каганович (1893—1991).

Оп. 3 (Л.М. Каганович). Д. 254, 255, 294, 309, 417, 420.

Ф. 84. А.И. Микоян (1895—1978).

Оп. 3 (Микоян. Авторские и биографические документы). Д. 6, 217, 290, 293, 294, 295, 296.

Ф. 558. И.В. Сталин (1878—1953).

Оп. 11 (И.В. Сталин). Д. 483, 484, 485, 487, 712, 743, 762, 818.

Ф. 644. Государственный Комитет Обороны.

Оп. 1 (Протоколы и распоряжения ГКО). Д. 220.

Оп. 2 (Постановления и распоряжения ГКО (подлинники). Д. 25, 83, 93, 96, 98.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р-1318. Народный комиссариат по делам национальностей (1917—1924).

Оп. 1 (Центральный аппарат). Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 23, 38, 39, 40, 82, 93, 100, 119, 120, 145, 150, 224, 259, 407, 408, 493, 890, 1088, 1570.

Оп. 22 (Дела по личному составу). Д. 1, 2, 3, 5, 8, 17, 20, 117, 118.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)

Ф. 2. Управление делами Народного комиссариата обороны (1941—1946).

Оп. 11569. Д. 333.

Ф. 7. Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба РККА (1941—1945).

Оп. 24 (Отдел учета ГУ РККА, Отдел учета и статистики АМУ РККА, Бюро статистики Управления устройства и службы войск ГУ РККА, 2-е управление Штаба РККА). Д. 3, 6, 8, 14, 15, 17, 20, 21, 24, 25, 41, 60, 61, 87, 92, 102, 105, 106, 107, 109, 114, 125, 127, 134, 135, 167, 170.

Оп. 25 (Учетный отдел Оперативного управления ГШ КА). Д. 1, 9, 179.

Оп. 26 (8-й отдел (учета и статистики) Организационно-штатного управления ГШ КА; с 1 сентября 1943 г. — 8 отдел (учета численности Организационно-учетного управления Главного организационного управления ГШ КА). Д. 28, 29, 123, 155, 164, 181, 234, 317, 319, 366.

Оп. 29 (Организационное управление Главного организационного управления ГШ КА). Д. 31.

Оп. 30 (Организационное управление Главного организационного управления ГШ КА). Д. 707, 708.

Оп. 32 (Отдел учета численности вооруженных сил ГШ). Д. 12.

Оп. 11626 (Организационное управление Генерального штаба КА). Д. 118.

Оп. 881806 (Управление мобилизации Главного организационного управления ГШ). Д. 205, 207, 208, 212.

Ф. 15. Военно-историческое управление Генерального штаба Красной армии (1941—1945).

Оп. 11600 (Группа офицеров Генерального штаба). Д. 1102, 1269, 1281, 1292, 1305, 1324, 1347, 1349, 1628.

Ф. 15а. Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба ВС РФ (1940 — наст. вр.).

Оп. 82. Д. 513.

Оп. 162. Д. 8.

Оп. 1848. Д. 5, 7.

Оп. 1917. Д. 7.

Ф. 25. Главный штаб Сухопутных войск (1946 — наст. вр.).

Оп. 48 (Управление укомплектования и службы войск). Д. 1, 2, 3, 105, 171, 184.

Ф. 32. Главное политическое управление РККА (1941—1945).

Оп. 11302 (Отдел (с 1942 г. Управление) пропагады и агитации). Д. 59.

Оп. 11309 (Секретариат). Д. 155, 239.

Ф. 33. Главное управление кадров НКО (1941—1945).

Оп. 11454 (Учетно-статистическое управление). Д. 82, 89, 90, 93, 106, 126, 148, 172, 206, 271, 297, 350, 374, 380, 386, 395.

Оп. 11456 (Организационно-мобилизационное управление). Д. 1, 7, 9, 27, 33, 38, 51, 109, 110, 187, 469, 549, 622, 689, 691а, 698, 700, 718, 777, 790, 805, 808.

Оп. 11477 (Секретариат начальника ГУК). Д. 90.

Оп. 11479 (Управление общевойсковых кадров). Д. 762, 922.

Ф. 54. Главное управление военно-учебных заведений (1941—1945).

Оп. 12301 (1-й отдел). Д. 1, 117, 120, 214, 221, 222, 239, 236, 255, 307.

Ф. 56. Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (1941—1945).

Оп. 12214 (Главное управление формирований). Д. 356, 403, 404, 405, 406, 417, 470, 736, 932.

Оп. 12216 (Управление мобилизации и укомплектования; с 1943 г. — Мобилизационное управление). Д. 1, 1б, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 25, 26, 28, 30, 31, 33, 47, 48, 49, 56, 59, 61.

Оп. 12234 (Секретариат заместителя начальника Главупраформа Красной армии). Д. 14, 24, 65, 71а, 105, 108, 109, 121, 123, 131, 133а, 133в, 134, 145, 152, 190, 194, 197, 199, 233, 245.

Оп. 12236 (Управление запасных частей). Д. 5, 13, 68, 86, 87, 151, 384.

Оп. 12238 (Отдел инспектирования новых формирований; с 1943 г. — Управление инспектирования и боевой подготовки стрелковых частей и соединений). Д. 74, 144, 197, 219, 298.

Ф. 144. Полевое управление Северо-Кавказского военного округа (I и II формирований) (1941—1942, 1943—1945).

Оп. 13181 (Военный совет). Д. 2, 5, 6, 10, 11, 14, 22, 26.

Оп. 13184 (Политическое управление). Д. 1, 13, 14, 32, 37, 38, 40, 41, 132.

Оп. 13187 (Военный совет). Д. 1, 2, 4, 9.

Оп. 13189 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 10, 11, 22, 23, 32, 38, 39, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 55, 86, 91, 92, 93, 102, 103, 107, 112, 118, 126, 131, 137, 142, 143, 147, 151, 152, 157, 159, 163, 167, 170, 207, 210, 218, 220, 226, 234, 237, 241, 257, 278, 281, 282, 285, 288, 290, 291.

Ф. 158. Полевое управление Среднеазиатского военного округа (1941—1945).

Оп. 12829 (Отдел укомплектования штаба). Д. 1, 16, 27, 28, 42, 47.

Оп. 12836 (Отдел кадров). Д. 1, 2, 5, 6, 10, 82, 236, 237, 308, 309.

Ф. 159. Полевое управление Южно-Уральского военного округа (1941—1945).

Оп. 13075 (Отдел кадров). Д. 36, 37, 60, 64, 147.

Оп. 13227 (Отдел комплектования и формирования). Д. 45, 46.

Ф. 209. Полевое управление Закавказского фронта (I и II формирований) (1941—1945).

Оп. 989 (Военный совет II формирования). Д. 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 39, 40, 41, 42, 45, 46, 49, 55, 59, 62, 70, 73.

Оп. 990 (Военный совет II формирования). Д. 2.

Оп. 995 (Отдел кадров). Д. 6, 7, 8, 75, 227, 229, 246, 261, 294, 306.

Оп. 999 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба II формирования). Д. 1, 3, 4, 6, 8, 14, 21, 26, 30, 31, 33, 35, 39, 40, 45, 49, 50, 51, 53, 56, 57, 65, 69, 72, 80, 98, 99, 100, 101, 107, 108, 117, 125, 127, 138, 139, 148, 151, 153, 156, 157, 171, 163, 165, 194, 206, 209, 213, 220, 233, 235, 246, 275, 278, 284, 288, 292, 293, 294, 300, 303, 313, 317, 326, 332, 333, 345, 346, 364, 366, 368, 370, 407, 408, 415, 417, 425, 429, 443, 446, 486, 487, 501, 513, 521, 526, 547, 578, 581, 600, 685, 690, 697, 703, 730, 731.

Оп. 1091 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба I формирования). Д. 4, 30, 65, 118, 138, 143, 145.

Оп. 1100 (Отдел кадров). Д. 22, 33.

Оп. 1113 (Политическое управление I формирования). Д. 1, 8, 11, 19, 26, 32, 44, 45, 47, 48, 49, 82, 93, 95, 96, 105, 111, 126, 127, 137.

Ф. 215. Полевое управление Крымского фронта (1942).

Оп. 1184 (Военный совет). Д. 2.

Оп. 1185 (Оперативный отдел штаба). Д. 7, 14, 18, 25, 26, 27, 28, 44, 45, 47, 59, 66, 67, 72, 85, 87, 98, 100, 103, 126, 151.

Оп. 1188 (Отдел укомплектования штаба). Д. 3.

Оп. 1199 (Политическое управление). Д. 3, 7б, 9, 15, 35, 42, 44, 45, 89, 91.

Ф. 216. Кавказский фронт (1941).

Оп. 1144 (Отдел укомплектования штаба). Д. 16, 19, 20, 23.

Оп. 1166 (Политическое управление). Д. 3, 4, 6, 7.

Ф. 217. Ленинградский фронт (1941—1944).

Оп. 1221 (Оперативный отдел штаба). Д. 718, 719, 726, 727, 728, 729, 731, 849, 3841, 3844, 3846, 3848, 3849, 3850, 3851, 3853, 6237.

Ф. 224. Полевые управления Северо-Кавказского фронта (I формирования) и Черноморской группы войск Закавказского фронта (1941—1943).

Оп. 759 (Военный совет). Д. 1.

Оп. 763 (Отдел укомплектования и службы войск штаба). Д. 1, 44, 46, 52.

Оп. 783 (Политическое управление). Д. 24, 29, 30, 62, 77.

Оп. 832 (Политическое управление). Д. 2, 3, 17, 21, 64, 122, 133, 450.

Ф. 228. Южный фронт (II формирования) (1942—1943).

Оп. 536 (Политическое управление). Д. 27.

Ф. 233. 1-й Белорусский фронт (1944—1945).

Оп. 2338 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 91.

Ф. 236. 1-й Украинский фронт (1943—1945).

Оп. 2677 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 26, 71, 84.

Ф. 241. 3-й Белорусский фронт (1944—1945).

Оп. 2628 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 98.

Ф. 243. 3-й Украинский фронт (1943—1945).

Оп. 2917 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 43, 54, 142.

Ф. 273. Полевое управление Северной группы войск Закавказского фронта (1942—1943).

Оп. 875 (Военный совет группы). Д. 2, 4.

Оп. 882 (Отдел укомплектования и службы войск штаба). Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

Оп. 900 (Политический отдел). Д. 1, 5.

Ф. 288. Отдельная Приморская армия (I и II формирования) (1941—1942, 1943—1945).

Оп. 9905 (Военный совет). Д. 19.

Оп. 9925 (Политический отдел). Д. 4, 6, 44.

Оп. 9921 (Оперативный отдел штаба). Д. 48а.

Ф. 341. Полевое управление 7-й гвардейской армии (бывш. 64-й армии) (1942—1945).

Оп. 5312 (Оперативный отдел штаба). Д. 38, 46.

Ф. 399. Полевое управление 44-й армии (II формирование) (1942—1945).

Оп. 9385 (Оперативный отдел штаба). Д. 15, 17, 18, 20, 25, 27, 28, 29.

Ф. 400. Полевое управление 45-й армии (1941—1945).

Оп. 9450 (Оперативный отдел штаба). Д. 1, 5, 6, 11, 12, 13, 21, 22.

Ф. 401. Полевое управление 46-й армии (1941—1945).
Оп. 9511 (Оперативный отдел штаба). Д. 22, 30, 31, 32, 38, 41.

Ф. 414. Полевое управление 58-й армии (1942—1945).
Оп. 10945 (Разведывательный отдел штаба). Д. 2.

Ф. 464. Полевое управление 9-й армии (II формирование) (1942—1945).
Оп. 5689 (Оперативный отдел штаба). Д. 70, 74, 76, 77, 78, 84, 85, 160.

Ф. 827. 9-й стрелковый корпус (1941—1945).
Оп. 1. Д. 1, 5.

Ф. 832. 10-й гвардейский стрелковый корпус (1942—1945).
Оп. 1. Д. 18, 22.

Ф. 1063. 8-я гвардейская стрелковая дивизия (1941—1945).
Оп. 1. Д. 3, 17, 84, 89.

Ф. 1256. 91-я стрелковая дивизия II формирования (1941—1945).
Оп. 1. Д. 16, 70, 73, 76, 111, 144.

Ф. 1382. 151-я стрелковая дивизия II формирования (1942—1945).
Оп. 1. Д. 6, 39, 52, 58, 59.

Ф. 1495. 223-я азербайджанская стрелковая дивизия (1942—1945).
Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 6, 8, 30, 47, 49, 54, 55.

Ф. 1563. 271-я стрелковая дивизия (1941—1945).
Оп. 1. Д. 1.

Ф. 1572. 276-я стрелковая дивизия II формирования (1942—1945).
Оп. 1. Д. 8, 79, 80, 82, 177.

Ф. 1633. 320-я стрелковая дивизия II формирования (1942—1945).
Оп. 1. Д. 7. Оп. 2. Д. 8.

Ф. 1671. 351-я стрелковая дивизия II формирования (1942—1945).
Оп. 1. Д. 1.

Ф. 1673. 353-я стрелковая дивизия (1941—1945).
Оп. 1. Д. 2.

Ф. 1713. 389-я стрелковая дивизия (1941—1945).
Оп. 1. Д. 8, 9.
Оп. 2. Д. 22.

Ф. 1842. 43-я стрелковая бригада (1941—1942).
Оп. 1. Д. 1, 6, 8, 9.

Ф. 1907. 94-я узбекская стрелковая бригада (1941—1942).
Оп. 1. Д. 1.

Ф. 1918. 100-я казахская стрелковая бригада (1941—1944).
Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Ф. 1919. 101-я казахская стрелковая бригада (1941—1943).
Оп. 1. Д. 1, 2, 35.
Оп. 2. Д. 14.

Ф. 2056. 256-я стрелковая бригада (1941—1942).
Оп. 1. Д. 2, 9, 16, 19, 36.

Ф. 3552. 16-я гвардейская (112-я башкирская) кавалерийская дивизия (1941—1945).
Оп. 1. Д. 1, 2, 80.

Ф. 3562. 30-я кавалерийская дивизия (1941—1945).
Оп. 1. Д. 37, 38.

Ф. 3608. 97-я туркменская кавалерийская бригада (1941—1943).
Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 9.

Ф. 3618. 107-я киргизская кавалерийская дивизия (1941—1942).
Оп. 1. Д. 4, 7, 8.

Ф. 3623. 114-я чечено-ингушская кавалерийская дивизия (1941—1942).
Оп. 1. Д. 5, 7, 8.
Оп. 2. Д. 6.

Ф. 3634. 115-я кабардино-балкарская кавалерийская дивизия (1941—1942).
Оп. 1. Д. 1.

Ф. 255-го чечено-ингушского кавалерийского полка (1942).
Оп. 915461. Д. 1, 2, 3.

Ф. 60001. Алма-Атинское пехотное училище (1941—1945).
Оп. 32002. Д. 11.

Ф. 60008. Грозненское (Бакинское) пехотное училище (1939—1954).
Оп. 35021. Д. 3.

Ф. 60010. 2-е Бакинское пехотное училище (1940—1945).
Оп. 35016. Д. 11.
Оп. 35017. Д. 1.

Ф. 60023. Буйнакское пехотное училище (1940—1945).
Оп. 35046. Д. 1, 2, 3.
Оп. 35101. Д. 2.

Ф. 60062. Подольское пехотное училище (1941—1945).
Оп. 35125. Д. 16, 43.
Оп. 35126. Д. 36.
Оп. 35162. Д. 14.
Оп. 35163. Д. 42.

Ф. 60078. Ташкентское пехотное училище (1918—1945).
Оп. 35156. Д. 1, 3, 5, 6, 7.
Оп. 35157. Д. 3, 4, 13, 14, 24, 31, 37, 59.

Ф. 60083. Махачкалинское пехотное училище (1941—1945).
Оп. 35162. Д. 14.
Оп. 35163. Д. 42.

Ф. 60086. Телавское пехотное училище (1941—1943).
Оп. 35168. Д. 16, 18.
Оп. 35169. Д. 25.

Ф. 60107. Новочеркасское кавалерийское училище (1941—1942).
Оп. 35421. Д. 5, 27.

Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка (1942—1945).
Оп. 597941. Д. 1.
Оп. 597942. Д. 3.
Оп. 597945. Д. 1, 2.
Оп. 614498. Д. 1.

Ф. 13-го казахского запасного кавалерийского полка (1942).
Оп. 566140. Д. 2.

Ф. 14-го туркмено-таджикского запасного кавалерийского полка (1942).
Оп. 396609. Д. 3.

Ф. 24-й запасной стрелковой дивизии.
Оп. 87924. Д. 5, 6.
Оп. 94394. Д. 8, 9.

Ф. 26-й запасной стрелковой дивизии.
Оп. 113805. Д. 1, 2, 3, 4.
Оп. 113806. Д. 4.

Ф. 28-й запасной стрелковой дивизии.
Оп. 6362. Д. 4.
Оп. 32296. Д. 2.

Ф. 38-й запасной стрелковой дивизии.
Оп. 99452. Д. 10.
Оп. 106373. Д. 9.
Оп. 110662. Д. 4.

Ф. 8259. 50-я запасная стрелковая дивизия.
Оп. 101061. Д. 1.
Оп. 116526. Д. 3, 4.

Официальные издания государственных органов Российской империи, государственных и партийных органов РСФСР и СССР

1. Верховный Совет. Заседания Верховного Совета СССР, 1938—1991. Десятая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва] (28 января — 1 февраля 1944 г.): Стеногр. отчет. М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1944. 334 с.

2. Заседание Верховного Совета Азербайджанской ССР. Пятая сессия 6—8 марта 1944 г.: Стеногр. отчет. Баку: Изд. Верховного Совета Азерб. ССР, 1947. 145 с.

3. ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М.: Воен. вестник, 1928. 371 с.

4. Высочайшее повеление «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. 9 с.

5. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941—1945 гг. Аннотированный каталог: В 2 т. Т. 1. 1941—1943; Т. 2. 1944—1945. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 1 — 1222 с.; Т. 2 — 1342 с.

6. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г. Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.

7. Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 7. 10 декабря 1919 г. — 31 марта 1920 г. 1975. 675 с.

8. Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 8. Апрель—май, 1920 г. 1976. 443 с.

9. Десятый съезд РКП(б): Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1963. 915 с.

10. Двенадцатый съезд РКП(б): 17—25 апреля 1923 г.: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1968. 921 с.

11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). М.: Политиздат, 1983—1990. Т. 2. 1917—1922. 1983. 606 с.

12. Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940.

13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898—1925. 952 с.; Ч. 2: 1925—1953. 1204 с. М.: Госполитиздат, 1953.

14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2: В 129 т. СПб.: Гос. тип., 1830—1885. Т. 49 (1874).

15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3: В 33 т. СПб.: Гос. тип., 1885—1916. Т. 32 (1915).

16. Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938—1946 гг. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1946. 74 с.

17. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный (СЗРИ). Изд. 1915 г. Пг.: Государственная тип., 1915. Т. 4. Устав о воинской повинности. 1915. 293 с.

18. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: 1917—1936: Сб. док-тов. Т. 3. Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. 1922—1936. М.: Госюриздат, 1960. 399 с.

Нормативные документы советского военного ведомства (уставы, руководства, пособия, наставления, инструкции)

1. *Баневич Н.Л., Фадеев А.С.* Обязательная военная служба гражданина Союза С.С. Республик: (разъяснение закона 18 сентября 1925 г.). М.: Гос. воен. изд-во, 1926. 30 с.

2. *Бакланов Ф.П.* Призыв на действительную военную службу: Пособие для ведения справ. работы в частях РККА. М.: Военный вестник, 1927. 32 с.

3. Временное руководство для учета военнообязанных. Пг.: Военная типография, 1918. 23 с.

4. Временное руководство для учета переменного рядового и младшего начальствующего состава территориальных войск РККА: приказ РВС СССР. 1927. № 624. М.: Глав. управление РККА, 1928. 22 с.

5. Временное руководство по ведению письменных сведений на солдат, а также для учета военнослужащих и лошадей в войсковых частях, управлениях, заведениях и учреждениях подведомственных Комиссариату по военным делам. Пг.: [б. и.], 1918. 47 с.

6. Временное руководство по приписке к призывным участкам и учету допризывников. Ростов н/Д: Штаб 9-й Дондивизии, 1926. 28 с.

7. Временный Полевой устав РККА (ПУ-36). М.: Воениздат, 1936. 215 с.

8. Закон об обязательной военной службе в новой редакции с 1 августа 1928 г. М.; Л.: Воениздат, 1929.

9. Инструкция по заполнению, пересылке и хранению карточек строевого учета. М.: Центр. тип. им. К. Ворошилова, [1931]. 7 с.

10. Комплектование и мобилизация армии: Пособие для начальствующего состава: В 2 ч. М.: Главное управление РККА, 1930. Ч. 1. 200 с.

11. Мобилизация и ее политическое обеспечение. Приложение к «Настольной книге для районного (волостного) военного делопроизводителя». М.: Издание Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию Главного управления РККА, 1929. 36 с.

12. Полевой устав РККА (1929). М.; Л.: Гос. изд. Отд. военной лит-ры, 1931. 263 с.

13. Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Государственное военное издательство НКО, 1939. 256 с.

14. Правила по переучету военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава. М.: Упр. по войсковой мобилизации и по укомплектованию Глав. упр. РККА, 1926. 91 с.

15. Призыв 1908 года: Методич. пособия для докладчиков и групп агитаторов. Тифлис: Закknига, 1930. 37 с.

16. Призыв в Рабоче-Крестьянскую Красную армию: порядок призыва и льготы призываемым. М.: Гос. воен. изд-во, 1925. 32 с.

17. Руководство для призыва военнообязанных граждан на военную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. М.: Изд. Мобилизационного управления Штаба РККА, 1921. 125 с. (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1702).

18. Руководство для призыва по мобилизации в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии военнообязанных младшего начальствующего и рядового состава. М.: Главное управление РККА, 1927. 161 с.

19. Руководство по очередным призывам в РККА. М.: Упр. по укомплектованию и службе войск ГУРККА, 1931. 86 с.

20. Руководство по очередным призывам в РККА. М.; Л.: Отд. изд-ва НКО Союза ССР, 1934. 54 с.

21. Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по призывам в Красную армию и тыловое ополчение, по учету военнообязанных и солдат, по военно-конской и повозочной повинности. М. [Б. и.], 1918. 508 с.

22. Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по учету военнообязанных и военнослужащих. Изд. Мобилизационного управления Всероссийского Главного штаба. Пг.: Тип. Всероглавштаба, 1921. 79 с.

23. Сборник законов, постановлений и приказов НКО о всеобщей воинской обязанности. М.: Воениздат, 1942.

24. Сводка инструкций, положений и проектов по формированию резервных частей. М.: Военный комиссариат г. Москвы, 1918. 90 с.

Опубликованные официальные отчеты и обследования Наркомата по военным и морским делам и Наркомата обороны СССР

1. Итоги изъятия красноармейцев и младшего начсостава из РККА, проведенного в период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. в порядке ст. 243 и 39 Закона «Об обязательной военной службе». М.: Отдел статистики ГУ РККА, 1930.

2. Отчет Народного комиссариата по военным делам за 1921 г. М., 1922 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34).

3. Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 35).

4. Отчет о допризыве граждан, родившихся в 1901 г., осенью 1922 г. М.: Изд. Мобилизационного отдела Штаба РККА, 1923 (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1927).

5. Отчет о призыве на действительную военную службу в 1924 г. граждан рождения 1902 г. М.: Изд-во ГУ РККА, 1925 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28).

6. Отчет о призыве на действительную военную службу в 1925 г. граждан рождения 1903 г. М.: Изд-во ГУ РККА, 1926 (РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 37).

7. Отчет о призыве на действительную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М.: Изд-во ГУ РККА, 1927.

8. Перепись населения 1926 года. Итоги переписи Рабоче-Крестьянской Красной армии 17 декабря 1926 года. М., 1927.

9. Политико-моральное состояние РККА: (Состояние дисциплины, самоубийства, чрезвычайные происшествия): 1929/30 г.: Стат. ежегодник. Издательство ГУ РККА. М., 1931 (РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 69).

10. Предварительные итоги переписи РККА 1926 г., изданной Главным управлением РККА. М.: Изд-во ГУ РККА, 1927 (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 356).

11. Призывные контингенты (1902—1905 годов рождения). М.: Изд-во ГУ РККА, 1928. 214 с.

12. Стенографический отчет Пленума революционного военного совета СССР с участием командующих войсками и членов Реввоенсоветов округов 24 ноября — 1 декабря 1924 г. М., 1924 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 531).

13. Характеристика контингента призыва 1928 г. (1906 года рождения) / Сост. Статистическим отделом ГУ РККА. М.: Изд-во ГУ РККА, 1929 (РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 62).

14. Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии. Кн. 1. Военно-учебные заведения (по состоянию на 1 января 1930 г.). М.: Изд. ГУ РККА, 1930.

15. Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая). Кн. 3. М.: Изд. ГУ РККА, 1931 (РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2).

16. Штатное и списочное состояние войск Красной армии на 1 января 1922 г. М., 1922 (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1824. Ч. 1).

Документальные публикации

1. XVI съезд партии о борьбе с уклонами в национальном вопросе // Военный вестник. 1930. № 24. 25 августа. С. 54—60.

2. «По решению правительства Союза ССР...»: (Депортация народов: Документы и материалы). Нальчик: Эль-Фа, 2003. 926 с.

3. Боевое братство народов СССР: Дружба и массовый героизм народов СССР в боях за Советскую Украину в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. Киев: Наук. думка, 1984. 455 с.

4. Большевистское руководство. Переписка, 1912—1927: Сб. док-тов. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.

5. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане, 1917—1921 гг.: Сб. док-тов и мат-лов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 537 с.

6. Великая Отечественная война. 1941—1945. Док-ты и мат-лы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. М.: Изд. центр «Воевода», 2015. 543 с.

7. Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. 582 с.

8. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. 520 с.

9. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб.: Военная типография, 1871. XXX, 922 с.

10. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: 1—4 июня 1937 г.: Док-ты и мат-лы. М.: РОССПЭН, 2008. 624 с.
11. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: 1938, 1940 гг.: Док-ты и мат-лы. М.: РОССПЭН, 2006. 336 с.
12. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Декабрь 1934 г.: Док-ты и мат-лы. М.: РОССПЭН, 2007. 511 с.
13. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Декабрь 1935 г.: Док-ты и мат-лы. М.: РОССПЭН, 2008. 568 с.
14. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Ноябрь 1937 г.: Док-ты и мат-лы. М.: РОССПЭН, 2006. 360 с.
15. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Октябрь 1936 г.: Док-ты и мат-лы. М.: РОССПЭН, 2009. 479 с.
16. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док-тов и мат-лов. М.: Марджани, 2016. 468 с.
17. Всеармейские совещания политработников: 1918—1940: (Резолюции). М.: Наука, 1984. 335 с.
18. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. Т. 17. 40 с.
19. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. доктов и мат-лов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
20. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 с.
21. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. СПб.: БЛИЦ, 1999. 204 с.
22. Депортации народов СССР (1930-е — 1950-е гг.). Ч. 1. Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. Л.; М., 1992. 353 с.
23. Ежегодник русской армии за 1869 г. СПб.: Военная тип., 1869. [2], IV, 678 с.
24. Ежегодник русской армии за 1874 г. СПб.: Военная тип., 1874. Ч. 2. 1874. 624 с.
25. Ежегодник русской армии за 1877 г. СПб.: Военная тип., 1877. Ч. 1. 1877 г. 505 с.
26. Ежегодник русской армии за 1878 г. СПб.: Военная тип., 1878. Ч. 2. 1878 г. 521 с.
27. Ежегодник русской армии за 1879 г. СПб.: Военная тип., 1879. Ч. 2. 1879 г. 338 с.
28. Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
29. К призыву бурят-монгол в Красную армию. Верхнеудинск, 1925. 85 с.
30. Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940—1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Док-ты и мат-лы. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 272 с.
31. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы: 1917—1968. М.: Воениздат, 1969. 471 с.
32. Красная армия в 1920-е годы: Док-ты и мат-лы. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007. 270 с.

33. В.И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом: Док-ты и мат-лы. М.: Политиздат, 1985. 289 с.

34. *Ленин В.И.* Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 45. Март 1922 — март 1923. М.: Госполитиздат, 1964. 729 с.

35. Народы Дагестана в Великой Отечественной войне: (1941—1945): Док-ты и мат-лы. Махачкала: Ин-т ИАЭ, ЦГА РД, 2005. 783 с.

36. Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. док-тов. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во. Карачаево-Черкесское отделение, 1990. 408 с.

37. Национальный вопрос и Советская Россия. М.: Гос. изд-во, 1921. 90 с.

38. НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956). Сб. док-тов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. 640 с.

39. О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915]. 39 с.

40. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. док-тов. М., 2000. Т. 1. Накануне. Кн. 1. Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. М.: Книга и бизнес, 1995. 397 с.

41. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. док-тов. М., 2000. Т. 2. Кн. 1. 22 июня — 31 августа 1941 г. М.: Русь, 2000. 724 с.

42. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. док-тов. М., 2000. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению: 1 июля — 31 декабря 1942 г. М.: Русь, 2000. 700 с.

43. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. СПб.: Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. 36 с.

44. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана, 1941—1945 гг.: Сб. док-тов. Алматы: Архив Президента Респ. Казахстан, 2010. 603 с.

45. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952: Сб. док-тов: В 2 т. Т. 1. 1944—1946. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 877 с.

46. Репрессированные народы: чеченцы и ингуши: Документы, факты, коммент. М., 1994. 260 с.

47. Реформа в Красной армии: Док-ты и мат-лы: 1923—1928 гг.: В 2 кн. М.; СПб.: Летний сад. 2006. 720 с.

48. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937—1941 гг. Т. 13 (2—1). М.: ТЕРРА, 1994. 368 с.

49. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. 1942 г. Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997. 448 с.

50. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 1943—1945 гг. Т. 13 (2—3). М.: ТЕРРА, 1997. 456 с.
51. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Док-ты и мат-лы: 1942. Т. 16 (5—2). М.: ТЕРРА, 1996. 624 с.
52. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Док-ты и мат-лы: 1943. Т. 16 (5—3). М.: ТЕРРА, 1999. 360 с.
53. Русский архив: Великая Отечественная: Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Док-ты и мат-лы. Т. 17 (6). М.: ТЕРРА, 1996. 666 с.
54. Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Док-ты и мат-лы. Т. 20 (9). М.: ТЕРРА, 1999. 668 с.
55. Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Док-ты и мат-лы: 1942 г. Т. 23 (12—2). М.: ТЕРРА, 1999. 328 с.
56. Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Док-ты и мат-лы: 1943 г. Т. 23 (12—3). М.: ТЕРРА, 2000. 523 с.
57. Русский архив: Великая Отечественная: Тыл Красной армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Док-ты и мат-лы. Т. 25 (14). М.: ТЕРРА, 1998. 736 с.
58. Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.
59. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.), Горская республика (1918—1920 гг.): Док-ты и мат-лы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. 295 с.
60. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1951. 207 с.
61. *Сталин И.В.* Сочинения: В 16 т. Т. 5. М.: ОГИЗ, 1947. 448 с.
62. Сталинград 1942—1943 гг.: Сб. док-тов. М.: Библиотека, 1995. 421 с.
63. Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000. 496 с.
64. Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб.: Издание ЦСК, 1914. 122 с.
65. Тайны национальной политики ЦК РКП(б): Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 г.: Стеногр. отчет. М.: Инсан, 1992. 293 с.
66. Так это было: Национальные репрессии в СССР: 1919—1952 гг.: Художественно-документальный сборник: В 3 т. М.: Инсан, 1993. Т. 1. 337 с.; Т. 2. 336 с.; Т. 3. 352 с.
67. Труды Центрального статистического управления. Т. I. Вып. 3. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М.: 14-я типография Мос. Сов. Нар. Хоз., 1921. 19 с.
68. Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. Итоги переписи Красной армии и флота 28 августа 1920 г.: Сер. 1. Вып. 2 работ отдела военной статистики ЦСУ. М.: [б. и.], 1925. 160 с. (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2).

69. *Фрунзе М.В.* Собр. соч. М.: Госиздат. Т. 2. 1924 г. 1926. 323 с.; Т. 3. 1925 г. 1927. 402 с.

70. ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1939 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 783 с.

71. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1094 с.

Специальная справочная литература

1. *Али-Заде А.* Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.

2. Боевой состав Советской Армии (июнь 1941 — сент. 1945 гг.). Ч. I. — М.: [Типогр. Военной академии ГШ], [1963]. 88 с.; Ч. II. — М.: Воениздат, 1966. 265 с.; Ч. III. — М.: Воениздат, 1972. 336 с.; Ч. IV. — М.: Воениздат, 1988. 376 с.; Ч. V. — М.: Воениздат, 1990. 216 с.

3. Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.

4. Весь СССР: Экономический, финансовый, политический и административный справочник. М.: Госиздат, 1926. 1289 с.

5. Военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1997—2004.

6. Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: аннотир. биогр. указатель. М.: Воениздат, 1980. 461 с.

7. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: В 2 т. М.: Буки-Веди, 2015. Т. 2. 810 с.

8. Государственный Комитет Обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941—1945 гг. Т. 1. 1941—1943. Аннотированный каталог в двух томах. М.: РОССПЭН, 2015. 1222 с.

9. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.

10. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 415 с.

11. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собр. док-тов: В 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 728 с.

12. *Калюжный Р.Г.* Красная армия 1918—1934: структура и организация: Справочник. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. 888 с.

13. *Калюжный Р.Г.* Красная армия 1934—1945: структура и организация. Справочник. Ч. 1. М.: Фонд «Русские Витязи», 2020.

14. Лубянка. ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ: 1917—1960: Справочник. М.: МФД, 1997. 352 с.

15. Общевойсковые армии и их боевой состав за 1942 г.: В 4 ч. М.: [Б. и., Б. г.].

16. Перечень № 5 стрелковых, горнострелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: [Б. и.], [1970]. 218 с.

17. Перечень № 6 кавалерийских, танковых, воздушно-десантных дивизий и управлений артиллерийских, зенитно-артиллерийских, миномет-

ных, авиационных и истребительных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: [Б. и.], 1956. 77 с.

18. Перечень № 7 управлений бригад всех родов войск, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: [Б. и.], 1956. 130 с.

19. Статистический справочник СССР за 1928 г. М.: Статист. изд-во ЦСУ СССР, 1929. 402 с.

20. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1 января 1926 г.: Народный комиссариат внутренних дел: Статистический отдел. М.: Издательство Главного управления коммунального хозяйства НКВД, 1926. 285 с.

21. *Торчинов В.А., Леонтюк А.М.* Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб.: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 2000. 608 с.

22. *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

23. *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937—1941: Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2014. 528 с.

Мемуары, дневники, письма, речи

1. *Алкснис Я.Я.* Вопросы мобилизации РККА и буржуазных армий // Войсковая мобилизация: Практич. пособие. Июль—декабрь 1927 г. М.: Изд. ГУ РККА, 1927.

2. *Антонов-Овсеенко В.А.* Строительство Красной Армии в революции. М.: Красная новь, 1923. 59 с.

3. *Бекдемиров Г.В., Алиев А.* Трудящаяся молодежь и Красная армия. Баку: Азгиз, 1930. 23 с.

4. *Будберг А.П.* Дневник белогвардейца. Л.: Прибой, 1929. 302 с.

5. *Вацетис И.* Латышские стрелки в Октябрьской революции // Война и революция. 1927. № 10—11. С. 133—142.

6. Военный комиссариат города Москвы, 1918—2003: История создания, становления, развития. М.: ВКГМ, 2003 (ГУП Эксперим. тип.). 240 с.

7. *Гойченко Д.* Красный апокалипсис: сквозь раскулачивание и голодомор. Мемуары свидетеля. Киев: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2013. 399 с.

8. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг.: Воспоминания участников: В 2 кн. Махачкала: [Б. и.], 1960. 708 с.

9. *Даниялов А.* Воспоминания. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1991. 253 с.

10. *Даниялов Г.-А.Д.* Век моей судьбы. Махачкала, 2003. 277 с.

11. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М.: Айрис-пресс, 2003. 589 с.

12. *Добрынин В.А.* Оборона Мугани. 1918—1919: Записки кавказского пограничника. Париж: Союз георгиевских кавалеров, 1974. 232 с.

13. *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профессора, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1997. 669 с.

14. *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане (Гражданская война). Нью-Йорк: Военный вестник, 1959. 87 с.
15. *Липкин С.И.* Сталинград Василия Гросмана. Ann Harbor: Ardis, 1986. 148 с.
16. *Мальцев Е.Е.* В годы испытаний. М.: Воениздат, 1979. 319 с.
17. *Микоян А.И.* Так было. М.: Вагриус, 1999. 612 с.
18. *Моризэ А.* У Ленина и Троцкого. Москва 1921. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 282 с.
19. *Ортенберг Д.И.* Год 1942. М.: Политиздат, 1986. 462 с.
20. *Ортенберг Д.И.* Сорок третий. М.: Политиздат, 1991. 414 с.
21. *Серов И.А.* Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М.: Просвещение, 2016. 704 с.
22. *Стеженский В.И.* Солдатский дневник. М.: Аграф, 2005. 237 с.
23. *Слуцкий Б.* Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб.: Logos, 2000. 352 с.
24. *Слуцкий Б.А.* О других и о себе. М.: Вагриус, 2005. 281 с.
25. *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988. 478 с.
26. *Тартаковский Б.Г.* Из дневников военных лет. М.: АИРО-XX, 2005. 270 с.
27. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 605 с.
28. *Тюленев И.В.* Через три войны. М.: Воениздат, 1972. 240 с.
29. *Харазия Х.Л.* Дорогами мужества. М.: Воениздат, 1984. 176 с.
30. *Хейнрици Г.* Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941—1942 гг. в записях генерала Хейнрици. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 328 с.
31. *Хрущев Н.С.* Люди. Время. Власть. Кн. 2. Ч. 1. М.: ИИК «Московские новости», 1999.
32. *Шихлинский А.А.* Мои воспоминания. Баку: Азернешр, 1984. 200 с.

Исследования

1. *Абрамян Г.С.* Мощное оружие советских войск в боях за Крым (1941—1942 гг.). Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1975. 198 с.
2. *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. М.: Издатель Быстров, 2006. 352 с.
3. *Авторханов А.* Империя Кремля: Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОН, 1990. 426 с.
4. *Акульшин П., Гребенкин И.* Военная история: направления поиска, методы, проблемы // Исторические исследования в России—III: Пятнадцать лет спустя. М.: АИРО-XX, 2011. С. 397—416.
5. *Алиева С.И.* Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII — XXI вв.). Баку: Şərq-Qərb, 2010. 619 с.
6. *Аликберов Г.А.* Германские захватчики и советские народы Востока. Махачкала: Изд-во газ. «Дагестанская правда», 1942. 15 с.
7. *Аликберов З.М.* Защитники Кавказа (По материалам Азербайджана и республик Северного Кавказа). Баку: Азернешр, 1975. 157 с.

8. *Аманжолов К.Р.* Под боевым знаменем: О мужестве и выполнении воинского долга соединениями Красной армии Казахстана (1918—1945 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1991. 174 с.

9. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза: 1922—1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

10. *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 241—274.

11. *Анучин Д.Н.* О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874—1883 гг.), сравнительно с распределением роста в других странах. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1889. 206 с.

12. *Артамонов В., Васильев А.* Национальные воинские формирования в русской армии XV—XX веков // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 3. М., 1992. С. 97—133.

13. *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1979. 199 с.

14. *Арутюнян А.О.* Кавказский фронт 1914—1917 гг. Ереван: Айастан, 1971. 415 с.

15. *Арутюнян К.А.* Участие армянского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945). Ереван: Гитутюн, 2004. 866 с.

16. *Арутюнян К.А.* Участие воинов-армян в Сталинградской битве (17 июля 1942 — 2 февраля 1943). Ереван: Гитутюн, 2007. 103 с.

17. *Арутюнян К.А.* Участие сынов армянского народа в битве под Москвой (30 сентября 1941 г. — 20 апреля 1942 г.). Ереван: Зангак, 2015. 219 с.

18. *Атаев А.М.* Национальные формирования в Дагестане и зачем нужна обязательная военная служба. Махач-Кала: Издание территориального управления ДССР, 1928. 38 с.

19. *Ахмадеев Ш.* Как я веду работу среди бойцов, не знающих русского языка // Партийно-политическая работа в Красной армии: Сб. ст. и доктов. Вып. 3. М.: Воениздат, 1943. С. 151—154.

20. *Бабалашвили И.П.* Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969. 254 с.

21. *Баберовски Й.* Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 855 с.

22. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей Российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 303 с.

23. *Байдаров С.В.* Проблемы комплектования армии в России в конце XIX — начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 20—24.

24. *Баликоев Т.М.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, 2000. 186 с.

25. *Балтушис-Жемайтис.* Гражданская война в Литве в 1919 году // Война и революция. 1929. Кн. 7. С. 86—108.

26. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

27. *Безугольный А.Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии...»: Национальный вопрос в военном строительстве СССР 1922—1945. М.: РОССПЭН, 2016. 296 с.

28. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны. Stuttgart: Ibidem, 2005. 267 с.

29. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия: 1918—1945 гг.: политические аспекты военной службы. М.: Вече, 2007. 528 с.

30. *Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е.* История военно-окружной системы в России. 1862—1918 гг. М.: Центрполиграф, 2012. 462 с.

31. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.

32. *Белоусов С.С.* История формирования и боевые действия 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии на Нижнем Дону в воспоминаниях военнослужащих // Вестник Калмыцкого ин-та гум. иссл. РАН. 2010. № 1. С. 22—31.

33. *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР 1924—1925 гг. М.: Воениздат, 1958. 460 с.

34. *Бикмеев М.А.* «Громить врага до полного его уничтожения»: Национальные воинские формирования башкирского народа периода Великой Отечественной войны. Специальный выпуск: «Башкортостан в составе России». М.: [Б. и.], 2010. С. 89—96.

35. *Бильдерлинг А.А.* К 25-летию всеобщей воинской повинности. [СПб.]: Воен. тип., [1899]. 7 с.

36. *Блитстейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах: 1938—1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 310—335.

37. *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 328 с.

38. Большевистский порядок в Грузии: Большой террор в маленькой кавказской республике: В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2015. 640 с.

39. *Бордюгов Г., Бухараев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах: Сб. ст. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 1999. С. 21—73.

40. *Борисенок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920—1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.

41. *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения: Сб. науч. трудов. М.: Статистика, 1975. 264 с.

42. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах: (20—60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. 368 с.

43. *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.

44. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: Гриф и К, 2012. 510 с.

45. *Буниятов З.М., Зейналов Р.Э.* От Кавказа до Берлина. Баку: Азернешир, 1990. 224 с.

46. *Бурназян Г.С.* Участие национальных соединений закавказских республик в битве за Кавказ и последующих операциях Красной армии в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д: Ростовское высшее командно-инженерное училище им. М.И. Неделина, 1967. 204 с.

47. Бурятская Краснознаменная. Исторические очерки. Воспоминания. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1968. 137 с.

48. В годы суровых испытаний. Боевой путь 110-й отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1981. 238 с.

49. В огне закаленные: О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик: Эльбрус, 1995. 210 с.

50. *Варсонофьев В.В.* Этноконфессиональные воинские формирования как важнейший механизм формирования национальной идеологии: исторический опыт и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2. С. 93—106.

51. *Вдовин А.И.* Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реальность // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 5. С. 24—54.

52. Великая Отечественная война 1941—1945 годов: В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.

53. *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л.: Госиздат, 1930. 272 с.

54. *Исмаилов А.* Война и Победа (Из истории Казахстана в 1941—1945 годах). Шымкент: Экспресс печать, 2010. 180 с.

55. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.

56. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1963. 624 с.

57. Военные комиссариаты: История создания и развития (1918—2018 гг.) М.: АО «Красная Звезда», 2018. 368 с.

58. Военный комиссариат Республики Адыгея: Историко-документальный очерк. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2005. 208 с.

59. Всероссийская Книга Памяти, 1941—1945. Обзорный том. М.: Воениздат, 2005. 333 с.

60. *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Перепись Русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 87—91.

61. *Георгиева Н.Г.* Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 1. С. 7—19.

62. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.

63. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России. М.: МСНК-пресс, 2005. 238 с.

64. *Глудин И.* Комплектование РККА очередными призывами // Война и революция. Кн. 7. М.: Госиздат, 1927. С. 48—64.

65. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. Т. 1. 211 с.

66. *Горовский Ф.Я., Рымаренко Ю.И.* Национальный вопрос и социалистическая практика: Опыт историко-теоретического анализа. Киев: Выща школа, 1991. 253 с.

67. *Градосельский В.В.* Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 18—24.

68. *Градосельский В.В.* Национальные воинские формирования в Красной армии (1918—1938 гг.) // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 2—6.

69. *Гребенщиков Я.А.* Военная организация и статистика // Сборник государственных знаний. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1879. Т. 7. С. 119—134.

70. *Григорьев В.К.* Панфиловцы: 60 дней подвига, ставших легендой. Алматы: [б. и.], 2013. 280 с.

71. *Грошев И.И.* Сущность национальной политики КПСС. М.: Мысль, 1982. 303 с.

72. *Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К.* Закавказский фронт Великой Отечественной войны. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1971. 310 с.

73. *Давыдов В.* Как изменяется лицо новобранца // Военный вестник. 1927. № 13. 2 апреля. С. 40—42.

74. *Дмитриев Т.А.* «Это не армия»: Национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурно-национальной политики (1920—1930-е годы) // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 108—132.

75. *Добророльский С.К.* Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение: по материалам Военно-исторического архива. М., 1929.

76. *Емельянов Ю.В.* Участие прибалтийских национальных воинских формирований в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 218—219.

77. *Жарков В.В.* Значение национальных воинских формирований в развитии Вооруженных Сил в 30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. № 4. Т. I. С. 27—31.

78. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996. 152 с.

79. *Захаров И.З.* Дружба, закаленная в боях. М.: Мысль, 1970. 278 с.

80. *Захаров М.* Национальное строительство в Красной армии. М.: Издание военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 90 с.

81. *Захаров М.* Национальные формирования и их организация // Военный вестник. 1925. № 19. 23 мая. С. 5—8.

82. *Захаров М.* Особенности обучения и быта в национальных частях // Военный вестник. 1925. № 22. 13 июня. С. 9—12.

83. *Захаров М.* Третий Съезд Советов СССР о национальном строительстве в Красной армии // Военный вестник. 1924. № 39. 25 октября. С. 5—7.

84. *Захаров М.* Царское правительство и военная служба горцев и народов Средней Азии // Военный вестник. 1925. № 20. 30 мая. С. 8—11.

85. *Захаров П.* Горные национальные части // Военный вестник. 1925. № 9. 7 марта. С. 53.

86. *Зейналов Р.Э., Бородецкий Л.С.* 416-я Таганрогская (Военно-исторический очерк). Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1969. 256 с.

87. *Земсков В.Н.* К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944—1955) // Политическое просвещение. 2011. № 1 (https://www.politpros.com/journal/read/?ID=141&journal=68, дата обращения: 14.04.2020).

88. *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941—1945 годов. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 277 с.

89. *Золотарев А.М.* Материалы по военной статистике России. Население России, как источник комплектования ее армии (на основании данных за первое десятилетие отбывания воинской повинности). СПб.: Тип. Департамента уделов, 1889. 85 с.

90. *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в период Великой Отечественной войны (На примере северокавказских республик). М.: Моск. пед. гос. ун-т, 1998. 462 с.

91. *Иванов В.Е.* Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. высш. шк. МВД РФ, 1996. 136 с.

92. *Ильинский*. Допризывная подготовка в Узбекистане // Военный вестник. 1927. № 3. 22 января. С. 52.

93. *Иовлев А.М., Воропаев Д.А.* Борьба Коммунистической партии за создание военных кадров (1918—1941 гг.). М.: Воениздат, 1956. 119 с.

94. *Исмаилов А.И.* Война и Победа (Из истории Казахстана в 1941—1945 годах). Шымкент: Экспресс печать, 2010. 180 с.

95. *Исмаилов А.И.* И русские, и нерусские (Из опыта подготовки офицерских кадров в Среднеазиатском военном округе в годы войны) // Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 11—18.

96. История зарождения, становления и развития организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил России. М.: СИНТЕРИЯ, 2019. 464 с.

97. История революционного движения на Тереке: Сборник статей, воспоминаний и материалов. Пятигорск: Б. и., 1924. 206 с.

98. *Исмаилов А.И.* История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 600 с.

99. История Узбекистана: Курс лекций. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2012. 273 с.

100. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М.: Социально-политическая мысль, 2004. 600 с.

101. *Кадишев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: Воениздат, 1960. 510 с.

102. *Кадыров Б.Г.* Армия и национальный вопрос: (1921—1938 гг.). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. 133 с.

103. *Кадыров Б.Г.* Армия и общество: национальный вопрос и военное строительство в межвоенный период // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4. С. 83—86.

104. *Каррер д'Анкосс Э.* Расколотая империя: Национальный бунт в СССР. Лондон: Overseas publ. interchange, 1982. 381 с.

105. *Катанчиев Т.М.* Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 210 с.

106. *Катуков В.* Национальное военное строительство в Казахстане. Алма-Ата: Издание Юбилейной комиссии 10-летия Казакстана, 1930. 39 с.

107. *Кен О.В.* Мобилизационное планирование и политические решения (Конец 1920-х — середина 1930-х гг.). М.: ОГИ, 2008. 258 с.

108. *Киверцев А.* Об основных задачах окружной и национальной красноармейской печати // Военный вестник. 1930. 15 августа. № 23. С. 37—38.

109. *Кирсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. М.: Мысль, 1984. 263 с.

110. *Кирсанов Н.А.* Национальные формирования Красной армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 116—126.

111. *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60—75.

112. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.

113. *Козинцев.* Допризывная подготовка в Каракольском кантоне Казакской АССР // Военный вестник. 1928. № 28. 28 июля. С. 19—20.

114. *Козлов В.И.* Национальности СССР: этнодемогр. обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.

115. *Колесник А.Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1988. 286 с.

116. *Комал Ф.Б.* Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 21—28.

117. Комплектование Красной армии. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926. 78 с.

118. Краснознаменный Приволжский. История войск Краснознаменного Приволжского военного округа. М.: Воениздат, 1984. 382 с.

119. *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917—1923 г.): Док-ты и мат-лы. М.: ИРИ РАН, 2007. 448 с.

120. *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920—1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.

121. Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М.: Политиздат, 1984. 496 с.

122. *Кувшинов В.* О языке в нацчастях среднеазиатских республик // Военный вестник. 1925. № 6. 14 февраля. С. 62.

123. *Ланда Р.Г.* Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 53—70.

124. *Лапин В.В.* Армия как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 1 (21). С. 303—304.

125. *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941—1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 295 с.

126. *Лахтиков М.* Советская Армия — армия братства и дружбы народов СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 132 с.

127. *Левичев В.* Задачи очередной вербовки в военные школы // Военный вестник. 1928. 5 мая. № 17. С. 2—4.

128. *Лепин Э.* Строительство национальных частей в Узбекистане // Война и революция. Кн. 8. М.: Госиздат, 1927. С. 85—97.

129. *Липкин С.И.* Сталинград Василия Гросмана. Ann Harbor: Ardis, 1986. 148 с.

130. *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.

131. *Макшеев А.И.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1867. 306 с.

132. *Маланьин К.* Военная статистика (Обзор литературы) // Военная мысль. 1968. № 6. С. 88—90.

133. *Мамедов Р.Г.* Азербайджанцы сражались за Родину. Баку: Ширваннешр, 2005. 160 с.

134. *Мамукелашвили Э.* Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942—1943 гг.). Тбилиси: Телав. ГПИ, 1982. 182 с.

135. *Маркарян В.М.* Исторический опыт КПСС по организации и руководству национальными частями Красной армии в годы мирного социалистического строительства (1922—1938 гг.) Баку: [б. и.], 1975. 44 с.

136. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР: 1923—1939. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.

137. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920—1930-е годы. Цели, методы, результаты. М.: Центрполиграф, 2015. 591 с.

138. *Мирошников С.Н.* Вопросы национальных вуз // Военный вестник. 1925. № 14. 11 апреля. С. 14—16.

139. *Митяев Д.* Красноармейская печать (К 3-му Всесоюзному совещанию работников красноармейской печати) // Военный вестник. 1925. № 38. 17 октября. С. 18—21.

140. *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии: Исторический очерк. М.: Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн. Издание Военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 292 с.

141. *Молодцыгин М.А.* Красная армия: рождение и становление. 1917—1920 гг. М.: ИРИ РАН, 1997. 234 с.

142. Население России в XX веке: Истор. очерки: В 3 т. Т. 2. 1940—1959 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.

143. *Натмеладзе М.* К вопросу участия Грузии в битве за Кавказ в 1941—1943 годах в русской историографии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. Тбилиси: Универсал, 2011. С. 141—153.

144. *Натмеладзе М., Даушвили А.* Новейшая история Грузии. Тбилиси: Универсал, 2010. 485 с.

145. Национальный вопрос и Советская Россия. М.: Государственное издательство, 1921. 90 с.

146. Национальный вопрос и этнические воинские формирования Русской армии в годы Первой мировой войны. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2017. 374 с.

147. *Невежин В.А.* «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // Наука и жизнь. 2005. № 5. С. 14—20.

148. *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 170 с.

149. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М.: Военный университет, 2000. 170 с.

150. Они сражались за Родину: Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны: книга-хроника. М.: Новый хронограф, 2005. 352 с.

151. *Осмачко С.Г.* Красная армия в локальных войнах и конфликтах (1929—1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль: ЯЗРИ ПВО, 1999. 221 с.

152. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история: Сб. науч. ст. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 45—64.

153. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941—1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: Мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 53—60.

154. *Очиров У.Б.* Эффективность применения национальных кавалерийских дивизий в Великой Отечественной войне: мифы и реалии // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 2. С. 8—23.

155. *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии: В 2 т. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2018.

156. *Ошаев Х.Д.* Слово о полку чечено-ингушском: Сб. документально-художественных произведений. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 493 с.

157. *Панин Е.Н.* Участие латышских формирований Красной армии в битве за Москву в декабре 1941 г. // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 1. С. 5—13.

158. *Пархоменко В.А.* «Украинизациия» в Русской армии весной — осенью 1917 года в историко-мемуарной литературе // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии». 10 марта 2011 г. Новосибирск, 2011 // URL: http://sibac.info/files/2011_03_10_Politologiya/Parhomenko.pdf (дата обращения: 1.06.2020).

159. *Песикина Е.И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917—1918 гг. М.: АОН при ЦК ВКП(б). Кафедра истории ВКП(б), 1950. 155 с.

160. *Петренко А.И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М.: Вече, 2010. 384 с.

161. *Петров В.Т.* Советское строительство в национальных областях и нацменрайонах Северного Кавказа. Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. 64 с.

162. Подвиги кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 432 с.

163. *Подустов Ф.Н.* Национальные воинские формирования Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1919—1938 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 165—169.

164. *Покровский С.Н.* Казахстанские соединения в битве на Курской дуге. Алма-Ата: Наука, 1973. 130 с.

165. *Полян П.М.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.

166. *Пятницкий Н.В.* Устройство войск Красной армии и ее доктрина. Париж, 1933. 247 с.

167. *Райнс А., Рейзин В., Эльвих П.* В воздухе Латышский Режицкий...: Латышские летчики в Великой Отечественной войне. Рига: Лесма, 1965. 269 с.

168. *Редкин.* Укомплектование частей и его влияние на воспитание и обучение // Военный вестник. 1925. № 22. 13 июня. С. 50—51.

169. *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб.: Издание картографического заведения А.А. Ильина, 1875. 352 с.

170. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.

171. Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М.: Центр. стат. упр. Отд. воен. статистики, 1925. 103 с.

172. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

173. *Рубцов Ю.В.* Alter ego Сталина: Страницы политической биографии Л.З. Мехлиса. М.: Звонница-МГ, 1999. 302 с.

174. *Рымшан М., Алексинский К.* Национальные формирования в буржуазных государствах и в СССР. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1928. 54 с.

175. *Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. Рига: Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1961. 166 с.

176. *Савченко В.И.* Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. Рига: Зинатне, 1975. 577 с.

177. *Самуйлов В.И.* Устройство вооруженных сил республики. Вып. 1. Ч. 1—2 [лекции, читанные в академии Генерального штаба РККА в 1918—19 учебном году]. Пг.: Военная типография, 1919. 131 с.

178. *Саркисьян С.М.* 51-я армия (Боевой путь). М.: Воениздат, 1983. 286 с.

179. *Саттеруп Д.* Комплектование сухопутных вооруженных сил. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит-ры, 1930. 210 с.

180. *Сафроненко.* Опыт работы среди дагестанцев // Военный вестник. 1927. № 32. 27 августа. С. 50—51.

181. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

182. *Сенявская Е.С.* 1941—1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: Институт Российской истории, 1995. 87 с.

183. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

184. *Сиднев [А.Ф.]* Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 69—83.

185. *Синицын Ф.Л.* Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933—1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.

186. *Смирнов А.* От червонных старшин к красным лейтенантам // Родина. 2015. № 1. С. 81—83.

187. *Сон Ж.Г.* Проблемы национальных меньшинств в Красной армии 1930-х годов (на примере корейцев в особой Краснознаменной дальневосточной армии) // Российская история. 2009. № 2. С. 107—114.

188. *Стеклов А.* Красная армия Азербайджана. Баку: Азгиз, 1928. 30 с.

189. *Сухарь М.Я.* От Ашхабада до Эльбы. Ашхабад: [Б. и.], 1963. 72 с.

190. [*Сырнев А.*] Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие 1874—1883 гг. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1886. 318 с.

191. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Украинизация армии в 1917 г. как результат национальной политики Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 4. № 11. 2011. С. 30—35.

192. *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация: 1928—1933 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 375 с.

193. *Тасбулатов А.Б., Аманжолов К.* Военная история Казахстана: Очерки. Алматы: Рауан, 1998. 175 с.

194. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

195. *Трайнин М.П.* СССР и национальная проблема. М.: Красная новь, 1924. 224 с.

196. *Триндафиллов В.* Возможная численность будущих армий // Война и революция. 1927. № 3. С. 14—43.

197. *Убушаев В.Б., Шарапова Е.П.* О создании национальных дивизий в составе Красной армии в союзных и автономных республиках СССР в декабре 1941 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии (Махачкала). 2016. № 1. С. 62—67.

198. *Усов М.Л.* Евреи в армии. СПб.: Разум, 1911. 179 с.

199. *Филимошин М.В.* Наши павшие как часовые...: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах и военных конфликтах // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 16—25.

200. *Хаген фон М.* Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874—1917 годы // Отечественная история. 2004. № 5. С. 37—49.

201. *Хатукаев А.Т.* Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии. Нальчик, Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1965. 106 с.

202. *Хмара Н.И.* Из опыта национального строительства в СССР (1920-е—1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 126—139.

203. *Царицын А.* Работа среди отсталых народностей // Военный вестник. 1927. № 22. 11 июня. С. 49.

204. *Цвибан М.* «Рабочие туземцы» в Петрограде в 1917 году // Революция в Средней Азии. Сб. 3 / Среднеазиат. НИИ ист. рев. при Средазбюро ЦК ВКП(б) (САНИИР). М.; Ташкент: ОГИЗ. Среднеазиат. отд-ние, 1931. 206 с.

205. *Цкитишвили К.В.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1969. 490 с.

206. *Черкис Н.* Опыт проведения допризподготовки в Казакстане // Военный вестник. 1927. № 6. 12 февраля. С. 58—59.
207. *Чугунцова Н.А.* Органы власти Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Краснодар: Издательский дом «Юг», 2008. 237 с.
208. *Шабаев А.А., Михалев С.Н.* Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Историко-статистическое исследование. М.: Моск. гор. фонд «Ветеран Москвы», 2002. 256 с.
209. *Шевяков Т.Н.* «Национализация» русской армии в 1917 году // Вторые петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб., 1998. Вып. 2. С. 37.
210. *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИМЦ «Академкнига», 2003. 592 с.
211. *Шульга И.И.* «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде» // Родина. 2010. № 5. С. 28—31.
212. *Шульга И.И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. 176 с.
213. *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АГРУС»; Ставропольсервисшкола, 2003. 336 с.
214. *Эйдининкас И.* Национальные воинские формирования: исторические аспекты и современность // Коммунист (Вильнюс). 1989. № 10. С. 41—46.
215. *Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М.* История Литвы. Вильнюс: Eugrimas, 2013. 318 с.
216. *Янчевский Н.Л.* Гражданская война на Северном Кавказе: В 2 т. Ростов н/Д: Севкавкнига, 1927. Т. 1. 204 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Аманжолов К.* Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917—1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата [б. и.], 1987. 46 с.
2. *Арутюнян К.А.* 76-я (51-я гвардейская) стрелковая дивизия и ее роль в защите социалистического Отечества (1920—1945): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван [б. и.], 1979. 28 с.
3. *Баликоев Т.М.* Национальная политика Советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2003. 37 с.
4. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2004. 236 с.
5. *Безугольный А.Ю.* Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922—1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. М.: Военная академия Генерального штаба, 2020. 597 с.

6. *Бондарь А.Н.* Украинизация и национальные формирования в войсках Украинского военного округа в 1922—1935 годах: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. Одесса, 1997. 23 с.

7. *Бурцев Л.А.* Территориально-милиционная система в РККА в 1923—1928 годы (на материалах Московского военного округа): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ивановский гос. ун-т. Иваново, 2009. 23 с.

8. *Гилязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. Казанский государственный университет. Казань, 2000. 400 с.

9. *Гуружапов А.Х.* Партийное руководство формированием национальных частей Красной армии и оборонно-массовой работой в Советской Бурятии (1923 — июнь 1941 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Иркутск, 1974. 25 с.

10. *Дробязко С.И.* Восточные формирования в составе Вермахта: 1941—1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М. [б. и.], 1997. 208 с.

11. *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (на примере национальных республик Северного Кавказа): Дисс. ... д-ра ист. наук. Московский педагогический гос. ун-т. М., 1999. 484 с.

12. *Иванов В.Е.* Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР, 1917—1946 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Московский гос. ун-т им. М. Ломоносова. М., 1995. 188 с.

13. *Кадыров Б.Г.* Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: Дисс. ... д-ра ист. наук. Казан. гос. ун-т. Казань, 2002. 431 с.

14. *Кузьмина В.М.* Участие туркменского народа в создании и укреплении Вооруженных Сил Советского Союза (1917—1928 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. АН ТССР. Ин-т истории им. Ш. Батырова. Ашхабад, 1969. 24 с.

15. *Ларин П.А.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Тартусский гос. ун-т. Таллин, 1972. 43 с.

16. *Ларькин В.В.* Политические репрессии командно-начальствующего состава Закавказского военного округа в 1937—1938 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутский гос. ун-т. Иркутск, 2016. 380 с.

17. *Маланьин К.А.* История русской военной статистики (XIX—XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. 311 с.

18. *Манг К.Х.* Создание народной армии в ходе социалистической революции 1940 года в Эстонии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ин-т истории партии при ЦК КП Эстонии. Филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Таллин, 1971. 36 с.

19. *Маркарян В.М.* Коммунистическая партия — организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной армии в период мирного социалистического строительства (1922—1938 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Военно-полит. акад. им. В.И. Ленина. М., 1975. 23 с.

20. *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917—1945 гг.): военно-историч. аспект: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 564 с.

21. *Мяги А.А.* Партийно-политическая работа в войсках Советской Армии в ходе освобождения Эстонской ССР от немецко-фашистских захватчиков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л., 1970. 22 с.

22. *Назих Э.-Б.Р.* Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923—1939 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Рос. гос. социал. ун-т. М., 2011. 174 с.

23. *Намнанов Д.Д.* Национальные формирования Красной армии в Бурятии в 1924—1939 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Бурятский ун-т. Улан-Удэ, 1997. 22 с.

24. *Никитин Д.Н.* Журнал «Революция и национальности»: Теория и практика национального строительства в СССР (1930—1937 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1997. 19 с.

25. *Павлович С.Л.* История национальных воинских формирований Рабоче-Крестьянской Красной армии в Средней Азии (1920—1938 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Михайловская военная артиллерийская академия. СПб., 2019. 253 с.

26. *Панин Е.Н.* Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны: июнь 1941 г. — май 1945 г.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Рос. гос. социал. ун-т. М., 2009. 468 с.

27. *Подпрятов В.Н.* Роль национальных воинских формирований в годы гражданской войны на восточном театре военных действий: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994. 16 с.

28. *Подпрятов В.Н.* Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII — первой половине XX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2012. 525 с.

29. *Рожков А.Ю.* Молодой человек в Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2003. 44 с.

30. *Сагынбаев О.* Посланцы Кыргызстана на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Опыт и уроки: преодоление стереотипов: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Бишкек: Национальная академия наук Кыргызской Республики. Институт истории, 1997. 36 с.

31. *Саркисьян С.М.* 408-я стрелковая армянская дивизия в битве за Кавказ: Дисс. ... канд. ист. наук. АН Арм. ССР. Ин-т истории. Ереван, 1966. 24 с.

32. *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2009. 29 с.

33. *Синицын Ф.Л.* Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты: Дисс. ... д-ра ист. наук. НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ. М., 2018. 548 с.

34. *Степанян В.Т.* Разрешение национального вопроса как фактор укрепления оборонной мощи СССР: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Воен.-полит. акад. им. В.И. Ленина. М., 1989. 20 с.

35. *Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ашхабад, 1981. 464 с.

36. *Тархова Н.С.* Красная армия и коллективизация советской деревни 1928—1933 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саратовский гос. соц.-эконом. ун-т. Саратов, 2006. 43 с.

37. *Шульга И.И.* Воинская служба поволжских немцев и ее влияние на формирование их патриотического сознания: 1874—1945 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2001. 22 с.

Литература на иностранных языках

На украинском языке

1. Від Рейхстагу до Іводзіми. У полум'ї війни. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. 352 с.

2. Військове будівництво в Україні у XX столітті: Історoичний нарис, події, портрети. Київ: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. 448 с.

3. Воєнна історія України від давнини до сьогодення. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. 352 с.

4. *Гриневич В.* Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 році: з історії однієї політичної гри // Укр. іст. журнал. 1991. № 5. С. 29—35.

5. *Гриневич В.А.* Національні проблемі в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 — жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1994. 21 с.

6. *Гриневич Л.В.* Військове будівництво в Україні у 20-ті — на початку 30-х рр. XX ст.: національний аспект: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Львов, 1995. 23 с.

7. Історія українського війска (1917—1995). Львів, 1996. 840 с.

8. Історія українського війська. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. 416 с.

9. *Коваль М.В.* Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939—1945 рр.). Київ, 1999. 336 с.

10. *Легасова Л., Шевченко Н.* Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 20—31.

11. *Лисенко О.Є.* Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 — на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. 2015. № 5. С. 19—42.

12. *Литвин В.* Історія України: підручник / Відп. ред. В. Смолій. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. 991 с.

13. *Мисечко А.І.* Методичні рекомендації та програма спеціального курсу «Історія українського війська» для студентів III курсу денного відділення історичного факультету. Одеса, 2011. 30 с.

14. *Папікян А.* До історії народного комісаріату оборони Української РСР (1944—1945 рр.) // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку: Зб. наук. пр. Львів, 2008. Вип. 20. С. 109—114.

15. *Папікян А.* Збройні Сили України двадцятого століття. Львів, Вид-во: ДУ «Львівська політехніка», 1999. 320 с.

16. *Патриляк І.К., Боровик М.А.* Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. Київ: Ніжин, 2010. 590 с.

17. Поле битви — Україна. Від «володарів степу» до «кіборгів». Воєнна історія України від давнини до сьогодення. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. 352 с.

18. *Рибченко Л.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. Київ: Аеростат, 2013. С. 50—78.

19. *Рибченко Л.В.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941—1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943—1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19 (2). Київ, 2009. С. 129—139.

20. *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 р. на території Лівобережної України: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2010. 16 с.

21. *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2009. Вип. 12. С. 103—112.

22. Україна в полум'ї війни 1941—1945. Київ: Україна, 2005. 560 с.

23. «Українізація» 1920—30-х років: Передумови, здобутки, уроки / *В.М. Даниленко, Я.В. Верменич, П.М. Бондарчук* та ін.; *В.А. Смолій* (відп. ред.). Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2003. 392 с.

24. *Шевченко В.* До питання про характер боротьби українського народу проти фашистських агресорів (1939—1945 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 42—53.

На казахском языке

25. Жеңіс сарбаздары. Қазақстан Ұлы Отан соғысы жылдарында 1941—1945. [б.о.ж.] : [б. ж.], 2015. 181 б.

26. Қазақтар Ленинград майданында. Астана: Елорда, 2005. 179 б.

27. *Қалиев, Ы* Ұлы жеңістің 60 жылдығы — ерлік пен елдігіміздің мерекесі. Кызылорда: Тумар, 2005. 248 б.

28. Өшпес даңқ: Қазақтың 100-және 101-ұлттық атқыштар бригадалары. Алматы: Азия Арна, 2013. 478 б.

На английском языке

29. *Alexiev R., Wimbush S.* Ethnic Minorities in the Red Army. Asset or Liability? — Boulder and London: Westview Press, 1988. 276 p.

30. *Altstadt A.L.* The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford: Stanford University, 1992. 331 p.

31. *Blauvelt T.K.* Military Mobilisation and National Identity In the Soviet Union // War & Society. May 2003. Vol. 21. № 1. P. 41—62.

32. *Curran S.L, Ponomareff D.* Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview. Santa Monica: Rand, July 1982. 41 p.

33. *Dallin A.* German Rule in Russia. 1941—1945: A Study of Occupation Policies. London: Macmillan, 1957. 695 p.
34. *Daugherty III L.J.* Ethnic minorities in soviet armed: The plight of central Asians in a Russian-dominated military // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 7. 1994. Issue 2. P. 155—197.
35. *Jones E.* Red Army and Society. A Sociology of the Soviet Military. Boston, 1985. 230 p.
36. *Hagen M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930. Ithaca: Cornell University, 1990. 397 p.
37. *Hassassian M.S.* Armenia's Struggle for Self Determination. Jerusalem: Hai Tad publ., 1984. 46 p.
38. *Lobinger J.H.* Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces. Oklahoma-sity: University of Oklahoma, 1973. 189 p.
39. *Merridale C.* Ivan's War. The Red Army 1939—1945. L.: Faber And Faber, 2005. 396 p.
40. *Rakowska-Harmstone T.* Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks: US Army War College, 1978. 190 p.
41. *Rakowska-Harmstone T.* "Brotherhood in Arms": The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces // Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers. Waterloo (Canada): Wilfrid Laurier Press, 1990. P. 123—157.
42. *Rakowska-Harmstone T.* Nationalities and the Soviet Military // The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society. Boulder, 1990. P. 72—94.
43. *Reese R.* Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925—1941. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1996. 272 p.
44. *Reitlinger G.* The House built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia: 1939—1945. London, 1960. 459 p.
45. *Sanborn J.A.* Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905—1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 278 p.
46. *Shayakhmetov M.* The Salent Steppe. The Story of Kazakh Nomad under Stalin. London: Stacey international, 2006. 353 p.
47. *Shnirelman V.* The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka: National Museum of Ethnology (Senri Ethnological Studies, № 57), 2001. 465 p.
48. *Suny R.G.* The Making of the Georgian Nation. London: Indiana University Press, 1978. 232 p.
49. *Swientochowski T.* Russia and Azerbajan: A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995. 290 p.
50. *Szayna Th.* The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces. The Muslim Dimension. Santa Monica: Rand, 1991. 59 p.
51. The Three Occupations of Latvia 1940—1991. Soviet and Nazi take-overs and their Consequences. OCCUPATION Règa: Museum Foundation 2005. 51 p.
52. *Walker C.J.* Armenia: The Survival of a Nation. New York: Routledge, 1992. 480 p.
53. *Young W.* Minorities and the Military. A Cross-National Study in World Perspective. Westport, 1982.

На немецком языке

54. *Beckmann L., Buhlmann H.* [et. al.]. Die 13. Panzer-Division. 1935—1945. Eggolsheim: Dörfler Verlag Gmbh, 2003. 176 S.

55. *Boog H., Rahn W.* [et. al.]. Der Globale Krieg: Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Iniciatiwe 1941—1943. Stutgard: Deutsche Verlags-Anstalt, 1990.

56. *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg: Verlag Rombach, 1974. 214 S.

57. *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion (Einzelschriften zur Militärgeschichte) Sowjetunion. Freiburg: Rombach Verlag KG, 1991. 534 S.

58. *Hoffmann J.* Ostenlegionen 1941 bis 1943. Freiburg: Rombach, 1976. 197 S.

59. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (KTB/OKW). Band I—II. 1.1.1942—31.12.1942. Frankurt am Main: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen 1963. 1528+800 S.

60. *Mackensen von E.* Vom Bug zum Kaukasus: Das III. Panzerkorps in Feldzug gegen Sowjetrussland: 1941/42. Neckargemund: Kurt Vowinkel Verlag, 1967. 197 S.

61. *Schwarz E.* Die Stabilisierung im Süden der Ostfront nach der Katastrofhe von Stalingrad und dem Rückzug aus dem Kaukasus. Köln: Universität Standort, 1981. 401 S.

62. *Tieke W.* Der Kaukasus und das Öl: Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. Osnabrück: Munin, 1967. 311 S.

Для возрастной категории 16+

Безугольный Алексей Юрьевич

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ 1918—1945

Историко-статистическое исследование

Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 31.03.2021.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,0. Уч.-изд. л. 32,39.
Тираж 1 000 экз. Заказ №

ООО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14